

*Светлой памяти коллег –
Елены Николаевны Черепановой,
Аскольда Александровича Щепинского,
Валерия Сергеевича Ольховского,
Виталия Александровича Колотухина*

ВВЕДЕНИЕ

Характеристика Северо-Западного Крыма, в качестве культурно-исторической области скифского и античного времени была дана в 70 годы прошлого века А. Н. Щегловым [Щеглов, 1978, с. 3 и сл.]. Вскоре, в скифской археологии появилась модель вариантов степной скифской культуры, созданная В. С. Ольховским [Ольховский, 1991]. При районировании крымских древностей скифского времени им были определены территориальные группы погребений, обладающие устойчивым сочетанием нескольких общих признаков. Одной из них, наиболее хорошо знакомой исследователю, была западнокрымская, занявшая при картографировании памятников территорию Тарханкутской возвышенности [Ольховский, 1991, рис. 11]. Спустя полтора десятилетия, в сущности, в тех же границах охарактеризовал основные типы погребальных сооружений IV в. до н. э. и Е. Я. Рогов [Рогов, 2005, с. 208]. Археологическое зонирование удивительным образом совпало с физико-географическими границами Тарханкутского поднятия, определенными географом П. Д. Подгородецким [Подгородецкий, 1988].

В 60-70-е гг. XX века стало понятно, что Северо-Западный Крым в скифо-античную эпоху состоял из двух взаимосвязанных в культурно-историческом отношении территорий – античной хоры и земель, занятых кочевниками или полукочевниками. На первом месте в исследованиях всегда стояла хора – сельскохозяйственная территория античных городов-государств, первоначально Керкинитиды, а затем и Херсонеса. Античные города и небольшие поселения Северо-Западного Крыма за многие годы были обстоятельно изучены П. Н. Шульцем, А. Н. Карасевым, М. А. Наливкиной, О. Д. Дашевской, И. В. Яценко, А. Н. Щегловым, Е. А. Поповой, А. С. Голенцовым, В. А. Кутайсовым, Е. Я. Роговым, С. Б. Ланцовым, В. Б. Уженцевым и их коллегами. И хотя хора не является предметом наших исследований, в дальнейшем придется вкратце охарактеризовать ее природный потенциал и пространственное развитие, так как скифское население, и в дохерсонесский период, и на херсонесском этапе колонизации присутствовало на приморских землях, занятых греками. В настоящее время большинство вопросов, связанных с территориальным и хронологическим развитием хоры считается решенным¹. Однако, наряду с несомненными успехами археологов-античников, следует отметить достаточно свободную интерпретацию ими греко-скифских взаимоотношений в IV в. до н. э. Обоснованная характеристика таких отношений появится не скоро. Обилие же противоречивых мнений, о тех или иных действиях скифов, вызвано отсутствием фактов, однозначно засвидетельствованных письменными источниками.

Несколько иначе обстоит дело со скифскими памятниками. На землях, расположенных восточнее побережья Северо-Западного Крыма исследование курганов развернулось в 60-80-е гг. XX века. Многолетние раскопки курганов вели А. А. Щепинский и Е. Н. Черепанова, В. С. Ольховский, В. А. Колотухин, в разном качестве в них участвовал и автор. Однако только недавно появились публикации материала, как правило, выборочные² [Колтухов, Андрух, 1994; Колотухин, 2000]³, или посвященные отдельным могильникам [Ольховский 1993; Колтухов, Тоцев, 1998; Колотухин, Колтухов, 2007 а; Копьева, Колтухов, 2010; Колтухов, 2010; Колтухов, 2010 а]⁴.

Поэтому, несмотря на то, что территориальные границы северо-западной группы скифской в целом очерчены,

¹ Тем не менее, автор не исключает, что после удревнения серии херсонесских клейм, предпринятого С. В. Полиным на материалах Александропольского кургана [Полин, 2010], последует корректировка в сторону удревнения штампов из нескольких хронологических групп херсонесского клеймения [Кац, 2007, с. 294-326]. Это может привести к понижению дат ряда сельских поселений, дальней хоры Херсонеса.

² Лишь две публикации относятся к 80-м годам XIX века [Ольховский, 1982; Ланцов, 1988].

³ Монография В. А. Колотухина [Колотухин, 2000], основанная на материалах Северо-Крымской экспедиции 80-х гг., оказалась при ближайшем рассмотрении, посвященной в основном памятникам Северо-Западного Крыма.

⁴ Отмечу, что материал, публикуемый в этой книге, имел долгую историю хранения, поэтому неоднородно его качество в описаниях и иллюстрациях.

представление об общем массиве памятников до сих пор отсутствует. Сведение воедино доступных автору материалов⁵, их верификация, новая интерпретация и издание первичной базы археологических источников, явились основной причиной подготовки этой книги. В значительной степени, мотивом для такого решения послужила появившаяся в российской археологической литературе серия монографических исследований «Некрополи Причерноморья» и публикация курганных могильников Среднего Подонья [Пузикова, 2001]. С другой стороны, в украинской скифологии вновь стало заметно направление, заложенное в 60-х гг. XX века исследователями Лесостепи. Оно характеризуется обобщением материалов на уровне локальных культурно – исторических областей Скифии [Колотухин, 2000; Былкова, 2007; Гребенников, 2008; Гречко, 2010; Кулатова, Супруненко, 2010]⁶.

На Крымском полуострове в скифское время таких групп было несколько. Поэтому автор ограничился анализом материала из Северо-Западного Крыма, который теперь охарактеризован по ландшафтным или физико-географическим районам. Такая группировка была принята как противоположность группировке по административным единицам широко распространенной новейшей археологии⁷. Картографирование скифских памятников по ландшафтным районам показало и степень археологической изученности территории (Рис. 2)⁸. Стало понятно, что в нашем распоряжении практически отсутствуют данные по Сасык-Альминскому району, а погребальные памятники Тарханкутского района, еще не подвергались целенаправленному исследованию.

Из многочисленных существующих периодизаций Европейской Скифии [Алексеев, 2003, с. 23], была выбрана принадлежащая В. А. Ильинской и А. И. Тереножкину, относившим памятники к раннему, среднему и позднему периодам⁹. Она в наибольшей степени отвечает нашим достаточно однообразным комплексам, слабо поддающимся хронологической дифференциации. Несколько менее приемлемо еще более простое деление на скифскую архаику и классику.

Существенно, что самые обстоятельные историографические обзоры адресованы хоре Херсонеса, то же можно сказать и о географических, и археологических характеристиках Северо-Западного Крыма [Щеглов, 1978; Подгородецкий, 1994; Ланцов, 2004; Кутайсов, 2010]. Все, что находилось за ее пределами, освещено либо бегло, либо не охарактеризовано вообще. В силу своих возможностей, автор попытался изменить эту ситуацию. Учитывая минимальные на сегодняшний день представления о варварских поселениях, они рассматриваются лишь в разделе, посвященном пространственной характеристике Северо-Западного Крыма в скифо-античное время. Основное же внимание уделено анализу погребального обряда и погребального инвентаря, свидетельствующих о социальной, а позднее и культурной однородности большинства памятников этой части Крымского полуострова. Существенные отличия от материковых степей и Крымского Присивашья здесь проявляются не изначально, а постепенно, и связаны с освоением природных ресурсов, изменением структуры хозяйства и ростом народонаселения. Скифская среда достаточно успешно воспринимала и заимствовала иные культурные традиции. Очевидно, спектр таких заимствований станет заметно шире при изучении так называемых варварских поселений, расположенных у границ или в границах античной хоры.

Считаю своим долгом выразить признательность рецензентам, сотрудникам отдела античной и скифской археологии Крымского филиала Института археологии НАН Украины, товарищам, с которыми пришлось в разные годы работать в Северо-Крымской экспедиции Института археологии АН УССР, а затем КФ ИА НАНУ. Благодарю за помощь С. Ю. Монахова, С. В. Полина, Т. Н. Смекалову, Т. А. Копьеву. Отдельная благодарность С. Б. Ланцову, С. Л. Смекалову и А. Л. Ермолину – коллегам, вместе с которыми мы впервые поставили задачу комплексного изучения памятников Северо-Западного Крыма и С. Н. Сенаторову, оказавшему существенную помощь в редподготовке книги.

⁵ Материалы В. С. Ольховского, необходимые для основных обобщений присутствуют в двух небольших статьях [Ольховский 1988, Ольховский, 1993], ежегодных заметках в АО, а в формализованной форме в одной из монографий [Ольховский, 1991]. Полная же публикация результатов этих раскопок – задача наших российских коллег.

⁶ Несомненно, первоначальные причины появления таких работ были различными, тем не менее, они принесли самые положительные результаты.

⁷ Однако, сколько-нибудь ярких локальных особенностей погребальных комплексов, при этом отмечено не было. Материал, в целом оказался близким, что имеет свою положительную сторону.

⁸ Картографические материалы, используемые в работе, взяты из электронного свода С. Л. Смекалова [Смекалов, 2004]. В последние годы огромную работу по изучению варварских и античных памятников западной части Тарханкутского района проделала Т. Н. Смекалова и ее коллеги [Смекалова, Столба, 2009; Смекалова, 2010; Смекалова, 2011].

⁹ Поздний период завершается концом IV – первыми десятилетиями III в. до н. э. Как показывают результаты раскопок последних лет, варварское население в III–II вв. до н. э. продолжает существовать в предгорной, а, возможно, и западной части Крымского полуострова, однако это особая тема, имеющая отношение уже к формированию и развитию позднескифской археологической культуры в Крыму.

ГЛАВА I.

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ КРЫМ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ АРХЕОЛОГОВ И ГЕОГРАФОВ

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

Изучение скифских памятников в Северо-Западной части Крымского полуострова представляет собой длительный, почти полуторавековой период, за который было раскопано несколько сот погребений, около сотни курганов и несколько десятков курганных могильников (Рис. 1). Первые работы начались еще в 80-х гг. XIX столетия.

В 1885 г. у с. Кара-Меркет [ОАК, 1882–1988, с. XLI–XLIII] было обнаружено богатое, но уже разрушенное скифское погребение V в. до н. э. Сам курган нередко называют Акмечетским [Мурзин, 1984, с. 36–37; Ольховский, 1991, кат. № 290]. На год позже, в этой же местности близ современного села Рылеевка была разграблена еще одна могила скифского воина [Зиновьев, 1957, с. 325]. Следующее сообщение об ограблении относится к 1894 г., когда по сведениям Ф. Ф. Лашкова у деревни Апан-Сарча, ныне ур. Баштановка была разрыта могила со множеством вещей, в том числе с золотой гривной [Лашков, 1895, с. 116; Петренко, 1978, с. 78, 215, табл. 32, 1]. В 1894 г. Ф. Ф. Лашков, произвел небольшие раскопки курганов у деревни Тавкель-Нейман, южнее Карамеркетского кургана и обнаружил два скифских захоронения [Лашков, 1895, с. 116–117, 133]. В 1914 г. стало известно, что, в 50–70 верстах от Евпатории, неподалеку от оз. Донузлав, еще в 80-е гг. XIX века было разграблено богатое скифское захоронение IV в. до н. э., достаточно условно называемое погребением в кургане «Чаян» [Shcheglov, Katz, 1991]. Однако здесь следует оговориться, связь комплекса с Крымом до сих пор строго не определена¹, хотя уже появилась развернутая географическая локализация этого объекта [Смекалова, 2011, с. 39 и сл.].² Этими сообщениями дореволюционные сведения о полевых находках в Западном Крыму исчерпываются.

М. И. Ростовцев анализируя крымскую подгруппу степных скифских погребений, специально обратил внимание на практически полное отсутствие сведений о курганах близ Евпатории и Калос-Лимена, где к тому времени, по его представлениям, был раскопан только один из них [Ростовцев, 1925, с. 396]³. Материалы же Акмечетского (Карамеркетского) кургана, ученый поставил в связь с Семибратними и Нимфейскими курганами, указав на культурную близость Западного и Восточного Крыма в V – IV вв. до н. э. и, кстати, четко отделив погребение с окрашенным костяком от более позднего скифского захоронения [Ростовцев, 1925, с. 400–401]. При этом, исследователь отмечал существование связи курганов Днепровской Лесостепи, Крыма и Кубани в V в. до н. э. [Ростовцев, 1925, с. 403].

Работы 20–30-х гг. собственно скифских древностей в Северо-Западном Крыму не затронули. В послевоенные годы единственной публикацией из области крымской скифологии, коснувшейся и этой части полуострова, стала статья Т. Н. Троицкой [Троицкая, 1950]. В ней были рассмотрены практически все скифские погребения, исследованные в Степном, Предгорном и Северо-Западном Крыму в последние десятилетия XIX – первой половине XX века, которых автор насчитала 89 [Троицкая, 1950, с. 107]. В основу группировки материала были положены различные виды погребальных сооружений. Однако в скифскую выборку попали и погребения из античных могильников Северо-Западного Крыма.

Из-за отсутствия новых материалов, Крым на несколько десятилетий практически выпал из круга интересов ведущих скифологов СССР. Поэтому, в обобщающих трудах 40–50-х гг., крымский контекст проступал лишь при характеристике расселения скифских племен в соответствии с этнокартой Геродота. Б. Н. Граков считал, что полуостров населяли царские скифы [Граков, 1947]. Такого же мнения придерживались В. А. Ильинская и А. И. Тереножкин [1957]. М. И. Артамонов, наоборот, рассматривал степное население античного Крыма, как скифов-кочевников [Артамонов, 1949]. С точки зрения методов историко-географического исследования, определенный интерес представляла более поздняя, но базирующаяся, на тех же материалах, работа Л. С. Клейна, разделившего, как Поднепровье, так и Крым на два пограничных ареала: восточный и западный. В западной части исследователь разместил скифов-кочевников, а в восточной скифов царских [Клейн, 1961].

Из полевых работ, имевших общий разведочный характер и проводившихся вдоль берега Перекопского залива, следует отметить обследование территории Раздольненского района, выполнявшееся Северо-Крымской экспедицией П. Н. Шульца в 1949 г. и начале 50-х гг. при паспортизации археологических памятников района и разбивке трасс

¹ См. Мозолевский, Полин, 2005, с. 25.

² Находки прошли через руки перекупщиков, неоднократно создававших подделки и формировавших недостоверные комплексы. К сожалению, несмотря на старания Р. Х. Лепера, покупка вещей Археологической комиссией не состоялась. В дальнейшем, некоторые предметы были приобретены Метрополитен-музеем. Сохранившаяся, но возможно не во всем достоверная часть этого комплекса стала достоянием науки только в 90-е гг. XIX века [Shcheglov, Katz, 1991].

³ Лишь в 80-х г. прошлого столетия С. Б. Ланцов ввел в научное обращение данные о раскопках курганов близ Керкинитиды, проведенных в 1916–1917 гг. Л. А. Моисеевым [Ланцов, 1988], а курганный некрополь Калос-Лимена по-настоящему начал изучаться лишь в 90-е гг. XIX столетия [Кутайсов, Уженцев, 1994, с. 179–180; Кутайсов, Анохин, Приднєв, Уженцев, 1997, с. 173–184]. Впрочем этот могильник нельзя отнести к скифским древностям. Он был курганным некрополем античного Калос-Лимена.

Северо-Крымского канала. В результате, в статье краеведа М. К. Зиновьева [Зиновьев, 1957] было охарактеризовано местоположение различных групп курганов и нескольких приморских поселений, в частности, двух поселений у с. Борисовка. На одном из них были найдены обломки амфор и чернолаковых сосудов III-II вв. до н. э., а на другом – фрагменты лепной и античной керамики IV-II вв. до н. э. Этнокультурная атрибуция этих памятников не проведена. Однако антиковеды, как правило, связывают такие поселения с пространственной структурой херсонесской хоры [Кутайсов, 2004, с. 117; Ланцов, 2004, с. 144]. В этой же статье упомянуто поселение у с. Кумовка, где Ю. Г. Колосов обнаружил лепную керамику эпохи бронзы и скифо-сарматской эпохи⁴.

Продолжили составление археологической карты Северо-Западного Крыма А. А. Щепинский и Е. Н. Черепанова, введя в научное обращение серию новых, а также ранее открытых П. Н. Шульцем поселений, располагавшихся на северном берегу Каркинитского залива, интерпретировав их как принадлежавшие скифам [Щепинский, Черепанова, 1974]. Впрочем, вскоре часть из них оказалась памятниками античной хоры, другая часть до сих пор считается скифской, возможно потому, что археологические работы на них не возобновлялись.

Завершила почти столетние эпизодические раскопки, разведки и экскурсии в скифскую историю монография А. Н. Щеглова. В исследовании⁵, посвященном античному и позднескифскому периодам в Северо-Западном Крыму⁶, ученый охарактеризовал известные ему скифские памятники. При этом исследователь отметил, что погребения скифов появляются здесь не ранее V в. до н. э., и исчисляются единицами, к IV в. до н. э., помимо погребений, происходящих из поселенческих некрополей хоры, можно отнести только могилу у Березовки⁷ [Троицкая, 1951, с. 94]. Интересно, что уже известные ему погребения в курганах, раскопанных А. А. Щепинским и Е. Н. Черепановой у оз. Джарылгач, но многие годы не издававшиеся [см. Колтухов, 2010 а], исследователь связал с зоной расположения приморских греческих поселений, то есть с хорой [Щеглов, 1978, с. 29-30]. Существенным дополнением к сказанному А. Н. Щегловым послужил небольшой доклад О. Д. Дашевской, в котором скифские погребения из Северо-Западного Крыма были охарактеризованы как кочевнические, поставлены в связь с предгорной группой скифских погребений и противопоставлены скифским древностям Восточного Крыма. Перечень захоронений дополнила могила воина из кургана в окрестностях с. Славное, в которой были зафиксированы остатки бронзового наборного пояса и меча, 50 бронзовых трехгранных наконечника стрел и оселок. Вывод же о необходимости пересмотра этнической основы кизил-кобинской культуры был интересен и близок взглядам А. А. Щепинского [Дашевская, 1981], вскоре он нашел свое развитие в этнокультурной характеристике степных погребений, предложенной В. С. Ольховским.

Начало обширных и планомерных раскопок курганов в западной части Крымского полуострова пришлось на окончание 60-х – начало 70-х гг. прошлого столетия. Собственно оно и стало началом первого этапа целенаправленного изучения скифских древностей Северо-Западного Крыма⁸.

Мелиоративные работы, повлекшие за собой массовое исследование курганов в Присивашье и в Восточном Крыму, долгое время не затрагивали Северо-Западный Крым. Здесь ситуация развивалась по-иному, вопрос об изучении курганов по началу не был связан с новостроечными раскопками на орошаемых площадях. В данном случае, изначально проявились интересы и инициативы археологов-античников. В конце 60-х гг. экспедиция под руководством И. В. Яценко приступила к многолетнему исследованию курганного и грунтового некрополя у с. Заозерное [Яценко, 1968; Коновалов, 1968] близ Евпатории, который, как правило, связывают с античным поселением Чайка. Вскоре, к раскопкам курганного некрополя античного поселения Панское приступил и А. Н. Щеглов.

Лишь в 1976 г. раскопки курганов начались в степи и затронули собственно скифские объекты. Здесь, у с. Колоски севернее Евпатории приступил к работам отряд экспедиции МГУ [Яценко, Ольховский, 1976]. Со временем он оформился в самостоятельную экспедицию ИА АН СССР, работавшую под руководством В. С. Ольховского на пространстве между г. Саки и оз. Донузлав. Впервые в Крыму задачей полевых исследований стало изучение преимущественно скифских памятников. Это произошло благодаря удачному совпадению научных интересов исследователя и скифской принадлежности большей части исследованных курганов. Скифские материалы из раскопок семи курганов вскоре были опубликованы [Ольховский, 1982].

Главной особенностью исследований В. С. Ольховского, была собственно скифская направленность. К характеристике Западного Крыма можно отнести вывод исследователя о распространении здесь элементов кизил-кобинской культуры, носителей которой античные писатели, не отличали от тавров [Ольховский, 1982, с. 78-79; Ольховский,

⁴ Однако, поскольку к этому памятнику никто из специалистов не возвращался, существует вопрос, была ли это керамика скифо-сарматского времени и почему в дневнике Ю. Г. Колосова не характеризуется гончарная керамика, которая всегда присутствует на скифских поселениях.

⁵ Книга Александра Николаевича Щеглова и в наши дни остается базовым исследованием по истории и археологии Северо-Западного Крыма в VI в. до н. э. – первых вв. н. э.

⁶ Приморские античные поселения и некрополи интенсивно изучались уже с 50-60-х гг. XIX столетия.

⁷ Погребение в Карамержетском или Акмечетском кургане.

⁸ Вероятно, он завершится этой книгой. Начало следующему этапу, как кажется автору, уже можно связать с исследованиями начатыми в XXI веке двумя группами археологов и геофизиков, с одной стороны С. Б. Ланцовым и С. Л. Смекаловым, с другой, Т. Н. Смекаловой и В. Ф. Столбой.

1993, с. 30-44)⁹. В середине 80-х гг. В. С. Ольховский на основе диссертации подготовил к изданию монографию, посвященную погребальной обрядности скифов Степного Причерноморья и Крыма. Памятники были разделены на три хронологические группы, относящиеся к VII-VI вв. до н. э., V в. до н. э. и IV-III вв. до н. э. [Ольховский, 1991]. Скифские и «скифоидные» погребения VII-VI вв. до н. э., происходящие из крымской степи и предгорий, были разделены на две типологические группы: «КК» - скифо-кизил-кобинскую и «С» – собственно скифскую. Характерными признаками первой являлись такие черты, как лощеная керамика с резным орнаментом, изредка элементы скорченности в положении погребенных, относительная бедность захоронений, редкость импортов и оружия, но при практически полном отсутствии таврских украшений. Со скифскими погребениями ее сближала типология могил, ориентация, присутствие жертвенной пищи, оружие. Исследователь считал, что памятники этой группы оставлены смешанным скифо-аборигенным населением [Ольховский, 1991, с. 85-86]. В сущности, соглашаясь с наличием в степно-предгорной части Крыма особой кизил-кобинской группы с иным, нежели у горцев погребальным обрядом, Валерий Сергеевич стал на позицию близкую гипотезе А. А. Щепинского, однако соотнес нижнюю хронологическую границу не с предскифским, а с раннескифским временем. Ученый полагал, что в V в. до н. э. число погребений, отнесенных к группе «КК», заметно уменьшилось, произошло ее сближение с группой «С». Возросло количество типов погребальных сооружений. В это время появились единичные катакомбы и деревянные гробницы, связанные со скифскими традициями, а также сырцовые гробницы, сооружавшиеся под греческим влиянием, хотя повсеместно преобладали традиционные грунтовые ямы или каменные ящики. Увеличилось число захоронений в грунтовых могильниках, что свидетельствует о начале оседлости у некоторых скифских и скифоидных групп. В инвентаре скифских погребений Крыма и Степного Причерноморья ярко проявились общие черты [Ольховский, 1991, с. 92-93]. По существу, такой же «скифизацией» и ассимиляцией завершался период культурного своеобразия аборигенов предгорья в представлении Т.Н. Троицкой. Среди памятников Крыма IV-III вв. были выделены локальные группы. Именно в исследовании В.С. Ольховского впервые было надежно обосновано наличие особой присивашской группы, характеризующейся грунтовыми могилами и катакомбами. Восточнокрымская группа отличалась большим количеством каменных склепов и ящиков. Две остальные группы - западная и предгорная занимали промежуточное положение между двумя первыми. От прежней группы «КК» в новой культурной общности сохранялись такие особенности, как скорченные захоронения, применение красной краски и темлощенная керамика. По представлениям исследователя, наиболее значительная плотность варварского населения в это время была показательна для Керченского полуострова, а наиболее низкая – для Присивашья, скорее всего, не имевшего оседлых обитателей [Ольховский, 1991, с. 148-149]¹⁰.

В 1990 г. в небольшом научно-популярном издании, написанном совместно с И. Н. Храпуновым [1990] исследователь высказал свое общее мнение о Крымской Скифии. В популярной форме было представлено описание основных скифских памятников VII-IV вв. до н. э., отмечено, что особенностью Северо-Западного Крыма является сочетание грунтовых могил и каменных гробниц, а также многочисленные скифские изваяния. Основная же часть работы посвящалась скифам в историко-культурном контексте крымского варианта степной скифской культуры.

В дальнейшем скифским изваяниям, в частности и западнокрымским, была посвящена серия статей [Ольховский, 1989; Ольховский, 1990; Ольховский, 1992; Ольховский, 1997]. Обстоятельная характеристика всех известных исследователю скифских антропоморфных изваяний была дана в каталоге, изданном в соавторстве с Г. Л. Евдокимовым [Ольховский, Евдокимов, 1994]. В последовавшем вскоре обширном исследовании антропоморфов и изваяний предскифского и скифского времени, В. С. Ольховский дополнил крымскую группу новыми находками, убедительно локализовав самую многочисленную, западнокрымскую часть в приморской зоне между озерами Сасык-Сиваш и Донузлав, в хронологических рамках IV – начала III в. до н. э. [Ольховский, 2005, с. 104-105].

С Западным Крымом в 70-90 гг. в большой степени были связаны и полевые работы Северо-Крымской экспедиции Института археологии АН УССР, а с 1992 г. - Крымского филиала ИА НАНУ, возглавляемой в период работ в Северо-Западном Крыму А. А. Щепинским, В. А. Колотухиным, а на завершающем этапе, в начале 90-х гг. и автором. Например, в первом же сообщении в АО-1966 г. читатель может познакомиться с представлениями А. А. Щепинского и Е. А. Черепановой о характере распространения скифских поселений в равнинном Крыму. Так число их возрастает по мере приближения к Керченскому и Тарханкутскому полуостровам, они тяготеют к Боспору и Керчинитиде¹¹ [Щепинский, Черепанова, 1967, с. 181-182]. В информационных сообщениях о работах экспедиции 1971 и 1972 гг. представлены сведения о раскопках курганов на Тарханкуте, где были обнаружены «кизил-кобинские» [по А. А. Щепинскому] погребения, а у с. Снежное Черноморского района найдены разрушенные скифские гробни-

⁹ Что, в принципе, соответствует мнению А.Н. Щеглова о равнинной «скифоидной» культуре части «тавров», инкорпорированных в скифский этнический массив [Щеглов, 1981].

¹⁰ Необходимо отметить и то, что в этой работе В. С. Ольховским был представлен каталог, учитывавший 360 скифских и скифоидных погребений Крымского полуострова.

¹¹ Однако многие из поселений Северо-Западного Крыма, охарактеризованных как скифские, в дальнейшем оказались памятниками хоры Херсонеса.

цы [Щепинский, 1972; 1973, с.355]¹². В 1973 г. были проведены раскопки могильника Братское в северо-восточной части Тарханкутской возвышенности, однако публикация материалов была предпринята лишь недавно [Колотухин, Колтухов, 2007а].

Следующим этапом интенсивных полевых исследований этой экспедиции в Северо-Западном Крыму стали 80-е гг. прошлого века. Изучение курганов в это время велись между оз. Донузлав и Евпаторией и на восточной оконечности Тарханкутской возвышенности [Колотухин, 2000; Ольховский, 1993; Колтухов, 2010]. В. А. Колотухин, изложил свои взгляды на скифские древности Степного Крыма в целом, но на основании материалов, полученных в ходе работ 80-х гг. проводившихся по большей части в северо-западной, части Крыма. Соответственно, оценки данные исследователем, могут быть распространены в первую очередь на Западный Крым. В монографии, каталог которой учитывал 65 новых погребений, введена иная, чем у предшественников хронологическая шкала. Автор предложил выделять периоды VI–V вв. до н. э., второй половины V – первой половины IV вв. до н. э. и середины IV – начала III вв. до н. э. [Колотухин, 2000]. По мнению исследователя, погребения VII и раннего VI в. до н. э. в Степном Крыму единичны и вписываются в общий круг рядовых погребений Степного Причерноморья – Приазовья. Возрастание числа захоронений приходится на вторую половину VI – первую половину V в. до н. э. и многие из них являются воинскими. Была высказана и гипотеза о перемещении горного населения в степные районы полуострова. Миграция происходила в конце VI – начале V вв. до н. э. в восточном и северо-западном направлении [Колотухин, 2000, с. 70]¹³. На завершающем этапе плотность скифского населения в степной части полуострова была наиболее высокой¹⁴.

В 1992-1993 гг. работы экспедиции сместились на северный берег Донузлава и к северным границам Тарханкутского полуострова [Колтухов, Кислый, Тошев, 1994, с. 84-97; Колтухов, Тошев, 2008, с. 98-158]. Тогда же, рассмотрев наиболее яркие воинские погребения V в. до н. э. в курганах Бокальского сухоречья, исследователи высказали предположение о том, что они тяготели к некоему греческому центру, возможно Тамираке [Колтухов, Андрух, 1995, с. 146-151; Andruh, Koltukhov, 1997, p. 5-6].

В 2004 г. вышла в свет монография И. Н. Храпунова, удачно сочетающая обстоятельную историографическую часть с изложением взглядов автора на варварское население Степного и Горного Крыма [Храпунов, 2004]¹⁵. Исследователем отмечена важная роль контактов со скифами для жителей Керкинитиды, широкое распространение каменных гробниц и склепов на этой территории, а погребение в кургане Чаян интерпретировано, как захоронение главы крупного племенного объединения скифов [Храпунов, 2004, с. 72, 74.]. Присутствие тавров в Северо-Западном Крыму подтверждалось кизил-кобинской лепной керамикой, производившейся явно на месте [Храпунов, 2004, с. 61]. Однако скифо-кизил-кобинские погребения Центрального и Западного Крыма И. Н. Храпунов рассмотрел как собственно скифские, но с лепной посудой, полученной от тавров [Храпунов, 2004, с. 52].

В том же году была издана монография С. Г. Колтухова и В. Ю. Юрочкина, [Колтухов, Юрочкин, 2004], где была охарактеризована история раскопок скифских курганов в Крыму. В более строгой форме, история исследований скифских памятников была изложена в отдельной статье [Колтухов, 2004в].

Представления антиковедов о характере взаимоотношений скифов и греков в Западном Крыму представляются автору системой положений, достаточно простой и понятной на раннем этапе. Однако, со времени начала херсонесской колонизации Северо-Западного Крыма, она утрачивает единство, простоту и убедительность. Анализ собственно скифских материалов, с успехом привлекался к историческим интерпретациям лишь однажды [Рогов, 2005, с. 137-210].

Поскольку изучение дальней хоры Херсонеса в Северо-Западном Крыму было и является одной из важнейших задач антиковедов, стоит заметить, что сам Херсонес, по крайней мере, до середины IV в. до н. э., был отделен от Скифии землями тавров, поэтому, вопрос о контактах с классическими скифами ставился редко¹⁶. Впрочем, недавно было высказано предположение о том, что с V в. до н. э. прямое сообщение между предгорной территорией, занятой скифами в Юго-Западном Крыму и Херсонесом, было возможным и осуществлялось по узкой полоске приморской лесостепи, лежащей между устьем Качи и Гераклеийским полуостровом [Колтухов, 1998; ср. Рогов, 1999, с. 123]¹⁷.

Керкинитиды и скифы. Материалы этого памятника, в V в. до н. э., убедительно отражает особенности взаимоотношений колонистов и скифов. Для раннего этапа греческой колонизации долгое время была важна задача локализации ионийской Керкинитиды – Керкинитиды, которую, в конце прошлого столетия успешно решил В. А.

¹² В научный оборот материалы скифских курганных могильников у сел Межводное и Водопойное ведены лишь недавно [Колтухов, 2010б]. Сохранившиеся материалы раскопок могильника у с. Снежное впервые издаются в этой книге.

¹³ Идея, безусловно, интересная, но вряд ли ее можно обосновать лишь распространением каменных гробниц.

¹⁴ К сожалению, склепы в этой книге, как отметил в своей рецензии И. Н. Храпунов, так и не были опубликованы [Храпунов, 2001, с. 516].

¹⁵ Основные положения этого исследования были высказаны неоднократно, в предшествующих трудах автора [Храпунов, 1995; Храпунов, 2002; Храпунов, 2003].

¹⁶ Исключением служит статья, посвященная, не столько взаимоотношению Херсонеса со скифами, сколько взаимоотношениям города с варварами в более позднее время [Пяташова, 1957].

¹⁷ Не исключено, что это и привело к появлению в ближайшей округе Херсонеса поселений со скифо-кизил-кобинской лепной керамикой [Рогов, 1999, с. 120-121]. Однако, по мнению автора, выделение в таком комплексе скифского пласта крайне проблематично.

Кутайсов, убедительно расположив этот город на Евпаторийском городище [Кутайсов, 1990]. За ней последовал отнюдь не новый вопрос о локализации Дандаки и Тамираки, греческих городов, известных по письменным источникам. В. А. Кутайсов, вполне обоснованно предлагает рассматривать их как греческие колонии, выведенные в Западный Крым во второй половине VI в. до н. э. [Кутайсов 2004, с. 104 – 106]¹⁸. Такой подход к проблеме существенно расширяет представления о колонизационной активности греков в Западном Крыму, и Керкинитида перестает выглядеть случайным явлением, оказываясь лишь наиболее успешной в ряду ионийских апоек, выведенных в эту часть Скифии.

На этапе освоения побережья греками, основой характеристики их взаимоотношений со скифами служат письменные источники и археологические материалы Керкинитиды [Кутайсов, 1990; Кутайсов 2004], основанной не ранее второй половины VI в. до н. э. [Кутайсов, 1990, с.35-39; Вдовиченко, 2008, с. 80]. Единственный греческий полис Северо-Западного Крыма, известный археологам, был охарактеризован Гекатеем Милетским¹⁹, как город скифский [Нес., 153]. Видимо указание Гекатея можно воспринимать как свидетельство размещения апойкии на землях Скифии [ср. Нег. IV., 55. 59]. Обширные исследования Евпаторийского городища, проведенные В. А. Кутайсовым и его коллегами, позволили выделить в истории города начальный период с земляночным строительством, сменившийся в первой половине V в. до н. э. этапом наземного домостроительства.

На втором, уже урбанизационном этапе жизни полиса особый интерес вызывает возникновение закрытого комплекса дома 24, относящегося к 480-470 гг.²⁰, свидетельствующее о военных действиях затронувших Каркинитиду, а каких либо иных противников у каркинитов, кроме скифов в это время не усматривается. Общее напряжение военно-политической ситуации в Северном Причерноморье в 90-70-х гг. V в. до н. э., в результате возросшей скифской военно-политической активности, существовало, по мнению Ю. Г. Виноградова, вплоть до установления протектората скифов над Ольвией и Керкинитидой [Виноградов, 1983, с. 400-404; Виноградов, 1989, с. 90]. В Побужье оно вылилось в запустение хоры [Марченко, 1980, с. 142] и привело к урбанизации Ольвии. В. А. Кутайсов отметил для этого времени явную близость некоторых моментов политической и градостроительной истории этого полиса и Керкинитиды [Кутайсов, 1990, с. 146-147].

Столь же явно признаки набегов или осад с первой четверти V в. до н. э. фиксируется на азиатском Боспоре, а во второй четверти этого же столетия и на европейском Боспоре [Толстикова, 1984; Толстикова, Ломтадзе, 2001, с. 402-405; Масленников, 2001, с. 310,311; Завойкин, Сударев, 2005, с. 123, 127-129]. Сложную ситуацию большинство исследователей связывает со скифской военной активностью. Как показывают материалы Керкинитиды, положение дел в Северо-Западном Крыму не отличалась в лучшую сторону. Поэтому возведение первой городской стены Керкинитиды в конце первой трети V в. до н. э. [Кутайсов, 1990, с. 43] стало реакцией на губительную агрессивность варваров.

Вполне вероятное вхождение Керкинитиды в Афинский морской союз, реконструируемое по податному списку 425 г. до н. э., могло послужить причиной освобождения от скифского протектората [Кутайсов, 2004, с. 108]. Строительство новой городской стены в конце V в. до н. э. [Кутайсов, 1990, с. 51], по времени может следовать письму Апатурия, в котором упомянута дань или подать скифам [Соломоник, 1987; Виноградов 1989, с. 91], и послужить наглядным примером усиления города вернувшего себе независимость.

Появившиеся около середины IV в. до н. э. монетные выпуски Херсонеса и Керкинитиды, с военной символикой и строительство в то же время очередной крепостной стены в Керкинитиде, В. А. Кутайсов объясняет союзом, сложившимся под эгидой Гераклеи между скифами Атея, Херсонесом и Керкинитидой и направленным против Боспора. Однако, именно в этот момент взгляды антиковедов на историю Керкинитиды, хоры Херсонеса и связанную со всем этим деятельность скифов начинают приобретать самые причудливые формы [см. Кутайсов, 2004, с. 113 и сл.]²¹.

Безусловно, важен вопрос о развитии хоры Керкинитиды. Первоначально, потенциальную земельную округу города В.А. Кутайсов размещал между Сасык-Сивашским и Биюк-Мойнакским озерами [1990, с. 150-151], тем са-

¹⁸ Для определения местоположения Дандаки не было найдено достаточных оснований. Для локализации Тамираки наиболее подходит район современной Бокальской косы [Кутайсов, 2004, с. 104-106]. К сожалению, такая локализация не подтверждается археологическим материалом, возможно остатки городка находятся под водой. Не исключены и другие пути решения этого вопроса.

¹⁹ Скорее всего, эти сведения относились к этапу основания колонии.

²⁰ Временем сооружения здания В. А. Кутайсов посчитал рубеж первой и второй четверти V в. до н. э. [Кутайсов, 1990, с. 70]. На полу его помещений были обнаружены пять амфор, отнесенных С. Ю. Монаховым к 80-70 гг. этого столетия [Монахов, 1999, с. 87-88]. Весьма интересной оказалась информация Э. А. Кравченко о том, что основная масса проанализированной ей лепной керамики Керкинитиды, была обнаружена в помещениях дома 24, вокруг него и под ним, и относится ко времени не позднее середины V в. до н. э. [Кравченко, 2009, с. 189, 197]. И. И. Вдовиченко отметила, что находки основных групп ранней расписной керамики фиксируются в районе домов 19 и 24, под ними и в их помещениях [Вдовиченко, 2008, с. 80]. Следовательно, наряду с амфорами на полах здания 24 находилась лепная и расписная керамика. В этой ситуации вполне вероятным представляется единовременное возникновение комплекса находок, связанное с внезапной гибелью зданий.

²¹ Исторический раздел книги В. А. Кутайсова включает в себя качественное и обстоятельное историографическое исследование, посвященное рассмотрению многочисленных мнений и интерпретаций письменного и археологического материала, а в библиографическом списке, наиболее полно из всех существующих на 2004 г., представлены все работы, касающиеся исторической, географической и археологической проблематики Северо-Западного Крыма.

мым, оставляя свободной и доступной для варваров, территорию к северу и югу от Керкинитиды. Позднее, границы хоры Керкинитиды, простирались от оз. Кизил-Яр до оз. Донузлав [Кутайсов, 2004, с. 114-115], ограничив свободный выход степняков к морю. Подчинение, или же вхождение Керкинитиды в состав Херсонесского государства вполне обоснованно было отнесено ко времени после середины IV в. до н. э.

Представления о некрополе Керкинитиды существенно дополнил С.Б. Ланцов, опубликовавший, в соавторстве с В. А. Кутайсовым серию погребений из грунтового могильника Керкинитиды [Кутайсов, Ланцов, 1989]. Самостоятельно С. Б. Ланцовым были изданы материалы нескольких курганов, раскопанных Л. А. Моисеевым в окрестностях древнего города [Ланцов, 1988]. Впрочем, скифская атрибуция погребений из этих курганов может вызывать сомнения²². Интересным событием стало недавнее издание яркой статьи Э. А. Кравченко, посвященной лепной керамике Керкинитиды, при анализе которой скифского компонента обнаружить не удалось [Кравченко, 2009]²³.

Столь важный аспект, разделения хоры Херсонеса и скифских земель, а так же возможных в этой ситуации конфликтов, на раннем этапе антиковедческих исследований был выражен опосредованно, в основном в пространственно-административных определениях границ гипотетических херсонесских владений. Например, Ю. В. Готье допускал, что восточная граница хоры Херсонеса в Степном Крыму тяготела к Боспорскому царству, места для свободных скифов не оставляя [Готье, 1925, с. 183]. Л. А. Моисеев, предполагал аренду городом у скифов территории всего Северо - Западного Крыма [Моисеев, 1918, с. 254]. Более осторожно охарактеризовал приморские владения херсонеситов С. А. Жебелев, отводивший им все западное побережье Крыма до Ак-Мечети. При этом, ученый полагал, что «равнина», упомянутая в присяге херсонеситов, граничила со скифскими владениями [Жебелев, 1953, с. 220]. Лишь в 30-х гг. П. Н. Шульц произвел археологическое определение северной и восточной границы приморских владений греков в Северо-Западном Крыму. По его мнению, с IV в. до н. э. на побережье существовали укрепления, греческие и скифские, а их взаиморасположение отражало напряженный характер отношений с варварами [Шульц, 1937; 1941]²⁴. В соответствии с этим, Н.В. Пятышева рассматривала скифо - херсонесские контакты в Северо-Западном Крыму, как враждебные, причем, основное внимание уделялось событиям III-II вв. до н. э., отраженным в письменных источниках. О. Д. Дашевская отвергла предположение об аренде херсонеситами скифских земель, но не предложила какого-либо альтернативного варианта [Дашевская, 1971, с. 153.].

Успешное начало херсонесской колонизации Северо - Западного Крыма А. Н. Щеглов связал с общей дестабилизацией Скифии в последние годы правления Атея и в период, последовавший после его смерти. Эта ситуация позволила Херсонесу в союзе с Керкинитидой захватить приморские земли. Для освоения новых пространств Херсонес переселил сюда часть зависимого таврского населения из Юго-Западного Крыма²⁵. Тогда же было отмечено и сокращение хоры в результате событий, происходивших в течение двух-трех начальных десятилетий III в. до н. э. [Щеглов, 1978, с. 119, 127]. Гибель многочисленных херсонесских поселений была связана с катастрофой, ставшей результатом сарматского вторжения в междуречье Дона и Днепра. При этом специально отмечалось: разрушителями херсонесских усадеб в новой ситуации могли стать и сами скифы [Щеглов, 1984, с. 49].

Новая гипотеза о появлении в Северо-Западном Крыму ольвиополитов [предшественников херсонесских колонистов], основавших в начале IV в. до н. э. поселение Панское, указывала на вероятность конфронтации их с Херсонесом во второй или в третьей четверти IV в. до н. э. Данное предположение, первоначально высказанное А. Н. Щегловым и Е. А. Роговым, нашло поддержку у Ю. Г. Виноградова [Щеглов, Рогов, 1985; Виноградов, 1989]. По сути дела, представления о первоначальном скифо-херсонесском противостоянии в Северо-Западном Крыму сменились гипотезой об ольвийско - херсонесской войне [Виноградов, Щеглов, 1990, с. 322-323]. Впрочем, длительной поддержки среди археологов и новых сторонников эта конфликтная версия не получила. Интересно, что в то же время было высказано предположение о военном союзе Херсонеса и Керкинитиды, направленном против варваров [Колесников, 1985]. Оно, изначально, внесло опасную деформацию в нестойкую «конструкцию» ольвийско-херсонесского конфликта. Позднее В. Б. Уженцев и В. А. Кутайсов, вполне убедительно синхронизировали форт Панское, ранний жилищно-хозяйственный комплекс Калос-Лимена и их курганные могильники. Все эти памятники, по их мнению, появились не позднее первой четверти IV в. до н. э. и, несомненно, принадлежали ионийскому населению [Кутайсов, Уженцев, 1997].

²² Курган 3, несомненно, относится к V в. до н. э. однако, трапециевидная могила ориентирована широкой частью на восток, что встречается не так часто в скифских погребениях Крымского полуострова. Обильный керамический комплекс, включающий в себя и расписную керамику, может быть характерен лишь для скифской знати, с чем никак не соотносятся более чем скромные размеры кургана высотой 0,25 м и диаметром 9,1 м. Это вряд ли позволит связать курган с кочевым народом [см. Ланцов, 1988, с. 77]. Сомнительно также, что к скифским захоронениям могут быть отнесены могилы с восточной и северо-восточной ориентацией из кургана 4, скорее всего они греческие.

²³ Можно не соглашаться с некоторыми аспектами ее классификации и хронологических предпочтений, но необходимо признать, что объединив лепную керамику в единый комплекс и охарактеризовав его как таврский, исследовательница более чем успешно вывела за пределы научной дискуссии скифский этнический компонент Керкинитиды. Интересно, к чему это приведет?

²⁴ Впоследствии эта гипотеза была убедительно опровергнута А. Н. Щегловым и О. Д. Дашевской.

²⁵ Особый интерес естественно вызывает вопрос о том, где концентрировалось это население и где его следы, поскольку оно уже несколько десятилетий ускользает от пристального внимания исследователей. Стремясь разгадать эту загадку, Т. Н. Смекалова недавно разместила неких тавров или тавро-скифов на западной оконечности Тарханкутского полуострова [Смекалова, 2011, с. 43 и сл.], где действительно много разновременных археологических памятников, которые еще предстоит исследовать.

Опыт обобщений, в какой-то степени позволяющий понять характер греко - скифских взаимоотношений, пришелся на конец 80-х - начало 90-х гг. В. Ф. Столба высказался в пользу мнения о достаточно благоприятном восприятии скифами и Керкинитидой экономического роста Херсонеса во второй половине IV в., сопровождавшегося освоением херсонеситами Северо-Западного Крыма [Столба, 1990, с. 7,12], а изучение лепной посуды, найденной на поселениях херсонесской хоры, дало основание для заключения о постоянном присутствии скифов в среде херсонесских колонистов. В этой же работе было достаточно убедительно показано то, что отношения Херсонеса со скифами прервались в первой трети III в. до н. э. [Столба, 1990, с. 11,12].

В диссертации С. Б. Ланцова, посвященной истории Северо-Западного Крыма в составе херсонесского государства, была уточнена хронология херсонесских поселений. Их появление отнесено к началу последней трети IV в. до н. э. Свободное же внедрение херсонеситов в Северо-Западный Крым связывалось с необходимой для скифов, а также жителей Керкинитиды и Херсонеса, защитой береговой линии от высадки македонского десанта, ставшей возможной после 331 г. [Ланцов, 1991, с. 13]. Трудно сказать насколько это верно, но создание симмахии, направленной против возможной агрессии Македонии или другого противника, одним из условий которой было свободное освоение Херсонесом западного побережья, теоретически может объяснять беспрепятственность и интенсивность херсонесской колонизации²⁶. Гибель многих из поселений первого этапа херсонесской колонизации произошла не ранее 60-х гг. III в. до н. э. и была следствием враждебных действий скифов. [Ланцов, 1991, с. 11, 14]. Сравнительно недавно исследователь в нескольких статьях скорректировал и дополнил свое мнение о размерах хоры Херсонеса и скифо-херсонесских взаимоотношениях [Ланцов, 2004; Ланцов, 2008]. Хора была охарактеризована как непрерывная приморская полоса, простиравшаяся вдоль западного побережья Крымского полуострова, а возможно достигавшая на материке р. Каланчак. Хронологические рамки ее существования – последняя треть IV в. до н. э. – первая четверть или треть III в. до н. э. [Ланцов, 2004, с. 140; Ланцов, 2008, с. 101]. Связи Херсонеса в это время распространяются на такие крупные центры Скифии, как Каменское и Елизаветовское городище [Ланцов, 2008, с.102]. Освоение же этой обширной территории херсонеситами было поставлено в зависимость от системы причерноморских договоров, возникших в связи с возрастанием опасности македонской агрессии [Ланцов, 2008, с. 103]. На рубеже IV–III вв. до н. э. исследователь увидел рост территориальных скифских претензий к Херсонесу. Это предположение базируется на интерпретации принятой в период смут присяги херсонеситов [Ланцов, 2008, с.105]. В начале III в. до н. э. кризис был преодолен, хотя херсонесская община вынуждена была до 80-х гг. этого столетия платить форос скифам. Чрезвычайные меры, по усилению государства и его оборонительного потенциала привели к прекращению выплаты дани, но на непродолжительное время. Разгром хоры в ходе скифских набегов произошел в конце первой трети – середине III в. до н. э. [Ланцов, 2008, с. 104-106].

Херсонесская колонизация Северо-Западного Крыма, в нынешних представлениях В. А. Кутайсова, достаточно широко датирована второй половиной IV в. до н. э. и рассматривается как агрессивная дорийская модель. Она сопровождалась оборонительным строительством на новых поселениях, последнее велось по причине потенциального вооруженного конфликта со скифами [Кутайсов, 2004, с.113-114]. Размеры хоры херсонесского времени, протянувшейся вдоль западного побережья Крыма, были достаточно велики, при этом влияние Херсонеса могло простираться до поселений расположенных на материковом, северном берегу Перекопского залива [Кутайсов, 2004, с. 117; Буйских, 1986, с.24]. Интересно, что в катастрофе конца первой трети III в. до н. э. стены Керкинитиды устояли, хотя округа ее была разорена [Кутайсов, 2004, с.122-123].

В свою очередь, в своих последних с работах Е.Я. Рогов выводил херсонесскую колонизацию из существования союза между Керкинитидой и Херсонесом, поддержанного Гераклеей и направленного против варваров. Его функционирование привело к освобождению Керкинитиды от скифской зависимости в середине-третьей четверти IV в. до н. э. Появление же херсонеситов в Северо-Западном Крыму объяснялось не только притязаниями городской общины, но и интересами метрополии, Гераклеи Понтийской, которая после победы Левкона над Феодосией, утратила доступ на боспорский хлебный рынок. Активная же экспансия Херсонеса в Северо-Западный Крым была отнесена исследователем к концу третьей четверти IV в. до н. э. Для нас же, чрезвычайно важно то, что исследователь признавая существование дорийской модели освоения Северо-Западного Крыма в херсонесский период, писал о включении варваров в культурное пространство эллинских общин и усвоении обеими сторонами инокультурных традиций [Рогов, 1999; 2005, с. 185, 196 - 210].

В свою очередь, В. Б. Уженцев, посвятивший монографическое исследование Калос-Лимену [Уженцев, 2004], следы разрушения ионийских поселений, таких как раннее Панское, отмеченных в третьей четверти IV в. до н. э., связал с нападением номадов, склоняемых к этому Херсонесом. Позднее, в херсонесский период отношения жителей Северо-Западного Крыма со скифами развивались довольно мирно. Массовое разрушение херсонесских по-

²⁶ Впрочем, учитывая тенденцию к постепенному сползанию начала херсонесской колонизации ко второй половине третьей и последней четверти IV в. до н. э., ее можно связать и с военно-политическими коллизиями, связанными со скифо-боспорской войной, упомянутой в речи Демосфена против Формиона, что вполне вероятно, и даже с результатами разгрома скифов в боспорской усадьбе Сатира, Притана и Евмела, что мало вероятно. Но, с другой стороны, разгром в ней скифов может объяснять спокойное развитие хоры Херсонеса в конце IV-го – первой четверти – трети III в. до н. э. В общем, выбор есть.

селений в Северо-Западном Крыму, предпринятое кочевниками [скифами или сарматами], было датировано концом первой – началом второй трети III в. до н. э.

Несколько лет назад В.М. Зубарь, весьма обстоятельно изложил свои взгляды на взаимоотношения греческого населения Керкинитиды, Херсонеса и поселений дальней херсонесской хоры со скифами [Зубарь, 2004]. Например, выплата дани Керкинитидой во второй половине V в. до н. э., по мнению ученого не была устойчивым и долговременным явлением. Город выплачивал дань не регулярно, а периодически, в связи с появлением кочевников под его стенами [Зубарь, 2004, с. 24]²⁷. Некоторая неясность возникала в связи с попыткой ликвидации «ольвийского» периода в истории поселения Панское²⁸. Впрочем, исследователь совершенно справедливо видел признаки участия жителей Побужья в освоении Северо-Западного Крыма в херсонесский период [библиографию см. Зубарь, 2004, с. 37]. Военно-политическая дестабилизация в Северо-Западном Крыму около середины IV в. была связана В. М. Зубарем не с войной между полисами, а с военно-политической активизацией скифов [Зубарь, 2004, с.36]. Интересно и новое предположение о восстановлении независимости Керкинитиды у рубежа IV–III вв. до н. э., и охране границ отложившегося района скифской кочевой ордой [Зубарь, 2004, с. 51]²⁹.

Развитие представлений о территории занятой хорой Херсонеса базируется на уже упомянутых выводах А. Н. Щеглова и развернутой аргументации С. Б. Ланцова, позволившей соединить в единый массив прибрежные земли всего Западного Крыма, и вывести северную часть хоры на материк. Однако сравнительно недавно автор высказал гипотезу о том, что хора на первом этапе херсонесской колонизации не ограничивалась известной исследователям прибрежной полосой, на которой фиксируются признаки упорядоченного античного землепользования [Щеглов, 1978, с. 86-101; Крыжицкий, Щеглов, 1991; Николаенко, 1999; Николаенко 1999а; Николаенко, 2001], предположив, на ограниченном тогда материале, существование периферийной зоны с постоянными или сезонными поселениями, занятой смешанным херсонесским или скифским населением. Вероятной, на периферии представлялась система расселения, близкая системе античных деревень на Керченском полуострове [Колтухов, 2004а].

Вскоре появились аргументы в пользу такого предположения. В.А. Кутайсов показал возможность распространения херсонесской хоры вглубь суши [Кутайсов 2010, с. 291]. Через несколько лет был получен и фактический материал, сначала в северной части Тарханкута, в ходе реализации Джарылгачского международного проекта³⁰, а затем на западной оконечности и в южной части Тарханкутского полуострова, но уже в рамках Западно-Крымского археологического проекта. Здесь были выполнены обширные разведочные работы [Смекалова 2010, с.4]³¹. В результате были обнаружены и локализованы не менее 90 разновременных поселений³² и множество курганов, и большинство их было датировано эллинистическим временем, причем, предположительно³³.

Охарактеризованные памятники, расположены вдоль края Тарханкутского полуострова в местах, связанных с системами балок, с доступной водой, строительным камнем и почвами пригодными, как для скотоводства, так и для земледелия. Поселения состоят из различного числа отдельных жилищно-хозяйственных комплексов с зольниками. По мнению Т. Н. Смекаловой, такие комплексы, связаны с расположенными поблизости курганами³⁴. Границы родов³⁵ собственности на землю фиксировали курганы, межевые полосы «длинных полей» представляли собой

²⁷ Однако такой вывод был ошибочно обоснован отсутствием в Северо-Западной Таврике значительного массива погребальных памятников скифов V в. до н. э. Судя по полевым работам А. А. Щепинского, Е. Н. Черепановой, В. С. Ольховского, В. А. Колотухина, а затем и автора, плотность скифских погребений в западной части Крымского полуострова не ниже, а возможно и выше чем в Степной Скифии.

²⁸ Как уже отмечалось С. Н. Сенаторовым и С. Г. Колтуховым, лепная керамика усадьбы Панское I/6 явно свидетельствует о связи с ольвийско-нижнеднепровским регионом [Сенаторов, 2002, с. 142 – 147; Колтухов, 2004, с.101].

²⁹ К сожалению, остается совершенно не ясным, где, откуда и куда кочевала эта орда, да и вопрос о времени ее существования не однозначен.

³⁰ Проект реализовывался совместно с КФ ИА НАНУ [Смекалова, Столба, 2009, с. 5]

³¹ При оценке деятельности Т. Н. Смекаловой, в первую очередь следует видеть огромный труд по картографированию археологических памятников и созданию их магнитных планов, и лишь во вторую очередь нередко наивную аргументацию этнокультурных, хронологических и иных исторических интерпретаций этих объектов.

³² Недавно общее количество поселений увеличено до 120 [Смекалова, 2011, с.41].

³³ В одной из междисциплинарных работ середины 80-х гг. археологи и географы насчитали в Крыму не менее 11000 курганов, из которых было раскопано около 800, а сами же раскопки были задокументированы в 640 случаях. По данным этих исследователей, на Тарханкутском полуострове располагалось 1880 курганов [Подгородецкий, Щепинский, Шумская, 1983, с. 61-62]. В качестве основы для расчетов была использована та же, что и у Т. Н. Смекаловой карта М 1:42000. Как показывают полевые наблюдения С.Л. Смекалова, С.Б. Ланцова и автора, малые курганы отображались не всегда, но увеличение их общего числа до 5000 [см. Смекалова, 2010а, с. 83-104], возможно лишь на основе тезиса «Все мыслимое возможно».

³⁴ Подобные поселенческие структуры мало отличаются или не отличаются от близких по времени и синхронных деревень Восточного Крыма, обстоятельно описанных И. Т. Кругликовой, А. А. Масленниковым, А. В. Гавриловым, знакомых и автору [Кругликова, 1975, с. 53-98; Масленников, 2001, с. 91 и сл.; Масленников 1998; Масленников, 2010; Гаврилов, 2004, с. 51-55; Колтухов, 2004б, с. 225-226]. В реконструкциях явно чувствуется хорошее знакомство с топографическим моделированием комплексов по принципам, определенным А.А. Масленниковым для варварских поселений глубинной части Восточного Крыма [см. Масленников, 1998]. Вот только, ссылки на большую часть упомянутых выше работ у Т.Н. Смекаловой отсутствуют, да и предложенная хронология объектов требует серьезного подтверждения и обоснования. Не менее ответственным заявлением является факт впервые установленной связи между каменными гробницами скифо-античного времени Восточного и Северо-Западного Крыма [Смекалова, 2010, с. 59-65]. Впрочем, их сходство устанавливалось и ранее [ср. Колотухин, 2000, с. 71; Колтухов, 2005а, с. 239-243]. Сожалею, но заявленный Татьяной Николаевной научный прорыв, конечно, вполне вероятен, но он еще далеко впереди.

³⁵ Точнее бы сказать, общинной собственности.

следы землепользования варваров, а само население Тарханкута состояла из кочевых скифов и оседлых племен, родственных племенам кизил-кобинской культуры, вытесненных скифами на Тарханкутский полуостров [Смекалова 2010, с.57-66]³⁶.

Таким образом, анализ представлений, сложившихся к концу прошлого - началу нынешнего столетия, свидетельствует о том, что они достаточно строго разделяются на скифологические и антиковедческие. Скифологами было обосновано существование на раннем этапе в Северо-Западном Крыму, как типичных скифских погребений, так и близких им погребений, характеризующихся керамикой кизил-кобинского облика. Возникновение же локальной группы скифских памятников на этой территории, было отнесено ко времени не ранее конца V - IV в. до н. э. Особого интереса к греко-скифским взаимоотношениям, эта группа исследователей, работающая в основном с привлечением археологического материала, не проявила. Именно этого направления будет в дальнейшем придерживаться и автор.

Бесспорное же присутствие скифов, используется антиковедами, в качестве этнографического и военно-политического фона, на котором протекала колонизационная, военная, дипломатическая и хозяйственная деятельность ионийцев, ольвиополитов и херсонеситов. Как показано выше, извлеченные из связанного контекста обстоятельных исследований коллег, рассуждения о роли скифов в тех или иных событиях IV в. до н. э., практически ни в чем не совпадают. Причина этого разнообразия едина. Все перечисленные умозаключения, не основаны на строгих письменных или археологических источниках.

Другая сторона вопроса о взаимоотношениях скифов и Херсонеса связана с разграничением дальней хоры полиса и скифских земель. Здесь, благодаря многолетним работам В. А. Кутайсова и С. Б. Ланцова, археологическим разведкам Т. Н. Смекаловой и В. Ф. Столбы, приближается момент истины. Появляется строгость и обоснованность суждений археологическим материалом. Впрочем, этот вопрос мы рассмотрим отдельно.

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РЕГИОНА (Рис. 2, 3, 2).

К настоящему времени географами предложена откорректированная система физико-географического районирования Северо-Западного Крыма³⁷. Ее основные положения были опубликованы в 60-х гг. прошлого века и принадлежат П. Д. Подгородецкому [Подгородецкий, 1961, с. 39-41; Подгородецкий, 1962, с. 14 и сл.]. Геоморфолог выделил в географических границах Тарханкутской возвышенно-равнинной степи 4 ландшафтных района (Рис. 2): Самарчик-Чатырлыкский, Бакальский, Тарханкутский, а также Донузлав-Сасыкский [Подгородецкий, 1974, с. 3]. К Северо-Западному Крыму Петр Дмитриевич относил и Сасык-Альминский район Центрально-Крымской равнинной степи [Подгородецкий, 1988, с.152-155; СЗКАЭ, 1994, с.7]. В современном административном делении Северо-Западный Крым включает Черноморский район, значительную часть Сакского, Раздольненского, и Первомайского районов, а также западную часть Симферопольского и Бахчисарайского районов Автономной Республики Крым. Общая площадь составляет около 5600 кв. км (Рис. 2).

Сасык-Альминский район (Рис. 2. 3, 2) является низменной частью Центрально-Крымской степи и представляет собой равнинно-лощинную местность со слабым уклоном к морскому побережью [Подгородецкий, 1988, с. 154]. С востока на запад земли пересекают мощные балки, ведущие к соленым озерам: Сасык-Сивашскому, Сакскому, Кизил-Ярскому и оз. Богайлы. Вдоль балок и в низинах распространены лугово-черноземные почвы, на остальной территории южные черноземы залегают на красно-бурых глинах и глинисто-галечных горизонтах. В историческое время здесь преобладали типчаково-ковыльные и разнотравные типчаково-ковыльные степи. Западнее, вдоль Сакской мулды расположены галогенные местности с песчаными пляжами и галофитными лугами.

В донных отложениях Сакского озера возрастом 1500-2000 лет обнаружена пыльца дуба, бука, лещины, ольхи, граба, тополя и каштана [Борисов, 1956, с. 532-540; Маслов, Филин, 1976, с. 175-182], видимо берега озер и балки, ведущие к этим озерам, были покрыты лесостепной растительностью. Карбонатность современных почв свидетельствует о сухом климате, а исчезновение лесостепи, в свою очередь, связано с изменением климата произошедшем в железном веке [Ланцов, 2003, с. 8-9]. Современный климат здесь характеризуется сухостью, сильными ветрами, малым количеством осадков, высокой летней температурой. В скифо-античное же время климат был более прохладным и влажным [Подгородецкий, 1988, с. 132]. В настоящее время постоянное присутствие пресных вод отмечается в балках, ведущих к оз. Богайлы в виде двух ручьев. На карте четырехверстке 1817 г. признаки постоянных водотоков отмечаются в балках Сакского (Тузла), Кизил-Ярского (Камышлы) озер и оз. Богайлы. На четырехверстовой карте 1842 г., нанесены три речки (ручья) в балках, ведущих к оз. Сасык-Сиваш (Гнилое Соленое озеро) и две речушки, впадающие в оз. Богайлы (Кичик-Бель). На карте трехверстке 1865-1876 гг., водоток у оз. Сасык-Сиваш

³⁶ Впрочем, всего лишь через год, это население превратится в тавров, тафриев и в тавро-скифов [Смекалова 2011, с. 42 и сл.]. Выводы исследовательницы слишком часто не зависят от возможностей интерпретации полученного материала, на что справедливо указал А. А. Масленников [Масленников, 2011, с.198 и сл.].

³⁷ Различия существуют лишь в локализации границ на севере или юге. Северную границу иногда смещают от Бокальского оз. к устью р. Самарчик, южную – от устья р. Альма к устью р. Западный Булганак. Автор, на основе распределения археологических памятников (об этом ниже), склонен проводить границы по Бокалу и Западному Булгануку.

отмечен в балке у с. Джага-Кушю (ныне Охотниково) и у оз. Богайлы [Кичик-Бель]. На более поздней верстовой карте Крыма водотоки фиксируется в верховьях оз. Сасык-Сиваш [L XI-9], оз. Сакское [L XII-10], оз. Кизил-Яр [L XIII-10] оз. Богайлы [L XIII-10]. Соответственно, можно предположить, что в отдельные годы позапрошлого века, видимо холодные и влажные, водоснабжение озер Сакской мульды могло быть достаточно длительным.

Тарханкутская возвышенность (Рис. 2, 3, 2) расположена на пространстве от оз. Сасык-Сиваш на юге до Бокальского сухоречья на севере и до Чатырлыкской балки на востоке, состоит из четырех районов [Подгородецкий, 1988, с. 152].

Донузлав-Сасыкский ландшафтный район, занимающий широкое межозерье мало отличается от описанного выше Сасык-Альминского района, его объединяют с ним в единую приморскую низменно-аллювиально-пролювиальную степь [Щеглов, 1978, с. 13], слабо наклоненную к морю (Рис. 2, 3, 2). Побережье представляет собой череду пляжей и пересыпей озер, сформированную морскими наносами. Степь рассечена многочисленными балками и сухоречьями, ведущими с востока на запад к соленым озерам: Сасык-Сивашскому, Мойнакскому, и нескольким меньшим озерам лагунного типа [Кутайсов, 2010, с. 297]. Почвы – в основном карбонатные маломощные южные черноземы, по склонам и террасам преобладают карбонатные каштановые почвы, в балках – луговые солонцеватые черноземы [Кутайсов, 2010, с. 305-306]. По мнению В. А. Кутайсова, которое автор полностью разделяет, в античное время вокруг оз. Сасык-Сиваш, так же как и вокруг Сакского озера, существовали леса, а многие балки были обводнены [Кутайсов, 2010, с. 307-308]. Несколько иначе могли выглядеть глубокие сухоречья, в них из-за интенсивной фильтрации закарстованных известняков, постоянные водотоки маловероятны, однако возможно существование обильных источников карстовых вод [ср. Подгородецкий, 1974, с. 20-21]. Климат близок к климату Сасык-Альминского района, однако количество солнечных дней здесь несколько меньше.

Тарханкутский район (Рис. 2, 3, 2) занимает западную часть Тарханкутского поднятия. На юго-западе и северо-западе он ограничивается высоким обрывистым клифом, на юге дуга побережья представляет собой приморскую равнину шириной в несколько километров, тянущуюся вдоль берега по направлению к оз. Донузлав. В восточном направлении его граница проходит по берегу озера до его верховьев, а далее поворачивает на северо-запад и вновь выходит к морю у Ярылгачской бухты. Эта часть Тарханкутской возвышенно-равнинной степи отличается сложным и развитым увалистым рельефом. С запада на восток вытянуты два основных увала – антисинклиналя: Меловой (Тарханкутский) и Джангульский (Оленевский), высота которых достигает 179 и 140 м (Подгородецкий, 1974, с.8). Между увалами расположено понижение - синклиналий, именуемое Дозорненской котловиной. Склоны увалов рассечены многочисленными оврагами и балками, ориентированными, в основном, в меридиональном направлении. Наиболее значительными являются балка Кульшеихская, ведущая из внутренней части Тарханкутского полуострова к пгт. Черноморское и балка Старый Донузлав, которой на востоке заканчивается Дозорненская котловина. Почвы Тарханкутского каменисто-степного района [Щеглов, 1978, рис. 23] черноземного типа и разделяются на синклинально- котловинные, кустарниково-степные, наклонно-равнинные, лощинно-балочные слабогумусированные [Подгородецкий, 1988, с. 153]. Как показали недавние работы сотрудников КФ ИА НАНУ, а также Т. Н. Смекаловой, поселения скифо-античного времени, расположенные в этом ландшафтном районе, ориентированы на балки, и расположены вдоль них, за пределами предполагаемых сельскохозяйственных угодий с плодородными землями [Смекалова, 2010, с. 57]³⁸. В верховьях некоторых балок в виде рощиц сохраняется древесная и кустарниковая растительность. По общепринятому ныне заключению А. Н. Щеглова, в античное время на Тарханкуте существовала лесостепь, состоявшая из древесно-кустарниковой растительности. Анализ остатков материалов усадьбы Ветреная и Панское I свидетельствуют об использовании древесины дуба, бука вяза, можжевельника, тополя, клена. Следовательно, лесные массивы, развивавшиеся по типу современных предгорных «дубков», состояли преимущественно из широколиственных рощ, где преобладали дуб и вяз, а вытеснение лесостепи степью относится уже к позднескифскому времени [Щеглов, 1978 с. 24-25]. Соглашаясь с существованием лесостепи необходимо принять и иной гидрологический режим этой территории. Именно тогда станет понятно, почему многочисленные поселения [Смекалова, 2010], группируются вдоль оврагов и балок западной части этого «лесостепного острова» [Щеглов, 1978, с. 25, 27]. Здесь могли и должны были существовать постоянные водотоки [Кутайсов, 2010, с. 310], а в засушливые годы воду можно было получать из колодцев, доходящих до водоносного слоя, глубина залегания которого в лесостепи могла быть и выше уровня морской поверхности [ср. Бильде и др., 2007, с. 1].

Современный климат этой части Тарханкута умеренно-теплый степно-морской с жарким засушливым летом и мягкой зимой. Количество солнечных дней в году до 280. В древности из-за лесостепной растительности и предположительно более высокой температуры Черного моря, в прибрежной зоне климат мог быть более мягким [Щеглов, 1978, с. 27].

Бакальский ландшафтный район (Рис. 2, 3, 2) примыкает с северо-востока к Тарханкутскому и отделен от него Джарылгачской впадиной, у приморской оконечности которой расположено Джарылгачское соленое озеро. Северная граница района проходит от Бокальского побережья на восток к с. Крыловка Первомайского района, близ границы южных черноземов и лежащих севернее темнокаштановых солонцеватых земель. В рельефе района господ-

³⁸ Ср. Гарбузов, 2009, с. 129 и сл.

стует Бакальский увал высотой до 75 м. На севере равнинно-лощинная местность представляет собой наклонную к северу степь, рассеченную Бакальским сухоречьем, ведущим к одноименному озеру и системой оврагов и балок, связанных с этим сухоречьем. Рельеф заметно беднее Тарханкутского, на небольших сохранившихся участках степи преобладает типчаково-ковыльная растительность. Побережье представляет собой невысокий абразионный клиф, известняковый на юго-западе и глинистый на северо-востоке. Возможно, в античное время здесь и существовали островки лесостепи, однако в наши дни их следов не наблюдается. Климат умеренно теплый с жарким засушливым летом и мягкой зимой, однако количество солнечных дней ниже, чем в Тарханкутском ландшафтном районе.

Наиболее восточная часть возвышенности характеризуется как *Самарчик-Чатырлыкский* район (Рис. 2. 3, 2), глубоко вдающийся в Степной Крым и выполаживающийся к северу, югу и востоку. Ландшафт увалистый, на пологих склонах возвышенности носит равнинно-лощинный характер. Для почв характерны южные и южные карбонатные черноземы. Растительность степная, в основном типчаково-ковыльная. Тарханкутскую возвышенность, наибольшая высота которой здесь достигает 136 м, с запада на восток пересекает глубокая Чатырлыкская балка общей протяженностью 106 км³⁹. Она по широкой дуге плавно поворачивает на северо-запад, ограничивая ее с востока и превращается в степную речушку Чатырлык. Верхняя часть балки не имеет постоянной воды в настоящее время представляет собой сезонный водоток. У пос. Войково (Кизлар, Айбар на картах XIX в.) некоторые карты на протяжении 2-3 км зафиксировали следы короткого, местами прерывающегося водотока. В настоящее время здесь видны остатки мелких запруд. К востоку и северу от Чатырлыка начинается система разветвленных балок, впадающих в Западный и Южный Сиваш. Западнее Чатырлыкской расположены две крупные балки – Донузлавская и Каймачинская, тянущиеся на запад к оз. Донузлав. Западная часть района характеризуется развитой системой многочисленных сухих, радиально сходящихся балок, расположенных в верховьях Самарчикского сухоречья. В северной части оно переходит в речушку Самарчик. Между ее устьем и устьем р. Чатырлык находится р. Воронцовка, один из притоков Чатырлыка⁴⁰. Об обводненности этой системы в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке может свидетельствовать небольшое поселение, обнаруженное в верховьях одной из балок. Оно расположено в 0,5 км к востоку от с. Воронки Раздольненского района. На северном склоне балки, на площади менее 1 га, при свежей распашке, заметны следы двух-трех зольников с обломками лепной керамики эпохи поздней бронзы, встречаются единичные рваные камни, которые можно охарактеризовать как строительные. Несколькими находками представлены обломки амфор IV-III вв. до н. э. Следовательно, и в историческое время балки Самарчик-Чатырлыкского района могли представлять собой местами постоянные, местами временные водотоки. Судя по особенностям короткого участка Чатырлыкской балки у пос. Войково, поселения, скорее всего редкие или исключительно сезонные в верховьях, сезонные или постоянные ближе к устью, а также скотоводческие стоянки могли располагаться у выходов воды – подов и источников, существование которых вполне вероятно при более влажном климате. На Присивашской равнине, там, где водотоки были постоянными, их следует искать у русел рек и у их притоков [Щепинский, Черепанова, 1968, с. 13-14].

Климат района умеренно-континентальный, характерен для умеренно теплых степей, летом жаркий засушливый, в западной части очень засушливый. Зима сравнительно холодная с невысоким снежным покровом.

Побережье. В направлении с севера на юг расположены берега Бакальского, Тарханкутского и Донузлав-Сасыкского физико-географических районов,⁴¹ каждый из которых имеет свои особенности, ярко проявляющиеся при характеристике побережья (Рис. 3, 2). Его описание достаточно полно представлено в многочисленных, издающихся с середины XIX века лоциях Черного моря. К югу от Бакальской косы начинается западная часть Каркинитского залива со слабо изрезанным низким северо-западным берегом, простирающимся до западной оконечности Тарханкутского полуострова. В нынешнее время, от оконечности Бакальской косы в море уходит скрытая под водой банка, в южной части которой находится Бакальский проход, ведущий вдоль крымского берега в Бакальский залив, расположенный к северо-востоку от косы. От Бакальского озера на юго-запад, по направлению к Ярылгачскому заливу, берег в северной части глинистый, а южнее скалистый высотой до 5-10 м, рассечен небольшими балками и оврагами и постепенно понижается. В местах выхода к морю балок и крупных оврагов образуются небольшие песчаные пляжи – пересыпи, за которыми периодически скапливаются штормовые морские и пресные сточные воды, образуя небольшие озера, как правило, высыхающие в летние месяцы. В Ярылгачской бухте высота берега, опоясанного песчаными пляжами, минимальна. Далее к юго-западу, вплоть до бухты Узкая, на берегу которой находится современный пгт. Черноморское и городище Калос-Лимен, высота скального клифа не превышает 10 м. В направлении на юго-запад, вплоть до мыса Прибойный, высота скального берега увеличивается местами до 50 м, а затем постепенно понижается в направлении Караджинской бухты. В приглубой Караджинской бухте между мысами Прибойный и Тарханкутский, берег низкий, сложенный из глин, лежащих на известняковой скале. За Караджинской бухтой скалистый берег имеет в целом восточное направление. У бухт Большой и Малый Атлеш его высота достигает 30 м, а затем он постепенно понижается до 10-5 м по направлению к мысу Урет (Ойрат). Далее на восток

³⁹ Чатырлыкская переводится с тюркского как «установленная шатрами».

⁴⁰ Последняя, нередко именуют еще одним Самарчиком, слово может быть переведено с тюркского как «речка».

⁴¹ Чатырлык-Самарчикский район Тарханкутской возвышенности не имеет выхода к морю.

по направлению к пересыпи оз. Донузлав, скала уходит под воду, берег вновь становится глинистым, а высота его редко превышает 5-10 м. За пересыпью Донузлава, по направлению к мысу Евпаторийский, низкая береговая черта проходит в юго-западном направлении, включает пересыпи нескольких озер. От мыса Евпаторийский открывается Каламитский залив, спускающийся на юг до мыса Лукулл. Он начинается Евпаторийской бухтой, в глубине которой расположен город Евпатория и древняя Керкинитида. Южнее, вдоль берега Каламитского залива берег представляет собой прогиб Сакской мульды с песчаным аккумулятивным берегом, на котором чередуются мощные пересыпи озер Сасык-Сиваш, Сакское и Кизил-Яр и широкие пляжи, отделяющие от моря древние глинистые берега с отмершим стабилизировавшимся клифом. Вплоть до Кизил-Яра берег низкий песчаный, за пересыпью этого озера он переходит в обрывистый интенсивно абразирующий клиф, сложенный из глин и конгломератов, высотой от 5 до 10 м, прерываемый песчаной пересыпью оз. Богайлы и устьем р. Западный Булганак. От устья Булганака, судя по обилию курганов и особенностям рельефа, археологически начинается Крымское предгорье.

Изменению уровня моря в северо-западной части Крыма посвящена серия работ, недавно специально рассмотренных В. А. Кутайсовым [Кутайсов, 2010, с. 300-304]. Он пришел к выводу о том, что в связи с морской трансгрессией, берег с античного времени отступил вглубь суши на 50-100 м. Изменение уровня моря по сравнению с серединой – второй половиной I тыс. до н. э. фиксируется по разному, из-за локальной тектоники. Например, в районе Керкинитиды – Евпатории он изменился на 2 м, на поселении Хуторок, между Евпаторией и Донузлавом на 3 м, в районе Калос-Лимена на 1,5-1,75 м. Усадьба Панское IV обнаружена на глубине 3,5-4 м, под илами озера Панское, что объясняется расположением памятника в зоне быстро погружающейся Джарылгачской синклинали. В районе поселения Маслины изменение составляет не менее на 1,5 м⁴². Таким образом, учитывая то, что побережье испытывает здесь разнонаправленные движения, можно считать, что средним значением для Северо-Западного Крыма окажется подъем моря на 2-2,5 м.

Соленые озера, балки и сухоречья (Рис. 3, 2). В западной части Крымского полуострова вдоль побережья расположены многочисленные минеральные озера образовавшиеся на месте морских заливов, а так же озера лагунного типа отделенные от моря песчаными пересыпями. К числу полностью сложившихся относят пересыпи Сакского и Донузлавского озера, через остальные морская вода могла перекачиваться во время штормов [Курнаков, Кузнецов и др., 1936, с. 93]. Чередование морских и лиманных моллюсков в озерных илах говорит о периодически возникавшей связи минеральных озер с морем [Дзенс-Литовский, 1935, с. 78]. Со стороны моря питание озер осуществляется штормовыми и фильтрационными водами. Питание со стороны суши происходит за счет пресных поверхностных, преимущественно паводковых и ливневых вод, а также подземных вод. Географически, минеральные озера этой части Крымского полуострова разделяются на две большие группы: Тарханкутскую и Евпаторийскую [Олиферов, Тимченко, 2005, с. 200]. К Тарханкутской относятся озера Бакальское, Джарылгачское, Караджинское, Донузлавское. В систему Джарылгачского озера входит оз. Ярылгачское, являющееся его юго-западным лиманом. Юго-западнее, за небольшим лессовым полуостровом расположено оз. Панское. В систему Караджинского озера, представляющего собой отшнурованное пересыпью мелководное продолжение Караджинской бухты, можно включить малые озера Большой и Малый Кипчак. Оз. Донузлав завершает эту группу на востоке. Евпаторийская группа начинается за Донузлавом Ойбурским озером, за которым, по направлению к мысу Евпаторийский лежат малые озера: Аджибайчикское, Аирчинское. Галгасское, Соленое, Ялы-Майнакские Большое и Малое, Майнакское, Малое Отар-Майнакское. Южнее, в Каламитском заливе расположены озера: Сасык-Сиваш, Сакское, Круглое (Сухое), Кизил-Яр и Богайлы. Наиболее крупные озера образовались при подтоплении морем приустьевых частей глубоких балок и сухоречий и возникновении песчано-галечных пересыпей. Единственным пресным озером является Акмечетское, находящееся в глубине бухты Узкая, закрытой от прямой морской волны. Годовой максимум в озерах относится к марту месяцу, минимум приходится на июнь-июль. Донные отложения большинства озер имеют бальнеологическую ценность. Плиний Старший при описании Таврики упоминал местность Парасин с землей исцеляющей раны [Plin.NH] С. Б. Ланцов, несколько сезонов исследовавший античное святилище на пересыпи Сакского озера, при локализации города Парасин высказал дополнительные аргументы в пользу гипотезы Ю. А. Кулаковского, поддержанной М. В. Скржинской [Кулаковский, 1896, с. 2; Скржинская, 1977, с. 70-72], о нахождении его в Западном Крыму близ Сакского озера [Ланцов, 2003, с. 7-8].

Специальное исследование, посвященное вероятности существования озер и морских заливов в античное время недавно предпринял В.А. Кутайсов, посчитавший древними озерами Кизил-Яр, Сакское, Сасык-Сиваш, Бююк-Мойнакское, Ойбурское и Донузлав [Кутайсов, 2010, с. 295]. Время образования Бакальского озера, с темносерыми илами, засоренными раковинами морских и лиманных моллюсков в настоящее время определить сложно. Не исключено, что в античное время здесь существовал неглубокий морской залив. Видимо, так же выглядело и оз. Богайлы. В силу сказанного мы приводим краткие характеристики озер, выделенных В. А. Кутайсовым. На современном их состоянии отразилась сильная антропогенная нагрузка. Поэтому за основу их описания мы берем

⁴² В целом, гипотеза Н. С. Благоволина и А. Н. Щеглова о изменении уровня моря в Западном Крыму с V в. до н. э. на 2-3 м [Благоволин, Щеглов, 1968, с.54] является наиболее приемлемой.

данные, полученные в первой половине прошлого столетия⁴³.

Оз. Донузлав расположено между Тарханкутским полуостровом и Евпаторийским плато, обладает явными признаками вытянутой с запада на восток речной долины с берегами, глинистыми на западе у моря и высокими скальными восточнее. Наиболее вероятно его происхождение от трещины поперечного сдвига [см. Щеглов, 1978, с. 22]. Площадь озера 47 кв. км, протяженность с запада на восток около 30 км, ширина в приустьевой части до 4 км. Наибольшая глубина до проведения дноуглубительных работ и удаления части пересыпи составляла 25 м. По берегам в западной части озера существуют лиманы. Берега изрезаны оврагами и балками. Протяженность пересыпи около 10 км, ширина до 600 м. По мнению специалистов, изучавших озеро в первой половине прошлого столетия, пересыпь образовалась в историческое время, ранее озеро представляло собой залив наподобие бухт Севастополя. Основным аргументом для такой реконструкции служат особенности рапы и относительно слабые иловые отложения при большой глубине озера. При сравнении этого озера с Сакским и Сасык-Сивашским озерами, характеризующимися первоначальной большой глубиной и мощными иловыми отложениями, достигающей 23-24 м, различие состоит в слабости донных отложений Донузлава [Курнаков и др. 1936, с. 96]. Впрочем, существование или озера, или залива в античный период, по мнению А. Н. Щеглова, все же остается дискуссионным [Щеглов, 1978, с. 22-23]. Отсутствие крупных античных поселений по берегам Донузлава, свидетельствует о том, что оно не было включено в систему морских каботажных путей [Кутайсов, 2010, с. 294.]. Питание озера водами моря осуществляется за счет фильтрации и периодических, прорывов пересыпи с морской стороны. Питание пресными водами, поверхностными и глубинными, настолько интенсивно в северной части озера, что вода здесь постоянно бывала пресной и засолялась лишь при западных ветрах [Курнаков и др., 1936, с. 98]. В районе с. Красноярское и сейчас действуют несколько источников, пробивающихся из скального грунта ниже уровня поверхности воды. Сток поверхностных вод в северную часть озера происходит периодически, по хорошо проработанным балкам Донузлавской, выраженной на протяжении 11 км, Стародонузлавской, протяженностью около 24 км и Каймачинской, протяженностью более 26 км, а так же меньшим балкам, расположенным по берегам озера.

Оз. Сасык-Сиваш самое крупное из минеральных озер Крымского полуострова имеет площадь около 71 кв. км. Отделено от моря песчаной пересыпью протяженностью 14 км, шириной от 1,6 до 0,9 км [Курнаков и др., 1936, с. 22]. Расположено, между Евпаторией и материковым выступом Кара-Тобе, скорее всего древним морским мысом, закрытым ныне широким песчаным пляжем, соединенным с пересыпями Сакского и Сасык-Сивашского озера. Наибольшая длина и ширина озера близки 18 км, глубина составляет около 1, 2 м [Курнаков и др., 1936, с. 22-23], мощность илов местами превышает 20 м. Северное и северо-восточное побережье озера образованы несколькими заливами, глубоко вдающимися в сушу, полуостровами и мысами. От северного залива в северном же направлении отходит Маматкуйская (Ташкинская) балка протяженностью около 17 км. На северо-восточном берегу наиболее выражена Рунновская балка протяженностью около 15 км. Восточнее от сел Охотниково - Журавли начинается Барановская балка протяженностью более 20 км. В этот же залив впадают Листовская, Любимовская и Надеждинская балки. К югу от полуострова Красный, через с. Шелковичное проходит балка Темеш протяженностью не менее 18 км. В силу этого, озеро рассматривают как устьевое расширение пяти крупных балок, в глубокой древности бывшее морским заливом. Питание озера происходит за счет очень незначительного поступления морских фильтрационных вод, обильного поступления пресных подземных вод, выходящих в виде источников у берегов озера, а большая площадь водосбора периодически дает большое количество сточных вод поступающих по многочисленным балкам.

Оз. Сакское площадью 15,7 кв. км имеет такую же извилистую форму, как озера Донузлавское и Джарылгачское. Его протяженность от пересыпи к востоку, судя по карте трехверстке 1865-1876 гг., еще до разделения озера на отдельные водоемы, была близка 8 км, а ширина у пересыпи достигала 3,5 км, что близко его современным размерам. Современная ширина пересыпи 500-600 м. Берега озера низкие, глубина на непо потревоженных участках не превышает 1 м. Мощность иловых отложений местами более 20 м. Питание озера осуществлялось за счет фильтрации морской воды, пресных подземных вод и поверхностного водостока [Курнаков и др., 1936, с. 42-65]. С восточной стороны озера расположены устья двух балок, хорошо выраженных на протяжении 13-16 км. Мощный слой самосадочной соли, отложившийся на дне озера, как правило, связывают с резким изменением климата, произошедшим несколько позднее интересующего нас скифского периода⁴⁴.

Оз. Кизил-Яр площадью около 6, 8 кв. км, вытянуто с запада на восток на протяжении 5, 65 км, ширина у пересыпи достигает 2,5 км. Современная ширина пересыпи от 80 до 120 м, в 30-е гг. XIX века, она достигала 170 м [Курнаков и др., 1936, с. 66]. Глубина озера менее 1 м, мощность иловых отложений в средней части озера составляет 13,5 м. Берега сложены из сулинков и конгломератов. Южный берег высокий, эта особенность характерна для приустьевых участков почти всех рек Юго-Западного Крыма. В верховьях озера в 30-е гг. отмечали существование плавневого участка, заросшего тростником, питаемого несколькими родниками. Самоизливающиеся артезианские колодцы у с. Ивановка свидетельствуют о наличии подземных вод [Курнаков и др., 1936, с. 65-66]. Из трех ба-

⁴³ Однако именно тогда началась интенсивная выборка пески из пересыпей Сакской и Сасык-Сивашского озера [см. Дзен-Литовский, 1935, с. 54; Ланцов, 2003, с. 7].

⁴⁴ Библиографию см. Щеглов, 1978, с. 27.

лок впадающих в озеро, основной является Кизилярская, представляющая собой завершение хорошо выраженной предгорной системы обводненных балок, начинающихся на внешнем склоне третьей горной гряды близ Симферополя. На карте четырехверстке 1817 г. по этой балке показан постоянный водоток примерно от с. Бутке⁴⁵ и до озера, названный р. Тобе-Чокрак [Смекалов, 2004]. Карта 1842 г., составленная в этом же масштабе фиксирует постоянный водоток до с. Тулат⁴⁶. На верстовой карте конца XIX века сухое русло реки доведено до озера. На современной километровой карте показано три постоянных притока реки, впрочем, не доходящих до озера. Последнее позволяет предположить существование в древности постоянного стока в озеро или залив.

О существовании речушек и ручьев в западной, заселенной в эпоху бронзы и железном веке, части Тарханкутского полуострова свидетельствует р. Кара-Мили, близ с. Морское (Рис. 2), стекающая с высот на юго-западную прибрежную равнину. Она же изображена на карте четырехверстке 1817 г. [Смекалов, 2004]. Исток речки расположен у с. Чокрак. Последнее название прямо указывает на источник. В системе балок, выходящих на поселение Тарпанчи, обнаружено, по меньшей мере, 4 поселения, обозначенных на карте Т. Н. Смекаловой (Рис. 5) под №№ 6, 7, 9, 11 [Смекалова, 2010, рис. 112.]. Два ручья в балках на этой же верстовой карте видны (рис. 2) и у брошенного с. Осли (Ой-Эли, Меловое), где располагалось поселение, возникшее не позднее IV в. до н. э.

Интересно наблюдение Н. С. Благоволина и А. Н. Щеглова о расположении поселений в местах с доступным по глубинам залеганием пресных вод в понт-меотических и сарматских известняках [Blagobolin, Scegllov 2002, p. 285]. Небезынтересна и гипотеза о связи группы поселений нового времени, расположенных на высоте 25-30 м над оз. Джарылгач с водой из трещиноватых сарматских известняков, залегающих на водоупорных глинах нижнесарматского горизонта [Смекалова, 2010, с. 11]. Впрочем, эти поселения расположены на обширных выносах из глубоких балок северного склона увала, что позволяет реконструировать и не столь трудоемкую систему водоснабжения. В любом случае, можно считать, что западная лесостепная часть Тарханкутской возвышенности в раннем железном веке была достаточно обводнена, а отсутствие обильных водой речек, происходящие из-за интенсивной фильтрации в известняках основных котловин, могло замещаться ручьями, источниками и колодезьями.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБЛАСТЬ

Как уже отмечалось, она впервые выделена и охарактеризована А. Н. Щегловым [Щеглов, 1978], понимавшим под этим термином пространство, лежащее между Перекопом и Сакско-Евпаторийскими прибрежными землями [Щеглов, 1978, с. 3]. В представлениях археологов, высказанных в 80 - начале 90-х гг., Северо-Западный Крым в скифо-античное время включала в себя Альминскую низменность и Тарханкутскую возвышенную равнину [СЗКАЭ, 1994, с. 7].

Недавно В. А. Кутайсов предложил считать Северо-Западным Крымом меньшую структуру, в целом совпадающую с Тарханкутской возвышенностью. Границы ее проходили на севере по Бакальской косе, на востоке по Чатырлыкской балке, на юге по северному берегу Сасык-Сивашского озера, на западе по морскому побережью [Кутайсов, 2010, с. 291]. Однако Альминская низменность в территорию Северо-Западного Крыма не была включена. Трудно объяснить такое решение, так как приоритетной характеристикой в аграрной колонизации исследователь считает коммуникативность или развитость транспортной системы⁴⁷. Следовательно, исключение из земледельческого района Сасык – Альминских ландшафтов, в северо-западной части которых расположена и сама Керкинитиды, не более чем досадная ошибка⁴⁸. Ее случайность подтверждается тем, что активная хозяйственная деятельность керкинитов велась на пространстве между Донузлавским и Кизилярским озерами [см. Кутайсов, 2004, с. 13].

Границы. В моделировании границ существует картина в принципе близкая физико-географическому районированию. Однако необходимо учесть, что археологи-античники, воспринимая регион в единстве, основное внимание

⁴⁵ Современное с. Ключи у г. Симферополя.

⁴⁶ Современное с. Скворцово (Симферопольский район).

⁴⁷ Исследователь, безусловно, прав в том, что в Северо-Западном Крыму существовала прекрасная возможность создания как сухопутной, так и каботажной инфраструктуры. Однако на раннем этапе аграрной колонизации во второй половине VI–V в. до н. э., такая сеть могла существовать на ограниченном пространстве исключительно близ Керкинитиды. В конце V – первой половине IV в. до н. э., судя по появлению на южном берегу Сакского озера такого поселения как Новофедоровка [Ландов, 1994; Рогов, 1999], граница хоры могла сместиться на 17 км к юго-востоку от Керкинитиды. Впрочем, из-за протяженной дуги восточного побережья оз. Сасык-Сиваш, наиболее вероятным представляется появление этого поселения как дальнего выселка Керкинитиды, расположенного на землях, связанных с городской хорой по пересыпи оз. Сасык-Сиваш. На северо-западе хора Керкинитиды на рубеже V-IV вв. и в первой половине IV в. до н. э. могла ограничиваться районом Чайки и мыса Евпаторийский [Колесников, Яценко, 1989, с. 58; Рогов, 1999]. Появление в первой четверти IV в. до н. э. поселения Панское, расположенного на берегу Ярлыгачской бухты, скорее всего, связано с освоением приморских земель, осуществлявшимся не из Керкинитиды. При измерении расстояния по прямой, Панское оказывается в 60 км к северо-западу от Керкинитиды, а при измерении по предполагаемому корабельному ходу в 140 км от этого города и в 200 км от Ольвии. Можно согласиться с достаточно распространенным среди исследователей мнением [см. Рогов, 2005, с. 183-186], что исходным пунктом колонизации в этом случае, мог быть и иной город. Оформление же единого протяженного массива сельскохозяйственных земель, произошло только на херсонесском этапе, не ранее второй половины IV в. до н. э.

⁴⁸ На территории выпавшего физико-географического района расположена не только сама Керкинитиды, но и окружающие ее греческие поселения и усадьбы.

все же уделяют границам хоры. В представлении автора, так же как и в представлениях В. С. Ольховского и Е. Я. Рогова на первое место следует ставить регион в целом, дальняя хора Херсонеса лишь один из этапов его развития.

По мнению А. Н. Щеглова в позднеклассическое и раннеэллинистическое время Северо-Западный Крым представлял собой область, служившую со второй половины IV в. до н. э. сельскохозяйственной базой Херсонеса [Щеглов, 1978, с. 3; Рогов 2005, рис. 12, 2]. По мнению С. Б. Ланцова, в целом близкому представлениям А. Н. Щеглова, прибрежная зона обитания соединялась с херсонесскими памятниками Юго-Западного Крыма, а на севере тянулась до Перекопа (Рис. 4), возможно выходя и на материк [Ланцов, 2004, с. 121-153]. В.С.Ольховский на скифском материале, определяя на карте северо-западную группу скифской степной культуры, ограничил ее Тарханкутской возвышенностью [Ольховский, 1991, рис. 11]. Е. Я. Рогов локализуя каменные гробницы Северо-Западного Крыма, так же ограничил их распространение пределами Тарханкутской возвышенности. Существенно то, что обосновывая культурные связи приморья и степи, исследователь указывал на сходство каменных гробниц в античных и варварских курганных некрополях, а так же на близость погребального обряда эллинского и эллинизированного населения хоры и варварского населения степной части региона [Рогов, 2005, с. 208]. Собственно, на сегодняшний день это и есть основные, прослеживаемые археологически критерии единства. Несомненно, проявятся и другие, однако их выявление потребует длительных полевых исследований поселенческих структур и погребений.

Границы заселенной территории в прибрежной полосе определяются в первую очередь по долговременным поселениям хоры Херсонеса. Однако интересно краткое описание находок, происходящих с одного из северных прибрежных поселений. Памятник расположен у с. Борисовка в устье р. Самарчик [Ланцов, 2008, рис. 1, № 84.85], где на возвышенности в 500 м с севера от села у небольшой бухты, были собраны обломки чернолаковых сосудов и амфор эллинистического времени [Зиновьев, 1957, с. 325]. Датировка находок III – II вв. до н. э., скорее всего, принадлежит П. Н. Шульцу⁴⁹. Учитывая то, что данная часть побережья интенсивно опускается [Подгородецкий, 1994, с. 14], памятник, находился в некотором отдалении от устья степной реки⁵⁰.

Следы единичных поселений и ранее фиксировались на берегу Каркинитского залива у с. Портовое, на восточном и южном берегах Бокальского озера [Щепинский, Черепанова, 1974; Ланцов, 2008, рис. 1, 82]. В 2007 г. несколько объектов у Бокальского озера были осмотрены С. Г. Колтуховым и В. Ю. Юрочкиным. На восточном берегу озера материал эпохи бронзы и железного века присутствовал на площади не менее 3 га, и наиболее плотно встречался у устья Бокальской балки. Среди находок определялись фрагменты херсонесских, синопских, гераклейских и фасосских амфор, что позволяет отнести памятник к IV в. до н. э. Явных признаков культурного слоя не зафиксировано, однако это не значит, что его здесь нет. На южном берегу озера, через балку от урочища Гусевка двумя пятнами площадью около 0, 5 га встречались редкие обломки амфор и лепных сосудов IV в. до н. э. Признаков культурного слоя этого времени не отмечено.

А вот южнее Бакальского озера в урочище Зеленая Долина, у балки, выходящей к морю, появляется первое, бесспорно долговременное поселение. На площади не менее 3 га отмечены материалы эпохи бронзы и остатки нескольких свободно расположенных каменных или сырцово-каменных построек, относящихся ко времени не ранее IV в. до н. э. Этот памятник, не являющийся конгломератом античных усадеб, как хорошо изученные Маслины, Беляус или Кульчук, может оказаться структурой, близкой варварским или греко-варварским деревням Восточного и Юго-Восточного Крыма [ср. Колтухов, 2004а, с. 46; Смекалова, 2010, с. 57-66]⁵¹.

Следовательно, уверенно фиксируемая система приморского долговременного расселения, существующая ориентировочно со второй половины IV в. до н. э. по современным данным начинается южнее Бокальского озера. Именно здесь проводил границу хоры Херсонеса А. Н. Щеглов [Щеглов, 1978, рис. 1, VI]⁵². Севернее, или северо-восточнее действительно располагаются памятники, тип которых не определен, хотя ничто не исключает их связи с хорой.

В 80 гг. автор этой книги привел свои аргументы в пользу исключения Северо-Крымской низменной степи [см. Подгородецкий, 1988, с. 151-152], следовательно, и участка между Бакальской косой и Перекопским перешейком из культурно-исторического пространства Северо-Западного Крыма [Вдовиченко, Колтухов, 1986а, с. 145 и сл.]. За прошедшие годы появились и новые данные в пользу такого ограничения, по крайней мере, для IV в. до н. э.

На севере полуострова расположена иная часть Крымской степной провинции с иными физико-географическими условиями, характерными для степной солончаковой равнины, простирающейся к северо-востоку от Бакала вдоль

⁴⁹ По хронологическим критериям памятник действительно близок к поселениям хоры Херсонеса.

⁵⁰ Расположенное рядом с ним поселение у с. Кумовка, в отчетах интерпретируется не как памятник железного века, а как стоянка эпохи бронзы [Колосов, 1952, с.2]. Присутствие же на остатках более древних поселенческих структур обломков античной керамики – явление общее для Степного Крыма.

⁵¹ Сходные структуры обнаружены вдоль балок, оврагов и сухоречий (Рис. 5) западной части Тарханкутского полуострова [Смекалова, 2010, с. 57 и сл.]

⁵² Необходимо заметить, что процесс колонизации на этой территории был длительным и волнообразным, поэтому одной из важнейших задач в изучении тарханкутской группы поселений, является их хронология. К сожалению, исследователи пока увлечены раскрытием пространственной структуры, а не ее хронологическими характеристиками.

берегов Каркинитского залива и Сиваша. Здесь распространены иные археологические памятники⁵³. Подтверждением такой ситуации является крайне небольшое число скифских катакомб в северо-западной части Крымского полуострова и их весьма выразительное присутствие на территории Крымского Присивашья. Такие могилы встречаются в Крыму от верховий Самарчика в направлении Перекопского перешейка, от Перекопа до Чонгарского перешейка, и южнее на Присивашской равнине⁵⁴. Для IV в. до н. э. катакомбы являются основной группой могил Присивашья, тогда как в Северо-Западном Крыму над всеми видами погребальных сооружений преобладают каменные гробницы⁵⁵.

Для определения северной границы⁵⁶ важно и то, что от нижнего течения р. Чатырлык в направлении Бокальского сухоречья скифские погребения пока не зафиксированы⁵⁷. Судя по результатам работ Северо-Крымской экспедиции, скифские могилы между Бокалом и Чатырлыком сконцентрированы не на приморской равнине, а южнее. Они хорошо известны у северного края Тарханкутской возвышенности. Здесь скифские курганы и впускные могилы в курганах эпохи бронзы располагаются на равнине у обращенных к северу отрогов Тарханкутских увалов. Обнаружены они в курганных группах, Крыловка (Первомайский район)⁵⁸, Калинино, Матвеевка, Степное, Октябрьское [Колотухин, 2004, с. 20-34] и тяготеют к разветвленным верховьям балок Бакальского водосбора и Самарчика. Существенно, что среди погребальных сооружений V – IV вв. до н. э. широко распространены подбойные могилы и катакомбы, что характерно для материковых степей и Крымского Присивашья.

Далее на юг, по направлению к Донузлаву количество погребений резко возрастает, широко распространяются скифские курганы и каменные гробницы. Уже это дает основание для заключения о том, что, к IV вв. до н. э. граница северо-западного историко-географического района в Крыму оформилась⁵⁹ и проходила несколько южнее нынешнего Бакальского озера. Приморские территории, лежавшие к северо-востоку от нее, между Бокалом и междуречьем Самарчика – Чатырлыка, либо принадлежали скифам, либо входили в некую греческую систему землепользования. В этом отношении интересно то, что поселение Панское, исследователи либо прямо связывают с Ольвией, либо признают присутствие на нем ольвиополитов.

В пользу отличия Присивашья от Северо-Западного Крыма свидетельствует и отсутствие скифских поселений с длительным или круглогодичным циклом обитания у соленых озер Сиваша. На крымском берегу между Перекопом и Чонгаром известен только один объект с амфорным боем IV в. до н. э.⁶⁰. Он был обнаружен местными краеведами на берегу Сиваша у с. Красноармейское Красноперекопского района и осмотрен В. А. Колотухиным. Судя по устному сообщению исследователя, он рассматривал памятник, как крупное стойбище или зимник. Незначительные следы скотоводческой стоянки зафиксированы А. А. Щепинским при раскопках неолитического поселения у с. Мартыновка Джанкойского района [Щепинский, Черепанова, 1968, с. 32]⁶¹.

⁵³ Стремление археологов-античников довести границы херсонесской хоры до района Перекопа с выходом из Крыма на материк, имеет под собой основание, в первую очередь, в виде прибрежных, но не интерпретированных поселенческих структур. Однако здесь можно предположить и другой, не херсонесский принцип районирования, с поиском гипотетического Тамиракского района, разделявшего, или соединявшего в позднеклассическое или раннеэллинистическое время хору Ольвии и Херсонеса [ср. Колтухов, 2004 а, с. 43].

⁵⁴ В Красноперекопском районе они были обнаружены в 1967 г. в кургане 7 у с. Крепкое, в том же году в кургане 3 у с. Вишневка. В 1968 г. катакомба раскопана в кургане 6 у сел Рисовое [Щепинский, Черепанова, 1968, с. 169], в том же году катакомбы открыты в трех курганах у сел Богачевка - Ново-Александровка. В 1977 г. большая катакомба раскопана в кургане 7 у с. Филатовка [Бессонова, Черных, Куприй, 1984, с. 42-47]. Восточнее, в Джанкойском районе в 1930 г катакомбы были обнаружены в кургане у с. Камкалы на Тюп-Джанкойском полуострове [Скорый, 1982]. Курган, раскопанный Н. Л. Эрнстом, судя по всему скифский, располагался у узкого Чонгарского пролива, на одном из маршрутов, связывающих Крым с материком. На территории этого же района катакомбы исследованы в кургане у с. Чкалово. Юго-западнее, у с. Владимировка, скифский курган с тремя катакомбами в 1987 г. раскопан В.А. Колотухиным [Колотухин, 2000, с.10-15]. Южнее, в Нижегородском районе скифские катакомбы исследовались в 1968 г. у с. Акимовка [Щепинский, 1969, с.250; Щепинский, 1972. с. 37].

⁵⁵ Таким образом, по основным типам погребальных сооружений, Крымское Присивашье в большей степени связано с материковыми степями Днепро-Молочанского междуречья [ср. Полин, Кубышев, 1997], чем с Западным Крымом.

⁵⁶ Определение границ расселения скифов на Тарханкутской возвышенности не следует абсолютизировать. Хозяйственное использование земель иных владельцев или общин не было редкостью в скотоводческой системе хозяйства. Например, в новое время у крымского населения существовал инструмент компенсаций за прогон скота [Домбровский, 2005, с. 160]. Скорее всего, система возмещения ущерба за выпас существовали в степях задолго до XIX века, она действительно имела смысл при полукочевом и отгонном скотоводстве на ограниченной территории, такой как Крымская степь или пастбищный коридор между Днепром и Большой Белозеркой [Гаврилюк, 1999, с.151].

⁵⁷ На территории Красноперекопского района у сел Долинка, Братское, Новониколаевка, Орловское, Курганное, Новопапавловка, Привольное, Сватово, в Раздольненском районе, у сел Кропоткино, Портовое, Новое в 60-90-х гг. раскопано множество курганов с погребениями эпохи бронзы [Тоцев, 2007, рис. 1, 46-48]. Лишь в кургане 2 у кошары Сары-Булат обнаружено погребение в овальной грунтовой яме, которое по вытянутому положению костяка северо-западной ориентацией, наличию лепного сосуда, железного ножа и костей животного можно отнести к I тыс. до н. э. Последнее не значит, что захоронения скифов не будут обнаружены, но убеждает в том, что они здесь будут встречаться редко.

⁵⁸ Первомайского района

⁵⁹ Автор полностью согласен с тем, что хозяйственные угодья не определяются плотностью и равномерностью расположения курганов [Гаврилюк, 1999, с. 138], однако эти признаки могут вполне отвечать выводу о небольшом радиусе кочевания [ср. Полин, Кубышев, 1997, с. 50].

⁶⁰ Несомненно, при проведении целенаправленных разведок, вдоль русел степных рек и заливов Сиваша удастся обнаружить немало стойбищ и скотоводческих стоянок, возможно, будет найдено и несколько долговременных поселений. По крайней мере, уже сейчас признаки пребывания населения скифского времени фиксируются в низовьях Чатырлыка в виде немногочисленных, но постоянно встречающихся обломков амфор IV в. до н. э., в частности фасосских, гераклейских, изредка синопских и херсонесских.

⁶¹ Система долговременных земледельческих поселений со скифским или смешанным населением, в хозяйственном отношении ориентирован-

Таким образом, северная граница на протяжении 80 км проходит вдоль края Северо-Крымской низменной степи. Восточная оконечность района фиксируется по курганным группам Братское и Григорьевка с каменными гробницами, характерными именно для Северо-Западного Крыма.

Юго-восточная граница, на протяжении 50 км идет по направлению к оз. Сасык-Сиваш соприкасаясь с Центрально-Крымской возвышенной степью. Однако здесь говорить о выраженном в археологическом отношении разделительном рубеже не приходится. Скорее всего, дело в слабой археологической изученности этой части крымской степи. Вероятно, ситуация здесь будет изменять в зависимости от контактов с тем или иным историко-культурным районом. К их числу можно отнести скифское Присивашье, и более сложные в этнокультурном отношении, Предгорья и Индольскую впадину.

Вопрос о том, существовала ли южная граница этого региона, можно пытаться решить лишь на основе античной системы прибрежного расселения, что корректно лишь для хоры. Скифские памятники в Сасык – Альминском ландшафтном районе практически не исследованы⁶². До тех пор, пока не были открыты поселения позднеклассического и раннеэллинистического времени (Рис. 4) в Новофедоровке и на северном берегу оз. Кизил-Яр [Ланцов, 1989; Ланцов 1994], преобладало представление о многокилометровом пустом пространстве между оз. Сасык - Сиваш и Гераклейским полуостровом. Однако новые памятники и убедительные аргументы свидетельствуют в пользу если не непрерывного территориального единства, то единообразия херсонесской колонизации на прибрежной территории всего Западного Крыма [Ланцов, 2004 а, с.130-132]⁶³. В настоящее время разрыв сокращен до 23 км лежащих между оз. Богайлы и устьем р. Альма. С противоположной его стороны, уже в Юго-Западном Крыму, на берегу р. Альма, в нескольких км от берега моря расположено херсонесское поселение Вилино [Колтухов, Зубар, Миц, 1992], ныне успешно изучаемое А. Е. Пуздровским.

Вообще же, для границы Предгорья и западной части Степного Крыма в наибольшей степени подходит долина реки Западный Булганак (рис. 2, 3, 2). Именно по ней, начиная с эллинистического времени, проходил рубеж между степью и земледельческим предгорьем [Колтухов, 1999, с. 18,41-45, 108]⁶⁴. Судя по резкому возрастанию количества курганов на северных скатах внешней горной гряды некая граница проходила здесь и в эпоху бронзы, и в раннем железном веке. Она хорошо видна от устья Булганака по направлению к Салгиру (рис. 3, 2)⁶⁵. Вопрос лишь в том, являлась ли она границей северо-западной культурно – исторической области. Очевидно не имея данных о варварском населении Сасык-Альминского ландшафтного района, лучше считать пограничьем южный край Тарханкутской возвышенности, совпадающий с южной границей распространения северозападной группы скифских памятников по В. С. Ольховскому.

Пространственное развитие хоры и сокращение пастбищных угодий аборигенного населения. Появление хоры или сельскохозяйственной территории, заселенной и возделываемой греками, относится ко времени не ранее второй половины VI в. до н. э. и связано с основанием Керкинитиды – наиболее ранней структуры городского типа, (Рис. 2). Массив сельскохозяйственных земель, примыкавший непосредственно к городу не определен, но он в это время явно был невелик. Предполагается, что примерно то же время, на большой дуге Каркинитского залива могла появиться Тамирака, а возможно и Дандака⁶⁶, но если они здесь и существовали, то их земельные угодья не были велики. Следовательно, пространственные ограничения для передвижения скотоводов были незначительны и выход их на прибрежные равнины Северо-Западного Крыма, по большей части, не был затруднен.

Хора Керкинитиды V – первой половины IV вв. до н. э., целенаправленно не исследовалась [Кутайсов, 2004, с. 22-24]. Однако А.Н. Щеглов предполагал существование в городской округе 70-120 наделов [Щеглов, 1978, с. 51], Г.А. Николаенко допускала нахождение в ближайшей округе города 26-30 наделов площадью 26,4 га каждый [Николаенко, 1999, с.114]. Площади наделов определялись и в 9,9 и в 4,5 – 5 га, с соответствующей интерпретацией и гражданского ценза, и связанного с ним неотчуждаемого земельного минимума [Щеглов, 1992, р. 256-257; Кутайсов, 1990, с. 27, 40]. В наши дни, В. А. Кутайсов для периода наивысшего расцвета Керкинитиды в середине IV в. до н. э., отводит городу хору в приморских местностях площадью 7941-8764 га, допуская существование на ней немалого количества поселений, которые еще не найдены [Кутайсов, 2004, с. 38]. К числу же уже известных

ная на Боспор и Феодосию, проявляется южнее. Она хорошо известна к югу от степного течения Салгира, как в Присивашье, так и в Индольской впадине [Веселов, 2005, с. 79-92; Кругликова, 1975, рис. 101; Гаврилов, 2004; Гаврилов, Шонов, 2004].

⁶² Две скифские могилы у с. Червоное, раскопанные В. С. Ольховским, до сих пор не опубликованы.

⁶³ Некогда значительный разрыв сокращен до минимального расстояния. Например, курган с сырцово-каменным склепом, типичным для могильников Калос-Лимена и Панского, а по конфигурации близкий раскопанной П. Н. Шульцем каменной гробнице из Ойбурских курганов [Щеглов, 1978, с. 50; Смекалова, 2010а, рис. 71], раскопан у оз. Богайлы [Колтухов, Труфанов, Уженцев, 2005].

⁶⁴ Лишь ко II в. н. э. после прекращения жизни на позднескифских поселениях Северо-Западного Крыма и долины Булганака, граница оседлости сместилась к югу, в долину Альмы.

⁶⁵ К сожалению, о том, что степная часть Сасык-Альминского района должна была быть занята скифами, мы до сих пор судим по результатам исследования курганов в предгорье близ Симферополя, которые были раскопаны Н.И. Веселовским в конце позапрошлого столетия [материалы отчетов Н. И. Веселовского недавно обстоятельно опубликованы Т. Н. Смекаловой [Смекалова, 2009, с. 87-113] и курганам у селения Разоренный Аиш, разрытым землевладельцем Ханджиевым в 80-х гг. XIX века [Колтухов, Сенаторов, в печати].

⁶⁶ Обстоятельный анализ точек зрения и библиографию см. Кутайсов, 2004, с. 104 и сл.

поселений, на юге можно отнести Новофедоровку, возникшую близ Сакского озера не позднее конца V - первой половины IV в. до н. э. [Ланцов, 1994]. С противоположной стороны границу маркируют памятники близ Мойнакского озера, Чайки и Евпаторийского маяка [Рогов, 2005, с. 178]. В такое пространство, при ширине освоения в 1-2 км, вполне уложится расчетная площадь, предложенная В. А. Кутайсовым. Скорее всего, в этих границах и существовали сельскохозяйственные земли города. А это, в свою очередь, предполагает серьезные ограничения, и полное или частичное изъятие из пользования кочевников-скотоводов береговой полосы протяженностью 33 км и максимальной площадью не менее 66 км кв. Судя по отсутствию античных памятников первой половины IV в. до н. э. на восточном берегу оз. Сасык-Сиваш эта территория в хору еще не входила.

Особняком в колонизационном процессе стоит поселение Панское, а именно его ранний жилищно-хозяйственный комплекс в виде четырехбашенного форта⁶⁷, построенный у Ярылгачской бухты не позднее первой четверти IV в. до н. э. [Рогов, 2005, с. 181]. Широко представленные в научной литературе рассуждения об исходном пункте колонизации Ярылгачской низменности, базируются на ранних материалах некрополя⁶⁸, находящих аналогии в некрополе Ольвии [Рогов, 2005, с. 181-182] и заслуживают внимания. Появление в восточной части Каркинитского залива ольвиополитов вполне прогнозируемо. К тому же, время строительства форта Панское, соответствует самой активной фазе реколонизации ольвийской хоры [Марченко, 1985, с. 116]. Базовым пунктом экспедиции по освоению Северо-Западного Крыма, на таком маршруте могла послужить и Тамирака, располагавшаяся в Каркинитском заливе⁶⁹, либо пережившая известные коллизии V в. до н. э.⁷⁰, либо восстановленная к началу следующего столетия. Однако, земледельческая территория, осваиваемая жителями подобных выселков, вряд ли была значительной настолько, что бы принимать ее в расчет при характеристике земель, изъятых их скотоводческого фонда скифов.

Освоение Северо-Западного Крыма Херсонесом в третьей четверти -конце IV в. до н. э. привело к появлению хоры, занимавшей прибрежные земли, границы которых отстояли от берега на 2-4,5 км как первоначально считал [Щеглов, 1978, с. 99]. Однако, первым исключением из этой модели вскоре стала западная оконечность Тарханкутского полуострова (Рис. 5). В 80-е гг. А. Н. Щеглов по аэрофотосъемке обнаружил здесь систему античных наделов, внутренняя граница которой уходила вглубь полуострова на 14 км [Sčeglov, 1980]⁷¹. Открытие типичной античной усадьбы близ бывшего села Купан [Смекалова, 2011, с.16-18], расположенной не менее чем в 9 км от ближайшей береговой линии, подтверждает раздел земель в западной части Тарханкута. Вот только размещение усадеб и деревень по границам плодородных земельных массивов (Рис. 5) нуждается в объяснении. Такая система расселения не характерна для херсонеситов, у которых усадьба находилась в границах земельного надела [Стржелецкий, 1961; Щеглов, 1978; Николаенко, 1999; Николаенко, 2001]. Впрочем, в ольвийском регионе подобное расположение усадеб и поселков, явление вполне обычное [Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко, 1989; Крыжицкий, Буйских, Отрешко, 1990].

Как предполагает В.А. Кутайсов и в районе Евпатории имеются пространства, где возделываемые земли могли заходить вглубь суши на 6-8 и даже на 11 км [Кутайсов, 2004, с. 23]. Развитие хоры вглубь Западного Крыма хорошо фиксируется по берегам Донузлава, по меньшей мере, до линии Новоозерное – Озерное [Ланцов, 2008, рис. на с. 108]. Широтные оси системы сельскохозяйственных земель, усадеб, деревень и хуторов, можно искать и на равнинах, и вдоль балок, выходящих к соленым озерам. Так, вдоль Рунновской балки Сасык-Сиваша поселения фиксируются на протяжении 10 км, начинаясь на глубоко вдающемся в озеро узком полуострове комплексом античных усадеб [Ланцов, 2008, рис. 1, 89], и заканчиваясь двумя, селищами позднеклассического или раннеэллинистического времени на северо-востоке [Колтухов, 2004а, рис. 1]. Логично предположить, что подобные структуры, впрочем, различной протяженности, существовали по берегам и в верховьях крупных озер и заливов⁷². Например берега Донузлава в западной части озера в направлении Аблемитского моста обследованы достаточно хорошо, на них выявлены и поселения, и отдельные античные усадьбы [Ланцов, 2004, рис. 3; Смекалова, Столба, 2009, рис. 20]. В силу этого дальнюю хору Херсонеса в Северо-Западном Крыму можно представить как прибрежную полосу максимальной шириной 4 км, и протяженностью 190 км от оз. Бокальского до оз. Богайлы с включением сюда берегов оз. Сасык – Сиваш, что и будет составлять 760 км кв. С учетом западной оконечности Тарханкутского полуострова,

⁶⁷ Термин «форт» здесь не обоснован. Нейтрально прозвучит «укрепление» или «укрепленное поселение». Форты существуют в некоей пространственной системе и защищают подступы к крепостям, узлы коммуникаций или границы. Что защищало это укрепление помимо своих обитателей, не ясно.

⁶⁸ Раскопки «форта» первого периода не завершены, а имеющиеся материалы не опубликованы, фактически читателям доступен лишь план укрепления.

⁶⁹ Ср. Колтухов, 2004а, с. 43.

⁷⁰ Библиографию см. Марченко 2005, с. 97-99.

⁷¹ Однако существование размежевки на Тарханкуте пока не подтверждается археологическими методами [Смекалова, 2010, с. 58].

⁷² Исключением, скорее всего, будет Бокальское сухоречье, где ни одна из карт XIX –XX вв. не показывает постоянных водотоков и источников. Поселения и стоянки эпохи бронзы и раннего железного века известны лишь по берегам морского залива [Шульц, 1952, с. 45; Колосов, 1952 с. 2; Колтухов, Юрочкин, 2004], со временем превратившегося в Бокальское озеро. Многократные разведки же по Бакальскому сухоречью, осуществлявшиеся П. Н. Шульцем, Ю. Г. Колосовым, П. Д. Подгородецким, А. А. Щепинским, С. Г. Колтуховым и В. Ю. Юрочкиным результатов не дали, следов поселений этого времени обнаружено не было. Впрочем, верховья глубоких, хорошо проработанных балок пока не обследованы.

обследованной Т. Н.Смекаловой, берегов Донузлава до линии Новоозерное – Новоивановка, прилегающего к Керкинитиде земельного массива радиусом около 10 км, площадь хоры херсонесского времени в Северо-Западном Крыму не превысит 1100 км кв., а скорее всего, будет заметно меньше.

Видимо, близкая картина будет прослежена по основным рекам Юго-Западного Крыма. Например, в нижнем течении Альмы существовало поселение с усадебной планировкой, относящееся IV-III в. до н. э. [Колтухов, Зубар, Миц 1992, с. 85-95; Пуздровский, 2008, с. 31]. Оно выдвинуто вглубь суши на 3 км. Между ним и приморским Усть-Альминским городищем расположено несколько хуторов или усадеб этого же времени, недавно обнаруженных А. Е. Пуздровским. В долине реки под поселением Вилино находилось большое селище Алма-Тамак, появившееся в это же время [Волошинов, Неневоля, 2004, с. 185].

На основе самостоятельных расчетов и наблюдений В.А. Кутайсов пришел к выводу, что полоса земель, используемых в хозяйственной деятельности в период наибольшего развития хоры, а в представлениях исследователя, это конец IV – первые десятилетия III в. до н. э., соответствовала всему прибрежному району и местами достигала глубины в 15-20 км [Кутайсов, 2010, с. 291]. С учетом ресурсной зоны заселенной варварами, работающей на хору, но не входящей в ее границы, такая оценка территории используемой в интересах Херсонеса возможна, однако требует дополнительного серьезного обоснования археологическим материалом. Тем не менее, следует принять то, что полноценное использование массива прибрежных земель аборигенным населением от Бакала в направлении устья Западного Булганака было жестко ограничено на протяжении 190 км береговой линии, что значительно сократило пастбищные угодья скифов.

Ресурсы и структура хозяйства. Природные ресурсы западной части Тарханкутской возвышенности и морских заливов были пригодны для ведения как земледельческого, так и скотоводческого хозяйства, промыслов: рыболовного и соляного, и для создания разнообразных поселенческих структур. Центральная и восточная часть, с ограниченными водными ресурсами, наиболее пригодна для кочевого или полукочевого хозяйства.

В балках и сухоречьях Тарханкутской возвышенности, в основном на западе и юге, и сейчас можно видеть многочисленные каменоломни по открытой добыче известняков-ракушечников с разных геологических горизонтов, использовавшиеся с древности и до нового времени. Нередко они представляют собой участки ломки скалы обнаженной над тальвегами на протяжении сотен метров. На плоскости каменоломнями служили своеобразные «блюдца» радиусом в несколько десятков метров с удаленным грунтом и выломанным по слою верхним пластом скальной поверхности. На увале, южнее Джарылгачского озера рядом с такими «блюдцами», как правило, располагаются скопления мелких каменных колец-кромлехов, скорее всего могильных сооружений, порой занимающих площади в несколько гектаров. Из местного камня сооружены стены и цоколи домов поселений античного времени. Альминская часть несколько беднее камнем, хотя и здесь известны отдельные выходы известняков и конгломераты. Необходимое для строительства дерево, несомненно, присутствовало в рощах и перелесках Северо-Западного Крыма, а при его нехватке могло доставляться из горно-предгорной части полуострова морским путем.

В заливах основных озер, вполне вероятной представляется добыча самосадочной соли, которая полностью удовлетворяла потребности местного населения и могла вывозиться за пределы Северо-Западного Крыма. Об отложении соли в минеральных озерах, свидетельствует мощный соляной пласт, образовавшийся в Сакском озере при локальном, но резком иссушении и потеплении климата предположительно в эллинистическое время [Шостокович, 1935, с. 255-272; Дзенс-Литовский, 1936, с. 53-54]. Следовательно, соляной промысел в Северо-Западном Крыму вполне естественен, как для скифов, так и для греков, хотя с оформлением границ большой хоры, со второй половины IV в. до н. э. доступ скифов к соляным запасам озер мог быть ограничен.

Добыча из озер гипса, который можно было использовать в строительстве, если и происходила, то была минимальной. Возможной представляется также разработка килообразных глин на северо-западном берегу Тарханкута [Кутайсов, 2010, с. 310]. Имеющиеся в изобилии местные глины позволяли изготавливать сырец и лепную керамику, что хорошо подтверждается, как керамическим комплексом усадьбы Панское 6, так и посудой из степных погребений.

На побережье Северо-Западного Крыма был развит морской промысел, находившийся в руках греков. Об этом свидетельствует письмо Апатурия к Невмению, найденное в Керкинитиде [Соломоник, 1987; Vinogradov, 1994]⁷³. Каркинитский залив является одним из основных районов концентрации и зимовки осетровых [Световидов, 1964, с. 49-53], вдоль побережья Северо-Западного Крыма проходят пути сезонной миграции кефали [Будрак, Щеглов, 1966, с. 120]. Кроме этих видов могла добываться камбала, морской карась, дельфин, сорная рыба, есть свидетельства ловли крабов и сбора моллюсков [Кутайсов, 2004, с. 44-45].

Охота не занимала заметного места в хозяйственной деятельности оседлого населения поморья. Тем не менее, в добыче присутствовали благородный олень, косуля, кулан, сайгак, кабан, волк, медведь, барсук, лисица, горностай, заяц [Щеглов, 1978, с. 26]. Интересно, что с противоположной стороны Крымского полуострова, на поселении Новопокровка, обнаружены кости оленя, косули, мелкого парнокопытного, лисицы, барсука, зайца, куницы, степного хорька [Гаврилов, 2004, с. 211-213]. К вероятной добыче охотников в этом списке можно добавить дроф, стрепетов

⁷³ Вряд ли можно согласиться с В. А. Анохиным, считающим, что это фрагмент переписки фальшивомонетчиков [Анохин, 2010, с. 62-81].

и куропаток, массово встречавшихся в Крымской степи до конца XIX века.

Базой оседлого хозяйства в приморской части Северо-Западного Крыма были каштановые почвы и черноземы, позволяющие без особых ограничений заниматься зерновыми культурами и виноградарством, дающие обильный травостой для скота. Прибрежные земли, с момента появления Керкинитиды в VI в. до н. э. и до финала первого периода херсонесской колонизации в конце первой четверти-трети III в. до н. э. были поэтапно превращены в земледельческий район с разнотипным земельным кадастром, двухпольным и трехпольным севооборотом. На побережье находился малый полис Керкинитиды и многочисленные античные поселения и усадьбы, размещенные вдоль берега, у многочисленных балок Тарханкута и в приозерных пространствах. По данным С.Б. Ланцова в прибрежной части Северо-Западного Крыма на начало нынешнего столетия археологами было зафиксировано около 70 таких объектов, существовавших уже на первом этапе херсонесской колонизации [Ланцов, 2004, рис. 1]. В настоящее время, в связи с археологическим обследованием западной части Тарханкутского полуострова, побережья Донузлава, и верховий оз. Сасык-Сиваш число поселенческих структур может увеличиться на порядок.

Отмечаемый исследователями переход от яровых к озимым культурам в херсонесское время, связан с некоторым потеплением климата [Кутайсов, 2004, с. 23, 27; Подгородецкий, 1994, с. 17]. В целом, античное зерновое хозяйство при урожайности озимой пшеницы 8-14 ц/га [Крыжицкий, Щеглов, 1991, с. 31], а реально несколько ниже, озимой пшеницы 7-8 ц/га и ячменя 5-6 ц/га [ср. Кутайсов, 2004, с. 31-33] позволяло содержать население хоры и Херсонеса, хотя периодическая угроза хлебного голода возникала, это видно из текста херсонесской присяги [Кутайсов, 2004, с. 33].

Вторым по значению направлением деятельности жителей хоры было виноградарство и виноделие. По предположению А.Н. Щеглова, возделывать виноград здесь начали не раньше второй половины – последней четверти IV в. до н. э. Именно с этим направлением хозяйственной деятельности связано недолгое, но заметное распространение в Степном Причерноморье – Приазовье и в Крыму херсонесской продукции [ср. Ланцов, 2008, с. 101; Полин, 2010, с. 276-279], прекратившееся в 80-70-х гг. III в. до н. э., а возможно и раньше.

Исходя из того, что размежевана была не вся приморская территория [Щеглов, 1978, с. 99], и, ориентируясь на расчеты Г. М. Николаенко, в Северо-Западном Крыму было подвергнуто межеванию несколько блоков земель общей площадью около 32000 га [Николаенко, 1999, с. 44]. Часть земель либо возделывались под зерновые культуры при ином землеустройстве, не совпадающем с херсонесской системой и не фиксируемой визуально, либо использовались как пастбища.

Судя по наделам различной площади: 8,8 га, 13 га, 18 га, 26,5 га, 35,2 га, 53 га, часть из них обрабатывалась самими жителями античных поселений и усадеб, часть же требовала привлечения сезонной рабочей силы. Возможно, с потребностью в дополнительной рабочей силе и дополнительных объемах зерновых культур связано появление небольших селищ и хуторов, недавно обнаруженных в западной части Тарханкутского полуострова [Смекалова, Столба, 2009, рис. 20; Смекалова, 2010, рис. 112]. Естественная граница этого заселенного пространства на северо-востоке проходит в створе верховий оз. Джарылгач, а на юго-востоке до урочища Вольное на северном берегу оз. Донузлав. Интересно, что внутри, этой территории, расположено не менее 33000 га южных карбонатных черноземов, которые жители таких поселений могли бы использовать для ведения хозяйства.

Скотоводство развивалось на Тарханкутской возвышенности традиционно, по меньшей мере, с эпохи бронзы. Признаки пребывания домашних животных на поселениях бронзового века, отмечены в виде небольших округлых каменных загонов, фиксируемых визуально и при магнитосъемке, что уже отражено в публикациях [ср. Смекалова, Столба 2009, рис. 9; Смекалова 2010, рис. 79]. В античное время содержание крупного рогатого скота на поселениях хоры, скорее всего, было придомным и (или) отгонным, свободных неразмежеванных пространств на территории хоры Херсонеса было с избытком.

Интересную особенность, свидетельствующую о специализации на разведении мелкого рогатого скота, показало поселение Панское 1, где его количество составляло более 80% поголовья стада [Щеглов, 1978, с. 114]. Здесь соотношение видов существенно отличается от того, которое можно наблюдать в Восточном и Юго-Восточном Крыму. Например, на селище Новопокровка близ Феодосии и Старого Крыма, количество мелкого рогатого скота при подсчете по особям не превышало 40% [Гаврилов, 2004, с. 213]. На варварских поселениях Керченского полуострова в это же время, козы и овцы так же составляли около 40% скота [Кругликова, 1975, с. 199]. На скифских поселениях Нижнего Днепра явно преобладал крупный рогатый скот и лошади [Гаврилюк, 1999, с.141]⁷⁴. Следовательно, на обширных пастбищах могло заниматься скотоводством греческое и местное варварское население [Рогов, 2005, с.210].

Иной представляется хозяйственная деятельность скифского населения на приморских землях до середины IV в. до н. э., а за пределами большой хоры на протяжении VI-IV вв. до н. э. Явные признаки оседлости у аборигенов глубинной части Тарханкутской возвышенной степи в настоящее время не обнаружены. Вероятно, так же как и в

⁷⁴ Интересно, что о специализированном овцеводстве на Тарханкуте спустя два с лишним тысячелетия сообщает П. С. Паллас, упоминающий пастбища, на которых постоянно содержалась особая порода овец, дающая крымскую смушку, и вырождавшаяся при переводе с Тарханкута в другие места [Паллас, 1999, с.194].

материковых степях в VI–V вв. до н. э. скотоводство в Степном Крыму было в основном кочевым с табунным содержанием скота⁷⁵. Стадо, так же как и на материке состояло из лошадей, овец и крупного рогатого скота [Гаврилюк, 1999, с. 134-135]. Судя по появлению в V в. до н. э. первых скифских курганов в таких могильниках, как Наумовка, Межводное, Григорьевка Братское, в приморских и в глубинных обводненных балках могли возникать сезонные поселения в виде зимников и стойбищ.

Следовательно, судя по росту числа скифских погребений в северо-западной части Крымского полуострова, условия для перехода к полукочевому образу жизни могли сложиться уже ко второй половине – концу V в. до н. э. В IV в. до н. э. население могло перейти к полукочевому скотоводству на относительно коротких маршрутах⁷⁶, связывающих Тарханкутский полуостров и Присивашскую низменность⁷⁷.

Крымская степь имеет ограниченную площадь и ресурсы. Выходы из нее на материк, со второй – третьей четверти IV до н. э. были обжиты иными скифскими племенами, занявшими не только материковое Присивашье, но и часть крымских земель, примыкающих к Сивашу. Продвижение скифов в Горный Крым, хотя и имело место, однако сдерживалось присутствием там таврского населения. Восточный, и Юго-Восточный Крым в IV в. был занят оседлым греческим и оседлым, и полуседлым варварским населением до степного течения Салгира. Прибрежные земли Западного Крыма в это же время успешно осваивались греками из Керкинитиды, Ольвии и Херсонеса. Судя по заметному увеличению народонаселения в Степном Крыму в IV в. до н. э. [Колотухин, 2000, с.71], здесь на ограниченном пространстве возникли условия для разграничения пастбищ, развития полукочевого и отгонного скотоводства, естественным образом ведущих к дигрессии степей. При площади собственно Тарханкутской возвышенной степи, близкой 3000 кв. км, при рассчитанной Н.А. Гаврилюк для Причерноморской степи рациональной плотности населения, равной 2,8 чел./км², Тарханкутские степи и лесостепи при кочевом скотоводстве могли одновременно служить ресурсом для содержания 1070 человек.

Судя по таким могильникам, как Наумовка, Братское, Григорьевка, Дальнее, Красноярское, Межводное, Водопойное, Суворовское, Крыловка, ориентировочно со второй – третьей четверти IV в. до н. э. количество населения в восточной части Тарханкутской возвышенности увеличилось многократно. Учитывая количество захоронений только взрослых людей, можно предположить его восьмикратный рост. По материалам могильника Водопойное, можно говорить об одном захоронении V в. до н. э. и, как минимум о 12 захоронениях IV – первых десятилетий III в. до н. э. По материалам могильника Братское, пяти захоронениям V – первой четверти IV в. до н. э. противостоят не менее 18 захоронений, которые можно отнести к IV – первым десятилетиям III в. до н. э. В могильнике Григорьевка двум-трем захоронениям, бесспорно относящимся к V в. до н. э., можно противопоставить 38 захоронений, относимых к IV – первым десятилетиям III в. до н. э. При датировке же склепов временем не ранее середины IV в., чему есть косвенные подтверждения, можно говорить о постепенном росте числа скифов в V – первой половине IV в. и резком скачкообразном росте во второй половине этого столетия⁷⁸.

Подобный рост трудно вывести из кочевого хозяйства на ограниченной территории. Следовательно, переход к полукочевому и отгонному скотоводству в это время стал необходимостью. В условиях близости хоры, нуждающейся в рабочих руках и ограниченности пастбищ, можно достаточно уверенно говорить об оттоке части скифского населения на территорию хоры и к ее границам, и появлению там долговременных поселений варваров. Однако, ситуация с оседлостью варваров, может оказаться и более сложной. Судя по лепной керамике усадьбы Панское VI, вполне вероятно появление на Тарханкутском полуострове, обитателей восточной части ольвийской хоры, или связанных с ольвиополитами скифов Нижнего Днепра.

В таких условиях, если процессы которое претерпевало скотоводческое хозяйство, сопровождались переходом к стаду с преобладанием мелкого рогатого скота и перевыпасом, продуктивность пастбищ резко снижалась, падала их засухоустойчивость, ковыльные и бобовые уступали место сорняковым травам, на лесостепных участках подлесок и поросль уничтожались козами. Такое хозяйствование могло привести к уничтожению лесостепи и иссушению

⁷⁵ О миграционных связях Крыма с материком в раннескифское время известно мало. Достоверным археологическим источником здесь служит погребение у Первоконстантиновки к северу от Перекопа [Дубовская, 1997, рис. 8] с орнаментированной, характерной для кизил-кобинцев корчагой [Колтухов, 2004, с.84]. О связях с Предкавказьем свидетельствует комплекс погребения Черноземное 3/1 [Колотухин, 2000, с. 16-17], обнаруженного в Присивашье. О миграциях могут свидетельствовать Филатовка и Темир-гора.

⁷⁶ Возможно, широтные скотопробные маршруты, фиксируются по направлению многокилометровых курганных гряд, идущих по гребням увалов. Скорее всего, они связаны с иссушением в летние месяцы глубинных районов степи и перемещением стад к обводненным балкам и речкам Присивашья или в противоположную сторону к берегам западно-крымских озер и заливов с их источниками пресной воды.

⁷⁷ Методы расчетов природных потенциалов, рациональной и нерациональной нагрузки на пастбища и демографических показателей достаточно полно представлены в работе Н. А. Гаврилюк [1999]. Они с успехом могут быть применены к реконструкциям в границах всей Крымской степи, где погрешность укладывается в статистические рамки. Однако для Северо-Западного Крыма, где вполне вероятно перемещение скота в Присивашские степи и на солончаки, такая работа представляется преждевременной. Вероятность сезонного перемещения скота на земли соседей, даже на ограниченной территории, при скотоводческом хозяйстве существует. Например, прогон отар и стад по чужим землям с одновременным его выпасом, был известен у крымских татар даже в XIX столетии. Компенсация владельцам земли осуществлялась в виде выплаты весеннего платежа «отлак», который считался традиционным [Домбровский, 2005, с. 160].

⁷⁸ Впрочем, окончательные и достоверные выводы о развитии народонаселения могут сделать лишь специалисты по палеодемографии [см. Кислый, Каприцын, 1994], для нас важен сам факт значительного прироста народонаселения.

степных и лесостепных речек. Следовательно, экологическая составляющая кризиса, с последующим резким сокращением населения и уходом из степи его остатков в конце IV – первой трети - четверти III в. до н. э. может быть реконструирована⁷⁹.

Подведем основные итоги: Северо-Западный Крым в скифо-античное время имел своеобразные гидрологические, дендрологические и климатические характеристики и был удобен как для греческой колонизации, так и для скифского кочевого и полукочевого скотоводства. Он, как историко-географическая область состоял из двух частей, приморской и степной. В приморской части развивались хозяйственные и территориально-административные структуры, вызванные к жизни греческой колонизацией и последующим комплексным сельскохозяйственным освоением земель. Судя по таким могильникам как Крыловка⁸⁰, Водопойное и Межводное [Колтухов, 2010а, с. 80-98], с развитием хоры скифское население включалось в хозяйственные процессы, происходившие на ее территории. В степной части существовало относительно небольшое количество скифских пастбищных общин, завершавших, а затем и завершивших переход от кочевий к полукочевому скотоводству.

Формирование этого региона началось в VI в. до н. э., с появлением Керкинитиды и продвижением сюда скифов. В IV в. до н. э. античная сельскохозяйственная территория – хора развивалась достаточно интенсивно, и во второй половине столетия распространилась на все или практически все приморское пространство, которое было занято полями, виноградниками, пастбищами, многочисленными поселениями и усадьбами. Наиболее интенсивно процесс формирования хоры шел во второй половине IV в. до н. э., в ходе освоения земель, проводимой Херсонесом и Керкинитидой, а в северной части Херсонесом при участии Ольвии. В это же время на хоре и у границ хоры присутствует и степное население. Если основой хозяйства обитателей хоры в это время стало земледелие, то у скифов пограничья мог завершаться переход к полукочевому, а возможно и отгонному скотоводству, можно предполагать появление у них земледелия. Варварское население, сосредоточенное у границ хоры, могло, да и должно было быть втянуто в хозяйственные процессы, протекавшие на всей приморской территории. Восточнее, в глубине степей, в Самарчик-Чатырлыкском ландшафтном районе, с IV в. до н. э. отмечаются признаки перехода скифов к полукочевому скотоводству и существования пастбищных общин. Однако здесь все еще не выявлено достоверных признаков оседлости.

⁷⁹ Чрезвычайно важна и климатическая составляющая, дело за малым, уточнить датировку соляного пласта в сапропели Сакского озера. Вопрос же о военной составляющей кризиса недавно вновь поднятый [Гречко, Карнаух, 2010] и особенно актуальный для Северо-Западного Крыма с его греческим и скифским населением, представляет собой отдельную тему, которую автор в данной работе не поднимает.

⁸⁰ Сакский район.

ГЛАВА II.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ СКИФСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ

Археологические объекты, несомненно, скифские, в Северо-Западном Крыму в настоящее время достоверно представлены курганами и погребениями¹. В силу этого необходимо пусть кратко, но охарактеризовать пространственные особенности размещения курганов, относящихся здесь к эпохе бронзы и железному веку. Распределение курганов и погребений в этой главе произведено не по современным административным единицам, а по природным районам Тарханкутской возвышенности. В перспективе такая группировка материала позволит анализировать антропогенную нагрузку на тот или иной ландшафтный район. Пока же, она наиболее убедительно показала пробел в наших знаниях о варварском населении Сасык-Альминского района и крайне слабую изученность Тарханкутского района.

За основу работы взята карта размещения курганов в Западном Крыму, подготовленная С. Л. Смекаловым и И. В. Глущенко на основе карты М 1:42000 (Рис. 3, 2). В общей сложности, на территории площадью 5600 кв. км, на крупномасштабных картах по данным С. Л. Смекалова отмечено 4122 кургана. Распределение курганов по физико-географическим районам выглядит следующим образом: Тарханкутский – 1517; Бакальский – 818; Донузлав-Сасыкский – 810; Самарчик-Чатырлыкский – 503; Сасык-Альминский – 286².

Допустимо предположение, что при сравнении карты с визуально зафиксированными курганами на северном склоне Джарылгачского увала, а также в могильниках Суворовское, Крыловка, Дальнее, Григорьевка Открытое, реальное количество курганов будет на порядок большим. В целом для Северо-Западного Крыма число курганов на 1 кв. км несколько менее одного. Близ берега моря, а также у озер и сухоречий концентрация курганов увеличивается, приближаясь к значению 1,86 на кв. км. Однако, на оконечности Тарханкутского полуострова, к западу от шоссе Черноморское–Марьино плотность курганов многократно возрастает и на отдельных участках, ближе к Карджинской бухте, достигает 29–34 насыпей на кв. км [ср. Смекалов, Ермолин, Колтухов, Ланцов, 2007, рис. 1]³. По северному и южному склонам увалов над озерами Донузлав и Джарылгач, она также достаточно высока и сравнима с их плотностью на Керченском полуострове и в Предгорном Крыму (Рис. 3, 1). Курганы, а судя по результатам разведок и поселения эпохи бронзы и скифо-античного времени, здесь образуют своеобразную дугу, протяженностью не менее 40 км (Рис. 5, 3, 2). Впрочем, курганы западной части Тарханкутского полуострова практически не исследованы и район все еще представляют собой археологическую *terra incognita*. Единственный подкурганый склеп, раскопанный здесь в последние годы, действительно интересен [Столба, Смекалова, и др. 2011, с. 317] и относится к типу известному в Керкинитиде, Наташино, Крыловке. По аналогии же с курганами Керченского полуострова, где большинство насыпей за пределами курганных некрополей греческих городов, равно как и в них, относятся к IV в. до н. э. [Яковенко, 1973, с. 38–61; Бессонова, Бунятян, Гаврилюк, 1988; Колотухин, Колтухов, 2007], аналогичная картина могла существовать и на Тарханкутском мысу. Однако, исходя из наблюдений за известными нам курганными могильниками Северо-Западного Крыма в целом, здесь вполне вероятны и скифские погребения VII – V вв. до н. э., и скифские курганы V в. до н. э.

В настоящее время уже известны некоторые особенности культурной характеристики курганных могильников Тарханкутской возвышенности в эпоху бронзы и в раннем железном веке. На ее восточной оконечности, близ Чатырлыкской балки, судя по могильникам у Братского, Григорьевки и Далекого из 44 курганов 27 были скифскими и относились в основном к IV в. до н. э. Западнее, между Чатырлыкской балкой и верховьями балок, ведущих к озерам Сасык-Сиваш и Донузлав, количество скифских курганов, судя по могильникам у сел Открытое, Виноградное, Луговое, Солдатово, Шалаша, несколько уменьшалось. В западной части Тарханкутской возвышенности, в курганном могильнике у с. Суворовское, расположенном вблизи от Керкинитиды, из 26 раскопанных курганов 12 были скифскими. Еще 5 разрушенных насыпей, могут быть, с высокой долей вероятности, охарактеризованы как скифские. Здесь большинство скифских курганов относилось к IV в. до н. э. Южнее, в могильнике Наумовка из 7 курганов 4 относились к скифскому времени, они датированы V и IV вв. до н. э. На южном берегу оз. Донузлав в курганах, раскопанных у сел Наташино, Чернушки. Веселовка и Крыловка из 34 насыпей к скифскому времени относится 18. На северо-востоке Тарханкута в могильниках Межводное и Водопойное из 14 курганов к скифскому времени относилось 7 насыпей. Таким образом, можно думать, что из числа курганов, не входивших в могильники античных поселений, около половины относились к скифскому времени, преимущественно к IV в. до н. э.

¹ Несомненно, здесь существовали и различные поселения скифов, однако их исследование и интерпретация дело будущего.

² Расчеты, по просьбе автора, выполнены С. Л. Смекаловым.

³ Близкие значения плотности на основе этой же карты зафиксированы только в северо-восточной части Керченского полуострова [Смекалов, Ермолин, Колтухов, Ланцов, 2007, рис. 2], где, несомненно, преобладают курганы позднеклассического – раннеэллинистического времени.

Распределение исследованных подкурганых погребений выглядит следующим образом. Всего, на территории Северо-Западного Крыма в настоящее время известно 285 могил, которые можно, в некоторых случаях с допущениями, считать скифскими. В Донузлав – Сасыкском районе исследованы могильники у сел Орлянка, Наумовка, Виноградово – Луговое, Суворовское, Колоски – Великое, Приветное, Ромашкино, Штормовое, Солдатово – Шалаша, Наташино, Веселовка, курганы в урочищах Снежное и Белоглинка. Обнаружено 139 погребений, 113 из них, несомненно, относятся к скифскому времени, 26 можно отнести к этому периоду по косвенным признакам, отмеченным исследователями курганов или автором. В Тарханкутском районе частично исследованы курганы могильника Снежное, недавно появилась информация о раскопках каменного склепа в кургане у с. Оленевка [Столба, Смекалова, и др. 2011]. Всего, в этой части Тарханкутской возвышенности раскопано 4-5 погребальных сооружений скифо-античного времени, об остальных мы получаем представление только на основании визуальных наблюдений за полуразрушенными подкургаными гробницами. В Бакальском районе исследования курганов проводились у населенных пунктов Тавкель-Найман, Кара-Меркит (расположены вблизи современного с. Березовка), Березовка, Славное – Рылеевка, Красноярское, Межводное, Водопойное, Далекое. Обнаружено 47 погребений, 33 из них, несомненно, относятся к скифскому времени, 14 можно отнести к этому периоду по косвенным признакам. В Самарчик-Чатырлыкском районе раскопки курганых могильников вели у сел. Григорьевка, Дальнее, Открытое, Братское Сусанино, Черново, Гришино, Октябрьское. Обнаружено 93 погребения, к скифскому времени, несомненно, относятся 75 из них, по косвенным признакам сюда же можно отнести остальные 18 погребений. В Сасык-Альминском районе исследованы 2 погребения.

ПАМЯТНИКИ ДОНУЗЛАВ-САСЫКСКОГО ЛАНДШАФТНОГО РАЙОНА.

Погребение в кургане у с. Орлянка (Сакский район). В 1985 г. Северо-Крымской экспедицией, работавшей под руководством В. А. Колотухина, были исследованы 6 курганов, в одном из которых обнаружено погребение скифского времени.

Курган 5, погребение 1. Курган 5 высотой 1 м, диаметром 26 м входил в группу из 7 курганов эпохи бронзы, расположенную в 1-2 км к С и СВ от села [Колотухин, Тошев, 2000, с. 28]. Погребение обнаружено в центральной части насыпи, контуры погребального сооружения не прослежены. Захоронение взрослого человека совершено в вытянутом положении на спине головой на З. У правого плеча обломки железного ножа (Рис. 10, 8), у правой руки обломок стенки амфоры, возможно фассосской. Найдены 5 бронзовых трехлопастных наконечников стрел (Рис. 10, 7) типы П.10.1, П.4.3, П. 8.3 по А. И. Мелюковой [Мелюкова, 1964, рис. 1]. Интересны наконечники с башневидной головкой, выраженными ложками и едва выступающей втулкой. В. А. Колотухин датировал погребение второй половиной V – первой половиной IV в до н. э. [Колотухин, 2000, с. 48]. Автор, считает возможным, ограничить хронологические рамки серединой - второй половиной V в. до н. э.

Курганный группа у с. Наумовка (Сакский район), исследованная В. А. Колотухиным⁴ и Т. А. Копьевой в 2004 г., состояла из 7 насыпей, была вытянута неровной цепочкой с СЗ на ЮВ вдоль вершины отрога, пологой наклонной в сторону Барановской балки, расстояние между крайними насыпями составляло около 400 м (Рис. 6, 1-2). Один курган в группе был сооружен в катакомбное время, два появились в срубное время, остальные относятся к скифскому времени. Впускные скифские погребения обнаружены и в курганах эпохи бронзы. Присутствие воды в балке, пускай и эпизодическое, а в древности, учитывая лесостепной характер растительности Северо-Западного Крыма, очевидно постоянное, позволяет думать, что курганы располагались близ одной из древних степных или, что более вероятно, лесостепных речушек Западного Крыма. Учитывая компактность некрополя, можно предположить, что в непосредственной близости от него находилось и поселение. Из 7 курганов 4 были сооружены в скифское время, один может быть отнесен к V в. до н. э., остальные к IV в. до н. э. Всего в курганах обнаружено 8 скифских могил, 3 из которых относятся к V в. до н. э., 5 датируются временем не ранее IV в. до н. э. Погребальные сооружения представлены грунтовыми ямами (3), каменными гробницами (4, две из них определены как склепы), в одном случае погребальное сооружение не определено.

Курган 1 эпохи бронзы, его высота 1,2 м, диаметр около 28 м., в кургане две могилы скифского времени:

Погребение № 2. Каменный склеп (Рис. 6, 3) располагался в центре кургана, имел прямоугольную форму, был ориентирован с ЮЗЗ на СВВ, дромос примыкал к камере с востока. Кладка стен орфостатно-постелистая уже с уровня цоколя, сохранилась на высоту до 1 м. Верхние постелистые ряды (или ряд) разрушены, плитовое перекрытие отсутствует. Стенки дромоса продолжали линию продольных стен камеры; его длина 0,75 м, он был заложен бутом. Длина камеры по дну 2,4 м, ширина 1,25-1,3 м, сохранившаяся высота стенок 1,0-1,15 м, толщина вертикальных плит в среднем 0,2 м. В центре камеры на дне скопление костей, ближе к З стенке находились шесть фрагментированных черепов. В заполнении склепа найден обломок стенки красноглиняного гончарного сосуда, в СЗ углу находился обломок венчика гераклеийской амфоры. Последнее позволяет отнести сооружение склепа к IV в.

⁴ Предварительная публикация [Копьева, Колотухов, 2010].

до н. э. Ориентировка входом на СВВ типична для скифов Степного Крыма.

Погребение № 1 скифского времени совершено в 7 м к ЮЗ от центра с внешней стороны кромлеха под камнями и небольшими плитами. Положение скелета прослежено по костному тлену. Захоронение младенца было совершено на левом боку в слабо скорченном положении, костяк ориентирован на СВВ. У черепа – фрагменты ручки гераклейской амфоры. Подобное пространственное расположение характерно для могил детей и подростков в курганах с основным скифским погребением, в данном случае эту роль исполняет погребение № 2.

Курган 2 скифский, высотой 1,1 м, диаметром около 27 м. Курган сооружен из бутового камня с включениями чернозема, диаметр каменной насыпи 11,5 м, по периметру располагались остатки крепиды – крупные плиты размером до 1,1 x 1,0 м.

Погребение 3 основное скифское (Рис. 7, 1-6). В центре кургана на уровне погребенной почвы отмечена вымостка из уплощенных камней, ее размеры 1,3 x 0,8 м. Под ней обозначились контуры могильной ямы, ориентированной с СЗЗ на ЮВВ. В плане она имела подовальную форму за счет закругленных углов и сужения в ЮВ части, размеры 2,0 x 1,0 м, дно горизонтальное. Захоронение взрослого человека совершено на спине вытянуто, головой на СЗЗ. Под скелетом – коричневый тлен. У левой руки – часть тушки мелкого животного. На нее был положен сломанный на две части железный нож длиной 10,5 см (Рис. 7, 6). Слева от костяка – три бронзовых наконечника стрел (Рис. 7, 2-3), сохранились 2, в области ребер две ворворки (Рис. 7, 4-5). Наконечники стрел бронзовые, трехлопастные, относятся к типам П.5. 7 и П.5. 5 по А. И. Мелюковой [Мелюкова, 1964, рис. 1]. Ворворки бронзовые высотой 2 и 2,6 см, двух типов, известных в V и в V-IV вв. до н. э. Интересно присутствие ворворки в виде широкого колокольчика с четко выраженной верхней площадкой. Захоронение, судя по форме могилы, положению костяка и инвентарю находит достаточно широкий круг аналогий в Крыму и Степном Причерноморье, как в курганах, так и в грунтовом могильнике на о. Хортица. Курганы с такими же основными захоронениями в это же время известны на Южном Буге у Ковалевки и в Поднепровье [Мурзин, 1984, с. 41; Гребенщиков, 2008, с. 28; Субботин, Охотников, 1981, с. 106]. Погребение может быть отнесено к первой половине V в. до н. э.

Курган 3 скифский (Рис. 8, 1), высота 0,8 м, диаметр около 24 м. Каменную насыпь опоясывал кромлех диаметром 11 м из необработанных плит и крупного камня.

Погребение 1 (Рис. 8, 2). В центре кургана выявлены контуры каменного склепа, ориентированного с ЮЗЗ на СВВ. Сохранился цокольный ряд кладки, сложенный из орфостатных, грубо обколотых плит. Западная стенка состояла из одной плиты, северная – из двух, южная – из трех плит. Плиты продольных стен наклонены внутрь, верхние ряды кладки, очевидно постелистые, так же как и плитовое перекрытие камеры, были разобраны. Длина прямоугольной камеры по дну 2,6 м, ширина 0,9-1,0 м, сохранившаяся высота стенок 0,7-0,8 м. Дно грунтовое. На нем в слое плотного затечного чернозема, найдены измельченные обломки человеческих костей. Здесь же найден фрагмент днища лепного сосуда. Короткий дромос находился с восточной стороны и с двух сторон был обрамлен плитами (по одной с каждой стороны), которые продолжали линии длинных стенок камеры; между ними лежал ряд камней, перекрытых сверху плитой, служившей полом дромоса. Высота ступеньки – 0,5 м. Подобные гробницы характерны для IV в. до п. э.

Курган 4 скифский высотой 0,7 м, диаметром около 20 м. Насыпь кургана из чернозема с включением отдельных камней; центральную часть окружал кромлех или обкладка каменной гробницы (?) из бутовых и плитчатых камней. Ее диаметр 8-9 м, сохранилась фрагментарно, разобрана в новое время. В СВ секторе кургана от его поверхности до уровня погребенной почвы прослежен сплошной завал камня и плит от полностью разрушенной каменной гробницы. На остальной площади кургана в насыпи встречались отдельные камни и их небольшие скопления. Достаточно вероятно датировка кургана IV в. до п. э.

Курган 5 скифский, высота 0,5 м диаметр около 18 м (Рис. 9, 1). На поверхность выступала известняковая плита разрушенной каменной гробницы. Насыпь грунтовая с включением камней. Под центральной частью насыпи обнаружена овальная крепида или обкладка каменной гробницы диаметром 9 x 7 м.

Погребение № 1. Внутри кромлеха выявлены остатки каменной гробницы скифского времени, ориентированной с востока на запад с небольшим отклонением к СВВ – ЮЗЗ (рис. 9, 2). От конструкции сохранились основания нескольких плит. Реконструируемая длина 2,8 м, ширина 1,0 м, основания плит впущены в погребенную почву на 0,1 м. Дно гробницы грунтовое, с небольшим уклоном к западу. Инвентарь отсутствовал.

В целом, единообразие остатков каменных конструкций, исследованных в курганах 4 и 5, позволяет предположить, что это склепы и датировать IV в. до н. э.

Курган 6, эпохи бронзы с досыпкой скифского времени. Высота 1,6 м, диаметр около 33 м. Досыпке предшествовало скифское погребение 3. Досыпка грунтовая, насыщенная камнем, с крепидой диаметром 11-12 м, сложенной из плитчатых камней. С ней связано скифское погребение 2, впоследствии в нее была впущена скифская каменная гробница, уничтоженная выборкой камня.

Погребение 2 скифское (Рис. 10, 1-6), располагалось в центре кургана. Могила в плане подовальной (ладьевидной) формы, размеры: длина 2,25 м, ширина СВ части до 1,0 м, ЮЗ – 0,45 м. СЗ стенка отвесная, остальные – с подбоем; ориентация СВ - ЮЗ. Перекрытие состояло из каменных плит. Захоронение крупного человека совершено

на спине, ориентация на СВ, ноги в коленях немного подогнуты, череп отсутствовал. У правой руки погребенного трубчатые кости мелкого животного. У правого плеча лежал железный наконечник копья (Рис. 10, 3), рядом с его втулкой – бронзовая ворворка от чехла (Рис. 10, 2), слева от бедра под стенкой нечеткие контуры горита (колчана?), расписанного красной и яркой синей красками, которые при зачистке выцвели; в нем обнаружено 47 бронзовых наконечников стрел (Рис. 10, 6). В ЮЗ углу могилы находились фрагменты втока копья. Наборной пластинчатый пояс находился под костями таза, его концы, по мнению исследователей кургана, были завязаны на руках погребенного (Рис. 10, 4-5).

Втульчатый железный наконечник копья, с треугольным (остролистным) пером, нервюра с одной стороны (?). Длина наконечника 27 см, длина пера 17 см. Ближайшей крымской аналогией является наконечник из основной могилы кургана 2 у с. Калинино, погребение отнесено ко второй половине V – первой половине IV в. до н. э. [Колотухин, 2000, с. 22-23]. Определенное сходство можно видеть и в нервюре копья из основного погребения кургана 8 у Волчанска в Северо-Западном Приазовье, датируемого второй половиной V в. до н. э. [Полин, Кубышев, 1997, с. 46, рис. 6, 6].

Ворворка бронзовая колоколовидной формы; ее высота 2,3 см, диаметр основания 1,5 см, диаметр верха 0,9 см (Рис. 10, 2].

Наконечники стрел бронзовые, трехлопастные, среди них: архаичный трехлопастной с лавролистной головкой; наконечник близкий типу П. 4.10; большинство относится к типу П. 4.3 и различается лишь степенью сточенности; несколько можно отнести к типу П.6.6 по А. И. Мелюковой [Мелюкова, 1964, рис. 1]. Особенностью набора являются немногочисленные, но все же заметные экземпляры ранних и редких стрел. В целом, подобный набор представляется характерным для середины – второй половины V в. до н. э.

Наборной пояс состоял из тонких железных пластин длиной 2,5 см, шириной 1,0 см, толщиной около 0,1 см. Концы пояса были оформлены бронзовыми пластинами – с одной стороны две, с другой – три. Металлическая часть пояса крепилась, на кожаную основу. В целом погребение можно отнести к середине – второй половине V в. до н. э.

Погребение 3 скифское (Рис. 7, 7-11) находилось в центральной части кургана. Впущено с поверхности первичной насыпи, материковый выброс располагался непосредственно под досыпкой. Могила в плане имела форму, близкую к овальной (ладьевидной) стенки отвесные, юго-восточная в нижней части с подбоем, ориентирована с ЮЗ на СВ. Размеры: длина 2,32 м, ширина ЮЗ части 1,4 м, СВ – 0,65 м, глубина – 1,35 м. Могила разграблена, разрозненные кости скелета встречены как на дне, так и в засыпи. Здесь же найдены отдельные железные панцирные пластины (Рис. 7, 9), бронзовые пластины панциря и боевого пояса (Рис. 7, 8), обломки железных копий (Рис. 7, 10), фрагмент железной ручки ножа (Рис. 7, 11). Ножи с подобными рукоятками редки, но известны в степях, хорошо представлены они в материалах Елизаветовского могильника на Дону [Марченко, Житников, Копылов, 2000, рис. 91]. В хронологических рамках Наумовского могильника погребение 3 может быть датировано временем не позднее V в. до н. э.

Курганы у сел Виноградovo – Луговое (Сакский район). Группа курганов, состоящая из 15 насыпей, является западной частью курганной гряды, проходящей по территории Сакского, Первомайского и Красногвардейского районов. В нее так же входят курганы, раскопанные у сел Григорьевка, Дальнее, Открытое⁵. На участке Виноградovo – Луговое курганы расположены над верховьями Рунновской и Барановской балок, ведущих к оз. Сасык-Сиваш, на степной равнине в 1,5-3 км к северу от сел Виноградovo и Луговое (Рис. 11, 1). Протяженность этой части гряды с запада на восток 8 км. Курганы размещены либо по одному, либо небольшими группами по 2-3 насыпи, расстояние между которыми достигает 1-2 км.

Могильник начал формироваться в эпоху бронзы, окончательно оформился в скифское время. Точного топографического плана некрополя в нашем распоряжении нет, скорее всего, его нет вообще. На плане, опубликованном В. А. Колотухиным и Г. Н. Тошевым (Рис. 11, 2), отсутствовали курганы, которые не были исследованы, так как они не входили в орошаемые площади. Раскопки курганов проводились Северо-Крымской экспедицией под руководством В. А. Колотухина в 1989-1990 гг. При проведении полевых работ, курганная группа была условно разделена на две части, с отдельной нумерацией курганов [Колотухин, Тошев, 2000, с. 71-112]⁶. В 1989 г. у с. Виноградovo были раскопаны курганы 1-4, завершившие западную часть группы. В 1990 г. раскопаны курганы 9-11, расположенные в центральной части, всего 7 курганов. Курганы 5-8 не исследовались. Раскопки курганов у Луговое производились в 1990 г., здесь были исследованы 11 курганов, топографически представлявшие собой восточную часть группы.

Из 18 раскопанных курганов к скифскому времени относились 3 насыпи, датируемые IV в. до н. э. Общее количество могил, уверенно относимых к скифскому времени – не более 10. Каменных гробниц 3, одна из них определена как склеп, еще одна может быть охарактеризована как склеп, третья, по заключению исследователя курганов,

⁵ Публикация нескольких погребений из этой группы была предпринята В. А. Колотухиным [Колотухин, 2000, с. 48-50].

⁶ В тексте номера курганов у Луговое сопровождаются литерой Л, у Виноградovo литерой В.

не поддается интерпретации. Одна гробница является каменным ящиком V в. до н. э. Грунтовых могил обнаружено 4, одна из них относится к V, одна к V-IV и две к IV вв. до н. э. Подбойных могил 2, одна относится к V, а другая к IV вв. до н. э.

Не исключено, что в курганах эпохи бронзы находилось еще не менее 6 впускных скифских каменных гробниц, однако состояние этих скоплений бутового камня и обломков каменных плит, при отсутствии датирующего материала не позволяет выйти за рамки предположения. Отсутствие датирующего материала, заставляет отнести как к предположению к скифской этно-культурной атрибуции еще трех грунтовых и подбойных могил и одного каменного ящика.

Курган 1 В, относился к эпохе бронзы, в нем обнаружены два погребения, скифских по определению, предложенному исследователем кургана [Колотухин, Тощев, 2000, с. 71].

Погребение 2, впускное, находилось в центральной части насыпи. Контур могилы не прослежен, костяк лежал в вытянутом положении на спине головой на восток. Атрибуция погребения, как скифского вероятно, но отсутствие хроноиндикаторов и вообще погребального инвентаря, позволяет отнести к версии В. А. Колотухина и Г. Н. Тощева, как к предположению⁷.

Погребение 6, впускное, находилось в центральной части насыпи севернее погребения 2. Могила подбойная, длиной 1,8 м, ширина подбоя 0,5-0,7 м, ориентирована с СВВ на ЮЗЗ. Костяк взрослого человека разрушен животным, проникшим в могилу, череп находился в 3 части подбоя, погребального инвентаря не было. И в данном случае, скифская этно-культурная атрибуция вызывает сомнения.

Курган 2 В, относился к эпохе бронзы. Впускное захоронение 3, смещенное на 8 м к СВВ от центра кургана, совершено в подбойной могиле (рис. 11, 3). Подбой размером 2 x 0,7 м примыкал с северной стороны ко входной яме. Вход в подбой был в один – два слоя заложен необработанными каменными плитами⁸. Костяк лежал в вытянутом положении на спине, был ориентирован на СЗ, ноги, по описанию исследователя кургана, перекрещены в голеностопе⁹. Погребальный инвентарь отсутствовал. Погребение определено как скифское [Колотухин, 2000, с. 48], но оно может относиться и к сарматскому, и к средневековому времени. Например, СЗ ориентация, заклад подбоя плитами и перекрещивание или сведение ног характерно для погребений позднесарматского времени. Более уверенно включать его в группу скифских могил, можно было бы в том случае, если бы в кургане располагалось еще одно скифское погребение, находящееся в центральной части насыпи. Однако признаков существования в кургане подобной могилы исследователи не отметили [Колотухин, Тощев, 2000 с. 74-77].

Курган 3 В был сооружен в эпоху бронзы, насыпь полуразрушена. Сохранившаяся часть насыпи скрывала под собой участок дуговидной кладки из бута и обломков плит, которые исследователи интерпретировали как остатки кромлеха [Колотухин, Тощев, 2000, с. 77]. Впускное погребение 6 находилось в СВ поле кургана. Могила грунтовая, подпрямоугольная с сильно закругленными углами, размером 1,55 x 1,25 м, ориентирована с СВ на ЮЗ, ограблена. В засыпи отмечены обломки человеческих костей и придонная часть амфоры. Судя по планиграфии кургана, детскому погребению могла предшествовать центральная скифская гробница, подобная система расположения погребальных сооружений характерна для IV в. до н. э.

Курган 9 В относился к эпохе бронзы. Есть основания считать, что в кургане существовала каменная скифская гробница, находившаяся в центре. В изрытой центральной части насыпи до глубины 1,2-1,4 м, при высоте кургана, к моменту раскопок составлявшей всего 0,8 м, исследователи фиксировали бессистемное скопление камней различного размера и обломки плит [Колотухин, Тощев, 2000, с. 79].

Курган 10 В был сооружен в эпоху бронзы, к моменту исследования его диаметр составлял 25 м. Первичная насыпь высотой 1 м и диаметром 11 м, была опоясана крепидой из крупного бута и плитчатых обломков камня, внутри крепиды шла каменная наброска из мелкого бута и плитняка. Досыпка же насыпи была грунтовой.

Впускное погребение 1, расположенное в центре кургана, отнесено исследователями к скифскому времени [Колотухин, Тощев, 2000, с. 81]. Полностью ограбленная гробница представляла собой прямоугольный ящик [Колотухин, Тощев, 2000, рис. 55, 3], ориентированный с ЮЗ на СВ. Стены сложены из подтесанных каменных плит. Две торцовые стены и одна продольная стена состояли из одной плиты каждая, вторая продольная стена была составлена из двух плит. Размеры ящика 2,1 x 0,6 м, глубина до 0,7 м. Подобное соотношение длины и ширины не характерно для гробниц скифского времени. В разграбленной могиле обнаружены только мелкие обломки человеческих костей. Исходя из ориентации ящика, его можно было бы отнести к V-IV вв. до н. э. Однако скифскую этно-культурную характеристику объекта затрудняют не только пропорции, но и то, что в этой же курганной группе, в курганах 5 и 6 у с. Луговое обнаружены вытянутые средневековые захоронения с СВ ориентацией, совершенные в аналогичных плитовых могилах [Колотухин, Тощев, 2000, с. 104-112].

Курган 12 В скифский, высотой до 1,1 м, диаметром около 25 м. Под изрытой грабителями насыпью кургана

⁷ К тому же, безинвентарные скифские могилы в центре курганной насыпи автору неизвестны.

⁸ Это тот, редкий случай, когда погребение, интерпретированное как скифское, имеет плитовый заклад подбоя.

⁹ Судя по чертежу, стопы не перекрещены, а сведены вместе.

была обнаружена крепида диаметром 11-12 м, сложенная из бутового камня и плитчатых обломков уложенных плашмя. Насыпь насыщена камнем, в центре скопление бутовых камней и подтесанных плит, по мнению исследователя кургана это остатки полностью разрушенного каменного склепа.

В северной части кургана, с внешней стороны крепиды, в направлении с З на В располагались: круглая яма диаметром 2 м, овальная грунтовая могила 2 размером 3,5 x 2,4 м, ориентированная на запад и такая же по форме и ориентации грунтовая могила 4 размером 1,8 x 1,2 м. В яме, отнесенной исследователем к скифскому времени, обнаружены обломки амфоры и зуб лошади, в могиле 2 кости крупного животного, лежавшие в центре и мелкие осколки амфоры, в могиле 4 обломки костей крупного животного, а в ее заполнении – череп лошади. С Ю стороны у кромлеха находилась средневековая могила 3, ориентированная с СВВ на ЮЗЗ, размером 4,0 x 2,2 м, на дне которой лежали железные ножницы и ручка амфоры. Учитывая то, что определение амфор не было произведено, вопрос о датировке ямы и впускных могил 2 и 4 остался открытым. Сам же курган, скифский, судя по интерпретации центральной гробницы, как остатков склепа, может быть датирован IV в. до н. э.

В кургане 13 В эпохи бронзы, обнаружены два впускных погребения скифского времени.

Погребение 2 располагалось в центральной части кургана [Колотухин, 2000, с. 48-49]. Захоронение совершено в подбойной могиле, ориентированной с З на В, размеры входной ямы 2,6 x 0,85 м, подбоя - 2,45 x 0,6 м (Рис. 11, 4). Костяк взрослого человека лежал в вытянутом положении на спине, черепом на В. У левой руки отпечаток истлевшего предмета со следами красной и черной краски. Справа - железный наконечник копья (Рис. 11, 6). В восточном конце входной ямы найдены кости крупного животного, железный нож (Рис. 11, 8) и гераклеяская амфора с клеймом Бакх+ Аполлоний (Рис. 11, 5), на границы ямы и подбоя - чернолаковый килик (Рис. 11, 7) с отбитыми ручками и ремонтными отверстиями.

Наконечник копья с обломанным кончиком пера, длиной 32 см (полная длина не менее 44 см) относится к редкому третьему отделу копий по классификации А. И. Мельковой [Мелюкова, 1964, с. 42]. Характеризуется клиновидным клинком с коротким, под тупым углом, переходом пера к втулке.

Амфора гераклеяская, высота сосуда 70 см, диаметр тулова 28 см. Магистрат Бакх отнесен к 4 магистратской группе гераклеяского клеймения, датированной серединой 50-х – серединой 30-х гг. IV в. до н. э. [Монахов, 2003, с. 125].

Чернолаковый скифо-килик высотой 9,0 см, и диаметром 11,5 см. Сосуд явно изношенный, разбитый и восстановленный, ручки утрачены еще в древности. Форма скифо-килика и штампованный орнамент в виде розетки, окруженной насечками позволяют отнести его ко второй четверти IV в. до н. э. [ср. Sparkes, Talcott, 1970, cat. 655].

Ориентируясь на амфору, погребение можно датировать серединой - третьей четвертью IV в. до н. э.

Погребение 5, впускное находилось в центральной части кургана на 5 несколько метров севернее погребения 2. Прямоугольная грунтовая могила с наклоненными внутрь стенками была ориентирована с З на В (Рис. 12, 1). Ее размеры по дну 2,27 x 0,8 м. В засыпи обнаружены просевшие в могилу каменные плиты перекрытия. Захоронение взрослого человека было совершено в вытянутом положении на спине головой на З, правая нога подогнута. В области шеи обломки бронзового круглопроволочного височного кольца или серьги, на запястье правой руки два железных проволочных браслета с утолщениями на концах (Рис. 12, 11), разрушившиеся при зачистке [Колотухин, 2000, с. 49]. Судя по расположению в кургане, женское погребение 5 может быть связано с погребением 2 и относится ко времени не ранее второй половины IV в. до н. э.

Курган 1 Л датирован исследователями бронзовым веком [Колотухин, Тощев, 2000, с. 86-87]. Высота 1,15 м, диаметр 25 м. Основная могила, она же единственная обнаруженная в кургане, относится к срубному времени. На полах насыпи под пахотным слоем остатки каменной обкладки диаметром 13 м сложенной из крупных плитчатых обломков известняка и разномерного бута, и сохранившейся на ширину 2-4 м. Каменный панцирь опоясывает неглубокий ровик. Возможно, это остатки могилы скифского времени. В центре насыпи - округлый перекоп размером 6 x 5 м и глубиной около 1 м. Видимо в центр была впущена каменная гробница, которая, судя по обломкам половешкий изваяний, повторно использовалась в средневековое время.

Курган 2 Л (Рис. 12, 2) датирован скифским временем [Колотухин, Тощев, 2000, с. 86]. Высота 0,7 м, диаметр 22 м, под насыпью зафиксирован каменный кромлех диаметром 13,5 м, состоявший из плитчатых обломков известняка, уложенных плашмя, сохранившийся на высоту одного ряда. Поверхность между крепидой и расположенной в центре кургана полуразрушенной каменной гробницей была покрыта камнем.

Погребение 1, склеп. В центре кургана на уровне древнего горизонта была сооружена овальная каменная гробница, сужающаяся к ЮЗ концу, с погребальной камерой и дромосом, расположенными внутри сооружения (рис. 12, 3). Ее размеры по внешнему обводу 6,2 x 4,3 м. Внешний слой представлял собой постелистую кладку из плитчатых обломков камня, сохранившуюся местами на высоту 0,7-0,8 м. Пространство между облицовкой и погребальной камерой было заполнено мелким бутом. Камера и дромос склепа ориентированы по оси ЮЗ-СВ, дромос находился с ЮЗ стороны. Камера прямоугольная, размером 2,07 x 1,5 м. Цокольная часть стен была сооружена из грубо обработанных прямоугольных каменных плит высотой от 0,8 до 1,0 м. Тильная восточная стена вертикальна, в остальных случаях плиты установлены с незначительным наклоном внутрь. Вход в камеру располагался на высоте 0,8 м над уровнем ее грунтового пола. При такой конструкции, стены склепа должны были дополняться постелистой кладкой

на высоту не менее 0,6 м, скорее всего уступчатой, на которую опирались бы плиты перекрытия. От дромоса, находившегося на одной оси с камерой, сохранилась лишь одна плита высотой 0,7 м. Аналогией для реконструкции может послужить полностью сохранившийся степной склеп такой конструкции, относящийся к IV в. до н. э., из кургана 16 могильника Братское [Колотухин, Колтухов, 2007а, с. 104-105]. Склеп из Лугового был полностью разграблен и вычищен и единственной находкой в нем оказалась стеклянная бусина.

В едва заметном кургане 3 А луговской группы, относящемся к эпохе бронзы, перекопанный центр насыпи был насыщен бутовым камнем и обломками плит [Колотухин, Тощев, 2000, с. 92], что позволяет предположить существование здесь впускной каменной гробницы скифского времени.

Курган 4 Л эпохи бронзы высотой 2,2 м, диаметром 36 м, имел, по меньшей мере, две досыпки. На поверхности первой досыпки зафиксирована крепида диаметром около 11 м, сложенная из крупных плитчатых камней. Верхняя досыпка, с которой рационально связать крепиду, насыщена крупным и мелким камнем. Не вызывает сомнений существование в кургане разрушенной к моменту раскопок каменной, возможно, скифской гробницы. Помимо нее в кургане зафиксировано 2 впускных скифских погребения V в. до н. э.

Погребение 12, находилось в центре кургана, было впущено с поверхности первой досыпки. Захоронение было совершено в прямоугольной грунтовой могиле (Рис. 13, 1) длиной 2,25 м и шириной 0,94 м ориентированной с ЮЗ на СВ. Могила ограблена, в засыпи найдены обломки железных и бронзовых панцирных пластин, обломки копья и меча, наконечник стрелы (Рис. 13, 5), две миниатюрные огранные бронзовые ворворки усеченно-конической формы и усеченно-коническая железная ворворка (Рис. 13, 2-4). Ворворки такого размера могут происходить как от панциря, так и от чехлов для копий. Наконечник стрелы базисный стройный трехлопастной может быть отнесен, как ко второй половине V, так и к первой половине IV в. до н. э. Погребение допустимо датировать последней четвертью V в. до н. э.

Погребение 7, судя по инвентарю женское, находилось в ЮВ секторе насыпи. Оно, было совершено в катакомбе типа I/1 по В. С. Ольховскому (Рис. 12, 4). Дно входной ямы отделено от дна камеры ступенькой высотой 0,15 м. Камера овальная, размером 2,2 x 1,15 м, прослежена на высоту 0,5 м, ориентирована с ЮЗ на СВ. Скелет человека лежал в вытянутом положении на спине черепом на ЮЗ, и был смещен к тыльной стенке подбоя. Комплекс находок тщательно охарактеризован В. А. Колотухиным [Колотухин, 2000, с. 49-50]. У ног была положена часть туловища мелкого животного (ягненка?) и железный нож. В подбое у его истлевшего заклада, очевидно деревянного, стояла фасосская амфора (Рис. 12, 7), в головах находился чернолаковый скифос (Рис. 12, 9). В ногах лежало бронзовое зеркало диаметром 12 см с закраиной и остатками железной ручки (Рис. 12, 10), рядом стоял гончарный кувшин с росписью в виде полос красной краски (Рис. 12, 8). В области грудной клетки находились мелкие двухчастные, полые внутри электровые бусы, несколько стеклянных бусин (Рис. 12, 5) и фрагмент бронзовой пластинки со следами рельефного орнамента. На стопе правой ноги лежал бронзовый огранный стержень, а в засыпи могилы найден бронзовый штыревидный предмет с полым каналом внутри (Рис. 12, 6).

Для датировки погребения, несомненно, особую роль играет фасосская амфора коническо-биконического типа, раннебиконической серии, высотой 62 см, с диаметром тулова 24 см. По профилю она наиболее близка амфоре поселения Сладките Кладенцы, хотя и несколько меньше ее по размерам [Монахов, 2003, табл. 41,7]. Начало производства таких сосудов С. Ю. Монахов относит к 420-425 гг. до н. э. [Монахов, 2003, с. 66]. Небольшой скифос высотой 9,4 см с диаметром венчика 11 см близок по форме и размерам скифосу афинской Агоры [Sparkes, Talcott, 1970, cat. 347], датированному 420-400 гг. Двуручный с коническим горлом плоскодонный кувшин, очевидно, относится к этому же времени. Таким образом, погребение может быть датировано не первой половиной V в. до н. э., как предполагал В. А. Колотухин, а последней четвертью V в. до н. э.¹⁰

Курган 7 Л эпохи бронзы. В скифское время насыпь была досыпана и окружена неглубоким ровиком диаметром 17 м. В центре кургана была сооружена каменная гробница размером 5 x 4 м, ориентированная с ЮЗ на СВ, интерпретированная В.А. Колотухиным как остатки склепа с камерой размером 1,85 x 0,85-1,0 м. Подобные размеры скорее всего неточны. Как правило, скифские могилы, находящиеся в центре курганов имеют длину не менее 2 м, впрочем, ошибка была вполне возможна, учитывая степень разрушения гробницы. Определение гробницы в качестве склепа, также вызывает сомнения. Скорее всего, это каменный ящик в обкладке из бутового камня. На дне камеры и на остатках каменной обкладки найдены два бронзовых наконечника стрел (Рис. 13, 6). Один трехлопастной с выступающей втулкой который можно отнести к типу II. 4.4. а второй трехлопастной со скрытой втулкой, относящийся к типу II. 5.11. по А. И. Мелюковой. Наиболее вероятно датировка гробницы V в. до н. э., что, в свою очередь, позволяет считать ее каменным ящиком, а не склепом.

Курган 8 Л, имел вид едва заметного холмика, при раскопках были зафиксирован кромлех, стоящие на ребре плиты, многочисленные камни, в том числе и остатки вымостки дна гробницы из мелких плитчатых камней (Рис. 13, 7). Здесь же найдены три обломка амфорных ручек и фрагмент венчика амфоры. Это позволило В. А. Колотухину интерпретировать скопление камня, как остатки каменной гробницы скифского времени. К находкам отнесена трех-

¹⁰ Книга В. А. Колотухина, посвященная киммерийским и скифским погребениям Степного Крыма была подготовлена к изданию в начале 90-х гг. XX века, вполне соответствовала уровню знаний этого времени, но корректировке до момента издания в 2000 г. не подвергалась.

лопастная бронзовая стрела с едва выступающей втулкой (Рис. 13, 8), которую можно связать с V-IV вв. до н. э.

Курган 15 Л эпохи бронзы.

Погребение 1, впускная скифская могила (Рис. 13, 9) располагалась в центральной части насыпи со смещением на 5 м к СВ. Яма овальная размером 1,83 x 0,8 м. Захоронение взрослого человека было совершено на спине головой на ЮЗЗ. У правой руки была положена часть тушки мелкого животного. Под лопаткой обнаружен небольшой фрагментированный железный нож с горбатой спинкой. Вполне вероятно, что в центре кургана находилось еще одно, полностью разрушенное скифское погребение. Могила может быть датирована V-IV вв. до н. э.

Курганы у с. Суворовское (Сакский район). Группа курганов, исследованная в 1985 г. Северо-Крымской экспедицией на степной равнине севернее Евпатории, была расположена в 8-9 км от Керкинитиды (Рис. 14, 1) западнее Маматкуйской балки, ведущей к оз. Сасык-Сиваш (Рис. 14, 2). Раскопки проводились под руководством В. А. Колотухина. Три кургана из 25 (11-13) были исследованы Крымской экспедиции ИА АН СССР под руководством В. С. Ольховского [Ольховский, 1993, с. 26-44], оказавшей в 1985 г. помощь СКЭ.

Исходя из топографии объектов исследования, можно говорить о том, что на орошаемых площадях, расположенных вдоль шоссе Суворовское - Великое оказались два курганных могильника. Юго-восточный могильник состоял, по меньшей мере, из 22 курганов. Доминировал на местности курган высотой 5 м (раскопки его не проводились). В северо-западном могильнике были раскопаны 5 курганов (16-19), 4 из них располагались цепочкой на протяжении 200 м. Сюда же условно включен отдельно расположенный курган 20, он находился на значительном расстоянии к югу от них, топографическую ситуацию вокруг него прояснить не удалось.

В целом у Суворовского из 24 курганов 12 были скифскими, еще 5, практически полностью разрушенных курганов, могут быть отнесены к скифскому времени предположительно.

Все исследованные курганы подвергались и ограблениям, и разборке на камень, и многолетней распашке, что привело к существенным, а нередко и полным разрушениям насыпей и многих могил скифского времени. Результаты работ публиковались трижды, так курганы 11-13 были изданы В. С. Ольховским [Ольховский, 1993, с. 26-44], курганы с погребениями эпохи бронзы опубликованы В.А. Колотухиным и Г. Н. Тоцевым [Колотухин, Тоцев, 2000], часть скифских погребений из этих курганов вошли в одну из монографий В. А. Колотухина [Колотухин, 2000, с. 43-47]. Однако, несмотря на интенсивную издательскую деятельность, в научное обращение были введены далеко не все материалы раскопок.

Юго-восточный могильник. В нем, в высотном и пространственно-организационном отношении доминировал большой курган с топонимом (Рис. 14, 3). К С-З от него цепочкой располагались скифские курганы 11-13. К Ю-В, не далее чем в 100-200 м располагались курганы 7-10. В курганах 9 и 10 основные погребения относились к эпохе бронзы. Юго-восточнее и с небольшим, не более чем в 100 м смещением к Ю-З от кургана 7, располагалась цепочка из 4 курганов (4-6, 6а), ориентированных с С-З на Ю-В, те из них, в которых сохранились погребальные сооружения, относились к скифскому времени. В 300 м к востоку от кургана с топонимом, с С-З на Ю-В разместились группа из 6 курганов (2, 2а, 2б, 2в, 3, 3а). В ней к эпохе бронзы относился курган 2. Курган 3, несомненно, был скифским, остальные, разрушенные в результате глубокой вспашки, скорее всего, были сооружены в скифское время. Примерно в 300 м к С-В от этих курганов находился отдельно расположенный курган 1, появившийся в эпоху бронзы. Таким образом, можно считать, что основой курганного могильника здесь послужили курганы эпохи бронзы, определившие общую конфигурацию некрополя. В скифское время, но не ранее V-IV вв. до н. э., в соответствии с принятыми у варваров пространственными представлениями, от курганов эпохи бронзы по оси С-З – Ю-В потянулись цепочки новых погребальных памятников, в количестве 3-4 насыпей¹¹.

Из 21 курганов к скифскому времени достоверно относится 10, из них один датируется V в. до н. э.; 4 – V-IV вв. до н. э.; 5 – IV в. до н. э. В могильнике обнаружено 26 скифских погребений. В одном случае это каменный склеп IV в. до н. э., в 7 случаях – каменные ящики или могилы с каменной обкладкой бортов, относящиеся к V-IV вв. до н. э., в 9 случаях тип каменной гробницы не установлен, в 5 случаях обнаружены грунтовые могилы, в 3 случаях тип могилы не определен. Наиболее ранними являются два впускных погребения в курганах эпохи бронзы, относящиеся к последней трети – четверти VI – первой половине V в. до н. э. К развитому V в. до н. э. могут быть отнесены 2 погребения кургана 6. К концу V-IV вв. до н. э. могут быть отнесены 3 погребения кургана 4. Пять погребений в курганах 11-13, три погребения в кургане 3 и остатки каменной гробницы в кургане 8 относятся к IV в. до н. э., остальные погребения широко датируются V-IV до н. э. В целом, характерно преобладание погребений IV в. до н. э.

Курган 1, эпохи бронзы высотой 0,5 м, диаметром 25 м. Впускное погребение 1 скифского времени находилось в центральной части насыпи со смещением к ЮВ. Костяк лежал в вытянутом положении на спине головой на З. В комплексе находок обломки кинжала с бабочковидным перекрестием, ромбическая костяная пластинка с отверстием в центре и два костяных наконечника стрел (рис. 17, 14, 15). Погребение датировано В. А. Колотухиным V в. до

¹¹ Часть скифских комплексов этого могильника была опубликована В. А. Колотухиным [Колотухин, 2000, с. 43-47], однако сделано это было выборочно, исходя из степени сохранности погребений. Реальная ситуация сложнее. Поэтому уже изданные комплексы автор намерен характеризовать по возможности кратко, уделив особое внимание неопубликованным или не полностью опубликованным материалам.

н. э. [Колотухин, 2000, с. 44]. Однако, исходя из той же аналогии, которую использовал и В.А. Колотухин, уместно датировать комплекс последней третью - четвертью VI – первой половиной V в. до н. э.

Группа кургана 2.

Сам курган 2 эпохи бронзы, впускных скифских погребений не имел [Колотухин, Тощев, 2000, с. 116]. Близ него располагались курганы 2а, 2б, 2в. В полевом дневнике из-за отсутствия выраженных признаков погребальных сооружений курганы не описаны, однако они были нанесены на план могильника (Рис. 14, 3). Все они представляли собой микровозвышенности высотой 0,1-0,2 м, без четко выраженного диаметра, едва заметные в рельефе поля. Существование выраженной в рельефе насыпи одной из них, очевидно кургана 2а, подтверждается картой М 1:42000 (Рис. 14, 2). При снятии остатков насыпей, курганов 2а и 2в, фиксировались единичные обломки камня, и единичные фрагменты стенок античных амфор. Есть основания думать, что это маленькие скифские курганы с небольшими погребальными сооружениями из камня, возведенными на древнем горизонте, полностью уничтоженные выборкой камня и плантажной вспашкой. Подобное состояние скифских курганов, судя по результатам работ В. С. Ольховского между селами Колоски и Великое, а также у с. Приветное [Ольховский, 1980, с. 316; Ольховский, 1981, с. 293-294] не является редкостью на землях, лежащих между Евпаторией и оз. Донузлав.

Курган 3 (Рис. 15, 1) скифский, находился к югу от кургана 2. Насыпь была срезана при сельскохозяйственных работах, ее остатки в виде округлой платформы поднималась над полем на высоту от 0,5 по краям до 1,0 м в центре. В центре кургана обнаружена большая каменная гробница, с внешней стороны кромлеха в юго-западном секторе было совершено еще два погребения в отдельных могилах. От каменных сооружений уцелела их нижняя часть на высоту от 0,2 до 0,4 м. Первоначальный диаметр кургана, судя по остаткам кромлеха, сложенного из поставленных на ребро необработанных плит и бутового камня, в основном в один слой, составлял 19 м. В северо-восточной части кромлеха, на оси дромоса центральной гробницы, находился разрыв шириной 1,5 м, и протяженностью около 1,7 м, обложенный по краям бутовым камнем (Рис. 15, 1). В кургане существовала и внутренняя крепида, не отличавшийся по характеру кладки от внешней. Ее диаметр, составлял 10 м. Северо-восточная часть ее была спрямлена, в ней находился вход в дромос склепа шириной около 1,3 м и протяженностью 2,6 м, с двумя параллельными стенами, основания которых были сложены в один слой из разномерного камня.

Центральная гробница (Рис. 15, 1) сооружалась, по меньшей мере, в два приема. Погребальная камера склепа находилась в ее центре, ориентирована с СВВ на ЮЗЗ, дромос примыкал к ней с СВВ стороны. Пол прямоугольный, размером 2,5 x 2,4 м, был вымощен обработанными каменными плитами толщиной до 0,2 м, сохранившимися по периметру камеры. Центральная часть пола была разрушена при выборке камня и ограблении. С внешней стороны к полу примыкала отмостка из мелкого дикарного камня. Порогом служила обработанная плита, которая была выше пола на 0,16 м. От основания стен, внутренней частью установленных на вымостку, а внешней на отмостку, сохранились три хорошо обработанных, скорее всего, орфостатных плиты. Они обломаны на высоте около 0,45 м, длина их от 0,9 до 0,6 м, ширина - от 0,4 до 0,16 м.

С внешней стороны камеры фиксируются две обкладки. Внутренняя прямоугольная, с закругленными тыльными углами, на северо-востоке доходит до осевой линии стены погребальной камеры, с южной стороны ее следы не были отмечены. Ее ширина от 1,5 до 1,8 м, внешний слой сложен из рваного плитчатого камня и бута, внутренний представлял собой забутовку из мелкого камня. Очевидно, такое решение не было принято, и последовала перестройка, в результате которой ширина обкладки достигла 2-3 м, а концы внешнего слоя были выведены на линию северо-восточной стены. После чего возникла подпрямоугольная с закругленными углами каменная гробница размером в основании 8,5 x 6,6 м. Очевидно тогда же была сооружена внутренняя крепида, а несколько позже - внешний кромлех. Аналогии таким сооружениям известны в публикуемых в этой работе курганах у сел Наташино и Крыловка.

К сожалению, датировка комплекса осталась незавершенной. Большая тризна находилась близ разрыва во внешнем кромлехе и заходила внутрь, по направлению к входу в дромос. Она состояла из античных амфор и гончарных сосудов позднеклассического или раннеэллинистического времени. Подготовленная к разборке, тризна была уничтожена механизмами¹². В самом же склепе при расчистке была обнаружена ножка гераклейской амфоры (Рис. 15, 3), бронзовый трехгранный наконечник стрелы со скрытой втулкой (Рис. 15, 2), характерный для IV до н. э., а также стенка лепного сосуда. Эти находки позволяют отнести сооружение склепа к IV в. до н. э.

Погребение 2 (Рис. 15, 4) впускное, обнаружено в юго-западном секторе кургана близ внешнего кромлеха. Могильная яма овальная, размером 1,9 x 0,9 м, ориентирована с СЗ на ЮВ, стенки осыпались, но судя по сохранившимся участкам, они были вертикальными. В заполнении - бутовый камень, обломки плит от разрушенного перекрытия (?) и фрагменты чернолаковой чаши (Рис. 15, 7). В центре костяк взрослого человека, похороненного в вытянутом положении на спине головой на СЗ. Руки и ноги выпрямлены, у правого локтя - лепное коническое пряслице с крестообразным декором на дне (Рис. 15, 6), у черепа - круглая бронзовая серьга (Рис. 15, 5). Слева от костяка, смещенные к стенке могилы, лежали кости еще одного человека. И пряслице и серьга относятся к пред-

¹² По памяти, но достаточно уверенно, могу заметить, что в тризне фиксировались обломки гераклейских и фасосских амфор, возможно присутствие амфор Синопы и Херсонеса.

метам широко распространенным в скифское время. Серьга, изготовленная из тонкого, прямоугольного в сечении, перевитого и согнутого стержня, может быть охарактеризована по В. Г. Петренко, как изделие типа 27, варианта 5, относящееся к группе круглых серег, господствующих в Скифии в IV в. до н. э. [Петренко, 1978, с. 35-36]. Фрагменты чернолаковой чаши наиболее близки по профилю сосуду с афинской Агоры, датированному временем около 325 г. [Sparkes, Talcott, 1970, cat. 807].

Погребение 3 (Рис. 15, 8) впускное, обнаружено в юго-западном секторе кургана в 2,5 м к северо-востоку от могилы 2, между внешним и внутренним кромлехом. Прямоугольная плитовая гробница была ориентирована с СВ на ЮЗ. Стенки сложены из рваного по слою камня [сохранились лишь остатки цокольного ряда на высоту до 0,3 м, очевидно верх дополнялся постелистой или бутовой однослойной кладкой, а перекрытие было плитовым]. Гробница имела размеры 1,98 x 0,75 м, дно грунтовое. В могиле было совершено три захоронения. Кости двух скелетов были частью удалены из могилы, частью сдвинуты под северо-западную стенку. Костяк последнего погребенного лежал в вытянутом положении на спине головой на ЮЗ. У ног - лопатка небольшого животного и две трубчатые кости. На них найдены фрагменты железного ножа (Рис. 15, 9), а у левого колена фрагментированный миниатюрный гончарный сосуд (Рис. 16, 1), относящийся к группе лекифов, кремневый желвак, три стеклянные подвески пирамидальной формы (Рис. 15, 10) и две бусины, бронзовый наконечник стрелы (Рис. 15, 12). Еще 4 наконечника были найдены в засыпи могилы (Рис. 15, 11).

Прямые аналогии гончарному сосуду автору неизвестны, возможно, это местное подражание чернолаковым лекифам. Пирамидальные подвески бытуют длительное время, хотя характерны для IV-III вв. до н. э. [Алексеева, 1978, с. 69]. Трехлопастные и трехгранные наконечники стрел из засыпи могилы могут быть отнесены к IV в. до н. э. Лишь один из наконечников, сильно сточенный и притупленный, с выраженными лопастями и крупной втулкой относится ко времени скифской классики, видимо, его использовали как амулет (Рис. 15, 12).

В целом, датировка кургана и его могил не выходит за рамки IV в. до н. э.

Курган 3а примыкал к кургану 3 с северо-востока (Рис. 14, 3), и при разрушении кургана 3 был перекрыт остатками его насыпи. В 8 м от кромлеха кургана 3 на древнем горизонте лежали две подтесанные плиты и несколько крупных камней рваных по слою. Диаметр скопления 7 м. Очевидно, это остатки каменной гробницы, находившейся под разрушенной курганной насыпью.

Группа курганов 4-6а.

Курган 4, скифский, диаметр 22 м, высота 0,4 м. Прослеживались следы крепиды диаметром около 7-8 м. В центре находилась скопление бутового и плитчатого камня. Обнаружено 3 погребения.

Погребение 1, основная могила грунтовая, размером 1,9 x 0,6 м, глубиной 0,8 м, овальная (ладьевидная) с плитовым перекрытием находилась в центре кургана. Захоронение взрослого человека было совершено в вытянутом положении на спине головой на З. Погребальный инвентарь включал в себя железный нож и стеклянную бусину биконической формы.

Погребение 2, впускное, находилось строго над основной могилой. Костяк лежал на перекрытии нижней могилы, в вытянутом положении на спине головой на З. В погребальном инвентаре две глазчатые бусы из глухого стекла, костяное кольцо и бронзовый трехгранный наконечник стрелы с выраженной втулкой и кончиками лопастей (Рис. 16, 4-6).

По этой стреле (Рис. 3, 4) В. А. Колотухин датировал обе могилы IV в. до н. э. [Колотухин, 2000, с. 44]. Подобные наконечники известны в погребении, V в. до н. э. Такильского кургана [Мелюкова, 1964, табл. 7]. Встречены они в погребении Сторожевое 3 [Колотухин, 2000, с. 53, рис. 30, 17]. В этом случае, наиболее вероятной датой представляется последняя четверть V – начало IV в. до н. э. Бусы с сине-белыми глазками характерны для античного времени с IV в. до н. э. хотя могут заходить и во вторую половину V в. до н. э. [Алексеева, 1975, с. 65, тип 54]. Конечно, жестко привязывать датировку погребений к одной стреле не следует, однако можно думать, что могилы датируются в пределах второй половины V – середины IV в. до н. э.

Погребение 3, впускное, находилось под скоплением камня с незначительным смещением к северо-востоку от двух первых могил. Поврежденные костяки двух человек обнаружены на уровне поверхности материка под завалом камня, возможно под остатками небольшой, полностью разрушенной каменной гробницы. Один из костяков был смещен в сторону при подхоронении. Судя по остаткам второго костяка, захоронение было совершено в вытянутом положении на спине головой на северо-запад. Среди находок стеклянная пирамидальная подвеска и три миниатюрных камня со сквозными отверстиями (Рис. 16, 9-10).

Возможно, основанием для датировки погребений, по крайней мере, последнего, послужат обломки амфор из распаханной насыпи. Венчик красноглиняной амфоры (Рис. 16, 2), не был атрибутирован, соответственно датировка его возможна лишь в пределах V – IV вв. до н. э. Интересна ножка красноглиняной амфоры (Рис. 16, 3), фасосской, судя по размерам и профилировке. Скорее всего, она принадлежит сосуду коническо-биконического типа, развитой биконической серии, появляющейся в 70-х гг. и существующей до 30-х гг. IV в. до н. э. [Монахов, 2003, с. 67-68] Такая дата, соответствовала бы времени могилы 3.

Курган 5, скифский, диаметр 30 м, высота 0,4 м. Прослеживались отдельные плиты кромлеха, в центре, на пло-

щади до 7 кв. м располагалось скопление камня, видимо представлявшего собой остатки каменного перекрытия, под ним грунтовая могила.

Погребение 1. Размеры овальной (ладьевидной) могильной ямы - 2,15 x 0,9 м, прослеженная глубина 0,5 м, ориентация с ЮЮЗ на ССВ, стенки с подбоем. Могила ограблена, костяк разрушен. У стенок лежали железная втулка и вток копья (Рис. 16, 7, 8), и обломок бронзового наконечника стрелы. В такой ситуации, погребение можно охарактеризовать как скифское, относящееся к V-IV вв. до н. э., каких либо оснований для иной атрибуции и датировки у нас нет.

Курган 6, скифский, насыпь высотой не более 0,2 м, диаметром около 20 м была распахана. В центре кургана зафиксировано скопление камня и две грунтовые могилы. В этом случае, как и в кургане 5 скопление камня могло представлять собой остатки каменных перекрытий грунтовых могил.

Погребение 1 (Рис. 16, 11) располагалось в центральной части кургана. Могильная яма овальная, стенки с подбоем. Длина 1,9 м, ширина в центре 0,7 м, прослеженная глубина 0,5 м. Захоронение взрослого человека было совершено в вытянутом положении на спине головой на ЮЗ. С двух сторон от черепа находились кости небольшого животного (овцы-козы) - остатки жертвенной пищи. На уровне левого плеча лежал железный нож (Рис. 16, 13). У локтя левой руки находилась бронзовая ворворка, еще одна ворворка, и четыре бронзовых наконечника стрел были обнаружены в засыпи могилы (Рис. 16, 12, 14).

Ворворки, по классификации О. Д. Могилова, относятся к типу конических с вогнутыми боками, имеют достаточно пространную датировку. Впрочем, наиболее широко они распространены в V в. до н. э., хотя спорадически встречаются и в IV в. до н. э. [Могилов, 2008, с. 75]. Отсутствие в могиле, каких либо признаков конской узды, позволяет предположить, что ворворки связаны с поясом. Бронзовые наконечники стрел трехлопастные и трехгранные с выступающей втулкой. Один из них может быть определен как наконечник с башневидной головкой типа II. 10.10 по А. И. Мелюковой, второй близок одной из стрел кургана 1г Аджигольского могильника [Мурзин, 1984, рис. 25], третий относится к типу II.3.7. Четвертый, трехгранный втульчатый, скорее всего, принадлежит к типу III.2.8 [Мелюкова, 1964, рис. 1]. Аналогичный наконечник был найден в этой же части могильника в могиле 2 кургана 4. В. А. Колотухин датировал комплекс погребения второй половиной V – первой половиной IV в. до н. э. [Колотухин, 2000, с. 45], однако нам представляется возможным датировать погребение временем не позднее середины - второй половины V в. до н. э.

Погребение 2 (Рис. 16, 15), впускное, располагалось в 2 м восточнее погребения 1. Могильная яма овальная с наклонными продольными стенками. Длина 1,8 м, ширина 0,6 м, прослежена на глубину 0,35 м. Захоронение взрослого человека совершено в слабоскорченном положении с наклоном на правый бок головой на ЮЗ. В могиле обнаружены кости небольшого животного, под ними железный нож (Рис. 16, 16), в области шеи и у левого колена стеклянные биконические бусы (Рис. 16, 17), под костяком обломки железного кольца. Могила отнесена В.А. Колотухиным к скифским погребениям и датирована периодом от конца V до начала III в. до н. э. [Колотухин, 2000, с. 45]. Однако, более вероятно, что она очень близка по времени погребению 1.

Курган 6а, отмечен только на плане могильника, в иные формы полевой документации не включен. Представлял собой едва заметную микровозвышенность, находившуюся в нескольких десятках метров к северо-западу от кургана 6. Его существование подтверждается и картой М 1: 42000 (Рис. 14, 1-2). При раскопках в центре практически полностью распаханной насыпи были отмечены небольшое скопление камней. Очевидно, курган был сооружен над каменной гробницей, возведенной в скифское время на древнем горизонте, в дальнейшем полностью разрушенной при ограблениях, выборке камня и сельскохозяйственных работах.

Группа курганов 7-10 расположена с юго-восточной стороны кургана с топонимом. Небольшие курганы находятся на расстоянии нескольких десятков метров друг от друга. Курганы 8-10 образуют цепочку, ориентированную с северо-запада-запада на юго-восток восток, курган 7 примыкает к ней с юга.

Курган 7 скифский, диаметром 22 м и высотой 0,3 м был сильно поврежден распашкой. В насыпи обнаружен обломок ручки античной амфоры. В центре кургана располагалась разрушенная каменная гробница из поставленных на ребро необработанных плит, ориентированная с запада на восток (Рис. 17, 1). Предположительные внутренние размеры 2,2 x 1,2 м, дно грунтовое. В заполнении на 15 см выше дна обнаружены фрагментированные человеческие кости. Вокруг могилы прослежены остатки обкладки из бутового камня и необработанных плит.

Курган 8, скифский. Диаметр насыпи 28 м, высота 0,5 м. Диаметр крепиды, сохранившейся отдельными частями, около 9 м. На кромлехе найден обломок стенки рифленой амфоры, а в засыпи центральной каменной гробницы найдены венчик, рифленая стенка (Рис. 17, 4, 5) и ручка амфоры. В центре кургана на грунтовом возвышении высотой 20-30 см, имеющем выраженный скат по направлению к кромлеху, находились остатки разрушенной каменной гробницы, ориентированной с ЮЗЗ на СВВ, имевшей каменную обкладку, видимо овальную (Рис. 17, 2). Реконструкция внешнего периметра сооружения позволяет представить его как овал размером 6 x 4,4 м, что близко обкладке склепов. В грунтовом дне предполагаемой камеры существовал перекоп. В засыпи гробницы, помимо фрагментированных человеческих костей и уже названных обломков амфоры или амфор, найден фрагмент чернолакового сосуда, очевидно аска, (Рис. 17, 3) бусина, подвеска из коралла (Рис. 17, 7) и три бронзовых наконечника

стрел (Рис. 17, 6). Наибольший интерес для датировки представляют трехлопастные наконечники стрел. Аналогии им присутствуют как в колчанном наборе из погребения 1949/5 Ольвийского некрополя, отнесенного С. В. Полиным ко второй - третьей четверти V в. до н. э. [Полин, 1987, с. 31], так и в колчанном наборе из погребения 2 кургана 4 группы Страшной Могилы [Тереножкин, Ильинская, Черненко, Мозолевский, 1973, рис. 28, 7], которое, судя по чернолаковой миске, относится ко времени не ранее второй половины – последней четверти IV в. до н. э. [Sparkes, Talcott, 1970, cat. 808]. Аналогии есть и среди стрел погребения 2 кургана 3 у Николаевки [Мелюкова, 1975, рис. 54], также относящегося ко времени не ранее второй половины IV в. до н. э. Соответственно, и скифская каменная гробница из кургана 8 может быть датирована временем не позднее второй половины IV в. до н. э. Фрагменты рифленой амфоры или амфор можно, связать с разрушенным средневековым захоронением, некогда впущенным в каменную гробницу. Подобное использование скифских ящиков и склепов неоднократно наблюдалась в Северо-Западном и Центральном Крыму.

Курган 9 эпохи бронзы, диаметр 40 м, высота 0,6 м. Скифское впускное погребение 1 обнаружено в центре кургана непосредственно на границе древней почвы и пахотного слоя. Контуры погребального сооружения не прослежены. На этом же уровне близ костяка были зафиксированы отдельные вертикально стоящие, но явно смещенные со своих первоначальных мест плитчатые камни. Захоронение взрослого человека совершено в вытянутом положении на спине головой на СЗ (Рис. 17, 8). У левого бедра 20 бронзовых и 2 костяных наконечника стрел (Рис. 17, 13), один обнаружен в ребре спинного отдела грудной клетки. Около наконечников найден плоский песчаниковый оселок без отверстия (Рис. 17, 9), фигурная костяная накладка (Рис. 17, 12), которую В. А. Колотухин определил как накладку на лук [Колотухин, 2000, с. 46] и железный нож (Рис. 17, 11). Вдоль правой руки лежали остатки копья (Рис. 17, 10), у левого бедра зафиксированы фрагменты железной рукояти меча с бабочковидным перекрестием. Комплекс отнесен исследователем ко второй половине VI – первой половине V в. до н. э.

Наконечники стрел относятся к типам II. 5.10, II. 5.1, II. 5.9 по А. И. Мелюковой [Мелюкова, 1964, рис.1]. Аналогичные наконечники, происходят из кургана Кулаковского [Rau, 1929, taf. V; Яковенко, 1976, рис. 5, 2]¹³. В Степном Причерноморье известны в комплексе Верхней Тарасовки [Мурзин, 1984, рис. 13]. Анализ ольвийских стрел, проведенный С. В. Полиным [Полин, 1987, рис. 9], позволяет датировать их второй половиной VI – началом V в. до н. э. Датировка приемлема, однако, как представляется автору, существуют возможности корректировки. Например, в могиле ольвийского некрополя 96/1913, датированной началом V в. до н. э. были найдены 2 необработанных бронзовых трехлопастных базисных наконечника, вместе с ними находился четырехгранный костяной наконечник [Скуднева, 1988, кат. 231]. Интересна могила 82/1913, где обнаружено не менее 60 трехлопастных и трехгранных базисных наконечников и наконечников со слабо выступающей втулкой. Расположенные рядом, хорошо датированные могилы относятся к последней четверти VI – первой четвертью V в. до н. э. [Скуднева, 1988, кат.217-223]. Могила 49/1912 с близкими и аналогичными стрелами отнесена к последней четверти V в. до н. э. [Скуднева, 1988, кат. 176]. Скорее всего, датировка подобных, относительно «чистых» колчаных наборов, соответствует последней четверти VI – первой четверти V в. до н. э.

В этом плане, интересно погребение из кургана Надежда из юго-восточной части Степного Крыма. В колчанном наборе представлены трехлопастные базисные наконечники и трехлопастные и трехгранные наконечники с выступающей втулкой [Черепанова, 1985, с. 62-65]. Судя по классификации амфор С. Ю. Монахова, сосуд из кургана Надежда по профилю ножки может быть отнесен к четвертой серии амфор Эгеиды, датируемой в пределах первой четверти – первой трети V в. до н. э. [Монахов, 2003, с. 41, табл. 25, 6].

Группа наиболее хорошо сохранившихся скифских курганов 11–13, находилась северо-западнее кургана с тригопунктом. Насыпи вытянуты цепочкой с СЗ на ЮВ на протяжении 200 м (Рис. 14, 3). Курганы исследованы Крымской степной экспедицией ИА АН СССР под руководством В. С. Ольховского [Ольховский, 1993, с. 26-44]¹⁴.

Курган 11 скифский, диаметр 17 м, высота 0,5 м. Вокруг кургана прослежено широкое кольцевое углубление, грунт из которого использовали для сооружения насыпи. В насыпи обнаружены обломки ориентировочно 18 античных амфор, фасосских, гераклейских, херсонесских и ножка амфоры круга Фасоса (возможно Менде), а в перекопе могилы обломок чернолакового сосуда. Керамика позволяет датировать курган временем не ранее и не позднее IV в. до н. э., по мнению В. С. Ольховского, предположительно серединой столетия [Ольховский, 1993, с. 27]. Под насыпью находилась каменная крепида, местами расползшаяся, диаметром 20 м и шириной в среднем около 1 м (Рис. 18, 1). В западной части насыпи, среди камней был найден обломок каменного изваяния (Рис. 19, 6)¹⁵. В центре располагалась разрушенная гробница, возведенная на древней дневной поверхности (Рис.18, 1).

Погребение 1. Овальная в плане каменная гробница, ориентированная с запада на восток, серьезно поврежден-

¹³ В кургане Кулаковского, судя по любезному сообщению А. А. Алексеева и С. Н. Сенаторова, стрелы в массе своей базисные трехлопастные.

¹⁴ Качество раскопок насыпей курганов, благодаря оптимальному соотношению научного, научно-вспомогательного персонала и землекопов, удачному совмещению работ выполняемых механизмами, и работ производившихся вручную, а также ограниченному объему исследований, было очень высоким.

¹⁵ Скифские изваяния из этих курганов неоднократно публиковались В. С. Ольховским [Ольховский, 1993; Ольховский, 1992; Ольховский, Евдокимов, 1994].

ная грабежами, выборкой камня, траншеей времени ВОВ и последующей распашки находилась в центре кургана и была возведена на древней дневной поверхности. Ее размеры 7,5 x 5,25 м. Внешний слой был сложен из плитчатых обломков известняка, уложенных плашмя или поставленных с наклоном внутрь, за ним следовала забутовка из мелкого камня, примыкавшая к погребальной камере, находившейся в центре сооружения. По мнению исследователя кургана, камера имела вид каменного ящика, ориентированного с ЗЮЗ на ВСВ, от которого сохранилась необработанная западная торцовая плита, вкопанная на 20 см в грунт, стоявшая с наклоном внутрь, и восточная плита каменного пола. Внешний периметр камеры по размерам, указанным В.С.Ольховским, составлял 3,0-3,2 x 1,5-1,75 м, высота до 0,9 м. При расчете средней толщины плит в 0,2 м, внутренние размеры сооружения определяются как 2,4 x 1,1 м, либо 2,8 x 1,4 м. На плите пола сохранились отдельные кости, как минимум двух или трех человек. И размеры камеры, и размеры гробницы, в целом, а так же костные остатки нескольких скелетов, позволяют думать, что это остатки склепа IV в. до н. э.

Курган 12, скифский, диаметр 18 м, высота 0,75 м. Первичная насыпь каменная, диаметром 10 м, ограничена кольцевой крепидой из плитчатых обломков камня. В ней обнаружены фрагменты не менее чем 29 античных амфор: гераклейских, синопских, херсонесских, фасосских, хиосской и амфор островных центров (?). В насыпи два гераклейских клейма, одно не читаемое. Второе, восстановленное А. Б. Колесниковым, как EYΑ]PΧ|[OΔΓ]O, датировано второй четвертью IV в. до н. э. [Ольховский, 1993, с. 28]. По любезному определению С.Ю. Монахова, клеймо принадлежит магистрату Дионисию I и датируется 80-х - началом 70-х гг. этого столетия. В центре кургана на древнем горизонте были сооружены две смыкающиеся каменные гробницы, ориентированные с запада на восток (Рис. 18, 2).

Погребение 1 представляло собой каменный ящик из наклоненных внутрь плит, окруженный овальной обкладкой из плитчатых обломков камня, уложенных с наклоном к ящику и бута, заполнявшего пустоты. Стены ящика впущены в траншейки глубиной до 0,2 м. Размеры сооружения с обкладкой - 3,7 x 2,5 м, размеры камеры - 2,15 x 0,9 м, высота - 0,7 м. Перекрытие отсутствовало. В разграбленной могиле найдены глазчатые бусы, чернолаковая солонка с пробитым дном, обломок лепного сосуда, костяные проколки и костяная подвеска (Рис.18, 3). Солонка, судя по профилю и размерам аналогична солонке с афинской Агоры, датированной второй четвертью IV в. до н. э. [Sparkes, Talcott, 1970, cat. 943]. Бусы, наиболее характерны для IV-III вв. до н. э. Инвентарь, скорее всего, относился к женскому захоронению, однако, не исключено, что оно было не первым или не единственным в этой гробнице.

Погребение 2 представляло собой каменный ящик, сооруженный на древнем горизонте и пристроенный с севера к уже завершенной гробнице погребения 1, ориентированный так же, как и гробница 1. Кладка стен из плитчатых необработанных камней выведена уступами внутрь, она в основном однослойная постелистая, а в восточной стене двухслойная орфостатно-постелистая из плитчатых обломков камня, южная стенка полностью разрушена. Перекрытие отсутствовало. Размеры камеры: 2,1 x 0,9 м, высота стен до 0,8 м, дно грунтовое. В засыпи найдены кости не менее чем двух человек, на дне - 7 наконечников стрел и фрагмент железного ножа (Рис.18, 4). Стрелы трехгранные и трехлопастные, типологически близки некоторым стрелам из колчаных наборов 1 и 3 Бердянского кургана [Мурзин, Фиалко, 1998, рис. 1, 2], датируемого концом первой - началом второй четверти IV в. до н. э. [Полин, Ковалев, Чередниченко, 2000, с. 94-112].

Судя по предметам, поддающимся датировке, курган был сооружен во второй четверти IV в. до н. э. Херсонесское клеймо из насыпи и два черепа в гробнице 2, могут свидетельствовать в пользу того, что в кургане могли быть и более поздние подхоронения, на что указывал В. С. Ольховский [Ольховский, 1993, с. 28].

Курган 13 скифский с полуразрушенной насыпью, изначально имел каменное ядро диаметром около 10 м. В остатках насыпи обнаружены обломки не менее чем 10 амфор, среди них гераклейские, синопская, фасосская и одна типа Солоха¹⁶. В центре кургана находились две каменные гробницы.

Погребение 1 (Рис. 19, 1), прямоугольный каменный ящик с остатками обкладки из плитняка, ориентирован с ЮЗ на СВ, размеры 2,05 x 0,9 м, прослеженная высота 0,55 м. Торцовые стены сооружены из грубо обколотых плит, установленных в неглубокие траншейки с наклоном внутрь, продольные сложены из рваного по слою камня с уступом внутрь. Дно вымощено плитняком. В кладке северо-западной стены обнаружен железный наконечник и вток копья (Рис.19, 4). Перекрытие отсутствовало, в засыпи найден фрагмент базы каменного изваяния. На дне ящика остатки двух костяков, скорее всего женщины с ребенком, похороненных в вытянутом положении на спине, головой на ЮЗ. В ногах с южной стороны находилась овальная каменная плита, размером 51 x 30 x 5 см (Рис.19, 2), на которой лежал железный нож. Близ черепов обнаружены две подвески из раковин моллюсков и две стеклянные пирамидальные подвески синего цвета, судя по рисунку, в могиле находились и наконечники стрел (Рис.19, 3).

Наконечник копья длиной 25,5 см относится к типу достаточно широко распространенному в скифское время. Он характеризуется прокованными лопастями и ребром посередине пера. В Подонье например, аналогичный наконечник встречен в кургане 25 Сладковского могильника [Максименко, 1984, рис. 1, 7), относящемся, скорее всего,

¹⁶ К сожалению, не ясно о каком из типов амфор, по отношению к которым в прошлом веке применялось название Солоха, шла речь. Судя же по прорисовкам фрагментов ножек амфор из насыпи кургана [Ольховский, 1993, рис. 6, 1], здесь находилась пепаретская амфора солохинского варианта I-A [Монахов, 2003, табл. 68, 3, 4].

к концу V – началу IV в. до н. э. Небольшие наконечники с близким очертанием пера, в железном веке нередки в Северном Причерноморье [Мелюкова, 1964, с. 40], но наиболее характерны для северокавказского региона. [Махортых, Петренко, 1987, с. 56]. Стекланные подвески из синего стекла могут быть отнесены к IV или IV-III вв. до н. э. [Алексеева, 1978, с. 69]. Изображенные на рисунке, но не упомянутые в тексте, трехлопастные стрелы могут быть отнесены к IV в. до н. э.

Погребение 2 впускное, представляло собой каменную гробницу, пристроенную позднее к южному углу первой гробницы (Рис. 19, 1). Это ящик размером 2,1 x 0,5 м, ориентированный с СЗ на ЮВВ. Она сооружена из поставленных на ребро необработанных плит высотой до 0,45 м, скорее всего дополнявшихся постелистой кладкой из плитчатых обломков известняка. Одна из плит представляла собой фрагмент скифского изваяния (Рис. 19, 5]. Дно было вымощено плитняком, перекрытие отсутствовало. На дне вместе с остатками скелета найдены: свинцовое пряслице, две стекланные бусины (Рис. 19, 8], находившиеся в западной части могилы, обломки лепного сосуда и фрагменты двух гераклейских и одной фасосской амфоры. На горле одной из гераклейских амфор ретроградное треугольное клеймо (Рис. 19, 7) прочитанное как ΕΠΙ ΣΩ | ...ΙΟ... | [ΔΙ]ΟΝΥΣ[ΙΟ, где можно видеть имя магистрата Сосия отнесенного С. Ю. Монаховым к 80-м гг. IV в. до н. э.¹⁷

Северный участок состоял из трех курганов и располагался в 800-1000 м к северо-западу от кургана с тригопунктом. К эпохе бронзы в нем относился курган 14, курган 15 относился к скифскому времени (Рис. 1, 3), курган 15а не был датирован.

Курган 15 скифский с двумя погребениями. Насыпь полностью распахана, выделена по скоплению мелкого камня. При раскопках в ее остатках найден фрагмент ножки красноглиняной амфоры и обломок лепного сосуда с ручкой. Курган может быть отнесен к IV в. до н. э.

Погребение 1 основное, представляло собой разрушенную и разграбленную овальную каменную гробницу, впущенную в материк, ориентированную с З на В, сложенную из небольших плитчатых необработанных камней. Кладка комбинированная орфостатная и постелистая, пол вымощен плитняком. Ориентировочные размеры по внутреннему обводу 1,9 x 0,65 м, прослеженная глубина 0,45 м. В засыпи могилы - обломки костей человека и фрагмент меча или копья.

Погребение 2, находилось в 0,3 м к югу от погребения 1. Сохранились незначительные остатки аналогичной разграбленной гробницы, ориентированной с З на В. Судя по костным остаткам, захоронение человека было совершено в вытянутом положении при западной ориентации, погребальный инвентарь не обнаружен.

Погребальные сооружения в кургане 15 относятся к редкому типу овальных могил с каменной обкладкой стен, которые можно широко датировать V-IV вв. до н. э.

Курган 15а высотой 0,2 м диаметром около 20 м, выделяется условно по плану и профилю небольшой насыпи, в которой присутствовали мелкие камни. Однако керамика отсутствовала. Погребений не обнаружено, по краям центральной бровки, но не в центре зафиксированы современные перекопы протяженностью 1,8 -2 м. Все же, не исключено, что в насыпи первоначально могла находиться каменная гробница скифского времени, сооруженная на древнем горизонте и полностью уничтоженная в результате выборки камня и распашки.

Северо-западный могильник находился к западу от шоссе Евпатория – Великое, расстояние до пятиметрового кургана с тригопунктом составляло 1,8 км (Рис. 14, 2). В ходе раскопок 1985 г. здесь исследовано 5 курганов. Полная топография некрополя не определена. Курганы 16-19 были расположены цепочкой, ориентированной с СВ на ЮЗ. Курган 20 располагался в 1,3 км к югу от них и в состав могильника включен условно. Курганы 16, 17, 20 относились к эпохе бронзы. В двух из них обнаружены впускные скифские погребения. В кургане 18, диаметром 20, высотой 0,25 м погребений не выявлено. Два кургана были скифскими. Так, в кургане 19 диаметром 25 м и высотой 0,65 м в центре насыпи обнаружено аморфное скопление камней, доходившее до поверхности погребенной почвы. В случае с курганом 19, можно убежденно говорить, о том, что это курган с полностью разрушенной основной каменной гробницей, некогда стоявшей на древнем горизонте. В случае с курганом 18 можно достаточно уверенно предположить аналогичную ситуацию. В целом, в могильнике обнаружены 2 впускных погребения V в. до н. э. и 2 разрушенных скифских кургана V-IV вв. до н. э.

Курган 16 эпохи бронзы, диаметр насыпи 25 м, высота 0,7 м.

Погребение 9, впускное (Рис. 20, 1), располагалось под центральной частью насыпи. Могила ладьевидная, стенки с подбоем, размеры: 2 x 0,9 м, прослежена на глубину 0,5 м. Захоронение взрослого человека было совершено в вытянутом положении на спине головой на восток. На правой руке и бедре обнаружены кости мелкого животного – остатки погребальной пищи, на них обломок ножа, железная обойма и обломки бронзовых скрепок. Можно предположить, что первоначально мясная пища находилась на блюде или подносе, скорее всего деревянном. Вдоль левой руки лежал железный меч [Рис. 20, 2). У кисти руки находились: каменный оселок (Рис. 20, 3), железный нож (Рис. 20, 4), 50 бронзовых наконечников стрел (Рис. 20, 5) и две бронзовые ворварки (Рис. 20, 6), скорее всего связанные с подвешивавшимися на поясе предметами, например с горитом.

¹⁷ Клеймо было любезно определено С. Ю. Монаховым

Меч длиной около 70 см, имел бабочковидное перекрестие и навершие с разрушенными концами, скорее всего, оно завершалось волотовидными или когтевидными окончаниями. В качестве аналогии можно привести меч из Екатеринославской губернии [Мелюкова, 1964, табл. 20, 11]. Наконечники стрел, трехлопастные башневидные с трехгранными головками и выступающими втулками, в основном отличались глубиной ложков и степенью сточенности. Ворворки аналогичны предметам, происходящим из комплекса уже упомянутого погребения. В. А. Колотухин датировал погребение второй половиной V – рубежом V-IV вв. до н. э. [Колотухин, 2000, с. 47]. Однако отсутствие в колчанном наборе стрел со свисающими или низко пущенными лопастями и трехгранных стрел, позволяет отнести захоронение к более раннему времени, например ко второй - третьей четверти V в. до н. э. Ко второй четверти V в. до н. э. относятся типологически близкие стрелы из кургана 24 в некрополе Нимфея [Полин, 1987, с. 31, рис. 11], где обнаружен расписной скифос мастера Амфитриты с изображением менад, датируемый 470-460 гг. [Вдовиченко, 2008, с. 61].

Курган 20, эпохи бронзы, диаметр 20 м, высота 0,5 м. В центре находилось впускное скифское погребение 3, от которого на площади 6 кв. м сохранился участок, покрытый известняковой крошкой и две плиты размером 1,9 x 1,1 x 0,2 м и 1,5 x 0,4 x 0,2 м. Это остатки каменной гробницы, ориентированной с ССВ на ЮЮЗ. В заполнении средневековой могилы, разрушившей эту гробницу, обнаружен трехлопастной наконечник стрелы (Рис. 20, 7), аналогичный найденным в погребении Суворовское 9/16. На основании этих аналогий, погребение может быть отнесено к V в. до н. э.

Курганы между оз. Сасык-Сиваш и оз. Донузлав (Сакский район), исследованные экспедицией В. С. Ольховского в 70-80-х гг. XX века (Рис. 2, 6 - 9, 11). С 1976 г. на территории между г. Евпатория и устьем оз. Донузлав приступил к изучению курганов В. С. Ольховский. Первоначально, он возглавлял один из отрядов экспедиции МГУ, затем была сформирована Крымская экспедиция ИА АН СССР, проработавшая в этой части Крымского полуострова до 1986 г. Судя по практически ежегодным сообщениям в АО, на начальном этапе исследования велись у с. Колоски, где изучалась только одна курганная группа. Затем исследования расширилась до пространства Колоски – Великое, исследовались курганы, находившиеся несколько севернее курганной группы, раскопанных Северо-Крымской экспедицией в 1985 г. у с. Суворовское. В 1984 г. В. С. Ольховский закончил работы на участке Колоски – Великое, раскопав 13 курганов. В 1980 г. исследователь приступил к раскопкам курганной группы из 25 насыпей у с. Приветное, где в 1980-1983 гг. исследовал, по меньшей мере, 7 курганов с основными и впускными скифскими погребениями. К сожалению, у нас нет информации о причинах последующего прекращения раскопок в Приветном, возможно это объясняется тем, что в 1984 г. В. С. Ольховский приступил к раскопкам группы из 20 курганной насыпей у с. Штормовое, где в 1984 и 1986 гг. были раскопаны 5 курганов как скифского времени, так и эпохи бронзы.

Судя по опубликованным данным, территория, на которой производил раскопки курганов В. А. Ольховский в Сакском районе, вытянута с запада на восток. Основной район исследований располагался к северу от Евпатории между селами Крыловка, Великое, Ромашкино и Приветное (Рис. 2). Фактически работы велись на пространстве, лежащем между Суворовским курганной могильником и курганами южного берега оз. Донузлав. За пределами этой части Сакского района, раскопки проводились лишь у с. Червоное в нескольких км к востоку от г. Саки, где в кургане было обнаружено погребение скифского времени и у с. Сусанино в Степном Крыму, где был исследован длинный курган позднесрубного времени. Всего В. С. Ольховским с 1976 по 1986 был исследован 21 курган со скифскими погребениями. К сожалению, краткая форма изложения материала не дала возможности во всех случаях строго разделить эти объекты на скифские курганы и курганы эпохи бронзы с впускными скифскими погребениями. Согласно информации в АО в этих курганах, исключая курганы у с. Суворовское было обнаружено 37 скифских погребений.

В 1976 г. у с. *Колоски* [Яценко, Ольховский, 1977, с. 395-396], исследованы два кургана. Курган 1. Антропоморфное изваяние у северной полы кургана на камнях кромлеха. Обнаружены: могильная яма, кубок с резным орнаментом, рядом безинвентарное погребение. Курган 2 - разграбленные каменные ящики, амфоры V-III вв.

В 1977 г. у с. *Колоски* [Ольховский, 1978, с. 364-365], исследованы два кургана. В кургане 3 эпохи бронзы исследовано разрушенное скифское захоронение в яме (IV в. до н. э.). В кургане 5 (диаметр 10 м, высота 0,2 м) было впускное скифское погребение не позднее V в. до н. э. В насыпи - 2 разграбленных погребения IV-III вв., в одном 1 костяк, в другом 7.

В 1979 г. у с. *Колоски* [Ольховский, 1980, с. 316] раскопан курган 4 высотой 1,2 м, с кольцевой крепидой. Исследована впускная скифская могила IV-II вв. до н. э. В насыпи - антропоморфное изваяние и его постамент. Курган 6, каменный ящик IV-III вв. до н. э., был сооружен на древнем горизонте, полностью разрушен. Курган 7 скифский, основное захоронение относится к V в. до н. э., среди находок - меч и стрелы. Одна из впускных могил также относится к скифскому времени.

В 1980 г. у сел *Колоски – Великое* [Ольховский, 1981, с. 299-294] раскопано 2 кургана. В кургане 8 высотой 0,25 м обнаружено 2 впускных скифских погребения: в каменном ящике и грунтовой яме. Захоронения датированы IV-III вв. до н. э. В кургане 9, высотой 0,25 м, обнаружено разрушенное скифское погребение IV-III вв. до н. э. Начаты исследования курганов у с. *Приветное*, где зафиксирована группа из 25 курганной насыпей. Раскопаны 2 кургана высотой 0,1 – 0,2 м: курган 1 с разрушенным впускным скифским погребением IV-III вв. до н. э. и курган 2, в кото-

ром обнаружено антропоморфное изваяние и фрагменты амфор V-III вв. до н. э.

В 1981 г. работы шли у сел *Колоски - Великое, Приветное, Червоное* [Ольховский, 1982, с. 297]. На участке между селами *Колоски – Великое* исследован курган 10 с основным женским захоронением IV в. до н. э. в грунтовой могиле и впускным склепом IV-III вв. до н. э. У с. *Приветное* исследованы 2 кургана. Курган 21 содержал разграбленное захоронение в грунтовой могиле со стрелами V – начала IV в. до н. э. и впускное захоронение в каменном ящике IV-III вв. до н. э. В кургане 22 обнаружено основное погребение V в. до н. э. и впускной каменный ящик IV-III вв. до н. э. У с. *Червоное* в кургане эпохи бронзы обнаружено впускное захоронение ребенка, отнесенное к IV в. до н. э.

В 1982 г. исследовались курганы у сел *Ромашкино, Колоски – Великое* [Ольховский, 1984, с. 308-309]. У с. *Ромашкино* исследовано 3 кургана. В кургане 1 обнаружены два погребения IV-III вв. до н. э. В кургане 3 раскопаны каменный ящик и разграбленный каменный склеп, в котором сохранились 8 человеческих черепов. Обе гробницы отнесены к IV – III вв. до н. э. В группе *Колоски – Великое* исследован курган 11 с двумя кромлехами и основным каменным склепом IV-III вв. до н. э.

В 1983 г. работы шли у сел *Приветное, Колоски – Великое* [Ольховский, 1985, с. 329-330]. В группе у с. *Приветное* исследованы 3 кургана диаметром 12-15 м. В кургане 14 обнаружено каменное изваяние и разрушенное погребение IV-III вв. до н. э. В курганах 23, 24, датированных IV-III вв. до н. э., раскопаны 2 каменных ящика, сооруженных на древнем горизонте и окруженных завалами камня. В группе *Колоски - Великое* раскопан курган 12, высотой 2,3 м, диаметром 40 м, относящийся к эпохе бронзы. На уплощенной его вершине в скифское время был сооружен склеп из квадров, датированный IV-III вв. до н. э.

В 1984 г. работы проводились у сел *Колоски – Великое, Штормовое* [Ольховский, 1986, с. 284]. Раскопками кургана 13 у сел *Колоски – Великое* завершено исследование курганной группы, длившееся с 1976 г. В кургане обнаружен каменный ящик IV-III вв. до н. э., в крепиде были найдены обломки каменного изваяния. У с. *Штормовое* были начаты раскопки курганного некрополя состоявшего из 20 насыпей. В отчетном году были раскопаны 4 кургана. В двух из них, относившихся к IV-III вв. до н. э., погребальные сооружения были разрушены многолетней распашкой. В третьем, самом крупном кургане обнаружен каменный ящик, сооруженный из плит, поставленных на ребро или уложенных плашмя. Здесь найдены остатки панциря, керамика, бусы, антропоморфное изваяние. Материал датирован IV-III вв. до н. э.

В 1985 г. у с. *Крыловка* в группе из 6 насыпей раскопан курган 1, с досыпкой и кольцевой крепидой скифского времени. Находившиеся в нем погребения, раннескифское и позднескифское, были уничтожены распашкой. Тогда же исследователь впервые упомянул о раскопанных им трех курганах (11-13) Суворовской группы [Ольховский, 1987, с. 383], включенных нами в описание Суворовской группы курганов.

В 1986 г. у сел *Ромашкино, Штормовое* [Ольховский, 1988, с. 319]. экспедицией был исследован курган эпохи бронзы у с. Ромашкино, содержащий впускное скифское погребение. У с. Штормовое был раскопан курган 19 с погребениями эпохи бронзы.

По данным каталога скифских погребений, завершено В. С. Ольховским не позднее 1984 года [Ольховский, 1991, с. 5, 196], в Сакском районе его экспедицией к этому времени уже было раскопано 35 погребений скифского времени. В курганах между селами *Колоски - Великое* исследованы 20 погребений, 5 из них отнесены к VII-V вв. до н. э., 14 к IV-III вв. до н. э., одно строго не датировано. В курганах у с. *Приветное* раскопано 6 погребений, одно отнесено к VII-V, одно к V-IV, 4 к IV-III вв. до н. э. В курганах у с. *Червоное* исследовано 1 погребение IV-III в. до н. э., у с. *Ромашкино* 4 погребения IV-III в. до н. э., у с. *Крыловка* 2 погребения IV-III вв. до н. э. По типам погребальных сооружений, которых вкратце охарактеризовано 22, распределение выглядит следующим образом: каменных склепов 4, каменных ящиков 12, грунтовых ям 6, в 15 случаях тип могилы не определен.

Выборочную публикацию материалов раскопок исследователь предпринял лишь один раз [Ольховский, 1982а, с. 61-68], охарактеризовав часть скифских погребений, раскопанных в 1976-1979 гг. в группе *Колоски*.

Курган 1, скифский, насыпь окружена каменной крепидой. В центре две грунтовые могилы, перекрытые каменными выкладками высотой до 0,6 м. В северной поле кургана обнаружено каменное изваяние [Ольховский, Евдокимов, 1994, с. 32]

Погребение 2 основное, совершено в прямоугольной могильной яме размером 2,7 x 1,8 м. Костяк разрушен, среди остатков инвентаря две бусины и невыразительные фрагменты амфор.

Погребение 1 (сопровождающее). На чертеже контур могильной ямы передан пунктиром, в тексте она не описана, исходя из общих очертаний это овальная могила, характерная для скифского времени (Рис. 21, 1). Костяк мужчины лежал головой на ЮЗЗ с небольшим наклоном вправо, ноги слегка подогнуты. У ног найдены обломки чернолощеного лепного сосуда (Рис. 21, 2) с резным орнаментом, датированного исследователем VI-V вв. до н. э. [Ольховский, 1982а, с. 61], Сосуд находит аналогии в кургане у Вилино в Юго-Западном Крыму [Колтухов, 2004, с. 106], в Херсонесе в слоях второй половины V – первой половины IV в. до н. э. [Сенаторов, 2003, с. 23, рис. 7] и в Керкинитиде, где может быть датирован V-IV вв. до н. э. [Кравченко, 2004, с. 196]. В.С. Ольховский датировал погребения 1 и 2 концом V-IV вв. до н. э.

Курган 2 скифский, в центре расположен каменный ящик, ориентированный с запада на восток. Он сооружен из массивных плит, установленных в канавках с наклоном внутрь, вокруг ящика обкладка из плит, уложенных постелью и стоящих на ребре, пространство между ящиком и внешним слоем обкладки забутовано. Погребение ограблено, в могиле пастовые бусы, костяной наконечник стрелы, обломки амфор и «кремневые поделки». Датировка в рамках V-III вв. до н. э., предложенная В. С. Ольховским [Ольховский, 1982а, с. 61] слишком широка, уместной представляется датировка в рамках V-IV вв. до н. э.

Курган 4 (эпохи бронзы?) В ровике найдены обломки каменного изваяния (Рис. 21, 5), а в насыпи обломки базы. В ровике обнаружены также обломки «эллинистических» амфор и верхняя часть лепного горшка с вдавлениями по венчику (Рис. 22, 9). В полностью разрушенном скифском впускном погребении 10 встречены железные панцирные пластинки, фрагменты амфор и чернолакового сосуда, обломок лепного лощеного сосуда с врезным орнаментом (Рис. 21, 4). Датировано погребение IV в. до н. э.

Курган 5 эпохи бронзы. При раскопках обнаружены впускные погребения скифского времени.

Погребение 3 представляло собой скопление костей в каменном завале вытянутой формы (Рис. 21, 6) с условной ориентацией СВ – ЮЗ. Его протяженность по длинной оси 1,9 м, ширина 0,6 м. По мнению исследователя, это повторное захоронение IV-III вв. до н. э., а возможно и более позднего времени. Среди костей 7 черепов. Среди находок обломок лепного лощеного сосуда со сложным резным орнаментом, включающим в композицию и соляные элементы (Рис. 21, 7). Вероятно, ближайшей аналогией ему можно считать фрагмент чернолощеного сосуда, найденный у входа в пещеру Харанлых-Коба [Щепинский, 1963, с. 150, рис. 5, 19]. Очевидно, вполне реально отмеченная исследователем связь таких сосудов с позднескифскими курильницами II-I вв. до н. э. Находка бронзового перстня, браслета, проволочной серьги с надетой на ней глазчатой бусиной, костяной ворварки и мелких бус из глухого стекла (Рис. 21, 8) подтверждает дату не ранее IV-III вв. до н. э. [ср. Петренко, 1978, с. 21 – 63; ср. Колотухин, Колтухов, 2007, с. 216-217; Колтухов, 2009, с. 184-188; Кропотов, 2009, с. 200-221; Масленников, 1995; Бессонова, Бунятян, Гаврилюк, 1988].

Погребение 4 находилось непосредственно под погребением 3. Костяк был поврежден. Однако ориентация захоронения головой на ЗСЗ сомнений не вызвала. Над костяком были найдены два обломка горла амфоры с крашеным венчиком.

Погребение 5 находилось под погребением 4. Прослежена нижняя часть погребального сооружения, представлявшая собой подпрямоугольную яму размером 1,9 x 1,4 м с дуговидной ЮВ стенкой, ориентированную с ЮВ на СЗ (Рис. 22, 1). В заполнении могилы встречались обломки все той же амфоры с окрашенным венцом. Погребение отнесено ко времени не позднее второй половины VI в. до н. э. Дата получена на основе фрагментов амфоры с окрашенным венчиком [Ольховский, 1982а, с. 63], которую, в последствии А. Н. Щеглов и А. П. Абрамов отнесли к концу VI – началу V в. до н. э. [см. Сенаторов, 2003, с. 25].

В могиле обнаружено два костяка: мужской в вытянутом положении на спине головой на СЗ, женский с наклоном на левый бок и, что соответствует такой позиции, в слабо скорченном положении, ориентация та же. Около мужского скелета 10 трехлопастных бронзовых наконечников стрел (Рис. 22, 3). У женского костяка лощеный сосуд с врезным орнаментом, песчаниковая плита ромбической формы, бронзовый браслет, подвеска из раковины, керамическое и свинцовое пряслица, две бусины (Рис. 22, 2, 4-8).

Плиты-растиральники, порой используемые как подставки для ритуальной пищи, не являются чем-то необычным в скифских погребениях V-IV вв. до н. э. из Северо-Западного Крыма. Пряслица нередки в варварских погребениях IV в. в Степном Причерноморье и в Крыму, однако нечасто, равно как и женские погребения, они встречаются здесь и в VI-V вв. до н. э. [Мурзин, 1984, прил., 2, кат. 4, 16]. Бусы же традиционны для скифов Степного Причерноморья и Крыма¹⁸. Овальный в сечении небольшой бронзовый браслет с заходящими друг за друга утолщенными концами, прямых аналогий не имеет. Скорее всего, он относится к группе небольших браслетов со стилизованными змеиными головками на концах, которые ненадолго появляются в Украинской Лесостепи в VI в. до н. э. [Петренко, 1978, с. 52-53].

Кубкообразный сосуд с горизонтальной петельчатой ручкой покрыт резным декором, (Рис. 22, 2). Ближайшей аналогией ему, служит сосуд из погребения в первом кургане из урочища Кара-Меркет. Бронзовые наконечники стрел, по классификации А. И. Мелюковой, являются изделиями двух типов: II. 2.1 (лопасти сточены?) и II. 3.7. Близкие им стрелы можно найти в следующих наборах из Ольвийского некрополя: 1909, м.6; 1910, м.12; 1911, м.12, м.108; 1912, м.1; 1913, м.82, 91; 1914, м.15 [Скуднева, 1988, кат. 243]. Во всех перечисленных случаях, время погребений не выйдет за рамки второй половины VI – первых десятилетий V в. до н. э. Интересно, что более архаичный по облику комплекс со сходными стрелами из кургана Волковцы 478, также отнесен ко времени, переходному от скифской архаики к классике [Могилев, Диденко, 2009, с. 45-52].

Курган 6 скифский с каменной крепидой и разрушенной каменной гробницей в центре. По обломкам амфор датирован IV-III вв. до н. э. При этом исследователь указывает на наличие в гробнице остатков трех костяков.

¹⁸ Однако в публикации, из-за некоторых особенностей подрисовочных надписей и ссылок невозможно уверенно отделить свинцовое пряслица от бус. В силу этого рассуждения о хронологии бус, вряд ли возможны.

Курган 7 скифский, с каменной крепидой и основным захоронением V в. до н. э. в грунтовой могиле (Рис. 22, 10). Могила овальная, размером 2,2 x 1,2 м, прослеженная глубина около 0,5 м. Захоронение взрослого человека совершено в вытянутом положении на спине головой на ЮЗ. Меч лежал на костях от пояса влево, наконечники стрел (Рис. 22, 14) в количестве 63 находились у левого локтя, следовательно, горит был отстегнут от пояса. Справа от черепа находился железный наконечник копья. Ворворка (Рис. 22, 13), судя по чертежу, находилась выше горита и, очевидно, была с ним связана функционально. Бронзовая бляха в виде головы оленя (Рис. 22, 11) находилась рядом с клинком меча, скорее всего она служила украшением ножен или деталью подвески меча. Железный нож лежал на мясной пище, расположенной слева от умершего. Где находился тренчик ремня (Рис. 22, 12) определить сложно. Датировка погребения второй половиной V в. до н. э., предложенная В. С. Ольховским, представляется несколько заниженной, в наборе отсутствуют наконечники со свисающими лопастями, более надежной выглядит дата в рамках первой половины этого столетия.

Эта пусть не большая и не пространная публикация материала, оказалась интересной тем, что практически впервые подтвердила отсутствие в Западном Крыму в окрестностях Керкинитиды скифских погребений раннеархаического времени, показав, что самые ранние захоронения относятся ко времени не ранее второй половины VI-V вв. до н. э.¹⁹

Курганы у оз. Донузлав (Сакский район). Раскопки курганных могильников, расположенных близ южного берега оз. Донузлав (Рис. 23, 1), проводились Северо-Крымской экспедицией под руководством В. А. Колотухина, при участии С. И. Андрух, С. В. Паламарчук и Г. Н. Тощева у сел Солдатово – Шалаши, Наташино, Веселовка, Крыловка, в урочищах Снежное и Белоглинка в 1983-1984 гг. В 2007 г. исследования велись Степной экспедицией КФ ИА НАНУ, работавшей под руководством Т. А. Копьевой у пос. Новоозерное (Рис. 23, 1). Материалы раскопок неоднократно публиковались, однако выборочно [Колотухин, Тощев, 2000, с. 33-59, 148-216; Колотухин, 2000, с. 41-42; Колотухин, Ольховский, 1989; Ольховский, 1990; Ольховский, Евдокимов, 1994; Ольховский, 2005; Колтухов, 2005, 2005а; Колтухов 2010а]. Общее количество курганов, исследованных на снос – 47, из них к скифскому времени относилась 21 насыпь. Соотношение «скифских» и древних курганов здесь существенно изменяется в направлении с востока на запад. Так, в восточной точке близ сел Солдатово – Шалаши лишь 1 из 10 курганов относится к скифскому времени. Западнее, близ сел Наташино, Чернушки, Веселовка из раскопанных 14 курганов 7 относились к скифскому времени. Впрочем, при учете нескольких небольших курганов с основными могилами скифского времени из урочищ Снежное и Белоглинка, соотношение изменится в пользу памятников скифского времени. На землях, примыкающих к озеру и морскому побережью у сел. Крыловка и Новоозерное из 23 исследованных курганов к скифо-античному времени может быть отнесено 13 насыпей. Наиболее вероятной причиной такого соотношения может быть неравномерная концентрации населения, различия между полукочевым бытом и оседлостью населения.

Курганы у сел Солдатово – Шалаши (Сакский район) (Рис. 23, 2). Курганы были расположены в 4-7 км к юго-востоку от сухой Каймачинской балки, от которой начинается оз. Донузлав. На обследованной территории обнаружено 10 курганов, образовавших 3 группы. Одна из них, состоявшая из 5 курганов находилась в 2-х км к востоку от села, вторая - из двух курганов располагалась в 1,5 км к северо-востоку от с. Солдатово, третья, из 3-х курганов, находилась в 1 км к западу от с. Шалаши.

Курган 1 эпохи бронзы, распахан, высота 0,5 м, диаметр 20 м. В 6 м к юго-востоку от центра обнаружено впускное, возможно скифское погребение (Рис. 23, 3). Грунтовая могила овальной формы длиной 1,6 м, шириной 0,7 м, глубиной 0,8 м имела перекрытие из известняковых плит и забитый мелким камнем лаз, интерпретированный исследователями как нора лисы. Захоронение не крупного человека было совершено в вытянутом положении на спине головой на ЮЗ. У левого локтя стоял небольшой подбиконический лепной горшок с насечками по венчику (Рис. 23, 4). Прямых аналогий сосуду мне неизвестно, однако, по форме ему близок миниатюрный лепной сосуд из могилы IV в. до н. э. в кургане у с. Владимировка Джанкойского района, раскопанного Северо-Крымской экспедицией в 1987 г. [Колотухин, 2000, рис. 6, 16.]²⁰

Курган 4 эпохи бронзы, диаметр 30 м, высота 1 м. По определению исследователей, здесь было раскопано 2 впускных скифских погребения.

Погребение 6 обнаружено в насыпи в центре кургана на 40 см ниже его современной поверхности. К северу от костяка, выше его на 15 см в линию лежали два камня, могила могла быть подбойной. Захоронение взрослого человека совершено на спине головой на ЮЗ. Кости ног нарушены, но определены авторами отчета как подогнутые в коленях, руки выпрямлены вдоль туловища, у черепа - два обломка железного ножа с «горбатой» спинкой (Рис. 24, 1), под ним следы истлевшей подушки из камки. Ножи подобной формы, достаточно широко распространены, как в предскифское [Махортых, 2005, рис. 24], так и в скифское время.

¹⁹ В настоящее время, материалы раскопок В. С. Ольховского содержатся лишь в отчетах. Надеюсь, что коллеги из ИА РАН, приступят к публикации результатов этих многолетних работ.

²⁰ Впрочем, достоверность интерпретации погребения как скифского, может вызывать сомнения.

Погребение 8 (Рис. 24, 2), обнаружено в центре кургана. В узкой подбойной могиле, входная яма располагалась с южной стороны. Захоронение взрослого человека совершено в вытянутом положении на спине головой на ЮЗ. Инвентаря нет. Необходимо отметить, что подбойные могилы и западная или юго-западная ориентация распространены в Крыму у скифов, однако, встречаются и у поздних кочевников. Из-за сомнений, связанных с этнокультурной атрибуцией и хронологической позицией описанных выше погребений, они не были включены в каталог скифских могил, опубликованный В. А. Колотухиным [см. Колотухин, 2000].

Курган 6 эпохи бронзы. Обнаружено одно впускное скифское погребение. Погребение 2 (Рис. 24, 3), располагалось в центре кургана. Вопрос о том, к какому типу относилась могила, решается предположительно, при ее сооружении были перерезаны две могилы бронзового века и при раскопках до уровня дна контур фиксировался плохо, однако у дна могила приобрела более четкие очертания. Дно могилы было подпрямоугольным с сильно закругленными углами, размер 2,2 x 1,45 м, ориентация длинной оси с ЮЗЗ на СВВ. Стенки, с подбоем, местами прослежены на высоту 0,6-0,7 м. В засыпи отмечался гумус и суглинок, попавший в могилу в результате обвала стенок. Очевидно это грунтовая яма, объем которой уменьшался кверху. Например, также выглядят в плане и профиле могилы Братское 7/6 и 10/3 в центральной части Степного Крыма. Такими же особенностями формы обладает могила 3 в кургане 3 у с. Калинино [Колотухин, 2000, рис. 14, 5]. У продольных стенок могилы располагались два костяка взрослых людей, похороненных в вытянутом положении на спине головой на ЮЗ. В головах каждого из погребенных кости небольших животных и железные ножи (Рис. 2, 4, 5). У кисти левой руки северного костяка бронзовый наконечник стрелы (Рис. 2, 6), у голени бусина. К северу от костяка, лежавшего у южной стенки и частью под ним находился костяк ребенка, лежавший в скорченном положении на правом боку.

Ножи, один из которых с прямой спинкой и костяной ручкой, широко распространены в скифское время, в Северном Причерноморье. Если исходить из требований типологии, то его можно охарактеризовать, как изделие с прямыми спинкой и лезвием. Интересна двухчастная костяная ручка с гладкой поверхностью, скрепленная железными заклепками. Бронзовый наконечник стрелы по форме близок к башневидным, например, таким, как стрела из комплекса кургана близ Цимбалки [Милукова, 1964, табл. 8, ж], стреле из Такильского кургана близ Симферополя [Милукова, 1964, табл. 8, л]. Большое сходство имеют и стрелы из могилы 9 кургана 16 Суворовского могильника, расположенного близ Евпатории [Колотухин, 2000, рис. 27, 9], где погребение датировано второй половиной V – рубежом V-IV вв. до н. э. В погребении отмечена и бусина, описанная в коллекционной описи как «бусина пастовая биконическая». Однако на рисунке в отчете под этим номером изображена уплощенная пронизь ромбовидной формы, которая вполне соответствует описанию иного предмета, а именно пастовой плоской биконической бусины из погребения 1 в кургане 7 этой же группы (Рис. 24, 7), последняя не отмечена в описи и не изображена в отчетных иллюстрациях. Это дает основание для предположения о том, что при обработке материала произошла ошибка и стеклянная пронизь из курган 7 была учтена, как бусина из кургана 6.

Интерес может представлять и датировка ближайших в пространственном контексте и аналогичных по форме скифских могил. Скорее всего, погребальным сооружением сходного типа является практически такая же по размеру и очертаниям дна скифская могила в кургане 8 у с. Красноярское. Присутствие в этом комплексе хиосской протоколпачковой амфоры [Монахов, 2003, с. 21], которую можно отнести к концу V в. до н. э., а возможно, и к началу IV вв. до н. э., позволяет предположить близкую дату и для рассматриваемого нами погребения.

Курган 7, скифский, располагался в 30 м севернее кургана 6. Высота овальной каменистой, сильно распаханной насыпи - 0,5 м, диаметр - 24 м. Под ней выявлены остатки овальной крепиды из бутового камня размером 17 x 13 м (Рис. 25, 1). В центре на уровне поверхности материка были отмечены остатки подпрямоугольной камеры размером 2,2 x 1,2 м, ориентированной с ЮЗЗ на СВВ (Рис. 25, 2). Дно грунтовое, стены однослойные постелистые из обломков плит рваных по слою, похоже, что кладка была регулярной, а камни были уложены с напуском. По периметру вокруг гробницы отмечена обкладка из поставленных с наклоном внутрь небольших плит. Захоронение разграблено, в засыпи могилы - зуб животного, обломки амфоры, и плоская биконическая бусина (Рис. 24, 7). Амфора определена как гераклеяская, следовательно, погребение может быть отнесено к IV в. до н. э. В качестве аналогий ему можно привести гробницы из кургана 18 у с. Крыловка Первомайского района с материалом IV – первых десятилетий III вв. до н. э. [Колотухин, 2000, с. 28, 29], а также более раннюю, хорошо сохранившуюся каменную гробницу 5 из кургана 2 у с. Дальнее Первомайского района.

Курган 9 эпохи бронзы, размером 42 x 34 м, высотой 0,6 м. В центре - разрушенное распашкой скифское погребение. Костяк человека имел ЮЗ ориентацию. Среди костей находился бронзовый трехгранный наконечник стрелы (Рис. 24, 8). Судя по нему, погребение может быть датировано IV в. до н. э.

В целом, все погребения скифского времени типичны для Северо-Западного Крыма. В одном случае это основная каменная гробница без входа (ящик), одна подбойная могила, в двух случаях - грунтовые ямы, еще в двух случаях тип погребальных сооружений не определен. Наиболее ранним является погребение 2 из кургана Солдатово 6, которое можно отнести к концу V - началу IV в. до н. э. Три могилы, в том числе и скифский курган можно датировать в хронологических границах IV в. до н. э. или IV – первых десятилетий III в. до н. э. В двух случаях датировка затруднена и может быть определена лишь в широких рамках скифского времени.

Курганы в Сакском районе у сел Наташино, Чернушки, Веселовка, и в урочищах Снежное, Белоглинка (Сакский район). Курганы расположены к востоку, югу и юго-западу от Аблемитского моста близ южного берега озера Донузлав. Их топография не имеет четко выраженной структуры (Рис. 25, 3). У сел Наташино – Чернушки обнаружено 18 курганов, пространственно образовавших две группы. Раскопана часть из них, а именно северная группа из 9 курганов и южная, состоявшая из 2-х курганов. Пять из исследованных насыпей относились к скифскому времени. Год спустя, у с. Веселовка были раскопаны 3 кургана, два из них, содержали разрушенные скифские гробницы. В урочищах Снежное и Белоглинка раскрыты 3 каменные гробницы в двух курганах скифского времени.

Курган 11, скифского времени. Диаметр каменной насыпи 26 м, высота 1 м. Есть сведения о том, что плитчатые камни были установлены в несколько рядов с наклоном к центру. Под насыпью остатки кромлеха диаметром около 12 м.

В центре остатки каменной гробницы, сложенной из необработанных плитчатых обломков известняка (Рис. 26, 1). Кладка однослойная постелистая, сохранилась на высоту 2-х – 3-х рядов. Размеры ящика по дну 2, 1 x 1,3 м, ориентация СВ – ЮЗ. Дно было вымощено мелким камнем. По периметру – кольцевая обкладка диаметром около 4 м из поставленных на ребро небольших плит. Отсутствие следов дромоса дает основание для заключения о том, что перед нами ящик без выделенного входа, аналогичный гробнице из кургана 7 из группы Солдатово - Шалаша. В разграбленной могиле найдены фрагменты гераклейской амфоры, в том числе венчик и ручка, фрагмент стенки фасосской амфоры, обломки открытого чернолакового сосуда (Рис. 26, 2), поддон которого снаружи украшен тонким ободком с точкой. Сосуд с подобным декором отнесен на материалах афинской Агоры к 380 г. до н.э. [Sparkes, Talcott 1970, cat. 876]. Среди находок (Рис. 26, 3) присутствовали астрагал, костяные иглы и стержневидные предметы из кости. Интересен бронзовый трехлопастной наконечник стрелы со скрытой втулкой и свисающими лопастями, относящийся по А. И. Мелюковой к типу II, 6, 7 [Мелюкова, 1964, рис. 1]. Подобные стрелы в Крыму известны в наборе из комплекса могилы 4 у разъезда Сторожевой [Колотухин, 2000, с. 53, рис. 31, 6]. В. А. Колотухин отнес их ко времени не позднее самого начала IV в. до н.э. Все это, позволяет определить для кургана дату в границах конца V - начала IV в. до н.э.

Курган 12 скифского времени, ограблен. Располагался в 250 м к северо-западу от кургана 11. Диаметр 26 м, высота распаханной каменной насыпи до 1 м. Интересно, что по описанию исследователей насыпь состояла из дикарных камней и плит, установленных на ребро с наклоном к центру [Колотухин, 2000, с. 41]. Очевидно, в центре находилась гробница с обкладкой, образующей ее внешний контур. От погребальной камеры сохранились нижние плиты двух стен, судя по которым, она была прямоугольной, ориентированной с юго-запада на северо-восток и имела цоколь из грубо обработанных плит, установленных на ребро с наклоном внутрь, ее нижняя часть была впущена в неглубокий котлован (Рис. 26, 4). Размеры камеры не менее 2, 3 x 1, 2 м, высота цоколя от 0, 4 до 0, 6 м. Выше кладка, скорее всего, была постелистой. Судя по сочетанию разнообразных элементов, гробница, могла быть склепом. В придонной части разрушенного грабителями заполнения было найдено лепное пряслице. В насыпи близ могилы найден бронзовый трехгранный наконечник стрелы и фрагмент бронзовой серьги (Рис. 26, 5), а также обломки амфор, в том числе гераклейских, фасосских (?), пепаретских, синопских, херсонесских. Подобный набор, позволяет отнести использование гробницы IV в. до н.э.

Курган 13, эпохи бронзы, располагался в 140 м к югу от кургана 12. Диаметр 35 м, высота 2,9 м. На вершине под каменной наброской обнаружена каменная гробница скифского времени. Скорее всего, с ней связан и каменный кромлех диаметром 18 м, опоясывавший верхнюю часть курганной насыпи.

От прямоугольного погребального сооружения (Рис. 27, 1, 6), ориентированного по оси ЮЗ – СВ, сохранилась цокольная часть, сложенная из обработанных каменных плит высотой 0,5-0,7 м, размеры камеры по дну - 2,6 x 1,4 м. Скорее всего, выше кладка была постелистой. Дно было замощено мелким камнем. Можно предположить, что это остатки каменного склепа с плитовым перекрытием. Могила разграблена, но в заполнении сохранились кости людей, фрагмент лепного сосуда (Рис. 27, 5), обломок бронзовой серьги, обломок серебряного височного кольца или серьги с бусиной из пирита (Рис. 27, 2), остатки нескольких железных предметов, шильце (Рис. 27, 3) и глиняное пряслице (Рис. 27, 4). Подобный набор находок не противоречит датировке гробницы в рамках IV – первых десятилетий III в. до н.э. В насыпи же кургана обнаружены обломки фасосской и пепаретской амфор, что свидетельствует в пользу сооружения гробницы в IV в. до н.э.

Курган 14 скифского времени, находился в 80 м к северу от кургана 13. Диаметр распаханной насыпи 16 м, высота 0,3 м. Погребение полностью разрушено, в насыпи найдены обломки лепного сосуда, фрагменты амфор, кости животных.

Курган 15 скифского времени располагался в 100 м к северо-востоку от кургана 13. В результате распашки насыпь приобрела овальную форму, диаметр 24 x 21 м, высота 0,6 м. Грунт каменистый. По свидетельству исследователей, ближе к центру кургана уплощенные камни стояли на ребре, перекрывая друг друга. Они образовывали, так называемый «чешуйчатый» заклад [Колотухин, 2000, с. 42]. Под остатками заклада в центре кургана находились два каменных ящика, с сорванными перекрытиями, размещенные вплотную друг к другу (Рис. 29, 1). Они распо-

жены почти параллельно, ориентированы с СВ на ЮЗ, сооружены в неглубоких котлованах, вырытых в почвенном слое, дном служила поверхность суглинка. Сходные структуры в Северо-Западном Крыму известны в курганах 12-13 у с. Суворовское, их появление, было отнесено к первой половине IV в. до н. э. [Ольховский, 1993, с. 27-29].

Погребение 1 представляло собой прямоугольный ящик, возведенный из 4-х наклоненных внутрь обработанных каменных плит высотой около 0,8 м, стыки между ними заложены мелким камнем (Рис. 29, 3). Размеры гробницы по дну 2,1 x 1,2 м. В могиле обнаружены остатки разграбленного позднекочевнического захоронения и предшествовавшего ему скифского. Среди немногочисленных находок ко времени совершения скифского захоронения относится лишь пирамидальная подвеска из зеленого стекла (Рис. 29, 4). Подобные подвески, по мнению Е. М. Алексеевой, могут датироваться IV-III вв. до н. э. [Алексеева, 1978, с. 69], однако ранние изделия такой формы известны уже в V в. до н. э. [Козуб, 1974, с. 89]. Рядом с бусиной обнаружены мелкие обломки амфоры, к сожалению, не получившей атрибуции.

Погребение 2 примыкало к погребению 1 с северо-запада, но имело незначительное отклонение в ориентировке (Рис. 29, 2). Не исключено, что это впускная гробница, серьезно поврежденная при разрушении кургана. Короткие стенки вертикальны, длинные имели наклон внутрь. Высота целых плит до 0,6 м, размеры по дну 1,7-0,7 м. На дне могилы обнаружены железный нож и лепной горшок (Рис. 29, 5, 6). Горшок высотой 20 см в Северо-Западном Крыму находит аналогии в керамическом комплексе усадьбы 7 поселения Панское, относящемся к последним десятилетиям IV – первым десятилетиям III вв. до н. э. К сожалению, керамический материал из насыпи кургана либо отсутствовал, либо не был учтен в описи находок. В силу этого датировка памятника, реконструируемая на основании лепного сосуда и стеклянной подвески, может быть широко определена в рамках IV – первых десятилетий III в. до н. э.

Курган 18 находился в 420 м к северо-востоку от кургана 13, сооружен в эпоху бронзы. Высота 1,9 м, диаметр - 27 м, каменистая насыпь не распаивалась. В скифское время на вершине кургана была возведена каменная гробница, очевидно перекрытая впоследствии насыпным грунтом и каменная крепида или широкая наброска, внешний диаметр которой составлял около 20 м, в юго-восточной поле, перед крепидой было совершено впускное погребение (Рис. 28, 1).

Погребение 1, центральное, полуразрушено при выборке камня, однако в планировочном отношении оно зафиксировано практически полностью. Это округлая каменная гробница диаметром 10,5 x 9 м, (Рис. 28, 1), с погребальной камерой склепа, расположенной внутри (Рис. 28, 2). Внешний слой сооружения может быть охарактеризован как иррегулярная кладка из обломков известняка, внутренний, как забутовка из необработанного камня. В центре находилась прямоугольная погребальная камера, к углу которой с юго-востока-востока примыкал коридор – дромос (Рис. 28, 2, 3), размер камеры: 2,2 x 2,05 м, ориентирована длинной осью с ССВ на ЮЮЗ. Сохранилась цокольная часть стен, сложенная из установленных на ребро обработанных и хорошо подогнанных друг к другу разномерных плит высотой 0,7-0,8 м, толщиной от 20 до 40 см. На северной стене уцелела одна положенная плашмя плита с косо срезанной поверхностью, обращенной внутрь камеры (Рис. 28, 4). Видимо, с этого уровня кладка стен начинала переходить в уступчатое перекрытие с косо срезанными лицевыми гранями плит. Подрезка граней верхних плит, как в свое время посчитал Н.И. Сокольский на материалах фанагорийского склепа 1962 г., свидетельствует о стремлении округлить свод и приблизить его к коробовому [Сокольский, 1972, с. 121]. Впрочем, в нашем случае, следует предположить стремление строителей придать верхнему объему форму пирамиды или многоугольника, такого же, как в склепе из некрополя Керкинитиды [Михлин, Бирюков, 1983, рис. 3]. Сохранившийся местами пол камеры был вымощен необработанными плитами, по какой-то причине просевшими ниже основания стен, возможно, это следы перестройки под впущенное в склеп средневековое погребение. Дромос длиной 2,5 м и шириной до 0,8 м примыкал к углу камеры и был сложен насухо из плит и бутового камня, дно грунтовое, прослеженная высота стен до 0,8 м. Вход в него находился во внешней облицовке гробницы, которая образовывала близ него дуговидный выступ. Вход в погребальную камеру с северо-восточной стороны и внизу был оформлен подрубками под закладную плиту (Рис. 28, 3). В насыпи камеры были обнаружены остатки захоронения средневекового кочевника, материалов скифского времени в ней не сохранилось. Проблема датировки гробницы в рамках IV-III вв. до н. э., в определенной степени, решается античным амфорным материалом, обнаруженным в насыпи кургана. Это часть массивного грибовидного венчика амфоры типа Солоха из желтой глины, ручка и стенка херсонесской амфоры.

Погребение 5, впускное скифское. Судя по расположению могилы вплотную и параллельно внешней границе крепиды с юга (Рис. 28, 1), она синхронна времени функционирования склепа. Подобные захоронения женщин, детей и подростков, по какой-то причине не помещенных в основную усыпальницу, не являются редкостью в крымских курганах скифского времени. У скифов Центрального Крыма, они расположены преимущественно в северном секторе насыпи [Колтухов, Кислый, Тощев, 1994, с. 112], хотя известны и в других секторах. Грунтовая яма овальной формы размером 1,95 x 0,7 м, ориентирована с СВ на ЮЗ (Рис. 28, 5). Захоронение взрослого человека, судя по инвентарю, женщины, совершено в вытянутом положении на спине головой на СВ. Справа, между предплечьем и ребрами найдены три свинцовых пряслица (Рис. 28, 9), на левом запястье бронзовый двухвитковый браслет с шишечками на концах (Рис. 28, 8). У черепа находились два бронзовых проволочных кольца [серьги?], на одном

стеклянная подвеска в виде кувшина, на другом орнаментированная круглая бусина и птичья кость (Рис. 28, 6), у правой кисти 6 подвесок из клешней краба (Рис. 28, 7). У левого бедра кусок мела. Для датировки погребения интересны полихромные стеклянные бусы в виде кувшинчиков, надетые на проволочные кольца. Такие серьги с подвесками, чаще всего бусинами, хорошо известны в скифских могилах Южной Украины и Степного Крыма с IV в. до н. э. [Петренко, 1978, с. 35-36]. В тех случаях, когда кувшиновидные подвески с зигзаговидным орнаментом сопровождалась античными импортами или монетами, их время соответствовало последней четверти IV в. до н. э. [Колотухин, Колтухов, 2007 а, с. 216].

Не исключено, что датировка серег с подобными подвесками может быть несколько шире, но вряд ли она выйдет за рамки второй половины IV – первых десятилетий III в. до н. э.

Следовательно, у нас есть основания для датировки охарактеризованных погребений второй половиной IV – первыми десятилетиями III в. до н. э. Об этнокультурной принадлежности погребенных, в данном случае, можно судить лишь по ориентации могил. Камера склепа с учетом размеров, ориентировки длинной оси, при условии того, что тела, как правило, располагали ногами в направлении входа, скорее всего, предназначалась для захоронений с ориентацией на ЮЗ, что характерно для скифов. Ориентировка женского костяка из могилы 5 в секторе СВВ не типична для скифов Крымского полуострова, однако известна в многочисленных греческих некрополях Северо-Западного Крыма и Боспора. Скорее всего, в данном случае приемлема широкая, этнокультурная в своей основе характеристика обитателей хоры в Северо-Западном Крыму, как эллинизированного варварского населения, предложенная А. Н. Щегловым.

Урочище Снежное (Сакский район). В 500 м к северо-западу от кургана 18, в одноименном урочище располагалась группа из трех небольших каменных курганов скифского времени, судя по описанию [Колотухин, 2000, с. 42, 43] мало отличавшихся по «конструкции» от насыпи кургана 15. Высота курганов до 0,6 м, диаметр до 5 м. При их обследовании для уточнения датировки в центре одного из курганов была раскопана разграбленная каменная гробница (Рис. 29, 7), представлявшая собой, по определению В. А. Колотухина [Колотухин, 2000, с. 42] каменный ящик, размером 2,3 x 0,8 x 0,75 м, составленный из шести грубо обколотых плит, поставленных на древнюю дневную поверхность вертикально или с наклоном внутрь. Более всего он напоминает ранние гробницы некрополя Стоячий Камень в Крымском Приазовье [Масленников, 1995, с. 28-33] и относится, так же, как и первые могилы Стоячего Камня, к V в. до н. э. Погребальное сооружение ориентировано по оси З–В с незначительным отклонением к ЮЗ. Могила сужается с восточной стороны, очевидно, в ней было совершено захоронение с западной ориентировкой. Найденные в могиле бронзовые наконечники стрел: трехлопастные базисные, трехлопастные втульчатые и трехлопастные втульчатые с башневидной головкой, позволяют датировать погребение второй – третьей четвертью V в. до н. э. (Рис. 28, 8). Железная ворворка (Рис. 28, 9), также может быть отнесена к V в. до н. э.

Урочище Белоглинка (Сакский район) (Рис. 23, 1). Два небольших кургана располагались в 300 м к юго-востоку от кошары, находившейся на территории бывшего населенного пункта. Их высота около 0,5 м, диаметр 6 – 7 м. В центре одного из них на поверхность выступали плиты двух каменных ящиков, а по периметру прослеживались остатки ограды из плитчатых необработанных камней, поставленных на ребро [Колотухин, 2000, с. 43].

Погребение 1 впускное (?), представляло собой каменный ящик (или плитовую могилу) из шести плит, поставленных на ребро. Размеры ограбленной могилы 1,7 x 0,6 м, высота плит 0,4-0,6 м, перекрытие отсутствовало. Есть основания думать, что выравнивание верхнего края могилы происходило за счет плитчатых камней уложенных постелью. Ориентация З - В. В заполнении найдены: ножевидная пластинка, известняковый шар «болас» и фрагмент оселка. Болас является находкой оригинальной, хотя его можно рассматривать и как отбойник, вполне обычный для раннего этапа кизил-кобинской культуры [Колотухин, 1996, с. 44]. Кремневая «ножевидная» пластина не является редкостью в комплексах северопричерноморских памятников киммерийского времени [Махортых, 2005, рис. 23]. Точильные камни вполне типичны для степного снаряжения раннего железного века. Вместе же эти предметы, могли бы сосуществовать в комплексе предскифского времени.

Погребение 2 основное (?), каменная гробница, аналогичная гробнице погребения 1 повреждена при сооружении гробницы 1, разграблена. В заполнении обнаружен железный нож [Колотухин, 2000, рис. 25, 15] и стеклянная бусина, что характерно для скифского времени.

Несомненно, курган может быть отнесен к раннему железному веку. К сожалению, иных возможностей для интерпретации памятника, в настоящее время нет.

Таким образом, курганы полностью или частично исследованные, расположенные в верховьях древнего Донузлава, дают более разнообразную картину, чем курганы близ сел Солдатово – Шалаши. Из 11 погребальных сооружений 9 могут быть определены как каменные гробницы и ящики, одно как каменный склеп, одно является грунтовой могилой. Наиболее ранним являются погребения в гробнице из урочища Снежное, где набор стрел может быть уверенно отнесен к V в. до н. э. Погребения в ящиках из кургана 15, несколько более поздние, продолжают эту же погребальную традицию.

Интересна каменная гробница из кургана 11, вряд ли выходящая за рамки первой половины IV до н. э. Она характеризуется новой для варварских гробниц этого времени кладкой однослойных стен из крупных плитчатых об-

ломков известняка, уложенных постелью. Крупные каменные гробницы из курганов 12-13, характеризует широко распространенный в IV в. до н. э. прием возведения цоколя из поставленных на ребро плит, на которые опирается постелистая кладка. Несомненно, особое значение имеет поздний ярус кургана 18, относящийся ко времени не ранее второй половины IV в. до н. э. Склеп из этого кургана имеет аналогии в курганной группе у с. Крыловка, которая будет описана ниже, и полную аналогию по планировке к погребальным сооружениям в некрополе Керкинитиды. Все разнообразие погребальных сооружений, характерных как для греков, так и для варваров, свидетельствует о том, что здесь располагалась контактная зона, к западу от которой начиналась территория собственно хоры, а восточнее – скотоводческие владения скифов. Любопытно отсутствие могил позднескифской культуры. В позднескифское время местом постоянного обитания была лишь узкая прибрежная полоса, освоенная земледельцами – варварами. Восточнее, в степи признаков пребывания полуседлого населения не отмечено.

Курганы у с. Новоозерное (Сакский район). В 2007 г. Степная экспедиция КФ ИА НАНУ под руководством Т. А. Копьевой провела раскопки трех курганов скифского времени у пгт. Новоозерное (Рис. 23, 1). Курганы располагались на южном берегу оз. Донузлав в 800 м к юго-западу от поселка на ровном прибрежном участке, ограниченном с запада и востока балками (Рис. 30, 1). На топографической карте М 1:4200 в этом месте показана группа из 4-х курганов вытянутых цепочкой с СЗ на ЮВ. По данным Т. А. Копьевой группа состояла из 5 курганов, однако, два из них не вошли в зону раскопок. Три исследованных кургана располагались цепочкой на протяжении 250 м.

Курган 1 расположен в центральной части исследованной группы. Грунтово-каменная насыпь высотой 0,7 м, овальная в плане, размером 24 x 16 м, вытянута с ЮЗ на СВ, повреждена многочисленными перекопами и выборкой камня. Под ней, в юго-восточной части находился каменный кромлех диаметром 15 м. В северо-западной части насыпи фиксировалось скопление камня, возможно, здесь первоначально располагался полностью разрушенный небольшой курган-спутник.

Центр насыпи нарушен выборкой камня, именно здесь находилась погребение 1, представлявшее собой каменную гробницу (Рис. 30, 2). Диаметр внешней кольцевой кладки около 8 м, пространство между ней и погребальной камерой было заполнено бутовым камнем. В центре этого сооружения располагалась погребальная камера склепа размером 3,5 x 2,4 м, ориентированная с СЗ на ЮВ, с полуразрушенным широким дромосом размером 1,6 x 1,6 м, расположенным с юго-восточной стороны. Основание стен было впущено в прямоугольный котлован глубиной до 0,4 м. Цокольный ряд кладки состоял из вертикально установленных необработанных плит высотой до 0,5 м. Выше, кладка должна была быть постелистой. Пол вымощен плоскими камнями.

Аналогии склепу такого размера в курганах нам неизвестны, но в грунтовых могильниках поселений Беляус и Кульчук были раскопаны прямоугольные склепы с близкими параметрами [Дашевская, 1969; Дашевская, 1976]. Среди них склеп 4 из могильника Беляуса размером 3,6 x 2,2 м и склеп из Кульчукского могильника размером 3,6 x 2,2 м [Дашевская, Голенцов, 2006, с 33], которые могут сравниться со склепом из кургана 1. В могильниках приморских поселений использовались обработанные плиты и блоки, в склепе же 1 плиты в лучшем случае грубо обколоты, однако орфостатное положение плит цоколя совпадает и там, и тут. Вопрос о датировке склепов Беляуса и Кульчука однозначно не решен, она колеблется от раннеэллинистического времени до первых вв. н. э., однако в последнее время решается в пользу I в. н. э. [Дашевская, Голенцов, 2006, с. 35]. Уже в силу этого, актуальной представляется датировка описываемого кургана. В заполнении дромоса и погребальной камеры отмечены фрагменты лепных и гончарных сосудов, а также обломок точильного камня. Ножка амфоры, судя по профилю - классического или раннеэллинистического времени (Рис. 30, 5). По описанию глины, плотной и темно-красной, она может быть соотнесена с кругом Фасоса. Там же обнаружены обломки стенок гераклейской амфоры, что подтверждает дату - не позднее IV в. до н. э. Отмечу, что материалов римского времени в кургане не обнаружено²¹.

Погребение 2 (Рис. 30, 3) впущено в каменную обкладку склепа и расположено в западном секторе. Могила овальной формы размером 0,9 x 0,7 x 0,4 м, обложенная по периметру плитчатым камнем, ориентирована с ССВ на ЮЗЗ. В заполнении обломки костей младенца и фрагмент дна сероглиняного гончарного сосуда с графитом Д (Рис. 30, 5).

Курган 2, расположен в 100 м к СЗ от кургана 1, насыпь грунтово-каменная. Сооружен в эпоху бронзы, однако признаки первичной насыпи в стратиграфии не прослежены. Современный диаметр 18 м, высота 0,45 м. Под насыпью каменная крепида диаметром 15 м, сложенная из мелкого камня. В центре, остатки еще одной однослойной кладки из бута диаметром 8 м. С небольшим смещением, внутри последней была расположена камера (Рис. 30, 4). Пространство между ней и внутренним кольцом, охарактеризовано, как каменный панцирь. Следовательно, у нас появляется возможность интерпретировать сооружение как единую конструкцию. Размеры внутреннего пространства 3,0 x 1,8 м, прослеженная высота нечеткой постелистой иррегулярной кладки из плитчатых обломков известняка до 0,6 м, пол грунтовый, находится чуть ниже уровня поверхности суглинистого слоя, подстилающего погребенную почву. Несомненно, камера была ориентирована с ЮЗЗ на СВВ. Форма внутреннего пространства близка овоидной, видимо, первоначальный прямоугольный или подпрямоугольный. Периметр был существенно

²¹ Таким образом, не исключено, что у нас появляется дополнительный аргумент для возвращения к датировке склепов Беляуса и Кульчука раннеэллинистическим временем.

изменен при выборке камня. Скорее всего, это же можно сказать и о системе кладки. Похоже, что исследователи во время раскопок имели дело не столько со стенами камеры, сколько с остатками ее каменной обкладки. На остатках пола сохранились кости ног двух человек, похороненных в вытянутом положении головами на ЮЗ. Здесь же найдены две биконические бусины, описанные, как изготовленные из желтой пасты. Скорее всего, это патинированные бусы из глухого красного стекла относящиеся к сериям датированным Е. М. Алексеевой либо концом VI-V вв. до н. э., либо широко концом VI-III вв. до н. э. [Алексеева, 1978, с. 68–69]. К сожалению, отсутствие среди включенных в опись находок фрагментов античных амфор не позволяет уточнить дату погребального сооружения и совершенных в нем погребений. Хотя, судя по времени широко распространения каменных гробниц у греков и варваров, она не выйдет за рамки IV- первых десятилетий III в. до н. э. На поверхности каменного панциря между камерой и крепидой найдены обломки раннесредневековой светлоглиняной амфоры. Можно думать, что в склеп было впущено средневековое погребение, такие явления нередки в этой части Крымского полуострова.

Курган 3 (Рис. 30, 1) расположен на ЮВ у шоссе пгт. Мирный – Новоозерное. Диаметр изрытой грунтово-каменной насыпи 24 м, высота 0,8 м. Под ней зафиксированы две крепиды, внешняя, диаметром 20 м из мелкого камня и внутренняя, диаметром 12 м из крупных плитчатых камней уложенных плашмя или поставленных на ребро.

В центре кургана внутри остатков кольцевой обкладки диаметром 8 м находилась основная каменная гробница (Рис. 30, 11). Пространство между ней и внешним слоем обкладки было заполнено дикарным камнем. Камера сооружалась в неглубоком котловане, размером 4,9 x 3 м²², ориентированном с ЮЗЗ на СВВ, впущенном в грунт до уровня поверхности подпочвенного слоя. При таких размерах есть основания думать, что собственно стены гробницы, были полностью разобраны при добыче камня. Находки в заполнении перекопа представлены двумя бронзовыми трехгранными наконечниками стрел, дном чернолакового открытого сосуда с граффити А [Рис. 30, 7, 10]. С внешней стороны от него найден венчик гончарного кувшина, обломок проволочного браслета или височного кольца и стеклянные бусы (Рис. 30, 6, 8, 9). Ориентируясь на особенности профилировки поддона чернолакового сосуда и наконечники стрел, скифский курган можно отнести ко времени не позднее IV в. до н. э. трехчастные и двухчастные бусы из синего стекла могут оказаться изделиями более поздними, свидетельствующими об использовании этой же гробницы в позднеэллинистическое время.

Таким образом, 2 из 3-х исследованных курганов в этом могильнике относятся к скифскому времени. При сооружении третьего кургана, небольшая насыпь эпохи бронзы была с nivelирована, так что и этот курган можно считать скифским. Все три основных погребения представляли собой камеры, сооруженные внутри округлых каменных платформ, что характерно для основных каменных гробниц Сакско - Евпаторийского района. Гробница в кургане 1 была склепом, погребальные сооружения в курганах 2 и 3 можно интерпретировать лишь в качестве каменных гробниц. Ориентировка погребальных сооружений в курганах 2 и 3 соответствует скифской, при которой, умерших укладывали головами в секторе ЗЮЗ. В кургане 1 гробница была ориентирована на СЗ. Подобная ориентация может казаться как скифской, так и греческой. Впрочем, в некрополе Керкинитиды погребения с ориентацией в секторе С-СЗ единичны [Кутайсов, 2004, с. 97], столь же редки они в некрополе Калос-Лимена [Щеглов, 1978, с. 46], где преобладают погребения с ориентировкой в секторе С-В [Кутайсов, Анохин, Приднев, Уженцев, 1997, с. 170-184]. Возможно, наиболее ранним в этой группе окажется курган 3, который может быть отнесен ко времени не позднее конца V-IV в. до н. э. Курган 2, скорее всего, датируется в рамках IV в. до н. э., к этому же времени относится и курган 1.

Курганы у с. Крыловка (Сакский район) (Рис. 8). Курганы исследованные Северо-Крымской экспедицией в 1983 г., относившиеся, как к эпохе бронзы, так и к железному веку, располагались у с. Крыловка на приморской равнине между приустьевой частью оз. Донузлав, оз. Ойбурским и берегом Черного моря (Рис. 31). Они находились непосредственно на землях античной хоры, освоенных Херсонесом не позднее второй половины IV в. до н. э. Население состояло из греков и неких эллинизированных варваров, в которых можно видеть скифов. С позднеэллинистического времени эти территории были плотно заселены поздними скифами, этногенез которых изучен явно недостаточно. Погребения железного века в крыловских курганах принадлежали этим этнокультурным сообществам. Курганные насыпи группировались на трех участках, которые можно условно охарактеризовать как западный, центральный и восточный. На западе полностью раскопано 13 курганов. Входящие в этот же некрополь насыпи, расположенные к востоку от шоссе Евпатория – Мирный по направлению к оз. Ойбурское, не исследовались. Топографически западный некрополь был сформирован из двух курганных гряд идущих с ЮЗ и СЗ и сходящихся под прямым углом друг к другу. Центральная часть состояла из пяти курганов, два из которых, расположенные на небольшой возвышенности, исследованы. Три других находились на отроге, идущем в направлении берега Донузлава, здесь раскопан только один курган. Восточная группа состояла из 8 насыпей, в основе ее планировки линейный кластер, ориентированный с ССЗ на ЮВВ. Здесь раскопано 4 кургана.

Курган 1 скифо-античного времени, высота 2,4 м, диаметр 38 м. Под дерновым слоем каменная кольцевая на-

²² Не исключено, что котлован был несколько меньше, а видимый контур возник в результате перекопа и выборки камня, тем не менее, его форма и ориентация близки к первоначальному виду.

броска диаметром 26-28 м и шириной 4-6 м. Курган сооружен над основной гробницей 4, представлявшей собой каменный склеп. Среди впускных могил три определены исследователями как скифские, одна кочевническая, одна не датирована. В насыпи присутствовали обломки амфор (Рис. 34, 2-4], гончарных (Рис. 34, 5) и лепных сосудов, оселок и крышечка из стенки гончарного сосуда²³. Судя по полевой описи и зарисовкам, уверенно определяются фрагменты синопских амфор. Наиболее поздней находкой являлась горловина узкогорлой светлоглиняной амфоры типа «С» (Рис. 34, 4). Помимо погребальных сооружений в кургане были обнаружены 4 ямы, расположенные вдоль внешнего края каменной наброски в северной, западной и южной части курганной насыпи. Они цилиндрические и грушевидные в профиле, округлые или овальные в сечении, глубиной до 1,8 м, диаметром от 1,3 до 1,5 м. Заполнение плотное каменисто-суглинистое. В заполнении ямы 2, располагавшейся в 17 м к юго-западу от центра кургана обнаружен обломок антропоморфной стелы (Рис. 34, 1) Он опубликован В. С. Ольховским, датировавшим находку IV в. до н. э. [Ольховский, Евдокимов, 1994, кат. 94]. В заполнении ямы 1 найден фрагмент овальной в сечении ручки красноглиняной амфоры, судя по профилю, эллинистического времени. Учитывая общую характеристику материала из кургана, его функционирование в качестве погребального объекта может быть условно определено в рамках IV в. до н. э. - II в. н. э., вполне вероятно, что курган использовали с перерывами, связанными с изменениями демографических или этнических характеристик населения.

Основным погребальным сооружением кургана является каменная гробница из местного известняка, расположенная под центральной частью насыпи, возведенная с уровня поверхности погребенной почвы (Рис. 32). Юго-восточная и верхняя части сооружения разобраны. Тем не менее, ясно, что это была округлая платформа, несколько сужающаяся кверху, ориентированная с ССЗ на ЮЮВ. Размеры основания 7,9 x 7,2 м, наибольшая прослеженная высота 2 м.

Внешняя облицовка однослойная, постелистая, иррегулярная из обколотых плитчатых обломков известняка и бутового камня, сохранилась до высоты 1,5-1,6 м. В юго-восточной части гробницы фиксируется поврежденный порообразный выступ высотой до 0,7 м, шириной до 2,4 м, выступающий во внешнюю сторону на 1,5 м (Рис. 9, 1-2). Пространство между лицевой кладкой и погребальной камерой заполнено бутом. Камера прямоугольная, размером 2,75 x 2,4 м по внутреннему периметру, расположена в центре гробницы, ориентирована по ее длинной оси. Стены прослежены на высоту 1,1 м от уровня пола, общая же высота камеры вряд ли превышала 2 м. Цокольный ряд сложен из хорошо обработанных и подогнанных прямоугольных плит высотой от 0,9 до 1,2 м, толщиной до 0,3 - 0,4 м, поставленных с небольшим наклоном внутрь. Выше кладка постелистая из обработанных плит толщиной 0,2-0,3 м, уложенных с напуском, их обращенная в камеру боковая поверхность косо срезана (Рис. 9: 3-4]. На разновысоких цокольных плитах для укладки первого постелистого ряда сделаны прямоугольные подрубки. В целом, кладка может быть охарактеризована по типологии С. Д. Крыжицкого, как постелисто-орфостатная, мозаичная [Крыжицкий, 1993, с. 63]. Очевидно, перекрытие было пирамидальным, уступчатым. Пол, сохранившийся лишь местами, был сложен из подогнанных плит. Юго-восточный угол полностью разобран. Учитывая то, что единственная сохранившаяся в южной стене плита ниже всех остальных и имеет высоту 0,9 м, здесь находился вход в погребальную камеру, возможно, несколько приподнятый над ее полом и смещенный в юго-восточный угол. Аналогии такой планировке известны в склепе из некрополя Керкинитиды [Михлин, Бирюков 1983; Кутайсов, 2004, рис. 92-93] и в описанном выше кургане Наташино 18, датированных в пределах второй половины IV - первых десятилетий [первой половины] III вв. до н. э. Современное заполнение камеры образовалось при ее разборке. В нем обнаружены фрагмент красноглиняной амфоры, обломок красноглиняного сосуда на кольцевом поддоне, фрагмент верхней части лепного горшка, невыразительные обломки гончарных сосудов. К сожалению, подобная керамика не позволяет уточнить датировку кургана. Однако, судя по прочим находкам из кургана, гробницу использовали как в эллинистическое время, так и в первые вв. н. э. (Рис. 33, 7; 34, 5].

Впускные погребения. Их в кургане обнаружено три. Синхронное или близкое по времени основной гробнице погребение 3 (Рис. 33, 2), находившееся в 18 м к ЮЗЗ от центра кургана с внешней стороны кольцевой наброски, фактически за пределами насыпи. Погребальное сооружение представляло собой подбойную могилу, ориентированную с С на Ю с небольшим отклонением к западу. Размеры по дну: 1,4 x 1,2 м, включая и дно входной ямы, примыкавшей к подбою с восточной стороны. В грунтово-каменном заполнении подбоя обнаружены обломки железного и бронзового гвоздей, скорее всего, в могиле находился гроб. Судя по размерам, могила была предназначена для захоронения подростка.

Еще две впускные могилы располагались к северу от центра кургана с внешней стороны крепиды и под ней. Погребение 2 находилось в 10 м к северу от центра кургана и представляло собой маленькую катакомбу с поперечно-осевым расположением камеры и входной ямы (Рис. 33, 3). Овальная камера размером 1,4 x 1,0 м, ориентирована с З на В. Прямоугольный, со скругленными углами входной колодец, заполненный камнем, примыкал к ней с южной стороны. На дне камеры три детских костяка. Судя по сохранившимся костям, в двух случаях захоронения были совершены в вытянутом положении головами на восток, в одном на запад. Под черепами двух скелетов найдены

²³ К сожалению, в отчете этот материал не охарактеризован ни по месту нахождения, ни по глубине залегания.

пастовые и стеклянные бусы, на лучевых костях одного из скелетов находился небольшой проволочный браслет с петелькой и крючком на концах (Рис. 33, 4). Судя по этим находкам, погребение датируется I в. до н. э. – I в. н. э.

Погребение 5 располагалось в 7, 5 м от центра кургана, и было смещено на 3 м к юго-западу от входной ямы погребения 2. Погребальное сооружение представляло собой миниатюрную катакомбу, аналогичную по форме катакомбе погребения 2 (Рис. 33, 1). Размеры погребальной камеры 1,0 x 0,8 м, ориентация ВСВ–ЗЮЗ. Овальный входной колодец, забитый камнем, примыкал к камере с северной стороны. На дне два детских костяка. Захоронения были совершены в вытянутом положении на спине головами на СВВ. Между скелетами в западной и восточной части могилы небольшие плоские камни. Еще один камень находился между черепом северного скелета и стенкой катакомбы. Между костяками лежала трубчатая кость животного, под черепом скелета, находившегося в южной части катакомбы обнаружены стеклянные и пастовые бусы, на камне, располагавшемся в ногах погребенных, лежал обломок бронзового гвоздя (Рис. 33, 5, 6). В засыпи могилы, по определению исследователей, найден фрагмент мегарской чаши, к сожалению не представленный иллюстрацией в отчете и не обнаруженный в музейной коллекции. Есть основания считать, что катакомба относится к позднескифскому времени и мегарская чаша, и набор бус, свидетельствуют в пользу такого допущения.

Многочисленные катакомбы зафиксированы на некрополях Северо-Западного Крыма в позднескифское время. Для них характерна как преобладающая восточная, так и не столь частая западная ориентация умерших. Типологическое сходство с рассмотренными погребениями имеют опубликованные С. Ю. Внуковым катакомбы позднескифского некрополя Кара-Тобе [Внуков, 2001, 96-121]. Таким образом, достаточно вероятным представляется заключение о присутствии в кургане погребений двух хронологических групп. К первой, можно отнести каменную гробницу и подбойную могилу и датировать их позднеклассическим – раннеэллинистическим временем. Ко второй относятся катакомбные впускные могилы, которые можно соотнести с позднескифским временем. Судя по находкам, поздние скифы, вторично использовали и основную гробницу кургана.

Курган 2 скифо-античного времени расположен в 100 м северо-восточнее кургана 1. Его высота - 1,1 м, диаметр - 24 м, по периметру - остатки распаханной каменной крепицы диаметром около 16 м, сложенной из дикарного камня (Рис. 35, 1). В центральной части кургана находилась каменная гробница, а в западной части насыпи, на линии крепицы, 4 ямы цилиндрической и колоколовидной формы, прослеженные в суглинке на глубину 1,3-1,5 м, диаметр от 0,9 до 1,4 м. Заполнение ям каменисто-суглинистое.

Каменная гробница (Рис. 35, 1, 2) расположена со смещением к востоку относительно контура крепицы. Она возведена на поверхности погребенной почвы, верхняя часть сооружения разобрана. Внешняя лицевая кладка из бутового камня сохранилась местами, в некоторых случаях до высоты 0,8 м. Размеры постройки, имевшей, скорее всего овальную форму, 6 x 8 м, ориентация СЗ – ЮВ. Внутри сооружения расположены погребальная камера склепа и коридор – дромос (Рис. 35, 30). От прямоугольной камеры сохранилась плита одной стены и участки пола, вымощенного плитчатыми обломками камня. Остатки стены представляли собой вертикально установленную, грубо обработанную плиту нижнего ряда, толщиной до 0,4 м и высотой до 1 м. Боковая и верхняя поверхность обработаны. Не исключено, что кладка была близка системе, охарактеризованной С. Д. Крыжицким как орфостатно-полигональная, впрочем, возможны и другие варианты. Внутренние размеры камеры можно реконструировать в границах 2,7 x 1,8 м. В таком случае, ее длинная ось была ориентирована с ЮЗ на СВ. Дромос, примыкал с ЮВ к углу камеры, т.е. был расположен перпендикулярно ее длинной оси. Его прослеженная длина не менее 3,6 м, ширина у камеры 0,7 м, снаружи не менее 1,4 м. Видимо, в кургане 2 была сооружена каменная гробница близкая по плану и внешнему оформлению гробнице из кургана 1. Отличия заключаются в особенностях склепа, располагавшегося внутри этого сооружения, таких как ориентация камеры перпендикулярно длинной оси постройки и иная система кладки стен погребальной камеры. Подобные склепы известны в Западном Крыму на северном склоне Тарханкутской возвышенности близ с. Снежное Черноморского района [см. Колтухов, 2005, рис. 9, 6, 7]²⁴.

Для них характерна такая же ориентация по оси ЮЗ–СВ. Если принять вполне уместное предположение о том, что дромос должен был находиться в ногах погребенных, то ориентацию их головами на ЮЗ, следует интерпретировать как признак скифского обряда. Погребальный инвентарь, фрагментированный, многократно перемещенный, а также находки, которые могли попасть в склеп при его разрушении, относятся к двум хронологическим периодам. К первому можно отнести обломок широкой ножки херсонесской амфоры (Рис. 36, 4), скорее всего второго типа и фрагмент горла гераклеийской амфоры с остатками двухстрочного ретроградного клейма, на котором восстанавливается окончание ...]ΩΝΟΣ (Рис. 36, 1). Такое клеймо может быть датировано IV в. до н. э, скорее всего, так же датируется и херсонесская амфора. Остальные находки: обломки железных ножей, фрагменты амфор (среди них явно присутствуют светлоглиняные), гончарных и краснолаковых сосудов, бронзовые проволочные серьги (Рис. 36, 7), либо не поддаются строгой датировке, либо относятся к позднескифскому времени. Среди собранных в склепе бус (Рис. 36, 3) часть имеет широкую датировку, в основном, связанную с эллинистическим временем и первыми вв. н. э. Часть может быть уверенно отнесена к позднескифскому периоду. Это мелкие бусы с металлической прокладкой,

²⁴ В тексте статьи эти памятники, по причине невнимательности автора, были локализованы не в Черноморском, а в Сакском районе АРК, где также существует курганы в урочище Снежное.

характерные как для позднего эллинизма, так и для римского времени. Несколькими экземплярами представлены бочковидные бусы с валиками по краям, характерные для первых вв. н. э. [Алексеева, 1978, с. 31]. Интересны дольчатые пронизи, которые можно соотнести с бусами характерными для I в. до н. э. – I в. н. э. [Алексеева, 1978, с. 31]. В наборе присутствует и цилиндрическая бусина с закраинами и поперечным пояском из бугорков, как тип датированная концом II-I вв. до н. э. [Алексеева 1978, 32]. Миска с вертикальной ручкой - единственный реставрированный лепной сосуд (Рис. 36, 2), находит аналогии в позднескифской лепной керамике [Дашевская 1991, Табл. 49; 19]. Миска с таким же профилем найдена и на городище Чайка, относится к группе лепных сосудов датированных исследователями в рамках II в. до н. э. – I в. н. э.

Все это дает основания для предположения о том, что курган с каменной гробницей был сооружен еще в IV в. до н. э., однако гробница была очищена и вновь использована поздними скифами. Это явление характерно для Северо-Западного, Предгорного, а отчасти и Восточного Крыма, то есть для тех крымских территорий, на которых в позднеэллинистическое время существовало достаточно многочисленное оседлое население. Впрочем, частое повторное использование древних гробниц, не исключало, при необходимости, строительство новых каменных усыпальниц.

Курган 3 расположен в 250 м к СВ от кургана 2, относится к эпохе бронзы [Колотухин, Тощев, 2000, 148]. Диаметр насыпи 19 м, высота 0,8 м (Рис. 36, 8). В скифо-античное время, в кургане была сооружена каменная гробница с расположенной внутри погребальной камерой склепа. Насыпь была практически отсыпана заново, а вокруг нее была сложена крепиды диаметром 13 м, из бутового камня. Наиболее раннее погребение в кургане относится к катакомбной культуре, из впускных погребений одно является скифским, еще одно не датировано, одно датируется средневековым временем. В насыпи кургана обнаружено три хозяйственные ямы, диаметром от 0,9 до 1,2 м, заполненные суглинком и камнями.

Каменная гробница расположена в центре кургана со смещением к СВ (Рис. 37, 1). Скорее всего, это связано со стремлением строителей вывести дромос к крепиде. В центре на уровне поверхности погребенной почвы на площади около 4 кв. м сохранились остатки пола погребальной камеры, сложенного из плитчатых обломков известняка, и одна из вертикально стоящих плит первого ряда юго-западной (тыльной) стены. Северо-восточнее, на протяжении 4 м фиксируются следы каменной обкладки коридора дромоса. Остатки каменного сооружения, позволяют предположить, что и здесь мы имеем дело с постройкой подобной гробницам уже исследованным в курганах 1 и 2. Ориентирована она с СВ на ЮЗ. Вход расположен с СВ стороны. Такая ориентировка совпадает с ориентацией скифских могил Степного Крыма. В насыпи склепа обнаружены обломки амфор, бронзовая пластинчатая обойма, бляшка и настовая подвеска (Рис. 37, 2). Металлические изделия, скорее всего, могут быть соотнесены с сарматской или более поздней уздой, подвеска, также вещь довольно поздняя. Интересен фрагмент амфоры с широким рифлением, скорее всего, характерным для позднеантичного и средневекового времени (Рис. 37, 3). Впрочем, среди находок можно определить и венчик гераклеийской амфоры (Рис. 37, 5). В насыпи же кургана близ разрушенного склепа найден еще один немаловажный для датировки предмет. Это обломок стенки чернолакового канфара с каннелированным туловом (Рис. 37, 4). В сочетании обломки амфоры и канфара могут быть датированы IV-III вв. до н. э., с вполне возможной корректировкой до IV – первых десятилетий III в. до н. э.

Впускное погребение 1 (Рис. 36, 9), скифское, расположено в 12 м к ЮВ от центра кургана, с внешней стороны каменной крепиды. Могильная яма удлиненно-овальная длиной 1,8 м, шириной 0,7 м. Захоронение взрослого человека совершено в вытянутом положении на спине головой на ЮЗЗ. В верхней правой части грудной клетки найден бронзовый наконечник стрелы (Рис. 36, 10), между костяком и южной стенкой могилы - кости животного. Плохо сохранившийся наконечник относится к удлиненным трехлопастным, и вполне определенно может быть отнесен к IV-III вв. до н. э.

Исходя из характеристики впускного погребения и ориентации каменной гробницы, курган может быть охарактеризован как скифский, заново отсыпанный на месте небольшого кургана эпохи бронзы не позднее IV в. до н. э.

Курган 4 скифо-античного времени, расположен в 350 м к северо-востоку от кургана 3. Диаметр 22 м, высота 1 м, вершина срезана (Рис. 37, 6). В ходе раскопок обнаружено основное и впускное погребения и три ямы, находившиеся у края насыпи в ЮЗ секторе. По периметру кургана прослеживались остатки каменной наброски диаметром около 16-17 м. У юго-восточной полы кургана найдена каменная стела.

Каменная гробница расположена в центре кургана, сооружена на поверхности погребенной почвы (Рис. 38, 1), ориентирована с ССЗ на ЮЮВ, вход с южной стороны. Верх и восточная часть полностью разобраны при выборке камня. Протяженность по длинной оси не менее 7,2 м, ширина не менее 5 м, прослеженная высота 1,2 м. Можно предполагать, что первоначально гробница имела форму близкую к овальной, с выступом с южной стороны, где находился коридор-дромос. Внешняя облицовка сохранилась только с северо-восточной стороны. Здесь она представляла собой однослойную иррегулярную кладку из ломаного плитчатого камня. Забутовка между лицевой кладкой и стенами расположенной внутри сооружения погребальной камеры склепа состояла из разномерных плитчатых и бутовых камней, уложенных в постелистой системе. Прямоугольная погребальная камера размером 2,7 x 2,2 - 2,0 м ориентирована по длинной оси сооружения. Нижняя часть стен сложена из обработанных, поставленных на ребро

известняковых плит толщиной 0,2 – 0,3 м, основания которых установлены в траншеи глубиной до 0,15 м. Западная стена состоит из одной расколотой на две части плиты длиной 3,1 м и высотой 1,2 (Рис. 38, 3). В местах стыка с поперечными плитами сделаны неглубокие подрубки. Ее верхняя поверхность обработана, но имеет наклон по направлению к северной торцовой стене. Северная торцовая стена, закрепленная между плитами продольных стен, состоит из одной плиты длиной 2,0 м и высотой 1,4 м, со сложной конфигурацией верхней поверхности. С западной стороны верхняя поверхность горизонтальна, восточнее расположен треугольный выступ. Не исключено, что он образовался при разрушении склепа. От восточной стены сохранилась одна прямоугольная плита размером 1,5 x 1,1 м с горизонтальной верхней поверхностью. Южная стена, в которой находился вход в камеру, полностью разобрана. Пол камеры, скорее всего плитчатый, разрушен. Дромос шириной 1,3 м со ступенчатым дном, опускавшимся по направлению к камере, прослежен на протяжении 1,5 м (Рис. 38, 2). Его верхняя и южная части разрушены. Характер обработки верхней поверхности плит, установленных в основании стен погребальной камеры, совпадает с уже охарактеризованным в кургане 2. Использование больших цельных каменных плит в качестве стен склепов известно на европейском Боспоре [Колтухов, 2005, с. 283], нет ничего необычного в широком распространении в Крыму этого приема. Здесь, и в степи, и в горах каменные погребальные сооружения существовали там, где присутствуют естественные выходы местного камня. Применение же в Северо-Западном Крыму обработки верха плит по дуге или под наклоном, подтверждает Кульчукский склеп 1995 г. [Дашевская, Голенцов, 2006, с. 34-36]. Скорее всего, в этом случае прослеживается знакомство каменотесов и строителей с полигональной кладкой, но в деградированной форме. Верхнюю же часть склепа, вероятно можно реконструировать, как вертикальную или наклоненную внутрь постелистую кладку, на которую опиралось плитовое перекрытие.

Находки в заполнении разграбленного склепа представлены обломками нескольких лепных сосудов и амфор (Рис. 38, 4-7). Поддаются определению такие фрагменты, как широкая ручка синопской амфоры и ручка двухствольной светлоглиняной амфоры. Подобные сосуды позволяют предложить датировку в рамках IV в. до н. э. – I в. н. э. То есть, вновь, вполне вероятным представляется сооружение склепа в IV в. до н. э. и вторичное его использование в позднескифское время.

Впускное погребение 2 (Рис. 38, 8) обнаружено в 10 м к западу от центра кургана за пределами каменной наброски. Могила представляла собой катакомбу с колодцем диаметром 1,1 м и расположенной под ним со смещением к юго-востоку маленькой бобовидной погребальной камеры размером 1,1 x 0,6 м, ориентированную с северо-востока на юго-запад, высота ступеньки 0,2 м. В северо-восточной части могилы, на дне остатки черепа ребенка и несколько бусин из глухого стекла (Рис. 38, 9). Набор бус позволяет отнести захоронение к I в. до н. э. – I в. н. э.

Ямы. Возможно, каким-то образом, с еще одним впускным погребением ребенка связана и яма 2, описанная исследователями следующим образом: «Выявлена в 9 м к ЮЗЗ от репера на отметке 1,4 м от «0». В плане овальной формы, в разрезе – цилиндрической; ее размеры по дну 1,1 x 1,0 м, прослеженная глубина в суглинке 1,6 м. В северной части имела уступ шириной 0,3 м, длиной 0,9 м, глубиной 0,5 м. На уступе найдены пастовые бусы. Заполнение ямы – суглинок и крупные уплощенные камни».

Еще две ямы 1 и 3 расположены на таком же расстоянии от центра в этом же секторе насыпи. Одна из них (№ 1) спаренная, диаметром 1,0 и 1,2 м, глубиной 1,5 и 1,4 м. Заполнение каменисто-суглинистое. Вторая (№ 3) цилиндрическая, первоначально, учитывая то, что стенки в нижней части имеют подбой, была колоколовидной. Она, как и прочие ямы, заполнена суглинком и камнями.

Стела (Рис. 39, 1) найдена в пахотном слое в 11 м к юго-востоку от центра кургана, в 2 м к востоку от оси дромоса каменной гробницы. Надгробие представляет собой прямоугольную известняковую плиту высотой 1,5 м, шириной вверху 0,53 м, внизу 0,45 м, толщиной до 0,18 м. В нижней части плиты находится выступ размером 0,35 x 0,29 м, предназначенный для закрепления стелы в основании, скорее всего, каменном. Боковые поверхности стелы уплощены, вверху расположен небольшой выступ. Она датирована В.С. Ольховским второй половиной IV – началом III в. до н. э. [Ольховский, Евдокимов, 1994, кат. 115]. Возможно, изделие занимает промежуточное положение между греческими надгробными стелами хорошо известными в античное время в некрополях Северного Причерноморья и скифскими антропоморфными изваяниями. В качестве аналогии ей можно привести надгробие из кургана Колоски 13, датированное В. С. Ольховским IV в. до н. э. И та, и другая стелы обнаружены в полах насыпей с внешней стороны крепид.

Курган 5 скифо-античного времени находился в 50 м к северо-востоку от кургана 4 (Рис. 40, 1). Высота 1,3 м, диаметр насыпи около 25 м. Первоначальные границы насыпи определяла кольцевая каменная крепида диаметром 15-16 м, сооруженная на поверхности погребенной почвы из плитчатых обломков известняка, установленных с наклоном во внутреннюю сторону (Рис. 40, 2]. В центре насыпи несколько каменных плит, в восточной поле за границами кромлеха - два впускных погребения и одна яма.

От основного погребального сооружения, каменной гробницы, возведенной на поверхности погребенной почвы в центре кургана, сохранилось несколько каменных плит размером 1,5 x 0,94 и 1,3 x 0,8 м. Очевидно, это результат характерной для Северо-Западного Крыма разборки курганов на камень. В заполнении ямы, образовавшейся при разборке, найдены фрагменты амфор, определяются синопские и гераклейские, вполне вероятно присутствие светло-

глиняных амфор. Весьма близкие обломки амфор обнаружены и в насыпи кургана (Рис. 40, 9). Необходимо отметить также происходящие из зоны разборки гробницы пряслице из стенки гончарного сосуда, скорее всего средневековое, дно красноглиняного кувшина и нашивную золотую бляшку (Рис. 40, 4), а также несколько бусин (Рис. 40, 6). В целом, нижняя дата для каменной гробницы может быть предложена в рамках IV в. до н. э. Светлоглиняные амфоры, так же как и бусы, могут указывать на позднескифское время, период вероятного вторичного использования гробницы. Пряслице из стенки гончарного сосуда типично для средневековых кочевнических погребений. В принципе, можно предполагать, что гробница, бывшая основным сооружением в кургане, использовалась трижды.

Впускные погребения находились в восточной поле кургана, захоронения младенцев совершены в двух катакомбах, обращенных входными колодцами к кромлеху.

Погребение 2 располагалось вне кромлеха на расстоянии 12 м к ЮВ от центра кургана. Представляло собой миниатюрную катакомбу с поперечно-осевой планировкой (Рис. 40, 3). Диаметр овальной входной ямы со ступенчатым дном - 1,5 x 1,0 м. Овальная погребальная камера размером 0,9 x 0,7 м, ориентированная с северо-запада на юго-восток, примыкала к колодцу с северо-восточной стороны. На дне у ступеньки - и фрагментированные кости младенца, несколько стеклянных бусин и гончарный сосуд с петельчатой ручкой (Рис. 40, 7-8). Основой для датировки погребения, поскольку набор бус в нем может иметь самую широкую датировку, служит гончарный сосудик. Прямых аналогий ему мне неизвестно, однако подобные черпаки, или «кружки» известны в IV в. до н. э., а может быть и позднее. В подкурганых погребениях Восточного Крыма сходные сосуды датируются временем близким концу IV в. до н. э. [Бессонова, Бунятян, Гаврилюк, 1988, с. 42-43; Колотухин, Колтухов, 2007 а, с. 216].

Погребение 1. Аналогично погребению 2, расположено в 2 м к северу от него. Отличается лишь несколько меньшими размерами катакомбочки и ее ориентацией по оси СЮ (Рис. 40, 5). Остатки черепа младенца и лучевых костей прослежены в южной части камеры. Погребального инвентаря нет.

Яма располагалась в 14 м к ЮВ от центра кургана. Имела форму вытянутого овала, ориентированного с СЗ на ЮВ. Размеры 1,45 x 0,9 м, прослеженная глубина 0,5 м. Каких-либо находок в яме не было. Не исключено, что это разграбленная могила подростка или кенотаф.

Курган 6 скифо-античного времени располагался в 35 м к северу от кургана 5. Распаханная насыпь имела форму овала, вытянутого с З на В, диаметр 31 x 26 м, высота 0,7 м (Рис. 41, 1). В насыпи фиксировались скопления камней, которые можно интерпретировать как остатки каменной крепиды диаметром около 12 м. Здесь же обнаружены немногочисленные обломки амфор. По прорисовкам определяются фрагменты сосудов, характерных для позднеклассического и римского времени (Рис. 41, 3-6). Есть основания для предположения о том, что среди находок присутствовали фрагменты узкогорлых светлоглиняных амфор (Рис. 41, 3). По крайней мере, в описи упоминаются обломки желтоглиняных и белоглиняных амфор. К античному времени относится и фрагмент сосуда на высоком поддоне (Рис. 41, 6). Вполне вероятно присутствие амфор средневекового времени (Рис. 41, 2).

Каменная гробница. Под насыпью и в ней на площади около 30 кв. м сохранились следы каменной постройки, возведенной на древнем горизонте. Это, в основном бессистемно лежащие плиты и бутовый камень. Остатки кладки фиксируются на протяжении 4 м в юго-восточной части скопления. Кладка иррегулярная из плитчатых обломков и бута, скорее всего постелистая, уцелевшая на высоту одного ряда [20-30 см], ориентация ЮЮЗ – ССВ. Скорее всего, это остатки внешнего слоя обкладки гробницы.

Яма располагалась в 5 м к северо-западу от центра кургана. Она колоколовидная в профиле, глубина в суглинке 1,5 м и диаметр по дну – 1,4 м. Заполнение состояло из суглинка и камней.

Курган 7 скифо-античного времени располагался в 70 м к северо-востоку от кургана 6. Насыпь распахивалась, в плане овальная, диаметром 24 x 20 м, вытянута с запада на восток, высота 0,7 м (Рис. 41, 7). В северной части кургана отмечены остатки крепиды. С северо-западной стороны ее можно предположительно реконструировать как округлую, с северо-восточной стороны она шла по прямой линии и поворачивала под углом в южном направлении. В скифское время в восточном Крыму известны единичные прямоугольные или близкие к прямоугольным ограды каменных ящиков, однако, это гробницы без курганных насыпей. Всего в кургане раскопано 3 погребения и одна яма.

Основное (по определению исследователей кургана) *погребение 3* представляло собой остатки каменной гробницы, располагавшейся с незначительным смещением к востоку от геометрического центра насыпи на древнем горизонте (Рис. 41, 7). Ее сравнительно небольшие размеры и смещение к востоку от центра крепиды, мало характерны для основных каменных гробниц в курганах скифского времени. Судя по описанию, от гробницы сохранились лишь отдельные небольшие камни, здесь же были найдены 8 бусин. Среди стеклянных, довольно поздних бусин и пронизей находились две пастовые амфоровидные подвески (Рис. 42, 1). По мнению А. А. Стояновой, такой набор бус может быть отнесен к I в. до н. э. – I в. н. э. Следовательно, в этой гробнице совершались захоронения в позднескифское время. Обнаруженная там же ручка сосуда с несколькими гребнями (Рис. 42, 10), судя по профилировке, принадлежит кувшину I в. до н. э. – I в. н. э. Такие датировки находок вызывают сомнения в том, что могила правильно определена как основная в кургане.

Остатки каменной гробницы (*могила 2*), скорее всего являвшейся основной могилой, обнаружены в центре насыпи, несколько выше уровня поверхности погребенной почвы. От погребального сооружения сохранилась часть

прямоугольного дна, вымощенного небольшими плитчатыми обломками известняка (Рис. 41, 9, 10). Размеры площадки 2,4 x 1,7 м, ориентация ЮЗ–СВ, северо-западная часть дна разрушена. Именно здесь находится скопление разрозненных человеческих костей и верхняя часть скелета человека, сохранившая анатомический порядок. Судя по костным остаткам, это захоронение было совершено уже после разрушения погребального сооружения, на спине, головой на восток. Ниже черепа человека обнаружен скелет небольшой собаки.

На остатках пола найден бронзовое кольцо в несколько оборотов (Рис. 42, 8), три лепных пряслица (Рис. 42, 3), бронзовый наконечник стрелы (Рис. 42, 5) фрагменты железного ножа (Рис. 42, 4), миска с буролаковым покрытием (Рис. 42, 12) и бусы (Рис. 42, 2). Наконечник стрелы может быть датирован IV–III вв. до н. э. Одна из бусин с перистым орнаментом может быть отнесена к этому же времени [Алексеева 1978, 48, Тип 259]. Большинство прочих, по определению А. А. Стояновой, относятся к I в. до н. э. – II в. н. э. Временем не ранее эллинистического, датируется многовитковое кольцо. Глубокая мисочка с высоким поддоном, на наш взгляд, также датируется временем не позднее I в. до н. э. – I в. н. э. Прочие находки: бронзовые кольца (Рис. 42, 6, 7), мелкие обломки разнообразных металлических предметов, имеют весьма широкие датировки. Обломок амфорной ручки (Рис. 42, 11), судя по ее профилю и размерам, может быть отнесен к классическому или эллинистическому времени. Однако, в любом случае, у нас есть основания считать, что захоронения в этой гробнице совершались, как в эллинистическое время, так и позднее.

Двуручный гончарный кувшин и миска, обнаружены рядом, в 20 см к северо-западу от костей. Они залегали на 20 см выше дна, скорее всего, за пределами гробницы (Рис. 41, 9). Кувшин высотой 19,5 см, (диаметр венчика 6,1 см, диаметр поддона 7,2 см), характеризуется валиком, находящемся на горле в месте крепления овальных в сечении ручек и несколькими врезными поясками, расположенными на плечиках (Рис. 42, 13). Сосуд весьма близок кувшину из могилы № 12 Кульчукского кургана-кенотафа, который был использован в качестве урны для захоронения остатков трупосожжения. Мисочка на низком поддоне, найденная рядом с кувшином (Рис. 41, 14), названная в описи белоглиняной, находит аналогию в той же могиле № 12. Там сероглиняная миска с лаковым покрытием была использована, как крышка для кувшина с прахом. Исследователи Кульчукского кургана отнесли захоронение в могиле № 12 к первой половине – середине II в. до н. э. [Дашевская, Голенцов, 1982, с. 90, 95]. Не исключено, что данную датировку можно расширить и до III в. до н. э. В пользу этого свидетельствует достаточно ранний профиль ручки кувшина, подобный профилю ручек некоторых аттических пелик IV в. до н. э., и близкая по форме аттическая чернолаковая мисочка из Чайки, датированная третьей четвертью III в. до н. э. [Егорова, 2007, кат. 14]. Скорее всего, сосуды из кургана 7 также связаны с захоронением остатков трупосожжения, относящегося к эллинистическому времени.

Погребение 1 обнаружено в 7 м к юго-востоку от центра кургана. Контуры погребального сооружения не прослежены. На площади 2 кв. м лежали известняковые камни, не менее 12 черепов (Рис. 41, 8), редкие обломки гончарной керамики и несколько мелких бусин. Скорее всего, это костница позднескифского времени, аналогичная костнице Колоски 5/3.

Яма обнаружена в 5,5 м к северо-западу от центра кургана. Она круглая в плане и колоколовидная в профиле, глубиной не менее 1,3 м, диаметром по дну 0,85 м. Заполнена суглинком и камнями.

Курган 8 эпохи бронзы располагался в 25 м к северо-западу от кургана 7. Высота распаханной насыпи не превышала 0,2 м, диаметр 18 м. Из 6 могил эпохи бронзы и железного века одна относилась к скифскому времени. Однако, по мнению исследователей кургана, в центре насыпи могла находиться скифская каменная гробница, полностью разрушенная ко времени раскопок [Колотухин, Тоцев, 2000, с. 150].

Погребение 4, впускное, располагалось в 4 м к югу от центра кургана. Скифское захоронение было совершено на спине, головой на запад (Рис. 43, 1), контур погребального сооружения не прослежен, костяк полуразрушен. Из погребального инвентаря уцелела лишь плохо сохранившаяся часть акинака с брусковидным (овальным?) навершием и бабочковидным (?) перекрестием (Рис. 43, 2). Судя по остаткам меча, это захоронение можно датировать V в. до н. э.

Курган 10 скифо-античного времени, располагался в 80 м к северо-западу от кургана 8. Высота распаханной насыпи 0,2 м, а диаметр 16 м (Рис. 43, 3). В центре кургана на уровне поверхности древней погребенной почвы обнаружены остатки вымостки из мелкого камня, очевидно дно погребальной камеры (Рис. 43, 4). На дне были найдены кости человека и две бусины, в насыпи – фрагменты амфор, названных в описи буроглиняными и красноглиняными.

Курган 11 скифо-античного времени находился в 20 м к северо-западу от кургана 10. Высота распаханной насыпи 0,3 м, диаметр 16 м (Рис. 43, 5). Основное погребение располагалось в центре кургана. На уровне поверхности погребенной почвы обнаружены остатки пола (?) каменной гробницы (Рис. 43, 6). Он состоял из 3 крупных каменных плит, щели были заполнены мелкими обломками камня. Размеры 2,3 x 1,4 м, ориентация СВ – ЮЗ. При зачистке на нем обнаружены обломки черепа и костей рук человека. В грунте над вымосткой найдены обломки гераклейской амфоры, ножка фасосской амфоры, фрагменты чернолакового сосуда и нескольких гончарных сосудов. Такое сочетание керамики позволяет отнести курган к IV в. до н. э.

Курган 12 относился к эпохе бронзы, находился в 550 м к северо-востоку от кургана 11. В нем, помимо погре-

бений эпохи бронзы обнаружено 5 ям, по мнению исследователей, скифского времени [Колотухин, Тощев, 2000, с. 157]. В грунтово-каменном заполнении ямы 5, располагавшейся в северо-восточной поле кургана, обнаружен обломок ноги и голова каменного надгробия. При работах бульдозера, предположительно из ямы была извлечена еще одна часть этого же изваяния (Рис. 44). Изваяние датировано В. С. Ольховским IV в. до н. э. [Ольховский, Евдокимов, 1994, кат. 96].

В силу отсутствия в кургане захоронения скифо-античного времени, возникает вопрос, все ли ямы в курганах близ Крыловки следует рассматривать как жертвенные, или иным образом, связанные с погребальным обрядом? Не могут ли многие из них быть обычными хозяйственными ямами позднескифского времени, лишь для удобства, впущенными в полы курганных насыпей? Тогда становятся понятными и их цилиндрическая или колоколовидная (грушевидная) форма и грунтово-каменное, практически не содержащее находок заполнение, появившееся в результате разрушения и падения вниз приустьевой части. Соответственно и разбитые изваяния представляются уже не элементами кульга, а строительным материалом.

Курган 13 относился к эпохе бронзы, находился в 750 м к северу от кургана 12. Высота 1,5 м, диаметр около 30 м. Как показывают план и стратиграфия кургана, в центре находилось каменное сооружение, впускное или возведенное на поверхности насыпи эпохи бронзы, впоследствии почти полностью разрушенное выборкой камня (Рис. 45, 1). Скорее всего, это остатки каменной гробницы.

Курган 14 относился к эпохе бронзы, находился в 40 м к западу от кургана 13. Высота 0,7 м, диаметр 20 м (Рис. 45, 2). На поверхности насыпи была обнаружена ножка фасосской амфоры (Рис. 45, 4)]. В центре скопление камня - остатки впускной гробницы скифо-античного времени (Рис. 45, 2, 5). Здесь же в насыпи фрагмент гераклейской амфоры.

Вероятно к этому же времени относится и впускная могила 9. В северо-восточной поле на современной границе насыпи находилась небольшая катакомба с овальной входной ямой и округлой небольшой камерой, ориентирована с ССВ на ЮЗЗ (Рис. 45, 3). Вход, закрытый каменной плитой располагался с юго-западной стороны. Расположение ямы и камеры продольно-осевое. Размеры ямы 1,0 x 0,7 м, камеры 1,2 x 1,1 м. Свод пробит при ограблении. В заполнении найдены обломки античной керамики, в частности пережженная стенка херсонесской (?) амфоры. Наиболее вероятной датой для этих двух могил, может оказаться IV в. до н. э.

Курган 16 скифо-античного времени, входил в небольшую группу из 3-х курганов и располагался в 1,5 км к северу от кургана 14. Насыпь овальная, высотой 1,4 м, диаметром 27 x 22 м, вытянута с запада на восток (Рис. 46, 1). По периметру насыпь окружала каменная крепида диаметром 17 м, сложенная из плит, установленных с наклоном во внутреннюю сторону. Под насыпью обнаружена каменная гробница.

Основное погребение представляло собой остатки каменной гробницы, сооруженной на древнем горизонте в центре кургана (Рис. 46, 4, 5). Сохранилась восточная часть подпрямоугольной, с закругленными углами каменной обкладки с лицевым слоем, сложенной из плитчатых обломков известняка (Рис. 46, 2, 3). Каждый ряд уложен с небольшим отступлением внутрь. Диаметр внешнего периметра гробницы не менее 7 м. В центре расположены остатки прямоугольной погребальной камеры. Пространство между камерой и внешним лицевым слоем гробницы заполнено бутом. Погребальная камера прямоугольная, размером 2,2 x 1,8 м, ориентирована с СВВ на ЮЗЗ. Южная стенка разобрана при ограблениях и добыче камня. Сохранившиеся стены сложены из грубо обработанных прямоугольных каменных плит высотой от 1 до 1,5 м. В продольных плитах вырублены пазы для стыковки с плитами поперечными. Дно грунтовое, возможно было каменным, в восточной части была вырыта прямоугольная яма, скорее всего грабительская. Если гробница – предположительно склеп и имела коридор-дромос, то он мог располагаться, лишь с южной стороны. В засыпи погребальной камеры обнаружены обломки железного и бронзового предметов, обломок бронзового перстня, несколько бусин и фрагменты буролаковой миски. Близ гробницы найден фрагмент чашечки с отогнутым краем и выраженным ребром на корпусе, покрытой густым и блестящим черным лаком. Ее можно отнести к IV-III вв. до н. э. Подобное сочетание находок позволяет широко датировать склеп позднеклассическим - эллинистическим временем.

Курганы 18-19 входили в состав другой курганной группы состоявшей из 8 насыпей, расположенных в 3 км к северо-востоку от кургана 16.

Курган 18 скифо-античного времени (Рис. 47, 1). Высота распаханной насыпи не превышала 0,3 м, диаметр был близок 12 м. В насыпи и под ней на площади около 30 кв. м находилось скопление плитчатого и бутового камня, происходящее от полностью разрушенной каменной гробницы. В центре насыпи найдено основание изваяния, представлявшее собой каменную плиту размером 1,35 x 1,2 x 0,25 м с прямоугольным отверстием размером 0,5 x 0,3 м (Рис. 47, 2). К югу и востоку от него находились обломки каменного изваяния (Рис. 47, 3), оно неоднократно опубликовано В. С. Ольховским, датировавшим его IV – началом III в. до н. э. [Ольховский, Евдокимов, 1994, кат. 97].

Среди многочисленных обломков гончарных сосудов, обнаруженных в насыпи кургана (Рис. 47, 4-7), можно уверенно определить венчик с частью ручки гераклейской амфоры. Небезынтересны венчики амфор и кувшинов, а также овальные в сечении ручки амфор, которые широко датируются классическим и эллинистическим временем. Коническая ножка характерна для коричневоглиняных амфор, имеющих широкие границы бытования. Две плоские

прогнутые с внешней стороны ручки характерны для массивных кувшинов на высоком поддоне, распространенных в первые вв. н. э. В целом, находки из кургана датируются временем от IV в. до н. э. до первых вв. н. э.

Курган 19 скифо-античного времени находился в 250 м к югу от кургана 18. В центре каменистой распаханной насыпи прослеживалась яма. Высота кургана составляла 0,45 м, диаметр 24 м (Рис. 39, 2). Были обнаружены остатки каменной крепиды из плитчатого и бутового камня, имевшей вид неправильного овала размером 11 x 9 м, вытянутого с северо-запада на юго-восток, с наибольшим расширением с юго-восточной стороны. В центре насыпи лежала плита от полностью разобранный каменной гробницы. В юго-восточной части крепиды обнаружена каменная база изваяния - 1,0 x 0,7 x 0,2 м с овальным отверстием размером 0,2 x 0,4 м в центре (Рис. 39, 3). Среди находок: обломок придонной части мендийской амфоры, фрагмент ручки гераклейской амфоры, обломки светлоглиняной амфоры. Таким образом, среди немногочисленных находок присутствует амфорный материал, который можно отнести к IV в. до н. э., а также фрагменты сосуда или сосудов, датирующиеся временем не ранее I в. до н. э.

Подведем некоторые итоги. Курганы, расположенные близ Крыловки, входят в состав нескольких могильников, возникших еще в эпоху бронзы и дополненных многочисленными новыми курганами в скифо-античное время, а именно, в IV в. до н. э.²⁵ Из 20 раскопанных курганов 11 насыпей были сооружены в это время. В одном из курганов насыпь эпохи бронзы была сnivelирована и на ее остатках сооружена каменная гробница. Единственное предшествующее поселению хоры - скифское погребение в кургане 8, было впускным захоронением в кургане эпохи бронзы. Из 16 раскопанных в курганах каменных гробниц скифо-античного времени, по меньшей мере 4, могут быть охарактеризованы, как склепы. Предположительно к числу склепов можно отнести и каменную гробницу в кургане 16. Помимо каменных сооружений, в курганах обнаружена 1 подбойная могила, 1 грунтовая яма, и 3 катакомбы. Судя по их расположению в курганах, все они связаны с погребениями в центральных каменных гробницах²⁶. Не вызывает сомнений функционирование курганных могильников у Крыловки и в позднеэллинистическое время, и в I в. до н. э. – I в. н. э.

Сооружение гробниц внутри каменных платформ или возведение вокруг них мощных каменных обкладок было типичным для курганов Западного Крыма скифского времени [Колтухов, 2005, с. 285, рис. 6, 1; 11, 1-2]. Каменные «ядра», отмечали в курганах Боспора, в Белогорском (Аккайском) аристократическом могильнике в Предгорном Крыму, они же известны и в курганах Болгарии [Русева, 2000, с. 46-47].

Каменные изваяния Крыловской курганной группы, относятся к серии надмогильных памятников, выделенных для Северо-Западного Крыма В. С. Ольховским [Ольховский, Евдокимов, 1994, с. 29-34; Ольховский 2005, с. 104].

ПАМЯТНИКИ ТАРХАНКУТСКОГО ЛАНДШАФТНОГО РАЙОНА.

Курганы у с. Снежное (Черноморский район). В 1972 г. в 2 км к юго-востоку от села силами Северо-Крымской экспедиции было проведено выборочное исследование курганов южной части одного из курганных могильников, расположенных на каменистых северных отрогах Тарханкутской возвышенности над озерами Панское и Ярылгач (Рис. 49, 1). Работами руководил А. А. Щепинский, в исследованиях принимали участие В. А. Колотухин и С. М. Хренников²⁷. В 1997 г., в ходе выполнения международного Джарылгачского исследовательского проекта, возглавляемого с датской стороны П. Бильде, а с украинской С. Б. Ланцовым, была произведена топографическая съемка этого памятника, выполненная под руководством П. Аттема [Бильде, Аттема и др., 2007].

²⁵ В настоящее время, обоснованно сузить эту датировку не представляется возможным. Очевидно, это будет сделано лишь на основании аналогий из некрополей античных поселений Северо-Западного Крыма, в частности некрополей Калос-Лимена и Панского.

²⁶ Отдельный интерес представляет Ойбурская курганная группа расположенная юго-западнее крыловских курганов, между юго-восточным заливом Ойбурского озера и бывшим селом Ойбурчик-Неминайловка, а затем Фрунзевка Сакского района (Рис. 48, 1, 2). Топографически объект может быть определен, как гряда, вытянутая, по меньшей мере, в два ряда с ЮЗ на СВ на протяжении полукилометра. Однако, в юго-западной части, из-за многочисленных плотно расположенных курганов, она приобретает признаки курганного поля. В 1898 г. при съемке карты М 1:42000, военный топограф Башенев нанес на карту 15 курганов этой группы (Рис. 48, 2), а П. Н. Шульц в насчитал в могильнике 28 насыпей [Шульц, 2010, с. 26]. В центре кургана 1 высотой 0,6 м и диаметром около 10 м был заложен небольшой прямоугольный раскоп, которым полностью раскрыли трапециевидную каменную гробницу (Рис. 48, 3), ориентированную с СВ на ЮЗ, ее длина около 2 м, ширина в ЮЗ части 1,4 м, в северо-восточной - 0,9 м. Цоколь стен сооружен из вертикально стоящих необработанных плит высотой от 0,5 до 0,8-0,9 м. Исходя из неравной высоты плит и неровности их верхних поверхностей, можно уверенно писать о том, что стены дополнялись иррегулярной бутовой или плитчатой кладкой. Пол гробницы представлял собой вымостку из необработанных плит, вокруг ящика существовала каменная обкладка, признаков входа у гробницы не было. По П. Н. Шульцу, и в других курганах были заметны могилы аналогичной формы. Сужение камер в одну из сторон известно в греческом некрополе Калос-Лимена [Кутайсов, Анохин, Приднєв, Уженцев, 1997, рис. 100]. Ориентация исследованной П. Н. Шульцем могилы с ЮЗ на СВ с расширением в юго-западной части, не исключает того, что курган был скифским, хотя план сооружения может свидетельствовать о влиянии греческой погребальной архитектуры. Вероятно, для гробницы приемлема широкая дата в рамках IV - первых десятилетий III в. до н. э. Предположение П. Н. Шульца о сарматском происхождении курганов, несомненно, заслуживает внимания, однако, с учетом использования ранних каменных гробниц и в позднескифское время, представляет собой лишь историографический интерес. Более убедительно обоснованное заключение А.Н. Щеглова о принадлежности этой группы курганов населению хоры Херсонеса [Щеглов, 1978, с. 50]. В целом, наши знания об этом могильнике далеки от полноты, однако ориентируясь на его расположение и топографию, можно предположить, что это был некрополь сельского населения хоры.

²⁷ Находки были переданы на хранение в Межводненскую среднюю школу, но, к сожалению, большая их часть не сохранилась.

Курганный могильник, расположен по гребню отрога, понижающемуся в северном направлении к приозерной равнине. Современный растительный покров близ курганов степной, эти земли и в древности, и в наши дни не подвергались сельскохозяйственной обработке. Общая протяженность могильника с ЮВ на СЗ 1250 м, размещение курганов определяет направление и ширина гребня. В южной части это почти строгая ориентация цепочки из 11 курганов с С на Ю (Рис. 49, 1, 2). Северо-восточнее расположена компактная группа из 4 курганов (Рис. 49, 1, 2), а на северо-востоке некрополь завершает небольшая группа из 3 курганов, расположенных цепочкой (Рис. 49, 1, 2). Высота большинства курганов менее 1 м.

Следует отметить, что по нашим данным, на гребнях, между нос. Черноморское и с. Зайцево расположено более 9 курганных некрополей (Рис. 49, 1), имеющих вид гряд и скоплений курганов на расширениях отрогов. Состоят они из невысоких, насыщенных камнем насыпей, числом от 5 до 9-10. На этой же территории, находятся небольшие группы курганов в 3-4 насыпи и отдельно стоящие курганы. Ниже, на покато́й равнине, ведущей к озерам, также находятся курганы и курганные могильники [Смекалова, Столба, 2009, рис. 20]. Однако, на равнине нередки курганы высотой до 2-3 м, насыпи их преимущественно грунтовые. Как показали раскопки, к югу от с. Межводное и у с. Новоульяновка [Колтухов, 2010б, с. 199, 200, рис. 1], курганы относятся к эпохе бронзы и к скифо-античному времени.

Полевые работы, проведенные А. А. Щепинским, были связаны с южной частью могильника, где расположено 11 насыпей. Здесь в топографии некрополя явно выражено трехчастное деление. По съемке 1972 г. (Рис. 49, 2), на южной оконечности находилось 4 кургана, три из них высотой около 1 м, в 100 м к северу расположены 3 кургана высотой около 0,5 м, а в 200 м севернее - 4 кургана высотой менее 0,5 м. Диаметры курганов от 10 до 20 м. В реальности, высота курганов может оказаться несколько выше или несколько ниже, на склоне это зависит от расположения точки измерения. Исследователь отмечал, в насыпях курганов заметны остатки каменных кромлехов. Вершины, в которых видны остатки каменных гробниц, сильно повреждены, а насыпи курганов насыщены камнем. На территории, занятой могильником, встречаются обломки античных амфор. В трех курганах были раскопаны разграбленные центральные гробницы, камни которых выступали на поверхность, а небольшой курган 2 был разрыт полностью. Как показали результаты раскопок, гробницы относились к скифскому времени.

Курган 1, крайний северный (Рис. 49, 2) высота, судя по записи в полевом дневнике, 0,7 м, диаметр 9-10 м. На плане могильника указана высота 0,3 м, диаметр 10 м. Зафиксированы остатки кромлеха диаметром 6,5 м, состоящего из крупных камней. В центре - крупные плиты от погребального сооружения. На вершине кургана найдены обломки стенок амфоры.

Курган 2 (Рис. 49, 2), по полевому дневнику, высота до 0,6 м, диаметр 15 м, по съемке, высота 0,4 м, диаметр 14 м. Насыпь грунтово-каменная. Крепида диаметром 7,5 м и высотой до 0,6-0,7 м, состояла из крупных обломков камня, кладка однослойная постелистая. В насыпи и на остатках погребального сооружения найдены обломки стенок, ножка и ручка амфоры, зуб лошади и три куса черепицы. В середине кургана с уровня погребенной почвы (?) была сооружена каменная гробница в овальной обкладке размером 5,5 x 4,0 x 0,7 м (Рис. 49, 3). Ее внешний слой сложен из крупных камней, иногда поставленных на ребро с наклоном, а внутренний представлял собой забутовку из мелкого камня. В центре находилась прямоугольная погребальная камера, ориентированная с ЮЗЗ на СВВ, сооруженная, на древней погребенной поверхности, сложенная из нескольких разномерных необработанных плит высотой от 0,9 м и ниже, поставленных на ребро. Дно грунтовое. Ее размеры по внутреннему периметру 2,5 x 0,8 м. Учитывая различную высоту плит, они должны были дополняться постелистой иррегулярной кладкой до плитового перекрытия, находившегося, скорее всего, на высоте 0,9-1 м от дна могилы. Восточная стенка во время раскопок обнаружена не была. Предположение А. А. Щепинского, о том, что здесь находился вход в гробницу, имеет под собой основание. Количество погребенных установить не удалось. Судя по тому, что в восточной части камеры были обнаружены параллельно лежащие кости двух ног, это захоронение было совершено в вытянутом положении, головой на ЮЗЗ, что соответствует скифскому погребальному ритуалу. В могиле найдены 3 пастовые (из глухого стекла) бусины, 4 бронзовых трехгранных наконечника стрел, 3 фрагмента железного ножа и костяное пряслице.

В целом, хронологический контекст находок таков, что в исторических условиях Северо-Западного Крыма его можно достаточно уверенно датировать IV в. до н. э.

Курган 3 (Рис. 49, 2) не раскапывался. Диаметр по дневнику 18 м, высота до 0,6 м, по съемке диаметр 18 м, высота 0,48 м. Насыпь грунтово-каменная, прослеживаются остатки крепиды диаметром 7-8 м. В центре остатки плитовой гробницы, ориентированной с востока на запад.

Курган 4 (Рис. 49, 2), не раскапывался. Диаметр по дневнику 18-20 м, высота до 0,9 м, по съемке диаметр 22 м, высота 0,45 м. Насыпь грунтово-каменная. Прослежены остатки крепиды диаметром 7-8 м. На вершине были заметны крупные камни, стоявшие в направлении с запада на восток, здесь же найдено несколько амфорных фрагментов.

Курган 5 (Рис. 49, 2), не раскапывался. По дневнику диаметр 18 м, высота 0,6 м, по съемке диаметр 17 м, высота 0,54 м, насыпь грунтово-каменная. Видны остатки кромлеха, в центре углубление от разграбленной каменной гробницы, ориентированной с востока на запад. В выбросе из могилы найден обломок железного ножа скифского времени (Рис. 49, 4).

Курган 6 [Рис. 49, 1, 2). По дневнику диаметр 16 м, высота около 0,5 м, что совпадает с данными съемки. Насыпь грунтово-каменная. Видны остатки кромлеха диаметром около 8 м. В центре расположена разграбленная погребальная камера (Рис. 49, 5), прямоугольная, ориентированная с ЮЗ на СВ. Размеры по внутреннему периметру 2,4 м, ширина 1,0 м, высота вертикально и наклонно стоящих плит 0,8-1,0 м, северо-восточная торцовая плита и перекрытие отсутствовали. Уступчатое сужение могилы к СВ, и переход здесь одной из длинных стен к постелистой кладке, небольшой каменный уступ там, где должна была бы стоять торцовая плита, говорит в пользу предположения А. А. Щепинского о том, что в этом месте мог находиться вход в погребальную камеру. В слое грунта, находившемся на дне могилы, обнаружены измельченные при ограблении человеческие кости, кости овцы, а также фрагментированное бронзовое зеркало (Рис. 49, 6), две желтые и три зеленовато-голубые бусины из глухого стекла. В целом, находки вряд ли выйдут за рамки IV в. до н. э.

Курган 7 (Рис. 49, 1, 2) диаметром 10 м и высотой 0,55 м. Наблюдались остатки крепиды и полуразрушенное погребальное сооружение в центре.

Курган 8 (Рис. 49, 1, 2), диаметр 12 м, высота 0,45 м, по съемке диаметр 18, высота 0,38 м. Прослежены остатки крепиды, в центре большая грабительская яма.

Курган 9 (Рис. 49, 1, 2), диаметр 25 м, высота 1,8 м, по съемке диаметр 25 м, высота 1,3 м. В центре яма глубиной до 0,7 м, в ней и на насыпи кургана крупные плиты от разрушенного погребального сооружения.

Курган 10 (Рис. 49, 1, 2), по дневнику диаметр 15 м, высота 0,9 м, по съемке диаметр 20 м, высота 0,85 м. Следы крепиды отмечены, однако диаметр не определен, вершина кургана уплощена. В центре располагалась каменная гробница – склеп (Рис. 50, 1), прямоугольная погребальная камера и дромос которой были расчищены. По реконструкции А. А. Щепинского, гробница имела внешнюю обкладку из камня и, скорее всего, была основной в кургане. Размеры камеры по внутреннему периметру 2,8 x 1,5 м, глубина 0,8-0,9 м, ориентация с З на В с небольшим отклонением к Ю. По чертежу фиксируется незначительное сужение камеры к В. Перекрытие отсутствует, дно грунтовое. Стены в западной части сложены из вертикально установленных, ломаных по слою плит. Высота западной торцовой плиты 1,6 м, она на 0,7 м возвышается над вершиной кургана. Возможно, ее верхушка представляла собой надмогильную стелу. В восточной части кладка состояла из аналогичных плит, но уложенных постелью. В юго-восточном углу располагался узкий проход - дромос, расположенный перпендикулярно камере. Его длина 1,9 м, ширина 0,6 м, прослеженная глубина 0,7 м. У входа в камеру находился невысокий каменный порог

В заполнении встречены обломки человеческих костей, на дне у западной стенки находили фрагменты черепа и кости рук. Судя по находкам костей, ориентации и форме камеры, захоронения совершались в вытянутом положении головой на З с незначительным отклонением к Ю. На дне камеры и в дромосе найдены обломки сосуда, кольца: бронзовое и железное, две стеклянные бусины, кости овцы, в дромосе обломки лепного сосуда. Подобный инвентарь в хронологическом контексте Северо-Западного Крыма, может быть отнесен к IV-III вв. до н. э.

Курган 11 (Рис. 49, 1, 2; 50, 2), по дневнику диаметр 15 м, высота 1 м, по съемке диаметр 18 м, высота 0,84 м, отмечены следы крепиды. В центре кургана каменная гробница с погребальной камерой склепа и дромосом (Рис. 50, 3). Камера ориентирована с З на В. Дромос перпендикулярен длинной оси камеры и примыкает к ее ЮВ углу. Размер прямоугольной камеры - 2,7 x 1,4 м, прослеженная глубина до 1,2 м. Также, как и в предшествующем кургане, западная часть гробницы состоит из вертикально поставленных плит, восточная - из плит уложенных постелью. Перекрытие отсутствовало, дно было грунтовым. Длина дромоса 1,6 м, ширина 0,6 м, прослеженная высота 0,6 м. Дно вымощено тонкими плитками. При расчистке склепа выяснилось, что обломки черепов находились в основном в западной части могилы, а кости ног в восточной, что позволяет говорить, по меньшей мере, о двух захоронениях с западной ориентацией.

От погребального инвентаря в могиле сохранился фрагмент чернолакового сосуда, костяная ручка железного ножа (Рис. 50, 4), бусина и плоская стеклянная подвеска. В коллекции музея удалось обнаружить лишь ручку ножа с односторонним пропилом, в который вставлялся клинок (Рис. 2, 4). Таким образом, и этот курган, в котором каменная гробница, судя по всему, была основной, вряд ли относится ко времени ранее или позднее IV-III вв. до н. э.

Фактически, во всех трех частях некрополя: северной, центральной и южной, обнаружены погребения скифского времени. Всего в группе отмечено 9 каменных гробниц, из них раскопано 4. Невыразительные остатки погребального инвентаря и конструктивные особенности могил, дают возможность отнести погребения к IV-III вв. до н. э. Ориентация гробниц, а также расположение костных остатков в могилах, позволяет говорить об ориентировке погребенных в секторе З-ЮЮЗ, что характерно для скифов Степного Крыма. Могильник Снежное можно считать скифским, но находящемся у границ греческой хоры или на ее территории.

ПАМЯТНИКИ БОКАЛЬСКОГО ЛАНДШАФТНОГО РАЙОНА.

Курганы у с. Красноярское (Черноморский район). В 1993 г. Северо-Крымская экспедиция ИА НАН Украины, работавшая двумя отрядами под руководством С. Г. Колтухова и А. Е. Кислого, исследовала две группы курганов, расположенные в верховьях оз. Донузлав на его северном берегу вблизи с. Красноярское. Сводный отчет по этим

раскопкам опубликован [Колтухов, Тошев, 1998, с. 125-157].

Курганы спускались по отрогам Тарханкутской возвышенности с севера на юг, по направлению к озеру (Рис. 51, 1). Расстояние между группами по линии запад-восток не превышало 1,2 км. В западной группе, состоявшей, судя по картографическим данным и данным археологической разведки из 9 курганов, раскопаны 7 насыпей, располагавшихся на расстоянии 100-300 м друг от друга. Общая протяженность участка 2 км. В восточной группе, протяженностью 2,5 км, состоявшей не менее чем из 7 объектов, раскопано 4 кургана. Расстояние между исследованными насыпями было таким же, как и в первой группе.

Западная группа. К скифскому времени относилось 5 курганов, 1 скифское погребение обнаружено в кургане эпохи бронзы.

Курган 1, скифский, диаметр 23 м, высота 0,5 м. В центре скопление обломков известняковых плит от полностью разрушенной каменной гробницы. Между камнями найдены обломки стенок херсонесской амфоры. Присутствие такого сосуда позволяет датировать курган IV-III вв. до н. э.

Курган 2, ямного времени, диаметр 33 м, высота 0,9 м, насыпь грунтовая. Обнаружено одна впускная скифская могила, располагавшаяся в центре насыпи.

Погребение 6 (Рис. 51, 2-4). Могила с каменной обкладкой стен удлиненно-овальной формы, размеры: 2,1 x 0,8 м, глубина 0,8 м, перекрытие плитовое, дно грунтовое. Нижний ряд кладки из плитчатых обломков камня, поставленных на ребро, выше применена постелистая кладка. Захоронение взрослого человека было совершено в вытянутом положении на спине головой на ЮЮЗ. У черепа - кости небольшого животного и железный нож с односторонней костяной рукоятью (Рис. 51, 4). В заполнении три бронзовых наконечника стрел с выступающей втулкой (Рис. 51, 3). Близкий, но более разнообразный набор стрел происходит из Карамеркетского кургана, расположенного в 7 км к северо-востоку. Подобные стрелы известны и в наборах, датируемых различными периодами V в. до н. э. [Полин, 1987, рис. 10-13], наиболее вероятно вторая - третья четверть этого столетия.

Курган 3, скифский, диаметр насыпи 27 м, высота 0,9 м. Обнаружено 2 погребения.

Погребение 1 выделено условно. В 2,3 м от центра насыпи в пахотном слое обнаружены отдельные кости человеческого скелета и обломки стенок и ручки гераклеийской амфоры. Это могут быть остатки отдельного захоронения, но, скорее всего, это скопление возникло в результате разрушения основной гробницы.

Погребение 2, основное, располагалось в центре кургана (Рис. 51, 5). Представляло собой каменную гробницу, которую автор рассматривает как склеп, основание которого было неглубоко впущено в материковый грунт. Погребальная камера прямоугольная, размером 2,2 x 1,2 м, сохранилась на высоту 0,6 м, ориентирована с В на З. Основания стен сложены из поставленных на ребро плитчатых камней. Выше кладка должна была быть постелистой иррегулярной из меньших, плитчатых обломков известняка. Судя по высоте плит, вход в камеру мог находиться с восточной стороны. Дно вымощено известняковой плиткой. В заполнении камеры найдены обломки человеческих костей, стеклянная бусина и фрагмент железного ножа (Рис. 51, 6, 7). Присутствие в насыпи кургана гераклеийской амфоры позволяет отнести основное погребение к IV в. до н. э.

Курган 5, скифский, диаметр 21,0 м, высота 0,5 м, в центре остатки полностью разрушенного каменного сооружения, сооруженного на поверхности погребенной почвы и одна грунтовая могила. С захоронением или захоронениями в каменной гробнице можно связать разрозненные кости людей из центральной части насыпи кургана и две стеклянные бусины (Рис. 52, 4).

Неповрежденным сохранилось лишь погребение 3, обнаруженное в материке под центром кургана, видимо оно предшествовало каменной гробнице (Рис. 52, 1-3). Могильная яма удлиненно-овальная размером 2,0 x 0,9 м. Захоронение взрослого человека было совершено в вытянутом положении на спине головой на З. Участок дна между предплечьем левой руки и стенкой могилы обожжен. У кисти левой руки обнаружены кости мелкого животного и фрагменты железного ножа (Рис. 52, 2), у бедра, с той же стороны лежали 13 бронзовых наконечников стрел (Рис. 52, 3). В колчанном наборе присутствуют бронзовые стрелы типов: II.6.1; II.6.5; II.10.4 по А. И. Мелюковой [Мелюкова, 1964, рис. 1], а также трехлопастные стрелы с выступающей втулкой и асимметричными окончаниями лопастей. Близкие наконечники отмечены в наборе стрел из могилы 6/1909 некрополя Ольвии [Полин, 1987, рис. 8]. Интересен архаичный двухлопастной наконечник с листовидной головкой, аналогично которому можно найти в наборе стрел из кургана 38 у Гуляй-города [Мелюкова, 1964, табл. 6, п]. В целом, колчаный набор позволяет отнести погребение ко второй половине - концу V н. э.

Курган 6, скифский, диаметр 19 м, высота 0,5 м. В центре насыпи на древнем горизонте скопление известнякового бута - остатки каменной гробницы (Рис. 52, 5). Скорее всего, полностью разобранный погребальный камера находилась внутри постройки, внешний диаметр которой составлял около 7-8 м. Внешние размеры камеры, ориентированной с З на В, составляли, судя по границам полной выборки камня, 3,1 x 2,3 м. Пол был грунтовым. В слое разрушения найдены измельченные обломки человеческих костей.

Курган 7, скифский, диаметр 28,0 м, высота 1,3 м (Рис. 52, 6). По краю насыпи фиксировались отдельные камни от каменного кромлеха, разрушенного при распашке, или специально разобранный в новое время. В насыпи кургана присутствовали обломки амфор, в частности гераклеийских, что позволяет отнести его к IV в. до н. э.

Погребальное сооружение представляло собой каменную гробницу, построенную на поверхности погребенной почвы, в центре будущей насыпи кургана. От камеры сохранилась лишь одна прямоугольная обтесанная плита, впущенная в канавку глубиной до 20 см (Рис. 52, 8). Вблизи от нее, на уровне грунтового пола погребальной камеры были найдены фрагменты челюстей взрослого человека и двух детей, обломок горла лепного сосуда (Рис. 52, 8). Сама камера находилась внутри округлой каменной постройки диаметром около 10 м, внешняя часть которой представляла собой вертикальную стену, шириной до 2,3 м, трехслойную в вертикальном поперечном сечении, лицевой слой которой был сложен в иррегулярной системе из плитчатых обломков известняка (Рис. 52, 6). Подобные сооружения лучше сохранились в кургане 18 у с. Наташино и в кургане 1 у с. Крыловка.

Восточная группа. К скифскому времени относились 2 кургана, впускные скифские погребения обнаружены в 2-х курганах эпохи бронзы.

Курган 8, эпохи бронзы, диаметр 24 м, высота 0,5 м, в пахотном слое и сразу под ним обнаружены остатки прямоугольной площадки размером 18-12 м, сложенной из бута и ориентированной с С на Ю (Рис. 53, 1). Время ее сооружения не определено. В центре кургана 2 погребения, катакомбного и скифского времени.

Погребение 2, скифское впускное (Рис. 53, 2). Могила прямоугольная, ориентированная с З на В, размером 2,7 x 1,8 м, прослеженная глубина 0,5 м, глубина от поверхности насыпи 2,05 м. Дно ровное, стенки могилы осыпались из-за слабого грунта. Погребальное сооружение можно интерпретировать как грунтовую яму. Захоронение взрослого человека было совершено на спине головой на СЗ. Кисти рук у таза, ноги распались ромбом. Костяк, расположенный с отклонением относительно продольной оси могилы, ориентированной с З на В смещен в восточную часть могилы. Нужно заметить, что и размеры могилы, и условно «диагональное» расположение костяка, его ориентировка и распавшиеся ромбом кости ног, мало характерны для скифов Крыма, но, как отмечал К. Ф. Смирнов, хорошо представлены в савроматских древностях [Смирнов, 1964, с. 79-80, 83, 91- 93]. Погребальный инвентарь размещен вдоль южной стенки могилы справа от костяка, характерно, что здесь же находились и стрелы. Несколько костей небольшого животного лежали между костями ног человека.

Среди находок - хиосская амфора (Рис. 53, 3), сероглиняный кувшин с черным лакообразным покрытием (Рис. 53, 4), 41 наконечник бронзовых трехлопастных стрел (Рис. 53, 8), два железных ножа (Рис. 53, 5, 6) железный наконечник копья с ланцетовидным пером (Рис. 53, 9), железная проколка (Рис. 53, 6), колесовидное свинцовое пряслице (Рис. 53, 7) и плита - растиральник из песчаника (Рис. 53, 2). Небольшая амфора с протоколпачковой ножкой отнесена С.Ю. Монаховым к коническому типу V и, судя по приведенным исследователем аналогиям, может быть отнесена к позднему V в. до н. э. [Монахов, 2003, с. 21]. Сероглиняный кувшин с рифлением на горле следует датировать по амфоре. Такие сосуды не часты, но известны в могилах скифского времени в Степном Причерноморье и в Крыму. В некрополе Керкинитиды такой кувшин найден в могиле вместе с обломками амфоры, предположительно мендейской [Кутайсов, Приднев, 1997, рис. 92, 4]. Наконечники стрел относятся в основном к вариантам типа П.6 и типу П. 4.6 по А. И. Мелюковой. В целом, они имеют сходство с набором стрел из Корнеевки, отнесенным ко второй – третьей четверти V в. до н. э. и комплексами из Богдановки и Софиевки, датированными серединой - второй половиной этого столетия [Полин, 1987, с. 31-32].

Курган 9 скифский. Диаметр 27 м, высота 1, 8 м, под насыпью кольцевая крепида диаметром 17 м, сложенная из плитчатых обломков камня. Внутри крепиды - остатки прямоугольной плитовой ограды (?) размером 7, 8 x 7, 0 м, ориентированной по странам света и открытой с восточной стороны (Рис. 54, 1).

Погребение 1 (Рис. 54, 2). В центре кургана обнаружены остатки разрушенного каменного сооружения из необработанного плитового камня. Форма и размеры сооружения не реконструируются. Однако можно думать, что погребальная камера располагалась внутри каменной платформы. На остатках пола, вымощенного необработанным плитняком найдены кости, по меньшей мере, трех человек и три бронзовых трехгранных наконечника стрел, относящиеся ко времени не ранее IV в. до н. э.

Погребение 2 обнаружено в северо-западном секторе кургана. Овальная могильная яма размером 1,4 x 0,8 м, ориентирована с ЮЗЗ на СВВ, костяк ребенка не сохранился (Рис. 54, 3). В СЗ части могилы стоял небольшой лепной нелощеный горшок (Рис. 54, 4).

Курган 10 скифский, диаметр 18 м, высота 0,5 м, под насыпью сохранился участок кольцевой крепиды диаметром 10 м, в центре остатки полностью разрушенной каменной гробницы. В перекопе - фрагмент витой ручки лепного сосуда, подобный профиль характерен для эллинистического времени.

Курган 11 эпохи бронзы, диаметр 40 м, высота 1,8 м. Впускное скифское погребение 9 (Рис. 54, 5) находилось в центре курганной насыпи. Овальная могила с каменной обкладкой стен, размером 2,2 x 0,95 м, прослеженная на высоту до 0, 5 м, ориентирована с ЮЗЗ на СВВ. Кладка стен постелистая иррегулярная, дно вымощено мелким плитняком, верхняя часть стен и перекрытие разрушены. Захоронение взрослого человека совершено в вытянутом положении на спине головой на ЮЗЗ. У плечевой кости правой руки лежали два железных наконечника копий (Рис. 54, 7), у левого бедра - 36 бронзовых наконечников стрел (Рис. 54, 6). Небольшие наконечники копий длиной 25 и 30 см относятся к остролистным в сечении линзовидным, втулки заканчиваются валиковидным утолщением. Наконечники стрел в основном трехгранные, в некоторых случаях с выделенной втулкой, в единичных случаях трех-

лопастные. Датировка колчанного набора возможна в рамках начала – первой половины IV в. до н. э.

Курганный могильник у Красноярского является типичным скифским некрополем Северо-Западного Крыма. В западной группе из 7 раскопанных курганов 5 относились к скифскому времени, в восточной из 4 исследованных, скифскими были 2 кургана. Число каменных гробниц в курганах равно 10, грунтовых могил 2, к числу склепов, с высокой долей вероятности, можно отнести 2 основных погребальных сооружения, две гробницы являются овальными могилами с каменной обкладкой стен, остальные можно охарактеризовать лишь как остатки каменных гробниц. Грунтовые могилы относятся к двум типам, одна из них широкая прямоугольная, вторая овальная. Подбойных могил и катакомб в исследованных курганах не было. Наиболее ранним скифским погребением является впускная могила с каменной обкладкой стенок из кургана 2. Ее можно уверенно датировать V в. до н. э. Грунтовую могилу из кургана 8, можно отнести к концу V в. до н. э. Возможно, ей близка по времени грунтовая могила из кургана 5. Остальные погребения, датируемые по инвентарю или остаткам тризн, совершены не ранее IV в. до н. э. Ориентация погребенных, во всех случаях, когда ее удавалось проследить, была западной либо юго-западной. В кургане 10 можно предполагать существование разрушенного захоронения, относившегося к позднеэллинистическому времени.

Курганы близ с. Березовка (Раздольненский район). Несколько групп курганов исследованы между верховьями оз. Донузлав и Ахтанской балкой, выходящей к Бакальскому озеру. В XIX веке на этой территории осматривались, кратко характеризовались и выборочно раскапывались курганы Кара-Меркетской гряды и курганы близ экономии Тавкель-Нейман.

Карамеркетские (Акмечетские) курганы [Раздольненский р-н]. Сведения об этом курганном могильнике, обследованном в 1885 г. Н. П. Кондаковым, минимальны, однако не столь лаконичны, как в современных сводах [Мурзин, 1984, с. 36-37; Ольховский, 1991, прил. 2, № 290]. Часто повторявшуюся, впрочем, не всеми, ошибку в локализации памятника, «узаконенную» в свое время, Т. Н. Троицкой [Троицкая, 1951, с. 93], заключавшуюся в размещении кургана на берегу Ак-Мечетской бухты в курганном некрополе Калос-Лимена, убедительно исправил А. Н. Щеглов [Щеглов, 1978, с. 29-30], повторивший свои аргументы неоднократно. Действительно, курганы расположены не на побережье, а в глубине Тарханкутской возвышенности, к ЮЗ и СВ от с. Березовка [Колтухов, Андрух, 1994, с. 146-147] между оз. Донузлав и Бакальским сухоречьем (Рис. 55, 1). Исследование восточной части курганной группы было продолжено в 1988 г. Северо-Крымской экспедицией (Рис. 56, 4, 5), а единственное новое погребение скифского времени, обнаруженное при раскопках, было опубликовано В. А. Колотухиным [Колотухин, 2000, с. 18-19].

Археолого-топографическая ситуация по письменным и картографическим данным и полевым наблюдениям представляется следующей. Курганы, обнаруженные и частью раскопанные в 1885 г., находились в имении Ракова близ деревни Кара-Меркет Евпаторийского уезда [ОАК, 1882 – 1888, с. ХСІ-ХСІІ; ЗРАО, 1901, с. 284-285]. В настоящее время, экономия Кара-Меркет разрушена, соответственно, нет ее и на современных картах, однако в полукилометре к востоку от того места где она существовала, находится с. Каштановка Раздольненского района АРК. О топографии курганной группы известно, что насыпи размещались по одной линии, обходя с ЮЗ на СВ ровную степную часть имения. Указание на степную часть вполне обосновано, так как существовала и другая часть, уходившая в низину с которой начиналась крупная балка Бокальского сухоречья. Судя по карте М 1:42000, несколько более поздней, чем время исследования курганов, к северу от имения, на степной равнине, топографы не зафиксировали курганных групп, тогда как в 2 км к югу в точном соответствии с направлением, указанным Н. П. Кондаковым, по водоразделу, отделяющему Донузлавскую балку от Бокальской балки, проходит курганная гряда, протяженностью около 11 км, в которой картографы отметили 6 курганов (Рис. 55, 2). В центре гряды находится курган с сигналом Кара-Меркит²⁸, очевидно один из наиболее крупных в группе, с этим же названием он существует и на некоторых современных топографических картах. На востоке группа заканчивалась курганом с сигналом Алтынджи-Меркит. Н. П. Кондаков в своем отчете упомянул 9 курганов, сравнительно небольшого размера, самые крупные из которых в высоту не превышали 2-х сажен, хотя специально заметил, что курганов может быть больше, так как некоторые насыпи могли исчезнуть в результате интенсивной распашки. В результате исследований, проведенных Северо-Крымской экспедицией ИА АН УССР 1988 г. и изучения карт, к этой группе можно отнести 12 курганов, 6 из них, а может быть и больше (часть группы не подвергалась обследованию в поле) расположены к западу от дороги Березовка – Каштановка (Рис. 56, 1). К востоку от шоссе или от кургана с геодезическим пунктом Кара-Меркит было достоверно обнаружено еще 7 курганов (Рис. 56, 2-3). К сожалению, место, на котором располагался вошедший в литературу курган, по описаниям Н. П. Кондакова определить не удается. Возможно, это и есть курган с сигналом, высота которого в настоящее время около 2 м.

К приезду исследователя 4 кургана оказались раскопанными в «недавнее время», а один был разрыт «в старину», так что от насыпи сохранилась лишь окружность кольца²⁹. При опросе местных жителей выяснилось, что в

²⁸ Написание названий сигналов приводится в соответствии с картой.

²⁹ Это наблюдение чрезвычайно интересно, так как каменные кольца железного века, в центре которых располагаются каменные гробницы,

одном из курганов была найдена разоренная каменная гробница, в другом конские кости и медные кольца, скорее всего от упряжи. Три нетронутых кургана были подвергнуты небольшим раскопкам траншеями. В одном из них было обнаружено скорченное захоронение в каменном ящике, у следующего центр был перекопан, в последнем оказалась пустая катакомба.

Четвертым изучали курган с уже раскрытым при добыче камня богатым скифским погребением. Он был подвергнут исследователем дополнительным раскопкам, проводившимися с северной и юго-восточной стороны узкими траншеями и небольшими раскопами. Высота кургана не превышала 2-х сажен, насыпь была овальной вытянутой с запада на восток, в восточной части, внизу она была обложена рядами дикарных плит. Подобная обкладка нередка в курганах скифского времени. Однако, овальная или вытянутая форма насыпи хотя и встречается в скифское время, но более характерна для периода поздней бронзы. К востоку от центра была обнаружена детская гробница с лепным сосудом с нарезанным ромбическим и зигзагообразным орнаментом, а под каменной гробницей скифского времени оказалась, вероятно, основная грунтовая могила со скорченным захоронением, сопровождавшимся лепным сосудом с таким же орнаментом, как и в детской гробнице. Сочетание длинного кургана со скорченным обрядом и ромбическими орнаментами на посуде позволяет предположительно, отнести курган либо к позднесрубному времени, либо к раннему железному веку. Некоторый диссонанс в интерпретацию, основанную на данных отчета Н. П. Кондакова, вносят сведения, опубликованные им вскоре после раскопок, где центральная и боковая могила названы скифским погребением заурядного типа, со стрелами, кусочками краски (?) и крашеным лубом (Толстой, Кондаков, 1889, с. 126]. Последнее, повлияло на хронологическое и типологическое распределение погребений этого кургана, предпринятое В. С. Ольховским ([Ольховский, 1991, кат. 290]. Автор же более склонен доверять отчету, тем более что количество несовпадений в различных описаниях, этим случаем не исчерпывается.

Скифское погребение, отнесенное В. С. Ольховским к V в. до н. э. [Ольховский, 1991, с. 89-90], охарактеризовано Н. П. Кондаковым, как впускная каменная гробница, размеры, форма и ориентировка которой определены не были. О позе, ориентировке, количестве костяков сведений нет. В отчете есть упоминание о том, что здесь были обнаружены кости человека и коня, хотя реконструировать существование в одной гробнице совместного захоронения человека и коня у нас нет оснований. Более вероятно помещение в могилу лишь части конской туши, что не является исключением в Степном Причерноморье и в Степном Крыму. В пользу того, что захоронения коня в Кара-Меркетской гробнице или близ нее не было, говорит не парность, а единичность находки, которую можно было бы отнести к конской узде. В данном случае, это вообще одна бляха.

Погребальный инвентарь был перечислен достаточно обстоятельно. В первом сообщении [ОАК, 1882-1888, с. ХСІ-ХСІІ] есть информация о четырех золотых чеканных пластинках (она не поменяется и в дальнейшем), упоминается ручка бронзового сосуда, бронзовая бляшка от конского убора, железные пластинки от панциря и большие обломки железного меча (копья ?) и 250 бронзовых наконечников стрел. Отчет, опубликованный в 1901 г., очевидно более точен в деталях. Наконечников после разборки - 280, а по описи, хранящейся в Эрмитаже³⁰ - 282, тут же обнаружено 29 медных пластин от панциря, по описи более 40 целых и фрагментированных, две ручки бронзовых сосудов (одна с головкой лебедя), а также две медные трубочки-пуговицы. Сводную таблицу находок из этого погребения опубликовал В. С. Ольховский [Ольховский, 1991, рис. 10]. Таким образом, мы можем быть уверены в том, что в могиле находился наборной доспех, очевидно железный, но включавший бронзовые пластины или деталь из бронзовых пластин. Две трубочки-пуговицы - это ворворки, и их можно поставить в связь с доспехом. Не вызывает сомнений присутствие среди находок обломков меча или копья. Ручки бронзовых сосудов оказались киафом и цидилкой.

Присутствие киафа дает основание для предположения о том, что в комплексе была и амфора, или амфоры, а ситечко - цидилка позволяет предположить наличие сосуда для питья (Рис. 57, 2, 4). Подобные предметы известны в варварских воинских захоронениях близ Нимфея, в курганах некрополя Пантикапея, в Семьбратних курганах на Тамани. Необходимо отметить близость набора вещей из кургана Кара-Меркет к комплексу находок из погребения воина в Аджигольском кургане 1g близ Ольвии, датируемом концом 1-й - началом 2-й четверти V в. до н. э., если следовать современным представлениям о производстве хиосских амфор и аттических киликов [Монахов, 2003, с. 17, 31; Sparkes, Talcott, 1970, pl. 19, p. 264]. Набор из черпака и ситечка, отражает в V в. до н. э., потребность в таких изделиях у варварской верхушки. Он стал модной и востребованной вещью в воинской «дружинной» среде не только на землях, прилегающих к античным городам, но и в лесостепи, где такие комплекты встречены в богатых могилах Лесостепного Левобережья.

Наконечники стрел представлены четырьмя типами, в свое время отобранными П. Д. Рау [Ольховский, 1991, рис. 10], однако соотношение их в наборе неизвестно, три типа трехлопастные, один представляет оригинальный

давно известны в Восточном и Предгорном Крыму [Колтухов, 2005а, с. 238]. В последние годы кольца были обнаружены в Северо-Западном Крыму на северном склоне Тарханкутской возвышенности близ сел Зайцево и Снежное [Уженцев, Ланцов, Колтухов, Смесалов, 2007].

³⁰ Благодарю А. Ю. Алексеева и С. Н. Сенаторова за возможность ознакомиться с ее содержанием.

тип четырехгранной стрелы (Рис. 57, 3). Трехлопастные находят единичные аналогии в наборе стрел из ольвийского погребения 6 1909 г и в кургане 30, могильника Елизаветовского городища [Полін, 1987, рис. 4, 25; 8, 36-38]. Четырехгранная стрела, по форме, и вероятно, по характеру заточки обладает выраженным сходством с трехгранными стрелами из второго Семибратнего кургана [Мелюкова, 1964, табл. 8, Н], а по количеству граней находит аналогии в позднеархаическом некрополе Ольвии [Скуднова, 1988, кат. 243].

Характерной скифской особенностью является деревянный сосуд, (или сосуды?) с которым могут быть связаны золотые накладные пластины с тиснеными изображениями оленя (Рис. 57, 1). Предпринятое недавно С.С. Бессоновой исследование ритона из Братолюбовского кургана [Бессонова, 2009, с. 30-38] дает группу хорошую параллелей этим изделиям. Ее можно дополнить стилистически близким произведением - изображением головы оленя на золотой пластине из кургана 1 у с. Ильичево [Лесков, 1972, илл. 12], отнесенной к V в. до н. э. По мнению А.П. Манцевич, олени из Кара-Меркетского (Акмечетского) кургана являются ранним вариантом изображений оленей, впоследствии появляющихся на аппликациях из Солохи и 1-й Завадской могилы [Манцевич, 1987, с. 97].

Не менее интересна аппликация в виде головы грифа (Рис. 57, 6) Судя по ее размерам и форме, можно думать, что она покрывала ручку сосуда, близкого чашам из Гаймановой или Чмыревой могилы³¹. Это изображение также похоже на стилизованные головки птиц на пластинах из Ильичевского кургана (ср. Лесков, 1972, илл. 12-13). А.Р. Канторович видит в таких формах влияние античных архитектурных мотивов [Канторович, 1997, с. 99 и сл.]. Необходимо отметить и явное сходство с головками грифов на золотых аппликациях сосудов из 1-й Завадской могилы. К числу наиболее близких изделий можно отнести аппликацию на чашу III [Мозолевский, 1980, рис. 47], а также аппликации на чаши или чашу, происходящие из курганов, разрытых в 1883 г. в имении Г. Н. Ханджиева Разоренный Аиш в Евпаторийском уезде [Ольховский, Храпунов, 1990, с. 10]³². В плане хронологии этих памятников, интересно, что хиосская пухлогорлая амфора из тризны 1-го Завадского кургана может быть отнесена к варианту III-C-2 по С. Ю. Монахову [Монахов, 2003, с. 19] и датирована третьей, возможно началом последней четверти V в. до н. э.³³ Вполне вероятное присутствие в комплексе первого Завадского кургана прямогорлых хиосских амфор, вряд ли серьезно изменит датировку погребения в таких хронологических рамках.

Яркая находка - бронзовая бляха в виде головы лося (Рис. 57, 5). Подобные изделия, как правило, связываемые с конским снаряжением, широко распространены в Причерноморье: они известны на Тамани, в Восточном и Западном Крыму, в Побужье и в Лесостепи, где традиционно датируются среднескифским временем [Могилов, 2008, с. 47]. В случае с находками из Карамеркетского кургана, вполне вероятно ее использование в качестве украшения горита или панциря. Бляха находит достаточно близкие аналогии по общему контуру в кургане 7 у Мариуполя [Жданова] и в Новорозановке [Мурзин, 1984, с. 20, 21], где эти изделия украшали колчаны или гориты. Сходство существует и с нимфейской бляхой из кургана 16. Еще одна бляха из некрополя Нимфея служила украшением панциря [Черненко, 1970, с. 194-195]. В данном случае, несмотря на существенные различия верхней и тыльной частей и принципиально иное изображение глаза, оформление рта и носа аналогично этим же деталям бляхи из кургана Кара-Меркет.

Таким образом, комплекс вещей из погребения в Кара-Меркетском (Акмечетском) кургане можно широко отнести к V в. до н. э., тогда как время захоронения, ориентируясь на датировку амфоры из тризны Завадской могилы, можно соотносить со второй половиной V в. до н. э.

Не менее интересно второе скифское погребение из этой курганной группы, исследованное в 1988 г в ее восточной части (Рис. 57, 7-10), в насыпанном еще в эпоху бронзы небольшом кургане Березовка 6 [Колотухин, 2000, с. 18, 19]. Диаметр распаханной насыпи ко времени раскопок составлял 30 м, высота не превышала 0,5 м. Захоронение было обнаружено в центральной части кургана. Контур погребального сооружения прослежен не был, над костяком встречены невыразительные обломки лепной посуды и раковина моллюска. Костяк, судя по сопровождающему инвентарю, женский, лежал в вытянутом положении на спине головой на 3. У черепа слева находились кости мелкого животного, железный нож и два пряслица. По определению В. А. Колотухина, одно из них гончарное бочонковидной формы (возможно изготовлено из ручки гончарного сосуда?), второе из стенки гончарного сосуда. Плоская каменная плитка размером 21 x 17 x 0,6 см располагалась у правой руки. Рядом с ней стоял лепной черпак (Рис. 57, 9) и орнаментированный горшок (Рис. 57, 7), у левого плеча находился второй черпак (Рис. 57, 8), в области шеи лежали 6 подвесок из одноцветного синего стекла, две бусины из глухого стекла (Рис. 57, 10) и две бронзовые пластинки. Число сосудов таково, что вполне вероятным становится предположение о том, что в могиле было и захоронение ребенка, кости которого, как это нередко бывает, не сохранились.

Плоские тонкие каменные плитки в степных и крымских захоронениях скифского времени не являются редко-

³¹ Благодарю С. В. Полина за обстоятельную консультацию.

³² Экономия Разоренный Аиш, судя по картам XIX века, располагалась на юго-восточной границе уезда, между современными селами Скворцово - Школьное Симферопольского района АР Крым. Публикация материалов их этих курганов подготовлена С. Н. Сенаторовым и автором.

³³ А. Ю. Алексеев датирует Первый Завадский курган третьей четвертью или концом третьей четверти V в. до н. э. [Алексеев, 2003, с. 259].

стью³⁴. Инвентарь погребения обстоятельно проанализирован В. А. Колотухиным, а погребение датировано концом V – первой половиной IV в. до н. э. К уже проделанным хронологическим разысканиям можно добавить лишь следующее. Пирамидальные подвески из одноцветного синего стекла датированы Е. М. Алексеевой IV–III вв. до н. э. [Алексеева, 1978, с. 59, 69]. Чашевидный сосуд с резным орнаментом, датированный В. А. Колотухиным концом V – первой половиной IV в. до н. э., находит аналогии в памятниках V–IV вв. до н. э. [Колтухов, 2004, с. 109]³⁵.

Таким образом, можно утверждать, что в 1885 г. Н.П. Кондаковым были начаты исследования Кара-Меркетской курганной гряды, расположенной на водоразделе между Донузлавской и Бакальской балками. Они были продолжены в 1988 г. Северо-Крымской экспедицией ИА АН УССР. Гряда курганов, западная часть которой сохраняется и в наши дни, типична для Степного Крыма. Она имеет большую протяженность и, как показали работы 1988 г., состоит в основном из курганов эпохи бронзы, расположенных по одному или по два-три на значительном расстоянии друг от друга. Погребальными сооружениями, в одном случае была каменная гробница, во втором контур могилы не был прослежен. Впускные захоронения скифского времени были обнаружены в двух курганах. Одно из них является характерным для V в. до н. э. дружинным погребением, вполне типичным для района Бокальского сухоречья [Колтухов, Андрух, 1994, с. 146–152]. Второе представляет собой захоронение женщины, характерное для скифского, но, скорее всего, несколько более позднего времени.

Курганы у экономии Тавкель-Найман³⁶ (Раздольненский район). Летом 1894 г. член Таврической ученой архивной комиссии Ф.Ф. Лашков произвел раскопки двух курганов близ экономии Тавкель – Найман Евпаторийского уезда [Лашков, 1895, с. 116–117]. Ответ на вопрос о точном расположении исследованных курганов можно получить на основе карты М 1:42000 (Рис. 58, 1). По описанию Ф.Ф. Лашкова, курганы, в количестве 13 небольших насыпей были вытянуты в линию с запада на восток и находились в 350 саж. (745 м) к югу от экономии. Расстояние между курганами равнялось примерно 40 саж. (85 м). Описание, практически полностью подтверждается близкой по времени картой-верстовкой. Именно здесь, над началом Донузлавской балки южнее экономии Агаркова изображена цепочка из 12 курганов протяженностью около 600 м, ориентированная с востока на запад. В целом, географическое положение группы курганов соответствует участку Тарханкутской возвышенности, отделяющему систему балок Бакальского сухоречья от верховий балок Донузлава.

Первый, самый большой в группе курган, исследованный Ф. Ф. Лашковым, располагался у дороги, ведущей из экономии в Евпаторию, и имел в высоту 2,5 м, а в окружности 64 м, что соответствует диаметру 20 м. Судя по описанию, вся насыпь была покрыта большими камнями из местного известняка. Раскопки проводились траншеей шириной 3,5 м, расположенной с южной стороны. Насыпь состояла, по мнению автора раскопок, из рушенного грунта и кухонных отбросов, насыщенных костями птиц, рыб и животных. Очевидно, такую структуру отложений можно охарактеризовать, как зольник.

Описание погребения приводится по тексту Ф. Ф. Лашкова «В конце третьей сажени, на глубине 3 аршин от поверхности, выше грунта на ½ аршина, была обнаружена могила, окруженная бутовым камнем, довольно глубоко зарытым в землю. Могила имела в длину 3 аршина, а в ширину 2 аршина, и содержала в себе хорошо сохранившийся скелет. Скелет лежал на спине головой на восток, ногами на запад; руки протянуты вдоль туловища. Под головой скелета найден довольно большой камень, а подле, с правой стороны, найден небольшой горшок, наполненный землей, перемешанной с остатками пищи. Горшок грубой работы из черной глины и украшен ромбоидальными линиями. Несмотря на все старание, горшок нельзя было вынуть целым. Выше плеча, с левой стороны найдено три небольших камешка, по-видимому, от диорита (в окружности такого камня не имеется), и два украшения из кости. Около кисти руки с левой же стороны найден короткий железный меч длиной в шесть вершков и рядом тринадцать бронзовых наконечников стрел, из коих двенадцать трехгранных, а один двухгранный; все они лежали один за другим в одну линию. Под скелетом найдено несколько кремневых наконечников стрел и скребков. Никаких других вещей не найдено». В каталоге скифских погребений, составленном В. С. Ольховским это погребение характеризуется как подкурганное захоронение VII–V вв. до н. э. в каменном ящике [Ольховский, 1991, кат. № 294].

Интерпретация описания Ф.Ф. Лашкова, слишком сложна для однозначных выводов. Более или менее уверенно можно предположить лишь то, что захоронение было совершено в каменной гробнице размером 2,1 x 1,4 м (скорее всего по внешнему обмеру), частично, на 1/2 аршина выступавшей над древней дневной поверхностью, частично впущенной в грунт. Подобные характеристики погребального сооружения близки ранним гробницам некрополя Стоячий Камень на Керченском полуострове. Учитывая расположение в курганной группе, можно предполагать изначальное существование над гробницей небольшого кургана, на который, впоследствии, был насыпан зольник. Зольники позднесредневекового и нового времени в округе татарских сел здесь встречаются

³⁴ Ближайшее из них раскопано в 1993 г. в кургане у сел Славное – Рылеевка.

³⁵ Интересно, что на греческом поселении Маслины, замыкающем с севера цепочку поселений хоры Херсонеса в Северо-Западном Крыму и возникшем не ранее второй половины IV в. до н. э., обнаружена лепная керамика с близким декором, иногда называемым восточно-крымским, тогда как на усадьбе 6 поселения Панское лепная керамика в это время имеет явно выраженное сходство с посудой типичной для ольвийского региона [Колтухов, 2004, с. 100–101], территории, расположенной к западу от Ольвии, Тиры и т.д.

³⁶ Группа расположена в нескольких км к югу от Карамеркетских курганов.

повсеместно. Впрочем, автор не встречал в крымской степи зольников обложенных камнем. Насыпь из рушенного грунта, представлявшего собой «кухонные отбросы» можно интерпретировать и как остатки погребального кострища с тризной, перемешанного с грунтом. Например, нечто подобное можно увидеть в насыпи кургана 9 Мечетсайского могильника. Впрочем, там горели деревянные конструкции, которых в крымском кургане, судя по описанию, не было.

Ориентация головой на восток, нечасто, но известна в раннескифское время в Крыму [Ольховский, 1991, с. 81]. Стрелы и меч - атрибуты скифского погребального обряда. Если для меча указана длина лишь в 26 см, что соответствует размерам небольшого кинжала, то стрелы охарактеризованы чуть подробнее, как трехгранные и одна двухгранная. Судя по схематической зарисовке, двухлопастного наконечника стрелы со сводчатой головкой, внутренней втулкой и шипом на конце одной из лопастей, любезно переданной С. Н. Сенаторовым (Рис. 57, 2), работавшим в Крымском краснеческом музее³⁷ над этим материалом, он может быть отнесен к типу 1.6.5 по А. И. Мелюковой. Двухлопастные стрелы со скрытой или почти скрытой втулкой и шипом можно видеть в Старшей Могиле и Цокур-Лимане. Впрочем, наиболее часты их поздние варианты в архаическом некрополе Ольвии, преимущественно, в VI в. до н. э. Некоторые ольвийские комплексы с такими стрелами С.В. Полин отнес к первой половине этого столетия [Полин, 1987, с. 29]. Хочу заметить, что сами могилы, в которых стрелы были найдены, располагались в окружении захоронений последней четверти VI - начала V вв. до н. э., не исключено, что и они сами относятся к тому же времени. Однако широкие хронологические рамки бытования отмеченных исследователем наборов стрел не вызывают сомнений. В такой ситуации стрелу из погребения в кургане из Тавкель-Наймана уместно датировать VI в. до н. э. Двухлопастная стрела сопровождалась стрелами трехгранными, что позволяет скорректировать дату в направлении второй половины VI - первой половины V в. до н. э. Кремневые стрелы и скребки, найденные под костяком, настораживают. Скорее всего, это разнообразные по форме осколки кремня связанные или не связанные с данным погребальным комплексом. Нельзя исключать и того, что это культурный слой более раннего времени.

Лепной сосуд с геометрическим декором, выполненным двузубым орнаментом, по определению С. Н. Сенаторова (Рис. 57, 1), относится к категории кубков или черпаков, типичных для кизил-кобинской керамики Горного и Степного Крыма. На тулове, диаметр которого составлял около 16 см, есть следы крепления небольшой ручки. Подобные сосуды с аналогичным или очень близким орнаментом известны на территории Северо-Западного Крыма в Керкинигиде [Кравченко, 2009, рис. 1, 25] и в подкурганном погребении VI в. до н. э. из кургана 5 у с. Колоски, находившегося к югу от оз. Донузлав. Там могила отнесена ко времени не позднее второй половины VI в. до н. э. (дата получена на основе фрагментов амфоры с окрашенным венчиком) [Ольховский, 1982, с. 63]. Иногда эта датировка воспроизводится и сейчас³⁸. Обратимся к стрелам из Колосков [Ольховский, 1982, рис. 5, 6]. Все они являются по классификации А. И. Мелюковой изделиями всего лишь двух типов: II. 2.1 (лопасти сильно сточены?) и II. 3,7. Близкие им стрелы можно найти в следующих наборах из Ольвийского некрополя: 1909, м.6; 1910, м.12; 1911, м.12, м.108; 1912, м.1; 1913, м.82, 91; 1914, м.15 [Скуднева, 1988]. Во всех перечисленных случаях время совершения погребений вряд ли выйдет за рамки второй половины VI - первых десятилетий V в. до н. э., с учетом подобной параллели гробницу из Тавкель-Наймана можно отнести ко второй половине VI - первым десятилетиям V в. до н. э.

Следующий исследованный курган, находившийся в 70 саженях (149 м) от первого был четвертым в группе. Его высота не превышала 1 м, диаметр не указан, однако курган охарактеризован как сильно расплывшийся. Вверху кургана на поверхность выступали стоявшие вертикально камни, образывавшие, как пишет исследователь, ограду могилы. К сожалению, никаких дополнительных сведений о них не приводится. Раскопки велись колодцем, размеры которого не указаны. На уровне поверхности погребенной почвы была обнаружена гробница (ориентация не указана), обложенная девятью большими камнями из местного известняка. Можно предполагать, что таким образом Ф. Ф. Лашков охарактеризовал каменную гробницу. Размеры гробницы (3 аршина 14 вершков и 2 аршина 7 вершков) в метрической системе составляют 274 x 172 см. Если они соответствуют внутреннему периметру, то можно уверенно писать о том, что в кургане была раскрыта погребальная камера склепа. Если же, был обмерен внешний периметр (скорее всего, это так), гробница может быть охарактеризована как склеп или каменный ящик. В пользу предположения о склепе, свидетельствует вымостка пола из двух больших плит. В заполнении гробницы были найдены разрозненные кости, бронзовая подвеска и два черепка полированной посуды. Термин «полированная», в это время нередко применялся к чернолаковой керамике. Следовательно, захоронение исходя из его размеров, конструкции и находок «полированной» керамики можно отнести к V-IV вв. до н. э.

Таким образом, близ экономии Тавкель-Наймана были прозондированы два кургана, в которых обнаружены две каменные гробницы. Курганы располагались в небольшом курганном могильнике, представлявшем собой цепочку насыпей, плотно расположенных на ограниченной площади. Подобные некрополи появляются в Западном Крыму в

³⁷ Ныне Центральный музей Тавриды

³⁸ Корректность датировки вполне соответствует представлениям начала 80-х гг. прошлого века. Однако в наши дни, когда даты амфорных типов и вариантов уже сведены к трети или четверти столетия, амфоры с окрашенными венцами явно заходят в первые десятилетия V в. до н. э.

эпоху поздней бронзы, например, так выглядел некрополь у с. Луговое. В скифское время они известны в восточной части Тарханкутской возвышенности у с. Братское и в Западном Крыму у с. Наумовка близ оз. Сасык-Сиваш. Вполне вероятно, что близ таких компактных некрополей, прилегавших к мощным, некогда заросшим лесом балкам, в которых в древности существовали постоянные водотоки, могли располагаться сезонные стойбища, со временем превращавшиеся в пусть небольшие, но долговременные поселения.

Курганы между селами Славное – Рылеевка (Раздольненский район). В 1993 г. Северо-Крымская экспедиция КФ ИА НАНУ, работавшая под руководством С. Г. Колтухова, А.Е. Кислого и В.А. Колотухина, провела исследование 4-х курганов расположенных в северной части Тарханкутской возвышенности на водоразделе, понижающемся к востоку в направлении Бокальской балки. Сводный отчет об исследовании этих курганов, а также описание обнаруженных в них скифских погребений были опубликованы [Колтухов, Андрух, 1994, с. 146-152; Колтухов, Тошев, 1998, с. 98-118]. Всего в курганной группе, вытянутой цепочкой с юго-запада на северо-восток на протяжении 5-6 км, на карте М 1:42000 отмечено не менее 8 курганов. Раскопки проводились в центральной части этой группы (Рис. 59, 1). Расстояние между двумя относительно крупными курганами 1 и 4 составляло около 1 км, к северо-востоку от каждого из них на расстоянии 350-300 м, находилось по одному маленькому кургану-спутнику. Насыпи распахивались на протяжении многих лет, поэтому судить об их первоначальных размерах было затруднительно. Скифские погребения, встреченные по одному в каждом кургане, были впускными. Необходимо отметить, что, несмотря на обилие выходов известняка, каменных подкурганых сооружений скифского времени здесь не обнаружено.

Курган 1, эпохи бронзы, диаметр 43 м, высота 1,4 м. Возможно, в скифское время курган был досыпан, а его полы укреплены наброской из мелкого камня.

Погребение 1, скифское впускное (Рис. 59, 2-б). Находилось в центральной части кургана. Контуры погребального сооружения не прослежены. Могила ограблена, однако ее восточная часть уцелела. Здесь сохранились кости ног и остатки наборного пластинчатого доспеха, значительная часть которого была разрушена при грабительских раскопках. Судя по положению костей, сохранивших первоначальное положение, захоронение воина было совершено на спине головой на ЮЗЗ. Подогнутые ноги распались ромбом. Слева от костяка лежали лопатка и ребро мелкого животного, справа наконечник копья длиной 40 см, рядом с ним обломок железного предмета, наконечника копья или меча. В ногах с опорой на стенку могилы был поставлен свернутый наборной панцирь из железных пластин (Рис. 61, 3), разрушенный при ограблении могилы. В его остатках были найдены две бронзовые ворворки (Рис. 59, б), и два железных втока от копий длиной 19 см (Рис. 59, 4). С учетом присутствия втоков, нельзя исключать того, что ворворки были связаны не с панцирем, а с чехлами для копий. Под панцирем лежали два набедренника из мелких железных пластин размером 48, 44 x 28, 25 см (Рис. 61, 1). В изделии, расположенном слева от наблюдателя, один ряд был набран из мелких бронзовых пластин. Под ними, строго по центру лежала еще одна часть доспеха, представлявшая собой наборное изделие трапециевидной формы высотой 18 см и шириной около 15 см, скорее всего, защищавшее пах воина³⁹. В перекопе над костями были найдены два бронзовых наконечника стрел (Рис. 59, 5) и обломки тонкой бронзовой проволоки, скреплявшей некое кожаное изделие (пояс, ногайка, ножны меча?).

Однотипные трехлопастные бронзовые наконечники стрел по форме близки стрелам из кургана 6 у Ногайска, кургана 2 на землях Бобовича под Симферополем [ср. Мелюкова, 1964, табл. 8, Г2; 8, 3, 2] и могут быть датированы V в. до н. э. Видимо, к этому же времени можно отнести конусовидные неограниченные ворворки. По крайней мере, высокие конические ворворки известны в кургане 502 у с. Броварки, датированном первой половиной V в. до н. э. [Галанина, 1977, с. 50, табл. 28, б], в кургане 491 у Макеевки, датированном этим же временем [Галанина, 1977, табл. 12, 15], в кургане 499 у Басовки, того же времени [Галанина, 1977, табл. 26, б], в относящемся к ко времени близкому рубежу VI-V вв. до н. э. кургане 6 у Александровки [Ковалева, Мухопад, 1982, с. 99-101]. Такой же набор из двух ворворок, был обнаружен, очевидно, в несколько более раннем погребении 1 кургана 6 у Ковалевки [Ковпаненко, Бунятян, Гаврилюк, 1978, рис. 36, 4,5]. Наконечник копья можно отнести к типу 3 первого отдела по А. И. Мелюковой [Мелюкова, 1964, с. 38-39]. Аналогичные наконечники происходят из курганов Тимофеевка 6/1 в Побужье [Гребенников, 2008, рис. 30, 7], Дуровка к.16, Русская Тростянка к. 17 в Подонье [Савченко, 2004, рис. 4, 4, 8]. В целом исходя из датировки ворворок и стрел, погребение может быть отнесено к числу дружинных могил V в. до н. э.

Курган 2, располагался в 300 м к СВ от кургана 1, его диаметр - 36 x 29 м, высота 0,5 м, распахан, сооружен в срубное время. Впускная скифская катакомба – погребение 2, находилась в центральной части и была впущена в погребенную почву и подпочвенный слой на глубину 0,9 м (Рис. 60, 1). Столь незначительная глубина определялась близким к поверхности залеганием слоя известняка - ракушечника. Катакомба относится к типу III-Б по В. С. Ольховскому [Ольховский, 1991, табл. II. 28]. Размеры поховальной камеры 2,1 x 1,0 м, входная яма, дно которой расположено на одном уровне с дном камеры, примыкала к ней с СВ. Захоронение взрослого человека было совершено на спине головой на СЗ. Череп повернут в правую сторону, правая рука выпрямлена, левая слегка согнута в локте.

³⁹ К сожалению, из-за очень плохой сохранности металла и отсутствия в 1993 г. средств и возможностей для консервации, эти предметы целиком снять не удалось.

Левая нога выпрямлена, правая сильно согнута в колене, ее стопа под коленом левой ноги.

На бедренных костях справа налево лежал железный меч длиной 63 см (Рис. 60, 6). Подобный способ ношения характерен для V в. до н. э. [Ольховский, 1991, с. 88]. Справа у черепа находился железный наконечник копья длиной 50 см (Рис. 60, 5), железный вток (Рис. 60, 4) длиной 20 см располагался чуть ниже, у локтевого сустава, очевидно перед помещением в могилу копье было сломано. Под наконечником был положен бронзовый топорик – лабрис (Рис. 60, 2) с выделенной уступами центральной частью и овальным проухом. В 20 см от корпуса топора, па одной оси с проухом лежал бронзовый конусовидный вток (ворворка), обращенный узкой частью по направлению к корпусу. Если допустить что рукоять топора не была сломана, можно считать, что его длина не превышала 27 см, при таких размерах, это изделие следует рассматривать как топорик – скипетр, аналогии ему автору неизвестны.

На бедренной кости левой ноги лежала колоколовидная тонкостенная ворворка (Рис. 60, 3). В такой ситуации ворворка, тем более одну, рационально рассматривать, как одну из деталей подвески горита. Ниже у колена располагались 85 бронзовых наконечников стрел (Рис. 60, 7), относящихся к типам П.7.3; П.5.5; П.4.9; П.10.6; П.5.11 по А. И. Мелюковой. Подобный набор может быть размещен между западнокрымскими комплексами, происходящими из погребений Суворово 9/1 и 16/9 [Колотухин, 2000, рис. 26, 21; 27, 9]. Близок ему набор стрел из каменного ящика в ур. Снежное. Слева от костяка, на границе камеры и входной ямы, была положена левая часть туловища лошади с ногой и железный нож.

Железный меч с нерасчлененным, условно волютообразным навершием и бабочковидным перекрестием относится к типу 2 второго отдела по А. И. Мелюковой, датируемому VI – первой половиной V в. до н. э. [Мелюкова, 1964, с. 55]. Аналогией ему является меч из погребения 1 кургана 1, у Новорозановки [Ольховский, 1991, рис.7], датированный V в. до н. э. [Шапошникова, 1970, с. 208-212].

Наиболее вероятной представляется датировка погребения второй – третьей четвертью V в. до н. э.⁴⁰

Курган 3 эпохи бронзы располагался в 1 км к востоку от кургана 2, его диаметр составлял 30 м, высота 0,5 м, насыпь распахивалась многие годы. Отсутствие каменной крепиды или ровика не позволяет судить о его первоначальных размерах.

Погребение 2 скифское (Рис. 59, 7). Подовальная яма (подбой ?) размером 2,0 x 1,0 м находилась в центре кургана. Необходимо отметить, что СЗ стенка могилы имела заметный наклон внутрь, тогда как противоположная ЮЗ стенка у перехода к дну представляла собой пологую широкую дугу, что понятно при подбое или при щелевидном верхнем контуре могилы, смещенном к ЮВ. Костяк лежал в вытянутом положении на спине головой на ЮЗ. На колене левой ноги и рядом были найдены 12 бронзовых наконечников стрел (Рис. 59, 9). Между стенкой могилы и кистью правой руки была положена песчаниковая плита размером 39 x 23 x 2,5 см. Рядом лежали кости небольшого животного и железный нож (Рис. 59, 8). Подобная песчаниковая плитка была обнаружена в погребении 2 курган 8 у с. Красноярское. Набор трехлопастных базисных стрел и стрел с выступающей втулкой достаточно прост. По классификации А.И. Мелюковой стрелы относятся к типам П.3.8; П.6.1; П.4.4. Погребение можно отнести к V в. до н. э.

Курган 4 эпохи бронзы располагался в 350 м к ЮЗ от кургана 3. Диаметр 44 м, высота 1,7 м. Центральная часть насыпи, где было обнаружено скифское погребение, представляла собой сплошной перекоп. Скорее всего, работа была начата грабителями и завершена геодезистами при установке репера, который был впущен в яму глубиной 1,6 м в самом начале 50-х гг. прошлого века.

Погребение 2 скифское впускное (Рис. 60, 8), полуразрушено при ограблении и при установке репера. Находилось в центре кургана в погребенной почве. Уцелевший участок дна могилы, контуры которой не прослежены, окружен перекопами. В западном перекопе, возникшем при установке геодезического пункта, обнаружены обломки красноглиняной амфоры, обломок железного копья (Рис. 60, 15) и небольшие обломки двух бронзовых блях в виде осетров. Этим же перекопом разрушена верхняя часть костяка. Судя по сохранившимся костям, захоронение взрослого человека было совершено в вытянутом положении на спине головой на З. На бедренных костях ног и таза справа налево лежал железный меч с бронзовым навершием (Рис. 60, 13). Под костяком прослежены пятна истлевшей морской травы – камки. Слева от погребенного лежала часть туши овцы и железный нож (Рис. 60, 14). Справа от костяка, и чуть выше, сохранилось несколько бронзовых подвесок в виде осетров (Рис. 60, 12; 61, 2), а также сломанная треугольная бляха с ушком для крепления на ремне и цилиндрическими бронзовыми заклепками в центре и на концах (Рис. 60, 10), очевидно крепившими ремни.

Весь комплекс находок может быть уверенно отнесен к V в. до н. э. Однако, основным предметом для датировки захоронения служит фасосская амфора (Рис. 60, 9) Стеблевской серии I-A-2 по С. Ю. Монахову, датированная серединой V в. до н. э. [Монахов, 2003, с. 61].

Железный меч длиной 77 см с бабочковидным перекрестием и бронзовым навершием, оформленным в виде двух вплотную сходящихся когтей хищной птицы (Рис. 60, 13) может быть отнесен ко II отделу по А.И. Мелюковой. Среди аналогий можно упомянуть мечи из Гамарни и из кургана 401 у Журовки с навершиями в виде голов

⁴⁰ Погребение в катакомбе из кургана 48 Акташского могильника выглядит более поздним, хотя и относящимся к V в. до н. э. [ср. Бессонова, Скорый, 1986, рис. 4].

птиц [Мелюкова, 1964, табл. 20, 13, 14]. Похож, судя по проработке деталей и меч на каменном изваянии из кургана у Медерова [Ольховский, Евдокимов, 1994, кат. 77]. Очень близка по особенностям изображения бляха конского убора из погребения I кургана 13 у Перещепино [Могилев, 2008, рис. 199, 13]. Впрочем, если по форме навершие соответствует канонам, принятым в скифской среде при украшении оружия, то его глухая втулка и способ крепления на рукояти более характерны для греческой традиции. Именно так крепились бронзовые навершия некоторых махайр.

У кисти правой руки, лежавшей на перекрестии меча была найдена высокая бронзовая ворворка, плавно расширяющаяся книзу (Рис. 60, 11). Подобные изделия широко распространены в Лесостепной и Степной Скифии [Могилев, 2008, с. 74], они служили завершением самых разнообразных ремней. Можно предположить, что ворворка имела отношение к креплению меча. Вряд ли можно сомневаться в том, что в комплект вооружения входили лук и горит, однако, там, где должен лежать горит, находился перекоп.

Крупная бронзовая бляха и бляшки в виде осетров располагавшиеся на некоем ремне вертикально, относились к конскому убору. Изображения рыб в числе украшений конского снаряжения и убранства не являются редкостью в декоративном искусстве европейских и азиатских скифов, у которых рыба могла быть символом божества, покровителя коней. Разнообразные изображения осетровых рыб на конских украшениях и накладках деревянных чаш, связаны с Нижним Поднепровьем и с Северо-Западным Крымом [Колтухов, 1997, с. 62]. Необходимо отметить, что расположенные у моря Ольвия и Керкинитида, с их развитым рыбным промыслом, контролировали один из самых богатых ихтиофауной, в частности рыбами осетровых пород, район Северного Понта. Известно, что форма дельфина была положена в основу литых монет раннего Ольвийского полиса. В Керкинитиде же, в поздеархаическое и раннеклассическое время одна из литых монет имела выраженную форму рыбы осетровой породы [Кутайсов, 2004, с. 46-47]. Логично предположить, что и бляхи-осетры из рылеевского комплекса, изготовлены в одной из греческих мастерских этого региона. Столь же интересна оригинальная треугольная бляха. Аналогии ей в скифских комплексах Северного Причерноморья мне неизвестны.

Таким образом, одна группа изделий, в данном случае бляшки – осетры, являются, скорее всего, изделием греческой мастерской, способ крепления навершия меча, более характерен для греческого, а не скифского оружия, а массивная бляха аналогий в скифских древностях не находят. В такой ситуации, вполне закономерным может быть мнение о том, что оружие и конское снаряжение у воина из погребения Рылеевка 4/2, было изготовлено греческими мастерами в Ольвии, или в Керкинитиде.

Находки Ю. Г. Колосова. В 1952 г. при проведении разведок по трассе проектируемого Северо-Крымского канала вблизи сел Славное и Рылеевка побывали П. Н. Шульц и Ю. Г. Колосов. В одном из курганов, расположенном в 3 км к югу от с. Рылеевка, в яме, вырытой в насыпи были обнаружены остатки скифского погребения. Ю. Г. Колосовым были зарисованы три наконечника стрел, два бронзовых и один костяной, а также обломок оселка (Рис. 60, 4). Судя по находкам, погребение относилось к V в. до н.э.

Курганы к северо-востоку от Ярылгачской бухты (Черноморский район). На увале к северу от Джарылгачской котловины в 1970-1972 гг. вела интенсивные раскопки курганов Северо-Крымская экспедиция ИА АН УССР⁴¹ под руководством А. А. Щепинского и Е. Н. Черепановой, при участии В. А. Колотухина.

Курганы у с. Водопойное (Черноморский район). Курганный могильник из 8 насыпей был расположен в 3 км к СЗ от с. Водопойное Черноморского района у вершины степного водораздела, лежащего между берегом Черного моря и северным берегом оз. Джарылгач (Рис. 62, 3). Топографически он представлял собой цепочку курганов протяженностью 230 м, ориентированную с ЮЗЗ на СВВ, т. е. поперек водораздела. Практически все курганы подверглись многолетней распашке. В течение 1970-1971 гг. курганы были раскопаны на снос. Работы велись под руководством А. А. Щепинского и Е. Н. Черепановой. Курганы в документации и на планах имеют две нумерации, нанесенную на план могильника в 1970 г., начинающуюся с № 1 и общую экспедиционную 1971 г., начинающуюся с № 4. Различия в планах 1970 и 1971 г. состоят в изменении общей ориентации, приближающейся к направлению С - Ю и корректировке местоположения отдельных курганов (Рис. 62, 1-2). В дальнейшем нами используется нумерация 1971 г. Необходимо заметить, что курганы эпохи бронзы располагались в южной части могильника, к СЗ от них находились курганы скифского времени. В раскопанном в 1970 г. самом крупном в могильнике кургане, обозначенном на плане 1970 г. под № 1, а на плане 1971 г. под № 3, появившемся в эпоху бронзы, погребений скифского

⁴¹ Информацию о работах экспедиции в эти годы можно обнаружить в АО за 1970, 1971 и 1972 гг. [Щепинский, 1971, с. 232; 1972, с. 325-326; 1973, с. 354-355.] Отчеты не были переданы в научный архив ИА АН УССР. В 90-е гг. XX века в научный архив КФ ИА НАНУ поступили архивные материалы СКЭ, включающие полевую документацию работ, проводившихся на Тарханкуте: полевые дневники и чертежи за 1970-1972 гг., небольшую часть фотографий 1971 г. и один из экземпляров текста отчета за 1972 г. (Инв. Кн. ФЛЩ. Инв. № 33. П. №35; Инв. Кн. ФЛЩ. Инв. 31. П. 33). При изучении документации стало ясно, что коллекция находок из курганов этого района не поступила на хранение в Музей археологии Крыма, созданный А. А. Щепинским при базе экспедиции, а была передана в Межводненскую среднюю школу Черноморского района Крымской области. В 2010 г. были осмотрены находки этих лет, хранящиеся в школьном музее. К сожалению, уцелело далеко не все, хотя базовая часть коллекции СКЭ была сохранена. Еще одним источником информации стала личная картотека В. А. Колотухина, в которой находились зарисовки отдельных находок из скифских погребений, исследованных в 1972 г.

времени достоверно не зафиксировано. В курганах 8 и 9, возникших ранее скифского времени⁴², присутствовали впускные скифские могилы. Захоронение скифа в небольшом кургане 9 относилось ко времени не позднее первой половины V в. до н. э., в кургане 8 – к более позднему времени, остальные 5 курганов появились, судя по обнаруженному в них материалу, в скифское время. Курган 10 может быть отнесен к V-IV вв. до н. э. Оставшиеся 4 кургана датируются временем не позднее IV – первых десятилетий III в. до н. э. С их сооружением сформировался облик небольшого, но плотного могильника с линейным расположением насыпей и ориентацией ССЗ - ЮВВ.

Курган 4 скифский, диаметр 15 м, высота 0,7 м, насыпь каменистая, на поверхности обломки каменной плиты и бутовый камень. Под насыпью – крепиды диаметром 9,7 м, возведенная из бутового камня, сохранившаяся отдельными участками на высоту от 1 до 2-х рядов кладки. В центре, на уровне древней дневной поверхности – скопление камня (Рис. 62, 4). По мнению исследователей кургана, это остатки каменной гробницы скифского времени. В центральной части насыпи выявлены отдельные кости человеческого скелета, некогда лежавшего на спине при ориентации на ЮЗ.

Курган 5, скифский, расположен к Ю от кургана 4. Распаханная насыпь диаметром 16-17 м и высотой 0,7 м была насыщена камнем. Под насыпью была обнаружена кольцевая крепиды диаметром до 7,5 м из плитчатых и бутовых камней. В западной части кургана на уровне основания крепиды и с ее внутренней стороны были найдены обломки гераклейской амфоры, а еще западнее, за пределами кромлеха – обломки лепной керамики.

Погребение 1. В центре кургана уцелела нижняя часть каменной гробницы в овальной обкладке, сооруженной на уровне поверхности погребенной почвы и ориентированной с ЮЗ на СВ (Рис. 62, 5). Размеры по внешнему обводу 3,6-3,8 x 2,6 м, прослеженная высота до 0,35 м. Внутри сооружения расположена прямоугольная камера размером, ориентировочно, 2,3 x 0,9 м с такой же ориентацией, стенки сложены из бутового камня и плитчатых обломков, дно вымощено мелким плитняком. По центральной оси могилы лежал костяк взрослого человека, похороненного в вытянутом положении на спине головой на ЮЗ. Под юго-восточную стенку могилы были сдвинуты кости еще 4-х человек. Данных о погребальном инвентаре нет.

Остатки еще одного недатированного погребения, по предположению исследователей совершенного в скорченном положении на левом боку, были обнаружены в насыпи кургана в 1 м к СВ от погребения 1.

Обломки гераклейской амфоры, обнаруженной в кургане, в отложениях, явно связанных со временем его использования для захоронений, позволяют отнести курган к IV в. до н. э.

Курган 6, скифский, располагался к ЮВ от кургана 5. Диаметр насыпи 22 м, высота 0,7 м. На распаханной поверхности фиксировалось большое количество камней. Под насыпью зафиксирована каменная крепиды диаметром 6 м, сложенная в один слой из крупных бутовых камней, и имевшая высоту 0,4-0,45 м. В кургане обнаружены два погребения скифского времени (Рис. 63, 1).

Погребение 2 основное. В центре кургана находилась каменная гробница (склеп) в обкладке овальной формы, ориентированная с ЮЗ на СВ, размером 5,8 x 4,6 м. Каменное сооружение сложено из плитчатых и бутовых камней на поверхности погребенной почвы, прослеженная высота от 0,3 до 0,5 м. Внешний слой представлял собой постелистую иррегулярную кладку, сохранившуюся на высоту от 1 до 3-4 рядов, внутренний – забутовку между внешним слоем и погребальной камерой. Погребальная камера подпрямоугольная, размером 2,6 x 1,4 м, несколько сужается к северо-восточному концу, где углы были скруглены. Она прослежена на глубину от 0,8 до 1,2 м, на 0,5-0,6 м, впущена в почву и подпочву. Дно вымощено мелким камнем. Нижний ряд стен состоит из вертикально или наклонно поставленных плитчатых обломков камня. Выше кладка постелистая, иррегулярная из плитчатых обломков, уложенных с напуском с уровня поверхности погребенной почвы. Плитовое перекрытие камеры и верхние ряды кладки разрушены. В пользу существования выделенного входа свидетельствует отклонение наружу нижней части стенки, находившейся в ногах погребенных в северо-восточной части камеры (Рис. 3, 1).

В заполнении разграбленной могилы были обнаружены обломки амфоры, лепного сосуда и обломки костей человека. Судя по находкам на дне камеры, захоронения совершались последовательно в вытянутом положении головой на ЮЗ, а кости предшествующих погребенных сдвигались к стенкам могилы (Рис. 63, 2). Исходя из количества черепов, здесь было похоронено 4 человека. В могиле обнаружен нелощеный лепной сосудик (Рис. 63, 7), располагавшийся в юго-восточной ее части. У черепов находились «настовые» бусы, фрагмент бронзовой провололочной серьги (Рис. 63, 3), бронзовая височная подвеска диаметром 3,5 см с резной костяной пронизью (Рис. 63, 5), бронзовый провололочный браслет (?) диаметром 4,5 см с заходящими друг за друга концами (Рис. 63, 6) и стеклянные бусы (Рис. 63, 4). Судя по классификации В. Г. Петренко, височные подвески такого вида (тип 30, вариант 4) были массово распространены в IV-III вв. до н. э. [Петренко, 1978, с. 37]. Изделие, определенное исследователями, как браслет, может оказаться и детским браслетом, и крупной серьгой. Такие серьги бытуют в Степной Скифии в IV-III вв. до н. э. [Петренко, 1978, с. 36].

Погребение 1. Обнаружено между крепидой и южным углом центральной гробницы (Рис. 63, 1). Представляло собой миниатюрный каменный ящик (цисту), ориентированный с В на З и сложенный из мелких плитчатых камней,

⁴² Курган 8 появился в эпоху бронзы, а курган 9, судя по всему, был насыпан в предскифское время.

плита перекрытия отсутствовала. Его размер по внутреннему периметру 0,7 x 0,45 м, глубина – 0,35 м. Сооружен на уровне поверхности погребенной почвы. В нем находились два разрушенных лепных сосуда, один «с выпуклыми боками и отогнутым венчиком, второй – с прямыми расширяющимися стенками», сами сосуды не найдены. Сооружение можно интерпретировать и как жертвенник, что характерно для античных курганов Северо-Западного Крыма, и как могилу младенца, кости которого не сохранились, подобные захоронения типичны для скифских курганов.

Присутствие некоего объекта, отмеченного на полевом плане кургана под № 3, в виде двух кружков, нарисованных на камнях в СВ части обкладки центральной гробницы, позволяет предположить, что здесь могла находиться еще одна могила или поминальные дары. В целом курган производит впечатление скифского, однако в нем присутствуют и признаки, характерные для курганов античного некрополя Панское.

Курган 7, скифский, находился южнее кургана 6. Диаметр 19 м, высота 0,5 м, распахиваемая насыпь была насыщена обломками камня (Рис. 63, 8). Под насыпью обнаружены остатки каменной крепиды диаметром около 6,5 м, сложенной из бутового камня. В центре кургана обнаружены несколько камней от разрушенного каменного сооружения, обломки человеческих костей и фрагмент бронзового предмета – гвоздя или верхней части булавки (Рис. 63, 9).

Курган 8 эпохи бронзы, содержащий захоронения бронзового века и предскифского времени, а также святилище половецкого времени, был в могильнике последним с южной стороны. Диаметр насыпи 37 м, высота 1,8 м. На поле кургана в 1970 г. найден пирамидальный каменный жертвенник высотой около 1 м, по описанию более всего напоминающий надгробия позднесредневекового и нового времени⁴³. Под насыпью кургана обнаружены две крепиды, одна внутренняя, диаметром 6,4 м, состоящая из одного ряда вертикально поставленных плит. На второй – внешней крепиде диаметром 16,5 м, сложенной из не крупного бутового камня, с юго-восточной и северо-западной стороны были найдены обломки амфор. Интересно то, что Е.Н. Черепанова отметила существование еще и третьего «кольца камней». Оно находилось в самом центре кургана и имело не круглую, а овальную форму, располагаясь на 0,6-0,8 м выше внутренней крепиды. «Кольцо» состояло из плитчатых камней размером 0,6 x 0,3 м, 0,4 x 0,25 м лежавших плашмя на грунте. Его размеры 5,4 x 3,6 м, ориентация СВВ-ЮЗЗ. Сооружение было сильно повреждено распашкой. Внутреннее пространство было заполнено мелкими камнями, лежавшими сплошь и в несколько слоев. Учитывая то, что на западной оконечности кольца стояли основания двух сломанных стел, которые исследователи на основании декора отнесли к половецкому времени, уместно предположить, что здесь существовала площадка средневекового святилища. Однако среди камней находилось обломки античных амфор. По определению А. Н. Щеглова, амфоры были гераклейскими и херсонесскими, в этой же части насыпи кургана ниже камней была найдена бронзовая трехлопастная стрела. Учитывая то, что под «площадкой» так и не было обнаружено следов захоронений скифского времени, есть основания считать, что археологи имели дело с нижней частью разрушенной каменной гробницы, такой же как в курганах 5 или 6. Она была возведена на сnivelированной вершине небольшого кургана эпохи бронзы. Подобные планировочные решения древних строителей известны в Северо-Западном Крыму [Колтухов, 2009, с. 184-185]. В дальнейшем сооружение было разобрано на камень, что не было редкостью, как в новое, так и в новейшее время, а его остатки подверглись распашке. Присутствие гераклейских и херсонесских амфор позволяет отнести время его функционирования к IV – первым десятилетиям III в. до н. э. Вполне возможной представляется более узкая датировка в рамках второй половины IV – первых десятилетий III вв. до н. э.

Курган 9. Диаметр распаханной насыпи 8 м, высота 0,4 м. В кургане обнаружено два захоронения предскифского и скифского времени и одно недатированное, впускное погребение ребенка.

Погребение 1, скифское, находилось в центре кургана. Контур погребального сооружения не прослежен, захоронение взрослого человека было совершено в вытянутом положении с наклоном на правый бок головой на ЮЗ (Рис. 64, 1). Кости туловища и кости ног расположены под небольшим углом друг к другу, возможно, такое положение тело приняло в результате просадки дна в расположенную ниже могилу черногоровского облика. Кисть левой руки на тазе, на ней 16 бронзовых наконечников стрел, еще 4 были найдены в области таза, а один обнаружен в расположенном ниже погребении 2. Под левой рукой, острием к плечу лежал железный кинжал длиной 30 см с брусковидным навершием, перекрестие разрушено (Рис. 64, 4). Под его рукоятью находился сигаровидный оселок с отверстием для подвешивания, длиной 8,5 см (Рис. 64, 2). Судя по наконечникам стрел (Рис. 64, 3), погребение можно отнести к первой половине – середине V в. до н. э.

Курган 10 скифский, замыкал курганную группу с северного направления. Диаметр распаханной, насыщенной камнем насыпи – 17 м, высота – 0,9 м. Под ней обнаружена крепида диаметром 6 м, сложенная из бутового камня и 5 каменных сооружений скифского времени, разграбленных и разрушенных при выборке камня и распашке (Рис. 65, 1). Всего в кургане исследователями зафиксировано 9 так называемых погребений⁴⁴.

⁴³ Он был передан на хранение в музей Межводненской средней школы, однако, обнаружить его в 2010 г. не удалось.

⁴⁴ Погребениями нередко называли отдельные, не поддающиеся интерпретации скопления человеческих костей в насыпи, которые могли быть и, скорее всего, были не захоронениями, а выбросами из разграбленных могил, находившихся ниже. Отсюда несоответствие между номерами и реально зафиксированными могилами.

Погребение 9, основное, располагалось в центре кургана. На поверхности погребенной почвы был сооружен каменный ящик размером ориентировочно 2 x 0,6 м, ориентированный с СВВ на ЮЗЗ. Небольшие плиты высотой до 0,5 м были установлены с наклоном внутрь, а их основания неглубоко впущены в погребенную почву. Длинные стены состояли из нескольких плит, поперечные, разрушенные при выборке камня, очевидно из одной плиты каждая. По внешнему периметру сооружения была сооружена овальная каменная обкладка из двух слоев таких же плит. На грунтовом дне в анатомическом порядке обнаружены берцовые кости человеческого скелета, судя по положению которых, захоронение могло быть совершено в вытянутом положении на спине головой на СВВ. Гробница напоминает ранние могилы некрополя Стоячий Камень в Восточном Крыму [Масленников, 1995, с. 28 и сл.], где они характерны для V – первых десятилетий IV в. до н. э.

Погребение 1 впускное. Каменная гробница находилась в юго-восточной части кургана и примыкала к крепиде (Рис. 65, 1), отчасти внедряясь в ее окружность. Судить о ее форме затруднительно, так как сохранился лишь один участок стенки, сложенный из бутового камня и часть плитчатой вымостки пола, располагавшейся на уровне погребенной почвы. Ориентация ЮЗ–СВ. На поверхности пола найдены отдельные человеческие кости, лепной гуттус диаметром около 8 см и высотой около 10 см (Рис. 65, 2) и бронзовый наконечник стрелы. Судя по фотографии, наконечник стрелы может быть отнесен к типу III. 5.2-3 по А. И. Мелюковой [1964, рис. 1] и датирован IV–III вв. до н. э. На полевом чертеже здесь же упоминаются обломки миски.

Погребение 2, впускное. В 1 м к северу от центра кургана обнаружены две длинные кости человеческого скелета, лежали они параллельно.

Погребение 3 впускное. Каменная гробница расположена севернее центра кургана (Рис. 65, 1). При ее сооружении был полностью разобран участок крепиды. Размеры гробницы 2,4 x 0,8 м, ориентация СВВ – ЮЗЗ. Дно вымощено мелким плитняком. Одна из длинных стенок сооружена из плит высотой до 0,4 м, поставленных на ребро, вторая из бутовых камней. Одна из торцовых стен разрушена, другая представляла собой вертикально стоящую плиту. Несомненно, выше такие стены должны были дополняться постелистой кладкой из плитчатых камней. Имела ли гробница дромос, или доступ в нее осуществлялся путем подъема плиты перекрытия, или частичной разборки одной из торцовых стен, не ясно, однако использована она для нескольких захоронений. По мнению исследователей, в ней присутствовали костные остатки 4 человек, судя по костям, сохранившимся на дне могилы, одно из захоронений, видимо последнее, было совершено в вытянутом положении на спине головой на ЮЗЗ. На дне могилы было найдено костяное пряслице диаметром 2, 3 см (Рис. 65, 3).

Погребение 7. На линии крепиды в северной части кургана была обнаружена каменная циста размером 0,55 x 0,38 см, сложенная из поставленных на ребро плитчатых обломков известняка. В ЮВ углу стоял лепной сосуд⁴⁵.

Погребение без номера выделяется только на чертеже. Оно располагалось между крепидой и ЮЗ частью основного погребального сооружения и представляло собой небольшую каменную гробницу подобную основной, но без внешней плитовой обкладки, размером 0,9 x 0,35 м, ориентированную с СВ на ЮЗ и несколько расширяющуюся к ЮЗ концу. Можно думать, что это могила ребенка или кенотаф.

В целом для кургана можно предположить следующую периодизацию. На первом этапе сооружается гробница 9, одновременно с ней, или несколько позже гробница без номера, затем гробницы 1, 3 и циста. Время использования кургана для захоронений можно представить лишь в широких рамках IV–III вв. до н. э. Вполне вероятно, что его каменные сооружения не отличаются от сооружений в античном курганном могильнике поселения Панское, расположенном на несколько километров южнее.

Для могильника характерно преобладание погребальных сооружений из камня. К числу каменных сооружений относится 10 гробниц, одна из них определена в качестве склепа, две можно охарактеризовать в качестве каменных ящиков. В двух случаях погребальные сооружения не определены.

Курганы у с. Межводное (Черноморский район). Курганый могильник был расположен с западной стороны шоссе Черноморское – Раздольное, не далее чем в 1,5 км к ЮВ от могильника Водопойное в таких же географических условиях, что и могильник Водопойное (Рис. 65, 4). Он представлял собой группу из 9 курганов (Рис. 65, 5), расположенных плотно на расстоянии 5–10 м друг от друга. Все курганы были сильно распаханы. Раскопки некрополя производились под непосредственным руководством А. А. Щепинского при участии В. А. Колотухина. Из 9 курганов, нанесенных на план, в рукописи отчета и полевых дневниках упомянуто всего 6⁴⁶. Хронология некрополя представляется следующей: из исследованных 6 курганов 4 (7, 8, 10, 11) относились к эпохе бронзы, 2 (9, 12) к скифскому времени, в 3 курганах эпохи бронзы были обнаружены впускные погребения скифского времени. Подобная ситуация дает основания для вывода о том, что могильник, сформировавшийся, в целом, в эпоху бронзы,

⁴⁵ Обнаружить его не удалось.

⁴⁶ Один из курганов, самый крупный в группе к которому примыкал курган 11, не был исследован из-за расположенного на нем геодезического пункта. О двух других, не имевших номера, информации нет. Зная особенности работы экспедиции в эти годы, можно предположить, что едва заметные полностью разрушенные распашкой всхолмления малого диаметра были раскопаны, однако в них и под ними не было обнаружено ничего, привлекшего внимание исследователей.

интенсивно использовали в скифское время. Время функционирования скифского некрополя, может быть определено в рамках V-IV вв. до н. э. Однако, изучение картографического материала, в первую очередь карты м 1:42000, позволяет считать, что раскопанные курганы являлись лишь южной оконечностью небольшого курганного поля, в котором топографы в конце 19 в. зафиксировали 21 курган (Рис. 65, 4)⁴⁷.

Курган 7 эпохи бронзы, диаметром 16 м, высотой 0,2 м. При удалении насыпи найдены многочисленные обломки античных амфор и краснолаковых сосудов. В 4 м к югу от центра кургана в погребенной почве обнаружены следы разрушенного захоронения – обломки человеческих костей и фрагмент буролаковой чашечки. Есть основания думать, что в кургане, помимо основного катакомбного погребения эпохи бронзы было совершено погребение эллинистического времени.

Курган 8 эпохи бронзы, диаметром 16 м высотой 0,5 м, насыпь распахана. Помимо основного погребения катакомбного времени здесь обнаружено скифское погребение и яма IV-III вв. до н. э.

Погребение 1 находилось в центральной части кургана на уровне древней почвы. Контур погребального сооружения не прослежен. Грациальный, судя по полевому чертежу, скелет взрослого человека, лежал в вытянутом положении на спине, головой на 3, кисть левой руки на тазе (Рис. 66, 1). Поверх кисти руки и бедренной кости с левой стороны лежал железный меч длиной 60 см с типичным для скифских мечей перекрестием и брусковидным, судя по полевой прорисовке, навершием (Рис. 66, 2). На клинке сохранились следы деревянных ножен. Близ колена слева найден бронзовый наконечник стрелы, еще 4 наконечника были обнаружены в разных местах при зачистке дна могилы (Рис. 66, 4). В.А. Колотухиным были зарисованы три из них, относящиеся к типам II.5.9; II.4.9; II.10.6 по А. И. Мелюковой. В этой же могиле найдено проволочное бронзовое кольцо диаметром 3,6 см (Рис. 66, 4). У правого плеча лежал железный нож длиной 18 см (Рис. 66, 5). Колоколовидная бронзовая ворворка находилась близ оконечности меча (Рис. 6, 3). Обнаружена она в том месте где, как правило, находился горит, который мог быть разрушен при сооружении примыкавшей к могиле с этой же стороны хозяйственной ямы с каменной обкладкой верхней части. В ее заполнении, как следует из дневниковой записи, был обнаружен еще один бронзовый наконечник стрелы. Следовательно, ворворку – вотолку можно связать либо с подвеской меча, либо с подвеской горита.

Судя по сохранившейся полевой прорисовке, меч по пропорциям близок мечам из Кулешовки, Сухино, Брварков и, в принципе, может быть отнесен к V в. до н. э. [Мелюкова, 1964, с. 49-50]. По мечу, ворворке и стрелам погребение можно отнести к второй-третьей четверти V в. до н. э.

Курган 9 скифский диаметром 16 м, высотой 0,25 м (Рис. 66, 6). В распаханной насыпи обнаружено 77 обломков амфор, в том числе и фрагмент стенки амфоры с клеймом (клеймо на горле гераклеийской амфоры?). Остатки насыпи кургана содержали слой мелких камней. В западной части кургана обнаружены остатки ограды, состоявшей из бута и плит, поставленных на ребро. Две плиты представляли собой обломки стел, характерных для эпохи бронзы. Внутри ограды были обнаружены две кремневых ножевидных пластины и раковина устрицы. Судя по полевому чертежу, ограда, поставленная горизонтально на тонкий почвенный слой, предшествовала кургану. В кургане обнаружено 6 погребений скифского времени.

Погребение 4 основное (?), располагалось в центральной части кургана с небольшим смещением к северу, впущено с уровня поверхности погребенной почвы, на которой лежали плиты перекрытия и выбросы грунта из могильной ямы. Могильная яма удлиненно - овальной формы (Рис. 66, 7). Ее размеры 2,2 x 1,0 x 0,95 м, северная стенка наклонена внутрь, остальные вертикальны. Захоронение взрослого человека совершено в вытянутом положении на спине головой на ЮЗЗ. Левая рука согнута в локте, ее кисть на костях таза. На костях, по диагонали от правой половины таза к левому колену лежал железный меч длиной около 60 см, с бабочковидным перекрестием и брусковидным навершием (Рис. 66, 8). Слева, у бедренной кости, найдены 7 бронзовых наконечников стрел (Рис. 66, 9), еще один обнаружен у правой бедренной кости. Наконечники относятся к типам II.4.9; II.5.9; II.10. 8-10 по А. И. Мелюковой [Мелюкова, 1964, рис. 1]. В насыпи могилы найден наконечник стрелы и обломок стеклянной бусины. У локтя левой руки лежали кости ноги крупного животного и железный нож. Судя по мечу и наконечникам стрел, погребение может быть отнесено ко времени не ранее второй – третьей четверти V в. до н. э.

Погребение 2 находилось в 1 м к северу от погребения 4, сразу под пахотным слоем. Сохранилась западная часть дна каменной гробницы, вымощенного мелким камнем. На нем – остатки трех скелетов (Рис. 67, 1). От крайних сохранились только черепа, от центрального – верхняя часть костяка. Судя по их положению, захоронения были совершены в вытянутом положении, головой на 3. У черепа центрального костяка обнаружены кости мелкого животного, бусина, железный нож, бронзовые наконечники стрел (Рис. 67, 3), ограненная голубая вставка в перстень (Рис. 67, 6), свинцовое пряслице (Рис. 67, 2). На груди лежали три пирамидальные подвески из фиолетового стекла (Рис. 67, 4) и одна глазчатая бусина из глухого стекла (Рис. 67, 5). Расположение находок позволяет предположить, что погребения осуществлялись последовательно, с перемещением костных останков под стенки могилы. Трехгранные наконечники относятся к типам III.9.3 и III.8.3 по А. И. Мелюковой [Мелюкова, 1964, рис. 1], наиболее оптимальной их датировкой в условиях Западного Крыма, с учетом присутствия в насыпи гераклеийского клейма,

⁴⁷ Очевидно, курганы частью попали под шоссе при его строительстве, частью были полностью распаханы, частью располагались с северной стороны шоссе и не были раскопаны.

может быть первая половина IV в. до н. э.

Погребение 3 находилось в 1 м к СЗ от могилы 4, непосредственно под пахотным слоем. Здесь обнаружены кости человеческого скелета и небольшой лепной сосуд с темно-серой поверхностью, орнаментированный пояском наколов и прочерченными треугольниками с внутренней штриховкой (Рис. 67, 7)⁴⁸.

Погребение 5 впускное, находилось в 5 м к Ю от центра кургана. Овальная яма размером 1,95 x 0,95 м была прослежена на глубину 0,5 м. Стенки ямы вертикальны (Рис. 66, 10). Захоронение взрослого человека было совершено на спине головой на ЮЗ. Костяк до пояса сохранил положение приданное телу при захоронении. Однако кости таза были разрушены, кости левой ноги оказались между тазом и черепом, сохраняя при этом анатомический порядок, кости правой ноги были разрушены. Можно предположить, что это результат деятельности животного, проникшего в могилу. У кисти левой руки лежали ребра и кости конечности овцы, рядом с ними находился небольшой железный нож.

Погребение 1, впускное обнаружено не далее чем в полуметре к югу от погребения 5, сразу под пахотным слоем. Форма погребального сооружения не прослежена, костяк разрушен при распашке. Судя по сохранившимся костям, захоронение было совершено вытянуто, головой на ЮЗ. Рядом с костяком обнаружено свинцовое полусферическое пряслице, раковина каури, бронзовый трехлопастной наконечник стрелы (Рис. 67, 7-8), 7 бусин из глухого стекла. Слева от костяка найдены кости ног еще одного скелета. Судя по наконечнику, погребение может быть отнесено к V – первым десятилетиям IV в. до н. э.

Погребение 6 впускное, находилось в центральной части насыпи. Овальная могильная яма длиной 1,9 м, прослежена на глубину 0,5 м, ориентирована с З на В, наиболее широка в западной части – ширина до 1,0 м, южная стенка вертикальна, северная с подбоем (Рис. 66, 11). Захоронение взрослого человека совершено в вытянутом положении на спине, головой на З, кисть правой руки на тазе. У головы стоял лепной чернолощенный кувшин с геометрическим орнаментом (Рис. 66, 12), с левой стороны от костяка найдено 4 бронзовых наконечника стрел, еще два обнаружены в засыпи могилы (Рис. 66, 13). На безымянном пальце левой руки было надето бронзовое кольцо (Рис. 66, 14). У северной стенки могилы лежали кости конечности небольшого животного (овцы?) и железный нож.

Лепной кувшин с грушевидным туловом и резным орнаментом, по форме, скорее всего, подражает античным сосудам [Колтухов, 2004, с. 100], либо, что менее вероятно, какой-то из неизвестных форм кизил-кобинской посуды. Отдельным элементам его сложного орнамента, например треугольникам, заполненным углами, можно найти аналогии в лепной керамике из Западного Крыма. Это орнамент сосуда из погребения в кургане у с. Вилино, датированного концом VI-V вв. до н. э. [Колтухов, 2004, с. 106], аналогичный сосуд из Керкинитиды, находку из херсонесского слоя второй половины V – первой половины IV в. до н. э. [Кравченко, 2009, с. 196], фрагменты лепного сосуда из погребения 2 кургана 1 у с. Колоски, датированного V. С. Ольховским VI -V вв. до н. э., хотя саму могилу исследователь отнес к концу V-IV вв. до н. э. [Ольховский, 1982, с.61]. Ромбовидные мотивы со штриховкой и без нее известны в скифских могилах Крымской степи, по меньшей мере, с V в. до н. э. [Колотухин, 2000, с.39]. Необходимо добавить, что по данным С. Н. Сенаторова, и в северо-восточном районе Херсонеса была найдена верхняя часть аналогичного кувшина с резным орнаментом, что позволяет датировать наш сосуд временем не ранее V в. до н. э.

Для датировки же погребения 6 и найденного в нем сосуда, а также двух аналогичных и явно близких по времени погребений 4 и 5 в этом же кургане, определяющее значение имеет небольшой набор стрел, которые можно отнести к типам II.3.2; II.3.7; II.10.6; II.10.10 по А. И. Мелюковой [Мелюкова, 1964, рис. 1]. Среди скифских памятников Северо-Западного Крыма отчасти типологически близким набором обладает погребение 9 из кургана 16 у с. Суворово, датированное В.А. Колотухиным второй половиной V – рубежом V-IV вв. н. э. [Колотухин, 2000, с. 47], а автором – второй-третьей четвертью V в. до н. э. Отдельные аналогии наконечникам можно найти и среди колчаных наборов, отнесенных С. В. Полиным ко второй-третьей четверти и к середине – второй половине V в. до н. э. [Полин, 1987, рис. 12,13]. Очевидно, достаточно вероятной датировкой для описываемого погребения будет вторая-третья четверть V в. до н. э.

Курган 11 эпохи бронзы. В центре насыпи диаметром 32 м и высотой 1,0 м, на глубине 0,3-0,4 м обнаружена каменная крепида диаметром 6 м из бута мелких и средних размеров, ширина кладки 0,5-0,7 м. В центре крепиды исследователи зафиксировали некий каменный заклад диаметром 3,2-3,4 м (Рис. 67, 9). По описанию в полевом дневнике, камни лежали в несколько слоев вперемешку с землей. На плане кургана четко выражена его внешняя граница. Можно предположить, что заклад представлял собой остатки каменной гробницы с округлой обкладкой, разрушенной при распашке и выборке камня. Подобные погребальные сооружения характерны для скифского времени и могут быть датированы V-IV вв. до н. э. К скифскому же времени исследователи отнесли безинвентарное погребение 1, совершенное в вытянутом положении на спине головой на ЮЗ. Оно было обнаружено к СВ от центра кургана на глубине 0,5 м, видимо несколько ниже каменных сооружений (Рис. 67, 9). Необходимо заметить, что под камнями заклада на глубине 0,8 м, всего лишь на 0,4 м ниже уровня его фиксации, находились три срубных

⁴⁸ По мнению С. Н. Сенаторова, этот кубок аналогичен кубку из ямы 46 таврского поселения Уч-Баш в Юго-Западном Крыму.

погребения, что дает еще один аргумент в пользу датировки так называемого заклада временем более поздним, чем эпоха бронзы.

Курган 12 скифского времени. Диаметр насыпи 16 м, высота 0,25 м, насыпь распахана на всю ее высоту, соответственно данных о стратиграфии нет. В центральной части кургана обнаружено 2 погребения, расположенных со смещением на 1,5 м к СВ от условного центра кургана. Подобное смещение, скорее всего, связано с изменением формы и размеров насыпи в результате многолетней распашки. Захоронения можно считать аналогичными погребениям в кургане 9 и датировать V-IV вв. до н. э.

Погребение 1 совершено в овальной могиле размером 1,75 x 0,8 м, южная стена наклонена внутрь. Прослеженная глубина могилы – 0,5 м. Костяк взрослого человека лежал в вытянутом положении на спине головой на 3, череп повернут вправо, кисть левой руки на тазе (Рис. 67, 10). На кисти правой руки – кость мелкого животного (ягненка?), рядом с ней железный нож.

Погребение 2, скифского времени, расположено в 0,6 м к ЮВ от погребения 1, могильная яма подпрямоугольная, с закругленными углами размером 2,25 x 0,9 м, прослежена на глубину 0,5 м, южная стенка наклонена внутрь. В заполнении обнаружены две провалившиеся в могилу плиты перекрытия. Захоронение взрослого человека совершено в вытянутом положении на спине, головой на 3. Правая рука согнута в локте, ее кисть должна была находиться на тазе, левая согнута так, что кисть находилась на левом плече (Рис. 67, 11). Кости грудной клетки и таза разрушены. В области груди найдены две бусины из глухого стекла, у кисти правой руки – кости мелкого животного.

Таким образом, в могильнике обнаружено 2 кургана скифского времени и 15 скифских погребений, в том числе остатки 3 каменных гробниц и 5 грунтовых могил. В 7 случаях характер погребального сооружения не определен. В отличие от могильника у с. Водопойное, находящегося рядом и в близких геологических условиях, здесь над каменными гробницами явно преобладают грунтовые погребальные сооружения. Очевидно, это происходит за счет ранних захоронений в грунтовых ямах. Хронология могильника укладывается в рамки V-IV вв. до н. э.

Курган 2 у с. Владимировка (Черноморский район), исследован Северо-Крымской экспедицией под руководством В. А. Колотухина в 1988 г. Группа из трех курганов располагалась на пологом северном склоне увала в 4 км к ЮЗЗ от с. Владимировка, и в 3 км от берега моря В кургане эпохи бронзы [Тошев, 2007, рис. 1, 53] обнаружено погребение скифского времени. Атрибуция еще одного погребения, отнесенного В.А.Колотухиным к этому же времени, не проста, однако судя по лепной миске с ребром на корпусе, это захоронение, относится к более позднему периоду [ср. Колотухин, 2000, с. 20].

Погребение 13 впускное, находилось в центральной части насыпи. Контуры могилы не прослежены. Костяк лежал в вытянутом положении на спине с наклоном в левую сторону, головой на запад. С левой стороны на поясе находился железный меч с бронзовой зооморфной бляшкой на навершии (Рис. 68, 5, 2), на мече у левого бедра пучком лежали бронзовые наконечники стрел (Рис. 68, 1). В погребении 14, находившемся непосредственно под скифским погребением, обнаружен каменный сигаровидный оселок (Рис. 68, 3), по мнению исследователя кургана, он происходил из погребения 13 [Колотухин, 2000, с. 19]. В. А. Колотухин широко датировал комплекс второй половиной VI – первой половиной V вв. до н. э. [Колотухин, 2000, с. 20]. Такая хронологическая позиция, возражения не вызывает, однако, есть основания для ее корректировки. Наконечники стрел преимущественно базисные трехлопастные, нередко переточены, в некоторых случаях им придана башенная форма. В некрополе Ольвии те же типы встречены в могиле 48/1912, датированной последней четвертью VI вв. до н. э. [Скуднева, 1988, кат. 176]. Хорошо сохранившаяся двухлопастная стрела аналогична стреле из могилы 15/1914, датированной концом VI вв. до н. э. [Скуднева, 1988, кат. 243]. На основании приведенных датировок, считаем возможным отнести погребение к последней четверти VI вв. до н. э.

Курганы у сел. Далекое и Журавлевка (Черноморский район), располагавшиеся на расчлененной балками равнине к востоку и югу от этих населенных пунктов (Рис. 69, 1, 2), исследованы в 1992 г. Северо-Крымской экспедицией, работавшей под руководством С. Г. Колтухова и А. Е. Кислого [Колтухов, Кислый, Тошев, 1984, с. 84-99]. Работы велись на двух участках. В 1-3 км к югу от с. Журавлевка исследовалась часть курганной гряды протяженностью 6 км, ориентированной с запада на восток, состоявшей из 9 насыпей, было раскопано 5 из них (№№ 1-5). Четыре кургана, исследованных близ Журавлевки, относились к эпохе бронзы и не имели впускных погребений скифского времени, пятый курган оказался скифским. Вторая группа курганов, в которой были раскопаны 4 насыпи, находилась в 2-2,5 км к востоку от с. Далекое. Топографически, она подразделяется на группу из двух курганов (№№ 8, 9), расположенных на расстоянии 25 м друг от друга по оси СЗЗ – ЮВВ и два кургана (№№ 6, 7) входившие в состав курганной гряды протяженностью 1,5 км, состоявшей из 8 насыпей. Ориентирована эта гряда с ССЗ на ЮЮВ (Рис. 2, 3).

Курган 3 скифский диаметр 25 м, высота 0,3 м. Под насыпью обнаружены остатки крепиды диаметром 11,5 м, сложенной из бутового камня. (Рис. 69, 3).

В центре кромлеха находилось основное погребение в овальной грунтовой могиле с отвесными стенками (Рис. 69, 4) размером 1,6 x 0,8 м, прослеженной на глубину 0,3 м. Выбросы из могилы, зафиксированы на поверхности погребенной почвы, перекрытие было уничтожено распашкой. На дне могилы – захоронение подростка, положенного в вытянутом положении на спине головой на ЮЗЗ. Верхняя часть костяка нарушена перекопом. У левого бедра ромбовидная костяная пластина (Рис. 69, 5) с отверстием в центре и трехлопастной базисный наконечник

стрелы (Рис. 69, 6). Аналогичная пластина происходит из погребения Суворовское 1/1, датированного последней четвертью VI – первой четвертью V в. до н. э. Наконечники стрел такого типа не является редкостью в скифских погребениях V в. до н. э. Сочетание костяной пластины, скорее всего, застежки от горита, и наконечника позволяют отнести погребение к V в. до н. э.

К востоку от с. Далекое обнаружен 1 скифский курган (№ 7), сохранившийся ко времени раскопок на северной оконечности курганной гряды.

Курган 7 высотой 0,5 м, диаметром 20 м, по периметру насыпи обнаружены остатки наброски из мелких камней. В северной поле выявлены две могилы скифского времени, в центре – остатки ямы со следами горения, возможно, это следы основного погребения (Рис. 69, 7).

В центре кургана, в дне перекопа, соответствующем древней погребенной почве, выявлено линзовидное углубление диаметром 2,2 м, (Рис. 69, 8) заполненное золой, древесными угольками, отдельными камнями с признаками обгорелости. В нем найдены фаланги лошади, обломки гончарных сосудов, в том числе, венчик и ножка гераклейской амфоры (Рис. 69, 9). Не исключено, что это остатки трупосожжения.

Погребение 1 находилось в 8 м к ССЗ от центра. Прямоугольная грунтовая могила с закругленными углами и вертикальными стенками ориентирована с ЮЗЗ на СВВ, размер 1,6 x 0,75 м (Рис. 69, 10). На дне – разрушенный костяк человека. Череп лежал у северной стенки. В разграбленной могиле найден бронзовый базисный наконечник стрелы (Рис. 69, 11) относящийся к типу II.6.6 по [Мелюкова, 1964, рис. 1] и железный нож с костяной ручкой (Рис. 69, 12). Близкие стрелы встречены в курганах 6 и 14 Стеблевского могильника. Курган, 6 отнесен исследователями ко второй половине V – началу IV в. до н. э., более строго – к началу IV в., курган 14 – к первой половине IV в. до н. э. [Скорый, 1997, с. 56, 58].

Погребение 2 находилось в одном секторе с погребением 1 в 4 м к В от него. Прямоугольная, с закругленными углами, могильная яма размером 1,15 x 0,55 м ориентирована с СЗ на ЮВ (Рис. 69, 13). На дне отдельные кости ребенка, в ЮЗ части могилы стоял лепной нелощеный горшок высотой 13,6 см (Рис. 69, 14).

Ориентируясь на гераклейскую амфору и стеблевские аналогии наконечнику стрелы, курган можно отнести к первой половине IV в. до н. э.

Таким образом, в курганах у сел Далекое – Журавлевка обнаружено два скифских кургана с тремя погребениями в грунтовых могилах и, предположительно, одно трупосожжение. Одна из могил относится к V в. до н. э., две другие, а также предполагаемая кремация, могут датироваться первой половиной IV в. до н. э.

ПАМЯТНИКИ САМАРЧИК-ЧАТЫРЛЫКСКОГО ЛАНДШАФТНОГО РАЙОНА

*Курганы у сел Григорьевка, Дальнее, Открытое*⁴⁹ исследованные Северо-Крымской экспедицией в 1985, 1986 и 1991 гг.⁵⁰, расположены на гребне увала, идущего в широтном направлении от озер Северо-Западного Крыма к степному течению р. Салгир (Рис. 70, 1). Григорьевские курганы 1 - 19⁵¹ размещены равномерной цепочкой на протяжении 2,5 км (Рис. 70, 2), а курганы 20-23 небольшой компактной группой в 700 м к СЗ от кургана 19 [кол, 2000, с. 34]. Непосредственно за ними в 600 м к западу начиналась группа из 12 курганов у с. Далекое (Рис. 70, 3), расположенных на протяжении 2,7 км по гребню водораздела. Раскопано 8 курганов. Большая часть курганов была размещена двумя небольшими группами на востоке и на западе участка. Между группами на равном расстоянии находились еще две насыпи. Восемь курганов у с. Открытое⁵², размещенные неровной цепочкой на протяжении 2,7 км (Рис. 70, 4), располагались в 12 км к западу от группы Далекое. В этой группе было раскопано 6 курганов. Неисследованная часть гряды между участками Далекое и Открытое, как показали разведки 2010 г., состояла не менее чем из 20 курганов⁵³.

Таким образом, в восточной части курганной гряды на протяжении 22 км по данным раскопок и разведок насчитывалось 62 кургана, из них раскопано 37. К скифскому времени относились 18 курганов. Общее количество погребений скифского времени – 59, из них 6 каменных склепов, каменных гробниц без выделенных входов (каменных

⁴⁹ Курганы у с. Григорьевка расположены на землях Красногвардейского района, курганы у с. Далекое на землях Первомайского района, курганы у с. Открытое на землях Первомайского и Сакского районов.

⁵⁰ В 1985 г. исследования курганов у с. Григорьевка велись под руководством В. А. Колотухина, в работах на разных этапах участвовали И. В. Ачкинази, А. В. Гаврилов, С. Г. Колтухов, И. И. Неневоля, В. М. Надикта. В 1986 г. раскопки у с. Открытое велись под руководством В. А. Колотухина, полевые исследования проводились С. Г. Колтуховым. Раскопки курганов у с. Далекое в 1991 г. велись под руководством С. Г. Колтухова.

⁵¹ Курган с тригопунктом не раскапывали.

⁵² Два кургана не раскапывали.

⁵³ Практически все исследованные и неисследованные курганы подвергались многолетней распахке. В центре одного из них, кургана высотой 1,1 м и диаметром 45 м, расположенного на границе с группой Открытое, были отмечены остатки скифского склепа. Размер погребальной камеры ориентированной по странам света 2,5 x 2,5 м. Сохранившийся цоколь стен был возведен из хорошо обработанных прямоугольных орфостатных плит.

ящиков) – 4, могил с каменной облицовкой грунтовых бортов – 3, каменных гробниц разной степени сохранности, тип которых не определен – 4. Грунтовых склепов с плитовым перекрытием – 8, катакомб – 4, подбойных могил – 6, грунтовых могил – 17, в нескольких случаях тип могилы не определен.

Курганы у с. Григорьевка (Красногвардейский район) были расположены на границе Тарханкутской возвышенности и Центрально-Крымской степи. Из 24 курганов исследованы 23, 12 курганов были сооружены в скифское время, а в курганах №№ 1, 5, 11, 12, 21, обнаружены впускные скифские погребения. Часть впускных скифских могил и одно основное погребение, общим числом 11 из 34, раскопанных Северо-Крымской экспедицией в 1985 г., опубликованы В. А. Колотухиным [Колотухин, 2000, с. 34-39].

Курган 1 относился к эпохе бронзы, диаметр 36 м, высота 1,4 м. В центр насыпи впущен скифский склеп.

Погребение I и 1/1 (Рис. 71, 1). Каменному склепу предшествовала прямоугольная яма размером 2,4 x 2,25 м, глубиной в суглинке до 1,2 м, которую В. А. Колотухин обоснованно интерпретировал как грунтовый склеп [Колотухин, 1985, с. 32]. Эта могила с отвесными стенками, закругленными углами и плоским дном ориентирована с ЮЗ на СВ, небольшая ступенька, вырезанная в суглинке, была отмечена в СВ борту. Скорее всего, она являлась остатком траншеи-дромоса. Судя по всему, грунтовая камера была тщательно вычищена от костей и предметов, однако, в рыхлом грунтовом заполнении найдено несколько бронзовых стерженьков заклепок, попавших в него сверху, а ближе ко дну обнаружены 10 зерновидных подвесок из электрофольги (Рис. 71, 2). Прямых аналогий автору неизвестно, но в раннем эллинизме достаточно широко распространены ожерелья и серьги с близкими по форме подвесками, нередко датируемые 330-300 гг. до н. э., впрочем, дата может оказаться и шире [Уильямс, Огден, 1995, кат. 22, 64, 70]. После засыпки ямы, над ней, практически по периметру, был сооружен каменный склеп, стены стояли на бортах ямы, а поверхность засыпи на уровне основания стен была вымощена мелким плитняком. Погребальная камера прямоугольная, размером 2,65 x 2,35 м, ориентирована с ЮЗ на СВ. Вертикальные стены сохранились на высоту до 1,6 м. Цоколь состоял из орфостатных, грубо отесанных плит разной высоты, выше кладка дополнялась рваным по слою камнем, уложенным постелью. Плитовое перекрытие отсутствовало. Северная стена камеры изогнута в связи с особенностями ориентации дромоса с грунтовым дном, пристроенного с северо-восточной стороны под углом к длинной оси камеры. Он расположен на 0,8 м выше дна склепа, имел ширину 0,75 м, каменная обкладка бортов была прослежена на протяжении 1,7 м. Аналогии таким склепам хорошо известны в многочисленных курганах Керченского полуострова. Недавно, склеп с близкими конструктивными особенностями был обнаружен и в Северо-Западном Крыму, в курганном могильнике у с. Наумовка [Копьева, Колтухов, 2010, с. 17]. У южной стенки склепа на грунтовой засыпи толщиной до 20 см, была сооружена узкая костница шириной 0,4 м, отделенная от камеры вертикально поставленными плитчатыми камнями. В ней находились разрозненные кости и 8 черепов. 6 из них принадлежали взрослым людям, 2 – детям. В камере также встречены обломки человеческих костей. В заполнении склепа и костницы найдены: обломки амфоры, биконическое лепное пряслице (Рис. 71, 4), бусина, два бронзовых трехлопастных наконечника стрел (Рис. 71, 3) типа П.6.5 по А. И. Мелюковой, которые можно отнести к IV-III вв. до н. э. Одно железное кольцо, две кольцевые пряжки с язычком, остатки костяной накладки на лук, железные ножи относятся к разрушенному погребению средневекового кочевника [Колотухин, 2000, рис. 32, 6, 10, 16]. Учитывая то, что в грунтовой яме найдены предметы, относящиеся к IV в. до н. э., сооружение и использование каменного склепа можно отнести к концу IV – первой четверти следующего столетия.

Курган 4 скифский, диаметр 30 м, высота 1 м, под насыпью обнаружен плитовый кромлех диаметром 18 м, камни были установлены с наклоном к центру насыпи.

Погребение 1 – каменный склеп в центре кургана. Основание склепа находилось в неглубоком котловане (Рис. 71, 5). Прямоугольная камера размером 2,8 x 2,3 м ориентирована с З на В, вокруг нее фиксируются остатки каменной обкладки. Пол камеры глинобитный, цоколи стен возведены из грубо обработанных орфостатных плит высотой до 1,2 м, выше прослежены остатки трех рядов постелистой кладки с уступом внутрь. Плитовое перекрытие разрушено. Вход в камеру был на 0,6 м выше пола камеры и смещен в СВ угол. Подобное смещение не является редкостью в склепах Донузлав-Сасыкского и Тарханкутского географических районов. К нему примыкала траншея дромоса длиной 3,8 м, обложенная с двух сторон бутовым камнем. Ее дно было на 0,2 м ниже входа в камеру⁵⁴. В заполнении камеры обнаружены фрагментированные человеческие кости, обломок лепного биконического пряслица, фрагмент изделия в виде двухлопастной стрелы с черешком, скорее всего, времени средневековых кочевников⁵⁵. В насыпи кургана найден обломок венчика красноглиняной амфоры и несколько фрагментов амфорных стенок классического – раннеэллинистического времени. Датировка склепа и кургана не выходит за рамки IV-III вв. до н. э.

Курган 5 эпохи бронзы, диаметр 40 м, высота 1,9 м. Здесь помимо могил эпохи бронзы обнаружено 7 впускных скифских погребений. Все они сосредоточены в центральной части насыпи и размещаются в хронологическом диапазоне от VII-VI до IV-III вв. до н. э.

⁵⁴ Хорошо сохранившейся аналогией этому склепу можно считать склеп из могильника Братское [Колотухин, Колтухов, 2007а, рис. 11].

⁵⁵ Похоже, что впускные половецких погребений в камеры скифских склепов, сопровождавшиеся разрушением перекрытия, были обычной практикой на всей Тарханкутской возвышенности.

Погребение 10 (Рис. 71, 6). Наиболее ранним в кургане, равно как и во всей этой части Крымского полуострова явилось захоронение в катакомбе, впущенной в материк из центра курганный насыпи. Катакомба, ближе всего к типу I/1 по В.С.Ольховскому [Ольховский, 1991, с. 27]. Погребальная камера полуовальная, размером 2,0 x 1,4 м, переход между дном входной ямы и камеры представлял собой ступеньку высотой 0,1 м. Захоронение совершено в скорченном положении на правом боку, с сильным наклоном вправо. По определению В. А. Колотухина захоронение взрослого человека было совершено на животе, головой на 3 лицом вниз [Колотухин, 2000, с. 37]. В ногах на истлевшем овальном деревянном блюде лежали лопатка, ребра и кости ноги небольшого животного. В области грудной клетки найдены две костяные пуговицы (Рис. 71, 8), а в засыпи над костяком находился трехлопастный наконечник стрелы с редуцированным шипом (Рис. 71, 7). Основание для датировки в данном случае являются пуговицы, абсолютно аналогичные пуговицам из погребения в кургане на Темир-горе под Керчью и Новокорсунская 2/3 в Предкавказье [Дубовская, 1997 рис. 11, 6; 10, 6]. Восточно-греческая расписная ойнохоя из Темир-Горы [Вдовиченко 2008, с. 87] датируется 40-30 гг. VII в. до н. э. [Копейкина, 1972]. Вероятно датировка в рамках второй половины VII в. до н. э. - рубежа VII-VI вв. до н. э. будет приемлема для погребения из Григорьевки. Некоторое сходство с григорьевскими имеют и пуговицы из гробницы 2 Репяховатой могилы [Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980, рис 13, 21], датируемой в последнее время не позднее рубежа VII – VI вв. до н. э. [Дараган, 2010, с. 175-202]⁵⁶.

Погребение 9, следующее по времени, располагалось в центре кургана. Захоронение совершено в прямоугольном каменном ящике размером 2,0 x 1,1 м, глубиной 0,95 м, ориентированном с ЮЗЗ на СВВ (Рис. 72, 1). Восточная стенка и перекрытие разрушены при сооружении более поздних впускных могил⁵⁷. Дно грунтовое с белой подсыпкой, стены сложены из орфостатных плит, выше кладка постелистая, иррегулярная, из необработанных плитчатых обломков. Захоронение взрослого человека совершено в вытянутом положении на спине головой на ЮЗЗ, кисти рук в области таза. На костях таза и левом бедре, справа налево, лежал меч с бабочковидным перекрестием и волнотобразным навершием, его длина 70 см (Рис. 72, 7). У левого бедра под клинком меча - 95 бронзовых наконечников стрел и 7-8 деревянных стрел с двухлопастными и трехлопастными наконечниками. Справа от костяка найдены два наконечника копий (третьего отдела по А. И. Мелюковой) длиной 50 и 46 см, (Рис. 72, 8, 9) с бронзовыми ворворками от истлевших чехлов (Рис. 72, 5). Рядом с ними – часть туши мелкого животного (овцы – козы ?) и железный нож длиной 18 см с массивной выделенной ручкой (Рис. 72, 6). Между черепом и наконечниками копий находилась небольшая лощеная корчага высотой 24 см, орнаментированная врезными линиями (Рис. 72, 3). Второй сосуд, лощеный горшок высотой 20 см, с близким по стилю декором, но выполненным гребенкой, находился у левого плеча (Рис. 72, 2)⁵⁸. Материал подробно проанализирован В. А. Колотухиным, датировавшим погребение второй половиной V – первой половиной IV в. до н. э. [Колотухин, 2000, с. 36-37]. Однако, наконечники стрел (Рис. 72, 4), достаточно близки наконечникам из нимфейского кургана 24 и стрелам из стеблевских курганов 3 и 12 [Полин, 1987, рис. 11, 1-10; 13, 3, 12, 13; Скорый, 1997, рис. 21; 43], что позволяют датировать погребение, ориентировочно, второй – третьей четвертью V в. до н. э.

Погребение 2 (Рис. 72, 11) располагалось в центральной части насыпи со смещением к ЮВ. Прямоугольная могила с облицовкой бортов из плитчатых обломков дикарного камня, уложенных постелью в несколько рядов, имела длину 1,7 м, ширину 0,6 м, перекрытие отсутствовало. Захоронение, судя по инвентарю, женское, было совершено в вытянутом положении на спине головой на ЮЗЗ. Инвентарь представлен обломком кремня (Рис. 72, 13), свинцовым пряслицем (Рис. 72, 12) и обломком железной проколки [ср. Колотухин, 2000, с. 35].

Погребение 5 располагалось в центре кургана в насыпи, со смещением к северу, ограблено. Могила с каменной облицовкой бортов, размером 1,6 x 0,8 м, прослежена на глубину 0,55 м. Дно перекопано, стены сооружены из плитчатых обломков камня, нижний ряд установлен вертикально, выше сохранились 1-2 ряда постелистой кладки. Перекрытие разрушено, в заполнении обнаружен фрагментированный лепной горшок (Рис. 72, 16), обломки лепной миски (Рис. 72, 18), глиняное пряслице (Рис. 72, 15), обломки железных предметов (Рис. 72, 21), бусы, как биконические, так и удлиненные пирамидальные (Рис. 72, 14). Инвентарь позволяет предположить, что в этой могиле, так же как и в могиле 2, было совершено захоронение девочки-подростка и отнести его ко второй половине V – первой половине IV в. до н. э.

Погребение 12 располагалось в центре насыпи кургана с незначительным смещением к СВ. Каменная могила овальная, размером 2,0 x 0,7 x 0,65 м, дно грунтовое, перекрытие отсутствовало. Цоколи стен сложены из плитчатых обломков камня, поставленных вертикально, выше кладка дополнялась 1-2 рядами мелкого камня (Рис. 72, 20). Захоронение взрослого человека совершено вытянуто на спине, головой на ЮВВ. Справа, в головах была положе-

⁵⁶ Фактически, погребение относится к РСК, а проблемы, связанные с изучением раннескифской культуры, пока не распространяются на Северо-Западный Крым.

⁵⁷ По мнению В. А. Колотухина гробница использована вторично, первоначально в ней находилось более раннее скифское погребение.

⁵⁸ Судя по инвентарю, это единственное в Северо-Западном Крыму, мужское погребение с сосудами. Впрочем, не исключено, что в могиле находилось двое погребенных.

на часть тушки мелкого животного (ягненка?), здесь же находился железный нож длиной 16,3 см с отверстием в рукояти (Рис. 72, 19) и бронзовая проволочная серьга со спиралевидным щитком и высокой дужкой (Рис. 72, 10). Датировка таких серег достаточно широка, по меньшей мере, от VI до IV вв. до н. э., хотя в Степной Скифии это, по преимуществу, IV в. до н. э. [Петренко, 1978, с. 28-29]. В Горном Крыму они единичны [Колотухин, 1996, рис. 51, 20; 56, 20]⁵⁹, а в степном представлены двумя находками из рассматриваемого могильника Григорьевка - Дальнее. Интересен железный нож с дуговидной спинкой и прорезью в рукояти⁶⁰. Датировка погребения допустима в рамках IV в. до н. э.

Погребение 7 располагалось в центре насыпи кургана со смещением к ЮЗ, могила не прослежена, костяк разрушен, от инвентаря сохранилась чернолощенная чаша с резным орнаментом (Рис. 72, 21), датированная исследователем V – первой половиной IV в. до н. э. [Колотухин, 2000, с.35] и кремневая пластинка. Присутствие кремня, позволяет синхронизировать погребение 7 с погребением 9.

К более позднему времени относится погребение 1, находившееся в центральной части насыпи со смещением к ЮЗ. В небольшой катакомбе, зафиксированной в насыпи кургана, длина которой не превышала 1,3 м, а вход закрывался небольшой плитой, было совершено захоронение ребенка. Костяк лежал вытянуто на спине, головой на З, слева от него - часть туши овцы-козы и железный нож. В области шеи и у запястья правой руки обнаружены бусы и раковина каури со срезанной спинкой. Судя по присутствию бисера, датировка погребения возможна в рамках позднего IV вв. до н. э.

Курган 6 скифский, диаметром 35 м, высотой 1,25 м, сооружен над грунтовым склепом. Под насыпью обнаружены две крепиды. Внутренняя – однослойная, диаметром 18-19 м из крупных плитчатых обломков и бутовых камней, и внешняя, аналогичная внутренней, диаметром 25-27 м, сохранившаяся отдельными участками.

Погребение 1 представляло собой основной грунтовый склеп, находившийся под центральной частью насыпи. Захоронения полностью разграблены. Прямоугольная погребальная камера размером 2,15 x 1,0 м, глубиной 1,75 м была ориентирована с СЗ на ЮВ и перекрыта двумя каменными плитами. Дно ровное со ступенькой высотой 0,2 м в тыльной СЗ части камеры. Поверхность стенок камеры осыпалась под давлением плит перекрытия. Грунтовый коридор-дромос примыкал к камере с ЮВ. Его прослеженная длина 0,9 м, высота 0,6 м, ширина 0,85 м, перекрытие состояло из одной плиты. В заполнении придонной части склепа и на дне найдены обломки человеческих костей и фрагментированный гончарный кувшинчик (Рис. 73, 9).

Курган 7 скифский, диаметром 22 м высотой около 0,3-0,5 м. В центре кургана был расположен каменный склеп (Рис. 73, 1), погребальная камера которого была впущена в котлован глубиной до 0,2 м. Основания стен установлены в дополнительные траншейки глубиной до 0,1 м. Прямоугольная погребальная камера размером 2,6 x 2,2 м ориентирована с ЮЗЗ на СВВ. Основания стен возведены из орфостатных обработанных плит с подрубками для установки плит следующего ряда. К сожалению, выше кладка не сохранилась. Дно камеры грунтовое, вход в нее находился с СВ стороны. С внешней стороны камеры, при разборке насыпи прослеживались остатки разрушенной каменной обкладки. В заполнении разрушенной камеры обнаружены обломки человеческих костей, на дне - 4 черепа, обломки железного ножа и бронзовый трехгранный наконечник стрелы (Рис. 73, 2) типа III. 4.3 [Мелюкова 1964, рис. 1], датируется IV-III вв. до н. э.

Курган 8 скифский, насыпь полностью распахана, под ее остатками обнаружены 4 скифских погребения.

Погребение 1 основное, представляло собой грунтовый склеп с прямоугольной погребальной камерой, слегка сужающейся к входу (Рис. 73, 3). Могила разграблена, размеры камеры – 2,2 x 1,2 м, глубина не менее 1,25 м, ориентация В-З, дно грунтовое, поверхность стенок осыпалась. Перекрытие из нескольких массивных каменных плит. Траншея-дромос примыкала к камере с восточной стороны, ее длина 1,5 м, ширина 0,8 м, глубина у входа от плиты перекрытия до дна не менее 0,5 м. В грунтовом заполнении камеры – обломки человеческих костей, том числе 5 черепов. В засыпи камеры найдено лепное пряслице обломки бронзовой и железной проволочных серег, несколько бусин из глухого стекла (Рис. 73, 6-8).

Погребение 2 представляло собой маленький грунтовый склеп, находившийся в 2,5 м к С от основной могилы (Рис. 73, 4). Скорее всего, он превращен в усыпальницу из обычной грунтовой могилы путем сооружения входной ямы. Погребальная камера прямоугольная в плане, размером по дну 1,95 x 0,95 м, глубиной 1,25 м была ориентирована с СВ на ЮЗ. Продольные и тыльная стенка наклонены внутрь, плитовое перекрытие провалилось внутрь могилы. Входная яма диаметром 0,9 м, примыкала к камере с СВ. На дне могилы – кости 5 человек. Захоронения совершались в вытянутом положении на спине головой на ЮЗ, при подхоронениях кости смещали к длинным стенкам камеры. Среди костей обнаружены обломки височных колец, бронзового и железного и фрагменты железного проволочного браслета (Рис. 73, 5). Погребение 3. Грунтовая яма находилась в 2,5 м к СВ от основного склепа. Могила овальная, длиной 1,85 x 0,95 м, глубиной 1,0 м, ориентирована с ЮЗЗ на СВВ, ограблена, костяк подростка разрушен.

⁵⁹ В таврских гробницах встречаются изделия и с двумя симметричными щитками-спиральями, скорее всего, они служили серьгами-заушницами [Лесков, 1965, рис. 34, 75; Крис, 1981, табл. 35,4, 38,5; Колотухин, 1996, рис. 54,1].

⁶⁰ Ножи такой формы распространены в восточной части Евразийских степей и лесостепей, к западу от Волги они единичны.

Погребение 4 располагалось в 3,5 м к ЮЮЗ от основного склепа. В подпочве обнаружены остатки трех костяков, два из них были разрушены, третий лежал вытянуто на спине головой на З, находок не было.

Судя по находкам из могил 1 и 2 курган относится к IV-III вв. до н. э.

Курган 9, скифский, полностью распахан. В центре скопления мелкого камня обнаружена одна подбойная могила.

Погребение 1 (Рис. 74, 1). Подбойная могила ориентирована с В на З. Размеры входной ямы 2,2 x 0,6 м, прослеженная глубина 0,7 м. Овальный подбой размером 2,2 x 0,6 м, высотой 0,4 м располагался с южной стороны. Захоронение взрослого человека было совершено вытянуто на спине, головой СЗЗ. Справа у черепа находился разрушенный наконечник копья длиной около 35 см, на правой стороне таза и бедре лежал меч длиной 64 см с волнотовидным навершием и сердцевидным перекрестием (Рис. 74, 6), рядом с ним бронзовая ворворка (Рис. 74, 5) и костяные проколки (Рис. 74, 4). Под кистью левой руки находились 9 бронзовых наконечников стрел. Многочисленные наконечники (47 шт.) обнаружены в засыпи могилы и на ее дне. Основные типы стрел относятся к V в. до н. э. (Рис. 74, 2). Справа от черепа была положена часть тушки мелкого животного (овцы-козы?) и железный нож (Рис. 74, 3). Инвентарь погребения обстоятельно рассмотрен В. А. Колотухиным и датирован концом V – первой половиной IV в. до н. э. [Колотухин, 2000, с. 38]. Однако, исходя из близости наконечников стрел из этого погребения и наконечников стрел из погребения Григорьевка 5/9, захоронение можно датировать второй-третьей четвертью V в. до н. э.

Курган 12, срубного времени, овальный, насыпь размером 34 x 30 м высотой 1,0 м. Обнаружено 1 скифское погребение.

Погребение 2, находилось в центральной части кургана. Могила подбойная, размер подбоя 1,8 x 0,65 м. Костяк взрослого человека лежал вытянуто на спине головой на З (Рис. 74, 7). В восточной части могилы найдены обломки железного ножа. У черепа стоял лепной чернолощенный орнаментированный кубок (Рис. 74, 8). В перемещенном из могилы грунте найден трехлопастный наконечник стрелы с выделенной втулкой и шипом (Рис. 74, 9). В. А. Колотухин датировал погребение V в. до н. э. [Колотухин, 2000, с. 39]. Судя по наконечнику стрелы и сосуду, погребение можно датировать и второй половиной VI-V в. до н. э.⁶¹

Курган 13 скифский, диаметр 30 м, высота 0,5 м, под насыпью обнаружены остатки каменного кромлеха диаметром около 15 м. В кургане находилось 2 погребения.

Погребение 1 основное располагалось под центральной частью насыпи и представляло собой разграбленный грунтовый склеп (Рис. 74, 10). Погребальная камера прямоугольная, размером 2,5 x 1,4 м, глубиной 1,55 м, ориентирована с З на В, несколько сужалась ко входу, расположенному с В стороны. Дно грунтовое, стенки осыпались, однако прослеживается их первоначальный наклон внутрь могилы, перекрытие плитовое. Неглубокая траншея-дромос ограничена с двух сторон камнями, лежащими на поверхности погребенной почвы. В заполнении камеры и на ее дне обнаружены обломки человеческих костей, в том числе 9 черепов. Среди находок было несколько трехлопастных и трехгранных наконечников стрел со скрытой втулкой, бронзовая проволоочная серьга с заходящими концами (Рис. 74, 11), обломок железного изделия в виде трубочки (вток копья), и несколько стеклянных бусин.

Погребение 2, грунтовая могила, впускная выявлена в 6 м к ССВ от основной могилы. Овальная грунтовая могила ориентирована с З на В, ее длина 1,4 м, ширина 0,4 м. Захоронение ребенка совершено вытянуто на спине головой на З. Инвентаря не обнаружено.

Судя по находкам из основной могилы курган можно датировать IV-III вв. до н. э.

Курган 14 скифский, диаметр 24 м, высота 0,5 м, под насыпью сохранились остатки каменной крепиды диаметром 13-15 м. В кургане обнаружено одно основное погребение.

Погребение 1 представляло собой грунтовый склеп, находившийся под центральной частью насыпи (Рис. 74, 12). Камера подпрямоугольная размером 2,6 x 1,45 м, глубиной 1,75 м, ориентирована с СВВ на ЮЗЗ. Северо-восточная стенка дуговидная, выступает по направлению к траншее-дромосу, длина которого в материке и насыпи до 2,8 м, ширина около 0,9 м. Перекрытие плитовое, частично уничтожено, частично просело вглубь могилы. Земляной дромос ограничен с двух сторон каменными плитами, уложенными на погребенную почву. В западной части дна камеры существовала ступенька-полочка высотой до 0,1 м и шириной 0,2 м. На ней и рядом с ней найдены 9 черепов, десятый лежал в центре камеры. В заполнении камеры – обломки человеческих костей и фрагмент бронзовой проволоочной серьги (Рис. 74, 13).

Курган 15 скифский, диаметр 30 м, высота 0,5 м, диаметр остатков однослойной каменной крепиды – около 12-14 м. В кургане обнаружено три погребения, два из них единовременные, предшествующие сооружению насыпи кургана.

Погребение 1 основное, находилось под центральной частью насыпи и представляло собой каменную гробницу, сооруженную на древнем горизонте (Рис. 75, 1). Размеры погребального сооружения по внешнему периметру – 5,4

⁶¹ Аналогичные стрелы найдены и в погребении Колоски 5/5, которое датируется близким временем.

х 4,4 м, сохранившаяся высота – 0,4 м, признаки дромоса не отмечены. В центре гробницы, в овальной обкладке из бутового камня располагался прямоугольный каменный ящик размером 2,4 x 1,5 м, стены которого были сложены постелью из массивных плоских плит с обработанной торцевой поверхностью обращенной внутрь могилы. Сохранился цокольный ряд кладки. Аналогичную систему кладки имеет каменный ящик из кургана 2 у с. Дальнее. Дно вымощено плитчатыми обломками камня. В заполнении найдены отдельные человеческие кости, в том числе лучевая кость ребенка. Находок не было.

Погребение 3, синхронно основному, располагалось к ЮВ от основной гробницы, выброс из могилы отмечен под ее каменной обкладкой. Катакомба типа I/1 по В. С. Ольховскому [Ольховский, 1991, табл. 2], размеры входной ямы: 1,1 x 0,4 м, размеры подбоя: 1,4 x 0,7 м, ориентация ЮЗЗ – СВВ (Рис. 75, 2). Костей и инвентаря не обнаружено, вероятно, костяк ребенка истлел.

Погребение 2 впускное, миниатюрная подбойная могила располагалась на небольшом расстоянии к СВВ от основной гробницы (Рис. 75, 3). Подбой полуовальный, размером 1,25 x 0,45 м, входная яма меньших размеров была расположена с небольшим смещением к северу. Захоронение ребенка совершено в вытянутом положении головой на З. В головах находился лепной черпак, в области шеи – 4 бусины, а возможно и пряслице (Рис. 75, 4, 5). Бусы из могилы датируются IV-III и IV-II вв. до н. э. [ср. Алексеева, 1975, табл. 15, 20; 1978, табл. 31, 7]. Погребение можно отнести ко времени не ранее IV – первых десятилетий III в. до н. э., очевидно, так же датируется и сам курган.

Курган 16 скифский с двумя могилами. Диаметр распаханной насыпи около 20 м, высота не более 0,2 м. Под насыпью обнаружены отдельные камни крепиды, диаметр которой не превышал 10 м.

Погребение 1 основное, представляло собой грунтовый склеп, находившийся в центре кромлеха. Погребальная камера прямоугольная, ориентирована с З на В. Размеры 2,3 x 1,6 м, глубина 1,35 м, стенки обрушены, плитовое перекрытие рухнуло вниз. Траншеевидный дромос шириной 0,7 м примыкал к камере с востока, на уровне погребенной почвы сохранилась часть плитовой обкладки. В заполнении камеры фиксировались отдельные обломки человеческих костей, инвентаря не обнаружено.

Погребение 2 впускное, располагалось севернее склепа в границах крепиды. Могильная яма размером 1,15 x 0,8 м была ориентирована с ЮЗ на СВ. На дне – следы истлевших костей младенца.

Курган 17 скифский с двумя могилами. Диаметр насыпи 19 м высота 0,5 м, под ней остатки каменной крепиды диаметром 12 м.

Погребение 1 – каменная гробница со склепом, расположенная в центре крепиды, возведенная на поверхности погребенной почвы и ориентированная с З на В (Рис. 76, 1). Обкладка из бутового камня сохранилась лишь местами, с северной и западной стороны. В центре сооружения – прямоугольная погребальная камера склепа размером 2,5-1,4 м, прослеженная на высоту до 0,5 м, сохранился лишь цоколь стен. Кладка состояла из больших плитовых обломков известняка, рваного по слою. Западная поперечная стена представляла собой грубо обработанную плиту, поставленную на ребро, продольные стены состояли из плит уложенных постелью в один ряд. Дно камеры было вымощено мелким плитняком. С восточной стороны находился порог из бутового камня, за которым начинался небольшой дромос длиной 1,6 м, шириной 0,7 м, стенки которого были сложены из бутового камня. Пол дромоса находился на одном уровне с полом погребальной камеры. В заполнении камеры встречены отдельные кости человеческих скелетов, в том числе и детского костяка. Среди находок 5 стеклянных бусин, в том числе две амфоровидные подвески из прозрачного стекла, 4 трехгранных бронзовых наконечника стрел типа III.4.3 по А. И. Мелюковой, обломки бронзовой проволоочной серьги и обломок железного подтока копья. Если наконечники стрел датируются IV-III вв. до н. э., то для прозрачных стеклянных подвесок предложена дата от III до I в. до н. э. [Алексеева, 1978, с. 74, тип. 192 б]. В такой ситуации курган рационально отнести к IV-III вв. до н. э.

Погребение 2 впускное, расположено в пределах кромлеха к СЗ от склепа. Овальная грунтовая могила имела размер 1,8 x 0,6 м, дно слегка вогнуто. Захоронение не крупного человека совершено в вытянутом положении на спине, головой на З. В насыпи могилы был найден бронзовый трехлопастной наконечник стрелы.

Курган 18 скифский. Диаметр 25 м высотой 0,5 м, под насыпью остатки каменной крепиды диаметром 12 м и каменный склеп.

Погребение 1. В центре крепиды на поверхности погребенной почвы была обнаружена полуразрушенная каменная гробница, в центре которой располагалась прямоугольная погребальная камера склепа (Рис. 76, 2). Размеры камеры 2,7 x 1,6 м, ориентация СЗЗ – ЮВВ. Уцелевшие, хорошо обработанные прямоугольные плиты цокольного ряда установлены орфостатно, их основания помещены в траншею глубиной 0,15 м, высота цоколя 0,6-0,7 м. Дно камеры углублено на 15 см в грунт. С востока к камере примыкал дромос длиной 1,4 м, шириной 0,9 м, обрамленный небольшими плитами. Его от камеры отделяла плита-порог высотой 0,4 м. В южной стороне камеры лежали два костяка взрослых людей, поврежденные грабителями. Захоронения совершены в вытянутом положении на спине, головой на СЗЗ. Под стенки склепа сдвинуты кости еще двух людей, их черепа находились у тыльной, западной стенки. На запястьях рук последнего погребенного, находились два железных браслета с заходящими друг за друга концами (Рис. 76, 3), на кисти левой руки – бронзовый трехгранный наконечник стрелы (Рис. 76, 5). На левой руке расположенного южнее полуразрушенного скелета, находился аналогичный браслет, а на шейных позвонках лежа-

ла бронзовая проволочная серьга с подвеской (Рис. 76, 4).

Исходя из таких находок, курган можно широко датировать IV-III вв. до н. э.

Курган 19 скифский, диаметром 25 м, высотой 0,8 м, под насыпью однослойная каменная крепида диаметром 11 м, сложенная из плитчатых обломков камня, поставленных с наклоном внутрь и каменная гробница, располагавшаяся в центре кургана.

Погребение 1 представляло собой полуразрушенную овальную каменную гробницу размером не менее чем 7 x 5 м ориентированную с СЗ на ЮВ, сооруженную на поверхности погребенной почвы (Рис. 76, 6). В центре обкладки из бутового и плитчатого камня обнаружена прямоугольная погребальная камера склепа и дромос, находившийся с ЮВ стороны. От погребальной камеры сохранилась ее северо-восточная привходовая часть шириной до 1,7 м. Цоколи стен сооружены из плитчатых, грубо обколотых обломков камня, поставленных на ребро. Основания кладок, так же как и грунтовый пол, засыпанный известняковой крошкой, углублены на 25 см по отношению к уровню поверхности погребенной почвы. От дромоса камера отделена каменным порошком высотой 0,2 м. Сам дромос, шириной до 1,0 м длиной 1,4 м, был обрамлен по сторонам плитчатыми камнями, поставленными на ребро, выше отмечены остатки постелистой кладки, единой для дромоса и погребальной камеры. В засыпи камеры найден фрагмент ручки амфоры классического – раннеэллинистического времени, венчик лепного сосуда с валиком, относящийся к эпохе бронзы, обломки железного проволочного браслета и трехгранный наконечник стрелы.

Датировка кургана возможна в рамках IV-III вв. до н. э.

Курган 20 скифский, диаметр 25 м, высота 0,3 м. Под насыпью следы каменной крепиды, диаметр которой не установлен. Обнаружено два погребения.

Погребение 2. В центре насыпи на уровне поверхности погребенной почвы обнаружены остатки каменной гробницы в виде скопления камней общим размером 4,3 x 1,5 м и участок поверхности, засыпанный отесом при ее строительстве. В вымостке найдена известняковая курильница, обожженная с внутренней стороны (Рис. 76, 9). Прямых аналогий курильнице не известно.

Погребение 1, впускное, примыкало к каменной гробнице с СЗ. Могила грунтовая, овальная, размером 1,7 x 0,5 м. Захоронение подростка совершено в вытянутом положении на спине головой на ЮЗ. Под черепом круглая серебряная проволочная серьга с петлевидной застежкой, у черепа гончарный кувшин (Рис. 76, 10), у локтя правой руки два продетых друг в друга кольца из бронзовой проволоки (Рис. 76, 7), на грудной клетке и в заполнении две бусины из глухого стекла.

Датировка кургана возможна в рамках IV-III вв. до н. э.

Курган 21 эпохи бронзы. В центре кургана в перекопе и близ него обнаружены кости человеческого скелета и лепной чернолощенный кубок с врезным орнаментом (Рис. 76, 11). Судя по костям, захоронение взрослого человека было совершено головой на ЮЗ. Аналогия декору сосуда известна в Акташском могильнике [Колотухин, 2000, с. 39; Бессонова, Бунятян, Гаврилюк, 1988, рис. 22, 9]. Погребение может быть датировано V-IV вв. до н. э. [Колтухов, 2004, с. 108].

Курган 23, скифский, диаметр 35 м, высота 0,9 м, под насыпью – однослойная крепида из плитчатого и бутового камня, диаметром 18 м. В центре кургана от уровня поверхности погребенной почвы выявлено большое скопление камня – остатки полностью разрушенной каменной гробницы. К скифскому времени относятся впускные могилы 1 и 2, остальные можно датировать поздним средневековьем и новым временем.

Погребение 1. Могила обнаружена в 9,3 м к ССВ от центра в районе крепиды. Грунтовая яма размером 1,2 x 0,4 м ориентирована с З на В. Захоронение ребенка совершено в вытянутом положении на спине головой на З. У черепа лепной лощеный черпак высотой около 11 см (Рис. 76, 8), обломки двух бронзовых проволочных серег и белая бусина из глухого стекла.

Погребение 2 расположено в районе кромлеха в 8,5 м к СЗ от центра. Овальная грунтовая могила размером 1,1 x 0,6 м ориентирована с ЮЗ на СВ. В засыпи найдена бронзовая бусина.

Общая датировка кургана возможно в рамках IV-III вв. до н. э.

Курганы у с. Дальнее (Первомайский район). 12 курганов продолжали к западу Григорьевскую курганную гряду. В 1991 г. под руководством автора раскопаны 8 насыпей, 4 кургана не исследовали, так как по проекту они располагались за границами орошаемой площади⁶². Курганы 8-6 расположены к западу от кургана 23 группы Григорьевка, вытянуты цепочкой с СЗЗ на ЮВВ. К скифскому времени относится 5 курганов.

Курган 8 эпохи бронзы. Насыпь овальная, размером 40 x 31 м, высота 0,8 м. Обнаружено 2 скифские могилы.

Погребение 1 скифское, впускное, находилось в центральной части насыпи. Могила определена, как грунтовая. Костяк взрослого человека лежал в вытянутом положении на спине головой на ЮЗ (Рис. 77, 1). Правая нога слег-

⁶² Описание курганов ведется по нисходящей от № 8 к № 1, при этом сохраняется последовательность описания курганов с В на З принятая при характеристике григорьевской части курганной гряды. Первичная публикация материалов раскопок осуществлена в 1994 г. [Колтухов, Кислый, Тошев, 1994].

ка подогнута в колене. На тазу и бедренных костях справа налево лежал железный меч длиной 56 см с овальным навершием и узким сердцевидным перекрестием (Рис. 77, 3). У левого бедра лежали 68 бронзовых наконечников стрел (Рис. 77, 2), на них несколько костей мелкого животного и железный нож. Большинство стрел трехлопастных и трехгранных, относятся к типам II.5.1; II.5.2; II.5.5; II.5.7; II.6.4; II.7.3; II.7.1; II.7.5; 2.10.1; 2.10.4 по А. И. Мелюковой [Мелюкова, 1964, рис. 1]. Многие наконечники сильно сточены. Погребение может быть отнесено к первой половине V в. до н. э.⁶³

Погребение 2, впускное. В подбойной могиле размером 1,3 x 0,45 м, подбой находился с южной стороны. Костяк ребенка лежал вытянуто на спине головой на ЮЗЗ. У черепа стоял расслоившийся лепной сосуд. Исходя из особенностей расположения скифских могил в курганах, можно думать, что это захоронение связано либо с погребением 1, либо, что более вероятно, с уничтоженным ко времени раскопок центральным впускным скифским погребением IV-III вв. до н. э.

Курган 7 скифский, диаметр 30 м, высота насыпи 0,7 м. Под насыпью отмечены следы каменной крепиды диаметром около 20 м. Обнаружено 4 могилы, основной была каменная гробница, впускными – три детских погребения.

Погребение 1 основное. Представляло собой полностью разобранный каменную гробницу размером 3,5 x 2,5 м, сооруженную на древнем горизонте и ориентированную с ЮЗЗ на СВВ. В заполнении обнаружено 5 бронзовых наконечников стрел трехлопастных и трехгранных (Рис. 77, 9), относящихся ко времени не позднее IV в. до н. э.

Погребение 2 впускное, располагалось в 10 м к СЗ от центра кургана. Погребальное сооружение представляло собой миниатюрную катакомбу (Рис. 77, 4) типа I/1 по В. С. Ольховскому [Ольховский, 1991, табл. II]. Размеры овальной погребальной камеры – 0,8 x 0,5 м, близкая по размерам овальная входная яма примыкала к камере с СЗ. Захоронение ребенка было совершено головой на ЮЗ. У черепа найдено 6 глазчатых бусин из глухого желтого и синего стекла⁶⁴, у тыльной стенки могилы стоял лепной чернолощенный черпак (Рис. 77, 5, 6).

Погребение 3 (Рис. 77, 7) впускное, располагалось с ЮВ стороны от погребения 2. Могила овальная, размером 1,4 x 0,8 м, стенки наклонены внутрь. Захоронение ребенка было совершено в вытянутом положении на спине головой на ЮЗ. У правого плеча был поставлен красноглиняный кувшин высотой 16 см с краснолаковым покрытием, каннелированным горлом и сбитым в древности кольцевым поддоном (Рис. 77, 8). Нетипичное для IV в. до н. э. покрытие объясняется случайным или целенаправленным переводом обжига в окислительный режим⁶⁵. Большое сходство с этим сосудом имеет миниатюрный сероглиняный кувшин с каннелированным горлом и приземистым туловом на высоком поддоне из насыпи скифского кургана 137, могильника Мамай-Гора [Андрух, Тошев, 2009, рис. 27, 6].

Погребение 4 впускное (Рис. 78, 1) располагалось в 10 м к ЮЗЗ от центра кургана. Могила подбойная, размеры овального подбоя 1,45 x 0,6 м. Захоронение ребенка совершено в вытянутом положении на спине головой на ЮЗЗ. У черепа стоял лепной серолощенный кувшин (Рис. 78, 2), у правого плеча – гончарный красноглиняный кувшинчик (Рис. 78, 5), у левого локтя небольшой лепной горшок (Рис. 78, 3), накрытый лепной нелошеной мисочкой (Рис. 78, 4). Справа от черепа найдены костяные пронизи (Рис. 78, 7), подобные многим античным пронизям этого времени, обломок железного предмета, возможно ножа. В заполнении найдена раковина моллюска *Tricolia pulla* с отверстием для подвешивания. У колена правой ноги оказалась проволочная бронзовая серьга со спиральным щитком (Рис. 78, 6), близкая серьге из погребения Григорьевка 5/12. Такое количество сосудов в одной могиле нехарактерно для крымских погребений и, судя по горшку с поставленной на него миской, отвечает не столько скифскому, сколько меотскому обряду [Колтухов, 2004, с. 107]. Для датировки пригодна бронзовая серьга, датируемая в пределах конца V – начала III вв. до н. э. [Петренко, 1978, с. 28, 29]. Костяные подвески имитируют стеклянные [Алексеева, 1978, с. 73, тип. 170] и золотые изделия, распространенные в IV – III вв. до н. э. Красноглиняный кувшинчик находит аналогии в Восточном Крыму в комплексах второй половины IV – первых десятилетий III в. до н. э.

В целом и курган и его погребения, могут быть отнесены к IV- первой трети III в. до н. э.

Курган 6 скифский, диаметром 20 м, высотой 0,4 м, отмечаются следы кольцевой каменной крепиды, диаметром около 11 м. Обнаружены 3 погребения скифского времени.

Погребение 3, основное, представляло собой грунтовый склеп, ориентированный с ЮЗЗ на СВВ (Рис. 78, 8). Траншеевидный дромос находился с СВ стороны и был отделен от камеры низкой ступенькой. Плиты перекрытия, уложенные на специально созданные заплечики, были удалены при ограблении и разборке на камень. Погребальная камера подпрямоугольная, с выгнутыми продольными бортами, ее размеры: 2,4 x 1,4 м, глубина – 1,1 м. Стенки наклонены внутрь. На дне обнаружены кости 14 человек, обломок железного ножа и железной проколки (Рис. 78, 9).

⁶³ По оформлению меча и его пропорциям, оно аналогично несколько более раннему погребению в подбойной могиле 7 в кургане 19 у с. Крыловка Первомайского района, [Колтухин, 2000, с. 30]. Погребение датировано В. А. Колтухиным началом V в. до н. э. Стрелы, такие же как в колчане из Крыловки, известны в колчанном наборе погребения 16 в кургане у с. Вишневка Красноперекопского района, датированного рубежом VI – V – первой половиной V в. до н. э. [Андрух 1988, с. 169]. Сегодня более приемлемой представляется датировка в рамках последней трети – четверти VI – первой трети – четверти V в. до н. э.

⁶⁴ По мнению А. Стояновой бусы датируются IV-II вв. до н. э.

⁶⁵ Вряд ли это сарматская могила, как предположил В. В. Отрошенко [Колтухов, Кислый, Тошев, 1994, с. 57].

Погребение 1 располагалось в 4,3 м к СЗ от центра кургана. На уровне погребенной почвы была прослежена часть дна небольшой могилы с отпечатками костей младенца.

Погребение 2 находилось в полуметре к В от могилы 1. Могильная яма трапециевидной формы размером 1,0 х 0,6 м ориентирована в З на В. Захоронение ребенка, было совершено головой на З. Погребальный инвентарь не обнаружен.

Курган может быть датирован IV-III вв. до н. э. по аналогии с курганами, исследованными в группе Григорьевка.

Курган 5 скифский, диаметром 48 м, высотой 1,7 м. Под насыпью находился однослойная крепида диаметром 19 м, сложенная из плитчатых обломков известняка и крупного бута (Рис. 78, 10). На камнях кромлеха найден канфар с каннелированным корпусом и росписью белой краской в виде оливковой ветви (Рис. 79, 5). Подобные изделия характерны для конца первой четверти III в. до н. э. [Rotroff, 1997, cat. 26, 30]. В кургане обнаружены две скифские могилы. Однако большой, насыщенный камнем перекоп в центре кургана, позволяет предположить, что здесь находилось еще одно погребение - основная каменная гробница, в которую, впоследствии была впущена могила средневекового кочевника. Затем она была уничтожена в результате разборки на камень.

Погребение 1 (Рис. 78, 11). Плохо сохранившаяся, разрушенная в результате разборки на камень гробница была сооружена на поверхности погребенной почвы в границах кромлеха со смещением от центра к востоку. От прямоугольной камеры, размером, ориентировочно 2 х 1 м, на уровне цоколя сохранилась центральная и восточная часть. Кладки поперечной и продольных стен постелистые, иррегулярные из плитчатых обломков камня с грубо обработанной боковой поверхностью, обращенной внутрь камеры. По периметру стен фиксируются остатки обкладки из мелкого бутового камня. Дно могилы грунтовое, на нем отдельные кости человеческого скелета, инвентаря нет.

Погребение 2, впускное, примыкало с севера к внешней стороне крепиды (Рис. 79, 1). Грунтовая могила перекрыта каменными плитами. Размеры ямы с наклонными внутрь стенками - 2,5 х 0,7 м, глубина от плит разрушенного перекрытия 0,8-0,9 м, юго - западная поперечная стенка прямая, в северо-восточной части могила сужается к противоположной узкой дуговидной стенке. В могиле совершены захоронения 4-х человек, одного взрослого и трех детей. Кости троих были сдвинуты к стенкам, последним было совершено захоронение младенца, положенного в вытянутом положении головой на ЮЗ. В области черепа была найдена золотая проволочная серьга (Рис. 79, 2), на костях грудной клетки лежала крупная пронизь из глухого синего стекла с белым перистым орнаментом (Рис. 79, 3) и несколько бусин из глухого желтого и голубого стекла. У черепа стояла небольшая аттическая чернолаковая тарелка с многочисленными починочными отверстиями (Рис. 79, 4). Подобные сосуды относят к последнему десятилетию - концу IV в. до н. э. [Sparkes, Talcott, cat. 808; Rotroff, cat. 870]. Серьга по форме типична для IV в. до н. э., пронизь близка изделиям первой половины IV в. до н. э. Впрочем, такие украшения встречаются в эллинистическое и римское время [Алексеева, 1978, с. 45, тип. 216].

В целом, курган, относится ко времени не ранее второй половины IV в. до н. э. Последние погребения или ритуальные действия скифов прекратились здесь не позднее первой четверти III в. до н. э.

Курган 4 скифский, в плане овальный размером 36 х 28 м, высотой 0,8 м. Под насыпью выявлена однослойная крепида диаметром 18 м, с внешней стороны к ней примыкал мелкий ровик шириной до 1 м (Рис. 79, 6). В границах кромлеха выявлено 4 погребения скифского времени.

Погребение 4 основное, представляло собой остатки овальной каменной гробницы размером 6,3 х 5,2 м, без выделенного входа, сооруженной на поверхности погребенной почвы и сохранившейся на высоту до 0,6 м (Рис. 79, 7). В центре обкладки из бутового камня находилась погребальная камера размером 2,5 х 1,5 м. Цокольные ряды стен сооружены в один слой из плитчатого необработанного камня. Дно камеры вымощено мелким камнем. В заполнении найдены обломки человеческих костей и два бронзовых трехгранных наконечника стрел (Рис. 79, 8), обычно датироваемых IV-III вв. до н. э.

Погребение 1, впускное, находилось в СВ секторе кургана. Могильная яма овальная, размером 1,5 х 0,8 м. Захоронение ребенка было совершено в вытянутом положении на спине головой на СЗ.

Погребение 2, впускное, находилось в СЗ части насыпи. Могила овальная, размером 1,2 х 0,75 м, захоронение трех детей совершено вытянуто на спине головой на ЮЗ (Рис. 80, 1), погребального инвентаря не обнаружено.

Погребение 3 в северном секторе насыпи. Могила овальная, размером 1,45 х 0,7 м, стенки с наклоном внутрь (Рис. 80, 2). Захоронение двух детей совершено в вытянутом положении на спине, головой на ЮЗ. Близ южной стенки могилы, у плеча костяка стоял лепной лощеный черпак (Рис. 80, 5). В области шеи - бусы из глухого зеленого и желтого стекла, у черепа - бронзовый трехлопастной наконечник стрелы со скрытой втулкой V-IV вв. до н. э. (Рис. 80, 4), на лобной кости - бронзовая проволочная серьга (Рис. 80, 3). На втором костяке, в области шеи найдены 4 бусины из глухого желтого стекла, у бедра еще одна бронзовая серьга (рис. 80, 3).

В целом, курган можно отнести к IV-III вв. до н. э.

Курган 3, эпохи бронзы, длинный, с двумя вершинами [Колтухов, Кислый, Тошев, 1994, рис. 21]. Обнаружено 1 скифское погребение.

Погребение 14, разграблено, находилось в центре СВ вершины кургана. В перекопе обнаружены обломки костей

человека и бронзовый базисный наконечник стрелы (Рис. 80, 12), который, судя по пропорциям, относится к V в. до н. э.

Курган 2 срубный, сnivelирован в скифское время и на его месте возведен новый курган над скифской каменной гробницей 5. Диаметр насыпи 35 м, высота 2,0 м, под насыпью выявлена однослойная кольцевая крепиды диаметром 27 м, сложенная из крупных обломков плитчатого и бутового камня (Рис. 80, 6). В распаханной насыпи найдены фрагменты античных амфор. Обнаружено 3 скифских погребения.

Погребение 5, основное, находилось в центре насыпи. Округлая каменная гробница без входа размером 5 x 4, 5 м, высотой 1,5 м, имела вид низкого усеченного конуса и с внешней стороны, местами имела чешуйчатую облицовку из плитчатых обломков камня (Рис. 80, 7). Расположенная в центре сооружения прямоугольная погребальная камера размером 2,8 x 1,7 м, глубиной 1,3 м ориентирована с ЮЗ на СВ. Построена из крупных плитчатых обломков камня, уложенных постелью, лицевая поверхность плит обработана. Дно могилы грунтовое, в восточном углу отмечен грабительский лаз. Находки, связанные с могилой, обнаружены в двух местах. В заполнении самой гробницы найден лепной нелощеный горшок высотой 23 см (Рис. 80, 9), бронзовые наконечники стрел (Рис. 80, 11), фрагмент железного ножа, вток копья (Рис. 80, 8), пластины железного панциря (Рис. 80, 10), а также обломки клинка меча или копья, осколки кремня, фрагмент ручки небольшой хиосской амфоры. Костей в камере не было. Кости человека, отдельные конские кости обнаружены в грабительской яме, примыкавшей к пролomu в стене гробницы. Помимо них здесь найдены многочисленные обломки железных панцирных пластин.

Хиосская амфора, судя по профилю ручки, относится ко времени не позднее V-IV вв. до н. э. [Монахов, 2003, с. 22]. Наконечники стрел относятся к типам II.4.6; II.4.7; II.4.3; II.6.7 [Мелюкова, 1964, рис. 1]. Прослеживается сходство некоторых типов стрел с наборами из курганов V в. до н. э. №№ 15 и 23 группы Волчанск I [Полин, Кубышев, 1997, с. 40, рис.13,16]. Стрелы с низко опущенными жальцами, позволяют отнести погребение ко второй половине V – началу IV в. до н. э.

Погребение 4 (Рис. 81, 4). Сооружение могилы синхронно основной гробнице, она расположена у крепиды с внутренней стороны в северном секторе кургана, выбросы зафиксированы на поверхности погребенной почвы. Отмечены следы деревянного перекрытия, на котором лежала наброска из бутового камня. Могильная яма овальная, размером 2,6 x 0,9 м, глубина более 1 м, стенки наклонены внутрь. В могиле зафиксированы костные остатки трех человек. Кости двоих были сдвинуты под стенки. Последнее захоронение взрослого человека было совершено на грунтовой подсыпке в вытянутом положении на спине, головой на ЮЗЗ. Ноги перекрещены в голених. У черепа стояла лепная чернолощенная корчажка высотой 18 см (Рис. 81, 2). У левого плеча лежали 22 бронзовых наконечника стрел (Рис. 81, 3). У ног найден фрагмент железной скрепы, кости ноги и ребер небольшого животного (овцы-козы) и фрагмент железного изделия, скорее всего ножа. В колчаный набор включено значительное количество трехгранных стрел типов III.5.3; III.7.6; III.7.7, из ранних наконечников присутствует стрела типа II.10.4 [Мелюкова, 1964, рис. 1]. В целом набор стрел близок к упомянутым наборам из волчанских курганов.

Погребение 3, впускное, относится к несколько более позднему времени, чем основная гробница. Обнаружено в СВ секторе насыпи внутри кромлеха, восточнее погребения 4. Узкая щель, расширяющейся книзу могильной ямы была отмечена уже в насыпи кургана. Могила овальная, размером 2,0 x 1,0 м, глубина от верхней точки фиксации контура – 1,2 м. Стенки наклонены внутрь (Рис. 81, 1). Захоронение взрослого человека было совершено в вытянутом положении на спине, головой на ЮЗЗ. Слева от черепа стоял деревянный сосуд, удалось проследить отпечаток его круглого дна, рядом с ним была положена часть тушки овцы-козы, здесь же находился плохо сохранившийся железный нож. У кисти левой руки лежали 26 бронзовых наконечников стрел (Рис. 81, 5). Набор, в целом, тот же что и в могилах 5 и 4, однако к ним можно добавить единичные наконечники стрел типа II.4.2 и III.2.7 [Мелюкова, 1964, рис. 1]. Стрелы со свисающими лопастями из скифских погребений кургана 3 находят многочисленные аналогии в курганах могильника Стеблев [Скорый, 1997, рис. 55]. Появление же относительно поздних трехгранных наконечников стрел позволяет отнести погребение ко второй половине V – началу IV в. до н. э.

Курган 1 эпохи бронзы, диаметр 40 м, высота 1,5 м, обнаружено впускное скифское погребение. С ним же связана досыпка насыпи и сооружение однослойной каменной крепиды диаметром 18 м.

Погребение 2, впускное располагалось в центральной части насыпи с незначительным смещением к В. Могила подбойная, размером 2,0 x 1,3 м. Дно входной ямы на одном уровне с дном подбоя (Рис. 81, 6). Костяк взрослого человека лежал в вытянутом положении на спине, головой на ЮЗ. Справа от костяка находилось копье, его наконечник и бронзовая ворварка располагались у правого плеча⁶⁶, у колена лежал вток этого же копья (Рис. 81, 8), что позволяет предположить, что древко копья было сломано. На поясице находился боевой пояс из железных пластин высотой 10-12 см, нашитых на кожаную основу. У левого плеча была положена часть тушки овцы – козы и железный нож. Слева, у таза лежал истлевший горит или колчан, в котором сохранились бронзовые наконечник и стрел в количестве 21 шт. (Рис. 81, 7). Стрелы трехлопастные с выступающими втулками, базисные трехгранные, одна из них с лопастью шипом. Среди них наконечники, характерные как для V в. до н. э., так и для V-IV вв. до н. э. В целом,

⁶⁶ Находившиеся в могиле предметы разрушены, форму сохранили только наконечники стрел и вток копья.

погребение может быть датировано второй половиной V - первыми десятилетиями IV вв. до н. э.

Курганы у с. Открытое (Первомайский и Сакский районы). В 1986 г. на орошаемой площади оказалась группа из 8 курганов, 6 из которых были раскопаны Северо-Крымской экспедицией в 1986 г. под В. А. Колотухина и автора. Курган 6 был скифским, а в курган 3 эпохи бронзы была впускена скифская каменная гробница. Материалы выборочно опубликованы В.А. Колотухиным [Колотухин, 2000, с. 32 - 33].

Курган 3 эпохи бронзы, диаметр 36 м, высота 0,8 м. К скифскому времени относится могила 6.

Прямоугольная яма перекопа размером 3,6 x 3,3 м ориентирована по странам света и отражает размер и ориентацию впускной каменной гробницы, тип которой не установлен. Ориентация гробницы соответствовала оси 3 – В. Дно представляло собой подсыпку из отеса известнякового камня, прокопанную во многих местах грабителями. Скорее всего, каменные плиты подгонялись на месте. В заполнении – дробленые человеческие кости и бронзовый наконечник стрелы (Рис. 82, 1) типа III.10.6 [Мелюкова, 1964, рис. 1], который можно отнести к V в. до н. э. Аналогичные стрелы хорошо представлены в колчанном наборе V в. до н. э. из погребения Суворовское 16/9. Те же стрелы присутствуют в небольшом количестве в колчанном наборе погребения 4 у разъезда Сторожевой [Колотухин, 2000, рис. 31]⁶⁷.

Курган 6 скифский, диаметр 29 м, высота 0,4 м. Под насыпью остатки каменной наброски диаметром не менее 12 м, сложенной из мелкого бутового камня, перед ней вырыт неглубокий ровик шириной и глубиной 0,5- 0,7 м, диаметром 14,5 м (Рис. 82, 6). В кургане обнаружено два скифских погребения.

Погребение 2 основное (Рис. 82, 4). В центре кургана сооружена каменная гробница. Диаметр округлой обкладки из бутового камня – 4,6 м. С уровня погребенной почвы была вырыта округлая яма глубиной 1,2 м, диаметром 3,5 м. В центре со смещением к С была сооружена каменная погребальная камера, а свободные пространства заполнены грунтом первоначального выброса и мелким бутом. Камера прямоугольная, размером 2,5 x 1 м, кладки стен сохранились на высоту 1,2 м⁶⁸. Цоколь сложен из орфостатных обработанных плит высотой 0,6 м, выше шла постелистая иррегулярная кладка из плитчатых обломков камня. Верхняя часть стен и плитовое перекрытие разрушены, в могиле сохранились остатки инвентаря половецкого погребения. От скифского захоронения на дне уцелел бронзовый трехлопастной наконечник стрелы (Рис. 82, 5) типа II.4.3 [Мелюкова, 1964, рис. 1]. Подобные стрелы имеют широкую датировку, в Крыму они нередки в комплексах V в. до н. э. [ср. Колотухин, 2000, рис. 15, 23, 25, 30-31].

Погребение 1 впускное, расположено в 3 м к Ю от центральной могилы. Могильная яма овальная, размером 2,0 x 0,65 м. Захоронение подростка совершено в вытянутом положении на спине головой на ЮЗ (Рис. 82, 2). У левого плеча найдены обломки железных скреп (Рис. 82, 3), кость небольшого животного. Фрагмент железного ножа, явно перемещенный, находился между бедренными костями, у левой ноги лежал обломок еще одной железной скрепы.

В целом, датировка кургана представляется вероятной в рамках второй половины V – первой половины IV в. до н. э.

Погребение в кургане 2 у с. Сусанино (Первомайский район). Два отдельно стоящих кургана были расположены в западной части Самарчик-Чатырлыкского района Тарханкутской возвышенности у начала Чатырлыкской балки, раскопаны В. А. Колотухиным. В одном из них обнаружено погребение периода скифской архаики, судя по сосуду близкое погребению из Первоконстантиновки [Дубовская, 1997, рис. 10, 4]. Впускная могила 8⁶⁹ обнаружена в центре кургана эпохи бронзы. Могильная яма овальная, размером 2,0 x 0,8 м, прослежена на глубину 0,3 м. Костяк взрослого человека лежал вытянуто на спине, головой на СЗ. На костях и дне могилы обнаружен слой мела. Справа лопатка и несколько ребер мелкого животного (овцы-козы?). У правого плеча стояла лепная лощенная корчажка высотой 20 см с рельефным и врезным орнаментом (Рис. 82, 7). Корчага по аналогии с находками из кизил-кобинских поселений отнесена В.А. Колотухиным к VII-VI вв. до н. э. [Колотухин, 2000, с. 33].

Погребения в курганах у с. Черново [Первомайский район]. Отдельно расположенные 2 кургана, относившиеся к эпохе бронзы находились у Чатырлыкской балки между могильниками Братское и Дальнее. Скифские погребения опубликованы В. А. Колотухиным [Колотухин, 2000, с. 33-34].

Погребение 2 в кургане 1 располагалось в центральной части насыпи со смещением к СЗ. Могила подбойная (рис. 82, 9). Ширина ямы в нижней части 0,4 м, заклад состоял из плитчатых обломков камня. Подбой, размером 1,95 x 0,7 м, был ниже дна входной ямы на 0,25 м. На дне белая подсыпка. Костяк человека лежал вытянуто на спине, головой на ЮЗ. На руке был бронзовый проволочный браслет с одним приостренным и другим расширенным концом (Рис. 82, 10). В. А. Колотухин датировал погребение по браслету в широких рамках VI-III вв. до н. э.

⁶⁷ Гераклеяская пифонидная амфора из Сторожевого отнесена С. Ю. Монаховым к варианту I – 3 и датирована, предположительно, концом V в. до н. э. [Монахов, 2003, с. 128].

⁶⁸ Столь значительное заглубление в грунт не характерно для Северо-Западного Крыма. Гробница, по своим конструктивным особенностям близка погребальным сооружениям в скифских курганах Восточного Крыма.

⁶⁹ По определению В.А.Колотухина, может быть остатками подбойной могилы [Колотухин, 2000, с. 33]

Очевидно это небольшой стержневой браслет типа 1 по В. Г. Петренко, относящийся к IV-III вв. до н. э. [Петренко, 1978, с. 49-50]. Соответственно датировку можно сузить до IV – III вв. до н. э.

Погребение 1 в кургане 2 находилось в центральной части насыпи с небольшим смещением к СВ. Могила грунтовая (?) длиной 2,3 м, шириной 0,9 м. Костяк взрослого человека лежал в вытянутом положении на спине головой на СЗ. У правого плеча близ пятна древесного тлена (истлевшая чаша, поднос?) были положены часть тушки небольшого животного и железный нож. На кисти левой руки лежали 6 бронзовых трехлопастных наконечников стрел (Рис. 82, 8), 5 с выступающей втулкой и 1 базисный, которые можно отнести ко второй половине V - первой половине IV в. до н. э.

Курганы у с. Братское (Первомайский район). Курганный могильник располагался на северо-восточной оконечности Тарханкутской возвышенности, не далее чем в 10 км к западу от Чатырлыкской балки (Рис. 2, 30). Исследован в 1973 г. Северо-Крымской экспедицией, работавшей под руководством А. А. Щепинского. Материалы впервые опубликованы в 2007 г. [Колотухин, Колтухов, 2007а]. Пространственные характеристики некрополя не восстановлены. Подтверждается лишь то, что он находился южнее сел Братское и Гвардейское, где начинается гряда курганов, идущих в широтном направлении на запад, вглубь Тарханкутской возвышенности. Всего здесь было исследовано 12 курганов⁷⁰, все они могут рассматриваться как скифские⁷¹. В курганах выявлено 23 погребальных сооружения: 14 грунтовых могил, 1 каменная гробница, 6 каменных склепов, 2 грунтовых склепа. В трех курганах (№№ 14-16) погребения сопровождалось захоронениями коней, совершенными близ крепид. Погребения относились как к V так и к IV в. до н. э.

Курган 6, полностью распахан, единственное погребение выявлено в срезе оросительной траншеи. В материковом грунте была обнаружена овальная могильная яма, расширяющаяся ко дну, ориентированная с СВВ на ЮЗЗ (Рис. 83, 1). Размеры 2,2 x 1,4 м, прослеженная глубина 0,5 м, могила ограблена, в заполнении кости человека, кость животного и лепная корчажка с хорошо заглаженной поверхностью (Рис. 83, 2). Венчик утрачен, верх заглажен по сколу, высота сосуда – 16 см.

Курган 7 (Рис. 83, 3) распахан, высота 1,4 м, диаметр насыпи 24 м, диаметр каменной кольцевой крепиды – 14 м. Обнаружено 5 погребений. Впускные погребения 1 и 2 расположены за пределами кромлеха, разрушены и не датированы.

Погребение 6, основное, в центре кургана (Рис. 83, 4). Могила овальная, расширяющаяся ко дну, размером 2 x 1,4 м внизу и 1,1 x 0,5 м сверху, глубина 1,4 м. Перекрытие представляло собой овальную выкладку из крупных плитчатых камней. Захоронение взрослого человека совершено в вытянутом положении на спине головой на ЮЗ. У юго-восточной стенки были положены часть туши овцы и железный нож (Рис. 83, 7). Слева от костяка, на уровне кисти руки найдено цилиндрическое пряслице из ручки фасосской амфоры (Рис. 83, 6). За черепом стоял лепной лощеный сосуд, его можно определить как корчажку, высотой 17,5 см (Рис. 83, 5).

Погребение 3 впускное, расположено в 4,5 м к ЮЮВ от центра кургана. Могила овальная, узкая, расширяющаяся ко дну. Размеры 2,1 x 0,8 м, прослеженная глубина 1,0 м (Рис. 85, 1). Перекрытие из двух плит с обкладкой из мелкого камня. Захоронение взрослого человека совершено в вытянутом положении на спине, головой на ЮЗЗ. Инвентарь: справа два копья с железными наконечниками и подтоками, полная длина 1,8-1,9 м. Справа у плеча находился гончарный сосуд, кувшин с выделенным сливом (Рис. 85, 3), у руки – кости овцы и железный нож (Рис. 85, 4). Слева у бедра найдено 50 бронзовых трехлопастных и трехгранных наконечников стрел (Рис. 85, 2). Судя по колчанному набору, погребение относится к первой половине - середине V в. до н. э.

Погребение 4 впускное, расположено в 5,5 м к западу от центра кургана. На дне небольшой овальной могилы, размером 0,8 x 0,3 м (Рис. 84, 6) обнаружены кости ребенка, похороненного головой на ЮЮЗ и фрагменты лепного лощеного кубка. Высота сосуда 13 см (Рис. 84, 7). По форме кубок близок орнаментированным сосудам из погребений Степного Крыма скифского времени [ср. Колотухин, 1996, рис. 57].

Погребение 5 впускное, расположено в 5 м к северу от центра кургана. Могила удлинненно-овальная, резко сужающаяся кверху, наибольшее расширение в западной части (Рис. 84, 1). Размеры по дну 2,1 x 1,0 м, глубина 1,2 м. Перекрытие плитовое. Захоронение взрослого человека совершено в вытянутом положении на спине, головой на З. Инвентарь расположен справа от костяка. На уровне черепа находился лепной лощеный кувшин высотой 16 см (Рис. 84, 2), у руки – кости овцы и железный нож (Рис. 84, 5), на уровне кисти руки – 26 бронзовых трехлопастных наконечников стрел (Рис. 84, 3), на уровне бедер – округлое пряслице из ручки амфоры (Рис. 84, 4). Колчанному набору близок набор стрел из погребения 4 кургана у разъезда Сторожевой Симферопольского района [Колотухин, 2000, с. 53]. В этой могиле находилась гераклейская амфора, датируемая концом V в. до н. э. [Монахов, 2003, с. 128]. Близким представляется и набор стрел из погребения Корнеевка 2/2 [Ковалев, Полин, 1991, с. 42], комплекс амфор из которой, отнесен к 90-80 гг. IV в. до н. э. [Монахов, 1999, с. 547].

⁷⁰ Экспедиционные №№ 1973 г. 6-17.

⁷¹ Только под полкой скифского кургана 8 обнаружено погребение эпохи бронзы.

Курган 8, сооружен на месте небольшого кургана эпохи бронзы, распахан. Высота 1 м, диаметр каменной крeпиды не менее 12 м. Обнаружено одно погребение катакомбного времени в северо-западной части кургана, одно скифское, в центре насыпи.

Погребение 1, скифское. Расположено в центре кургана, ограблено. Погребальное сооружение – грунтовый склеп, ориентированный с В на З, вход расположен с восточной стороны (Рис. 85, 5). Камера прямоугольная, расширяющаяся ко дну, размеры 2,6 x 1,5 м, глубина 1,2 м, перекрытие плитовое. В юго-западную часть перемещены костные остатки четырех человек. Последнее захоронение взрослого человека совершено в вытянутом положении на спине, головой на З. В заполнении найден двухвитковый бронзовый браслет (Рис. 85, 6), бронзовый трехгранный наконечник стрелы (Рис. 85, 7) и лепной горшочек высотой 10 см (Рис. 85, 7). Наконечник стрелы может быть отнесен к IV в. до н. э. На довольно позднюю дату, однако вряд ли выходящую за конец IV в. до н. э., указывает браслет⁷².

Курган 9. Распахан, насыпь овальная, вытянута с севера на юг, наибольший диаметр 24 м, высота 0,4 м (Рис. 86, 1). В центре, на поверхности погребенной почвы – скопление камней, в его западной части кости крупного животного (Рис. 86, 3).

Погребение 1. Под северо-восточной частью скопления камней находилась удлинённая ладьевидная могила размером 2,1 x 0,6 м, расширяющаяся ко дну, ориентирована широкой частью на З (Рис. 86, 3). В заполнении кости человека и обломки железных предметов. Судя по форме и ориентации, могила может быть отнесена к скифскому времени.

Курган 10. Распахан, высота 1,2 м, диаметр каменной крeпиды 16 м (Рис. 86, 4). Обнаружено три скифских погребения.

Погребение 2, основное, находилось в центральной части кургана со смещением к западной поле, ограблено. Погребальное сооружение представляло собой каменную гробницу размером 2,6 x 1,0 м, глубиной 1,1 м, ориентированную с СВВ на ЮЗЗ (Рис. 86, 5). Она сооружена на поверхности погребенной почвы или в неглубоком котловане. Цоколь продольных стен возведен из поставленных на ребро плит, выше находилась иррегулярная постелистая кладка. Перекрытие отсутствовало. Восточная торцовая стена состояла из одной плиты высотой 1,3 м, в южной поперечной с внешней стороны вертикальной плиты до дна шла кладка из плитчатых обломков камня, уложенных постелью. В юго-западном углу существовал разрыв, закрытый вертикально стоявшей плитой. В такой ситуации, погребальное сооружение можно рассматривать, как склеп, или, что более вероятно, каменный ящик, превращенный в склеп. Необходимо отметить, что несколько южнее, у с. Григорьевка, в кургане 5 обнаружена каменная гробница с такой же системой кладки, относящаяся к V в. до н. э. На грунтовом дне обнаружены кости двух человек, череп одного из них лежал у восточной стенки. Сохранившийся инвентарь: лепная лощеная корчажка высотой 23 см (Рис. 86, 8), железный нож (Рис. 86, 7), пять бронзовых трехгранных и трехлопастных наконечников стрел, относящихся к V-IV вв. до н. э.

Погребение 1, впускное, находилось в СЗ поле под кромлехом, в 3 м к северо-западу от основной гробницы. Могильная яма прямоугольная, расширяющаяся ко дну по торцовым стенкам, размеры 2,5 x 1,0 м, глубина 1,8 м, перекрытие плитовое (Рис. 87, 1). Захоронение взрослого человека совершено на спине, головой на ЮЗ. В области шеи ожерелье из костяных бус и одной пастовой бусины, костяные подвески у кистей рук, у левого локтя полусферическое пряслице из ручки гераклеийской амфоры (Рис. 87, 2).

Погребение 3 расположено в 1,5 м к Ю от погребения 2. Могильная яма овальная, расширяющаяся ко дну, размеры 2,2 x 1,4 м, глубина 1,1 м, перекрытие плитовое (Рис. 87, 3). На дне обнаружены поврежденные грызунами костяки двух взрослых людей, похороненных в вытянутом положении на спине, головой на ЮЗЗ. У южной стенки могилы найдены кости овцы и железный нож (Рис. 87, 7), в юго-западном углу – чернолаковый канфар (Рис. 87, 4), между черепами – лепной лощеный двуручный кувшин (Рис. 87, 5). У северной стенки найдено свинцовое биконической пряслице (Рис. 87, 6). Высота лепного сосуда 22 см, диаметр венчика 12 см, диаметр тулова 18 см, диаметр дна 8 см, поверхность заглажена. Канфар, судя по аналогиям Агоры, относится к типу широко распространенному во второй - третьей четверти IV в. до н. э. [Sparkes, Talcott, 1970, cat. 698-700].

Курган 11. Распахан, высота 0,8 м, прослежены следы каменной наброски диаметром около 12 м. Обнаружено шесть погребений скифского времени (Рис. 88, 1).

Погребение 3, основное. В центре кургана на уровне поверхности погребенной почвы был сооружен каменный склеп с прямоугольной камерой размером 2,8 x 2,2 м, ориентированной по оси З – В (Рис. 88, 2). Сохранился цоколь из вертикально поставленных прямоугольных, грубо обработанных каменных плит высотой до 0,8 м. Возможно, с северной стороны к склепу был пристроен каменный ящик. В склеп впушено позднекочевническое захоронение.

Погребение 1 находилось в полуметре к югу от погребения 3, ограблено. Прослежена нижняя часть овальной могилы размером 2,4 x 1,3 м, расширяющейся ко дну, ориентированной с ЮЗ на СВ. Прослежен выброс, лежащий на 0,2 м выше погребенной почвы, который может быть связан с погребением 1.

⁷² Для сравнения, погребение 39/48 могильника Стоячий Камень, в котором встречен такой браслет, относится к числу «коллективных» гробниц и датировано от рубежа IV-III вв. до н. э. и до конца III в. до н. э. [Масленников, 1995, с. 19].

Погребение 2 (Рис. 88, 3) находилось в 3 м к северу от погребения 3. Грунтовая могила подпрямоугольная, с закругленными углами, расширяется ко дну. Размеры 2,0 x 0,9 м, глубина 0,8 м, ориентация юго-запад - северо-восток. Южная и восточная стенки укреплены каменными плитами, на которые опиралось плитовое перекрытие. У стенок сложены кости двух человек. Последнее третье захоронение совершено в вытянутом положении на спине головой на ЮЗ. У левого плеча найден лепной черпак с закопченной поверхностью (Рис. 88, 4), у бедра пряслице.

Погребение 5. Местоположение не зафиксировано на плане кургана. Могила прямоугольная, расширяющаяся ко дну, размеры 1,0 x 0,6 м, глубина 0,8 м, ориентирована с В на З (Рис. 88, 6). На дне обнаружен прямоугольный обломок известняковой плиты. В северо-восточном углу стоял небольшой лепной сосуд. Погребение представляло собой кенотаф.

Погребение 6 располагалось в 0,3 м к З от погребения 2, ориентировано с В на З. Могильная яма прямоугольная, расширяющаяся ко дну, размером 1,2 x 0,7 м, глубина 0,8 м, перекрытие плитовое (Рис. 88, 7). В юго-западном углу находилась лепная лощеная корчажка высотой 13 см (Рис. 88, 5).

В метре к западу от могилы 6 находился костяк животного, разрушенный при распашке.

Курган 12. Распахан, высота 1,3 м, диаметр основания кольцевой крепиды 16 м (Рис. 89, 1). Она представляет собой однослойную наклонную облицовку пол кургана, сооруженную из плитчатых обломков известняка. В кургане обнаружено одно погребение.

В центре кургана находился разрушенный каменный склеп. Прямоугольная погребальная камера размером 2,8 x 2,0 ориентирована с СВВ на ЮЗЗ, заглублена в грунт на 0,4 м (Рис. 89, 2). Сохранился цоколь стен, возведенный из вертикально поставленных, грубо обработанных плит высотой 1,0-1,1 м. Вход находился с ЮЗ стороны.

Курган 13. Распахан, высота 0,5 м, диаметр 20 м. Обнаружено одно скифское погребение.

Погребение 3, основное, располагалось в центре кургана, ограблено (?). На уровне древней погребенной поверхности найдены остатки каменной обкладки перекрытия, под ними обнаружена прямоугольная с большим радиусом закругления углов (овальная), расширяющаяся ко дну грунтовая яма размером 2,6 x 1,7 м, ориентированная с СВВ на ЮЗЗ (Рис. 89, 3). Судя по размерам, и количеству погребенных, это был грунтовый склеп, вход в который, находившийся с СВ стороны, не был прослежен. На дне костные остатки пяти человек. Кости двух скелетов сдвинуты к северной стенке могилы. Два костяка частично нарушены. Погребения взрослых людей были совершены в вытянутом положении на спине, головой на ЮЗЗ. Третий костяк, лежал в анатомическом положении у южной стенки вытянуто на спине, головой на СВВ. У левого бедра найдены 17 бронзовых трехгранных и трехлопастных наконечников стрел (Рис. 89, 4). На дне в восточной части могилы – лепное биконическое пряслице и фрагмент железного предмета с проухом (Рис. 89, 5). Погребение и курган могут быть датированы IV в. до н. э.

Курган 14. Высота 1 м, диаметр остатков кольцевой каменной крепиды 15 м, диаметр распаханной насыпи 30 м. Обнаружено два скифских погребения и костяки трех коней (Рис. 90, 1).

Погребение 1, основное, разрушено. В центре кургана в котловане глубиной 0,7 м был сооружен прямоугольный каменный склеп, сложенный из обработанных плит, ориентированный с З на В. Вход с восточной стороны (Рис. 90, 3). Размеры погребальной камеры – 2,6 x 1,7 м, прослеженная высота – 1,4 м. Кладка продольных стен, орфостатно - постелистая, постелистые ряды с напуском, что позволяет предположить двухстороннее уступчатое перекрытие. Поперечные стены из плит установленных орфостатно. Размеры входа не определены. На грунтовом полу в юго-западном углу обнаружены три человеческих черепа, в западной части могилы на дне разбросано 12 бронзовых трехгранных и трехлопастных наконечников стрел (Рис. 90, 4). Склеп может быть датирован IV в. до н. э.

Погребение 2 впускное (Рис. 90, 2), находилось в 5 м к СЗ от центра кургана. В овальной грунтовой яме размером 2,0 x 0,9 м обнаружен плохо сохранившийся костяк взрослого человека. Захоронение совершено в вытянутом положении на спине, головой на ЮЗ. В области черепа бронзовая серьга и стеклянные бусы, на правой руке бронзовый браслет (Рис. 90, 5), слева от черепа лепной сосуд.

Захоронения коней располагались с внешней стороны крепиды, в двух – трех метрах от нее (Рис. 90, 1). Захоронение 1 зафиксировано в 10 м к юго-западу-западу от центра кургана, костяк лежал на правом боку черепом на юго-запад-запад. Захоронение 2 находилось в 10 м к юго-западу от центра кургана, костяк лежал на левом боку черепом на северо-восток. Захоронение 3 располагалось в 9 м к северо-востоку от центра кургана. Костяк на правом боку черепом на юго-запад. Погребальные сооружения не прослежены, данных об инвентаре нет.

Курган 15. Распахан, высота 0,3 м, диаметр насыпи 16 м, производил впечатление сильно поврежденного при сельскохозяйственных работах. Под насыпью каменный склеп и захоронение коня (Рис. 91, 1).

Погребение 1, основной склеп. Сооружен в котловане глубиной около 0,7 м. Размеры прямоугольной погребальной камеры 2,4 x 1,9 м, ориентация З - В (Рис. 91, 3). Вход не прослежен, скорее всего, он находился с восточной стороны. Уцелел цоколь из вертикально поставленных грубо обколотых плит, на которых фиксируются участки постелистой кладки из плитняка. Пол грунтовый. На нем сохранились остатки трех костяков взрослых людей, скелеты частично сохранили анатомический порядок. Захоронения были совершены в вытянутом положении на спине, головой на З. В северо-западном углу гробницы в грунтовый пол были вбиты два железных копья. Иных данных о погребальном инвентаре в нашем распоряжении нет.

В 5 м к западу от склепа, уже вне границ современной насыпи, обнаружено захоронение коня в овальной яме (Рис. 91, 2). Животное было уложено на брюхо головой на восток. Череп не обнаружен, возможно, разрушен при распашке.

Курган 16. Высота 1,0 м, диаметр крепиды из каменных плит, установленных с наклоном внутрь (Рис. 92, 1), составлял 17 м, диаметр распаханной насыпи 32 м. Обнаружено два погребения и три конских захоронения.

Погребение 1, основное. Хорошо сохранившийся каменный склеп с продольно-осевой планировкой, ориентированный с СВ на ЮЗ, располагался между центром и восточной частью кромлеха, был впущен в прямоугольный котлован глубиной 0,7 м (Рис. 92, 2). Узкий треншеевидный вход, шириной 0,5 м, стены которого были укреплены постелистыми кладками из рваного камня, находился с юго-западной стороны. Погребальная камера, прямоугольная внизу, размером 2,7 x 1,7 м, имела высоту 1,6 м. Основания стен возведены из грубо обработанных офостатных плит высотой 0,8-1,0 м, выше шла постелистая иррегулярная однослойная кладка из плитняка на глиняном растворе. Камни со всех четырех сторон были уложены с напуском. Углы не выражены, здесь постелистые плиты лежали по диагонали, по отношению к четким углам офостатного основания. Прямоугольный вход высотой 0,7 и шириной 0,5 м, находился на 0,9 м выше грунтового дна склепа и был закрыт прямоугольной каменной плитой, отваленной при ограблении. Перекрытие камеры состояло из двух больших плит. В подобной конструкции, с одной стороны, можно видеть подражание античным склепам с уступчатым перекрытием, с другой, верхняя постелистая часть кладки может оказаться имитацией сужения кверху, хорошо выраженного у многих грунтовых скифских могил. По внешнему периметру, от уровня поверхности погребенной почвы до плит перекрытия склеп окружала удлиненно-овальная обкладка из бутового камня.

В западной части камеры находилось скопление человеческих костей, в том числе пять черепов, в восточной части, несколько костей и один череп. Находки на полу и в заполнении представлены девятью костяными удлиненно-коническими наконечниками стрел и тремя бронзовыми трехлопастными наконечниками (Рис. 92, 3). Подобный набор, может быть датирован IV в. до н. э., хотя, вряд ли следует сомневаться в том, что курган является одним из поздних в могильнике.

Погребение 2. Овальная могила размером 1,5 x 0,6 м (Рис. 92, 4) располагалась в 1,5 м к северу от склепа. В насыпи близ могилы зафиксированы невыразительные следы каменного сооружения, возможно остатки обкладки перекрытия. Захоронение подростка было совершено в вытянутом положении на спине головой на ЮЗ. В области правого бедра найдено коническое керамическое пряслице (Рис. 92, 5).

Конские захоронения, обнаружены западнее крепиды в полутора метрах от нее. Три костяка располагались по оси С - Ю, на расстоянии 3 м друг от друга. Кони были уложены на левом боку, головами на В. Погребальные сооружения не прослежены, кости находились в нижней части погребенной почвы. Данных об инвентаре нет.

Курган 17. Высота 1 м, диаметр каменной крепиды 13 м, диаметр распаханной насыпи 34 м. В центре найдены каменные плиты от наземной скифской гробницы, использованные в качестве облицовки бортов траншеи или блиндажа, сооруженного в годы ВОВ.

Курганы у с. Октябрьское (Первомайский район) исследованы Северо-Крымской экспедицией под руководством В. А. Колотухина в 1984 г. Они были расположены на северо-восточной оконечности Тарханкутской возвышенности близ пологой балки, ведущей к Чатырлыкскому сухоречью. В ходе раскопок исследован курган скифского времени и одно впускное погребение в кургане эпохи бронзы⁷³.

Курган 3 диаметром 24 м, высотой 0,45 м, насыпь распахана.

Погребение 3 основное, совершено в катакомбе типа I/1 по В. С. Ольховскому [Ольховский, 1991, табл. II]. Катакомба была ориентирована с СЗЗ на ЮВВ, ее длина - 2,55 м, ширина - 1,2 м. Входная яма размером 1,4 x 0,8 м была расположена с восточной стороны. Могила ограблена, в засыпи наряду с обломками человеческих костей найдены 7 стеклянных бусин. В.А Колотухин датировал захоронение серединою IV в. до н. э. [Колотухин, 2000, с. 32].

Погребение 1, впускное, располагалось в 5,5 м к СВ от основной могилы. Могильная яма с плитовым перекрытием, прямоугольная, размером 1,0 x 0,6 м. Стенки ее наклонены внутрь (Рис. 93, 1). Захоронение младенца совершено в вытянутом положении на спине, головой на СЗ. У черепа находилась глазчатая бусина из глухого стекла и фрагмент бронзовой проволочной серьги (Рис. 93, 4, 5). В северном углу могилы стояли: небольшой лепной нелощеный горшок с защипами на плечиках и по краю дна и чернолаковый канфар (Рис. 93, 2, 3). Датировка могилы основывается на дате канфара, который можно охарактеризовать, как изделие аттических мастерских. Аналогичные сосуды с афинской Агоры [Rotroff, 1997, cat. 8-9], датируемые последней четвертью IV в. до н. э. В такой ситуации курган и его погребения логично датировать этим же временем. В пользу этого свидетельствует и несомненное сходство впускной могилы с впускной могилкой кургана Дальнее 5, имеющей близкую датировку.

Курган 4 эпохи бронзы. Впускное погребение 1 было обнаружено в пахотном слое чуть западнее центра кургана. Вместе с костями человека обнаружен трехлопастный наконечник стрелы (Рис. 93, 7), обломок втулки копья и

⁷³ Материалы выборочно опубликованы В. А. Колотухиным [Колотухин, 2000, с.32].

фрагмент чернолощеного сосуда с врезным орнаментом (Рис. 93, б). В. А. Колотухин датировал погребение второй половиной V – первой половиной IV в. до н. э. [Колотухин, 2000, с. 32]. Наиболее вероятно датой погребения является V в. до н. э.

Курган у с. Гришино (Первомайский район) расположен в северо - восточной части Тарханкутской возвышенности (Рис. 3, 32). Раскопан автором в начале 80-х гг XX века. Входил в группу из двух скифских курганов. Диаметр распаханной насыпи составлял 19 м, высота 0,5 м⁷⁴. В центре насыпи концентрировались крупные бутовые и плитчатые обломки известняка, очевидно остатки заклада и перекрытия двух основных могил, расположенных параллельно на расстоянии 1,5 м друг от друга. Под насыпью следы золы и обломки обожженной фасосской амфоры (Рис. 93, 14). Профиль венчика характерен для многих фасосских сосудов коническо-биконического типа [Монахов, 2003, табл. 40-49] и не может служить надежным основанием для датировки кургана, хотя позволяет разметить его в хронологических рамках V-IV вв. до н. э.

Погребение 1, ограблено. Могильная яма овальная, размером 2,1 x 0,55 м, глубиной 1,3 м, боковые стенки наклонены внутрь (Рис. 93, 8). Костяк полуразрушен. Захоронение было совершено в вытянутом положении на спине головой на СЗ. На правой ноге лежала ребра небольшого животного, в заполнении обнаружены две кости лошади. Погребальный инвентарь не сохранился.

Погребение 2. Могила овальная, размером 1,95 x 1,15 м, глубиной 1,2 м, стенки с подбоем. Захоронение взрослого человека, женщины, судя по инвентарю, было совершено вытянуто на спине, головой на СЗ. Справа от черепа найдены окислы бронзы и серебра, очевидно остатки серьги или височного кольца, в области шеи найдено 30 бусин монохромных и глазчатых из глухого стекла (Рис. 93, 11). У правого бедра обнаружена железная скрепа (Рис. 93, 15), у кисти левой руки – раковина каури (Рис. 93, 16) и стеклянная бусина. У правого плеча находилось бронзовое зеркало пелопонесского типа диаметром 18 см с цельнолитой ручкой, оканчивающейся круглым медальоном (Рис. 93, 13), с кольцевым орнаментом в виде кружков с точкой в центре. Подобные зеркала в V в. до н. э. были широко распространены в Поднепровье [Кузнецова, 1991, с. 117], однако датировка изделий относимых в современной классификации Т. М. Кузнецовой к классу I, отдела II, типа V, вида II, варианта 3, несколько шире и охватывает V-IV вв. до н. э. [Кузнецова, 2002, с. 120]. На уровне колен у северной стенки стоял лепной лощеный кувшин с резным орнаментом (Рис. 93, 12), рядом с ним был отпечаток деревянного сосуда, скорее всего чаши с круглым дном, близ сосудов лежал кремневый отщеп (Рис. 93, 17). У левой руки была положена часть тушки мелкого животного и железный нож. В целом, погребение, равно как и сам курган, уместно отнести к последним десятилетиям V - первой четверти IV в. до н. э. [ср. Вдовиченко, Колтухов, 1986, с. 238].

⁷⁴ Материал опубликован [см. Вдовиченко, Колтухов, 1986].

ГЛАВА III.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

КУРГАННЫЕ МОГИЛЬНИКИ

В результате многолетних полевых работ в Северо-Западном Крыму полностью или частично исследованы многочисленные курганные могильники, и отдельно расположенные курганы. Они вполне обоснованно разделяются на две группы античную и скифскую (Рис. 2). Античная характеризуется размещением памятников в приморских районах в непосредственной близости от поселений хоры, широким распространением сырцовых и сырново-каменных гробниц, алтарей и цист, ориентацией погребенных, отличной от скифской и, безусловно, разнообразным погребальным инвентарем, в котором крайне редка лепная керамика [ср. Рогов, 2011]. С V в. до н. э. на прибрежной территории фиксируется грунтовый могильник Керкинитиды [Кутайсов, Ланцов 1989; Кутайсов, Ланцов, 1989 а], в дальнейшем включивший захоронения, совершавшиеся по курганному обряду [Михлин, Бирюков, 1983; Ланцов 1988; Кутайсов, Приднев, 1997]. С первой четверти IV в. до н. э. существует курганный некрополь поселения Панское [Щеглов, 1978; Рогов 1985; Рогов, 1998]. В IV в. до н. э. появляется курганный некрополь Калос–Лимена [Щеглов, 1978; Кутайсов, Уженцев, 1994; Кутайсов, Анохин, Приднев, Уженцев, 1997]. Близ поселения Чайка известен явно не скифский курганный некрополь Заозерное [Дашевская, Голенцов, 2006]. Курганы или их остатки встречены в некрополях античных поселений Беляус [Дашевская, 1969], Кульчук [Дашевская, Голенцов, 1982]. Раскопан античный курган IV в. до н. э. на возвышенности Красная горка, находящейся к югу от оз. Кизил–Яр [Колтухов, Труфанов, Уженцев, 2005]. Есть все основания думать, что античным поселениям принадлежат курганы близ Караджинского городища и у Ой-бурского озера. Впрочем, курганные могильники античных поселений относятся ко времени не ранее IV в. до н. э.

Скифские погребения так же обнаружены в курганах эпохи бронзы, расположенных на побережье. В кургане 5 у с. Орлянка находилось впускное захоронение V в. до н. э., в кургане у с. Владимировка раскопано погребение последней четверти VI в. до н. э. Скифское погребение V в. до н. э. известно в кургане Крыловка 8 [Колтухов, 2010 а, с. 94]. Не исключено, что разрушенное скифское погребение IV в. до н. э. было обнаружено в кургане у с. Песчаное близ Евпатории [Барбарунова, 1993, с. 9–10]. Их существование объясняется тем, что земли греческих городов и выселков на этапе, предшествовавшем херсонесскому, разделялись обширными свободными пространствами, доступными для скифов. Позднее, скифскому населению, включенному в «мультикультурный» состав населения хоры Херсонеса, принадлежал курганный могильник у с. Крыловка Сакского района.

Интересны скифские курганные могильники у сел Водопойное, Межводное, Снежное, расположенные близ оз. Джарылгач, и находившиеся в границах или на границе земель, освоение которых эллинами началось не позднее первой четверти IV в. до н. э., но наиболее интенсивно развернулось в херсонесское время. В курганах раскопаны погребения V и IV вв. до н. э. Поскольку возможность существования скифских курганных могильников внутри используемой греками сельскохозяйственной территории маловероятна, можно думать, что такие объекты возникали на скифских землях, а со временем оказались в ресурсной зоне хоры, внешней по отношению к размежеванным угодьям. Существование таких некрополей в IV в. до н. э., может свидетельствовать о включении степного населения в новую хозяйственно-экономическую структуру.

Исследования скифских курганных могильников, расположенных в глубине Тарханкутской возвышенности имеет длительную историю. Они привлекли внимание грабителей и археологов уже в XIX веке. В результате, были получены сведения о захоронениях или находках в курганах близ селений Кара-Меркет, Тавкель-Нейман, Апан-Сарча [Троицкая, 1951; Колтухов, 2010]. Нельзя исключать и того, что находки из кургана Чаян имеют крымское происхождение [Shcheglov, Katz, 1991; Смекалова, 2011, с. 38–41].

Во второй половине XX века, исследования курганов, расположенных за пределами узкой приморской полосы приобрело массовый характер. В результате раскопок, проводившихся А. А. Щепинским и Е. Н. Черепановой, В. С. Ольховским, В. А. Колотухиным, С. Г. Колтуховым и А. Е. Кислым, а в нынешнем столетии Т. Н. Копьевой, были изучены несколько курганных групп, включавших и скифские курганы, и скифские погребения в курганах эпохи бронзы¹.

Всего, за почти полуторавековое время исследований варварских погребальных комплексов в Северо-Западном Крыму было раскопано не менее 185 курганов, содержащих погребения скифского времени. Ориентировочно в 99 курганах² скифские погребения были основными. К эпохе бронзы, по данным Г. Н. Тощева [Тощев 2007, с. 266 –

¹ Библиографию см. в главах 1 и 2.

² Такие характеристики, как «более или не менее», связаны с невозможностью в определении точного количества курганов. Происходит это из-за архитектурно-строительных особенностей скифских курганов, когда при полном уничтожении центральной каменной гробницы, что не является редкостью, приходится интерпретировать насыпь, как курган предположительно и по косвенным признакам.

269], относилось около 155 исследованных курганов. Следовательно, а два скифских столетия, а в основном же в IV в. до н. э., было насыпано почти 39 % курганов Северо-Западного Крыма, что само по себе весьма показательно.

Однако, курганные могильники, полностью относящиеся к скифскому времени, в Северо-Западном Крыму единичны³. Типично развитие небольших курганных могильников возникших еще в эпоху бронзы. Судя по рельефу и топографии памятников, оно шло двумя путями. Могильники представлены небольшими грядами и полями, или линейными и гнездовыми кластерами⁴.

К первой группе могильников относятся небольшие группы с плотным, условно гнездовым расположением насыпей. Они возникали, как правило, в приморских местностях с относительно спокойным равнинным рельефом, на территории античной хоры и близ античных поселений. Именно так можно охарактеризовать могильник поселения Панское (Рис. 94, 9), где на площади около 4-х га обнаружено более 50 курганов [Щеглов, 1978, рис. 17], могильник Калос-Лимена где существовало не менее 30 курганов, свободно размещенных на нескольких гектарах [Щеглов, 1978, с. 46; Кутайсов, Анохин, Приднев, Уженцев, 1997, с. 173-184], а также расположенный к юго-востоку от него безымянный курганный некрополь, с 12 курганами. Близкими признаками обладает находящаяся к югу от устья Донузлава у Ойбурского озера группа (Рис. 94, 7) не менее чем с 28 курганными насыпями⁵, впрочем, ее общий контур вытянут по возвышенности с юго-запада на северо-восток [Шульц, 2010, с. 26]. Как гнездовой кластер можно рассматривать курганный могильник у с. Заозерное близ Евпатории с 40 курганами, который связывают с поселением Чайка [Щеглов, 1978, с. 49]. Поскольку такие некрополи находились в ближайших окрестностях приморских греческих поселений, уже существовавших в IV – первых десятилетиях III в. до н. э., и принадлежали их обитателям, можно думать, что традиция курганных полей, привнесена в Северо-Западный Крым переселенцами.

Впрочем, из этого правила известны и исключения. Так расположенный у границы хоры курганный могильник Межводное, где на площади около 4 га, на карте М 1:42000 зафиксировано не менее 21 кургана (Рис. 94, 8) может иметь скифское или даже более раннее происхождение⁶.

Второй тип могильников представлен кластерами с линейным расположением курганных насыпей, его можно рассматривать как преимущественно скифский. Находящиеся на отрогах увалов небольшие гряды курганов ориентированы в соответствии с рельефом. Например, могильник у с. Наумовка, состоял из курганов, вытянутых цепочкой на протяжении 400 м с северо-запада на юго-восток (Рис. 94, 2). Из 7 курганов этой группы 4 были сооружены в скифское время. Курганный могильник у с. Снежное протяженностью 1250 м, состоявший из 11 курганов, вытянутых цепочкой с севера на юг с незначительным отклонением к северо-западу и был разделен на три части (Рис. 94, 3). Возможно, внутренне членение характерно для многих курганных могильников северного склона Тарханкутского увала. Расположенный севернее Снежного, курганный могильник Водопойное представлял собой короткую цепь протяженностью 230 м, ориентированную с северо-запада-запада на юго-восток-восток (Рис. 94, 1). Из 8 курганов 5 насыпей относились к скифскому времени. Могильник Тавкель–Найман состоявший, по меньшей мере, из 13 насыпей был вытянут по водоразделу в направлении с запада на восток на протяжении 600 м (Рис. 58, 1). В случае с курганами у с. Красноярское две группы были расположены рядом (Рис. 51, 1). Первая из них не имела строгой планиметрии, однако можно говорить о том, что в целом его курганы ориентированы с северо-запада на юго-восток, а расположенная внутри скопления группа из трех скифских курганов (№№ 1, 5, 6) была ориентирована с северо-северо-востока на юго-юго-запад, в соответствии с микрорельефом местности. Второе (восточное) скопление представляло собой гряду из 4 курганов вытянутую с северо-запада на юго-восток по малому водоразделу. Два кургана относившиеся к скифскому времени, собственно и создали эту цепь, в двух других, относившихся к эпохе бронзы, имелись впускные погребения скифского времени. Западная часть курганного некрополя у с. Крыловка близ устья Донузлава (Рис. 94, 5), состояла по меньшей мере из 13 курганов, вытянутых по рельефу цепочкой с юго-запада на северо-восток. Из 7 раскопанных курганов, один был датирован эпохой бронзы, 6 относилось к скифо-античному времени. Идущая от кургана 7 в северо-западном направлении вторая гряда, состоявшая из 6 курганов, начала формироваться в эпоху бронзы, в скифское время ее дополнили курганы 10 и 11. Вид небольшой гряды имел и могильник у Новоозерного (Рис. 94, 4).

В большинстве перечисленных случаев могильники были ориентированы с учетом особенностей рельефа или микрорельефа. Однако элементы линейной структуры имела и юго-восточная часть могильника у с. Суворовское, расположенного на равнине (Рис. 94, 6). В составе этого некрополя присутствовали две явные цепочки скифских курганов,

³ Единственный скифский курганный могильник, исследованный у с. Братское [Колотухин, Колтухов, 2007а] находился на восточной оконечности Тарханкутской возвышенности. Не исключено что полностью к скифскому времени относится могильник Снежное (Черноморский район).

⁴ Аналогичные планировочные особенности хорошо известны в курганных некрополях Лесостепи и Северного Кавказа [Колтухов, Мыц, 1998, с. 99 и сл.; Алексеев, 2003, рис. 11, 12].

⁵ Из них на топографическую карту М 1:42000 нанесено 14.

⁶ Историческая топография памятника в данном случае неясна, так как была раскопана лишь незначительная его часть, включавшая 4 кургана эпохи бронзы и два кургана скифского времени.

отходившие от большого пятиметрового кургана⁷. Скифские курганы 4-6, ба располагались по оси северо-запад-юго-восток южнее большого кургана. Скифские курганы 11-13 были расположены по той же оси северо-западнее этого же кургана. Судя по ориентировке этих групп, направления в секторах север – северо-запад, юг – юго-восток, в скифское время является преобладающим и не случайным. Впрочем, решающую роль, все же следует отвести ориентировке групп по рельефу. В целом же, преобладала близкая к меридиональной ориентация могильников, расположенных на отрогах основных возвышенностей, несколько реже встречалась широтная ориентировка по гребням увалов⁸.

Курганные гряды. Скифские курганы нередко являлись составной частью, идущих в широтном направлении по водоразделам и вытянутых на десятки километров курганных гряд, наметившихся еще в эпоху бронзы (Рис. 3). Курганы располагались по одному или небольшими скоплениями по 2-3 насыпи. Такую ситуацию зафиксировали раскопки гряды, производившиеся у сел Виноградово – Луговое, Открытое, Дальнее, Григорьевка (Рис. 11, 1, 2; 70). Скорее всего, частью еще одной курганной гряды являлся могильник, исследованный у с. Братское (Рис. 3). Следует отметить, что между селами Воробьево и Красновка (Сакский район) существует курганная гряда протяженностью не менее 12 км, ориентированная с юго-запада на северо-восток. В нее входит несколько крупных курганов высотой от 9 до 5 м [Смекалова, 2011, рис. 118, 120], хотя, на сегодняшний день бесспорных доказательств их скифского происхождения не получено⁹.

Следует отметить, что многочисленные скифские курганы входили и в состав курганных групп, не имеющих четко выраженной структуры, таких как могильники, расположенные у сел Солдатово – Шалаша, Нагашино – Чернушки, Веселовка.

К интересным выводам о структуре скифских общин приводит анализ скифских курганных могильников. В западной части Тарханкутской возвышенности полностью исследованы небольшие могильники у сел Наумовка и Водопойное. Из 7 курганов Наумовского могильника в шести были обнаружены каменные склепы и разрушенные каменные гробницы¹⁰. В могильнике Водопойное раскопано 8 курганов, в 6 из них обнаружены каменные склепы и разрушенные каменные гробницы. Похоже, что аналогичную картину можно наблюдать в могильнике Снежное Черноморского района состоявшем из 11 курганов. Следовательно, есть основания думать, что кластеры курганов, включающие по 6-13 насыпей, могли принадлежать пастбищным общинам, состоящим из аналогичного числу курганов количества семей. В этнографии азиатских степей такие общины хорошо известны. Еще недавно они создавались для совместного пользования выпасами и небольшими земледельческими угодьями и состояли, как правило, из нескольких поколений близких родственников [ср. Шахматов, 1964; Исраилова-Харьехузен, 2002]. Основой объединения была частная собственность на скот и общинное или родовое владение землей.

Следовательно, учитывая многочисленные цепочки курганов на склонах западной части Тарханкутского полуострова, можно предположить, что социальной базой хозяйства, на этой территории были небольшие пастбищные общины. В таком случае курганные могильники могут быть связаны с зимниками, которые со временем могли превратиться из сезонных поселений в постоянные. Т. Н. Смекалова насчитывает в западной части Тарханкутского полуострова на увалах и над балками от 90 до 120 поселений и относит их к эллинистическому времени, пытаясь связать с небольшими группами курганов. Думаю, что хронологический и этнокультурный спектр части таких памятников окажется иным. Однако приведенные характеристики селитебных структур с числом строений, колеблющемся от трех до семи-восьми, в принципе могут соответствовать количеству каменных гробниц в линейных кластерах или же группах могильников Снежное, Водопойное, Межводное, и в более сложном по планировке могильнике у с. Суворовское.

Близкая картина наблюдается на северо-восточной оконечности Тарханкутской возвышенности у Чатырлыкской балки. Поселения здесь не найдены, однако существуют могильники, например Братское [Колотухин, Колтухов, 2007а] и Григорьевка. В 8 из 12 курганов у Братского раскопаны грунтовые и каменные склепы. В нескольких из них обнаружены останки людей в количестве от 3 до 6 человек¹¹. Похоже, что у скифов оставивших этот некрополь, появившийся не ранее V в. до н. э. ко времени распространения семейных склепов [Колотухин, Колтухов, 2007 а, с. 107-108] сформировалась аналогичная община.

О существовании такой же, возможно даже более крупной общины может свидетельствовать могильник Григорьевка, находящийся южнее в этой же части Тарханкутской возвышенности. Здесь обнаружено, по меньшей мере, 14 склепов¹², что позволяет предположить общину, состоявшей, как минимум из 13 семей¹³. В верхнем склепе кур-

⁷ Вопрос о том, содержал ли этот курган скифское аристократическое захоронение, остался открытым.

⁸ К сожалению, в нашем распоряжении нет данных о топографии могильников, раскопанных В. С. Ольховским.

⁹ Однако об этом ниже.

¹⁰ В данном случае определение гробница свидетельствует лишь о том, что это было каменное погребальное сооружение.

¹¹ Сходную особенность показал могильник у Акташского озера в Восточном Крыму, где при близком числе погребенных склепы были связаны с несколькими поколениями малой и неразделенной семьи [Бессонова, Бунятян, Гаврилюк, 1988, с. 72].

¹² Определение количества погребенных в разграбленных склепах проводилось по числу черепов.

¹³ В кургане 7 с было исследовано 2 грунтовых склепа. Один из них переделан из сравнительно небольшой грунтовой могилы, явно связанной с центральной гробницей.

гана 1 зафиксированы останки 8 человек. В склепе кургана 7 находились останки как минимум 4 человек. В двух склепах кургана 8 было похоронено по 5 человек, в кургане 13 найден останки 9 человек, в кургане 14 обнаружено 10 черепов. В склепе кургана 18 было похоронено 4 человека. Можно предполагать, что условия жизни близ Чатырлыка, позволяли не дробить общину на мелкие зимние кланы, а сохранять ее летнюю структуру¹⁴. Возможно, это коснулось и неразделенных семей, в некоторых из них количество членов заметно увеличилось. Так в кургане 6 могильника Дальнее, являющегося пространственным продолжением могильника Григорьевка, обнаружены костные остатки 14 человек, что сближает его с коллективными погребениями Предгорного Крыма.

Упоминания о других видах древних некрополей встречаются в литературе, но базируются, преимущественно на общих впечатлениях. П. Н. Шульц, в ходе обследования берегов оз. Донузлав в 1934 и 1948 гг. и позднее, подготовил карту курганов и иных объектов, расположенных на берегах озера [Ланцов, 2004, с. 64; Смекалова, 2010а, с. 6]. В. А. Колотухин, характеризуя берега Донузлава, по материалам разведок П. Н. Шульца и результатам собственных работ в первой половине 80-х гг. XIX столетия, писал о земляных и каменных холмиках, различного рода оградках, каменных ящиках без насыпей [Колотухин, 2000, с. 43]. Составление обстоятельных планов таких объектов не проводилось, имели место лишь выборочные археологические зондажи разграбленных могил в небольших курганах. Так В. А. Колотухин произвел зачистку трех скифских могил в двух небольших курганах, находящихся в урочищах Снежное и Белоглинка. Соответственно, хронологические позиции основной массы объектов неизвестны, можно лишь предполагать, что часть из них, возможно большая, относится к железному веку.

КУРГАНЫ

Собственно скифские курганы появляются в Северо-Западном Крыму не ранее первой половины V в. до н. э., однако основная масса их относится к IV до н. э., возможно курганы сооружали и в первые десятилетия III в. до н. э. Для насыпей Тарханкутской возвышенности характерно повышенное содержание камня, представлявшего собой бут, плитчатые обломки и осколки, попавшие в насыпь вместе с грунтом, а также отходы, полученные, при обработке камня для гробниц. На некоторых территориях в Тарханкутском ландшафтном районе, курганы состояли преимущественно из камня, можно предположить, что для сглаживания каменистой поверхности такие насыпи обкладывали дерновыми плитками. Главной причиной «каменности» курганов являлась близость скальных выходов к современной поверхности, что в конечном итоге и определило широкое использование камня в конструкциях могил и крепид. В некоторых случаях исследователи отмечали обкладку насыпей необработанными каменными плитами, впрочем, она никогда не доходила до вершины кургана. Грунтовые насыпи с каменными сооружениями или грунтовыми могилами нередки в Донузлав-Сасыкском и Самарчик-Чатырлыкском ландшафтных районах, в местах глубокого залегания скальной поверхности. Грунт насыпей таких курганов визуально представлялся однородным, признаков вальков и плиток дерна исследователи не наблюдали, хотя это не значит, что их не было.

Форма и размеры курганных насыпей. Особенностью скифских курганов Северо-Западного Крыма являются их незначительные размеры. Здесь достоверно не выявлены насыпи, характерные для скифской аристократии высшего или среднего ранга¹⁵. Форма курганов в плане, как правило, круглая. Овальный контур достоверно зафиксирован лишь в трех случаях, наиболее показательным является курган 7 в группе Солдатское – Шалаши.

Однако характеристику курганов нужно начать с гипотетического объекта, предположительно средних размеров. Это курган «Чаян» единственный в своем роде памятник середины – третьей четверти IV в. до н. э., который, в случае локализации в Северо-Западном Крыму, мог бы претендовать на роль аристократической усыпальницы. В. И. Кац и А. Н. Щеглов локализовали его южнее с. Наташино у верховий оз. Донузлав. Близ юго-восточной окраины этого населенного пункта заметны следы селения Чаян, от имени которого курган и получил у них свое название. [Shcheglov, Katz, 1991]. Между Чаяном (ур. Запорожское) и селением Апан-Сарча (ныне ур. Баштановка), в направлении с юго-запада на северо-восток проходит курганная гряда, в которую, наряду с небольшими насыпями входят четыре кургана высотой от 9 до 5,5 м [Смекалова, 2011, рис. 118, 120]¹⁶. Впрочем, история с курганом Чаян и находками из него, темна. Не вызывает сомнений лишь время появления вещей на антикварном рынке. В 1914 г. Р. Х. Лепер получил информацию о продаже 4-х золотых предметов, найденных в 50-70 верстах от Евпатории. По со-

¹⁴ Загадкой остается большое скопление курганов между селами Оленевка, Калиновка, Красносельское и Марьино Черноморского района, расположенное на западной оконечности Тарханкутского полуострова. Если, хотя бы третья часть курганов там окажутся скифскими, можно будет предположить, что на на этой территории существовал «родовой» (племенной) могильник. Столь же вероятно связь значительной части курганов и поселений с неким, условно, смешанным населением, участвовавшим в греческой аграрной колонизации.

¹⁵ Впрочем, это не значит, что на исследуемой территории действительно нет аристократических курганов. Например, остается неясным происхождение пятиметрового кургана в могильнике у с. Суворовское или больших курганов на линии Воробьево - Красновка.

¹⁶ Несомненно, в этой гряде можно увидеть вполне реальное сходство и с Аккайской грядой, Висуньским [Мозолевский, 1990], а также Келермесским, Семибратним [Колтухов, Мыц, 1998] курганными могильниками. Однако не стоит забывать о том, что ее курганы пока не исследованы археологами. Первостепенной задачей при попытке культурной атрибуции крупных курганов, можно считать, поиск и датировку тризн, составление топографических и магнитометрических планов объектов и поиск аномалий на территориях, прилегающей непосредственно к большим курганам.

временной реконструкции, выставленный на продажу комплекс, включал в себя обкладку ножен меча, украшенную композицией со сценами Троянского цикла, вещь бесспорно вышедшую из античной мастерской¹⁷, гривну, чашу и диадему. Однако, в 1924 г. евпаториец Л. Песчанский¹⁸ сообщал, что впервые предметы эти были куплены 40 лет назад у жителя с. Чаян, то есть за 30 лет до перепродажи, о которой был проинформирован Р. Х. Лепер. Соответственно дата разрытия смещается к 80-м гг. XIX века, времени интенсивного разграбления некрополей и курганов Таврической губернии. Только в Западном Крыму, в последние десятилетия позапрошлого столетия стали известны факты разрушения курганов у селений Аиш [Колтухов, Сенаторов, *в печати*] и Кара-Меркет [Колтухов, 2010], появилась гривна из Апан-Сарчи [Петренко, 1978, рис. 32, 1]. В последующей серии сделок фигурируют евпаториец Келессиди и одессит Гохман, известный на юге России торговец древностями, что само по себе вызывает сомнения в единстве и в подлинности отдельных вещей этого комплекса.

Столь же не прост вопрос о локализации места находки этих золотых предметов. В сущности, исследователи в деле поиска кургана «Чаян», так и не вышли за рамки рабочей гипотезы, созданной способом исключения иных частей Таврической губернии. Судя по разысканиям Н. И. Каца и А. Н. Щеглова, он действительно расположен к югу от верховий оз. Донузлав [Shcheglov, Katz, 1991, Fig. 28]. Но, в письме Песчанского в качестве места находки были указаны Мелитополь или Керчь, а не Евпаторийский уезд. И Керчь-Еникальское градоначальство, и Мелитопольский уезд Таврической губернии вполне отвечают месту расположения варварского погребения такого уровня. Таковы и Мелитопольский курган [Тереножкин, Мозолевский, 1988]¹⁹, и курган Куль-Оба, и курган Патиниоти [Ростовцев, 1925, с. 376-388; Яковенко, 1973, с. 61-65; Тункина, 2001, с. 279]. Нужно заметить, что высота Мелитопольского кургана до разрушения составляла, по мнению А.И.Тереножкина, не менее 6 м, Куль-Оба и Патиниоти были выше [Цветаева, 1957, с. 234], видимо, за счет умелого использования рельефа керченских холмов, и скальных выступов, на которых возведены многие курганы некрополя Пантикапея. Таких курганов немало на юге Степного Причерноморья. Например, обстоятельно исследованные аристократические курганы Водяна могила, Бабина могила, Соболева могила близки по высоте Мелитопольскому кургану [Мозолевский, Полин, 2005, с. 71, 93, 143]. Поэтому, мнение С. В. Полина о расположении разграбленного кургана не у селения Чаян, а в Восточном Крыму или в Таврических степях [Мозолевский, Полин, 2005, с. 25], представляется не менее вероятным, чем его локализация в Западном Крыму. Впрочем, для развития версии о локализации аристократического скифского погребения в кургане близ Чаяна²⁰ [Храпунов, 2004, с. 75], остаются курганы между селами Воробьево, Красновка, урочищами Чаян и Апан-Сарча. Вполне вероятно, что в одном из них была найдена уже упомянутая гривна из Апан-Сарчи с львиными фигурками²¹.

Из числа насыпей, подвергшихся разрушительному воздействию человека, но сохранивших форму в наибольшей степени, следует упомянуть курган 1 близ Крыловки. Он имел высоту 2,4 м, а диаметр его достигал 38 м.

Досыпки скифских курганов единичны. Они выявляются по границам новых крепид, например, таких как в кургане Суворовское 3 (Рис. 95, 7).

Наименее заметными являются незатронутые распашкой курганы в урочищах Снежное (Сакский район) и Белоглинка высотой 0,4-0,6 м, диаметром 5-6 м [Колотухин, 2000, с. 43]²². Необходимо отметить, что подобные курганы не являются редкостью в Тарханкутском ландшафтном районе. Незначительные размеры, скорее всего, отражают не только рядовой социальный статус погребенных, но и, в первую очередь, погребальную традицию, сложившуюся на рубеже скифской архаики и классики. Такие курганы можно сопоставить с каменными ящиками V-IV вв. до н. э. в кольцевых обкладках из Крымского Приазовья [Масленников, 1995], впрочем, последние более тяготеют к аналогичным могилам Предкавказья [Дмитриев, Мальшев, 2005; Крушкол, Новичихин, 2010]. В Степной Скифии определенное сходство имеют могильники Нижнего Днепра с каменными закладами. Есть в тех некрополях и маленькие курганы из камня [Остапенко, 2007], однако нет каменных гробниц²³. Вероятно, небольшие западно-

¹⁷ Обмен мнениями о политическом значении подобных даров имел место в последние десятилетия прошлого столетия. По заключению Ю. А. Алексеева, предметы с таким декором изготавливались в греческих мастерских для подарков предводителям скифов [Алексеев, 1992, с. 131-138].

¹⁸ Кем был Л. Песчанский в Евпатории неизвестно, среди евпаторийских предводителей дворянства личности с такой фамилией нет, возможно, он вполне соответствует образу «человека воздуха», созданному Шолом-Алейхемом (Шолом Рабиновичем).

¹⁹ К Мелитопольскому кургану нетрудно добавить аристократические погребения в курганах Низового Днепра и Днепро-Молочанского междуречья.

²⁰ Автор, так же как и С. В. Полин, не относится к их числу.

²¹ Т. е., и гривна и предметы, хранящиеся в Метрополитен-музее, могли происходить из одного курганного могильника, они могли происходить даже из одной могилы, однако серьезные основания для соотнесения этих находок и археологических объектов, пока отсутствуют.

²² Возможно, описанные В. А. Колотухиным курганы из Белоглинка, являются лишь частью большого некрополя. По крайней мере, краткое сообщение о том, что «*На нераспаханных участках побережья оз. Донузлав сохранилось значительное количество археологических памятников в виде земляных и каменных «холмиков», различного рода оградок, каменных ящиков без насыпей...*» [Колотухин, 2000, с. 43] и современный микрорельеф к северу западу и востоку от бывшего с. Белоглинка дает основания для такого предположения.

²³ Следует заметить, что кольцевые заклады (?) хорошо известны на северо-западе и западе Тарханкутской возвышенности, нередко их скопления занимают площадь в несколько га. Однако исследования таких памятников до сих пор не проводились.

крымские каменные курганы с их гробницами, это один из нескольких причерноморских локальных вариантов могил рядового населения раннего железного века. Для них характерны каменные надмогильные сооружения, грунтовые, каменные, а возможно и деревянные погребальные сооружения. Их можно наблюдать и в Предкавказье, и в Горном Крыму, и на Нижнем Днепре, и в Побужье [ср. Ковпаненко, Бунтян, 1978, с. 62], и в Западном Причерноморье.

*Каменные крепиды*²⁴ характерны для курганов с основными погребениями в каменных ящиках, каменных и грунтовых склепах (Рис. 95). Как правило, крепиды имели форму достаточно четкого круга, хотя в нескольких случаях зафиксированы овальные сооружения размером 8 x 6 м, 11 x 9 м, 17 x 13 м, подтверждающие существование не только в срубное, но и в скифское время, овальных курганов (см. Рис. 9, 1; 25, 1). Сооружали крепиды из крупного бутового и плитчатого камня. Они были однослойными, иногда крупные плитчатые обломки устанавливали вертикально или с наклоном внутрь (Рис. 92, 1). Нередко кладки были постелистыми, они сохранились на 2–3 ряда, но нигде не превышали высоты 0,6–0,7 м.

Грунтовые траншеевидные ровики вокруг насыпи кургана зафиксирован трижды в курганах у сел Луговое, Открытое, Дальнее. Они располагались с внешней стороны каменной крепиды и имели глубину и ширину около 0,7 м (ср. Рис. 82, б).

При утрате первоначальной формы и размеров и даже объемов практически всеми исследованными курганными насыпями Северо-Западного Крыма, существующие на сегодняшний день реконструктивные методики, тем более, направленные на объекты высокого социального ранга, окажутся малопродуктивными²⁵. Впрочем, специфика западно-крымского ареала, характеризующегося каменными конструкциями, позволяет найти паллиатив объемам, существующим высотам или диаметрам насыпей. Это диаметры каменных крепид – кромлехов (Рис. 95). Наиболее ранние из них могут быть отнесены к V – началу IV в. до н.э., однако массово они распространились в IV в. до н.э. Прослежено более 50 кольцевых крепид, диаметром от 6 до 20 м. Крепиды диаметром около 6 м обнаружены в основном в группах Межводное и Водопойное, практически все они относятся к IV – возможно первым десятилетиям III в. до н.э. и отражают некую локальную специфику. Достаточно четко выделяется группа сооружений диаметром 10–13 м и группа крепид диаметром 15–20 м. Судя по погребальным сооружениям и инвентарю, курганы обеих групп принадлежали рядовому населению. В курганах Дальнее 2 и Крыловка 1, Наташино 18 зафиксированы крепиды и наброски диаметром 24–28 м. Эти структуры и остатки основных погребальных сооружений могут свидетельствовать в пользу принадлежности двух последних курганов родовой или общинной верхушке. Крепиды большего диаметра нам неизвестны.

Если считать, что кромлех соответствует изначальному диаметру кургана, то близкое к первоначальному значение его высоты можно рассчитать исходя из размеров кургана 4 в некрополе Беш-Оба [Колтухов, 2006]. Здесь при первоначальной высоте не менее 11 м, диаметр крепиды не превышал 62 м. Соответственно, соотношение диаметра и высоты составляло 5,6:1,0. При таком соотношении первоначальная высота скифских курганов первой группы была не меньше 1,8–2,3 м, а второй не менее 2,7–3,6 м.

Антропоморфные изваяния. В. С. Ольховский в своих статьях и монографиях отмечал существование на территории Северо-Западного Крыма особой группы каменных изваяний, связанных со скифскими курганами и погребениями [Ольховский, Евдокимов, 1994, с. 41; Ольховский 2005, с. 104–105]. Всего же в зоне Тарханкутской возвышенности учтено 27 изваяний и каменных баз к скифским изваяниям [Ольховский, 2005, рис. 62]. Основным материалом для этих изделий послужил местный камень – известняк. Практически все изваяния относятся к плоской скульптуре и различаются лишь степенью антропоморфизации. Места находки изваяний их фрагментов и баз различны: в насыпи курганов, у полы курганов, в кладке скифского погребального сооружения как в кургане 13 у Суворовского, в руинах поселений нового времени.

Видимо наиболее ранней находкой является стела, обнаруженная А. А. Столбуновым к югу от Бакальского озера между селами Славное и Котовское близ одного из курганов. Высота полностью сохранившегося изваяния 149 см, на левой стороне, несмотря на выветренность, заметен рельефный выступ горита и участок пояса. На лицевой стороне слабо прослеживается сгиб правой руки. Изваяние датировано второй половиной V в. до н.э. [Ольховский, Евдокимов, 1994, с. 30]. Восточнее, между селами Славное и Рылеевка, в курганах эпохи бронзы исследовано 4 погребения V в. до н.э. Интересно, что в одном из курганов к югу от с. Славное, в разрушенном скифском погребении, несомненно V в. до н.э., Ю. Г. Колосов в 1952 г. обнаружил обломок оселка и наконечники стрел, из которых были зарисованы два бронзовых и один костяной. Следовательно, датировка В. С. Ольховского, в значительной степени подтверждается и археологическим контекстом территории, примыкающей с юга к Бакальскому сухоречью.

Фрагмент антропоморфного изваяния из кургана 11 Суворовской группы (Рис. 19, б) представляет фигуру воина, сидящего в седле. Правая рука лежит на рукояти меча, подвешенного к поясу, а в левой находится ритон. Слева, на поясе – горит, на шее – гривна. В. С. Ольховский датировал изваяние, так же, как и курган, IV в. до н.э. [Ольхов-

²⁴ Нередко в качестве синонима исследователи применяют термин «кромлех».

²⁵ Ср. Болтрик, Фиалко, 1994; Болтрик, 2004.

ский, Евдокимов 1994, с. 31]. Однако, обломок найден среди камней крепицы, поэтому его первоначальная связь с курганом 11 может вызывать сомнения, тем более, что подвеска меча характерна для V в. до н. э. В Суворовской группе известно несколько погребений, относящихся ко времени не позднее V в. до н. э. Возможно, первоначально изваяние было установлено над одним из них. Замечу, что вторичное использование обломков другого изваяния, с гравированным изображением правой руки, держащей ритон, отмечено в кладке впускного погребения в кургане 13 этой же группы (Рис. 19, 5), также относящегося к IV в. до н. э.

К концу V – началу IV в. до н. э. В. С. Ольховский отнес изваяние высотой 153 см из кургана 1 группы Колоски [Ольховский, Евдокимов, 1994, с. 32]. Атрибуты представлены ритоном в правой руке, горитом на левом боку и поясом с подвешенным справа оселком (Рис. 21, 2).

Прочие достаточно многочисленные фрагменты изваяний этого типа датируются IV в. до н. э. [см. Ольховский, Евдокимов, 1994, с. 30-34, илл. 56-70; Ольховский, 2005, илл. 69, 2]. Почти все они характеризуются строгой моделировкой, т. е. подчеркиванием талии и прорезями, выделяющими конечности. На нескольких из них изображены гривны. Головные уборы, там, где сохранились головы изваяний, представлены башлыками и шлемами, там, где сохранилась средняя часть фигуры, обязательно присутствует пояс. Интересно, что кафтан с запахом изображен лишь на изваянии из Чайки и на довольно близком по атрибутике изваянии из Вишневки, найденном близ этого села в западной части Крымского Присивашья [Ольховский, Евдокимов, 1994, илл. 54-55]²⁶. В нескольких случаях подол кафтана или кожаного панциря опущен углом вниз (Рис. 34, 1; 44), как на изваяниях из Крыловки.

Ближе всего к античной круглой скульптуре стоит изваяние из кургана 2 у с. Приветное расположенного к югу от устья Донузлава и изваяние, найденное вне кургана недалеко от верховой оз. Панское [Ольховский, Евдокимов, 1994, с. 31-33]. Для них характерен панцирь (?), кожаный или тканый с пластинчатой юбкой и металлическими нагрудными, и наспинными пластинами. Характерной особенностью этого доспеха служит глухой треугольный вырез впереди. Подобный вырез отмечен и на изваяниях из курганов 1 и 13 у с. Колоски, Беляуса, курганов 4 и 14 у с. Приветное. Отсутствие мечей на этих статуях не свидетельствует в пользу строгого следования скифскому изобразительному канону. Столь же чужеродным для скифской традиции является изображение копья на изделии из Приветного. Совершенно не типично для скифов изображение лука на нагрудной пластине, отмеченное на изваянии из Черноморского. Лук заменяет горит, отсутствующий на скульптуре. Есть основание считать эти статуи работой местного греческого мастера, поверхностно знакомого со скифской иконографией.

Простейшим же типом надгробий IV н. э. были плоские прямоугольные антропоморфные стелы с выступом сверху и шипом внизу. Стела высотой 1,5 м со сбитым выступом, передававшим контур головы и шипом в основании, но без каких-либо атрибутов на поверхности, зафиксирована в кургане 4 у с. Крыловка Сакского района (Рис 16. 1). Вторая аналогичная стела высотой 1,2 м обнаружена в кургане 13 у с. Колоски [Ольховский, Евдокимов, 1994, с. 33]. В отличие от первой, на ней изображен вырез панциря или кафтана. Близок им в обломок стелы из Беляуса [Ольховский, Евдокимов, 1994, илл. 68]. Общему контуру таких изделий можно найти аналогии среди стел с выраженной атрибутикой, таких, как изваяние из Славного, Чайки, кургана Суворовское 13. Соответственно, наиболее вероятно скифское происхождение этого типа, хотя, необходимо отметить и их близость греческим надгробиям эллинистического времени.

Ямы обнаружены в курганах у Крыловки (Сакский район), кургане 8 у Межводного, кургане 12 у с. Виноградное. С учетом того, что подобных углублений нет ни в одном из курганов, находящихся восточнее, их можно считать либо жертвенными ямами, появившимися в скифском обряде под влиянием греческих культов, либо хозяйственными ямами, связанными с расположенными вблизи поселениями.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ

Всего в границах Северо-Западного Крыма и южнее, в верховьях Сакского озера у с. Червоное, в курганах исследовано 285 погребений, которые исследователи, уверенно, или предположительно, связывают со скифами²⁷. При распределении по ландшафтным районам Тарханкутской возвышенности²⁸ наибольшее количество скифских погребений в курганах зафиксировано в Донузлав - Сасыкском районе, Хорошо изучен Самарчик - Чатырлыкский район. На территории Бокальского района раскопано сколько меньше погребений. К сожалению, в Тарханкутском районе, наиболее насыщенном курганами исследования были эпизодическими. Здесь мы имеем относительно не-

²⁶ Скорее всего, изваяние из Вишневки является изделием мастеров из Северо-Западного Крыма.

²⁷ Атрибуция в качестве скифских не менее чем 20 погребений, может вызывать сомнения. К этому следует добавить и то, что большинство могил в курганах у с. Крыловка, включенных в сводку, охарактеризованы автором, как принадлежащие местному эллинизированному населению. Сделано это в соответствии со сложившейся историографической традицией, и расположением могильника в границах хоры Херсонеса. Впрочем, присутствие в курганах этой группы каменных изваяний, изготовленных по скифскому канону, позволяет предположить скифское происхождение эллинизированных варваров. Недавно, Е. Я. Рогов вполне обоснованно противопоставил в этнокультурном плане эллиниские, а скорее эллиниские и смешанные общины из Северо-Западного Крыма, дорийской общине Херсонеса [ср. Рогов, 2005, с. 210].

²⁸ Полные данные приведены в гл. II.

противоречивые сведения только о четырех-пяти погребальных сооружениях. Однако следует заметить, что погребальные сооружения всех типов использовались для захоронений верхушки и рядовых членов небольших скифских кочевых родов, а позднее и полукочевых общин.

Расположение погребений в кургане. Основные погребальные сооружения: грунтовые и подбойные могилы, грунтовые склепы и каменные гробницы сооружались в центральной части курганов до возведения насыпи. В нескольких случаях отмечено сооружение каменных гробниц, относящихся ко времени не ранее второй половины V-IV в. до н. э. на курганах эпохи бронзы, после понижающей нивелировки строительной площадки, с последующим сооружением новой насыпи или досыпки кургана. Примером может послужить курган 18 у с. Наташино и более ранний курган 2 у с. Дальнее (Рис. 28, 1; 80, 6).

Размещение впускных скифских погребальных сооружений в курганах эпохи бронзы, свидетельствует о их сооружении в центральной части курганных насыпей. Наиболее ярким примером служит курган 5 у Григорьевки, где в центральную часть насыпи впущено 7 разновременных скифских могил.

В шести собственно скифских курганах отмечено парное и, как правило, параллельное размещение двух могил в центре. В целом, применение такой планировки можно отнести к V-IV вв. до н. э. Основные погребения или близкие по времени основное и впускное погребения, располагались рядом. Подобным расположением характеризуется курган в ур. Белоглинка, курганы 12, 15 у Суворовского (Рис. 18, 2), курган 15 у с. Наташино (Рис. 29, 1), курган у с. Гришино. Лишь в кургане 13 у Суворовского зафиксировано отклонение оси впускного ящика на 45° (Рис. 19, 1). Близкие решения хорошо известны в Крымском Приазовье в могильнике Стоячий Камень с его каменными ящиками, окруженными обкладками из камня [Масленников, 1995].

Проявлением такой же системы, возможно, уже в греко-варварской среде, является расположение каменных погребальных сооружений в кургане 10 у Водопойного. Здесь три гробницы одна центральная и две боковые размещены в центре и по краям небольшого кромлеха (Рис. 65, 1)²⁹. Нечто подобное мы можем наблюдать и в кургане К 2 расположенного рядом античного некрополя Панское [Рогов, 2011, рис. 2, 1].

В кургане Луговое 4 существовала иная система расположения погребений, известная и в нескольких скифских курганах V - первых десятилетий IV вв. до н. э. Там, в центр кургана эпохи бронзы было впущено погребение воина, а связанное с ним женское погребение, было вынесено в полу насыпи, юго-восточную в данном случае. Размещение впускных могил в некоторых собственно скифских курганах также отвечает этому принципу. Например, в кургане 9 у с. Междводное, относящемся к V в. до н.э., основное погребение находилось в центре, а впускные могилы располагались к югу и северу от него (Рис. 66, 6). Сходный принцип размещения основного и впускных погребений отмечен в кургане 2 у с. Дальнее, относящемся ко второй половине V в. до н. э. или к первым десятилетиям IV в. до н. э. и в близком по времени кургане 7 у с. Братское.

Пространственная структура, характеризующаяся выносом впускных могил с захоронениями женщин, детей, подростков в полу насыпи, на линию или за линию крепиды, известна в скифских курганах с каменными гробницами IV – первых десятилетий III в. до н. э., и, изредка, в курганах с грунтовыми могилами. Эту систему можно было наблюдать в кургане 18 у с. Наташино, кургане 3 близ с. Суворовское, в кургане 3 у с. Крыловка, курганах 4 и 5 у с. Дальнее, курганах 10, 11, 14, 16 у с. Братское, кургане 6 у с. Открытое, в кургане 9 у с. Красноярское и в курганах 8, 13, 15-17, 20, 23 у Григорьевки. Таким способом и население Панского, и степные варвары Северо-Западного Крыма подчеркивали различный социальный статус лиц, захороненных в центральной гробнице и в боковых могилах. Чаше всего впускными могилами заняты северный и южный сектора насыпи, реже - восточный и западный. Близкую картину можно наблюдать в некрополе поселения Панское [Рогов, 2011, с. 14-16, 18-19], что говорит в пользу близости элементов погребального обряда у варваров и эллинов или эллинизированного населения приморской полосы.

Захоронения коней обнаружены в курганах 14–16 близ с. Братское, несомненно, одних из самых поздних в могильнике (Рис. 90, 1; 91, 1). Вряд ли они датируются временем ранее второй половины IV в. до н. э. В кургане 14 три конские могилы находились за пределами крепиды к юго-западу и северо-востоку от центрального склепа. В кургане 15 конская могила находилась западнее склепа, а в кургане 16 все три конских могилы располагались западнее крепиды. Известно, что конские могилы в курганах Степного Причерноморья в это время встречаются преимущественно в аристократических комплексах. В Крыму же погребения коней нечасты и тяготеют к восточной части полуострова и Боспору [Силантьева, 1959; Соколова, Павличенко, Каспаров, 1999; Колотухин, 2000; Виноградов, 2001; с. 17; Колтухов, 2008].

Классификацию погребальных сооружений для Крымской Скифии впервые убедительно обосновал В. С. Ольховский. При этом исследователь выделил на материалах, доступных к 1984 г., западнокрымскую группу скифских памятников в которую включил 35 погребальных сооружений. Погребения VI–V вв. до н. э. рассматривались в общем крымском контексте.³⁰ В настоящее время ситуация изменилась. С учетом материалов Северо-Крымской

²⁹ Аналогии такой планировки нам неизвестны, возможно, она существовала в курганном могильнике античного поселения Панское, расположенном юго-западнее могильника Водопойное.

³⁰ Всего же, судя по каталогу, в Северо-Западном Крыму В. С. Ольховскому было известно 42 скифских погребения [1991, с. 196-197].

экспедиции количество погребений многократно увеличилось. Естественно, увеличилось и число погребальных сооружений, хотя количество их несколько уступает количеству прослеженных могил³¹. Всего нами учтено 139 каменных гробниц, из них определены автором или охарактеризованы исследователями в поле 33 склепа, 32 каменных ящика, известно 6 могил с каменной обкладкой бортов³². Группа грунтовых погребальных сооружений состоит из 144 единиц. Из них 10 склепов с плитовым перекрытием, 75 могильных ям, 15 подбойных могил³³, 7 катакомб³⁴.

Каменные гробницы известны практически в большинстве исследованных могильников. Исключением являются лишь курганы в северо-западной части Бокальского ландшафтного района у сел Славное – Рылеевка и Далекое³⁵. В строительстве использовали местные виды известняка ракушечника³⁶. При постелистой кладке стен, основные гробницы сооружали на древней дневной поверхности. В противоположном случае нередки свидетельства того, что вертикальные основания стен устанавливали в неглубокие траншейки. В склепах с цоколем из плит, установленных на ребро, погребальные камеры часто, хотя и не всегда, впускали в неглубокие котлованы, вырытые в почвенном или подпочвенном слое. Глубина котлованов не превышала 0,3-0,7 м³⁷. Особенностью многих каменных гробниц Северо-Западного Крыма было то, что основные ящики³⁸ и склепы являлись ядром более крупных сооружений и находились в центре каменных платформ, куполовидных сооружений и обкладок. Исключения из этого правила единичны. В некоторых случаях высокое качество работ,³⁹ позволяет говорить о привлечении к строительству греческих мастеров, или мастеров греческой школы, что вело к строгому применению греческих строительных приемов, впрочем, известных и в варварской среде, но в деградированной форме⁴⁰. Если лучшие образцы «толосов» зафиксированы на приморской территории и на берегах Донулава, что объясняется развитием местной строительной традиции, то подобные сооружения, но с огрубленными строительными приемами, отмечаются и восточнее в скифских могильниках у Наумовка, Луговое, Григорьевка, Братское.

Приведем несколько примеров. В кургане 1 у Крыловки центральным погребальным сооружением была гробница, возведенная на древней поверхности почвы (Рис. 32, 1). Она представляла собой округлую платформу размером 7,9 x 7,2 м с близким к овалу основанием, несколько сужающуюся кверху за счет наклона внутрь лицевого слоя внешней кладки, прослеженного на высоту до 2 м. В юго-восточной части фиксируется сильно поврежденный разборкой порообразный выступ или основание пристройки – портала (?), от которой должен был начинаться дромос для расположенного внутри склепа. Внешняя облицовка однослойная постелистая из плитчатых обломков известняка. Пространство между лицевой кладкой гробницы и погребальной камерой склепа заполнено бутом. В кургане Крыловка 2 (Рис. 35) известна постройка, имевшая овальную форму, размеры 6,0 x 8,0 м, ориентация – северо-восток – юго-запад. В юго-западной части явно выражено сужение, видимо, это связано с тем, что здесь размещался вход в склеп. Внутри сооружения находились погребальная камера и коридор – дромос. Основное погребение в кургане 16 представляло собой остатки каменной гробницы (Рис. 46). Сохранилась восточная часть округлой или подпрямоугольной с закругленными углами каменной обкладки с лицевым слоем, сложенным из плитчатых обломков известняка. Каждый ряд уложен с небольшим отступлением внутрь. Диаметр внешнего периметра платформы не менее 7 м. В центре расположены остатки прямоугольной погребальной камеры. Пространство между камерой и внешним лицевым слоем гробницы заполнено бутом.

Большое сходство с гробницами из крыловских курганов, имела овальная гробница кургана Луговое 2 размером

³¹ В некоторых случаях контуры могил не были прослежены, в других случаях, повлияла степень разрушения каменных гробниц, нередко она была такова, что само их существование определялось по скоплениям камня в центре кургана или по отпечаткам пола и стен в грунте.

³² В данном случае, не учтены погребальные сооружения, класс или тип которых восстановлен предположительно или по аналогии.

³³ Из числа подбойных могил исключены 4 погребальных сооружения, так как их этнокультурная атрибуция, может вызывать сомнения.

³⁴ Особенностью погребальной традиции скифского населения Северо-Западного Крыма, является отсутствие склепов-катакомб. Они известны здесь в минимальном количестве в некрополе Керкинитиды. Это вырубленные в скале гробницы, относящиеся к греческому периоду жизни города [Кутайсов, 2004, с. 96]. Второй особенностью, но только для западной части Тарханкутской возвышенности, является отсутствие грунтовых склепов с плитовым перекрытием. Однако они известны в Самарчик-Чатырлыкского районе Тарханкутской степи [Колтухов, 2005, с. 271-277]. Отсутствуют у скифов и сырцовые гробницы, типичные для некрополей Калос-Лимена и Панского.

³⁵ Не смотря на обилие камня, каменные погребальные сооружения в курганах не зафиксированы. Скорее всего, это могилы новой группы степняков, появившихся на Тарханкуте во второй – третьей четверти V в. до н. э.

³⁶ Иных видов камня в погребальных сооружениях Северо-Западного Крыма не обнаружено.

³⁷ В варварских курганах Восточного Крыма, и в предгорьях преобладала иная традиция, каменная гробница впускалась в грунт, по меньшей мере, до уровня плит перекрытия. Наземный или почти наземный характер строительства основных гробниц, определялся не столько геологическими особенностями Северо-Западного Крыма, сколько тем, что сами погребальные камеры были ядром «толосов», что в комплексе и образовывало гробницу.

³⁸ Во многих случаях термину «ящик» более соответствовал бы термин «плитовая могила», однако автор склонен использовать традиционное название.

³⁹ См. могильник у с. Крыловка Сакского района, отдельные склепы с кладкой из хорошо обработанных плит известны в могильниках Братское, Григорьевка, Суворовское.

⁴⁰ Ср. могильник у с. Григорьевка.

6,8 x 4,3 м, у которой вертикальный лицевой слой обкладки сохранился на высоту до 0,8 м (Рис. 12, 2, 3). Работой опытных строителей была и основная гробница размером 8,5 x 6,6 м в кургане 3 у с. Суворовское (Рис. 15, 1). Для нее характерен прямой фасад, с северо-восточной стороны и общий подпрямоугольный контур. В кургане 9 Красноярского под насыпью зафиксированы остатки прямоугольной ограды размером 7,8 x 7,0 м, ориентированной по странам света и открытой с восточной стороны (Рис. 54, 1). Очевидно, ограда представляла собой лицевой слой кладки большой каменной гробницы. В кургане 7 у Красноярского погребальная камера, от которой сохранилась лишь одна плита, находилась внутри округлой постройки диаметром около 10 м, облицовка которой представляла собой двухслойную стену, сложенную в иррегулярной системе из плитчатых обломков известняка (Рис. 52, 6). Иногда такие постройки возводили на сnivelированных вершинах курганов эпохи бронзы. Подобные случаи зафиксированы в курганах 13 и 18 у с. Наташино, в кургане 3 у с. Крыловка, в кургане 12 группы Колоски-Великое.

Помимо платформ с четко выраженным вертикальным или уступчатым лицевым слоем, существовали округлые в плане куполовидные строения, диаметром не более 5-6 м, с расположенными внутри ящиками. В полном объеме такие конструкции прослежены у восточной и северо-восточной границ Тарханкутской возвышенности в курганах 2 и 18 у сел Дальнее (Рис. 80, 6, 7) и Крыловка Первомайского района. Остатки таких же построек отмечены в кургане 4 у с. Дальнее, в кургане 7 у сел Солдатское – Шалаши и в кургане 11 у с. Наташино. Каменные обкладки ящиков хорошо прослежены и при раскопках курганов 12, 13 в Суворовском могильнике близ Евпатории (Рис. 18, 2; 19, 1).

Во всех перечисленных случаях, время строительства таких сооружений может быть определено в широких рамках второй половины V и IV вв. до н. э.

Погребальные сооружения из камня традиционно позиционируются, как ящики и склепы. Термин «ящик» широко используется при описании гробниц эпохи бронзы и таврских древностей крымского нагорья. В Горном Крыму им обозначают погребальные сооружения без выделенного входа, состоящие из вертикальных плит, как правило, четырех, образующих стенки гробницы и плитового перекрытия [Лесков, 1965, с. 89]. Его же применяют и при описании каменных гробниц в курганах степей и предгорий [Яковенко, 1973; Ольховский, 1991, с. 43; Масленников, 1995, с. 28]. Однако присутствуют существенные различия в строительных особенностях и параметрах таких могил⁴¹.

Склепы – погребальные сооружения с конструктивно выделенными входами, входными ямами или каменными коридорами – дромосами, ведущими с поверхности в погребальную камеру⁴². В тех случаях, когда было невозможно отличить «ящики» от «склепов» В. С. Ольховский, называл объекты каменными гробницами [Ольховский, 1991, с. 16, прим.]. Следуя этому вполне обоснованному решению, автор, учитывая массовое разрушение каменных погребальных сооружений в Западном Крыму, считает возможным определению «каменные гробницы» в классификационной системе отвести роль общего понятия, а ящики и склепы представить в качестве категорий. Типы же лучше всего определять исходя из планировочного и объемного решения, тогда как системе кладки можно отвести роль варианта.

*Каменные склепы*⁴³. К концу прошлого столетия достаточно четко определилась зона размещения таких погребальных сооружений на территориях, охватывающая Предгорный Крым, Северо-Западный Крым, Степной Крым и значительную часть Керченского полуострова [Колтухов, 2007, рис. 1]. Стало понятно, что они распространяются у варварского и греческого населения почти одновременно, в IV в. до н. э. Со II в. до н. э., некоторые из них вновь используются поздними скифами или населением европейского Боспора⁴⁴. В качестве склепов из скифских курганов на территории Северо-Западного Крыма достоверно определены 33 гробницы. Предположительно, к числу склепов относится еще не менее 17 разрушенных гробниц.

⁴¹ Учитывая эти особенности и различия, В. А. Колотухин, охарактеризовал опубликованные им степные «ящики» в качестве каменных гробниц [Колотухин, 2000, с. 56], что вряд ли верно, так как объем понятия каменная гробница, гораздо больше. Замечу, что во многих случаях к таким ящикам подходил бы термин плитовая могила, однако не будем менять традицию.

⁴² Термин «протосклеп», введенный А. А. Масленниковым для классификации так называемых «примитивных склепов» Восточного Крыма, у которых закладной плитой камеры служила одна из торцовых плит, нередко стоявшая на кладке из бутового камня, приемлем, однако вряд ли удачен, так как «протосклеп» не выделяется хронологически из группы склепов, существуя в IV - начала III вв. до н. э. и позднее [ср. Масленников, 1995, с. 44-45]. Судя по находкам и антропологическому материалу, склепы использовали для захоронения взрослых членов семьи. Костные останки детей в камерах склепов редки.

⁴³ Каменные склепы уже с первых десятилетий XIX столетия были известны археологам в курганных некрополях Боспорского царства. Склепы, построенные на территории занятой скифским населением, впервые были обнаружены в 90-е гг. XIX на внешней границе степи и предгорий близ Симферополя Н. И. Веселовским. В Северо-Западном Крыму, в прошлом веке, подобные структуры были открыты в могильниках античных городов и поселений, расположенных вдоль побережья между Евпаторией и Межводным [Щеглов 1978, с. 43-53; Ланцов, 1988; Кутайсов, 2004, с. 96-97; Дашевская, Голенцов, 2006]. На территории Крымского полуострова, известны склепы, сооруженные из камня, грунтовые склепы-катакомбы, грунтовые или вырубленные в скале склепы с плитовым перекрытием погребальных камер [Колтухов, 2007].

⁴⁴ Очевидно, в ряде случаев сохранялись и архитектурно-строительные нормы, возникшие в позднеклассическое – раннеэллинистическое время. Однако, Ю. П. Зайцев и В. И. Мордвинцева допускают, что в Предгорном Крыму, некоторые склепы функционировали длительное время, начиная с IV в. до н. э. [Зайцев, Мордвинцева, 2010, с. 176].

Собственной, надежно обоснованной даты сооружения, курганы со склепами из Северо-Западного Крыма не дали из-за разрушения и разграбления, и недостаточно тщательной методики исследования. В тех редких случаях, когда датировка по косвенным признакам получена, например в Керкинитиде [Михлин, Бирюков, 1983] или в кургане Наташино 18 [Колтухов, 2009], она не опускается ниже середины – второй половины IV в. до н. э. Примерно так же выглядят даты большинства боспорских склепов с уступчатым перекрытием [Савостина, 1986, с. 95-98]⁴⁵ или склепов Акташского могильника [Бессонова, Бунятян, Гаврилюк, 1988, с. 114-116]⁴⁶. Второй половиной IV в. до н. э. можно датировать и многие каменные склепы из Предгорного и Восточного Крыма [Колтухов, 2005, с. 277-293].

В приморской зоне, в некрополях Керкинитиды и Заозерного и в курганном могильнике близ Крыловки в некоторых каменных склепах зафиксированы материалы II-I вв. до н. э. и I в. н. э., свидетельствующие о использовании их и в позднескифский период, [Коновалов, 1973, с. 293; Яценко, Маслов, 1978, с. 408; Михлин, Бирюков, 1983]⁴⁷.

Склепы с прямоугольными камерами и входами, смещенными в угол камеры. По соотношению длины и ширины камеры делятся на короткие прямоугольные (соотношение длины и ширины равно 1,1-1,2:1,0) и удлиненные прямоугольные (1,5-1,8:1,0). Основной особенностью планировки является продолжение стены погребальной камеры одной из стен дромоса. Сам факт смещения некоего спуска в угол могилы можно наблюдать в погребениях некрополя Панское [Рогов, 2011, рис. 2, IV; 3-5, 12, I], в том числе и в ранних. Скорее всего, данная конструктивная особенность в Северо-Западном Крыму идет от греческих погребальных сооружений.

Единственной гробницей этого типа, полностью сохранившейся в архитектурном отношении (Рис. 96, 1), является небольшой склеп из некрополя Керкинитиды, обнаруженный в 1977 г на северо-западной его окраине [Михлин, Бирюков, 1983; Кутайсов 2004, с. 96]. Предполагают, что он находился под небольшой курганной насыпью, однако был впущен в грунт практически на всю свою высоту. Прямоугольная погребальная камера размером 1,87 x 1,44 м, высотой 1,7 м была ориентирована по оси север-юг. Стены камеры возведены из орфостатно установленных обработанных плит, неровности были подправлены прямоугольными подрезками. Трехрядное пятиугольное уступчатое перекрытие сооружено из плит, лицевые грани которых косо подрезаны, что придавало своду некоторую плавность. Пол был вымощен плитами, на которые опирались и стены. Перекрытый камнем дромос, сложенный из грубо обработанных плит, был смещен к юго-западному углу камеры, примыкал к ней с юго-запада и имел внешнюю закладную плиту. Первые захоронения в склепе, судя по находкам в выбросе, можно отнести ко второй половине IV – началу III в. до н. э. Не позднее II в. до н. э. камера была вычищена и начала вновь использоваться. Определенным сходством с перекрытием этого погребального сооружения обладало перекрытие склепа из античного сельского могильника у с. Заозерное близ Евпатории где склеп имел камеру размером 1,76 x 1,33 м [Коновалов, 1973, с. 293; Дашевская, Голенцов, 2006, с. 32].

Близкой планировкой характеризуется скифский склеп из кургана 18 у с. Наташино [Колтухов, 2009]. Существенным отличием в этом случае было лишь то, что длинная ось камеры была развернута под прямым углом к дромосу⁴⁸. Его прямоугольная погребальная камера размером 2,2 x 2,0 м, к углу которой примыкал дромос, ориентирована с северо-северо-востока на юго-юго-запад. Сохранилась цокольная часть стен, сложенная из установленных на ребро обработанных и хорошо подогнанных друг к другу плит. На северной стене уцелела положенная плоско плита с косо срезанной боковой поверхностью (Рис. 28, 1-4). С этого уровня кладка стен начинала переходить в уступчатое перекрытие с косо срезанными гранями.

К этому же типу относится и склеп из кургана 3 у с. Суворовское близ Евпатории (Рис. 15, 1). Погребальная

⁴⁵ Впрочем, можно говорить о появлении первых из них во второй четверти IV в. до н.э.

⁴⁶ Появление «протосклепов» и склепов Крымского Приазовья А. А. Масленников отнес к III в. до н. э. [Масленников, 1995, с. 44-52]. Однако, судя по проанализированному исследователем материалу, в них и вокруг них, пусть не всегда, но присутствуют находки второй половины IV и IV-III вв. до н. э.

⁴⁷ Однако О. Д. Дашевская и А. С. Голенцов, анализируя материалы некрополей Беляуса и Кульчука, сравнительно недавно пришли к окончательному выводу о том, что раскопанные здесь 5 больших склепов, относятся к I в. н. э. [Дашевская, Голенцов, 2006]. Впрочем, находка в кладке склепа 3 на могильнике Беляуса обломков черепицы с синопскими клеймами, датированных исследовательницей концом IV в. до н. э. [Дашевская, 1976, с. 60], остается крайне интересным фактом. Не исключено использование черепицы в кладке и во время далекое от момента ее производства, но, это не говорит в пользу именно I в. н. э. [см. Дашевская Голенцов, 2006, с. 25-36] В хронологической колонке Беляуса существуют, по меньшей мере, пять греческих строительных периодов, приходящихся на последнюю четверть IV-III вв. до н. э. [Дашевская, 2004, с. 27-33]. Уже в силу таких перестроек, применение обломков черепицы в кладке может быть распространено и на последнее десятилетие IV в. до н. э.- III в. до н. э. В этом плане интересны остатки каменной гробницы раскопанной Т. А. Копьевой в кургане 1 у нос. Новоозерное на южном берегу оз. Донузлав. В центре сооружения располагалась погребальная камера размером ориентировочно 3,5 x 2,4 м, ориентированная с северо-запада на юго-восток, с полуразрушенным широким дромосом размером 1,6 x 1,6 м, расположенным с юго-восточной стороны [для сравнения, периметр погребальной камеры склепа 3 из могильника Беляуса составляли 3,6 x 2,2 м, склепа из Кульчукского могильника - 3,6 x 2,2 м]. Среди малочисленных находок из заполнения погребального сооружения в Новоозерном, присутствовали обломки амфор, которые можно отнести к IV в. до н. э., возможно к IV – первым десятилетиям III в. до н. э., но там не было предметов, которые можно было бы связать с более поздним временем.

⁴⁸ Остальные склепы всех типов и вариантов в значительной степени повреждены разборкой на камень, производившейся в XIX-XX вв., в силу этого, их описание сопровождается элементами реконструкции.

камера, находившаяся в центре разрушенной каменной гробницы, ориентирована с северо-востока-востока на юго-запад-запад, дромос примыкал к ней с северо-восточной стороны и был смещен к юго-восточному углу погребальной камеры. Дно прямоугольное, размером 2,5 x 2,4 м было вымощено обработанными каменными плитами толщиной до 0,2 м, сохранившимися по периметру камеры. С внешней стороны к полу примыкала отмостка из дикарного камня. Стены стояли частью на полу, частью на отмостке. От их основания, сохранились три хорошо обработанные плиты.

По размерам камеры и конструктивным особенностям к этому же типу можно причислить полностью разграбленные склепы в курганах у с. Крыловка, близ устья оз. Донузлав. В кургане 1 погребальная камера размером 2,4 x 2,2 м, равно как и разрушенный дромос, несомненно, были ориентированы с северо-северо-запада на юго-юго-восток, дромос должен был примыкать к камере с юго-восточной стороны (Рис. 95, 7). В кургане 2 при конструктивном единстве с предшествующими склепами, удлиненная погребальная камера (реконструируемый размер 2,7 x 1,8 м) ориентирована с юго-запада на северо-восток. Дромос примыкал к юго-восточному углу, и был расположен перпендикулярно длинной оси камеры (Рис. 35, 2, 3)⁴⁹. На востоке Тарханкутской возвышенности близкую планировку имел склеп из кургана Григорьевка 4 (Рис. 71, 5) с камерой размером 2,8 x 2,3 м.

Исходя из размеров и параметров погребальных камер, можно предположить, что к этому типу принадлежали и склепы из курганов Братское 15 (камера 2,4 x 1,9 м) и Григорьевка 1 (камера 2,65 x 2,35 м).

В курганах 10 и 11 у с. Снежное Черноморского района над оз. Джарылгач обнаружены полуразрушенные склепы с перпендикулярным расположением удлиненной прямоугольной камеры и примыкающего к ее углу дромоса (Рис. 96, 2). Входы в погребальные камеры были расположены выше пола. Отличие от склепов Донузлава заключено в использовании грубо обколотого камня, рваного по слою и сочетании в стенах на одном уровне, как орфостатных, так и уложенных постелью плит. Стены камер были вертикальными, перекрытия, несомненно, плитовыми, возможно уступчатыми. В кургане 10 размеры камеры по внутреннему периметру 2,8 x 1,5 м, прослеженная глубина 0,8–0,9 м. Камера склепа ориентирована с запада на восток с небольшим отклонением к югу. От юго-восточного угла отходил узкий дромос. В кургане 11 погребальная камера склепа ориентирована с запада на восток. Дромос, перпендикулярен длинной оси камеры и примыкает к ее юго-восточному углу. Размер камеры 2,7 x 1,4 м, прослеженная глубина до 1,2 м.

Локализация таких гробниц позволяет считать, что основной территорией их распространения была хора к северу от Керкинитиды и земли непосредственно к ней прилегающие. В глубине степи существуют близкие по параметрам и форме склепы, однако полных аналогий нет. Время сооружения склепов этого типа, судя по двум датированным объектам, вторая половина – конец IV в. до н. э., не исключены первые десятилетия III в. до н. э.

Склепы с удлиненно-прямоугольными камерами и дромосами, размещенными на одной оси. Почти все они разграблены и полуразрушены, однако, в отличие от предшествующего типа, они представлены на всем пространстве Тарханкутской возвышенности.

Объемная реконструкция, таких гробниц⁵⁰ возможна на основе единственного хорошо сохранившегося склепа IV – первых десятилетий III в. до н. э. с продольно-осевой планировкой из кургана 16 у с. Братское (Рис. 96, 3). Он ориентирован по оси восток-запад, впущен в прямоугольный котлован глубиной 0,7 м. Узкий траншеевидный дромос, шириной 0,5 м, находился с восточной стороны, стены были выложены бутовым камнем. Погребальная камера, прямоугольная внизу, размером 2,7 x 1,7 м имела высоту 1,6 м. Основания стен возведены из грубо обработанных, поставленных на ребро плит высотой 0,8–1,0 м, образуя четкий прямоугольник. Выше шла иррегулярная постелистая кладка с напуском внутрь, сложенная из рваного плитняка на глиняном растворе. В углах камни лежали по диагонали, по отношению к четким углам основания. Прямоугольный вход находился на 0,9 м выше грунтового дна склепа. Перекрытие камеры состояло из двух больших плит.

Интересен склеп из кургана 4 у Крыловки, характеризующийся широким ступенчатым дромосом (Рис. 38, 1–3). Погребальная камера размером 2,7 x 2,2–2,0 м и дромос, ориентированы по оси северо-северо-запад – юго-юго-восток. Дромос примыкал к камере с южной стороны. Нижняя часть стен сложена из обработанных, поставленных на ребро известняковых плит. Обработка верха плит по дуге или под наклоном, близка Кульчукскому склепу 1995 г., размеры же и планировка близки склепам Беляуса [Дашевская, Голенцов, 2006, с. 33–36]. Каменотесы и строители, построившие эту гробницу, были знакомы с полигональной кладкой. Скорее всего, гробница сооружена греческими мастерами. Верхнюю же часть склепа, вероятно, следует реконструировать, как уступчатую кладку из хорошо обработанных плит, на которую опирались плиты перекрытия. Дромос шириной 1,3 м со ступенчатым дном, спускающимся ко дну камеры, сооружен из грубо обработанных плит. Находки в заполнении склепа дают широкую датировку в рамках IV в. до н. э. – I в. н. э. Склеп, как и курган, сооружен в IV – возможно в первых десятилетиях

⁴⁹ Интересно, что квадратная гробница, судя по чертежу размером 3,3 x 3,3 м, со стенами сложенными из «квадровых плит», существовала в одном из курганов у современного с. Оленевка [Шульц, 2010, с. 14]. Курганы, скорее всего, являлись курганным некрополем античного Карраджинского поселения, находившегося на оконечности Тарханкутского мыса. Склепы с короткими прямоугольными камерами известны и на Восточной оконечности Тарханкутской возвышенности.

⁵⁰ Если не всех, то многих. Исключением были склепы с вертикальными стенами, например, склеп в кургане Наумовка 1.

III в. до н. э.

Особое место занимают два склепа из курганов Братское 14 и Григорьевка 7 (Рис. 90, 3; 77, 1). Они были сооружены в неглубоких котлованах и не имели внешней каменной обкладки. Основания стен установлены в дополнительные неглубокие траншейки. Камеры размером 2,6 x 2,2 м и 2,6 x 1,7 м, входы находились с восточной стороны. В обоих случаях стены сложены из вертикальных хорошо обработанных плит с угловыми подрубками для плит расположенных выше. В кургане Братское 14 на высоте около 1 м от дна погребальной камеры зафиксирована плита уступчатого перекрытия. Оба кургана относятся к IV в. до н. э. Сооружение их греческими мастерами из Северо-Западного Крыма, где, судя по склепам из Крыловки, были распространены те же приемы обработки камня, у автора сомнений не вызывает.

В кургане 3 у с. Наумовка, исследован основной прямоугольный склеп (Рис. 8, 2), ориентированный с юго-запада-запада на северо-восток-восток. Длина прямоугольной камеры по дну 2,6 м, ширина 1,0 м, сохранившаяся высота стенок 0,7–0,8 м. Цокольный ряд кладки, сложен из стоящих на ребре грубо обколотых плит. Плиты продольных стен наклонены внутрь, верхние ряды кладки, очевидно постелистые, были разобраны. Дно грунтовое, его уровень несколько ниже уровня древнего горизонта. Короткий широкий дромос находился с восточной стороны. Кладка одной из его стен продолжала линию продольной стены погребальной камеры. Это, как отмечено выше, характерно для Северо-Западного Крыма.

В кургане 2 Л у сел Виноградово - Луговое основной склеп ориентирован по оси юго-запад - северо-восток, дромос находился с юго-западной стороны (Рис. 12, 3). Камера прямоугольная размером 2,1 x 1,5 м. Цокольная часть стен сооружена из грубо обработанных прямоугольных каменных плит высотой от 0,8 до 1,0 м, поставленных на ребро, выше кладка не сохранилась. Вход в камеру располагался на высоте 0,8 м над уровнем ее грунтового пола. При такой конструкции, стены склепа должны были дополняться постелистой кладкой на высоту не менее 0,6 м, достаточной для оформления входа в камеру, на которую опирались бы плиты перекрытия.

Склеп, впущенный в курган эпохи бронзы, в кургане 1 у с. Наумовка характеризуется сочетанием уже на уровне цоколя орфостатной и постелистой кладки вертикальных стен (Рис. 6, 3). Камера имела прямоугольную форму, была ориентирован с юго-запада-запада на северо-восток-восток, дромос примыкал к ней с востока. Стенки дромоса продолжали линию продольных стен камеры, вход в камеру был расположен выше ее дна. Длина камеры по дну 2,4 м, ширина 1,25–1,3 м, сохранившаяся высота стен 1,0–1,15 м. Аналогии подобным впускным сооружениям известны исключительно в Восточном Крыму [Колтухов, 2005, с. 286–288].

К этому же типу можно отнести склепы из курганов Григорьевка 18, (камера размером 2,7 x 1,6 м, вход с юго-восточной стороны), Григорьевка 19 (вход с северо-восточной стороны), Братское 12 (вход с юго-западной стороны).

Видимо, к примитивным склепам, не имеющим четко выраженного дромоса, представлявшим собой, скорее всего, каменные ящики с одной удалявшейся при подхоронениях тыльной плитой, относятся основные гробницы в курганах 2 и 6 у с. Снежное Черноморского района. Постелистая и орфостатная кладки сочетаются в них на одном уровне. Подпрямоугольные камеры размером 2,5–0,8 и 2,4 x 1,0 м, ориентированы с юго-запада-запада - северо-восток-восток и с юго-запада на северо-восток. Скорее всего, здесь фиксируется сочетание традиций, характерных для ящиков и плитовых могил без входов V–IV вв. до н. э. и новых правил, связанных с появлением в IV в. до н. э. у скифов гробниц со входами.

Склеп с постелистой кладкой продольных стен, состоящей из толстых плитчатых обломков и поставленной на ребро плитой тыльной стены, раскопан в кургане Григорьевка 17 (Рис. 76, 1). Размеры камеры 2,5 x 1,4 м.

В целом, строительные характеристики рассмотренных объектов, свидетельствуют о том, что немногочисленные склепы, сооруженные из хорошо обработанного камня, раскопанные в Крыловке, Суворовском, Колосках, Григорьевке, Братском, построены, скорее всего, греческими мастерами. Остальные являются деградированными подражаниями греческим сооружениям в условиях полуоседлой или оседлой жизни⁵¹. Время строительства можно ограничить второй половиной – концом IV в. до н. э., возможно первыми десятилетиями III в. до н. э.

Ящики термин собирательный, в целом соответствует группе гробниц без входов. Стены возводились из плит, поставленных на ребро или уложенных плашмя. Дно, как правило, было грунтовым, реже вымощенным плитчатыми обломками камня. Перекрытия прослеживались редко, они состояли из каменных плит. Известны несколько неграбленных ящиков без каменных перекрытий, возможно, в этих случаях использовали дерево. Такие гробницы известны с V в. до н. э. до конца IV – первых десятилетий III в. до н. э. По форме они могут быть разделены на строго прямоугольные и на сужающиеся к одному из концов. Первые, скорее всего, восходят к ящикам горно-предгорной кизил-кобинской культуры и гробницам Синдики, вторые являются производным от соединения конструктивных особенностей каменной гробницы с формой грунтовой могилы. В ящиках, судя по их размерам, совершали захоронения, как мужчин, так и женщин. Подхоронения строго не зафиксированы, однако судя по гробницам из курганов Суворовское 12 и 13, такие действия не были исключением в IV в. до н. э.

Традиционными каменными ящиками со стенками из цельных плит являются погребальные сооружения из кур-

⁵¹ При этом, одно не исключает другое.

гана 15 у с. Наташино близ верховой Донузлава (Рис. 29, 4, 5) и из кургана 2 у с. Колоски близ Евпатории [Ольховский, 1982, с. 85-86]. У Наташино раскопаны гробницы из четырех обработанных плит, установленных с наклоном внутрь, сооруженные внутри каменной обкладки. Размеры по внутреннему периметру 1,85 x 1,22 м и 1,65 x 0,7 м при глубине 0,9–0,6 м, плиты перекрытия были сорваны при ограблениях. Интересно, что крупный ящик был удлинен при установке на 20 см. Такие приемы известны в каменных могилах Восточного Крыма, однако в данном случае «проектная» длина, определяемая с учетом тщательно обработанных фасов продольных плит⁵², не превышала 1,65 м. Подобный размер могил характерен не для вытянутых, а для скорченных погребений [ср. Лесков, 1965, с. 50-90; Крис, 1981, с. 67-70]. Аналогией «проектному» решению является ориентированный с запада на восток ящик VI-V вв. до н. э. из кургана 3 у с. Пионерское в горной части долины р. Салгир [Колтухов, Тоцев 1998, с. 23; Колтухов, 1999, с. 83]⁵³.

Ящики удлиненно-прямоугольной формы с продольными стенами, сооруженными из нескольких плит. Наиболее ранним является каменный ящик из кургана в урочище Снежное Сакского района (Рис. 29, 7). Размеры могилы, сужающейся к восточному концу 2,3 x 0,8 x 0,75 м. Ящик составлен из шести грубо обколотых плит, поставленных вертикально или с наклоном внутрь⁵⁴. Погребальное сооружение ориентировано по оси запад - восток с незначительным отклонением к юго-западу. Ящик напоминает ранние гробницы некрополя Стоячий Камень в Крымском Приазовье⁵⁵ и относится, к V в. до н. э. Еще одним, хорошо сохранившимся объектом, является ящик из кургана 12 у с. Суворовское, относящийся первой четверти IV в. до н. э. Он возведен из грубо обработанных и наклоненных внутрь плит и окружен овальной обкладкой из плитчатых обломков камня, ориентирован с запада на восток. Размеры камеры 2,15 x 0,9 м, высота 0,7 м. Возможно к этой же группе погребальных сооружений можно отнести полностью разграбленный ящик из кургана 10 В группы Виноградово – Луговое размером 2,1 x 0,6 м⁵⁶.

Ящики с цокольным рядом из необработанных или обработанных плит, поставленных вертикально или с наклоном внутрь. Выше цоколь дополнялся постелистой кладки из необработанного камня. Наиболее ранним, относящимся к V в. до н.э., является прямоугольный ящик из кургана Григорьевка 5. Его размеры 2,0 x 1,1 м, глубина 0,95 м, ориентирован с юго-запада-запада на северо-восток-восток (Рис. 72, 1). Восточная стенка и перекрытие разрушены при сооружении более поздних могил⁵⁷. Стены сложены из орфостатных плит, выше кладка постелистая, иррегулярная из необработанных плитчатых обломков. К несколько более позднему времени относится аналогичный ящик из кургана 10 у Братского. Гробница размером 2,6 x 1,0 м, глубиной 1,1 м, ориентирована с северо-востока-востока на юго-запад-запад. При подхоронениях ее юго-западный угол был разобран и закрыт вертикально стоявшей плитой.

Ко V–IV вв. до н. э. можно отнести основную могилу, глубоко впущенную в грунт, в кургане 6 у с. Открытое⁵⁸. Она прямоугольная слегка сужающаяся к западной оконечности, размером 2,5 x 1,0 м, кладки стен сохранились на высоту 1,2 м (Рис. 82, 4). Цоколь сложен из орфостатных обработанных плит высотой 0,6 м, выше шла постелистая иррегулярная кладка из плитчатых обломков камня. Такой же системой характеризуются узкие удлиненные склепы, переделанные их ящиков в курганах Снежное 2 (Черноморский район) и Водопойное 5.

Ящик со стенами, имеющими различные комбинации орфостатных или постелистых кладок, достаточно хорошо сохранился в кургане Суворовское 12. Поперечные стены возведены из плит, в продольных комбинируются постелистые и орфостатно-постелистые кладки из плитчатых обломков камня. Размеры камеры по дну 2,1 x 0,9 м, прослеженная высота стен 0,8 м, ориентация запад-восток (Рис. 18, 2). Он может быть отнесен ко времени не позднее второй четверти IV в. до н. э. Более полное представление о таких конструкциях дает ящик впускного погребения 2 из скифского кургана у разъезда Сторожевое близ Симферополя [Колотухин, 2000, с. 51-52]. Камера размером 2,3 x 0,95 м, глубиной 1,05 м, имела плитовое перекрытие, соответственно высота стен, в данном случае установлена точно. Продольные стены сооружены из плитчатых камней, уложенных постелью с напуском внутрь. Основания поперечных же состояли из плит, установленных на ребро, на них лежала постелистая кладка. Ориентирована гробница по оси северо-запад – юго-восток. Погребение датируется временем близким рубежу V–IV вв. до н. э.

Основные ящики с постелистой кладкой стен известны в курганах Солдатово – Шалаши 7, Наташино 11, Даль-

⁵² Торцовые поверхности длинных плит целенаправленно срезаны под острым углом, что и позволяло собрать ящик со стенами наклоненными внутрь.

⁵³ Лепные орнаментированные сосуды кизил-кобинской культуры, происходящие из этой могилы, а так же бронзовый базисный наконечник стрелы из ее заполнения, позволяют датировать погребение временем не ранее и не позднее второй половины VI-V вв. до н. э.

⁵⁴ Логично было бы назвать его плитовой могилой, однако не следует приумножать уже существующий понятийный список.

⁵⁵ Масленников, 1995, с. 28-33.

⁵⁶ Впрочем, культурная атрибуция этого объекта строго не охарактеризована, хотя наиболее вероятно его датировка скифским временем.

⁵⁷ По мнению В. А. Колотухина гробница использована вторично, первоначально в ней находилось более раннее скифское погребение.

⁵⁸ Близкими конструктивными особенностями характеризуется каменная гробница из кургана 6 у Водопойного. Совпадают не только конструктивные особенности могил, но и расположение, и размеры кольцевых крепид. Скорее всего, склеп из Водопойного является развитием такого варианта ящиков.

нее 2 и 4, Григорьевка 15, и в Присивашье на северо-восточной границе Тарханкутской возвышенности в кургане 18 группы Крыловка Первомайского района [Колотухин, 2000, с.28-29].

В двух случаях такие гробницы характеризуются большими размерами камеры. С минимальными повреждениями сохранилась гробница из кургана Дальнее 2 (Рис. 80, 7) Прямоугольная погребальная камера размером 2,8 x 1,7 м высотой 1,3 м ориентирована с юго-запада на северо-восток. Стены возведены из крупных плитчатых обломков камня, уложенных постелью, лицевая поверхность плит обработана. Поперечные стены вертикальны, торцовые сложены уступами внутрь. Перекрытие состояло из нескольких плит. Гробница датирована V – началом IV вв. до н. э. В качестве близкой аналогии можно привести столь же хорошо сохранившуюся гробницу из кургана 18 у с. Крыловка Первомайского района с камерой размером 3,4 x 2,0 м и высотой 1,6 м, ориентированную юго-запад – северо-восток [Колотухин, 2000, рис. 17]. В данном случае, все стены возведены уступами внутрь. В этом же кургане обнаружена аналогичная миниатюрная впускная гробница с херсонесской амфорой. Могила, как и сам курган, датированы концом IV – началом III в. до н. э. [Гаврилов, Шкарбан, 1985, с. 239]⁵⁹.

Подобные же кладки имели сохранившиеся на уровне первого ряда каменные гробницы из курганов Григорьевка 15 и Дальнее 4. Размеры камер 2,4 x 1,5 м и 2,5 x 1,5 м. Два ящика характеризуются несколько меньшими размерами. В кургане Солдатово – Шалаши 7 на уровне поверхности материка были отмечены остатки сильно разрушенной гробницы, с камерой, реконструируемой в размерах 2,2 x 1,2 м. Ориентация с юго-запада-запада на северо-восток-восток. Стены сложены в постелистой системе из крупных плитчатых обломков камня с напуском. Погребение может быть отнесено к IV в. до н. э. В кургане Паташино 11 находились остатки каменной гробницы, сооруженной в такой же системе из необработанных плитчатых обломков известняка с напуском внутрь. Размеры могилы по дну 2,1 x 1,3 м, ориентация северо-восток – юго-запад. По наконечникам стрел и обломку чернолакового сосуда погребение может быть отнесено к концу V – началу IV в. до н. э.

В целом, время сооружения таких гробниц может быть отнесено V – IV вв. до н. э.

Овальные могилы с каменной обкладкой стен представляют собой отдельный класс каменных погребальных сооружений, близких по строительным приемам к ящикам, а по форме к грунтовым могилам. Они встречены в курганах Тарханкутской возвышенности, Центрального, Восточного и Предгорного Крыма [Колтухов, 2005а, с. 247]. В Северо-Западном Крыму обнаружены у с. Красноярское, Новоозерное, в могильнике Суворовское и в курганах у с. Григорьевка. Каменные кладки однослойные постелистые или орфостатно-постелистые. Перекрытия, могли быть плитовыми, хотя, судя по их отсутствию в неграбленных могилах курганов у Григорьевки и Красноярского, вполне вероятны перекрытия из дерева. Большинство погребальных сооружений были впускными.

К ранним относится погребение 6 в кургане 2 у Красноярского, расположенное в центре насыпи, с каменной обкладкой стен удлиненно-овальной формы, размеры 2,1 x 0,8 м глубиной 0,8 м. Плитовое перекрытие разрушено, нижний ряд кладки стен состоял из плитчатых обломков камня, поставленных на ребро, выше была применена постелистая иррегулярная кладка (Рис. 51, 2). Могила датирована V в. до н. э. Более поздним вариантом является погребение Красноярское 11/9. Овальная могила с каменной обкладкой стен, размером 2,2 x 0,95 м прослежена на глубину до 0,5 м. Кладка стен постелистая из плитчатых обломков известняка, дно вымощено мелким плитняком, верхняя часть стен и перекрытие разрушены (Рис. 54, 5). Погребение датируется IV в. до н. э.

Такие могилы нечасты, они появились в курганах Северо-Западного Крыма в V в. до н. э. и бытовали до IV в. до н. э.

Грунтовые погребальные сооружения. К этой группе автор относит грунтовые склепы с плитовым перекрытием, катакомбы, подбойные и грунтовые могилы. Необходимо заметить, что катакомбы и подбойные могилы широко распространены в Степной Скифии, на протяжении позднего скифского периода в Крыму, теми же особенностями отличаются Присивашские степи. Однако в западной части Крымского полуострова они количественно не уступают каменным гробницам, сосуществующим с ними на протяжении V – первых десятилетий III в. до н. э.

Грунтовые склепы с плитовым перекрытием известны в курганах на восточной оконечности Тарханкутской возвышенности. Собственной узкой датировки из-за разграбления не дали. Впрочем, даты не ранее второй половины IV в. до н. э. имеют вырубленные в скале гробницы с плитовыми перекрытиями и выделенными входами в некрополе у пос. Войково на Керченском полуострове, аналогичные по форме грунтовым склепам из Братского, Григорьевки и Дальнего [Колтухов, 2005, с. 274-275].

В могильнике Братское обнаружены 2 склепа, а в могильнике Григорьевка – Дальнее 8 склепов. Для склепа из кургана Братское 8 характерен прямоугольный контур погребальной камеры, стены со слабым наклоном внутрь и расположение дромоса с восточной стороны (Рис. 85, 5). Размеры камеры 2,6 x 1,5 м глубина 1,2 м. В кургане Братское 13 камера с сильно наклоненными внутрь стенками с широким радиусом закругления углов, по форме приближалась к овальной. Ее размеры 2,6 x 1,7 м, глубина более 1,3 м, перекрытие удалено при ограблении, дромос не прослежен, однако судя по положению черепов погребенных, он находился с восточной стороны (Рис.

⁵⁹ Впрочем, не исключено, что время херсонесской амфоры, по которой датировали курган, может быть пересмотрено в сторону удреждения [см. Полин, 2010, с. 286 и сл.]

89, 3). В курганах у Григорьевки – Дальнего склепы были прямоугольными, с вертикальными или наклоненными внутрь стенками. Длина камер не превышала 2,6 м, ширина 1,6 м, глубина достигала 1,75 м. Лишь в склепе кургана Григорьевка 1 пропорции были иными, длина камеры составляла 2,4 м, а ширина 2,25 м (Рис. 72, 1). Перекрытия склепов состояли из двух – трех плит, щели между которыми заполнялись мелким камнем и глиной. Дно всегда было грунтовым.

Учитывая то, что в курганах этой части Тарханкутской возвышенности нет находок позднее первой четверти – трети III в. до н. э., верхнюю границу грунтовых склепов следует ограничить этим временем.

Долгое время территорией бытования таких гробниц считался Восточный Крым [Яковенко, 1973, с. 53; Бессонова, Бунятян, Гаврилюк, 1988, с. 19], однако появление их на восточной окраине Тарханкутской возвышенности позволяет значительно расширить зону их распространения. Из-за крайне слабой изученности центральной части крымской степи, не удастся уверенно ответить на вопрос о том, существовал ли единый ареал распространения грунтовых склепов, или их появление на Тарханкуте, следует связать с миграцией варварского населения из Восточного Крыма⁶⁰.

*Катакомбы и подбойные могилы*⁶¹. Катакомбы, как класс [категория] погребальных сооружений, встречаются в Крыму намного реже, чем в материковых степях, однако не являются исключением⁶². Их типологический спектр не отличается разнообразием. По сути дела, как показал В.С.Ольховский, некоторые их типы прямо смыкаются с подбойными могилами [1991]

Несомненно, уникальным объектом является катакомба, которую можно достаточно уверенно отнести к раннескифской культуре, обнаруженная в кургане Григорьевка 5 на восточной оконечности Тарханкутской возвышенности (Рис. 71, 6). Она близка типу I/1 по В. С. Ольховскому [1991, с.27]. Погребальная камера полуовальная размером 2, 0 x 1, 4 м, переход между дном входной ямы и камеры представлял собой ступеньку высотой 0,1 м. Погребение может быть отнесено ко второй половине VII в. до н. э. – рубежу VII–VI вв. до н. э.

Несмотря на то, что в курганах северо-западной части Крымского полуострова число катакомб незначительно, здесь обнаружена еще одна из ранних катакомб⁶³, раскопанная в кургане Рылеевка 2. Она принадлежит к типу III/1 по В. С. Ольховскому [Ольховский, 1991, табл. II. 28], характеризующемуся перпендикулярным расположением входной ямы и камеры. Размеры камеры 2, 1 x 1, 0 м, входная яма, дно которой расположено на одном уровне с дном камеры, примыкала к ней с северо-востока (Рис. 60, 1). Погребения можно датировать второй–третьей четвертью V в. до н.э.⁶⁴ Впускная катакомба из кургана Луговое 4 с параллельным расположением камеры размером 2,2 x 1,15 м и остатками входной ямы с южной стороны относится к типу I/1 по В. С. Ольховскому (Рис. 12, 4). Погребение датировано последней четвертью V в. до н. э. Аналогична ей катакомба известна в кургане у Матвеевки, находившемся в Присивашье близ северной границы Тарханкутской возвышенности. В. А. Колотухин датировал эту могилу рубежом V – первой половиной IV в. до н. э. [Колотухин, 2000, с. 20–22]⁶⁵.

⁶⁰ В пользу второго предположения могут свидетельствовать единичные, но достаточно хорошо датируемые керамические находки связанные с Восточным Крымом, происходящие из курганов у Григорьевки.

⁶¹ По мнению автора, принципиального различия между катакомбами с параллельным расположением входной ямы и камеры, и подбойными могилами нет. В. С. Ольховский совершенно справедливо охарактеризовал подбойные могилы как вариант катакомб с параллельными длинными осями камер и входных ям, к которым вплотную примыкает подбой [Ольховский, 1991, с. 27]. О катакомбах типа I/1 по В.С.Ольховскому, можно более уверенно говорить в тех случаях, когда входная яма короче подбоя, подбой имеет значительную ширину, или тогда, когда между входной ямой и камерой расположен выделенный вход.

⁶² Они достаточно хорошо представлены в полосе Присивашья в IV в. до н. э. [Скорый, 1982; Скорый, 1986, с. 41–44, 150–151, 154–155; Бессонова, Черных, Куприй, 1984, с. 41–47; Колотухин, 2000, с.10–11]. Обнаружены они и на Керченском полуострове. Недавно к единственному раскопанному на Керченском полуострове скифскому погребению середины – второй половины V в. до н. э. в катакомбе, которую можно охарактеризовать как большую подбойную могилу [см. Бессонова, Скорый, 1986], добавили серию катакомб IV и VI–III вв. до н.э., происходящих из курганов, раскопанных СКЭ в начале 70-х гг. прошлого столетия, во внутренней и приазовской части Восточного Крыма [Колотухин, Колтухов, 2007, с. 213–224; Колтухов, Колотухин, 2007, с. 328–353].

В предгорье катакомбой типа IV/2 оказалась могила аристократического погребения третьей четверти IV в. до н. э. в скифском кургане Беш-Оба IV [Колтухов, 2006]. К позднему V – началу IV в. до н. э. можно отнести погребение 4 в явно выраженной катакомбе типа I/1 из кургана, расположенного на границе степи и предгорья у разъезда Сторожевой под Симферополем [Колотухин, 2000, с. 53]. Амфору из этого комплекса С. Ю. Монахов в настоящее время относит к концу V в. до н. э. [Монахов, 2003, с. 127–128]. Еще одна катакомба, использовавшаяся в качестве склепа, известна в кургане у с Мичурино, расположенного в центральной части крымского предгорья. Погребения в ней были ярусными, причем разрушенный нижний ярус был отнесен ко второй половине IV–III вв. до н. э., а верхний ко II в. до н. э. [Пуздровский, Тошев, 2001]. Возможно, в этом случае более приемлема датировка в рамках III–II вв. до н. э. скорее всего, так же должна датироваться катакомба с несколькими захоронениями из грунтового могильника у с. Ливадки в Предгорном Крыму [Храпунов, Мульд, 2004, с. 246]. Катакомба с достаточно близкой датой существует и на побережье Северо-Западного Крыма, это склеп 114 Беляусского могильника [Пуздровский, 2007, рис. 12].

⁶³ О хронологии ранних крымских катакомб [см. Колотухин 2000, с. 37; Бессонова, Скорый, 1986; Колтухов, Андрух, 1995].

⁶⁴ Интересно, что в каталоге погребений в кургане Ромашкино 1 упомянута катакомба [Ольховский, 1991, кат. № 298].

⁶⁵ В этом же кургане погребение 3 было совершено в катакомбе, которое отличается от подбойной могилы лишь меньшими, чем подбой размерами входной ямы. Костяк был ориентирован на запад-северо-запад. Судя по стрелам, погребение 3 датируется тем же временем что и погребение 8. Третьей в кургане была небольшая подбойная могила 9 с захоронением подростка, ориентированного головой на юго-запад-запад. В ровике кургана найдены обломки горловин двух гераклейских амфор, одно из них с тремя буквами строки клейма, судя по прорисовке,

Особый интерес представляет небольшая серия миниатюрных катакомб, относящихся к типам I/1 и III/1 по В. С. Ольховскому [1991, табл. 2] из курганов у с. Крыловка, Григорьевка и Дальнее. Две катакомбы из кургана Крыловка 1 датируются эллинистическим временем. Не ранее этого времени датируется и катакомба из кургана Крыловка 4. Однако в этом же могильнике существуют и более ранние катакомбы с захоронениями детей. Из двух катакомб кургана Крыловка 5 одна не датирована, другая отнесена к IV–III вв. до н. э. Впускная катакомба из кургана Крыловка 14 так же относится к IV–III до н. э. Катакомба из кургана Григорьевка 15 может быть отнесена к IV – первым десятилетиям III в. до н. э. Таким же временем датируется маленькая катакомба из кургана Дальнее 7.

Во всех случаях, миниатюрные катакомбы оказываются впускными, все они предназначены для захоронений детей и младенцев. В скифской погребальной традиции у населения восточной части Тарханкутской возвышенности, они появляются не ранее IV в. до н. э. Таково погребение ребенка в катакомбе Дальнее 7/2 и аналогичное захоронение в кургане Григорьевка 15.

В целом же, следует признать то, что катакомбы, широко распространенные в Степном Причерноморье, в Крыму встречаются преимущественно в полосе Присивашья, на остальной же территории они существовали, но в относительно небольшом количестве. Массово они распространяется в Западном и Предгорном Крыму с позднеэллинистического времени⁶⁶.

Подбойные могилы в скифское время, в Степном и Предгорном Крыму, не единичны, но и не часты. Как и катакомбы, они широко распространяются лишь в познескифской культуре, и в первые века н.э.

На сегодняшний день, наиболее ранней в Степном Крыму, расположенной на границе Присивашья и Тарханкутской возвышенности, является подбойная могила погребения 7 из кургана Крыловка 19 [Первомайский район], датированное В.А. Колотухиным началом V в. до н. э. [Колотухин, 2000, с. 30]. Не исключено, что датировка завышена и погребение можно отнести ко второй половине VI – рубежу VI–V вв. до н. э. На восточной оконечности Тарханкутской возвышенности, в кургане Григорьевка 9 раскопана подбойная могила (Рис. 74, 1), относящаяся ко времени не ранее второй – третьей четверти V в. до н. э. Подбойная могила Дальнее 1/2 (Рис. 81, 6) датирована временем близким концу V – началу IV в. до н. э.

К более позднему времени, а именно ко второй-третьей четверти IV в. до н. э., относится погребение в подбойной могиле 2 из кургана 13 В группы Виноградово-Луговое (Рис. 11, 4). Впускная могила из кургана 1 В, группы Виноградово - Луговое из-за отсутствия погребального инвентаря не имеет четкой хронологической позиции. Аналогична ситуация с безинвентарным погребением 8 в кургане 4 у сел Солдатово-Шалаши, где костяк имел юго-западную ориентацию. Лишь небольшая подбойная могила Ромашкино 1/2 [Ольховский, 1991, табл. IX, 4], датирована IV–III вв. до н. э.⁶⁷

Грунтовые могилы в Северо-Западном Крыму встречаются не реже, чем каменные гробницы. Выделяются два основных типа. К первому из них относятся прямоугольные или подпрямоугольные могилы, ко второму типу ладьевидные или подовальные могилы. Борты прямоугольных могил, чаще вертикальны, реже имеют наклон внутрь. Борты овальных могил, как правило, имеют выраженный наклон внутрь. При этом наклонными могут быть или все борты (Рис. 84, 1), или только продольные (Рис. 93, 8), или поперечные и лишь один из продольных (Рис. 85, 1; 67, 11)⁶⁸.

Прямоугольные и подпрямоугольные могилы, редки, однако встречены в курганах у сел Братское, Дальнее, Далекое, Виноградово-Луговое, Красноярское, Колоски, Межводное, Наумовка, Солдатово – Шалаши. Почти во всех случаях углы таких ям закруглены, нередко отмечается сужение могил к ногам погребенного.

Интересна грунтовая могила 2 в кургане Красноярское 8. Она ориентирована с запада на восток, размер по дну 2,7 x 1,8 м, соотношение длины и ширины 1,5:1,0, углы закруглены (Рис. 53, 2). Стенки осыпались из-за слабого

читающимися как N14 или ΔN. Подобное сочетание можно найти в именах фабрикантов Пиронида или Дионисия, работавших в рамках РГФ и 1 МГ по В. И. Кацу [Кац, 2007, с. 429]. Это позволяет отнести могилы из Матвеевки к рубежу V-IV – первой четверти IV в. до н. э., возможно к началу второй четверти этого столетия, если допустить, что клеймо принадлежит магистрату Дионисию I. Расположение на плане кургана близких по типу и времени могил позволяет рассматривать все три могилы как захоронение членов одной небольшой группы, скорее всего, семьи. В центре насыпи находилось погребение 3, судя по инвентарю мужское, погребение 8, женское, располагалось в 7 м от центра, в северо-западном секторе, в 9 м от центра находилось погребение 9 с захоронением девочки-подростка. Погребение 2 из этого же кургана, датированное В. А. Колотухиным предположительно второй половиной V в. до н. э. [Колотухин, 2000, с. 21], несомненно, относится к более раннему времени, чем перечисленные захоронения в подбойных могилах. Существенно то, что к этому же хронологическому периоду относятся подбойная могила и катакомба типа I/1 из кургана у разьезда Сторожеево [Колотухин, 2000, с. 51-53]. Появление небольшой серии близких по времени подбойных могил и катакомб, идущих полосой вдоль границ западной части Крымского полуострова от Присивашья по направлению к Предгорью, вряд ли случайно, однако, пока оно не поддается объяснению.

⁶⁶ См. Дашевская 1969; 1989; 1999, 2001; Внуков, Лагутин, 2001. Вопросы их хронологии, типологии и генезиса обстоятельно рассмотрены А. Е. Пуздровским [2007, с. 44-48].

⁶⁷ Погребение 3 в кургане 1 у с. Крыловка Сакского района представляло собой подбойную могилу, ориентированную по оси север-юг. Подобная ориентация мало характерна для скифских могил, но вполне уместна в могильниках греческих поселений. Например, северный сектор преобладает в ориентации некрополя Керкинитиды [Кутайсов, 2004, с. 97].

⁶⁸ Такие особенности, при фиксации в поле контура могилы на уровне близком к ее дну, не позволяют уверенно дифференцировать подбойные могилы с незафиксированной входной ямой и грунтовые могилы.

грунта. Судя по размерам и расположению погребального инвентаря относительно костяка, аналогией ей служит основное погребение в кургане 2 в урочище Бахчи-Эли близ Симферополя, раскопанное Н. Л. Эрнстом в 20-е гг. XIX столетия [Ольховский, 1982, рис. 7,6]. Найденный в бахчиэлинской могиле чернолаковый килик может быть отнесен к раннему IV в. до н. э. [Sparkes, Talcott, 1970, cat. 621], тогда как погребение Красноярское 8/2 датируется по амфоре концом V – началом IV в. до н. э. Аналогичные пропорции характерны и для прямоугольной могилы Колоски 1/2, размером 2,7 x 1,8 м, датированной V–IV вв. до н. э. [Ольховский, 1982, с. 61]. На Керченском полуострове близкими размерами и параметрами обладает грунтовая могила с плитовым перекрытием, исследованная в кургане Ленино 13 [Яковенко, Черненко, Корпусова, 1970, с. 160-161]. Амфора и чернолаковый килик, обнаруженный в погребении, позволяют отнести захоронения ко времени не позднее второй половины IV в. до н. э.

Иные пропорции, ориентировочно 2,5:1,0 характерны для прямоугольных, нередко сужающихся к ногам могил с закругленными углами. К позднему V в. до н. э. относится могила 12 в кургане 4Л группы Виноградово-Луговое. Выраженным сужением к ногам обладала могила погребения 3 из кургана Наумовка 2, относящаяся к V в. до н. э. (Рис. 7, 1). Могила погребения 2 из кургана Межводное 12 датируется V–IV вв. до н. э.⁶⁹ Впускная могила 5 из кургана 13 В группы Виноградово-Луговое датируется временем не ранее второй половины IV в. до н. э. Пропорциями 2 : 1 характеризуется могила 2 из кургана Далекое 7, относящаяся к IV до н. э.

Подпрямоугольные могилы с дуговидно изогнутой поперечной стенкой единичны. Могила погребения 5 в кургане Колоски 5 представляла собой яму размером 1,9 x 1,4 м [соотношение длины и ширины 1,4:1,0], с дуговидной юго-восточной стенкой, находящейся в головах (Рис. 22, 1). Погребение может быть датировано второй половиной VI – первыми десятилетиями V в. до н. э. Единственной известной в настоящее время аналогией этой могиле может послужить могила 2 в кургане 3, раскопанном Н. Л. Эрнстом, в урочище Бахчи-Эли под Симферополем. Размеры погребального сооружения 2,07 x 1,5 м ориентация – запад-восток. В бахчиэлинской могиле, наряду с лепным кувшином, была найдена трехлопастная стрела с шипом на втулке, которая, несомненно, относится к VII-VI вв. до н. э.

Не менее интересна могила Солдатово – Шалаши 6/2 размером 2,2 x 1,45 м. В заполнении ее центральной части зафиксированы три плитчатых обломка известняка, которые, скорее всего, служили перекрытием той узкой щели, с которой начиналось копка могилы. Датировка погребения вряд ли выйдет за хронологические границы второй половины V – рубежа V-IV вв. до н. э. Аналогией ей по параметрам, объемному решению, а скорее всего и по форме, может послужить могила 3 в кургане Братское 10, относящаяся ко времени не позднее третьей четверти IV в. до н. э.

Несмотря на небольшое количество погребальных сооружений у подпрямоугольных могил достаточно четко выделяется два размерных варианта. Первый – большие могилы с соотношением длины и ширины близким 1,5:1,0, и узкие могилы с соотношением 2,5-2:1,0. Хронологические рамки их бытования могут быть соотнесены со второй половиной VI-IV вв. до н. э. Судя по аналогиям, территория распространения таких могил занимала к IV в. до н. э. Западный, Степной, Предгорный и Восточный Крым. Оба варианта широко представлены в древностях Степного и Лесостепного Причерноморья в скифское время от Среднего Дона и Северского Донца до Дуная [Бабенко, 2005; Либеров, 1965; Пузикова, 2001; Гречко, 2010; Петренко, 1967; Ильинская, 1968, Ильинская, 1975; Ковпаненко, 1981; Ковпаненко, 1981; Бессонова, Скорый, 1989; Скорый, 1997; Мурзин, 1984; Гребенников, 2008; Андрух, 1995]⁷⁰.

В Крыму преобладают ямы второго размерного варианта, который воспроизводился и при сооружении грунтовых склепов с каменными перекрытиями в курганах IV в. до н. э. на Керченском полуострове [ср. Яковенко, Черненко, Корпусова, 1970; Бессонова, Бунятян, Гаврилюк, 1988; Колотухин, Колтухов, 2007], а также на восточной границе Тарханкутской возвышенности.

Ладьевидные (подовальные) могилы занимают основное место среди грунтовых погребальных сооружений. Соотношение длины и ширины близко значению 2,0:1,0.

Могилы правильной овальной или близкой ей формы единичны. К их числу относится могила погребения 3 в кургане Красноярское 5, датируемая второй половиной V – началом IV в. до н. э. Сходные погребальные сооружения известны в курганном могильнике у с. Братское. Характерной их особенностью было заметное сужение ям кверху. Аналогичным контуром характеризуется и детская могила 3 с наклонными стенками из кургана 7 у с. Дальнее. Не менее интересна могила погребения 2 в кургане 3 у Суворовского с вертикальными стенками, несколько сужающаяся ко дну, относящаяся к IV в. до н. э. Аналогичные могилы известны в это время в некрополе Керкинитиды, где ориентация в северо-западном секторе не является редкостью [Кутайсов, 2004, с. 97].

Могилы в виде деформированного овала, сужающиеся к одному из концов встречаются чаще. Они встречены в могильниках Братское, Виноградово-Луговое, Григорьевка, Дальнее, Колоски, Крыловка, Межводное, Наташино, Наумовка, Суворовское. Вариабельность формы достаточно велика от асимметричного овала к формам, приближающимся к узкому подтреугольному контуру с закругленными углами. Соотношение длины к наибольшей ширине близко 2,0:1,0 абсолютные размеры близки значениям параметров. Во многих случаях прослеживается или

⁶⁹ Грунтовая могила близких размеров и сходной ориентации с несколькими последовательными захоронениями в кургане 14 у нос. Ленино на Керченском полуострове [Яковенко, Черненко, Корпусова, 1970, рис. 17, 2], относится к тому же хронологическому периоду.

⁷⁰ Поскольку количество ссылок на статьи и монографии может оказаться неисчерпаемым, автор дал отсылки лишь к основным работам.

реконструируется наклон бортов внутрь. При знакомстве же с крымским материалом, в целом, можно достаточно уверенно писать о том, что ярко выраженное сужение кверху характерно для могил IV до н. э., тогда как у могил V в. до н. э. борта либо вертикальны, либо имеют слабо выраженный наклон одной или двух стенок.

Необычным образцом овальных могил служит перекрытая плитами могильная яма детского погребения из кургана 1 у с Шалаши (Рис. 23, 3), датируемого временем не позднее IV в. до н. э. В северо-западном борту могилы под плитами был обнаружен забитый мелким камнем лаз. Такое решение сближает это необычное сооружение с катакомбой.

Судя по результатам работ 70-90-х гг. XIX века наибольшее количество ладьевидных могил скифского времени в Крыму раскопано на Тарханкутской возвышенности [Вдовиченко, Колтухов, 1986; Колтухов, Кислый, Тощев, 1994; Колотухин, 2000; Колотухин, Колтухов, 2007а]. Наиболее ранней в этом варианте являются погребения в курганах у с. Наумовка. Далее следует небольшая серия могил V в. до н. э. Большинство же могил относится к IV в. до н. э. В Крыму такие могилы в VI-V до н. э. известны в Предгорье в курганах долины Салгира [Колтухов, 1999] и Западного Булганака. В V-IV до н. э. распространены в Присивашье [Колтухов, Кислый, Тощев, 1994, с. 37-39; Гаврилов, Колотухин, Колтухов, 2002], встречены в могильнике этого же времени у с. Фронтное на Акмонайском перешейке [Корпусова, 1967; Корпусова, 1972]. Отдельные погребальные сооружения известны в глубине Керченского полуострова [Яковенко, Черненко, Корпусова, 1970, рис. 20, 22-24]. В Степном Причерноморье они распространены в Подунавье, Поднестровье, Побужье и на Нижнем Днепре, однако с V в. до н. э. уступают первенство катакомбам и подбойным могилам. В IV в. до н. э. служат могилами второстепенных персонажей в аристократических курганах скифского Герроса.

В целом для Северо-Западного Крыма характерно уникальное соотношение подкурганых погребальных сооружений, выражающееся в почти равном количестве каменных и грунтовых могил, близком соотношении склепов и каменных ящиков, а так же в широком распространении овальных грунтовых могил. Большое количество каменных гробниц подчеркивает постепенное обособление территории от других частей Степного Крыма. Преобладание склепов над ящиками во второй половине IV в. до н.э. свидетельствует в пользу быстрого роста народонаселения⁷¹. Овальные или ладьевидные могилы, не отличаются от тех, в которых в VI-V вв. до н. э. захоранивали жителей крымского предгорья, и степи. Видимо это свидетельствуют о долгом сохранении в Северо-Западном Крыму раннего скифского населения.

ПОЛОЖЕНИЕ И ОРИЕНТАЦИЯ ПОГРЕБЕННЫХ

Практически все захоронения в курганах представляли собой ингумации. В грунтовых, подбойных могилах и катакомбах обнаружено по одному, в редких случаях по два костяка. В каменных ящиках, неповрежденных грабителями захоронения единичны, однако в разграбленных гробницах костные остатки позволяют говорить об одном – трех погребенных. Количество людей, захороненных в склепах, колеблется от трех до девяти. Трупосожжения предположительно были совершены в двух случаях, однако, связь их с погребальным обрядом именно скифов, проблематична⁷².

Судя по размерам могил, они сооружались для захоронений в вытянутом положении. Основное количество наблюдений свидетельствует о массовом распространении захоронений в вытянутом положении на спине. Скорченные захоронения известны, но встречаются редко, преимущественно в раннее время. Захоронение на правом боку из кургана Григорьевка 5 относится к VII – началу VI в. до н. э. В нескольких случаях зафиксировано слабо скорченное положение с наклоном на бок. Все эти погребения датируются временем не позднее V в. до н. э. Подобная позиция известна в погребениях архаического и классического времени, хотя и не часта [Ольховский, 1991, с. 58, 67, 81]. В трех случаях отмечена поза на спине с подогнутыми ногами, при этом дважды ноги распались ромбом (Красноярское 8/2; Рылеевка 1/1), а в одном случае (Рылеевка 2/2) одна нога была выпрямлена, другая согнута в колене. Погребения датируются V – рубежом V–IV вв. до н. э. Скорченность, как элемент обряда редка, но не является исключением, ни в Степной Скифии, ни в Крыму⁷³. Расположение кистей рук на тазе известно, но встречается нечасто, преобладает расположение кистей у таза или у бедер.

Ориентация на протяжении всего скифского времени была достаточно разнообразной, хотя массово преобладал западный сектор. В Донузлав-Сасыкском ландшафтном районе ориентация надежно определена для 33 захоронений скифского времени. В секторе запад - юго-запад ориентировано 20 костяков, в секторе восток - северо-восток

⁷¹ Учитывая то, что в склепах и в связанных с ними захоронениях в полах курганов, практически отсутствуют вещи первой половины IV в. до н. э., время их интенсивного сооружения можно отнести ко второй половине – концу IV в. до н. э.

⁷² В кургане 7 Крыловской группы, погребение по обряду кремации следует связать с населением хоры Херсонеса и датировать III-II вв. до н. э., а в кургане Далекое 7, следы кремации могут оказаться более поздним заполнением ямы, разрушившей погребение.

⁷³ Например, погребение дружинного типа из кургана 1 группы Славное-Рылеевка очень похоже на близкое по времени дружинное погребение Ковалевка 2/3 [Ковпаненко, Бунятян, 1978, с. 58-60]. По мнению автора, существует связь между скифскими погребениями из Славного - Рылеевки и скифскими погребениями из Ковалевки и Новой Розановки [ср. Мурзин, 1984, с. 41-42].

7 погребенных, в секторе запад - северо-запад 7 погребенных. Выражено преобладание западной ориентировки с небольшими отклонениями к югу и северу, типичной для скифов. Ориентация склепов определена в 8 случаях: 4 склепа ориентированы в юго-западном секторе, 1 в северо-восточном, 3 в секторе северо-запад - северо-северо-запад. Ориентировка на северо-восток и восток – северо-восток может свидетельствовать об античном влиянии на погребальный обряд скифов, либо о существовании курганных некрополей, оставленных общинами со смешанным населением.

В Тарханкутском районе ориентация склепов установлена в курганном могильнике у с. Снежное Черноморского района. Два склепа ориентированы на запад, один на юго-запад-запад. Такая ориентировка характерна для скифов Степного Крыма.

В Бакальском ландшафтном районе ориентация определена для 26 захоронений. В секторе запад - юго-запад ориентировано 22 костяка, в секторе запад - северо-запад 2 костяка, в секторе восток – северо-восток 2 костяка. Оба обнаруженных здесь склепа ориентированы в юго-западном секторе.

В Самарчик-Чатырлыкском районе получены данные об ориентации 50 костяков и 18 склепов. Ориентация погребенных в секторе юго-запад – северо-запад определена в 48 случаях. Преобладает юго-западное и западное направление, на северо-запад ориентировано лишь 7 костяков. Ориентация на северо-восток и юго-восток известна в 2 случаях. Основное количество склепов ориентировано в секторе юго-запад - запад, однако три склепа ориентированы на северо-восток. Объяснение последнему пока не найдено.

Во всех ландшафтных районах в ориентировке явно преобладают скифские ракурсы, в первую очередь юго-западный, а затем западный. Наименьшее число захоронений ориентировано в северо-западном секторе, возможно, это связано с сезонными особенностями. Ориентировка в северо-восточном секторе чаще встречается на памятниках, расположенных на хоре и близ ее границ.

Рассмотрение основных элементов погребального обряда варварского населения Северо-Западного Крыма, позволяет прийти к следующим выводам.

Наиболее ранние скифские погребения появляются здесь в конце VII – начале VI в. до н. э. и связаны с миграциями кочевого населения на этапе РСК. Количество скифских погребений несколько увеличивается во второй половине VI - начале V в. до н. э. Представлены они исключительно впускными захоронениями в грунтовых погребальных сооружениях (могилах?) в курганах эпохи бронзы.

Первые собственно скифские курганы появляются в курганных группах эпохи бронзы не позднее первой половины – середины V в. до н. э. Курганные могильники, которые можно считать скифскими, исходя из преобладания в них скифских курганов, формируются в IV в. до н. э. в местах, где уже существовали единичные курганы эпохи бронзы. Особенностью скифских курганных могильников является преимущественно линейная система расположения курганов. Еще одна особенность - отсутствие в исследованных могильниках крупных курганов. Повсеместно встречены небольшие курганы с первоначальным диаметром, не превышающим 20 м.

В расположении погребальных сооружений можно выявить три основных принципа. Основная масса скифских захоронений в курганах эпохи бронзы располагалась в центральной части насыпей, что свидетельствует о свободном, не связанным регламентацией отношении к погребальным сооружениям предшествующих эпох. Несомненно, скифы ощущали себя безраздельными владыками степных пространств и всего на них находящегося. В собственно скифских курганах могилы изредка группируются в центре по две, что характерно для V в. до н. э. и для начала IV в. до н. э. Возможно, этим подчеркивается близость погребенных по социометрическим критериям. Позднее в расположении могил устанавливается правило противопоставления центрального и периферийных захоронений. Подобное расположение могил наиболее типично для IV в. до н. э. и ярко проявляется в курганах с крупными каменными гробницами. Основная причина связана с ростом социальной дифференциации и подчеркиванием в погребальном обряде половозрастных различий. Близкие пространственные критерии, существовали в погребальной традиции античного некрополя Панское, возникшего у рубежа V–IV вв. до н. э.

Широко распространенным видом погребальных сооружений были разнообразные грунтовые могилы, существовавшие здесь со второй половины VI – начала V в. до н. э. и на всем дальнейшем протяжении скифского периода. Характерной особенностью таких могил, часто было сужение объема кверху за счет косоугольного или дуговидного наклона стенок, иногда симметричного, иногда представлявшего собой сочетание вертикальных и наклонных участков. В некоторых случаях такие могилы можно рассматривать как имитации катакомб [ср. Колотухин, 2000, рис. 14. 5] или подбойных могил, однако, вход в них всегда находился сверху, представляя собой узкую щель, а там где это удавалось проследить, имел плоское плитовое или деревянное перекрытие. Не ранее первой половины - середины V в. до н. э. появляются каменные «ящики» и плитовые могилы. Практически все они по размерам соответствуют вытянутому положению погребенных, что не позволяет непосредственно связать их с кизил-кобинскими или таврскими каменными гробницами Горного Крыма. Примерно в это же время, фиксируются не частые катакомбы и подбойные могилы, явно связанные со Степным Причерноморьем. Новым явлением стали с IV в. до н. э. сложные каменные сооружения, с расположенными внутри погребальными камерами ящиков и склепов, заметно отличающиеся от большинства склепов Предгорного и Восточного Крыма.

В погребальном обряде господствовало вытянутое положение на спине, а в ориентации, над другими направлениями многократно преобладал сектор запад – юго-запад.

В свое время В. С. Ольховский предложил выделить в Крыму скифского времени 4 локальные группы, в том числе и западно-крымскую, начав ее с рубежа V–IV вв. до н. э. и доведя до III в. до н. э. [Ольховский 1991, с. 137–144]. Соглашаясь с основными критериями группировки материала, могу добавить лишь то, что западно-крымская группа начала формироваться не позднее второй – третьей четверти V в. до н. э.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ИНВЕНТАРЬ

Погребальный инвентарь встречен практически во всех неграбленных погребениях, отдельные находки, как правило, фрагментированные, сохранились и в подавляющем большинстве могил, подвергшихся грабежу. Комплексы находок достаточно однообразны и, как правило, представлены различными сочетаниями керамики, предметов вооружения, украшений и бытовыми вещами.

В расположении вещей отмечены устойчивые закономерности. Мечи и кинжалы обычно находились в области пояса, менялось лишь место их крепления, с поясом связаны и оселки. Наконечники стрел и остатки горитов или колчанов почти всегда обнаруживались слева от костяка. Исключения связаны с теми случаями, когда инвентарь в женских могилах укладывали справа от умершей. Копья находились по правую сторону погребенного. В целом, расположение оружия и предметов на поясной подвеске, соответствует размещению атрибутов на многочисленных каменных изваяниях. Ворворки были связаны с поясами, поясной подвеской предметов к поясу и с чехлами копий. Посуда устанавливалась в головах или на уровне предплечья, справа или слева от тела, лишь в одном случае [погребение Гришино 2] отмечено расположение сосудов в ногах. Мясная пища сопровождалась железными ножами и находилась, как справа, так и слева от костяка. Единичные экземпляры песчаниковых плиток встречены только в женских погребениях, они располагались справа от костяка. Первоначальное расположение зеркала прослежено только в погребении Гришино 2. Оно находилось у правого плеча женщины. В погребении Луговое 4/7 зеркало найдено вдали от костяка, у входной ямы подбойной могилы. Браслеты в неграбленных погребениях находились на костях рук, серьги и височные кольца располагались в области черепа. Бусы, пронизи и подвески встречались в области шеи и грудной клетки. Пряслица находились справа или слева от костяков, а если этих предметов было несколько, то лежали рядом. Литые бронзовые бляхи в зверином стиле связаны с вооружением и лишь в одном случае (Рылеевка 4/2) – с конским снаряжением.

Античная керамика встречается в курганах в виде тризн, единичных фрагментов в поверхностном слое насыпей, находок в погребениях, а также в виде подъемного материала на поселениях. И там, и там, это обломки амфор, датированных преимущественно IV – III вв. до н. э. Впрочем, судя по корректировке хронологии амфор Фасоса и Гераклеи [Монахов, 2003], в степи, в датировках, на смену IV – III вв. придет IV в. до н. э.

Поскольку поселения еще не подвергались целенаправленным исследованиям, анализ их керамического комплекса – дело будущего. Несколько иначе обстоит дело с курганами, но необходимо отметить то, что их раскапывали по новейшей методике, с использованием механизмов. В силу этой особенности полевых работ и разрушения верхнего слоя насыпей в результате распашки или разборки на камень, многие тризны не были зафиксированы. В других случаях описание их сводилось к упрощенному упоминанию обломков амфор, встреченных в насыпи и на ее поверхности. Изредка, встречаются указания на продукцию одного – трех производственных центров⁷⁴. Следы поминальных действий фиксировали преимущественно в поверхностных горизонтах насыпей скифских курганов. Находки состояли из амфорных обломков и крайне редких фрагментов гончарных и лепных сосудов⁷⁵. Чернолаковая керамика в тризне представлена одним сосудом, канфаром из кургана Далекое 5. Непосредственно в погребениях зафиксированы амфоры, гончарные и чернолаковые сосуды. Известны как целые формы, так и их обломки, сохранившиеся в насыпи могил после ограблений.

Амфоры. На сегодняшний день, существуют достаточно подробные сведения о составе тризн из 3-х курганов суворовской группы. Необходимо заметить, что основными погребальными сооружениями в этих курганах были каменные гробницы, соответственно, вполне реальны подхоронения в них⁷⁶. Следовательно, остатки тризн можно рассма-

⁷⁴ Плохой сохранности тризн во многом способствовало и отсутствие ровиков вокруг насыпей скифских курганов. Именно в них остатки тризн сохранялись лучше всего.

⁷⁵ Необходимо заметить, что за тризны можно было принять и выбросы материала из разрушенных и разграбленных гробниц, растянутые в пахотном слое.

⁷⁶ В кургане 11 основной гробницей, судя по размеру остатков камеры и обкладки, был склеп, явно рассчитанный на подзахоронения. В кургане 12, в одной из гробниц обнаружены остатки двух костяков, а два амфорных клейма из тризны, разделены, по меньшей мере, столетним хронологическим промежутком. В кургане 13 во впускной гробнице, были использованы обломки каменного изваяния, связанного с основным погребением, что при единстве погребального обряда указывает на достаточно длительный период, разделяющий основную и впускную гробницы. Не совсем ясно, как проводился подсчет амфорного боя, исходя из текста статьи можно думать, что выделяли отдельные амфоры [Ольховский, 1993]. Тем не менее, наблюдения за ходом этих работ, позволяет мне предположить, что подсчет велся по фрагментам.

тривать и как единовременные отложения, и как следы нескольких последовательных ритуалов, что более вероятно. В кургане 11 в насыпи зафиксированы фрагменты ряда амфор: 3 - фасосские, 7 – гераклейских, 3 - херсонесских, одна псевдофасосская. В кургане 12 зафиксированы обломки серии амфор: фасосские – 2-3; хиосские – 1, неустановленные средиземноморские островные центры – 1-2, Гераклея - 16, Синопа - 4, Херсонес – 3. В кургане 13 обнаружены обломки нескольких амфор: фасосские - 3, 1 – типа Пепарет - 1, гераклейских- 5 - 6, синопская - 1. Сосуды из тризн могут быть датированы IV в. до н. э. К первой четверти IV в. до н. э., относится гераклейское энглифическое клеймо Эвархо + Дио⁷⁷ из кургана 12. Скорее всего, клеймо Формион + Аполла⁷⁸ на обломке херсонесской амфоры из этого кургана, на основании которого В.С.Ольховский предполагал подхоронение в одну из гробниц во второй - третьей четверти III в. до н. э. [Ольховский, 1993, с. 28], будет удревнено [см. Полин, 2010, с. 286 и сл.]. Наиболее вероятно функционирование каменных гробниц кургана до конца IV или до первой четверти – трети III в. до н. э. Погребения в кургане Суворовское 13, судя по гераклейскому энглифическому клейму магистрата Сосия⁷⁹, отнесенному С. Ю. Монаховым к 80-м годам IV в. до н. э., начали совершаться в не позднее первой четверти этого столетия.

Похоже, что в тризнах Суворовского могильника в IV в. до н. э. преобладали гераклейские амфоры, на порядок реже встречались амфоры Фасоса. Возможно, несколько позже появились амфоры Синопы и Херсонеса. Амфоры Хиоса, Пепарета круга Фасоса и других островных центров были нечастыми предметами импорта.

В разграбленных и разрушенных скифских погребениях, достаточно часто находили обломки амфор. Центры производства, удавалось установить далеко не всегда. Там где они охарактеризованы, перечень сводится к Фасосу, Гераклее, Синопе, Херсонесу. Известно несколько обломков амфор с грибовидным венчиком. Большая часть амфорной продукции относилась к IV в. до н. э. Ранней находкой, были немногочисленные обломки амфоры с окрашенным венцом⁸⁰ из центральных скифских могил кургана Колоски 5, отнесенные В.С.Ольховским ко второй половине VI в. до н. э. [Ольховский, 1982, с. 63].

Целые сосуды редки. К середине V в. до н. э. [Монахов, 2003, с. 61] относится фасосская амфора стеблевой серии из кургана 4 группы Рылеевка-Славное (Рис. 97, 4). Еще одна фасосская амфора опубликована В. С. Ольховским с привязкой к с. Червоное Сакского района (Рис. 97, 5), где было раскопано несколько (?) скифских погребений [Ольховский, Храпунов, 1990, с. 37]. Сосуд можно отнести к биконическому варианту раннебиконической серии II-B-1 по С.Ю.Монахову и датировать 420-415 гг. до н. э. [Монахов, 2003, с.66]. Следующая фасосская амфора (Рис. 97, 6) коническо-биконического типа, раннебиконической серии из погребения Луговое 4Л/7, по профилю близка амфоре поселения Сладките Кладенцы, хотя и несколько меньше ее по размерам [ср. Монахов. 2003, табл. 41,7]. Начало производства таких сосудов относят к 420-425 гг. до н. э. [Монахов, 2003, с. 66].

Две хиосские амфоры с протоколпачковой ножкой найдены в могилах конца V в. до н. э. (Рис. 97, 1, 2) Амфора, относящаяся к варианту V-A по С.Ю. Монахову, опубликована В.С.Ольховским вместе с уже упомянутой фасосской амфорой, обе находки локализованы у с. Червоное [Ольховский, Храпунов, 1990, с. 37]. Она может быть датирована концом V в. до н. э. К этому же варианту относится амфора из погребения Красноярское 8/2. Такие же амфоры известны и в греческих погребениях Северо-Западного Крыма. Они обнаружены и в некрополе Керкинитиды, и в некрополе поселения Панское [Монахов, 2003, с.21].

Единственный целый экземпляр гераклейской амфоры найден в могиле кургана Виноградово 13 В (Рис. 97, 3). Амфора может быть отнесена к типу 1-1 по С. Ю. Монахову [Монахов, 2003, таб. 92]. Клеймо фабриканта Аполлония и магистрата Бакха, относится к 4 магистратской группе, датированной серединой 50-х – серединой 30-х гг. IV в. до н. э. [Монахов, 2003, с. 125]. Из приведенного перечня амфор, при фактах массового разграбления скифских могил Северо-Западного Крыма, следует, что сосуды представлены крайне небольшой случайной выборкой. В ней, несмотря на явное преобладание в западно-крымских курганах могил IV в. до н. э., присутствуют, в основном, амфоры V в. до н. э.⁸¹

Чернолаковая керамика. Находки чернолаковой посуды известны в скифских могилах Северо-Западного Крыма, в Крымском Присивашье [Скорый, 1982; Колотухин, 2000, с. 10-15], в скифских курганах Восточного Крыма [Яковенко, 1973, с. 118-120] и в предгорье [Троицкая, 1951]. Однако нигде, кроме как в варварских могилах некрополя Пантикапея и в курганах из окрестностей Нимфея ее присутствие не является устойчивым элементом погребального обряда⁸².

⁷⁷ Магистрат Дионисий-1 датируется 80-и – началом 70-х годов IV в. до н. э. Определение С. Ю. Монахова, см. также [Кац, 2007, с. 431].

⁷⁸ По атрибуции С. Ю. Монахова это херсонесское клеймо хронологической группы II-A, датируемой В. П. Кацем 286-273 гг. [Кац, 2007, с. 442].

⁷⁹ Клеймо восстановлено С. Ю. Монаховым и датировано 80-и гг. IV в. до н. э.

⁸⁰ Автору остались неизвестными прорисовки или фотографии этих фрагментов.

⁸¹ Подобная ситуация случайна и может найти объяснение только в легкой доступности для грабителей многочисленных могил IV в. до н. э. В некоторых случаях, ограбление было связано с вторичными захоронениями средневекового времени, однако полное уничтожение содержимого большинства каменных гробниц, происходило в результате их разборки на камень уже в новое время.

⁸² Расписная же керамика в скифском Крыму явление исключительное, в архаическое время она представлена двумя широко известными сосуда-

Всего в скифских курганах и могилах Северо-Западного Крыма обнаружено 8 целых сосудов и ряд фрагментов, относящихся к V-IV вв. до н. э. Большая часть находок происходит из скифских захоронений Сасык – Сивашского района, где они датируются V – IV вв. до н. э. Такая ситуация объясняется близостью Керкинитиды. В целом, набор сосудов мало отличается от чернолаковой керамики, обнаруженной в скифских погребениях Степного Причерноморья V – IV вв. до н. э.

Скифосы представлены одним целым экземпляром и несколькими обломками. Сосуды относятся к формам известным, как в некрополях греческих общин Западного Крыма так и в варварских могильниках Восточного Крыма [Монахов, Рогов, 1990, табл. 5.72; 7,75; 9,73; Масленников, 1995, с. 30]. Появление их в скифских могилах, отражает особенности торговли греков с варварами в последних десятилетиях V–IV в. до н. э. В погребении Луговое 4/1/7 найден небольшой скифос (Рис. 98, 11), который может быть отнесен к последней четверти V в. до н. э. [ср. Sparkes, Talcott, 1970, cat. 347]. Фрагмент еще одного скифоса, обнаружен в кургане Новоозерное 3. Обломок чернолакового скифоса находился в каменной гробнице кургана Наташино 11 вместе с фрагментами фасосской и гераклейской амфоры и стрелами со свисающими кончиками лопастей. Судя по находкам, комплекс относился ко времени близкому рубежу V - IV в. до н. э.

Трудно объяснить отсутствие в последних десятилетиях V - первой половине IV в. до н. э. киликовидных форм. Такая посуда в Западном Крыму хорошо известна в Керкинитиде и на поселениях хоры [Кутайсов, 2004, с. 78-79], есть она и в некрополе поселения Панское [Монахов, Рогов, 1990, с. 129]. Килики нередки и в Степной Скифии [Гаврилюк, 2006, с. 153, 158]. Скорее всего, их отсутствие в скифских погребениях Северо-Западного Крыма связано с разграблением основной массы могил.

Группа канфаров насчитывает 5 сосудов, относящихся ко второй – третьей четверти IV - первой четверти III в. до н. э. (Рис. 98, 7-10). Канфар из кургана Виноградово 13В может быть датирован второй четвертью IV в. до н. э. [ср. Sparkes, Talcott, 1970, cat. 655]. Обломок каннелированного канфара IV в. до н. э. обнаружен в основном погребении кургана Крыловка 3. Канфар из погребения Братское 10/3 датируется второй - третьей четвертью IV в. до н. э. [Sparkes, Talcott, 1970, cat. 698-700]. Во впускной могиле кургана Октябрьское 3 найден канфар последней четверти IV в. до н. э. [Rotroff, 1997, cat. 8-9]. В тризне кургана Дальнее 5 обнаружен каннелированный канфар с росписью в виде оливковой ветви. Аналогии ему относят к концу первой четверти III в. до н. э. [ср. Rotroff, 1997, cat. 26, 30]⁸³. Интересно, что поздние экземпляры встречаются не только в Крыму, но и на Нижнем Днепре [Былькова, 2007, рис. 50, 13]. Это те единичные находки, которые свидетельствуют о сохранении до 80-70-х гг. III в. до н. э. [ср. Симоненко, 2005, с. 252-258] остатков скифского населения у Днепра и в степных районах Крымского полуострова [ср. Гречко, Карнаух, 2011, с. 257-259]. В целом же, судя по данным Н.А.Гаврилюк, чернолаковые канфары характерны для скифских погребений Нижнего Днепра и Степного Крыма [Гаврилюк, 2006, рис. 11].

Открытые сосуды, редкие, но известные в Скифии, представлены двумя довольно поздними тарелками. В погребении Суворовское 3/2 обнаружены обломки чернолаковой тарелки. Профиль верхней части сосуда близок чаше с афинской Агоры, датированной временем близким последней четверти IV в. до н. э. [Sparkes, Talcott, 1970, cat. 807]. Еще одна тарелка обнаружена во впускном погребении кургана Дальнее 5 (Рис. 98, 12). Подобные сосуды по материалам Афинской Агоры относят к последнему десятилетию - концу IV в. до н. э. [Sparkes, Talcott, 1970, cat. 808; Rotroff, 1997, cat. 870].

Солонка, из погребения Суворовское 12/1 (Рис. 98, 13), датируется временем не ранее второй четверти IV в. до н. э. [Sparkes, Talcott, 1970, cat. 943]. Подобные сосуды появляются в могилах Степной Скифии со второй – третьей четверти IV в. до н. э. [Гаврилюк, 1999, с. 257].

Изделию крайне редкому в скифском погребальном обряде – чернолаковому аску, появление которого можно объяснить близостью греческой Керкинитиды, принадлежит обломок стенки, найденный в разрушенном погребении кургана Суворовское 8. Судя по профилю, сосуд датируется V в. до н. э.

Несмотря на скромный набор, ясно, что среди находок чернолаковой посуды преобладают сосуды для питья, что характерно и для Степной Скифии [Гаврилюк 1989, с. 60-61; Гаврилюк, 2006]⁸⁴. Сосуды, происходящие из уцелевших комплексов, в основном связаны с захоронениями женщин и детей. Обломок аска свидетельствует в пользу присутствия в одной из могил захоронения ребенка. Небольшая выборка сосудов представляется типичной для

ми, происходящими из погребений в курганах на Темир–Горе и у Филатовки. К более позднему времени относится фрагмент расписного скифоса, обнаруженный у северо-восточной границы Тарханкутской возвышенности погребении Крыловка (Первомайский район) 7/14 [Колотухин, 2000, рис. 16. 6]. Сосуд датирован концом V - началом IV [Вдовиченко, 2008, с. 90], однако, скорее всего, он относится к последним десятилетиям V в. до н. э. Второй расписной сосуд обнаружен в кургане, располагавшемся в Нижнегорском районе близ с. Червоное. Здесь вместе с ранней амфорой Пепарета была найдена миниатюрная краснофигурная ойнохоя, датированная 420-390 гг. до н. э. [Вдовиченко, 2008 с. 89].

⁸³ Аналогичный сосуд обнаружен в Восточном Крыму в комплексе гробницы 38/47 могильника Стоячий камень [Масленников, 1995, рис. 32,9]. Здесь канфар, который исследователь отнес к последней четверти IV в. до н. э., стоял на горле гераклейской амфоры, датированной третьей четвертью IV в. до н. э. [Масленников, 1995, с. 38]. Набор стрел из этой могилы, отнесенной ко второй половине IV – началу III в. до н. э. [Масленников, 1995, с. 19] не выходит за рамки позднего V - первой половины IV в. до н. э.

⁸⁴ К сожалению, на крымских материалах вывод о попадании греческих сосудов для питья в женские руки по сложной цепочке, не является императивом [см. Гаврилюк, 2006, с. 171], здесь сказывается прямое и постоянное соседство варваров со многими античными городами.

степных варваров, но более скромной, чем набор погребальной посуды обитателей греческих городов и сельских поселений. Например, керамика из некрополя поселения Панское показывает весьма высокий процент лекифов и лекифообразных сосудов [Монахов, Рогов, 1990, с. 122-151]. Очевидно эта особенность, наряду с сырцовыми или сырцово-каменными склепами и ориентацией захоронений, послужит одним из признаков, позволяющим отличать греческое и смешанное население хоры от варваров, присутствовавших как на хоре, так и на ее периферии.

Простые гончарные сосуды и их обломки в скифских курганах Северо-Западного Крыма встречаются не чаще чем чернолаковая посуда. Всего обнаружено 7 целых сосудов: 5 кувшинов, лекиф и черпачок. Обломки нескольких крупных красноглиняных кувшинов с утолщенным или манжетовидным венчиком встречены в погребениях у Новоозерного и Крыловки, территориально относящихся скорее к хоре Херсонеса, чем к скифской периферии. Они датируются эллинистическим временем, более точной датировки нет. Сероглиняный сосуд встречен один раз. Производства такой керамики в античных центрах Северо-Западного Крыма не существовало.

Целый двуручный кувшин (ойнохоя ?) высотой 21 см с манжетовидным венчиком с лощеной желтоватой поверхностью и росписью в виде поясков красной краски обнаружен в погребении Луговое 4Л/7 (Рис. 98, 1). Центр производства не определен. Датировка комплекса в рамках первой половины V в. до н. э., предложенная В. А. Колотухиным [Колотухин, 2000, с. 50], несколько занижена, наиболее оптимальна дата в рамках второй половины этого столетия, хотя сам сосуд может оказаться и более ранним.

Двумя находками представлены кувшины с каннелированным горлом. Подобные сосуды хорошо известны в античных некрополях, встречаются в Степной и Лесостепной Скифии, в Прикубанье и Закубанье, хотя число их в варварских захоронениях незначительно. Сероглиняный кувшин обнаружен в погребении Красноярское 8/2 в комплексе близком по времени рубежу V-IV вв. до н. э. (Рис. 98, 2). Сосуд на низком поддоне с шаровидным туловом и рифленным горлом покрыт блестящим черным ангобом, который можно определить и как черный лак. Аналогией ему в Западном Крыму служат кувшин № 134 из некрополя Панское, относящийся к первой половине IV в. до н. э. [Монахов, Рогов, 1990, с. 122]. Ту же форму имеет миниатюрный кувшин высотой 12 см из некрополя Керкинитиды [Кутайсов, Приднєв, 1994, рис. 92], обнаруженный вместе с обломками красноглиняной, предположительно мендеевской амфоры [Кутайсов, Приднєв, 1994, с. 168-169].

Красноглиняный кувшин из погребения Дальнее 7/3 характеризуется краснолаковым покрытием, каннелированным горлом невысоким эллипсоидным туловом. Высокий кольцевой поддон полностью сбит. Общая высота сосуда не менее 18 см (Рис. 98, 3). Нетипичное для IV в. до н. э. краснолаковое покрытие, скорее всего, объясняется результатом обжига, прошедшего в окислительном режиме. Аналогичную форму имеет миниатюрный сероглиняный кувшин высотой 8,5 см с каннелированным горлом из ямы в насыпи скифского кургана 137 могильника Мамай-Гора. Кургана и его погребения датированы IV в. до н. э. [Андрух, Тошев, 2009, рис. 27.6]. Несомненно, к IV в. до н. э. относится близкий по форме сероглиняный сосуд из погребения Уляп 6/7 [Лесков, Беглова, Ксенофонтowa, Эрлих, 2005, рис. 40, 5].

Одноручный гончарный кувшин с широким цилиндрическим горлом и шаровидным туловом на низком кольцевом поддоне обнаружен в погребении Григорьевка 20/1. Высота сосуда 18 см, диаметр 14 см (Рис. 98, 15). По форме, профилю венца и креплению ручки ему аналогичен кувшин из погребения 3/12 могильника Стоячий Камень, датированного второй половиной IV – первой половиной III в. до н. э. [Масленников, 1995, с. 7].

Красноглиняный кувшин высотой около 20 см⁸⁵, обнаружен в могиле Братское 7/3. Сосуд характеризуется выделенным носиком со сливом, а на полевом плане погребения его венчик соответствует по форме венчику ойнохой (Рис. 85, 3). Погребение относится к V в. до н. э.

Небольшой кувшиновидный черпак со сравнительно узким горлом, низким овоидальным туловом на небольшом кольцевом поддоне и с высокой петлевидной ручкой, происходит из кургана Крыловка 5 Сакского района (Рис. 98, 5). Аналогии ему неизвестны. Сосуды такого же функционального назначения, но несколько иной формы, в IV в. до н. э. нередки в Восточном Крыму. Они известны на сельских поселениях Европейского Боспора а также в скифском погребении Акташского могильника [Кругликова, 1975, рис. 35, 1; Бессонова, Бунятян, Гаврилюк, 1988, рис. 33,2]

Миниатюрный кувшин с биконическим туловом удлиненной верхней частью, коротким отогнутым венчиком, плоским дном и петлевидной ручкой найден в погребении Дальнее 7/4 (Рис. 98, 4). Сосуды такого типа известны на Боспоре в слоях IV в. до н. э. на поселении Андреевка Южная [Кругликова, 2001, рис. 15, 8-10]. Нижняя часть близкого по форме и размерам кувшина, но с прогнутыми внизу стенками и выраженной закраиной у дна обнаружена в склепе кургана 6 у с. Григорьевка (Рис. 98, 14). Аналогии ему известны на поселениях Восточного Крыма и в могильнике Стоячий Камень, где комплекс 41/50 датирован концом IV – началом III в. до н. э. [Масленников, 1995, с. 20, рис. 37, 7]. Скорее всего, биконические кувшинчики с наибольшим расширением или ребром в нижней части корпуса, характерные для Европейского Боспора, связаны с биконическими сосудами с ручками, распространенными у варварского населения восточного Приазовья - Прикубанья.

Нижняя часть миниатюрного лекифообразного сосуда найдена в относящемся к IV в. до н. э. погребении 3, кур-

⁸⁵ Известен только по фотографии.

гана 3 у Суворовского (Рис. 98, б). Не исключено, что это сосуд местного греческого производства, восполнявшего потребность в лекифах, которую импорт аттической чернолаковой и расписной посуды полностью не покрывал.

В целом, простая гончарная посуда, также как и чернолаковая связана с захоронениями женщин и детей. Судя по аналогиям, она могла поступать к скифам из Керкинитиды и через малые поселения Северо-Западного Крыма. В восточной части Тарханкутской возвышенности известны единичные сосуды, находящие аналогии, как на Нижнем Днепре, так и на территории Европейского Боспора. Следовательно, не исключено попадание сюда «ольвийской» и «боспорской» керамики. Скорее всего, это связано с особенностями маршрута, некогда пролежавшего по Чатырлык. Учитывая то, что важнейшей особенностью скифских памятников Северо-Западного Крыма является их появление практически одновременное началу греческой колонизации, античные импорты достаточно рано стали частью материальной культуры скифов.

Лепные сосуды⁸⁶. Лепная посуда подразделяется на nelloщеную из грубого неплотного теста с заглаженной поверхностью и лощеную, относительно тонкостенную с присутствием в глине раковистых и песчанистых примесей. Цвет лощения - сероватый, черный, нередко с коричневатым оттенком, теми же особенностями обладает и черепок. Так же как и гончарные сосуды, лепные связаны преимущественно с захоронениями женщин и детей, хотя изредка встречаются и в могилах, которые по набору погребального инвентаря можно отнести к мужским⁸⁷. В целом, керамика из погребений характеризуется небольшими размерами, а в некоторых случаях и миниатюризацией⁸⁸.

Нелощеные горшки с дуговидной шейкой, относятся к сосудам с не выраженными этнокультурными признаками [Колтухов, 2004, с. 78]. В погребениях Северо-Западного Крыма их обнаружено 11. Могила, в которых они найдены, датируются временем не ранее второй половины V в. до н. э. и не позднее IV в. до н. э.

Впрочем, если не хронологические, то локальные особенности иногда присущи и этой категории посуды. Интересный, в этом отношении, вариант горшков с высоким дуговидным горлом и широкими покатыми плечиками представлен одним сосудом из погребения Наташино 15/2 (Рис. 99, 1). Подобные сосуды нередки в материалах античной усадьбы Панское 6 у Джарылгачского озера [Колтухов, 2004, с. 101] и в материалах нижнеднепровских поселений скифского времени [Былькова, 2007], в курганах у Скадовска [Черненко, Симоненко, 1977, рис. 3, 4, 8, 10]. Уже отмечалось, что такие сосуды из усадьбы Панское 6 связаны с хорой Ольвии и скифским населением Нижнего Днепра [Сенаторов, 2001, с. 151; Колтухов, 2004, с. 101, 111]. Можно думать, что подобная посуда не будет редкостью на многочисленных сельских поселениях северной части хоры херсонесского времени, расположенных между озерами Джарылгач и Донузлав и датируемых второй половиной IV – первыми десятилетиями III в. до н. э.⁸⁹

Три горшка средних и малых размеров, происходящие из погребения Дальне 2/5, погребения Октябрьское 3/1, погребения Водопойное 6/2 (Рис. 99, 3, 5, б) характеризуются низким дуговидным горлом и высокими плечиками. На сосуде из Октябрьского отмечены два пояса пальцевых вдавлений, в основании горла и на закраине днища, на фотографии сосуда из Водопойного видны ногтевые защипы по краю венчика. Подобный декор, хорошо известный на материке, мало характерен для скифских погребений Степного Крыма. Однако такой же орнамент встречается на грубой посуде поселений в Восточном и Юго-Восточном Крыму [Бессонова, Бунятян, Гаврилюк, 1988, рис. 50, 10; 58,4; 66, 6, 12, Гаврилов, 2004, рис. 35; 37; 41,6; 49] и не является редкостью в керамическом комплексе поселений Западного Крыма [Кравченко, 2011, рис. 114, 10, 14, 17; 120, 13; 121, 10, 14].

В категории горшков особняком стоит небольшой лепной nelloщенный сосуд удлиненных пропорций из погребения Дальнее 7/4 (Рис. 99, 4). Возможно, горшок и не является крымским. Он обнаружен с надетой на устье перевернутой мисочкой, подобное расположение предметов характерно не для скифов, а для меотов. Учитывая то, что курганы у Григорьевки – Дальнего расположены между рукавами Чатырлыкской балки на вероятном маршруте, связывавшем материковые степи с Боспором, подобное предположение представляется вполне вероятным.

К варианту горшков с наибольшим расширением в средней части высоты относятся небольшие сосуды из погребения Григорьевка 5/5, из погребения Братское 8/2 и из погребения Далекое 7/2 (Рис. 99, 7, 8, 9).

Самый маленький сосуд этого варианта происходит из гробницы Водопойное 10/1 (Рис. 99, 10). Он представлял собой гуттус высотой 10 см, с удлиненным горизонтальным рожком. Подобный предмет впервые встречен в погребении скифского времени. Лепные сосуды подобного функционального назначения известны позднее в некрополях Неаполя Скифского и Усть-Альминского городища [Пуздровский, 2007, рис. 80, б].

⁸⁶ Охарактеризованы в публикациях и в одной из обобщающих работ [Колтухов, 2004, с. 68 – 120]. Это позволяет уделить основное внимание не типам и вариантам, а категориям и особенностям распространения такой керамики.

⁸⁷ Например, такими характеристиками обладает погребение Григорьевка 5/9, хотя нельзя исключать того, что в этой явно поврежденной могиле, где костяк смещен к одной из стенок, а на свободном месте находилась вторая корчажка, первоначально существовало реальное или символическое женское захоронение. По крайней мере, В. А. Колотухин предполагал в этой могиле и более раннее захоронение [Колотухин, 2000, с.36].

⁸⁸ Исключение из правила составляет крупный горшок с защипами по венчику, найденный в тризне кургана Колоски 4 (Рис. 99, 2), чем и объясняются его большие размеры.

⁸⁹ Именно эту территорию автор считает наиболее вероятной зоной колонизации Ольвии, происходившей при поддержке и участии нижнеднепровских скифов. Дискуссия же о взаимоотношениях Ольвии и Херсонеса в процессе колонизации Западного Крыма, еще далека от завершения.

Одним экземпляром представлен подбиконический горшок из погребения Солдатово – Шалаши 3/1 (Рис. 99, 11). Он характеризуется наибольшим расширением в нижней части высоты. Крутые плечики плавно переходят в горло с отогнутым венчиком, орнаментированным ногтевыми защипами.

Небольшие корчаги и сосуды корчагообразной формы имеют широкий диапазон бытования от VII-VI вв. до н. э. до IV в. до н. э. Всего в скифских погребениях Тарханкутской возвышенности обнаружено 10 корчажек, все они покрыты лощением. Наиболее ранней из них является небольшая подбиконическая корчажка с низким горлом и широким устьем из разрушенного погребения Сусанино 2/8 (Рис. 99, 12). Высота сосуда 20 см, диаметр 21 см, на плечиках резной орнамент, дополненный рельефными выступами. В. А. Колотухин, на основании аналогий из кизил-кобинской культуры, отнес сосуд ко второй половине VII-VI вв. до н. э. [Колотухин, 2000, с. 33].

Два небольших корчаговидных лощеных сосуда с орнаментом, выполненным в одном случае, скупыми резными линиями и шишечковидными налепами, во втором гребенчатым орнаментом, происходят из погребения Григорьевка 5/9 (Рис. 99, 15, 16). Подобные орнаменты в памятниках кизил-кобинской культуры гор и предгорий единичны. Возможно, более близкими в этом случае могут оказаться декоративные мотивы айвазовского стиля [Сенаторов, 1999, с. 299]. Высота одного из сосудов 24 см, другого - 20 см. Большой сосуд характеризуется почти сферическим туловом с плоским дном и относительно высоким слегка дуговидным горлом. Определенное сходство с ним имеют небольшие корчажки из погребений в курганах предгорий [Колтухов, 2004, рис. 3, 7; 4, 4]. Второй сосуд, за счет большей стройности и короткого горла, занимает промежуточное положение между корчагами и орнаментированными горшками предгорий [Колтухов, 2004, рис. 4]. Судя по наконечникам стрел из этого же комплекса, сосуды датируются V в. до н. э.

Серия неорнаментированных корчажек высотой 17-23 см, плавно варьирующих от сосудов с широким туловом и высоким дуговидным горлом до стройных вытянутых форм, происходят из погребений могильников Братское и Дальнее (Рис. 99, 17-21), которые можно широко датировать в пределах позднего V и IV в. до н. э.

Кувшины. Обломки небольших закрытых сосудов лощеных, с резным орнаментом, расположенном на тулове и состоящем из двух рядов треугольников, разделенных круглыми вдавлениями (Рис. 99, 13, 14), обнаружены в двух погребениях. Таким же декором характеризуется широкогорлый кувшин с ручкой из культурного слоя Керкинитиды, по мнению Э. А. Кравченко, относящийся V – IV вв. до н. э. [Кравченко, 2009, с. 196]. К этому же типу можно отнести небольшой широкогорлый кувшин из предгорного погребения в кургане у с. Вилино, который автор датировал концом VI-V вв. до н. э. [Колтухов, 2004, с. 106], а Э. А. Кравченко отнесла ко времени не ранее V-IV вв. до н. э. [Кравченко, 2009, с. 196]. С учетом этих аналогий, появляются основания для отнесения этих фрагментов к лощеным кувшинам.

Целые сосуды представлены 5 экземплярами, достаточно разнообразными по форме. Два из них могут быть охарактеризованы как сосуды корчаговидной формы, подбиконические, с плечиками, плавно переходящими в высокое горло с дуговидным профилем. Один из них, высотой 14 см имеет врезной орнамент, нанесенный гребенчатым штампом и круглые наколы на плечиках (Рис. 100, 2). Погребение, в котором он найден, относится к концу V – началу IV в. до н. э. Второй сосуд, двуручный, неорнаментированный кувшин (Рис. 100, 3) высотой 22 см найден в комплексе с канфаром второй – третьей четверти IV в. до н. э.

Один из орнаментированных кувшинов характеризуется грушевидной формой (Рис. 100, 1), округлым туловом плавно переходящим в горло, заканчивающееся отогнутым венчиком. Высота сосуда около 14 см, сложный резной орнамент выполнен одним острием. На плечиках нанесен поясик круглых наколов. Сосуд обнаружен в погребении Межводное 9/6, относящемся к V в. до н. э.⁹⁰ К этому же типу принадлежит кувшин высотой 16 см, без орнамента. Отличается от предшествующего сосуда более широким устьем (Рис. 100, 5), может быть датирован второй половиной V в. до н. э.

К особому типу относится кувшин высотой 19 см с округлым туловом, плоским, не имеющим закраины дном и выделенным средневысоким цилиндрическим горлом (Рис. 100, 4). Он обнаружен в могиле Дальнее 7/4 вместе с миниатюрным гончарным кувшинчиком, относящемся ко времени не ранее второй половины IV в. до н. э. В этом же погребении на небольшой горшочек была установлена миска. Подобное расположение сосудов и их количество не характерны для крымских скифов. Скорее всего, этот кувшин, так же как и еще один кувшин V в. до н. э. с лощеным орнаментом из погребения Калинино 3/3 [Колотухин, 2000, рис. 15, 1], происходит с Боспора.

Кубки, во всех случаях лощеные, обнаружены в количестве 6 экземпляров, происходят из 6 захоронений. В двух случаях погребения не имеют четко выраженных половозрастных признаков, в двух случаях могилы разрушены. В могиле Колоски 5/5 сосуд связан с женским костяком, в Братском 7/4 сосуд происходит из погребения ребенка.

В этой категории интересен лощеный орнаментированный сосуд из разрушенного погребения Водопойное 9/3. Он характерен для так называемого таврского периода кизил-кобинской культуры по Э. А. Кравченко [Кравченко, 2011, с. 110]⁹¹, или второго этапа кизил-кобинской культуры по В. А. Колотухину [Колотухин, 1996, с. 52]. Судя по

⁹⁰ По мнению С. Н. Сенаторова, аналогичный сосуд известен в Херсонесе в слое V-IV вв. до н. э.

⁹¹ Разделение кизил-кобинской культуры на таврскую и дотааврскую неприемлемо уже на понятийном уровне, особенно после появления рас-

полевой прорисовке (Рис. 100, 6), кубок обладал широким корпусом, низкой и широкой горловиной, орнаментом из резных треугольников и пояском круглых наколов. К сожалению, по прорисовке не удастся определить, чем наносился декор. Впрочем, датировка кубка V в. до н. э. обосновывается датой самого кургана и большинства его могил.

К кубкам этой же формы относится еще два орнаментированных сосуда. Первый из них происходит из погребения Колоски 5/5. Характерной особенностью служит заметное преобладание ширины сосуда над высотой и горизонтальная петельчатая ручка на плечике, что сближает его с посудой чашевидных форм (Рис. 100, 10). Интересно раннее появление горизонтальной ручки. Высота сосуда - 9 см, диаметр тулова - 13 см. Декор, выполнен, гребенчатым орнаментом. В пояске на плечиках ямки заменены короткими насечками. Набор стрел из погребения позволяет отнести сосуд к VI - V вв. до н. э. А судя по датировке фрагментов «клазоменской» амфоры из этого погребения, узкой датой будет конец VI - начало V в. до н. э. [Сенаторов, 2003, с. 25]. От кубка из погребения в кургане у с. Тавкель-Нейман, сохранился крупный фрагмент, передающий большую часть профиля сосуда (Рис. 100, 11). По форме и особенностям декора он подобен первому кубку, очевидно, имеет такую же датировку.

К другому типу кубков принадлежит два орнаментированных сосуда с шаровидным туловом и высоким горлом. По определению С. Н. Сенаторова такие сосуды следует относить к группе восточно-крымских с орнаментами айвазовского типа [Сенаторов, 1999, с. 299]. Сосуд высотой 17 см находился в погребении Григорьевка 12/2. Горло без орнамента, в месте перехода к плечикам - три уплощенных налепа и узкий, прочерченный поясок, декорированный косыми насечками (Рис. 100, 8). Тулово украшено полотнищами, разделенными на ромбические фигуры, заштрихованные в шашечном порядке. Между ними оставлены неорнаментированные полосы. Судя по наконечнику стрелы из этого же погребения, сосуд можно отнести к VI в. до н. э. Второй сосуд высотой 16,6 см происходит из разрушенного погребения в насыпи кургана Григорьевка 21 (Рис. 100, 7). Более простой врезной орнамент, выполненный, также как и в первом случае, одним острием, располагается не только на тулове, но и на горле сосуда. Между орнаментированными зонами сохранены незаштрихованные ромбические фигуры. Подобный декор, на высокогорлых кубках появляется в архаичном Нимфее, Пантикапее, встречается и позднее [Колтухов, 2004, с. 81]. Аналогичный орнамент известен на миниатюрном кувшине высотой 9,8 см из погребения 2 кургана 31 Акташского могильника [Бессонова, Бунятян, Гаврилюк, 1988, с. 115, рис. 22, 9]. Сам курган датирован IV в. до н. э. Следовательно, при указанных условиях находки, с учетом того, что погребение было совершено в центре кургана, скорее всего в грунтовой могиле⁹², наиболее вероятной датой сосуда будет V-IV вв. до н. э.

Лепной неорнаментированный лощеный кубок высотой 13 см из погребения Братское 7/4 близок ранним неорнаментированным высокогорлым кубкам кизил-кобинской культуры (Рис. 100, 9). Однако датировка кургана концом V-IV вв. до н. э. позволяет связать сосуд с орнаментированными высокогорлыми кубками восточно-крымской группы.

Черпаки, известные в количестве 5 экземпляров, представлены небольшими лощеными кубковидными и горшковидными сосудами с вертикальными петельчатыми ручками. Все они обнаружены в детских погребениях⁹³.

Лощеный черпак высотой около 11 см с высоко расположенной петельчатой ручкой (Рис. 100, 18) из погребения Григорьевка 23/1 по форме близок неорнаментированному высокогорлому кубку из погребения Братское 7/4 и может быть отнесен к IV в. до н. э.

Иными пропорциями обладает широкий кубковидный черпак (Рис. 100, 12) с низкой горловиной из погребения Дальнее 7/2. Высота сосуда 12 см, диаметр округлого тулова 14 см, стенки, плавно переходят в небольшое уплощенное дно. Петельчатая ручка крепилась к плечу и венчику. Сосуд может быть датирован IV в. до н. э.⁹⁴

К черпакам горшковидной формы могут быть отнесены 4 сосуда. Два из них, высотой 10,5 и 12 см с невысоким широким туловом, четко выделенным низким дуговидным горлом и выраженными плоскими доньями (Рис. 100, 14, 15) происходят из погребения Березовка 5/6 и погребения Братское 11/2. В сосуды датируются V-IV и IV вв. до н. э.

Вариантом этого же типа является более стройный сосуд высотой 12 см с плавным изгибом стенок и коротким, отогнутым венчиком (Рис. 100, 16) из погребения Григорьевка 15/2, датируем временем не ранее IV в. до н. э.

Редкой подбиконической формой характеризуется черпак высотой 11 см. с ручкой на плечике (Рис. 100, 17), происходящий из погребения Дальнее 4/3. Кургана относится к IV в. до н. э. Аналогии в лепной керамике собственно скифского времени на Крымском полуострове неизвестны. За пределами Крыма подобный сосуд найден в Елизаветовском могильнике [Марченко, Житников, Копылов, 2000, рис. 90, 7]⁹⁵.

ширительного понимания тавров по И. Н. Храпунову. Или вводите этап носителей белозерской культуры и киммерийский этап, или оставьте все как есть.

⁹² А это относительно ранний признак, на позднем этапе захоронения в центрах курганов данного могильника совершались в склепах.

⁹³ Погребение 5 в кургане 6 у с. Березовка, вряд ли является исключением, видимо кости младенца в нем просто не сохранились.

⁹⁴ Как и предшествующий сосуд, он архаичен по форме. Однако, значительная часть лепной посуды в погребениях Чатырлык-Самарчкского района в IV в. до н. э. архаична на уровне таких категорий, как корчаги, кубки, черпаки.

⁹⁵ Это еще один аргумент в пользу того, что вдоль восточного края Тарханкутской возвышенности проходил маршрут, связывавший Крым со Степным Причерноморьем.

Чашы и миски представлены 5 сосудами. Интересен небольшой чашевидный сосуд из погребения Березовка 6/5 высотой 18 см и диаметром 20,5 см, с широким устьем, равным по ширине плечикам и относительно узким дном (Рис. 100, 19). Резной орнамент восточно-крымского типа, состоит под венчиком из пояса не заштрихованных ромбов и заштрихованных треугольников. От него вниз спускаются полотнища, заполненные заштрихованными и не заштрихованными ромбами в шашечном порядке. Сосуд этого же типа с близким декором известен в Юго-Восточном Крыму на поселении Новопокровка 3, где найден в шурфе в слое с амфорным материалом первой четверти IV в. до н. э. [Гаврилов, 2004, с. 164]. Фрагмент такого же сосуда найден в погребении 5 могильника Стоячий камень, датируемом V в. до н. э. [Корпусова, Орлов, 1978, рис. 3, 8-10]. Очевидно, этот тип сосудов в Крыму более характерен для восточной части полуострова.

Лощеная чаша из погребения Григорьевка 5/7, высотой 8,3 см, с венчиком диаметром 15,4 см, превосходящим диаметр тулова, характеризуется уплощенным донцем, низким широким туловом, едва намеченными плечиками и широким устьем (Рис. 100, 20). Тип характерен для кизил – кобинской культуры, а резной орнамент на венчике и на тулове позволяет отнести сосуд к группе восточно-крымских. Аналогичный орнамент отмечен С.Н. Сенаторовым на чаше из архаического Нимфея [Сенаторов, 2001, рис. 224, 1]. Судя по времени захоронения, сосуд относится к V в. до н. э.

Миски, как и вообще все открытые формы сосудов в погребениях скифского времени не часты⁶⁶. Среди находок они представлены двумя экземплярами. Первый, nelloшенная мисочка диаметром 8,7 см с плавно изогнутыми стенками из погребения Дальнее 7/4 (Рис. 100, 21). Второй, nelloшенная мисочка диаметром 7,5 см из погребения Григорьевка 5/5 (Рис. 100, 22). Первый сосуд относится ко времени не ранее IV в. до н. э., второй можно датировать V-IV вв. до н. э.

Небольшая nelloшенная чашка-черпачок высотой 5,2 см и диаметром 7,8 см, с вертикальной ручкой (Рис. 100, 24) найдена в погребении Березовка 6/5, она может быть отнесена к V-IV вв. до н. э.

Более крупная лощеная чаша с вертикально ручкой (Рис. 100, 13) из кургана Крыловка 2, скорее всего, относится к позднескифскому времени.

Из перечисленных примеров следует, что среди находок представлены основные категории лепных сосудов, характерных для Степного и Горного Крыма в раннем железном веке. Это горшки, корчажки, кубки, черпаки, чаши и миски. В архаическое и классическое время орнаментированная лепная керамика из скифских погребений приморской полосы Северо-Западного Крыма по типам сосудов и особенностям декора находит аналогии в кизил-кобинских памятниках Юго-Западного Крыма, в Керкинитиде, на Березани, а так же в Ольвии и ее округе. Сходство с лепной керамикой скифских степных районов Причерноморья, лежащих между Днепром и Доном, отмечено лишь в горшках и мисках-сосудах, не имеющих выраженных этнокультурных признаков. В восточной части Тарханкутской возвышенности нередки орнаментированные сосуды восточно-крымского облика, с орнаментами, типичными в скифское время для Восточного и Юго-Восточного Крыма. Интересна серия лощеных неорнаментированных корчажек и кувшинов, в основном IV в. до н. э., из расположенных у Чатырлыкской балки могильников Братское, Григорьевка, Дальнее. Похоже, что она восходит к орнаментированной посуде из крымских предгорий и степей. В целом для лепной керамики Северо-Западного Крыма характерно многообразие форм, связанное со сложной этнокультурной средой полуострова.

Деревянные сосуды не сохранились, однако об их существовании можно судить по отпечаткам круглых доньев, прослеженным в могилах Дальнее 2/3 и в могиле Гришино 2. О присутствии деревянных сосудов или сосуда V в. до н. э., украшенного накладными аппликациями, свидетельствуют находки из Карамеркетского (Акмететского) кургана. С деревянным сосудом может быть связана золотая пластина с тисненым изображением оленя. Она, как и несколько аналогичных аппликаций, размещалась у устья кубка или чаши. В этой же могиле найдена золотая аппликация в виде головы грифа, оформлявшая деревянную ручку сосуда (Рис. 105, 3, 4). Исследование С. С. Бессоновой посвященное ритону из Братолюбовского кургана [Бессонова, 2010, с. 30-38; Кубышев, Бессонова, Ковалев, 2009, с. 84-86], дает группу параллелей карамеркетским пластинкам. Их можно дополнить стилистически самым близким произведением: изображением головы оленя на золотой пластине из кургана 1 у с. Ильичево [Лесков, 1972, илл. 12], отнесенного к V в. до н. э. Там же найдена аппликация в виде головы грифа. Судя по ее размерам и форме, можно считать, что она покрывала ручку сосуда, близкого по форме чашам из Гаймановой и Чмыревой могилы. Изображение стилистически очень близко стилизованным головкам птиц на пластинах из Ильичевского кургана [Лесков, 1972, илл. 12-13] и головкам грифов на двух аппликациях, украшавших край деревянного сосуда (Рис. 105, 1, 2), из скифского погребения V в. до н. э. в кургане 1 у имения Разоренный Аиш⁶⁷.

В плане связи с предметами из дерева, скорее всего блюдами или подносами, интересны единичные железные скрепы, крайне редкие в погребениях Степного Крыма. Так в Северо-Западном Крыму они зафиксированы в ком-

⁶⁶ Их время придет позднее, в период существования в Крыму и на Нижнем Днепре позднескифской культуры.

⁶⁷ Курганная группа расположена вблизи от юго-восточной границы Тарханкутской возвышенности на территории Симферопольского района между селом Скворцово и пос. Школьное.

плексах погребений Гришино 2 и Открытое 6/1. Их функциональное назначение не определено, однако в местах их обнаружения на дне грунтовых могил фиксировались следы древесного тлена.

Защитное вооружение присутствовало в 8 могилах, по большей части разграбленных. Нужно думать, что первоначально таких погребений было больше, однако, остатки доспеха уцелели не во всех случаях.

Панцири. Их остатки происходят из пяти могил. Элементы некогда полной паноплии, два набедренника из мелких железных пластин (размеры изделий 48-44 x 28-25 см) и трапециевидная деталь (высота 18 см, ширина около 15 см), прикрывавшая пах, сохранились в ногах воина из погребения Рылеевка 1/1 (Рис. 61, 1). Находившийся там же панцирь, свернутый и поставленный над набедренниками (Рис. 61, 3), был разрушен. В этом же комплексе присутствовали обломки копья, меча и наконечники стрел. Погребение относится к V в. до н. э.

В погребении Наумовка 6/3 обнаружены железные и бронзовые пластины наборного панциря и боевого пояса (Рис. 7, 9]). В могиле сохранились обломки нескольких копий. Погребение датировано V в. до н. э.

Остатки доспеха в виде железных и бронзовых панцирных пластин обнаружены в Карамеркетском кургане второй половины V в. до н. э. вместе с обломками меча или копья.

В погребении Луговое 4/12 найдены обломки железных и бронзовых панцирных пластин. Судя по впускному женскому погребению 7 из этого же кургана, погребение 12 датируется временем не позднее последней четверти V в. до н. э.

Погребение с железными пластинами от панциря (Рис. 80, 10) было исследовано в кургане Дальнее 2. В этом случае от набора наступательного оружия уцелели наконечники стрел, фрагменты копья и обломок меча. Судя по находкам, погребение относится ко времени близкому концу V в. до н. э.

Наиболее позднее погребение с остатками панциря было исследовано в 1984 г. В. С. Ольховским в группе курганов у с. Штормовое и датировано IV-III вв. до н. э. [Ольховский, 1985, с. 284].

В основном же, в Северо-Западном Крыму захоронения тяжеловооруженных воинов с защитным доспехом относятся к V в. до н. э.

Пояса. Узкий наборной пояс обнаружен в погребении Наумовка 6/2, относящемся к V в. до н. э. Он состоял из тонких железных пластин высотой 2,5 см, шириной 1,0 см, толщиной около 0,1 см. Концы пояса были оформлены бронзовыми пластинами (Рис. 10, 4, 5). Металлическая часть пояса крепилась на кожаную основу.

Второй пояс обнаружен в погребении Дальнее 1/2. Костяк лежал на широком боевом поясе (Рис. 81, 6) из железных пластин высотой 10-12 см и шириной 1,5 см, нашитых на кожаную основу.

В обоих случаях погребения датированы V до н. э., набор наступательного оружия состоял из копий и наконечников стрел⁹⁸, мечи отсутствовали.

Оружие представлено в скифских погребениях Северо-Западного Крыма мечами, копьями и наконечниками стрел⁹⁹. Единственный бронзовый топорик-лабрис (Рылеевка 2/2), судя по размерам (Рис. 60, 2], являлся не боевым, а ритуальным предметом, явно не скифского происхождения¹⁰⁰.

Мечи относятся ко времени не ранее и не позднее последних десятилетий VI – конца V в. до н. э. Находки скифского клинкового оружия в более позднее время единичны и связаны с аристократическими погребениями Боспора и Предгорья. Впрочем, мечи IV в. до н. э. во фрагментах известны в разграбленных присивашских катакомбах, исследованных А.А. Щепинским и Е.Н. Черепановой в 1967-1968 гг. у сел Вишневка, Александровка – Богачевка близ Перекопского перешейка¹⁰¹.

Археологически целые изделия и их обломки обнаружены не менее чем в 16 погребениях, учтено 12 экземпляров из неграбленных могил¹⁰². Кинжал найден в единственном экземпляре. В соответствии с классификацией А.И.

⁹⁸ Погребения с копьями, но без мечей, не являются редкостью в скифском Крыму. Одно из них, Красноярское 8/2, определено как женское по набору погребального инвентаря. Антропологические исследования подобных захоронений, не проведены.

⁹⁹ Остатки горитов [колчанов?], нередко прослеживались в виде тлена. В одном случае [Наумовка 6/2], были отмечены следы окраски горита синей и красной краской [Копьева, Колтухов, 2010, с. 33-34], в другом [Луговое 13/2] у левой руки прослежен отпечаток истлевшего предмета, покрытого раскраской тех же цветов, вероятно, это следы горита, пустого или наполненного деревянными стрелами. Древки стрел сохранились исключительно редко в виде штырьков едва выступающих их втулок наконечников, их дендрологический анализ не проводился. Древки копий не сохранились.

¹⁰⁰ Известен еще один «странный» предмет высотой 16 см, в виде дуговидно изогнутого округлого в сечении стержня с бойком на обушке и проушиной в верхней трети высоты (Братское 13/3), с утраченным нижним концом. Он может оказаться фрагментом железного, возможно деформированного боевого топора или чекана, однако, не исключена его интерпретация и в качестве небольшого киркообразного инструмента.

¹⁰¹ Материал не опубликован.

¹⁰² К сожалению, один из них происходящий из погребения 1 кургана 9 у Суворовского, был поврежден распашкой. Меч был небольшим с ба-

Мелюковой, мечи могут быть отнесены к нескольким типам двух традиционных отделов, выбранных по форме наверший [Мелюкова, 1964, с. 47]. Все они железные с наваренными перекрестиями. На некоторых мечах заметны признаки сварки перекрестия в центре плоскости клинка (Рис. 101, 5, 10). Навершия, брусковидные и антенные, крепились на оконечности рукояти. Меч из погребения Рылеевка 4/2 имел полое бронзовое навершие, плотно надетое на рукоять (Рис. 101, 2). Клинки - линзовидные в сечении, удлиненные с параллельными или почти параллельными лезвиями, сходящимися к концу. Относительно большую ширину имеет клинок короткого меча длиной 56 из погребения Дальнее 8/1 (Рис. 101, 9). Длина мечей колеблется от 77 до 56 см, преобладают изделия длиной 70-60 см (Рис. 101). Размеры в целом соответствуют линейке средних, довольно плавно переходящих от них к удлиненным. Рукояти прямоугольные в сечении, следов накладок или обмоток на них не зафиксированы. Особенности декора рукоятей и клинков не прослежены¹⁰³. На большинстве клинков заметны следы деревянных ножен.

Расположение мечей достаточно разнообразно. В 7-и случаях зафиксировано размещение мечей от правой или центральной части пояса направо. В одном случае меч был расположен справа на поясе (Григорьевка 9/1), в другом, лежал справа между рукой и туловищем (Крыловка 8/4). В погребении у Владимировки меч располагался слева на поясе, а в погребении Суворовское 16/1 лежал параллельно левой руке.

Мечи с брусковидным и овальным навершием.

Меч длиной 60 см (ориентировочно) с брусковидным навершием и перекрестием с нечетким контуром, по форме напоминающим бабочковидное (Рис. 101, 7), обнаружен в погребении Межводное 8/1. Предмет известен только по прорисовке В. А. Колотухина. По комплексу датируется V в. до н. э.

Меч длиной 60 см (ориентировочно) с брусковидным навершием и узким бабочковидным перекрестием (Рис. 101, 8) обнаружен в могиле 4 кургана Межводное 9. Предмет известен только по прорисовке В. А. Колотухина. Погребение относится к V в. до н. э.

Меч длиной 56 см с клинком шириной 6 см, с узким бабочковидным перекрестием и брусковидным навершием (Рис. 101, 9) происходит из погребения Дальнее 8/1. Комплекс датируется V в. до н. э.

Меч длиной 57 см с овальным навершием и овальным перекрестием (Рис. 101, 6) происходит из могилы Владимировка 2/13. Определенное сходство в оформлении навершия и перекрестия имеет меч из Бырешты во Фракии [Мелюкова, 1979, рис. 33, 15]. Однако более вероятным представляется связь изделия с Северо-Восточным Причерноморьем. Например, близкие особенности в оформлении перекрестия и навершия отмечаются у меча из погребения 50 кургана 15 Уляпского могильника [Лесков, Беглова, Ксенофонтова, 2005, рис. 203,8]. Близким перекрестием обладает меч из могильника у хутора Рассвет [Терехова, 2010, рис. 225, 100] Интересно, что и в Нижнем Поволжье, не являются исключением мечи с перекрестиями близкими к овальным [ср. Шилов, Очир-Горяева, 1997, рис. 10,62]. По комплексу, меч из Владимировки может быть отнесен к последней трети - четверти VI – первой трети – четверти V в. до н. э.

Фрагмент меча длиной 20 см с овальным (?) навершием и плохо сохранившимся почковидным (?) перекрестием (Рис. 101, 10) обнаружен в погребении Крыловка 8/4 (Сакский район). Датировка находки возможна лишь в широких хронологических рамках VI-V вв. до н. э. Аналогией по оформлению перекрестия может послужить кинжал из Аксеновского могильника 1 [Шилов, Очир - Горяева, 1997, рис. 9, 1].

Мечи с антенными, когтевидными и волотовидными навершиями.

Меч длиной 75 см с бабочковидным перекрестием и поврежденным антенным навершием (Рис. 101, 1)¹⁰⁴ обнаружен в могиле Суворовское 16/9, датируется V в. до н. э.

Меч длиной 77 см с бабочковидным перекрестием и навершием с когтевидными окончаниями (Рис. 101, 2), обнаружен в погребении Рылеевка 4/4. Удлиненное полое бронзовое навершие, надетое на рукоять, не характерно для скифского оружия. Возможно, меч изделие не скифского, а греческого мастера¹⁰⁵, относится к V в. до н. э.

Меч длиной 64 см с бабочковидным перекрестием и когтевидным, геометризированным навершием (Рис. 101, 4) обнаружен в погребении Григорьевка 9/1 в комплексе V в. до н. э.

Меч длиной 70 см с бабочковидным перекрестием и когтевидным навершием (Рис. 101, 5) обнаружен в погребении Григорьевка 5/9. Комплекс датируется V в. до н. э., набор стрел из него, аналогичен колчанному набору погребения Григорьевка 9/1.

бачковидным перекрестием, его обломки фиксировались близ левого бедра.

¹⁰³ В геологических условиях Тарханкутской возвышенности железо сохраняется плохо и поверхностные слои металлических изделий разрушаются.

¹⁰⁴ Серповидным по определению исследователя кургана [Колотухин, 2000, с. 47].

¹⁰⁵ В принципе, возможны пути поиска аналогий за пределами Крыма, Побужья или Нижнего Днепра, однако присутствие в этом же комплексе литых осетров, позволяют предположить мастерскую из Ольвии или Керкинитиды. Навершие, так же как и бронзовый топорик-лабрис и несколько блях из этого же комплекса, были похищены из Крымского филиала Института археологии НАНУ в 1997 г.

Меч длиной 63 см с бабочковидным перекрестием и волотовидным, нерасчлененным навершием (Рис. 101, 3), происходит из погребения Рылеевка 2/2. Комплекс относится к V в. до н. э. Единственной, известной автору аналогией, является меч из погребения в кургане 1 у Новорозановки [Ольховский, 1991, рис. 7; Шапошникова, 1970, с. 208-212]. Этот комплекс отнесен исследователями к середине V в. до н. э.¹⁰⁶

Еще один меч, длиной не менее 50 см с брусковидным навершием и бабочковидным перекрестием был обнаружен в погребении кургана 7 у с. Колоски. Комплекс датируется первой половиной V в. до н. э.

Кинжал длиной 30 см с брусковидным навершием с едва изогнутым клинком с острым окончанием, смещенным к одному из лезвий (Рис. 101, 11), обнаружен в погребении Водопойное 9/1. Перекрестие отсутствовало. Погребение можно отнести к последней трети – четверти VI - первой трети – четверти V в. до н. э. Интересно, что кинжалы и их изображения единичны в степной части Крымского полуострова. Похоже, что лучше они представлены в Горном Крыму [Крис, 1981, с. 44; Колтухов, 2008, с. 246-247].

Копья, их обломки или детали в виде втоков обнаружены в большинстве воинских погребений¹⁰⁷. Классификации по А. И. Милюковой поддаются 10 наконечников, все они железные, втульчатые с остролиственным или лавролистным пером [Мелюкова, 1964, с. 35-45]. На протяжении V-IV вв. до н. э. они встречаются, как в захоронениях дружинного типа, так и в комплексах погребений легковооруженных воинов. Явным отличием является то, что легкие наконечники копий по одному – два входили в состав инвентаря воинов, похороненных без мечей. Одно из таких погребений (Красноярское 8/2) определено, как женское. Во всех прослеженных случаях копьа располагались только справа от костяка.

Втоки или подтоки копий встречены почти во всех погребениях, где были найдены их наконечники. Они железные цилиндрические высотой 8-12 см, в единичных случаях плавно расширяющиеся к концам (Рис. 101, 12-15). В ряде случаев, расстояние между наконечниками и втоками невелико, это позволяет думать о том, что копьа помещались в могилы сломанными. Полная длина легких копий установлена в погребении Братское 7/3, она составляла около 1,8 м. В Центральном Крыму, в кургане Краснознаменка 5, длина двух легких копий составляла 2,0-2,1 м [Колтухов, Кислый, Тоцев, 1994, с. 17].

Наконечники с остролиственным пером.

Наконечник копья высотой 40 см (Рис. 101, 17) из погребения Рылеевка 2/2 характеризуется узким остролиственным пером ромбическим в сечении. Комплекс датируется V в. до н. э.

Два узких клиновидных наконечника высотой 50 и 46 см (Рис. 101, 18, 19) происходят из погребения Григорьевка 5/9 и датируются V в. до н. э.

К этому же типу принадлежит обломок наконечника с клиновидным пером, (Рис. 101, 20). Происходит из погребения Виноградово 13 В/2. Реконструируемая длина не менее 44 см¹⁰⁸. Датируется IV в. до н. э.

Все перечисленные предметы, судя по размерам, могут быть отнесены к тяжелым наконечникам высотой 50-40 см. Наряду с тяжелыми копьями представлена серия легких наконечников высотой 30-25 см.

Два узких остролистных наконечника высотой 25 и 30 см, со втулками, заканчивающимися валиковыми утолщениями (Рис. 101, 21, 22), происходят из погребения Красноярское 11/9, датируемого IV в. до н. э.

Наконечник копья высотой 25 см с двухсторонним ребром, узким пером, переходящим под углом во втулку (Рис. 101, 23), был заложен в кладку стенки ящика Суворовское 13/1. Курган, судя по находкам, сооружен не позднее первой половины IV в. до н. э.

Еще один близкий по форме клиновидный наконечник копья высотой 27 см с пером, переходящим во втулку под крутым углом, с односторонней нервюрой с прокованной ложбинкой (Рис. 101, 24), обнаружен в погребении Наумовка 6/2. Комплекс датирован V в. до н. э.

Наконечники с пером лавролистной формы представлены всего двумя экземплярами, тяжелым и легким.

Наконечник высотой 40 см с линзовидным в сечении пером с наибольшим расширением в средней части (Рис. 101, 25) происходит из погребения Рылеевка 1/1. Комплекс может быть отнесен к V в. до н. э.

Единственный наконечник высотой 29 см с ланцетовидным пером был обнаружен в женском погребении Красноярское 8/2, датируемом концом V в. до н. э.

Стрелы. Бронзовые наконечники стрел¹⁰⁹, встречены в большинстве могил. Костяные четырехгранные и кру-

¹⁰⁶ Интересно, что подобные навершия не являются редкостью и в сарматское время [см. Simonenko, 2001, Abl. 14. 1-4].

¹⁰⁷ Необходимо отметить полное отсутствие среди находок фрагментов или целых экземпляров пилумообразных наконечников дротиков. Последние вообще крайне редки на территории Крымского полуострова.

¹⁰⁸ По В. А. Колотухину не менее 38 см [Колотухин, 2000, с. 48].

¹⁰⁹ Типология и хронология находок рассмотрена в главе 2.

глые редки. Железные наконечники не зафиксированы¹¹⁰.

Архаические двухлопастные и трехлопастные стрелы замечены несколько раз, однако архаичность комплекса достоверно подтверждена прочим инвентарем только один раз в погребении Григорьевка 5/10. В остальных случаях единичные ранние стрелы происходят из более поздних наборов. Очевидно у рубежа скифской архаики и классики [см. Алексеев, 2003, с. 29] появился колчаный набор из погребения Колоски 5/5. К последней трети - четверти VI – раннему V в. до н. э. относится набор стрел из погребения Суворовское 9/1. Концом VI – первыми десятилетиями V в. можно датировать наборы стрел из погребения Владимировка 2/13 и погребения Колоски 7/2. К развитому V в. до н. э. можно отнести стрелы из колчаных наборов Григорьевка 9/1 и Григорьевка 5/9, Суворовское 16/9 и каменного ящика из Снежного Сакского района. Ко второй половине V – рубежу V – IV вв. до н. э. относятся колчаные наборы из курганов 1 и 2 у с. Дальнее, погребений Братское 7/3 и 7/5. Временем близким рубежу V-IV вв. до н. э. датируется набор стрел из погребения Красноярское 8/2. С IV в. до н. э. можно связать наборы стрел из погребения Братское 13/3 и из склепов курганов Братское 14 и 16. В прочих комплексах, не поврежденных грабителями, стрелы представлены единичными экземплярами, иногда разновременными. Стрелы из подавляющего большинства разграбленных погребений не представляли собой цельных наборов.

Количество стрел в колчаных наборах достаточно велико в V в. до н. э., но заметно уменьшается к началу следующего столетия. Самый большой колчаный набор, не менее чем из 250 наконечников стрел наблюдали в разграбленном погребении Карамеркетского (Акмететского) кургана¹¹¹. В погребении Григорьевка 5/9 обнаружено 95 бронзовых наконечников стрел, помимо них в этом же наборе были и цельнодеревянные стрелы с двухлопастными и трехгранными наконечниками. В кургане 2 у Рылеевки найдено 85 наконечников, в кургане 7 у Колосков набор состоял из 63 стрел, в кургане 9 у Григорьевки было 56 наконечников стрел, во Владимировке найден 51 экземпляр, в кургане 9 у Суворовского в наборе было 20 стрел. В погребении Братское 7/3 обнаружено 50 стрел, а в погребении 5 - чуть больше 20 наконечников. В неграбленных погребениях курганов 1 и 2 у с. Дальнее, колчаные наборы состояли из 26, 22, 20 стрел.

Железные ножи можно рассматривать как предметы, связанные с погребальным ритуалом, так как характерной особенностью, является их расположение их рядом с остатками мясной пищи. Целые изделия или их обломки были обнаружены в подавляющем большинстве погребений V-IV вв. до н. э., как в ограбленных, так и не подвергавшихся ограблению¹¹².

Все ножи однолезвийные. Ручки, в большинстве случаев не сохранились, судя по слабым следам древесного тлена, они, как правило, были деревянными. Ножи с костяными рукоятями, характерные для Степной Скифии, Лесостепи и Подонья в V-IV вв. до н. э., единичны, возможно, это связано с массовым ограблением могил. Столь же редки ножи с цельными металлическими ручками. Среди ножей, сохранившихся в археологически целом состоянии можно выделить несколько типов и вариантов.

Короткие ножи с горбатой асимметричной спинкой и прямым лезвием без выступа для крепления рукояти (Рис. 102, 22, 23), датируются V – IV вв. до н. э.

Удлиненные ножи размером 12-14 см без выделенного выступа для крепления рукояти (Рис. 102, 10, 11, 13). На одном из них, заметны отверстия для заклепок, крепящих металлическую часть в деревянной рукояти. Нож по комплексу датируется IV в. до н. э. Второй нож датируется этим же временем. К более раннему времени относится нож из погребения Братское 7/3, характеризующийся слабо изогнутой спинкой, прямым лезвием и удлиненной ручкой, заканчивающейся вертикальным срезом.

Короткие ножи длиной не более 10 см с горбатой спинкой и слегка вогнутым лезвием с клиновидным или штыревым выступом для крепления деревянной рукояти (Рис. 102, 1-3), встречаются в погребениях как V, так и IV вв. до н. э. Как тип они появились в предскифское время [Махортых, 2005, рис. 24]. Интересен нож с обломанным штыревидным выступом из погребения Красноярское 8/2. Изделие находит аналогии и в кобанской культуре [Козенкова, 1982, табл. I, 4].

Ножи аналогичных размеров и формы с прямым лезвием и клиновидным выступом для крепления рукояти (Рис. 102, 4-10) распространены шире, выступ может быть расположен у обушка, по центру или смещен к лезвию.

¹¹⁰ Последняя особенность отличает скифский колчаный набор из Северо-Западного Крыма от восточно-крымского, где с IV в. до н. э. распространяются наконечники из железа [Яковенко, 1973, с. 93; Колотухин, Колтухов, 2007, с. 218; Колтухов, Колотухин, 2007, с. 338]. В IV-III вв. до н. э. железные наконечники проникают и в восточную часть Крымского предгорья [Колтухов, 2006, с. 239-240].

¹¹¹ Не исключено, что колчанов было несколько.

¹¹² Интересной особенностью является то, что их не было в самых ранних погребениях, таких как захоронение РСК в кургане у с. Григорьевка, погребение в кургане у с. Владимировка, погребении в кургане 9 у с. Суворовское.

Датируются V-IV вв. до н. э.

Прямой нож с параллельными спинкой и лезвием, скошенным окончанием и клиновидным выступом для крепления рукояти (Рис. 102, 12) известен в одном экземпляре в погребении Наумовка 2/3, комплекс относится к V в. до н. э.

Ножи с параллельными спинкой и лезвием и массивными железными рукоятями длиной 18-15 см. Только четыре экземпляра, происходят из воинских погребений V в. до н.э., и характеризуются утолщенной, овальной в сечении ручкой, нередко, более длинной, чем клинок (Рис. 102, 14 - 16, 18). Ножи с металлическими ручками известны в скифское время в Днепровской Лесостепи [Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989, рис. 27], в некрополе Елизаветовского городища [Марченко, Житников, Копылов, 2000, рис. 91, 23-25] и в савроматском мире [Смирнов, 1964]. Следовательно, наиболее вероятно восточное происхождение этой группы крымских ножей.

Исключительной находкой является нож длиной 16 см с дуговидной спинкой, выделенным уступом прямым лезвием и каплевидным отверстием для подвешивания на конце рукояти (Рис. 102, 17). Он происходит из погребения Григорьевка 5/12, IV в. до н. э. Аналогии достаточно хорошо известны в Центральной Азии, как в предскифское, так и в скифское время [Членова, 1997; Мартынов, 1979]. Впрочем, находка остается единичной.

Железный нож длиной 16 см из могилы Наташино 15/2 относится к IV в. до н. э. и характеризуется длинной прямоугольной в сечении ручкой и сравнительно короткой клинковой частью с плавно сходящимися под острым углом лезвием и спинкой (Рис. 102, 20). Прямых аналогий неизвестно, однако предмет по форме и пропорциям более всего похож на железные ножи с накладными костяными пластинами.

Ножи с костяными ручками обнаружены в погребениях, относящихся к V и IV вв. до н. э. (Рис. 102, 19, 20). В одном случае нож имел длинную ручку из двух накладных костяных пластин, соединенных железными заклепками. Второй нож длиной 14 см имел клинок большей длины, чем костяная ручка с вертикальным пропилом, в котором при помощи заклепок крепилась металлическая часть. Нож с костяной ручкой, крепящейся железными заклепками с одной из сторон клинка и с круглым отверстием для подвешивания на конце (Рис. 51, 4), найден в погребении Красноярское 2/6, датированном V в. до н. э. Отдельно от клинковой части костяная ручка с горизонтальным пропилом (Рис. 50, 4) была обнаружена в кургане 11 у с. Снежное Черноморского района.

Оселки встречаются редко и происходят из воинских погребений последних десятилетий VI-V вв. до н. э. Известно 4 целых экземпляра (Рис. 103, 1-4) из неграбленных погребений, все они небольшие, длиной около 10-12 см. Два из них, сигаровидные с отверстием для подвешивания, происходят из курганов у сел Владимировка и Водопойное, один плоский с отверстием, найден в погребении Суворовское 9/1, еще один, клиновидный, прямоугольный в сечении, без отверстия, обнаружен в погребении Суворовское 16/9. В трех случаях оселки находились слева от таза у кисти руки или у бедра, в одном случае положение оселка не установлено. Фрагменты оселков найдены в насыпи кургана 1 у с. Крыловка Сакского района, и в полностью разграбленном погребении кургана в урочище Белоглинка. Однако в последних случаях нет надежных оснований для их датировки¹¹³.

Ворворки, их обнаружено в скифских погребениях Северо-Западного Крыма не менее 20 (Рис. 103, 5-20). Использовались в различных вещах, но их применение в конском снаряжении не зафиксировано¹¹⁴. Ворворки присутствовали в комплексах датируемых временем не ранее последней трети – четверти VI – начала IV в. до н. э. Все экземпляры небольшие, бронзовые, а в единичных случаях железные (ур. Снежное Сакского р-на, Луговое 4/12). Судя по их расположению, они применялись в поясах (Наумовка 2/3) и в подвесках к поясам (Григорьевка 9, Суворовское 16/9), входили в комплекты панцирей (Славное – Рылеевка 1/1¹¹⁵) и чехлов для копий (Григорьевка 5/9, Дальнее 1/2). По форме ворворки могут быть разделены на цилиндрико-конические, конические, конические с дуговидными стенками, последний вариант количественно преобладает. Практически все находки характеризуются гладкой внешней поверхностью, признаки ограненности отмечены только у низких ворворок в комплексе Луговое 4/12. Единственным экземпляром представлена миниатюрная низкоконическая ворворка из погребения Колоски 5/3, относящаяся ко времени не ранее IV в. до н. э.

Особое место занимают небольшие бронзовые полые колоколовидные изделия с площадкой и небольшим отвер-

¹¹³ Интересен удлиненный плоский оселок длиной 19,5 см из погребения 4 кургана 11 у Григорьевки. Впрочем, несмотря на присутствие белых округлых стеклянных бус, это погребение нельзя уверенно отнести к скифскому времени [Колотухин, 2000, с. 38-39].

¹¹⁴ Так как предметы конского снаряжения в погребальных комплексах практически отсутствовали. Единственное исключение - погребение в кургане Рылеевка 4, однако, там не было ворворок.

¹¹⁵ В этом случае, полной уверенности в интерпретации находок, как деталей панциря нет, ворворки были найдены внутри панциря вместе со втками двух копий. Нет ясности и с инвентарем погребения Луговое 4/12, где три миниатюрные ворворки (1 железная + 2 бронзовые) могут происходить и от панциря, и от чехлов для копий.

стием сверху (Рис. 103, 8-10]. В погребении Наумовка 2/3, такой предмет найден в области поясицы в комплексе с еще одной ворворкой, что позволяет считать его деталью поясной шнуровки. В комплексе погребения Межводное 8/1 «колокольчик» находился у левого колена. В комплексе погребения Рылеевка 2/2 он лежал на бедренной кости левой ноги и, скорее всего, служил украшением подвески горита. Вероятно использование таких ворворок в качестве вотолок–чашечек, в которых закреплены пряди кисти [Фиалко, 2005, с.411-414].

Зеркала обнаружены в трех погребениях, два из которых определены как женские, а одно полностью ограблено. К последней четверти V в. до н. э. относится круглое зеркало диаметром 12 см с выраженным бортиком и разрушенной железной ручкой (Рис. 12, 10) из комплекса Луговое 4/7. Среди находок в каменной гробнице кургана 6 у с. Снежное¹¹⁶ найдены фрагменты зеркала диаметром не менее 12-14 см, тип не определен (Рис. 49, б). Погребение датируется временем не позднее IV в. до н. э. Как группа, подобные зеркала могут быть отнесены к V и IV в. до н. э.

Видимо к концу V – началу IV в. до н. э. относится погребение Гришино 2 с зеркалом диаметром 18 см, с ручкой, заканчивающейся медальоном (Рис. 93, 13). Характерной особенностью изделия является бортик, вдоль которого расположен орнамент в виде кружков с точкой в центре. Подобные зеркала датируют V–IV вв. до н. э. [Кузнецова, 2002, с. 120]. Среди недавно опубликованных находок следует отметить близкое зеркало из погребения 1 кургана 6 группы Рясные Могилы [Болтрик, Фиалко, 2011, с. 147-148]. Судя по наконечникам стрел, это погребение может быть отнесено к концу V – первым десятилетиям IV в. до н. э.

Пряслица происходят как из женских захоронений, так и из разграбленных гробниц, в которых не определен половозрастной состав погребенных. Всего учтено около 30 таких находок. Диаметр пряслиц не превышает 2-3 см, высота колеблется от 1 до 3 см. По материалу изделия подразделяются на керамические (Рис. 104, 1-9), свинцовые (Рис. 104, 10-18) и костяные¹¹⁷. Как правило, в могиле находилось одно пряслице, однако в погребении 5 кургана 18 у с. Наташино обнаружено 3 таких предмета.

Среди керамических преобладают лощеные лепные, однако в могильнике Братское известны изделия из амфорных ручек¹¹⁸. По форме керамические пряслица делятся на цилиндрические, биконические, конические и усеченно-конические, сферические и полусферические. Практически все керамические изделия относятся к IV в. до н. э.

Свинцовые пряслица характеризуются меньшими размерами, большим разнообразием форм и более широким периодом бытования. По форме они подразделяются на полусферические, характерные для IV в. до н. э., и биконические, известные в V-IV вв. до н. э. Дисковидное пряслице с ограненной боковой поверхностью обнаружено в погребении Колоски 5/5, датированном второй половиной VI – первыми десятилетиями V в. до н. э. Еще одно орнаментированное сферическое пряслице с дисковидным поясом в средней части, обнаружено в погребении конца V – начала IV в. до н. э. Красноярское 8/2.

Булавки, проколки и иглы представлены незначительным количеством находок, что связано с ограблением могил, в первую очередь склепов, где нередко не интерпретированные обломки небольших изделий из бронзы и железа.

Булавки. Верхняя часть бронзового предмета, возможно булавки, найдена в ограбленном склепе IV-III вв. до н. э. в кургане 6 у с. Водопойное (Рис. 63, 9). Две небольшие железные булавки длиной 7 и 6 см (Рис. 104, 19) найдены в погребении Григорьевка 5/5, могила относится к IV в. до н. э.

Проколки и шильца обнаружены в комплексах конца V и IV вв. до н. э. Небольшие круглые в сечении приостренные с обеих сторон шильца из железа найдены в двух могилах (Рис. 104, 20, 21). Шильце из склепа в кургане 6 у с. Дальнее имело деревянную ручку. В средней части двусторонней проколки из погребения Красноярское 8/2 сохранились следы матерчатой обмотки.

Иглы. Иглы с ушком, предназначавшиеся для шитья, в могилах не обнаружены. В трех комплексах [Григорьевка 9/1; Наташино 11; Суворовское 12/2] развитого V, позднего V и первой четверти IV в. до н. э. обнаружены круглые или прямоугольные в сечении костяные иглы с боковыми зарубками [рис 104, 22-24]. В погребении у Григорьевки игл было 4. В разграбленном захоронении у Наташино уцелело 2 иглы, а в каменном ящике из Суворовского сохранилось 7 таких предметов. Комплексы с подобными находками нечасты, но известны и в Степной Скифии и в Крыму. Например, в могильнике Стоячий Камень на Керченском полуострове среди находок в каменном ящике 8/17, датированном IV в. до н. э., найдено 23 таких изделия [Масленников, 1995, с.9]. В грунтовой могиле 7 в кургане

¹¹⁶ Черноморский район.

¹¹⁷ Костяное пряслице, судя по полевой документации, обнаружено в одной из разграбленных могил некрополя Снежное (Черноморский район), однако зарисовки этого предмета нет.

¹¹⁸ В одной из разграбленных могил Крыловской курганной группы найдено пряслице из стенки гончарного сосуда, однако это изделие, скорее всего, относится к средневековому времени.

20 у с. Шубино в Южном Присивашье¹¹⁹, датируемой концом V – первой четвертью IV в. до н. э., обнаружено около 20 целых и фрагментированных игл.

Украшения.

Изделия в зверином стиле единичны и представлены тремя литыми бронзовыми бляхами с изображениями голов животных (Рис. 105, 5-7), украшавших в двух случаях меч или его подвеску. В третьем случае бляху можно связать с мечом, горитом или панцирем¹²⁰.

Небольшая бляшка размером 2,5 x 1,7 см с изображением головы кабана найдена на навершии меча в погребении 13 кургана 2 у с. Владимировка. Подобные бляхи нередки в степи и лесостепи и относятся к среднескифскому времени [Могилов, 2008, с. 46]. В Крыму еще одна бляха с головой кабана происходит из некрополя Нимфея [Силантьева, 1959, рис. 37, 9].

Более крупная бляха размером 6 x 5 см с изображением головы оленя, обнаружена в скифском погребении кургана 7 у с. Колоски рядом с мечом. Погребение относится к первой половине V в. до н. э. Бляха могла украшать либо ножны, либо подвеску. Морда животного либо сбита, либо не пролилась. Характерной особенностью является глаз с длинной каплевидной слезницей. Стилизованные рога, как и у блях с изображениями голов лосей [Могилов, 2008, с. 47], украшены расположенной в центре пальметкой, а по краям – головками грифов. В Крыму есть еще одна бляха с изображением головы оленя, относящаяся к V в. до н. э. Она обнаружена в погребении кургана 7 Акташского могильника [Бессонова, Бунятян, Гаврилюк, 1988, рис. 7, 3].

Первоначальное местоположение бляхи (размеры 6 x 4,5 см) с головой лося из Карамеркетского (Акмететского) кургана не установлено. Для изображения характерен большой круглый глаз и менее детализированные рога, однако, оформленные в той же системе стилизации, что и у бляхи из кургана у Колосков. По мнению автора, погребение в кургане Карамеркет относится ко второй половине V в. до н. э. В степи и лесостепи аналогичные бляхи распространены достаточно широко [Могилов, 2008]. Скорее всего, ближайшими аналогиями будут бляхи из Нимфейского кургана I [Ильинская, Тереножкин, 1983 с. 210], кургана 7 у Мариуполя [Мурзин, 1984, с. 20, 21] и из Новорозановки [Шапошникова, 1970].

Бляхи в форме осетров (Рис. 105, 9). Их соотнесение со звериным стилем или исключение из него зависит от круга образов звериного стиля, в которые ихтиофауну нередко не включают. Среди сравнительно редких изображений рыб из Северного Причерноморья [Колтухов, 1997, с. 59-67] уникальны удлинённые, треугольные в сечении бляхи в форме осетров из погребения 2 в кургане 4 группы Славное – Рылевка [Колтухов, Колотухин, Кислый, 1994, с. 155-158]. Они связаны с треугольной бляхой, имевшей несколько креплений для ремня. Очевидно, осетры украшали конское снаряжение и выполняли роль апотропея, являясь символом божества защитника коней [см. Бессонова, 1983, с. 51 и сл.]. Учитывая отсутствие литых осетров в собственно скифском декоре, можно думать, что эти предметы происходят из мастерских Ольвии или Керкинитиды – городов, где в V в. до н. э. были распространены литые монеты в форме осетров.

Браслеты известны в погребениях из Северо-Западного Крыма с VI-V вв. до н. э., однако большинство обломков проволочных и стержневых бронзовых и железных браслетов встречены в многочисленных и практически полностью разграбленных каменных и грунтовых склепах. Широкая датировка таких гробниц возможна в рамках IV или IV-III вв. до н. э. Интересен факт широкого распространения на этом этапе украшений из железа, пока не находящий объяснения.

Предметы, сохранившие первоначальную форму единичны (Рис. 105, 21-27), почти все они происходят из неграбленных впускных погребений. Изделия относятся к типам широко распространенным в Скифии [см. Петренко, 1978]. Наиболее ранним является бронзовый стержневой браслет со стилизованными змеиными головками (Рис. 105, 22) из погребения Колоски 5/5, может быть отнесен ко второй половине VI – первым десятилетиям V н. э. Бронзовый проволочный браслет с заходящими друг за друга концами (Рис. 105, 26) найден в склепе кургана Водопойное 6. Комплекс находок из этой гробницы датируется IV-III вв. до н. э. Бронзовый браслет в полтора оборота с шишечками на концах (Рис. 105, 24) происходит из погребения кургана Наташино 18/5, датируемого второй половиной IV – первыми десятилетиями III в. до н. э. [Колтухов, 2009, с. 187]. Двухвитковый браслет из бронзовой проволоки (Рис. 105, 25) обнаружен в грунтовом склепе кургана Братское 8. Можно думать, что находка датируется концом IV в. до н. э.

Два железных браслета со сходящимися слегка расширенными концами (Рис. 105, 23) обнаружены в комплексе погребения Виноградово 13/5, относящегося ко второй половине IV в. до н. э.

¹¹⁹ Курган исследован Северо-Крымской экспедицией в 1972 г. Материал не опубликован

¹²⁰ Давно отмеченная бедность Крыма на украшения в зверином стиле, связана с отсутствием среди раскопанных в предгорье и в степи скифских погребений, сколько-нибудь заметного числа аристократических и воинских могил с уздой или захоронениями коней. Здесь звериный стиль обычно украшал оружие и предметы воинского снаряжения. Однако в Восточном Крыму, на Боспоре и у его границ, где погребения с уздой и конями нередки, нет недостатка в украшениях в зверином стиле.

Перстни и кольца. Мелкие фрагменты изделий, которые можно рассматривать, как обломки перстней или колец, присутствовали в разграбленных каменных гробницах. Целый перстень (Рис. 105, 8) был обнаружен лишь один раз, в погребении Колоски 5/3, датированном В.С. Ольховским IV-III вв. до н. э. Характерной особенностью предмета служит плоский овальный щиток без закраины, переходящий с двух сторон в заходящие друг за друга половинки кольца. Персти нечасты в рядовых погребениях Скифии, однако с IV в. до н. э. появляются в варварских некрополях Восточного Крыма [Бессонова, Бунятян, Гаврилюк, 1988, с.56]. Аналогичный перстень обнаружен лишь однажды в комплексе Акташ 55/1 [Бессонова, Бунятян, Гаврилюк, 1988, рис. 43,7]. Ограниченная голубая (стеклянная?) вставка в перстень обнаружена в погребении Межводное 9/2. Судя по находкам, эта гробница относилась к IV в. до н. э. Литое бронзовое колечко найдено на руке погребенного в могиле Межводное 9/6, относящейся к V в. до н. э. Необходимо заметить, что количество, перстней и колец в Северо-Западном Крыму явно меньше, чем в погребениях из Восточного Крыма.

Серьги и височные кольца (Рис. 105, 10-20, 28, 29). Так же, как и в случае с браслетами, основная их масса происходила из разграбленных гробниц IV или широко IV-III вв. до н. э. и сохранилась в виде мелких фрагментов.

Небольшие проволочные серьги с подостренными концами достоверно зафиксированы в трех комплексах IV в. до н. э. из могильников Григорьевка – Дальнее и Братское. В двух случаях серьги были бронзовыми, а в погребении 2 кургана 5 у с. Дальнее найдена небольшая золотая серьга (Рис. 105, 10). Интересно, что в погребениях Братское 14/2 и Дальнее 5/2 найдено лишь по одному экземпляру серег, тогда как в погребении Дальнее 4/3 серьги было две.

Круглые проволочные серьги из бронзы с надетыми на кольцо мелкими украшениями (Рис. 105, 12-15). Такие серьги широко распространены в Степной Скифии [Петренко, 1978, с. 36] в основном в IV в. до н. э. В Северо-Западном Крыму они встречены, преимущественно, в ограбленных гробницах, относящихся к IV – первой трети четверти III в. до н. э. Диаметр изделий колеблется от 3 до 5 см. Украшения представлены глазчатой бусиной (Колоски 5/3) и бусиной с зигзаговидным орнаментом (Наташино 18/2), бусиной в виде кувшинчика с зигзаговидным орнаментом (Наташино 18/2), бусиной из пирита (Наташино 13/2), овальной подвеской из материала который не был определен (Григорьевка 18), костяной пронизью (Водопойное 6/2). В разграбленных погребениях обнаружено по одному экземпляру серег. В хорошо сохранившемся погребении Наташино 18/5 серьги было две. Интересно, что на одной из них вместе с бусиной висел амулет в виде просверленной птичьей косточки.

Круглая бронзовая серьга типа 27/5 по В.Г.Петренко [Петренко, 1978, с. 35-36] из тонкого перевитого стержня (Рис. 105, 16) обнаружена в погребении Суворовское 3/2, относящемся ко времени не ранее последней трети - четверти IV в. до н.э.

Проволочные серьги со спиралевидными щитками и высокой дужкой (Рис. 105, 19, 20) встречены в курганах у Григорьевки и Дальнего в комплексах 5/12 и 7/4, относящихся к IV в. до н. э. Такие серьги известны как в крымских памятниках кизил-кобинской культуры, так в скифских памятниках IV в. до н. э. на Нижнем Днепре и в Днепро-Молочанском междуречье [Петренко, 1978, с. 28]. При этом материковые аналогии имеют больше сходства, с серьгами из Григорьевки и Дальнего, чем изделия из Горного Крыма.

Проволочные серьги с крючковидным концом, вставлявшимся в петельку. Одна из серег из склепа в кургане 2 у с. Крыловка Сакского района, скорее всего, связана с погребениями позднескифской культуры. Вторая, известная лишь по текстовому описанию, происходит из погребения 2 кургана 20 у с. Григорьевка, курган датирован IV – первыми десятилетиями III в. до н. э.

К височным подвескам можно отнести замкнутые бронзовые кольца (Рис. 105, 17, 18) диаметром 3 – 5 см их погребений Межводное 9/6 и 8/1 и двойное кольцо из погребения Григорьевка 20/1.

Апотропеи и культовые предметы сохранились в виде единичных находок.

Редкие раковины каури (Межводное 9/10) и клешни крабов (Наташино 18/5) можно рассматривать, как апотропеи [Столба, 2007, с. 157-160]. Видимо такую же функцию выполняли и аморфные осколки кремня, встреченные в скифских погребениях кургана 5 у Григорьевки, в кургане у Гришино и в кургане у Белоглинки. К апотропеям можно причислить и уже упомянутые фигурки осетров из комплекса Рылеевка 4/4 [Колтухов, 1997, с. 64].

Несомненно, к числу культовых предметов принадлежит каменная курильница (Рис. 76, 9), обнаруженная в остатках каменной гробницы в кургане 20 у с. Григорьевка. Возможно, она была использована при обряде очищения гробницы перед началом захоронений. Предмет имеет бочонковидную форму, его высота 15 см, диаметр 14 см, заметен массивный валикообразный венчик. Прямых аналогий курильнице автору неизвестно. По форме и размерам ей близок сосуд с ручками и вертикальными валиками из погребения 7 кургана 6 Уляпского могильника, интерпретированный исследователями в качестве кастрюли [Лесков, Беглова, Ксенофонтова. Эрлих, 2005, рис. 40, 10]. Заметно сходство курильницы и с некоторыми типами лепной посуды скифского времени из Поволжья [Смирнов, 1964, рис. 65,4-8; Шилов, Очир-Горяева, 1997, рис. 8, 17, 32].

Инвентарь из скифских погребений Северо-Западного Крыма, соответствует погребальным традициям Степной Скифии. В VII-VI вв. до н. э. различие заключается в лепной лощенной керамике с резным орнаментом, связанной с

керамикой кизил-кобинской культуры Горного Крыма. Впрочем, в степи, по направлению к Дону лошенная посуда с резным орнаментом известна в погребениях этого же времени [Дубовская, 1997, рис. 10], известна она и на Березани¹²¹. Для более позднего времени характерно появление керамики с восточнокрымским декором, представленной в памятниках скифского времени в юго-восточной и восточной части Крыма. Прочий инвентарь погребений V в. до н. э. мало отличается от инвентаря скифских могил Степного Причерноморья. Вооружение, как наступательное, так и защитное не отличается от уже известного в Степном Причерноморье и в лесостепи. Отдельные предметы могут указывать на связи с Предкавказьем – Прикубаньем. Изделия в зверином стиле редки, и всегда связаны с воинским снаряжением. Более существенные различия отмечены для IV в. до н. э. Однако, это во многом связано с тем, что все социально значимые комплексы, а именно погребения глав небольших общин и семей, в курганах Северо-Западного Крыма были разрушены при более поздних захоронениях, грабежах и выборке камня. Поэтому, за единичными исключениями, исследователи могут оперировать лишь комплексами впускных погребений, вынесенных за пределы центральных гробниц. Они, по объему и качеству погребального инвентаря, близки захоронениям могильника Мамай-Гора на Нижнем Днепре [Андрох, Тошев, 1999; 2001; 2004; 2009], погребениям в склепах Акташского могильника [Бессонова, Бунятян, Гаврилюк, 1988] и захоронениям в могильнике Стоячий камень в Восточном Крыму [Масленников, 1995]. Захоронения же в склепах Северо-Западного Крыма, судя по находкам в курганах Григорьевка 1 и Григорьевка 18, могли различаться между собой по богатству инвентаря, однако мало различались по размерам гробниц и курганных насыпей.

Рядовое скифское население Северо-Западного Крыма постепенно переходило от простой обрядности VI-V в. до н. э. к сложной системе IV в. до н. э., которая, отражала рост внутрисемейной градации. Изменялась и социальная структура некогда военизированного общества. На это указывает смена функций ополчения заметная по практически полному исчезновению из могил защитного вооружения и клинкового оружия. Очевидно, эти виды оружия стали привилегией аристократии, а основная масса населения превратилась в копейщиков и лучников.

Однако, не смотря на все изменения в обряде и вооружении, в Северо-Западном Крыму на всех этапах отмечаются лишь погребения групп 2 и 3, выделенных Е. П. Бунятян при социальной реконструкции структуры рядового скифского населения. Группы интерпретируются как принадлежащие рядовому свободному скифскому населению с разным уровнем материального достатка [Бунятян, 1985, с. 94-96].

Половозрастная структура скифского общества в археологических памятниках проявляется поэтапно. Для последней трети - четверти VI-V в. до н. э. характерны мужские воинские захоронения. Со второй половины - конца V в. до н. э. фиксируются погребения женщин. Интересно, что в кургане Братское 7 женское погребение было основным. Погребения детей обнаружены лишь в курганах IV в. до н. э.

Существенно и то, что IV в. до н. э., у середины этого столетия, на смену индивидуальным захоронениям приходят небольшие семейные курганы с гробницами, предназначенными для последовательных захоронений. На периферии таких насыпей, как правило, у кромлеха или за ним, достаточно часто находились захоронения детей и подростков, а так же погребения женщин. Такие особенности свидетельствуют о сложной половозрастной и социальной структуре скифской семьи этого времени¹²². Среди синхронных и близких по обряду захоронений Акташского могильника, расположенного в Восточном Крыму, Е. П. Бунятян выделила усыпальницы малых семей с количеством погребенных до 4 человек и усыпальницы неразделенных семей с количеством погребенных до 11 человек [Бессонова, Бунятян, Гаврилюк, 1988, с. 72]. Теми же особенностями характеризуются и склепы Северо-Западного Крыма, соответственно и их можно рассматривать как гробницы малых и неразделенных семей¹²³.

Если погребальный инвентарь совершенно определенно указывает на начало освоения скифами территории Северо-Западного Крыма не ранее второй половины VI в. до н. э., то исчезновение этой локальной группы памятников, может быть отнесено к концу IV – первой трети – четверти III в. до н. э. Не исключено, что остатки скифского населения сохранились на хоре и участвовали в ее реколонизации в III в. до н. э., однако это не более чем предположение, базирующееся на хронологии таких греческих сельских поселений как Чайка и Беляус.

¹²¹ Присутствие в скифских памятниках Причерноморской Лесостепи лепной посуды, по происхождению явно не скифской, все же не служит основанием для изменения этнокультурной атрибуции этих погребений.

¹²² Именно внутри семейных структур существовали и фиксировались в погребальном обряде признаки инициаций, неполных прав у отдельных членов семьи, существования инициаций и табуаций, интерпретация которых далеко не проста.

¹²³ Иные же социологические и демографические исследования должны проводиться по современным методикам специалистами иного профиля. Интересно, что в своих интерпретациях Е. П. Бунятян остановилась на 11 погребенных, уже тогда поняв, что далее следуют так называемые коллективные погребения, существование которых в Юго-Восточном Крыму в IV в. до н. э. можно считать доказанным фактом [Кропотов, 2009]. Одновременно с этим можно говорить о отсутствии этого типа погребений в Северо-Западном Крыму.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Археологическая характеристика скифских памятников Северо-Западного Крыма в VII-IV вв. до н. э. позволяет выделить объекты нескольких хронологических групп. Самая ранняя из них, состоит из двух погребений и связана с раннескифской культурой. Вторая группа представлена большим числом погребальных комплексов второй половины VI и V вв. до н. э. Это свидетельствует о том, что со времени появления греческой Керкинитиды и подтянувшихся сюда варваров, в западной части Крымского полуострова складываются предпосылки к формированию особой культурно-исторической области, а с середины – второй половины V в. до н. э. начинается ее формирование. Третья и самая большая группа относится к IV – первым десятилетиям III в. до н. э. В ней проявляются признаки, сближающие погребальный обряд греков и скифов. И у скифов и у эллинов в это время широко распространены каменные гробницы, предназначенные для последовательных захоронений, а в расположении погребений в курганах проявляются статусные различия, выраженные в размещении могил в центре насыпи или на периферии.

Во второй половине – конце V – первых десятилетиях III в. до н. э. северо-западная культурно-историческая область состояла из двух частей. Прибрежная часть с IV в. до н. э. превратилась в зону оседлого земледелия с греческой агрикультурой, занятую греческим населением и варварами. Последние через обмен, а со второй половины IV в. до н. э., вероятно и непосредственно, вовлекались в процессы работ, ведущихся на хоре. О присутствии варварского населения на хоре Херсонеса и непосредственно, у ее границ, свидетельствуют погребения в курганах у Крыловки (Сакский район) и в курганных могильниках у Водопойного, Межводного, Суворовского. Интересно, что в западной части Тарханкутского полуострова, на отдалении до 10 км от береговой линии, в последние годы обнаружены крупные античные усадебные комплексы, характерные для второй половины – конца IV – первой четверти – трети III в. до н. э., например, Чокрак - Верхнее и Кунан [Смекалова, 2011, с. 13–18]. Но, наряду с ними, на этой же территории существовали небольшие деревни или хутора, где фиксируются остатки нескольких построек с иной, не усадебной планировкой или следы нескольких групп небольших каменных домов. По мнению Т. Н. Смекаловой они являются варварскими и, в большинстве своем, относятся к эллинистическому времени [Смекалова, 2010, с. 19–59]. Связь их с небольшими группами курганов с каменными гробницами – ящиками и склепами, так же вполне допустима. По планировке и типам жилищно-хозяйственных комплексов, такие памятники, скорее всего, похожи на деревни скифского или смешанного населения Восточного Крыма, существовавшие в IV – первых десятилетиях III в. до н. э. [см. Масленников, 2001; Гаврилов, 2004; Колтухов, 2004а]. Менее вероятно, но не исключено, что подобные структуры могли быть привнесены с хоры Ольвии [ср. Крыжицкий, Буйских, Отрешко, 1990, с. 44–76].

Внутренняя и восточная часть Северо-Западного Крыма представляли собой территорию, на которой нам известны лишь курганы и подкурганные погребения. На таком материале трудно зафиксировать особенности ведения хозяйства, конечно же, кроме самых общих для скотоводов Степной Скифии [см. Гаврилюк, 1999, с. 129–152]. Однако, не позднее второй половины IV в. до н. э. можно заметить переход от кочевий к полукочевому образу жизни. Наиболее показательна в этом отношении восточная оконечность Тарханкутской возвышенности, примыкающая к Чатырлыкской балке. Здесь большое количество скифских курганов с впервые появившимися семейными склепами может свидетельствовать в пользу полуседлости населения. Следовательно, нельзя исключать и того, что на этой территории не позднее второй половины IV в. до н. э. могли появиться поселенческие структуры с круглогодичным жизненным циклом¹.

Интересно открытие в восточной части Тарханкутской возвышенности погребений раннескифской культуры. Захоронение Сусанино 2/8 несомненно, связано с VII в. до н. э., а захоронения Григорьевка 5/10 относится к тому же периоду, что и хорошо известные могилы с ионийскими вазами в Темир-Горе и Филатовке. Их расположение у Чатырлыкской балки говорит в пользу прохождения вдоль Чатырлыка, отрезка кочевого маршрута. Последний, связывал Восточный Крым, а возможно и Прикубанье, с материковыми степями и лесостепями². Можно предположить, что в Крыму он проходил от Перекопа до Салгира, а далее, по границе степи и лесостепи вел к Акмонайскому перешейку, пересекая многочисленные речные долины Юго-Восточного Крыма³. Судя по отдельным лепным и гончарным сосудам, формы которых характерны для Боспора, обнаруженным в погребениях как V в. до н. э., так и IV в. до н. э. связи с Восточным Крымом здесь сохранялись и позднее. Похоже, что об этом же свидетельствуют и грунтовые склепы с плитовым перекрытием, появившиеся в курганах у Чатырлыка не ранее второй половины IV в. до н. э.

В плане изучения северо-западной части Крымского полуострова, особый интерес вызывает выделенная В. С. Ольховским группа погребений «КК», иначе, группа погребений совершенных по скифскому обряду, но с лошеной керамикой, украшенной резным орнаментом. Наиболее ранние могилы с такими сосудами, обнаружены в курга-

¹ Следует отметить, что это предположение и в настоящее время не подтверждено достоверными археологическими свидетельствами.

² Ср. Вахтина, 1991; Вахтина, 2002; Вахтина, 2004.

³ Несомненно, существовали и ответвления, ведущие по речным долинам в Предгорный Крым.

нах предгорной части долины Салгира, где они датируются VII-VI вв. до н. э. В Северо-Западном Крыму такая посуда, в массе своей более поздняя, достаточно строго разделяется на три группы. Собственно кизил-кобинская, орнаментированная посуда VI и V вв. до н. э. известна в курганах Северо-Западного Крыма от р. Западный Булганак до Бакальского озера. Она же хорошо представлена в V в. до н. э. в городских слоях Керкинитиды [Кутайсов, 1987]. Керамика восточного варианта кизил-кобинской культуры с декором айвазовского типа [Сенаторов, 2001, с. 114-116] встречается, как правило, в восточной части и в глубине Тарханкутской возвышенности и датируется временем не ранее V в. до н. э.⁴ Скорее всего, ее появление свидетельствует об устойчивых контактах с варварским населением восточной и юго-восточной части Крымского полуострова. Наиболее поздняя серия лощеных неорнаментированных сосудов, датируемая последними десятилетиями IV в. до н. э., известна в могильниках восточной части Тарханкута, можно предположить, что она восходит к орнаментированным корчажкам V в. до н. э.

Существенной особенностью группы «КК» являлись вытянутые и слабо скорченные захоронения, совершенные по обряду, известному в Степном Причерноморье и в Крыму в предскифское и скифское время. В ориентации погребенных уже на раннем этапе главным был юго-западный сектор [Ольховский, 1991, с. 82; Колтухов, 1999, с. 90]. Основным типом погребальных сооружений были могильные ямы, в сущности те же, что и в Степной Скифии. Погребальный инвентарь, первоначально чрезвычайно бедный, по составу был близок инвентарю рядовых степных захоронений предскифского времени, интерпретируемых в качестве новочеркасских, или же поздних черноморских. Однако серьезно вопрос о происхождении группы КК сегодня можно ставить только при полноценном исследовании памятников Предгорного Крыма и изучении антропологических материалов⁵. В Северо-Западном Крыму мы видим ее в достаточно развитом виде. Даже ранние погребения, такие как Колоски 5/4 и Тавкель-Нейман, датируемые не ранее второй половины VI в. до н. э. или второй половины VI-V вв. до н. э. по сути дела не отличаются от собственно скифских. В более позднее время различия заключаются только в посуде.

Однако, в данном случае существенно другое, в Степном Крыму группа «КК», никоим образом и ни в чем, за исключением лепных сосудов с резным декором не совпадает с памятниками, традиционно относимыми к кизил-кобинской культуре, так и не появившейся на этой территории. С другой стороны, более чем вероятно, что эта группа, или предскифская, или раннескифская по происхождению, изначально была аборигенным субстратом, на который наслаивалось проникающее в Крым скифское степное население, в том числе и известные по Геродоту скифы царские.

Освоение собственно скифами пространств Тарханкутской возвышенности началось во второй половине - конце VI в. - начале V в. до н. э. Количество скифских могил, минимальное на первом этапе, увеличилось во второй-третьей четверти V в. до н. э. и стало достаточно представительным в последние десятилетия V в. - первые десятилетия IV в. до н. э. [ср. Колотухин, 2000, с. 61, 62]. Необходимо заметить, что в это время над всеми группами погребальных сооружений все еще преобладали грунтовые могилы. Не позднее первой половины V в. до н. э. здесь были насыпаны первые собственно скифские курганы, во второй - третьей четверти этого столетия появились первые каменные ящики⁶.

В. С. Ольховский в крымском варианте скифской степной культуры совершенно справедливо видел западно-крымскую, предгорную и восточнокрымскую локальные группы или зоны⁷. Западнокрымская характеризовалась преобладанием грунтовых ям, каменных гробниц, впускных захоронений, западной ориентацией погребенных, редкостью оружия и жертвенной пищи [Ольховский, 1991, с. 168, 171]. Она, как и остальные крымские группы, была датирована рубежом V-IV вв. до н. э. - III в. н. э. [Ольховский, 1991, табл. 23-27].

В настоящее время есть все основания для внесения корректив в модель В. С. Ольховского. Формирование западнокрымской локальной группы памятников скифской культуры в Крыму стало заметным не позднее второй-

⁴ В это время, в небольшом количестве, она, как и собственно кизил-кобинская посуда, известна на античных приморских поселениях [Рогов, 2005, рис. 14, 2, 5].

⁵ Антропология этой группы не проанализирована. Априорно, с учетом сложного антропологического состава населения Восточного Крыма, установленного на грунтовом могильнике Фронтное I относящемся к V-IV вв. до н. э. и на курганном Акташском могильнике IV в. до н. э. [Покас, Назарова, Дяченко, 1988], группа может оказаться неоднородной, впрочем, не ясно в какую сторону. Например, для Акташского могильника установлено существование скифского антропологического ядра и дополнительные греческий и таврский компоненты. Для могильника Фронтное основное население охарактеризовано как местное таврское, включающее и скифские элементы. Недавно к выводу о сложном этническом составе населения на антропологических материалах одного из склепов курганного могильника Сары-Кая под Белогорском, пришла Л. В. Литвинова, буквально повторив выводы о скифах, таврах и греках, сделанные ее предшественниками при изучении Акташской серии [Литвинова, 2010, с. 179].

⁶ Необходимо отметить, что в ящиках, по габаритам соответствующих погребениям в вытянутом положении, до сих пор не обнаружен инвентарь, характерный для кизил-кобинской культуры. Единственное, предположительно раннее каменное погребальное сооружение из кургана у с. Тавкель-Нейман, может относиться и к скифской классике. Наличие в колчанном наборе одной двухгранной стрелы и нескольких трехгранных вполне вероятно для развитого V в. до н. э. Что же происходило в это время на западной оконечности Тарханкута, так красочно описываемой в трудах последних лет, автору неясно. Т. Н. Смекаловой и ее коллегам пора применить комплексные методы археологического исследования.

⁷ Исследователь вполне обоснованно указал на заметное сходство крымской присивашской группы с памятниками материкового Приазовья [Ольховский, 1991, с. 171].

третьей четверти V в. до н. э., после появления на Тарханкутской возвышенности скифских курганов и всех основных категорий или классов погребальных сооружений и быстрого распространения каменных ящиков. Со второй–третьей четверти IV в. до н. э. каменные гробницы уже преобладали над всеми иными группами могил. В самом же классе гробниц появились склепы-«толосы» и близкие им склепы и ящики в каменной обкладке. Интересно, что существовали строительные и конструктивные особенности таких сооружений, характерные именно для Северо-Западного Крыма. В происхождении каменных погребальных сооружений, можно видеть крымские традиции. Например, ящики известны в это время у тавров Горного Крыма, у аборигенного населения Восточного Крыма. Плитовые могилы не являлись редкостью и в некрополях греческих городов. Склепы впервые зафиксированы в некрополе Пантикапея, однако исключительно быстро, с запозданием не более чем в четверть века, они распространились в варварской среде [Колтухов, 2005]. В данном случае, каменные гробницы можно считать заимствованием, однако заимствованием, в наибольшей степени соответствующим семейной структуре скифского общества середины–второй половины IV в. до н. э. Интересным фактом стало отмеченное не ранее второй половины IV в. до н. э. появление в восточной части Тарханкутской возвышенности грунтовых склепов с плитовым перекрытием. Не исключено, что это свидетельствует о связях с Европейским Боспором или о миграции в глубину Степного Крыма какой-то группы скифов из Восточного Крыма.

Число же грунтовых могил не уступало количеству каменных гробниц, но было больше количества подбойных могил и катакомб. Впрочем, почти всем им в обряде отводилась второстепенная роль. Могильные ямы, катакомбы и подбои, со второй половины IV в. до н. э. чаще всего служили вместилищем для умерших членов семьи, которых по «табуированным» причинам нельзя было разместить в камере центральной гробницы.

Погребальная пища присутствовала практически во всех не ограбленных могилах. Западная же ориентация не более чем традиционное обобщение. Над остальными ориентировками преобладал сектор северо-запад-запад – юго-запад, по большей же части тела ориентировали в границах сектора запад – юго-запад-запад. В целом, западно-крымская группа степной скифской культуры очень близка синхронной ей восточнокрымской, причем, при условии включения в нее каменных гробниц Крымского Приазовья. Западнокрымскую группу продолжают объединять грунтовые могилы, каменные ящики и склепы, однако, в ее восточной части прослеживаются постоянные признаки контактов с Боспором и варварским населением Юго-Восточного Крыма. С другой стороны, очень показательно то, что железные втульчатые стрелы, нередкие со второй половины – конца IV в. до н. э. в восточной части Крыма, в Северо-Западном Крыму обнаружены один раз и только в Кульчукском могильнике. Они происходят из склепа, относящегося ко времени не ранее III в. до н. э. Похоже, что особенности, проявляющиеся в материальной культуре населения восточной части Крымского полуострова, слабо проявлялись к западу от долины реки Биюк-Карасу.

О времени исчезновения памятников западнокрымской группы свидетельствует амфора и чернолаковая керамика, среди которой нет предметов, датированных временем позднее последней четверти IV – первой четверти III в. до н. э.

Социальный состав населения в Северо-Западном Крыму не отличался сложностью и пестротой. Освоение территории скифами, отражено в появлении погребений с набором клинкового и метательного оружия, принадлежавших рядовым воинам. Еще более интересны синхронные им погребения тяжеловооруженных воинов с наборным доспехом, которые можно связать с представителями родовой [племенной] верхушки. Как правило, такие погребения называют дружинными. Очевидно, этот же этап в предгорье отражают погребения в Золотом кургане, в кургане Кулаковского и в Каракиятском кургане [Колтухов, 1998; Колтухов, 1999], в Присивашье – погребение у с. Вишневка [Андрух, 1988; Колотухин, 2000, с. 8], а близ Феодосии – погребение в кургане у с. Надежда [Черепанова, 1985]⁸. Относительное богатство, отмечаемое в ранних погребениях воинов, например таких, как захоронения в Золотом кургане близ Симферополя, кургане у Вишневки, скорее всего, возникло в результате военно-грабительских походов, так как аристократической пышности в могилах военных предводителей еще нет. Ситуация с выраженной вооруженностью населения наблюдается до конца V – первой трети–четверти IV в. до н. э. Судя по исчезновению в IV в. до н. э. из скифских могил признаков тяжелого защитного вооружения, оно практически престало быть доступным общинной верхушке и стало одной из привилегий аристократии. Впрочем, «разоружение» рядовых скифов было весьма относительным. В IV до н. э. хорошо известны захоронения с колчанными наборами и легкими копьями.

Этносоциальная характеристика доминирующего субэтнуса, а именно «доблестного и многочисленного скифского племени, считающего прочих скифов себе подвластными» [Héro. IV, 20], занявшего часть материковой степей и Степной Крым, в V в. до н. э. дана Геродотом. Это скифы царские, чья область простирается от Герра до Таврики, а на восток до рва потомков слепых и до Кремн. Граница между царскими скифами и таврами, населявшими гористую страну, начиналась от Керкинитиды и шла по направлению к Херсонесу Скалистому [Héro. IV, 99]. Близ Керкинитиды – Евпатории нет гор, но именно из Евпаторийского залива хорошо просматривается горная часть полуострова. Сам город, в таком случае, надежный пространственный репер, но не строго локализованное начало горной местности. Горный Крым на востоке заканчивается Феодосийским низкорьем у Феодосийского залива,

⁸ Такие захоронения в V в. до н. э. в Крыму достаточно многочисленны, но ограничимся теми, которые имеют достаточно выраженные хронологические репера.

далее начинается Керченский полуостров или Херсонес Скалистый. Границу тавров и скифов по Геродоту, следует проводить по Предгорному Крыму, начинающемуся в 40 км к югу от Керкинитиды, на востоке выводя ее к Феодосии. В отношении рва потомков слепых или рабов скифов, возможны два мнения, поскольку Геродот пересказывает события, легендарные, либо получившие легендарную окраску. Первое, традиционное, ров совпадает с Акмонайским рвом у Феодосии, прикрывающим с запада этот город и Керченский полуостров [см. Масленников, 2003, с. 30 и сл.]. Оно стало бы весьма вероятным, если бы у Геродота были отражены события, происходившие по обе стороны Боспора Киммерийского, за несколько десятилетий до его визита в Северное Причерноморье. Впрочем, для легенды срок слишком короткий. Второе, можно свести к легенде, в которой отражены события VII–VI вв. до н. э. В этом случае, со рвом можно отождествлять и сам Боспор Киммерийский. Впрочем, для нас важно лишь то, что Степной Крым, а по археологическим данным и большая часть Предгорного Крыма являлись землями царских скифов, подчинивших, а со временем и инкорпорировавших в свой состав аборигенов или наоборот, инкорпорированных аборигенным населением крымской степи и предгорий.

Явные изменения в погребальном обряде происходят в IV в. до н. э., однако они не выходят за рамки, фиксирующие традиционные различия между общинной верхушкой и рядовыми общинниками [ср. Бунятян, 1985, с. 94–98]. Социальную дифференциацию могло бы ускорить развитие хоры, однако мы до сих пор не получили выразительных примеров такого процесса.

Одним из наиболее интересных вопросов, относящихся к внутренней структуре скифского общества этой части Крымского полуострова, является вопрос о существовании в Северо-Западном Крыму в IV в. до н. э. скифского аристократического рода. Ему можно было бы отвести главенствующую роль в территориальном объединении, которое у кочевых и полукочевых народов приобретало форму орды или рода. Например, факт существования аристократических семей в первой половине IV в. до н. э. на территории к западу от Акмонайского перешейка установлен достоверно. Это курганная группа Дорт-Оба, находящаяся близ Симферополя над р. Салгир [Колтухов, 2008], а возможно и расположенный рядом с ней Талаевский курган⁹ [Манцевич, 1957, с. 167; Алексеев, 2003, с. 296; Бессонова, 2009, с. 32]. В третьей четверти IV в. до н. э. несомненно, уже существовал скифский аристократический могильник, находившийся в предгорье вблизи Белогорска [Мозолевский, 1990, Колтухов, 2006].

В Северо-Западном же Крыму, в этом плане очень интересен могильник из больших курганов, сопровождавшихся многочисленными мелкими насыпями, расположенный между селами Воробьево и Красновка [Смекалова 2011, с. 39–41], с которым может быть связана находка гривны близ селения Апан-Сарча, а по одной из версий и аристократическая могила в кургане Чаян. Впрочем, до обстоятельного обследования этой курганной гряды, делать уверенные и далеко идущие выводы преждевременно¹⁰.

О греко-скифских отношениях на территории Северо-Западного Крыма, рассматривая ситуацию «из степи», можно говорить лишь с позиции оценки потенциала скифских племен¹¹. Не вызывает сомнений тот факт, что начало освоения скифами этого пространства по времени близко или совпадает с основанием Керкинитиды. Установление скифского протектората над Керкинитидой в первой половине V в. до н. э. вполне вероятно с учетом военных возможностей скифов, засвидетельствованных погребениями тяжеловооруженных и легковооруженных воинов в большинстве курганных могильников Северо-Западного Крыма. Подобный потенциал сохранялся до конца V – начала IV в. до н. э. соответственно, до этого времени мог бы продолжаться и скифский протекторат, конечно, в том случае, если он существовал. Позднее, судя по снижению количества оружия в скифских могилах,¹² оно стало одной из привилегий аристократии. А с возрастанием роли «элиты» в войске и в принятии общественно важных решений, может быть связано и появление в этой части Крымского полуострова хоры Херсонеса, когда значительная часть приморских земель оказалась в руках греческих колонистов. Однако часть скифских общин на этой территории сохранилась и была включена в новую хозяйственную структуру, став одной из этнических групп населения большой хоры Херсонеса.

Катастрофические события, отмеченные в Скифии, на Европейском Боспоре, на сельской территории Ольвии и хоре Херсонеса в конце IV – первой трети-четверти III в. до н. э., привели к исчезновению степных групп скифских памятников. За ними последовало многовековое запустение Равнинного Крыма. С этого периода и вплоть до половецкого времени археологи отмечают в Степном Крыму лишь единичные погребения кочевников. Впрочем, на приморских землях, где значительная часть херсонесских сельских поселений сохранилась, или была быстро восстановлена, скорее всего, уцелела и просуществовала еще несколько столетий часть местного варварского населения.

⁹ Погребение в Талаевском кургане более всего похоже на дружинные захоронения предшествующего времени, впрочем, курган целиком не исследован.

¹⁰ Однако, непредусмотрительно исключать возможность существования во второй четверти – второй половине IV в. до н. э. аристократического курганного могильника или отдельных аристократических курганов вблизи Керкинитиды.

¹¹ Увы мне, но многочисленные вариации исследователей-античников на тему о месте и роли скифов в развитии полисов и хоры, пока не находят подтверждения в рядовом скифском материале.

¹² Единичное погребение с остатками доспеха в кургане у ШГормового [Ольховский, 1985, с. 284] ситуацию не меняет.

РЕЗЮМЕ

Археологическая характеристика скифских памятников Северо – Западного Крыма в VII – IV вв. до н.э. позволяет выделить несколько хронологических групп. Самая ранняя из них, состоит из двух погребений раннескифской культуры. Вторая группа представлена заметно большим числом погребальных комплексов второй половины VI и V вв. до н.э. Это свидетельствует о том, что со времени появления греческой Керкинитиды и подтянувшихся сюда варваров, в западной части Крымского полуострова складываются предпосылки к сложению особой культурно-исторической области. С середины – второй половины V в. до н.э. начинается ее формирование. Третья и самая большая группа относится к IV – первым десятилетиям III в. до н.э. В ней проявляются признаки, сближающие погребальный обряд эллинов и скифов.

В V – первых десятилетиях III в. до н.э. северо-западная культурно - историческая область в Крыму состояла из двух частей. Прибрежная часть ко второй половине IV в. до н.э. превратилась в зону оседлого земледелия с греческой агрикультурой, занятую греческим населением и варварами. Последние через обмен, а со второй половины IV в. до н.э., вероятно и непосредственно, вовлекались в процессы работ на хоре. Внутренняя и восточная часть Северо – Западного Крыма представляли собой скифскую территорию, на которой нам известны лишь курганы и подкурганые погребения. Не позднее второй половины IV в. до н.э. можно заметить переход от кочевой к полукошачьему образу жизни. Наиболее показательна в этом отношении восточная оконечность Тарханкутской возвышенности. Здесь большое количество скифских курганов с впервые появившимися семейными склепами может свидетельствовать в пользу полуседлости населения. Следовательно, нельзя исключать и того, что на этой территории могли появиться и поселенческие структуры с круглогодичным жизненным циклом.

Особый интерес вызывает группа погребений, совершенных по скифскому обряду, но с лошенной керамикой, украшенной резным орнаментом, характерным для кизил-кобинской культуры, выделенная на археологическом материале В.С. Ольховским. Эта посуда неоднородна, и характерна как для кизил-кобинской культуры в целом, так и для ее восточного варианта. Ее появление свидетельствует об устойчивых связях или о культурном единстве субстрата варварского населения Степного и Предгорного Крыма в скифское время. Однако, в данном случае существенно то, что эта группа погребений не совпадает с памятниками, традиционно относимыми к кизил-кобинской или таврской культуре.

Социальные состав населения в Северо-Западном Крыму в V в. до н.э. не отличался сложностью и пестротой. Этносоциальная характеристика доминирующего субэтноса, а именно «...доблестного и многочисленного скифского племени, считающего прочих скифов себе подвластными...» (Геродот, IV, 20), занявшего часть материковой степей и Степной Крым, в V в. до н.э. дана Геродотом. Это скифы царские, чья область в Крыму простиралась на юг до гор, а на восток до современного Керченского полуострова, или даже до Керченского пролива, именовавшегося в древности Боспором Киммерийским.

Освоение скифами пространств Тарханкутской возвышенности заметно со второй половине VI – начале V в. до н.э., во второй – третьей четверти V в. до н.э. здесь уже были насыпаны первые собственно скифские курганы, тогда же появились первые каменные ящики. Западнокрымская группа степной скифской культуры, формирование которой началось в V в. до н.э., окончательно сложилась в IV в. до н.э. Она характеризовалась преобладанием грунтовых могил и каменных гробниц, западной ориентацией погребенных. Появление в ней погребальных сооружений в виде каменных склепов, можно считать заимствованием из греческой среды, однако оно в наибольшей степени соответствовало семейной структуре скифского общества второй половины IV в. до н.э.

Одним из наиболее интересных вопросов, относящихся к социальной структуре скифского населения Северо-Западного Крыма, является вопрос о существовании в Северо-Западном Крыму в IV в. до н.э. скифского аристократического рода. В этом плане интересен еще не раскапывавшийся могильник из больших курганов у сел Воробьево и Красновка, с которым может быть связана находка золотой гривны близ селения Апан – Сарча, а по одной из археолого-топографических версий и богатая аристократическая могила в кургане Чайн.

О греко-скифских отношениях на территории Северо-Западного Крыма, рассматривая ситуацию «из степи», можно говорить лишь с позиции оценки потенциала скифских племен. Например, установление скифского протектората над Керкинитидой в первой половине V в. до н.э. вполне вероятно с учетом военных возможностей скифов, засвидетельствованных погребениями тяжеловооруженных и легковооруженных воинов в большинстве курганных могильников Северо-Западного Крыма. Подобный потенциал сохранялся до конца V – начала IV в. до н.э. соответственно, до этого времени мог бы продолжаться и скифский протекторат. Позднее, судя по снижению количества оружия в могилах рядовых скифов, полный набор вооружения стал одной из привилегий аристократии. А с возрастанием роли «элиты», реализующей после гибели царя Атея свои личные интересы, может быть связано и появление в этой части Крымского полуострова хоры Херсонесского государства, когда значительная часть приморских земель оказалась в руках греческих колонистов.

О времени исчезновения северозападной группы скифских памятников в Крыму свидетельствуют греческие импорты, среди которых нет предметов, датируемых временем позднее конца IV – первой четверти III в. до н.э.

SUMMARY

The archaeological characteristic of Scythian monuments of North-Western Crimea, which are dated by 7th- 4th cent. B.C., let to allocate few chronological groups. The earliest group consists from two tombs of early-Scythian culture. The second group is submitted by much bigger amount of funerary complexes, dated by second half of 6th -5th cent. B.C. It testifies that an emersion of Greek Kerkitida and Barbarian's arrival gives the assumptions to the composition of special cultural and historical area in the west part of Crimean peninsula. Its formation begins in the second half of 5th cent. B.C. The third group, which is the biggest one, refers to 4th -first decade of 3rd cent. B.C.

The northwest cultural and historical area of Crimea was divided in two parts in 5th - first decades of 3rd cent. B.C. The coastal part became a zone of settled agriculture of a Greek type in the second half of 4th cent. B.C. The inhabitants of this area were mostly Greeks and Barbarians.

Barbarians were involved in the process of chora's works firstly by virtue of exchange, later they took a part in it directly from the second half of 4th cent. B.C. The internal and eastern part of northwestern Crimea had represented a Scythian territory, which is well known only by barrows and tombs.

It is possible to pay attention on a change from nomadic life's style to semi nomadic in the second half of 4th cent. B.C. The eastern extremity of Tarkhankut's elevation is mostly significant in this way. The big amount of Scythian burial mounds with firstly appeared family's crypts, can testify in a favor of semi nomadic type of living. Therefore there is a possibility of existence of settled settlements with perennial life's circle on this territory.

The main interest is caused by the group of tombs, accomplished by Scythians' rite, but with polished ceramics, which was decorated with carved ornament. This ornament was one of the characteristics of Kyzyl-Koba culture and was singled out from all the archeological material by V.S. Olkhovsky. This type of ceramics is not homogeneous and distinctive for Kyzyl-Koba culture basically but also for its eastern variant. Its emersion testifies the steady links or maybe cultural unity of barbarian population's substratum in steppe's and piedmont Crimea in Scythian time. Anyway, this group of tombs does not match with usual monuments, which are traditionally were referred to Kyzyl-Koba culture.

The social content of population was not too compound in Northwestern Crimea of 5th cent. B.C. Their principal tribe, the "Royal Scyths", ruled the vast lands occupied by the nation as a whole (Herodotus 4.20), had occupied the part of continental steppes and steppe's Crimea. Their territories extended till the mountains to the south of Crimea, and to the east till the modern Kerch's peninsula, which had a name of Bosphorus Cimmerian in ancient times. The reclamation of Tarkhankut's elevation by Scythians is noticeable from the second half of 6th -beginning of 5th cent. B.C. The first Scythian burial mounds were poured here in the second and third quarter of 5th cent. B.C. The same period of time is noticeable by the first appearance of graves in stone cists.

The western Crimean group of steppe's Scythian culture began it's formation in the 5th century BC. Finally it was composed in 4th century BC. It was characterized with the predominance of grave pits and stone cist and western orientation of buried ones. The first appearance of funeral constructions in a form of stone crypts, can be considered a borrowing from Greek tradition, but it is still matches with family's structure of Scythian society of the second half of 4th cent. B.C.

The social structure of Scythian population opens a question about an existence of Scythian aristocratic clan in North-Western Crimea in 4th cent. B.C. The unexcavated barrows near the village Vorobievo and Krasnovka, is interesting in this way. It contains from few big mounds. It is very possible, that the finding of gold grivna next to the settlement Apan-Sarcha is connected with these mounds. Another archeological and topographical version gives an assumption that this burial mound is related to the rich aristocratic grave in the barrow Chayan.

It is possible to speak about the Greek-Scythian relation on the territory of north-western Crimea, looking on this situation from the "steppe": only from the position of the assessment of potential of Scythian tribes. For example, the establishment of Scythian protectorate above Kerkitida in the first part of V cent. B.C. is presumable, taking in account military possibilities of Scythians. This fact is witnessed by the tombs of heavily armed and lightly armed warriors in the majority of Scythian barrows of north-western Crimea. This potential had lasted till the end of V- beginning of 4th cent. BC. Respectively the Scythian protectorate had continued till this time. Later, according the fact of reduction of weapon's amount in graves of common Scythians, the complete set became a prerogative only of aristocratic families.

Scythian elite has got a new rights after the death of king Atei and began to realize their private interests. Maybe this event is connected with an emergence of Chersoneses' chora in this part of Crimea. The big amount of coastal territory became a property of Greek colonists.

The time of Scythian monument's disappearance is known because of Greek imports, which had no objects, which are dated later than end of 4th - first quarter of 3rd cent. B.C.

СПИСОК ПОГРЕБЕНИЙ

Сокращения: а – амфоры; чс – чернолаковые сосуды; кс. – краснолаковый сосуд; гс – гончарные сосуды; лс – лепные сосуды; дс – деревянные сосуды; бс – бронзовые сосуды; т - топорики; к – копья; м – мечи; с – колчаный набор; -с – единичные наконечники стрел; пс- наборной пояс; па – панцирь; в – ворворки; о – оселки; зс – украшения в зверином стиле; б – бусы, пронизи, подвески; бр – браслеты; ко – кольца, серьги, перстни; з – зеркала; п – пряслица; н – ножи; кр – кремь; пр – проколки; пл – плиты-растиральники.

Курган / погребение	Погребальное сооружение/ количество погребенных/ ориентация	Основное/ впускное	Сосуды	Оружие и снаряж.	Украшения/ предметы быта	Датировка
---------------------	---	--------------------	--------	------------------	--------------------------	-----------

Орлянка

к.5, п. 1.	?/1/3	вп.	+	-с.	н.	V в. до н.э.
------------	-------	-----	---	-----	----	--------------

Наумовка

к.1, п.2	каменный склеп/6/ЮЗЗ	вп.	а. гс.	-	-	IV в. до н.э.
к.1, п. 1	яма?/1/СВВ	вп.	а.	-	-	IV в. до н.э.
к.2, п. 3	яма/1/СЗЗ	осн.	-	-с. в.	н.	V в. до н.э.
к.3, п. 1	каменный склеп/ЮЗЗ	осн.	лс.	?	?	IV в. до н.э.
к.4	каменная гробница	осн.	?	?	?	IV в. до н.э.?
к.5	каменная гробница	осн.	?	?	?	IV в. до н.э.?
к.6, п. 2	яма/1/СВ	вп.	-	пс. к. с. в.	-	V в. до н.э.
к.6, п. 3	яма/1	вп.	-	па. пс. к. с.	н.	V в. до н.э.

Виноградово – Луговое

к.1В, п.2	?/1/В	вп.	-	-	-	?
к.1В, п.6	подбойная могила/1/З	вп.	-	-	-	?
к.2В, п. 3	подбойная могила/1/СЗ	вп.	-	-	-	?
к.3В, п. 6	яма/1	вп.	а	?	?	IV в. до н.э.?
к.9В.	каменная гробница	вп.	?	?	?	?
к.10В, п. 1	каменный ящик	вп.	?	?	?	?
к.12В	каменная гробница	осн.	?	?	?	IV в. до н.э.
к.12В, п.2	яма	вп.	?	?	?	?
к.13В, п.2	подбойная могила/1/В	вп.	а. чс.	к.	н.	IV в. до н.э.
к.13В, п.5	Яма/1/З	вп.	-	-	ко. бр.	IV в. до н.э.
к.1Л,	каменная гробница	вп.	?	?	?	?
к.2Л, п.1	каменный склеп/СВ	вп.	?	?	б.	IV в. до н.э.
к.3АЛ	каменная гробница	осн.	?	?	?	?
к.4Л	каменная гробница	вп.	?	?	?	?
к.4Л, п.12	яма/1	вп.	?	па. м. к. в. -с.	?	V в. до н.э.
к.4Л, п.7	катакомба/1/ЮЗ	вп.	а. чс. гс.	-	з. б., части бронзовых предметов	V в. до н.э.
к.7Л	каменная гробница	вп.	?	-с.	?	V в. до н.э.
к.8Л	каменная гробница	осн.	а	?	?	V – IV вв. до н.э.
к.15Л, п.1	яма/1/ЮЗЗ	вп.	-	-	-	V – IV вв. до н.э.

Суворовское

к.1, п.1	?/1/3	вп.	-	-с. м.	-	VI – V вв. до н.э.
к.2А	каменная гробница	?	?	?	?	?
к.2Б	каменная гробница	?	?	?	?	?
к.2В	каменная гробница	?	?	?	?	?
к.3, п.1	каменный склеп	осн.	а.	-с.	?	IV в. до н.э.
к.3, п. 3	каменный ящик/3/ЮЗ	вп.	гс.	-с.	б. н.	IV в. до н.э.
к.3, п. 2	Яма/2/СЗ	вп.	чс.	-	ко. п. кр.	IV в. до н.э.
к.3А	каменная гробница	осн.	?	?	?	?
к.4, п. 1	яма/1/3	осн.	-	-	б. н.	V – IV вв. до н.э.
к.4, п. 2	?/1/3	?	-	-с.	ко. б.	V – IV вв. до н.э.
к.4, п.3	каменная гробница/2/СЗ	вп.	-	-	б. каменные подвески	IV в. до н.э.
к.5, п.1	яма/1	осн.	-	к. -с.	-	V – IV вв. до н.э.
к.6, п. 1	яма/1/ЮЗ	осн.	-	-с. в.	-	V в. до н.э.
к.6, п. 2	яма/1/ЮЗ	вп.	-	-	ко(?). н. б.	V в. до н.э.
к.6А	каменная гробница	осн.	?	?	?	?
к.7	каменная гробница	осн.	?	?	?	?
к. 8	каменная гробница	осн.	а. чс.	-с.	б.	IV в. до н.э.
к.9, п.1	?/1/СЗ	вп.	-	к. м. с. о.	-	VI – V вв. до н.э.
к.11, п.1	каменная гробница/2-3	осн.	?	?	?	IV в. до н.э.
к.12, п.1	каменный ящик	осн.	чс.	?	б. пр.	IV в. до н.э.
к.12, п.2	каменный ящик/2?	осн?	?	с.	н.	IV в. до н.э.
к. 13, п.1	каменный ящик/2,ЮЗ	осн.	?	к. с.	б.	IV в. до н.э.
к.13,п.2	каменный ящик	вп.	а. лс.	?	п. б.	IV в. до н.э.
к.15 п.1	каменная гробница	осн?	?	м. к.	?	IV в. до н.э.
к.15, п.2	каменная гробница/1/3	вп?	?	?	?	IV в. до н.э.
к.15А	каменная гробница?	осн.	?	?	?	?
к. 18	каменная гробница	?	?	?	?	?
к. 19	каменная гробница	?	?	?	?	?
к. 16, п.9	яма/1/В	вп.		м. с. о. в.	н. железная обойма, бронзовые скрепы	V в. до н.э.
к.20, п.3	каменная гробница	вп.	?	-с.	?	V в. до н.э.

Колоски

к.1, п.2	яма	осн.	а.		б.	?
к.1, п.2	яма/1ЮЗЗ	вп.	лс.	-	-	V – IV вв. до н.э.
к.2	каменный ящик	осн?	а.	-с.	б. кр.	V – IV вв. до н.э.
к.4	?	вп.	а. чс. лс.	па.	?	IV в. до н.э.
к.5, п.3	яма?/7	вп.	лс.	в.	бр. ко. б.	IV – III вв. до н.э.
к.5, п. 4	яма/1/СЗЗ	вп.	а.	-	-	?
к.5, п.5	яма/2/СЗ	вп.	а. лс.	с.	бр. п. б. пл.	VI – V вв. до н.э.
к.6	каменная гробница/3	осн.	?	?	?	IV – III вв. до н.э.
к.7	яма/1/ЮЗ	осн.	-	м. с. к. в.	зс.	V – в. до н.э.

Солдатово – Шалаши

к.1	яма/1/ЮЗ	вп.	лс.	-	-	IV в. до н.э.?
к.4, п.6	подбойная могила?/1/ЮЗ	вп.	-	-	н.	?
к.4, п.8	подбойная могила/1/ЮЗ	вп.	-	-	-	?
к.6, п.2	яма/2/ЮЗ	вп.	-	-с.	н. б.	V – IV вв. до н.э.
к.7	каменная гробница	осн.	а.	?	б.	IV в. до н.э.
к.9.	?/1/ЮЗ	вп.	?	-с.	?	IV н.э.

Наташино, Чернушки

к.11	каменный ящик	осн.	а. чс.	-с.	пр.	V – IV вв. до н.э.
к.12	каменная гробница	осн.	?	?	п.	IV в. до н.э.
к.13	каменная гробница	Вп.	лс.	?	ко. п. пр.	IV в. до н.э.
к.14	?	осн.	?	?	?	?
к.15, п.1	каменный ящик	осн.	?	?	б.	V – IV вв. до н.э.
к.15, п.2	каменный ящик	вп?	лс.	?	н.	IV – III вв. до н.э.
к.18. п.1	каменный склеп	вп.	?	?	?	IV – III вв. до н.э.
к.18, п.5	яма/1/СВВ	вп.	-	-	п. ко. бр.	IV – III вв. до н.э.

Вселовка

к.1	каменная гробница	?	?	?	?	V-III вв. до н.э.
к.2	каменная гробница	?	?	?	?	V-III вв. до н.э.
к.3	каменная гробница	?	?	?	?	V-III вв. до н.э.

ур.Снежное (Сакский р-н)

к.1	каменный ящик/ЮЗ	осн.	?	с. в.	?	V в. до н.э.
-----	------------------	------	---	-------	---	--------------

ур. Белоглинка

к.1, п.1	каменный ящик	осн.	?	о.	кр. бол.	?
к.1, п.2	каменный ящик	вп.	?	?	н. б.	V – IV вв. до н.э.

Новоозерное

к.1, п.1	каменный склеп/СЗ	осн.	а. гс.	о.	-	IV в. до н.э.
к.1, п.2	каменная гробница	вп.	гс.	?	?	IV в. до н.э.
к.2, п.1	каменная гробница/2?/ЮЗ	вп.	?	?	б.	IV в. до н.э.
к.3, п.1	каменная гробница	осн.	гс. чс.	-с.	б. бр.	IV в. до н.э.

Крыловка (Сакский р-н)

к.1, п.1	каменный склеп	осн.	?	?	?	IV – III вв. до н.э.
к.1, п.3	подбойная могила	вп.	?	?	?	IV – III вв. до н.э.
к.2, п.1	каменный склеп	осн.	а.	?	?	IV в. до н.э.
к.3.	каменный склеп	осн.	а.	?	?	IV – III вв. до н.э.
к.3, п.1	Яма/1/ЮЗ	вп.	-	-с.	-	IV – III вв. до н.э.
к.4	каменный склеп	осн.	а. лс.	?	?	IV – III вв. до н.э.
к.5	каменная гробница	осн.	?	?	?	IV – III вв. до н.э.

к.5, п.2	катакомба/1	вп.	?	?	б.	IV – III вв. до н.э.
к.5, п.1	катакомба/1	вп.	-	-	-	IV – III вв. до н.э.
к.6	каменная гробница	осн.	?	?	?	IV – III вв. до н.э.
к.7, п. 2	каменная гробница	осн?	а.	-с.	ко. п. н. б.	IV – III вв. до н.э.
к.8	каменная гробница?	вп.	?	?	?	?
к.8, п. 4	?/1/3	вп.	-	м.	-	V в. до н.э.
к. 10	каменная гробница	осн.	а.	?	?	IV – III вв. до н.э.
к. 11	каменная гробница	осн.	?	?	?	IV в. до н.э.
к.13	каменная гробница	вп.	?	?	?	?
к.14	каменная гробница	вп.	?	?	?	IV в. до н.э.
к.16	каменный склеп?	осн.	?	?	?	IV в. до н.э.
к.18	каменная гробница	осн.	?	?	?	IV в. до н.э.
к.19	каменная гробница	осн.	?	?	?	IV в. до н.э.

Снежное (Черноморский р-н)

к.1	каменная гробница	?	?	?	?	?
к.2	каменная гробница (склеп?)	осн.	?	-с.	б. н. п.	IV в. до н.э.
к.3	каменная гробница	?	?	?	?	?
к.4	каменная гробница	?	?	?	?	?
к.5	каменная гробница	?	?	?	н.	?
к.6	каменная гробница (склеп?)	?	?	?	б. з.	IV в. до н.э.
к.7	каменная гробница	?	?	?	?	?
к.8	?	?	?	?	?	?
к.9	каменная гробница	?	?	?	?	?
к.10	каменный склеп/3	осн.	гс. лс.	?	ко. б.	IV – III вв. до н.э.
к.11	каменный склеп/2?/3	осн.	чс.	?	н. б.	IV – III вв. до н.э.

Красноярское

к.1	каменная гробница	осн.	?	?	?	IV – III вв. до н.э.
к.2, п.6	каменная гробница/1/ЮЮЗ	вп.	-	-с.	н.	V в. до н.э.
к.3, п.2	каменная гробница (склеп?)	осн.	?	?	б. н.	IV в. до н.э.
к.5	каменная гробница	?	?	?	б.	V – IV вв. до н.э.
к.5, п.3	Яма/1/3	осн.	-	с.	н.	V в. до н.э.
к.6	каменная гробница (склеп?)	осн.	?	?	?	IV – III вв. до н.э.
к.7.	каменная гробница (склеп?) /3?	осн.	?	?	?	IV в. до н.э.
к.8, п.2	Яма/1/СЗЗ	вп.	а. гс.	к. с.	п. н. пл.	V в. до н.э.
к.9, п.1	каменная гробница/3	осн.	?	-с.	?	IV в. до н.э.
к.9, п.2	яма	вп.	лс.	-	-	IV в. до н.э.
к.10.	каменная гробница	осн.	?	?	?	IV – III вв. до н.э.
к.11, п.9	каменная гробница/1/ЮЗЗ	вп.	-	к. с.	-	IV в. до н.э.

Карамеркетские (Акмечетские) курганы

к.4	каменная гробница	?	лс. бс.	с. па. в. м.? к.?	зс.	V в. до н.э.
Березовка, к.6	?/1/3	вп.	лс.	-	н. п. пл. б.	V-IV вв. до н.э.

Тавкель-Найман

к.1	каменная гробница/1/В	?	лс.	м. с.	кр. костяные украшения	VI-V вв. до н.э.
к.4	каменная гробница	?	чс.	?	бронзовая подвеска	V-IV вв. до н.э.

Славное-Рылеевка

к.1,п.1	?/1/ЮЗЗ	вп.	-	к. па. в. с.	-	V в. до н.э.
к.2,п.2	катакомба/1/СЗ	вп.	-	м. с. т. в.	н.	V в. до н.э.
к.3,п.2	подбойная могила/1/ЮЗ	вп.	-	с.	пл.	V в. до н.э.
к.4,п.2	?/1/З	вп.	-	м. в.	зс.	V в. до н.э.
курган Колосова	?	?	?	с. о.	?	V в. до н.э.

Водопойное

к.4	каменная гробница	осн.	?	?	?	?
к.5,п.1	каменная гробница/4/ЮЗ	осн.	?	?	?	IV в. до н.э.
к.6,п.2	каменный склеп/4/ЮЗ	осн.	лс.	?	б. ко. бр.	IV-III вв. до н.э.
к.6, п.1	каменный ящик	вп.	лс.	?	?	IV-III вв. до н.э.
к.7	каменная гробница	осн.	?	?	?	?
к.8	каменная гробница	вп.	?	?	?	IV-III вв. до н.э.
к.9,п.1	?/1/ЮЗ	вп.	-	с. м. о.	-	V в. до н.э.
к.10,п.9	каменный ящик/1/СВВ	осн.	?	?	?	IV-III вв. до н.э.
к.10,п.1	каменная гробница	вп.	лс.	-с.	?	IV-III вв. до н.э.
к.10,п.2	?	вп.	?	?	?	?
к.10,п.3	каменная гробница/4/ЮЗЗ	вп.	?	?	п.	?
к.10.п.7	каменный ящик	вп.	лс.	-	-	?

Межводное

к.7	?	вп.	?	?	?	IV-II вв. до н.э.
к.8,п.1	?/1/З	вп.	-	м. -с. в.	ко. н.	V в. до н.э.
к.9,п.4	яма/1/ЮЗЗ	осн.	-	м. с.	б. н.	V в. до н.э.
к.9,п.2	каменная гробница/3/З	вп.	-	-с.	б. н. п.	IV в. до н.э.
к.9,п.3	?/1	вп.	лс.	-	-	V-IV вв. до н.э.
к.9, п.5	яма/1/ЮЗЗ	вп.	-	-	н.	V-IV вв. до н.э.
к.9.п.1	?/2/ЮЗ	вп.	?	-с.	п. раковина каури. б.	V-IV вв. до н.э.
к.9, п.6	яма/1/З	вп.	лс.	-с.	ко. н	V в. до н.э.
к.11	каменная гробница	вп.	?	?	?	V-IV вв. до н.э.
к.12,п.1	яма/1/З	осн.	-	-	н.	V-IV вв. до н.э.
к.12,п.2	яма/1/З	вп.	-	-	б.	V-IV вв. до н.э.

Владимировка

к.2,п.13	?/1/З	вп.	-	м. с. о.	зс.	VI-V в. до н.э.
----------	-------	-----	---	----------	-----	-----------------

Далекое – Журавлевка

к.3,п.1	яма/1/ЮЗЗ	осн.	-	-с. костяная пластина	-	V в. до н.э.
к.7 перекоп	?	?	а.	?	?	IV в. до н.э.
к.7, п.1	яма/1	вп.	-	-с.	н.	IV в. до н.э.
к.7, п.2	яма/1	вп.	л.с.			IV в. до н.э.

Григорьевка

к.1.,п.1	грунтовый склеп	вп.	?	?	электровые подвески	IV в. до н.э.
к.1., п.1/1	каменный склеп/8	вп.	а.	-с.	п. б.	IV-III вв. до н.э.
к.4, п.1	каменный склеп	осн.	а.	?	п.	IV-III вв. до н.э.
к.5, п.10	катакомба/1/3	вп.	деревянный поднос	-с.	Костяные столбики	VII в. до н.э.
к.5, п.9	каменный ящик/1/ЮЗЗ	вп.	лс.	м. с. в. к.	н.	V в. до н.э.
к.5, п.2	каменный ящик/1/ЮЗЗ	вп.	-	-	кр. пр. п.	V-IV вв. до н.э.
к.5, п.5	каменный ящик/1	вп.	лс.		п. б.	V-IV вв. до н.э.
к.5,п12	каменная гробница/1/ЮВВ	вп.	-	-	н. ко.	IV в. до н.э.
к.5, п.7	?	вп.	лс.	-	кр.	V в. до н.э.
к.5,п.1	катакомба/1/3	вп.	-	-	н. б. раковина каури	IV в. до н.э.
к.6, п.1	грунтовый склеп	осн.	гс.	?	?	IV в. до н.э.
к.7	каменный склеп/4	осн.	?	?	н. -с.	IV в. - III вв. до н.э.
к.8, п.1	грунтовый склеп/5	осн.	?	?	п. ко. б.	IV в. - III вв. до н.э.
к.8, п.2	грунтовый склеп/5/ЮЗ	вн.	?	?	ко. бр.	IV в. - III вв. до н.э.
к.8., п.3	яма/1	вп.	?	?	?	IV в. - III вв. до н.э.
к.8, п.4	?/3/3	вп.	?	?	?	IV в. - III вв. до н.э.
к.9.п.1	подбойная могила/1/СЗЗ	осн.	-	к. м. в. с	пр. н.	V в. до н.э.
к.12, п.2	подбойная могила/1/3	вп.	лс.	-с.	н.	VI-V вв. до н.э.
к.13, п.1	грунтовый склеп/9	осн.		-с. к.	ко. б.	IV в. - III вв. до н.э.
к.13,п.2	яма/1/3	вп.	--	-	-	IV в. - III вв. до н.э.
к.14,п.1	грунтовый склеп/10	осн.	?	?	с.	IV в. - III вв. до н.э.
к.15, п.1	каменный ящик	осн.	?	?	?	IV в. - III вв. до н.э.
к.15, п.3	катакомба	вп.	-	-	-	IV в. - III вв. до н.э.
к.15,п.2	подбойная могила/1/3	вп.	л.с.	-	б. п.	IV в. - III вв. до н.э.
к.16, п.1	грунтовый склеп	осн.	?	?	?	IV в. - III вв. до н.э.
к.16,п.2	яма/1	вп.	-	-	-	IV в. - III вв. до н.э.

к.17,п.1	каменный склеп	осн.	–	–с. к.	б. ко.	IV в. – III вв. до н.э.
к.17,п.2	яма/1/3	вп.	-	-с.	-	IV в. – III вв. до н.э.
к.18, п.1	каменный склеп/4/СЗЗ	осн.	-	-с.	бр. ко.	IV в. – III вв. до н.э.
к.19,п.1	каменный склеп	осн.	а.	-с.	бр.	IV в. – III вв. до н.э.
к.20,п.2	каменная гробница	осн.	каменная курильница	?	?	IV в. – III вв. до н.э.
к.20,п.1	яма/1/ЮЗ	вп.	гс.	-	ко. б	IV в. – III вв. до н.э.
к.21, перекоп	?/1/ЮЗ	вп.	лс.	?	?	V-IV вв. до н.э.
к.23	каменная гробница	осн.	?	?	?	IV в. – III вв. до н.э.
к.23,п.1	яма/1/3	вп.	лс.		ко. б.	IV в. – III вв. до н.э.
к.23,п.2	яма	вп.	-	-	б.	IV в. – III вв. до н.э.

Дальнее

к.8, п.1	яма/1/ЮЗ	вп.	-	м. с.	н.	V в. до н.э.
к.8, п.2	подбойная могила, I/ЮЗ	вп.	лс.	-	-	V-IV вв. до н.э.
к.7,п. 1	каменная гробница	осн.	?	-с.	?	IV – III вв. до н.э.
к.7, п. 2	катакомба/1/ЮЗ	вп.	лс.	-	б.	IV-III вв. до н.э.
к.7. п.3	яма/1/ЮЗ	вп.	кс.	-	-	IV – III вв. до н.э.
к.7, п.4	подбойная могила/1/ЮЗЗ	вп.	гс. лс.	-	б. ко. н.	IV – III вв. до н.э.
к.6, п.3	грунтовый склеп/14	осн.	?	?	н. пр.	IV – III вв. до н.э.
к.6, п.1	яма/1	вп.	-	-	-	IV – III вв. до н.э.
к.6, п.2	яма/1/3	кп.	-	-	-	IV – III вв. до н.э.
к.5, п. 1	каменная гробница	осн?	-	-	-	IV – III вв. до н.э.
к.5, п.2	яма/4/ЮЗ	вп.	чс.		ко.	IV – III вв. до н.э.
к.4, п.4	каменная гробница (ящик)	осн.	?	-с.	?	IV – III вв. до н.э.
к.4, п.1	яма/1/СЗ	вп.	-	-	-	IV – III вв. до н.э.
к.4, п.2	яма/3/ЮЗ	вп.	-	-	-	IV – III вв. до н.э.
к.4, п.3	яма/2/ЮЗ	вп.	-	-с.	б. ко.	IV – III вв. до н.э.
к.3, п.14	?/1	вп.	?	-с.	?	V в. до н.э.
к.2, п.5	каменная гробница (ящик)	вп.	а. лс.	м? к. с. па.	?	V – IV вв. до н.э.
к.2, п.4	яма/3/ЮЗЗ	вп.	лс	с.	н?	V – IV вв. до н.э.
к.2, п.3	яма/1/ЮЗЗ	вп.	дс.	с.	н.	V – IV вв. до н.э.
К.1, п.2	подбойная могила/1/ЮЗ	вп.	?	к. с. по. в.	н.	V – IV вв. до н.э.

Открытое

к.3, п.6	каменная гробница	вп.	?	-с.	?	V – IV вв. до н.э.
к.6, п. 2	каменный ящик	осн.	?	-с.	?	V – IV вв. до н.э.
к.6, п. 1	яма/1/ЮЗ	вп.	-	-	н. железные скрепы	V – IV вв. до н.э.

Сусанино

к.2, п.8	подбойная могила/1/СЗ	вп.	лс.	-	-	VII – VI вв. до н.э.
----------	-----------------------	-----	-----	---	---	----------------------

Черново

к.1, п.2	подбойная могила/1/ЮЗ	вп.	-	-	бр.	IV – III вв. до н.э.
к.2, п.1	яма/1/СЗ	вп.	дс?	-с.	н.	V – IV вв. до н.э.

Братское

к.6	яма	?	лс.	?	?	IV в. до н.э.?
к.7, п.6	яма/1/ЮЗ	осн.	лс	-	н.п.	V в. до н.э.
к.7, п.3	яма/1/ЮЗЗ	вп.	гс.	к. с.	н.	V в. до н.э.
к.7, п.4	яма/1/ЮЮЗ	вп.	лс.	-	-	V-IV вв. до н.э.
к.7, п.5	яма/1/З	вп.	лс.	с.	н. п.	V-IV вв. до н.э.
к.8, п.1	грунтовый склеп/4/З	осн?	лс.	-с.	бр.	IV – III вв. до н.э.
к.9, п.1	яма	осн.	?	?	?	V – III вв. до н.э.
к.10, п.2	каменная гробница (ящик)	осн.	лс.	-с.	н.	IV в. до н.э.
к.10, п.1	яма/1/ЮЗ	вп.	-	-	п. б.	IV в. до н.э.
к.10, п.3	яма/2/ЮЗЗ	вп.	чс. лс.	-	н. п.	IV в. до н.э.
к.11, п.3	каменный склеп(+каменный ящик?)	осн.	?	?	?	IV – III вв. до н.э.
к.11, п.1	яма	вп.	?	?	?	IV – III вв. до н.э.
к.11, п.2	яма/3/ЮЗ	вп.	лс.	-	п.	IV – III вв. до н.э.
к.11, п.5	яма/кенотаф	вп.	лс.	-	-	IV – III вв. до н.э.
к.11, п.6	яма	вп.	л.с.	-	-	IV – III вв. до н.э.
к.12, п.1	каменный склеп	осн.	?	?	?	IV – III вв. до н.э.
к.13 п.1	грунтовый склеп/5/ЮЗЗ	осн.	?	т? с.	п.	IV в. до н.э.
к.14, п.1	каменный склеп/3	осн.	?	с.	?	IV в. до н.э.
к.14, п.2	яма/1/ЮЗ	вп.	-	-	бр. б. ко.	IV в. до н.э.
3 захоронения коней						
к.15, п.1	каменный склеп/3/3	осн.	?	к.	?	IV в. до н.э.
захоронение коня						
к.16. п.1	каменный склеп/5/ В/ 1 /3	осн.	?	с.	?	IV в. до н.э.
к.16, п.2	яма/1/ЮЗ	вп.	-	-	п.	IV в. до н.э.
3 захоронения коней						

Октябрьское

к.3, п.3	катакомба	осн.	?	?	б.	IV в. до н.э.
к.3, п.1	яма/1/СЗ	вп.	чс. лс.		б. ко.	IV в. до н.э.
к.4, п.1	?	вп.	лс.	-с.	?	V в. до н.э.

Гришино

к.1, п.1	яма/1/СЗЗ	осн.	?	?	?	V – IV вв. до н.э.
к.1, п.2	Яма/1/СЗЗ	Осн.	лс. дс.	-	ко. б. з. железная скрепа, раковина каури	V – IV вв. до н.э.

Погребения в курганах, исследованных В. С. Ольховским, не вошедшие в основной список.

№ п/п	Курганные группы	Курган №	Количество погребений	Основное	Впускное	Слеп	Ящик	Прямоугольная могила	Овальная могила	V/- V вв.	IV – III вв.
43	Колоски- Великое	8	2		+		+	?	?		+
44	Колоски-Великое	9	1		+						+
45	Колоски-Великое	10	2	+	+	+		?	?		+
46	Колоски-Великое	11	1	+		+					+
47	Колоски-Великое	12	1			+					+
48	Колоски-Великое	13	1				+				+
49	Приветное	1	1		+						+
50	Приветное	21	2	+	+		+	?	?	+	+
51	Приветное	22	2	+	+			?	?	+	+
52	Приветное	14	1								+
53	Приветное	23	1	+			+				+
54	Приветное	24	1	+			+				+
55	Червоное		1		+						+
56	Ромашкино	1	2								+
57	Ромашкино	3	2			+	+				+
58	Ромашкино	?	1		+						
59	Штормовое	3	1				+				+
	Червоное		1?							?	?

Всего 285 погребений: погребения VII – VI вв. до н.э. – 2; погребения VI – V вв. до н.э. – 9; погребения V в. до н.э. – 37; погребения V – IV вв. до н.э. – 32; погребений IV в. до н.э. – 67; погребения IV – III вв. до н.э. – 98; погребения V – III вв. до н.э. – 3; погребения IV – II вв. до н.э. – 1; погребения скифского времени без определенной датировки – 36.

Каменные гробницы - 139; склепы – 33; ящики – 32. Грунтовые погребальные сооружения – 144: ямы – 75; подбойные могилы – 15; катакомбы – 7.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев А. Ю. Скифская хроника (Скифы в VII-IV вв. до н. э.: историко-археологический очерк). – СПб., 1992. - 206 с.
2. Алексеев А. Ю. Хронография Европейской Скифии. - СПб.: Издательство ГЭ. - 2003. - 416 с.
3. Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья / Е. М. Алексеева // САИ. - Г1 – 12. - М.: Наука. - 1978. - 104 с. + илл.
4. Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. - Вып. Г1-12. - М.: Наука, 1975. - 104 с.
5. Андрух С. И. Погребение раннескифского воина в Присивашье // СА. - 1988. - № 1. - С. 159-170.
6. Андрух С. И. Нижнедунайская Скифия в VI - начале I в. до н. э. (Этно-политический аспект). – Запорожье: Издательство ЗГУ, 1995. – 205 с.
7. Андрух С. И. Мамай-Гора. - Запорожье: Издательство ЗГУ, 2001. - Кн. 2. - 284 с.
8. Андрух С. И. Тощев Г. Н. Могильник Мамай-Гора. - Запорожье: Издательство ЗГУ, 2004. – Кн. III. – 201 с.
9. Андрух С. И., Тощев Г. Н. Могильник Мамай-Гора. - Запорожье: Издательство ЗГУ, 2009. – Кн. IV. – 312 с.
10. Анохин В. А. Материалы, исследования и заметки по археологии и нумизматике. - К.: Стилос, 2010. - 213 с.
11. Артамонов М. И. Этнография Скифии // Уч. зап. ЛГУ: Ист. науки. - 1949. - Вып. 13. - № 85. - С. 124-174.
12. Археологические экспедиции Государственной академии истории материальной культуры и Института археологии Академии Наук СССР, 1919-1956 гг. Указатель. – М. - 1962.
13. Бабенко Л. И. Песочинский курганный могильник скифского времени. - Харьков, 2005. - 282 с.
14. Барбарунова З. А. Курганы у с. Песчаное близ города Евпатории. - М.: Издательство Московского университета, 1993. - С. 3-11.
15. Бессонова С. С. Религиозные представления скифов. – К.: Наукова думка, 1983. – 137 с.
16. Бессонова С. С. Ритон из Братолобского кургана (к вопросу о датировке центрального захоронения) // Эпоха раннего железа. Сборник научных трудов к 60-летию С. А. Скорого. – Киев-Полтава, 2009. - С. 30-38.
17. Бессонова С. С., Бунятян Е. П., Гаврилюк Н. А. Акташский могильник скифского времени в Восточном Крыму. - К.: Наукова думка, 1988. - 220 с.
18. Бессонова С. С., Скорый С. А. Погребение скифского воина из Акташского могильника в Восточном Крыму // СА. - 1986. - № 4. - С. 158-169.
19. Бессонова С. С., Черных Л. А., Куприй С. А. Курганы у с. Филатовка // Курганы степного Крыма. – К.: Наукова думка, 1984. – С. 41–68.
20. Бильде П. Г., Аттема П., Ланцов С. Б., Смекалова Т. Н., Столба В. Ф., Хаас Т., Хандберг С., Якобсен К. В. Джарылгачский исследовательский проект. Результаты сезона 2007 года // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. – 2007. - Ч. 2. – С. 107-118. *Полную библиографию см. Столба, Смекалова, 2009.*
21. Благоволлин Н. С., Щеглов А. Н. Колебания уровня Черного моря за историческое время по данным археолого-геоморфологических исследований в юго-западном Крыму // Известия АН СССР: Серия географическая. - 1968. - № 2. - С. 49-57.
22. Болтрик Ю. В. Сухопутные коммуникации Скифии // СА. - 1990. - № 4. - С. 30-45.
23. Болтрик Ю. В., Фиалко Е. Е. Курганы царей Скифии второй половины IV в. до н. э. поиск исторических реалий // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху (материалы заседаний «круглого стола» 22-24 декабря 1994 г., Санкт-Петербург) / Археологические изыскания. Вып. 18. - СПб., 1994. – С. 49-53.
24. Болтрик Ю. В. Социальная структура Скифии IV в. до Р.Х., отраженная в погребальных памятниках // CIMMERIANS, SCYTHIANS, SARMATIANS. In Memory of Professor Tadeush Sulimirski. - Krakow. - 2004. - P. 85-91.
25. Болтрик Ю. В., Фиалко Е. Е. Курганы среднего течения р. Тащенак (по материалам раскопок Приазовской экспедиции ИА НАНУ) // STRATUM plus. - 2011. - № 3. - С. 127-174.
26. Борисов В. В. О колебаниях климата Крыма за историческое время // Известия Всесоюзного Географического общества. - 1956. - Том 88. - Вып. 6. - С. 532-541.
27. Буйских С. Б. Некоторые вопросы пространственно-структурного развития Ольвийской хоры (VI-II вв. до н. э.) // Ольвия и ее округа. - К.: Наукова думка, 1986. - С. 17-28.
28. Бунятян Е. П. Методика социальных реконструкций в археологии (на материале скифских могильников IV-III вв. до н. э.). - К.: Наукова думка, 1985. - 228 с.
29. Бурдак В. Д., Щеглов А. Н. О темпе роста, возрастном составе стад и миграциях некоторых черноморских рыб в античную эпоху // Эколого-морфологические исследования nektonных животных. – К., 1966. - С. 117–120.
30. Былкова В. П. Нижнее Поднепровье в античную эпоху (по материалам раскопок поселений). - Херсон:

- Издательство Херсонского ГУ, 2007. - 244 с.
31. Вдовиченко И. И. Античные расписные вазы в Северном Причерноморье. – Симферополь: Сонат, 2008. – 351 с.
 32. Вдовиченко И. И., Колтухов С. Г. Курган скифского времени в северном Крыму // СА. – 1986. - № 2. - С. 235-240.
 33. Вдовиченко И. И., Колтухов С. Г. Древние укрепления северного Крыма // ВДИ. – 1986. - № 2. - С. 145-155.
 34. Веселов В. В. Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949-1964 гг. // Древности Боспора. - Supplementum II. - М.: 2005. - 264 с.
 35. Виноградов Ю. А. Курганы варварской знати V в. до н. э. в районе Боспора Киммерийского // ВДИ. – 2001. - №4. – С.77–87.
 36. Виноградов Ю. Г. Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. - М.: Наука, 1983. - Т. 1. - С. 366-421.
 37. Виноградов Ю. Г. Политическая история Ольвийского полиса VII-I вв. до н. э. Историко-эпиграфическое исследование. - М.: 1989. - 286 с.
 38. Виноградов Ю. Г., Щеглов А. Н. Образование территориального херсонесского государства // Эллинизм: экономика, политика культура. - М.: Наука, 1990. - С. 310-371.
 39. Внуков С. Ю., Лагутин А. Б. Земляные склепы позднескифского могильника Кара-Тобе в Северо-Западном Крыму // Поздние скифы Крыма. Труды ГИМ. Вып. 118. - М., 2001. - С. 96-121.
 40. Волошинов А. А., Неневоля И. И. Поселение Алма-Тамак у с. Вилино Бахчисарайского района // ХС. – Севастополь, 2004. - С. 181-186.
 41. Гаврилов А. В. Округа античной Феодосии. – Симферополь, 2004. – 367 с.
 42. Гаврилов А. В., Колотухин В. А., Колтухов С. Г. Курган эпохи бронзы и скифский могильник V – III вв. до н. э. у села Приречное в Крыму // Старожитності Степового Причорномор'я і Криму. - Запоріжжя, 2002. - Вип. IX. - С. 93-110.
 43. Гаврилов А. В., Шкарбан А. С. Скифский курган у с. Крыловка в Крыму // СА. - 1985. - № 2. - С. 236-239.
 44. Гаврилюк Н. А. Домашнее производство и быт степных скифов. - К.: Наукова думка, 1989. - 114 с.
 45. Гаврилюк Н. А. История экономики Степной Скифии VI–III вв. до н. э. – К., 1999. – 424 с.
 46. Гаврилюк Н. А. Чернолаковые килики и канфары из степных скифских погребений // Археологические вести. – 2006. – № 13 – С. 151–194.
 47. Галанина Л. К. Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Н. Е. Брандербурга) // САИ. – Д1-33. – М., 1977. – 67 с.
 48. Гарбузов Г. П. Районирование античных агроландшафтов Таманского полуострова // Древности Боспора. - М.: ИА РАН. - 2009. - Т. 13. – С. 123-140.
 49. Готье Ю. В. Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы до основания первого русского государства. - Л.: Изд-во Брокгауз-Ефрон, 1925. - Ч. 1. – 271 с.
 50. Граков Б. М. Скифы. - Киев: Видавництво АН УРСР, 1947. - 95 с.
 51. Гребенников Ю. С. Киммерийцы и скифы Степного Побужья (IV–III вв. до н. э.). - Николаев, 2008. - 192 с.
 52. Гречко Д. С. Населения скифского часу на Сіверському Дінці. - К., 2010. - 283 с.
 53. Гречко Д. С., Карнаух Е. Г. Некоторые вопросы этнокультурной истории юга Восточной Европы конца скифского периода // STRATUM plus. - 2011. - № 3. - С. 245-261.
 54. Дараган М. Н. О датировке амфоры из погребения № 2 Репяховатой могилы // Античный мир и археология. - Вып. 14. - Саратов, 2010. - С. 175-202.
 55. Дашевская О. Д. Два склепа Беляусского могильника // КСИА. - Вып. 119. - М, 1969. – С. 65-71.
 56. Дашевская О. Д. Скифы на северо-западном побережье Крыма в свете новых открытий // Проблемы скифской археологии. - М.: Наука, 1971. - С. 151-155.
 57. Дашевская О. Д. Каменные склепы Беляусского могильника // КСИА. - Вып. 145. - М, 1976. - С. 55-60.
 58. Дашевская О. Д. О скифах северо-западного Крыма в период греческой колонизации // Демографическая ситуация в Причерноморье в период великой греческой колонизации. – Тбилиси: «Мицниереба», 1981. - С. 218-225.
 59. Дашевская О. Д. Поздние скифы // Археология СССР. Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. - М.: Наука, 1989. - С. 125-145.
 60. Дашевская О. Д. Земляной склеп № 39 в Беляусском некрополе // Поздние скифы Крыма. Труды ГИМ. - М., 2001. - Вып. 118. - С. 87-96.
 61. Дашевская О. Д., Голенцов А. С. Кульчукский курган-кенотаф // КСИА. - 1982. - № 170. - С. 90-96.
 62. Дашевская О. Д., Голенцов А. С. К 40-летию раскопок городища Беляус // Археология Северо-Западного Крыма. Сборник научных статей – материалов научно-практической конференции «Античный мир и археология», посвященной 2500-летию Евпатории. - Симферополь: Центр музейных технологий и этнокультурного

- туризма, 2004. - С. 26-41.
63. Дашевская О. Д., Голенцов А. С. О принадлежности каменных склепов Северо-Западного Крыма // Вестник музея (Евпаторийский краеведческий музей). - Вып. 4. - Материалы научно-практических конференций. - Симферополь: Центр музейных технологий и этнокультурного туризма, 2006. - 227 с.
64. Дзенс-Литовский А. И. Геология района Сакского озера // Саки-курорт. Материалы изучения развития курортно-лечебных и естественно-биологических факторов Сакского озера и района. - Симферополь: Гос. изд-во Крымской АССР, 1935. - С. 31-94.
65. Дмитриев А. В., Малышев К. А. Некрополи аборигенного населения у пос. Большие хутора, в Цемдолине и на Шесхарисе // На юго-восточных рубежах Азиатского Боспора. - М. - Новороссийск, 2005. - С. 99.
66. Домбровский Ф. М. Очерк хозяйственного быта татар степной полосы Крыма // Крымские татары. Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре. - Симферополь: «Доля», 2005. - С. 159-170.
67. Дубовская О. Р. Об этнокультурной атрибуции «новочеркасских» погребений Северного Причерноморья // Археологический альманах. - Донецк, 1997. - № 6. - С. 181-218.
68. Евдокимов Г. Л., Фридман М. И. Скифские курганы у с. Первомаевка на Херсонщине // Курганы Степной Скифии. - Киев: Наукова думка, 1991. - С. 72-97.
69. Егорова Т. В. Керамический комплекс второй половины IV – начала III вв. до н. э. из Усадьбы № 1 в предместье городища «Чайка» // Вестник музея (Евпаторийский краеведческий музей). - Вып. 4. - Материалы научно-практических конференций. - Симферополь: Центр музейных технологий и этно-культурного туризма, 2006. - С. 39-49.
70. Жебелев С. А. Северное Причерноморье. - М. - Л.: Изд-во АН СССР. - 1953. - 388 с.
71. Завойкин А. А., Сударев Н. И. Погребения с оружием VI–V вв. до н. э. как источник по политической и военной истории Боспора. Ч. I // Древности Боспора 9. - М., 2006. - С. 101-151.
72. Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И. Курган с «коллективными» погребениями из окрестностей городища Ак-Кая // Древняя и средневековая Таврика.- Археологический альманах. - Донецк, 2010. - № 22. - С. 169–176.
73. Зенкович В. П. Морфология и динамика советских берегов Черного моря. -М.: Изд-во АН СССР, 1960. - Том 2. - 216 с.
74. Зиновьев М. К. Археологические памятники Раздольненского района Крымской области // История и археология древнего Крыма. - К.: Изд-во АН УССР, 1957. - С. 323-326.
75. Записки Российского археологического общества. - СПб., 1901. - Т. XII. - Вып. 1 и 2.
76. Зубарь В. М. Херсонес Таврический в античную эпоху (экономика и социальные отношения). - К.: Наукова думка, 1993. - 140 с.
77. Зубарь В. М. Херсонес Таврический и население Таврики в античную эпоху. - К.: 2004. - 312 с.
78. Ильинская В. А. Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья. - Киев: Наукова Думка, 1968. - 203 с.
79. Ильинская В. А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. - Киев: Наукова думка, 1975. - 223 с.
80. Ильинская В. А., Мозолевский Б. П., Тереножкин А. И. Курганы VI в. до н. э. у с. Матусов // Скифия и Кавказ. - Киев: Наукова думка, 1980. - С. 31-64.
81. Іллінська В. А., Тереножкін О. І. Племена скіфського періоду // Нариси стародавньої історії Української РСР - К.: Видавництво Академії наук Української РСР, 1957. - Розділ 5. - С. 109-212.
82. Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Скифия VII-IV вв. до н. э. - Киев: Наукова думка, 1983. - 380 с.
83. Исраилова-Харьехузен Ч. Р. Традиционное общество северных киргизов во второй половине XIX века и система их родства: Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.07 - М., 2002.
84. Капошина С. И. Некрополь в районе поселка им. Войкова близ Керчи // Некрополи Боспорских городов. - МИА. - № 69. - М.-Л., 1959. - С. 108–153.
85. Кац В. И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // Боспорские исследования. - Симферополь-Керчь, 2007. - Вып. XVIII. - 478 с.
86. Кислый А. Е., Каприцын И. И. Палеодемография: теория и методика, проблемы и решения. - Запорожье: Издательство ЗГУ, 1994. - 161 с.
87. Клейн Л. С. Территория и способ погребения кочевых скифских племен по Геродоту и археологическим данным // АСГЭ. - Л., 1961. - Вып. 2. - С. 45-56.
88. Ковалев Н. В., Полин С. В. Скифские курганы у с. Корнеевка Запорожской области // Курганы Степной Скифии. - К.: Наукова Думка, 1991. - С. 33–53.
89. Ковалева И. Ф., Мухопад С. Е. Скифские памятники Орельско-Самарского междуречья // Курганные древности Степного Поднепровья III-I тыс. до н. э. - Днепропетровск, 1979. - Вып. 3. - С. 111-123.
90. Ковпаненко Г. Т. Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось. - Киев: Наукова Думка, 1981. - 159 с.
91. Ковпаненко Г. Т., Бунятян Е. П. Скифские курганы у с. Ковалевка Николаевской области // Курганы на Южном Буге. - Киев: Наукова думка, 1978. - С. 133-150.
92. Ковпаненко Г. Т., Бессонова С. С., Скорый С. А. Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного

- Правобережья (Киево-Черкасский регион). - К.: Наукова думка, 1989. - 333 с.
93. Ковпаненко Г. Т., Бунятян Е.П., Гаврилюк Н.А. Раскопки курганов у с. Ковалевка // Курганы на Южном Буге. - Киев: Наукова думка, 1978. - С. 7-132.
 94. Козенкова В. И. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант // САИ. - 1982. - Вып. В 2-5. - 149 с.
 95. Козуб Ю. И. Некрополь Ольвії V–IV ст. до н. э. – К., 1974. – 182 с.
 96. Колесников А. Б. Греческие сельскохозяйственные усадьбы в районе Евпатории. - Автореф. дисс. канд. ист. наук. - М., 1985. - 24 с.
 97. Колесников М. А. Греческая колонизация Средиземноморья (опыт анализа миграционного механизма). – К., 2003. – 157 с.
 98. Колотухин В. А. Горный Крым в эпоху поздней бронзы - начале железного века. - К.: «Южногородские ведомости», 1996. - 160 с.
 99. Колотухин В. А. Киммерийцы и скифы Степного Крыма. - Симферополь, «Сонат». - 2000. - 120 с.
 100. Колотухин В. А., Колтухов С. Г. Скифские погребения в Крымском Приазовье (курганы 11-13 у с. Астанино) // Древности Боспора. - М., 2007. - Том 11. - С. 213-224.
 101. Колотухин В. А., Колтухов С. Г. Скифский курганный могильник у с. Братское в Степном Крыму // Старожитності Стенового Причорномор'я і Криму. - Запоріжжя, 2007а. - Том XIV. - С. 94-109.
 102. Колотухин В. А., Тощев Г. Н. Курганные древности Крыма (по материалам раскопок Северо-Крымской экспедиции в 1982-1986 гг., Сакский район Крымской области). - Запорожье, 2000. - 246 с.
 103. Колотухин В. О., Ольховський В. С. Скіфські статуї крилівської курганної групи // Археологія. - 1989. - № 3. - С. 65-69.
 104. Колтухов С. Г. Образы рыб в греко-варварском искусстве Северного Причерноморья // Археология Крыма. - Симферополь, 1997. - Вып. 1. - С. 59-67.
 105. Колтухов С. Г. Курган Кулаковского // ХС. - Вып. IX. - 1998. - С. 17-25.
 106. Колтухов С. Г. «Золотой» Симферопольский курган // ХС. - Вып. X. - 1999. - С. 7-20.
 107. Колтухов С. Г. Укрепления Крымской Скифии. - Симферополь: «Сонат», 1999а. - 224 с.
 108. Колтухов С. Г. Лепная керамика скифского населения Степного и Предгорного Крыма // ХС. - Севастополь, 2004. - Вып. XIII. - С. 68-120.
 109. Колтухов С. Г. О возможности существования варварской периферии античной хоры в Северо-Западном Крыму // Археология Северо-Западного Крыма. По материалам международной научно-практической конференции «Античный мир и археология», посвященной 2500-летию Евпатории. - Симферополь, 2004а. - С. 42-47.
 110. Колтухов С. Г. Варварские поселения классического и раннеэллинистического времени в Восточном и Юго-Восточном Крыму // Древности Боспора. - 2004б. - № 7. - С. 217-237.
 111. Колтухов С. Г. Формирование и развитие скифского направления в археологии Крыма Проблемы истории, филологии, культуры. - М. - Магнитогорск, 2004 в. - С. 209-238.
 112. Колтухов С. Г. Склепы варварского населения Степного и Предгорного Крыма в скифское время // Старожитності Степового Причорномор'я і Криму. - Запоріжжя, 2005. - Вип. XII. - С. 259-299
 113. Колтухов С. Г. Каменные ящики и овалы гробницы варварского населения Степного Крыма // Древности Боспора. - Вып 8. - М. - 2005а. - с. 235-258.
 114. Колтухов С. Г. Курган IV Аккайского (Белогорского) курганного могильника // Древности Боспора. - М., 2006. - Т 9. - С. 228-259.
 115. Колтухов С. Г. Основное погребение кургана Беш-Оба 4/2 // Древняя Таврика. - Симферополь, 2008. - С. 193-206.
 116. Колтухов С. Г. В поисках Дорт-Обы и Талаевского кургана // Бахчисарайский историко-археологический сборник. - Симферополь: АнтикВА, 2008а. - Вып. 3. - С. 16-23.
 117. Колтухов С.Г. Погребение скифского времени в кургане 18 у с. Наташино в Северо-Западном Крыму // Эпоха раннего железа. Сборник научных трудов к 60-летию С. А. Скорого. - Киев-Полтава, 2009. - С. 184-188.
 118. Колтухов С. Г. Забытые курганы Тарханкута или старые материалы к археологической карте Западного Крыма // Музейний вісник. – Запоріжжя, 2010, № 10. - С. 31-44.
 119. Колтухов С. Г. Курганы и курганные погребения скифского времени южного берега оз. Донузлав // Древняя и средневековая Таврика. Археологический альманах. - Донецк: «Донбасс», 2010а. - № 22. - С. 71-98.
 120. Колтухов С. Г. Погребения скифского времени в курганах к северо-востоку от Ярылгачской бухты // Stratum plus. - СПб. - Кишинев - Одесса - Бухарест, 2010б. - № 3. - С. 197-213.
 121. Колтухов С. Г., Андрух С. И. Скифские погребения V в. до н. э. из Северо-Западного Крыма // Археологические вести. - Вып. 4. - СПб., 1994. - С. 146-152.
 122. Колтухов С. Г., Зубар В. М., Миц В.Н. Новий район хори Херсонесу еліністичного часу // Археологія – 1992.

- № 2. - С. 85-95.
123. Колтухов С. Г., Кислый А. Е., Тощев Г. А. Курганные древности Крыма.- Запорожье, 1994. - Т. 1. - 124 с.
124. Колтухов С. Г., Колотухин В. А. Скифский могильник в глубинной части Керченского полуострова (курганы у с. Ильичево) // Боспорские исследования. Симферополь, Керчь. – 2007. – Т. 16. - С. 328-353.
125. Колтухов С. Г., Сенаторов С. Н. Курганы скифского времени у села Аиш в Западном Крыму (по материалам раскопок 1883 г.), *в печати*.
126. Колтухов С. Г., Тощев Г. А. Курганные древности Крыма. - Запорожье, 1998. – Вып. II. - 194 с.
127. Колтухов С. Г., Труфанов А. А., Уженцев В. Б., Новые материалы к строительной истории Узунларского рва и вала Древности Боспора.- М., 2003. - Вып. 6. - С. 176-183.
128. Колтухов С. Г., Юрочкин В. Ю. От Скифии к Готии. - Симферополь: Сонат, 2004. - 240 с.
129. Коновалов А. А. Раскопки курганов близ городища Чайка // АО 1968 г. - М., 1969. - С. 294-295.
130. Коновалов А. А. Раскопки некрополя у дер. Заозерное // АО 1973 г. - 1974. - С. 289.
131. Копейкина Л. В. Расписная родосско-ионийская ойнохоя из кургана Темир-Гора // ВДИ. – 1972. – № 1. – С. 147-159.
132. Копьева Т. А., Колтухов С. Г. Курганы эпохи бронзы и скифский курганный могильник у с. Наумовка в Западном Крыму // Древняя и средневековая Таврика. - Археологический альманах. - Донецк: Донбасс, 2010. - № 22. - С. 13-38.
133. Корпусова В. Н. Памятники скифо-сарматского времени у с. Фронтное // Археологические исследования на Украине. - К., 1967. - Вып. 1. - С. 38-41.
134. Корпусова В. М. Про населення хори античної Феодосії // Археологія. - 1972.- Вип. 6. - С. 41-55.
135. Корпусова В. Н., Орлов Р. С. Могильник VI-IV вв. до н. э. на Керченському півострові // Археологія. - 1978. - № 28. - С. 65-72.
136. Кравченко Э. А. Кизил-кобинська кераміка Керкінітиди VI–IV ст. до н. э. / Э. А. Кравченко // Эпоха раннего железа. Сборник научных трудов к 60-летию С. А. Скорого. – Киев – Полтава, 2009. - С. 189-199.
137. Кравченко Е. А. Кизил-кобинська культура у західному Криму. - К.-Луцьк: Волинські старожитності, 2011. - 268 с.
138. Крис Х. И. Кизил-кобинская культура и тавры // САИ. - М., 1981. - Вып. Д 1-7.- 128 с.
139. Кропотов В. В. Курган «коллективными погребениями» IV в. до н. э. в Предгорном Крыму // Эпоха раннего железа. Сборник научных трудов к 60-летию С. А. Скорого. - Киев-Полтава, 2009. - С. 220-221.
140. Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора. – М., 1975. – 179 с.
141. Кругликова И. Т. Поселение Андреевка Южная // Древности Боспора. – М., 2001. – № 4. – С. 182-226.
142. Крушкол Ю. С., Новичихин А. М. Население архаической Синдики: по материалам некрополя у хутора Рассвет - М.: Гриф и К, 2010. - 271 с.
143. Крыжицкий С. Д. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. - К.: Наукова думка, 1993. - 247 с.
144. Крыжицкий С. Д., Буйских С. Б., Бураков А. В., Отрешко В. М. Сельская округа Ольвии. - К.: Наукова думка, 1989. - 239 с.
145. Крыжицкий С. Д., Буйских С. Б., Отрешко В. М. Античные поселения Нижнего Побужья (Археологическая карта). – К., 1990. – 129 с.
146. Крыжицкий С. Д., Бураков А. Б., Буйских С. Б. и др. К истории ольвийской сельской округи. // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. – К., 1980. - С. 3-18.
147. Крыжицкий С. Д., Шеглов О. М. Про зерновий потенціал античних держав Північного Причорномор'я // Археологія. - 1991. - № 1. - С. 46-56.
148. Кубышев А. И., Бессонова С. С., Ковалев Н. В. Братолюбовский курган. - К., 2009. - 191 с.
149. Кузнецова Т. М. Этюды по скифской истории. - М., 1991. - 150 с.
150. Кузнецова Т. М. Зеркала Скифии VI-III вв. до н. э. - Москва: Индирик, 2002. - 235 с.
151. Кулаковский Ю. А. Отчет профессора Ю. А. Кулаковского об археологических исследованиях его в Крыму в 1896 г. // ОАК за 1896 г. - СПб., 1898. - С. 28-43.
152. Курнаков Н.С., Кузнецов В.Г., Дзенс-Литовский А. И., Равич М. И. Соляные озера Крыма. - М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936. - 278 с.
153. Кутайсов В. А. Кизил-кобинская керамика из раскопок Керкинитиды // Материалы к этнической истории Крыма. VII в. до н. э. - VII в. н. э. – К., 1987. - С. 27-40.
154. Кутайсов В. А. Античный город Керкинитиды. VI-II вв. до н. э. - К.: Наукова думка, 1990. - 176 с.
155. Кутайсов В. А. Предисловие // Северо-Западный Крым в античную эпоху. - К., 1994. - С. 7-10.
156. Кутайсов В. А. Керкинитиды в античную эпоху.– К., 2004. – 324 с.
157. Кутайсов В. А. Природа Северо-Западного Крыма в античную эпоху // Боспорские исследования. - 2010. - Вып. XXIV. - С. 291-318.

158. Кутайсов В. А., Анохин В. В., Приднев С. В., Уженцев В. Б. Охранные раскопки городища и некрополя Калос Лимена // АИК. - 1994. - Симферополь: Сонат, 1997. - С. 170-184.
159. Кутайсов В. А., Ланцов С. Б. Некрополь античной Керкинитиды. - К., 1989. - 80 с.
160. Кутайсов В. А., Приднев С. В. Охранные раскопки некрополя Керкинитиды // АИК. - 1994. - Симферополь, 1997. - С. 163-169.
161. Кутайсов В.А., Приднев С.В. Раскопки некрополя Калос-Лимена // АИК. - 2005. - Симферополь, 2007. - С. 81-86.
162. Кутайсов В. А., Уженцев В. Б. Археологические исследования Калос Лимена // АИК. - 1993. - Симферополь: Таврия, 1994. - С. 171-180.
163. Кутайсов В. А., Уженцев В. Б. Калос Лимен (раскопки 1988-1995 гг.) // Археология Крыма. - 1997. - № 1. - С. 77-81.
164. Ланцов С. Б. Матеріали з некрополя Керкінітіди // Археологія. - 1988. - № 63. - С. 75-84.
165. Ланцов С. Б. Античне поселення біля озера Кизил-Яр // Археологія. - 1989. - № 3. - С. 78-84.
166. Ланцов С. Б. Западный Крым в составе Херсонесского государства. - Автореф. дисс. канд. ист. наук, 1991. - 16 с.
167. Ланцов С. Б. Античное поселение Ново-Федоровка и некоторые вопросы истории херсонесской хоры // СЗКАЭ. - 1994. - С. 71-104.
168. Ланцов С. Б. Античное святилище на западном берегу Крыма. - Киев: Стило, 2003. - 119 с.
169. Ланцов С. Б. О границах территории Херсонесского государства на рубеже IV-III вв. до н. э. // ХС. - 2004. - Вып. XIII. - С. 121-153.
170. Ланцов С. Б. О скифо-херсонесских отношениях в последней трети IV- первой трети III в. до н. э. // Херсонесский колокол. Сборник научных статей, посвященных 70-летию со дня рождения и 50-летию научной деятельности Виталия Николаевича Даниленко. - Симферополь: Сонат, 2008. - С. 101-109.
171. Лашков Ф. Ф. Раскопки курганов у д. Тавкель - Найман Евпаторийского уезда / Ф. Ф. Лашков // ИТУАК. - Вып. 22. - 1895. - С. 116-117.
172. Лесков А. М. Горный Крым в I тысячелетии до нашей эры. - К., 1965. - 200 с.
173. Лесков А. М. Новые сокровища курганов Украины. - Л.: Аврора, 1972. - 151 с.
174. Лесков А. М., Беглова Е. А., Ксенофонтова И. В., Эрлих В. Р. Меоты Закубанья в середине VI - начале III века до н. э. Некрополи у аула Уляп. Погребальные комплексы. - М.: Наука, 2005. - 192 с.
175. Либеров П. Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону // САИ. - 1965. - Вып. Д. 1-31. - 103 с.
176. Максименко В. Е. Савроматские кенотафы Сладковского могильника // Древности Евразии в скифо-сарматское время. - М.: Наука, 1984. - С. 165-191.
177. Манцевич А. П. Курган Солоха. Публикация одной коллекции. - Л.: Искусство, 1987. - 143 с.
178. Мартынов А. И. Лесостепная тагарская культура. - Новосибирск: Наука, 1979. - 208 с.
179. Марченко К. К. Модель греческой колонизации Нижнего Побужья // ВДИ. - 1980. - № 1. - С. 131-144.
180. Марченко К. К. Реколонизация сельских территорий Северо-Западного Причерноморья // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. - СПб.: Алетейя. - 2005. - С. 114-139.
181. Марченко К. К., Житников В. Г., Копылов В. П. Елизаветовское городище на Дону. - М., 2000. - 281 с., 72 табл.
182. Масленников А. А. Каменные ящики Восточного Крыма (К истории сельского населения Европейского Боспора в VI-I вв. до н. э.) // Боспорский сборник. - Москва, 1995. - Вып. 8. - 124 с.
183. Масленников А. А. Сельские поселения Европейского Боспора (Некоторые проблемы и итоги исследований) // Боспорские исследования. - Вып. I. - 2001. - С. 75-100.
184. Масленников А. А. Сельские поселения Восточного Крыма как исторический источник (Методика исследования и информативные возможности) // Методика полевых археологических исследований. Греческие и варварские памятники Северного Причерноморья. - М.: Изд-во ИА РАН, 2011. - С. 185-205.
185. Масленников А. А. Древние земляные погранично-оборонительные сооружения восточного Крыма. - М., 2003. - 280 с.
186. Маслов С. П., Филин В. Р. К вопросу о природных условиях окрестностей городища «Чайка» (Евпаторийское побережье Крыма) в античное время и средневековье // История биогеоценозов СССР в голоцене. - М.: Наука, 1976. - С. 175-182.
187. Махортых С. В. Киммерийцы Северного Причерноморья. - Киев, 2005. - 379 с.
188. Мелюкова А. И. Вооружение скифов / А. И. Мелюкова // САИ. - Д 1-4. - М.: Наука, 1964. - 92 с.
189. Махортых С. В., Петренко В. А. Новый могильник скифского часу в Чечено-Ингушетии // Археологія. - 1987. - С. 52-60.
190. Мелюкова А. И. Скифия и фракийский мир. - М.: Наука, 1979. - 255 с.

191. Михлин Б. Ю., Бирюков А. С. Склеп с уступчатым перекрытием в некрополе Керкинитиды // Население и культура Крыма в первые века н. э. - К.: Наукова думка, 1983. - С. 28-46.
192. Могилев О. Д. Спорядження коня скіфської доби у Лісостепу Східної Європи / О. Д. Могилев. - Київ - Кам'янець-Подільський, 2008. - 439 с.
193. Могилев О. Д., Діденко С. В. Скіфський курган 448 біля с. Журавка – пам'ятка перехідного часу в Потяминні // Археологія. - 2009. - № 3. - С. 45-54.
194. Мозолевский Б. Н. Скифские курганы в окрестностях г. Орджоникидзе на Днепропетровщине // Скифия и Кавказ. - К., 1980. - С. 70-154.
195. Мозолевський Б. М. Кургани вищої скіфської знаті і проблема політичного устрою Скіфії // Археологія. - 1990. - № 1. - С. 122-138.
196. Мозолевский Б. Н., Полин С. В. Курганы скифского Герроса IV в. до н. э. (Бабина, Водяна и Соболева Могилы). - К: Стилос, 2005. - 600 с.
197. Моисеев Л. А. Херсонес Таврический и раскопки в Евпатории в 1917 г. // ИТУАК. - 1918. - № 54. - С. 241-259.
198. Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары. VII-I вв. до н. э. - Саратов: Издательство Саратовского университета, 1999. - 680 с.
199. Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров экспортеров товаров в керамической таре. - Москва-Саратов, 2003. - 352 с.
200. Монахов С. Ю., Рогов Е. Я. Керамические комплексы некрополя Панское I // Античный мир и археология. - Вып. 8. - Саратов, 1990. - С. 122-151.
201. Мурзин В. Ю. Скифская архаика Северного Причерноморья // К.: Наукова думка. - 1984. - 132 с.
202. Мурзин В. Ю., Фіалко О. С. Зброя з Бердянського кургану // Археологія. - 1998. - № 3. - С. 103-113
203. Николаенко Г. М. Хора Херсонеса Таврического. Земельный кадастр IV-III вв. до н. э. - Севастополь, 1999. - Ч. I. - 83 с.
204. Николаенко Г. М. Херсонес Таврический и его хора // ВДИ. - 1999а. - № 1. - С. 97-120.
205. Николаенко Г. М. Хора Херсонеса Таврического. Часть II. Земельный кадастр IV-III вв. до н. э. - Севастополь, 2001. - Ч. II. - 164 с.
206. ОАК 1882-1988. - С. ХСІ-ХСІІ.
207. Олиферов А. Н., Тимченко З. В. Реки и озёра Крыма. - Симферополь: Доля, 2005. - 216 с.
208. Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье / Крыжицкий ..., Русяева А. С., Крапивина В. В., А. Лейпунская Н. А., Скржинская М. В., Анохин В. А. - К., 1999. - 327 с.
209. Ольховский В. С. Раскопки у с. Колоски // АО 1977 г. - М., 1978. - С. 364-365.
210. Ольховский В. С. Исследования курганов у с. Колоски // АО 1979 г. - М., 1980. - с. 316.
211. Ольховский В. С. Раскопки курганов в Северо-Западном Крыму // АО 1980 г. - М., 1981. - С. 293-294.
212. Ольховский В. С. О населении Крыма в скифское время // СА. - 1982. - № 4. - С. 61-81.
213. Ольховский В. С. Исследования курганов в Степном Крыму // АО 1981 г. - М., 1983. - С. 297.
214. Ольховский В. С. Исследования в Сакском районе Крыма // АО 1982. - М., 1984, С. 308-309.
215. Ольховский В. С. Раскопки курганов в Степном Крыму // АО 1983. - М., 1985. - С. 329-330.
216. Ольховский В. С. Раскопки в Сакском районе Крыма // АО 1984. - М., 1986. - С. 284.
217. Ольховский В. С. Раскопки курганов в Сакском районе Крыма // АО 1985 г. - М., 1987. - С. 383.
218. Ольховский В. С. Раскопки в степном Крыму // АО 1986 г. - М., 1988. - С. 319.
219. Ольховский В. С. Скифские антропоморфы Северо-Западного Крыма (находки последних лет) // Ученые записки комиссии по изучению памятников древнего и средневекового Востока. - М.: Наука, 1989. - С. 114-136.
220. Ольховский В. С. Скифские изваяния Крыма // Проблемы скифо-сарматской археологии. - М., 1990.
221. Ольховский В. С. Погребально – поминальная обрядность населения Степной Скифии (VII-III вв. до н. э.) / В. С. Ольховский. - М.: Наука, 1991. - 256 с.
222. Ольховський В. С. Скіфські статуї Суворівської курганної групи з Північно-Західного Криму // Археологія. - 1992. - № 3.
223. Ольховский В. С. Курганы скифского времени у с. Суворовского // Памятники бронзового и железного веков в окрестностях Евпатории. - М.: Изд-во Московского университета, 1993. - С. 26-44.
224. Ольховский В. С. Скифские изваяния из Крымского краеведческого музея // Бахчисарайский историко-археологический сборник. - Симферополь, 1997. - Вып. 1. - С. 31-35.
225. Ольховский В. С. Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. - М., 2005. - 298 с.
226. Ольховский В. С., Евдокимов Г. Л. Скифские изваяния VII-III вв. до н. э. - М., 1994.
227. Ольховский В. С., Храпунов И. Н. Крымская Скифия. - Симферополь, Таврия. - 1990. - 128 с.

228. Соколова О. Ю., Павличенко Н. А., Каспаров А. К. Новые находки на территории нимфейского некрополя // *HYPERBOREUS. Studia Classica. - Petropoli-Munchen, 1999. - Vol. 5. - Fasc. 2. - С. 326-340.*
229. Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам русского государства в 1793-1794 годах / Ред. Левшин. - М.: Научное наследие, 1999. - Т. 27. - 246 с.
230. Петренко В. Г. Правобережье Среднего Приднепровья в V-III вв. до н. э. // *САИ. - 1967. - Вып. Д 1-4. - 180 с.*
231. Петренко В. Г. Украшения Скифии VII-III вв. до н. э. // *САИ. - Выпуск Д 4-5. - М., 1978.*
232. Подгородецкий П. Д. Физико-географические районы и типы местности Тарханкутского поднятия // *ИКОГО. - 1961. - Вып. 7. - С. 39-43.*
233. Подгородецкий П. Д. Особенности природных условий и физико-географическое районирование Тарханкутской возвышенной равнины. Автореферат дисс. - К., 1962. - 22 с.
234. Подгородецкий П. Д. Северо-Западный Крым. Краеведческий очерк.-Симферополь: Таврия. - 1974. - 102 с.
235. Подгородецкий П. Д. Крым: природа // *Справочное издание. - Симферополь: Таврия, 1988. - 192 с.*
236. Подгородецкий П. Д. Природа Западного Крыма в античную эпоху // *СЗКАЭ. - 1994. - С. 11-29.*
237. Подгородецкий П. Д., Щепинский А. А., Шумская Л. А. Природа Крыма и ее освоение в эпоху энеолита (опыт историко-ландшафтного анализа // *Физическая география и геоморфология. - 1983. - Вып. 30. - С. 61-62.*
238. Покас П. М., Назарова Т. А., Дяченко В. Д. Материалы по антропологии Акташского могильника // *Бессонова С. С., Бунятян Е. Б., Гаврилюк Н. А. Акташский могильник скифского времени в Восточном Крыму. - К., 1988. - С. 18-144.*
239. Полин С. В. Про сарматське завоювання Північного Причорномор'я // *Археологія. - 1984. - № 45. - С. 24-34.*
240. Полин С. В. Хронологія ранньоскіфських пам'яток / С. В. Полин // *Археологія. - Вип. 59. - 1987. - с. 17-35.*
241. Полин С. В. Амфоры Александропольского кургана (по материалам раскопок 2004-2009 гг.) // *Античный мир и археология. - Саратов, 2010. - Вып. 14. - С. 262-307.*
242. Полин С. В., Кубышев А. И. Скифские курганы Утлюкского междуречья (в северо-западном Приазовье). - К., 1997. - 61 с.
243. Полин С. В., Ковальов М. В., Чередніченко М. М. Про датування Бердянського кургану (за керамічними матеріалами) // *Археологія. - 2000. - № 1. - С. 94-112.*
244. Пуздровский А. Е. Археологические памятники в нижнем течении р. Альма // *Альминские чтения. Материалы научно-практической конференции. Симферополь: Антиква, 2008. - С. 28-35.*
245. Пуздровский А. Е., Тошев Г. Н. Курганы у с. Цветочное в Белогорском районе Крыма // *Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Т. IX. - Запоріжжя: Б. и., 2001. - С. 149.*
246. Пузикова А. И. Курганы скифского времени Среднего Подонья (публикация комплексов). - М.: Индирик, 2001. - 271 с.
247. Пяташева Н. В. Скифы и Херсонес // *ИАДК. - К.: Издательство Академии Наук Украинской ССР, 1957. - С. 249-263*
248. Рогов Е. Я. Некрополь Панское I и его место среди некрополей IV- III вв. до н. э. в Северном Причерноморье. - Автореф. дисс. канд. ист. наук. - СПб., 1998. - 22 с.
249. Рогов Е. Я. Некоторые проблемы становления и развития Херсонесского государства // *STRATUM plus. - 1999. - С. 116 – 144.*
250. Рогов Е. Я. Греки и варвары в Западном Крыму / Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. - СПб.: АЛТЕИЯ, 2005. - С. 137-210.
251. Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. - Л., 1925. - 621 с.
252. Русева М. Тракийска култова архитектура в България. - Ямбол, 2000. - 201 с.
253. Савченко Е. И. Вооружение и предметы снаряжения населения скифского времени на Среднем Дону // *Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Донской (Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН 2001-2003 гг. - М., 2004. - С. 151-277.*
254. Световидов А. И. Рыбы Черного моря. - М.: Наука, 1964. - 452 с.
255. Сенаторов С. Н. О восточно-крымской лепной керамике середины VI - первой трети III вв., до н. э. // *Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. Материалы международной научной конференции. - СПб., 1999. - С. 294-310.*
256. Сенаторов С. Н. Лепная керамика кизил-кобинской культуры: (типология и хронология). - Дисс. канд. ист. наук. - СПб., 2001. - 178 с.
257. Сенаторов С. Н. Кизил-кобинская керамика конца VI - первой половины IV вв. до н. э. из раскопок в Херсонесе // *ХС. - 2003. - Вып. 12. - С. 14-28.*
258. Силантьева Л. Ф. Некрополь Нимфея // *МИА. - № 69. - С. 5-107.*
259. Симоненко А. В. Тираспольские курганы, «странные» комплексы и сираки на Днестре // *Четвертая Кубанская археологическая конференция. Тезисы и доклады. - Краснодар, 2005. - С. 255-260.*

260. Скорый С. А. Скифский курган с катакомбами в Северном Крыму // Древности степной Скифии. - К.: Наукова думка, 1982. - С. 231-236.
261. Скорый С. А. Крымская область // Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья. - К.: Наукова думка, 1986. - С. 41-48, 149-179.
262. Скорый С. А. Стеблев: скифский могильник в Поросье.- К., 1997.
263. Скржинская М. В. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. - К.: Наукова думка, 1977. - 127 с.
264. Скуднова В. М. Архаический некрополь Ольвии / В. М. Скуднова. - Л.: Искусство, 1988. - 184 с.
265. Смекалов С. Л. Тагиса. История Крыма в картах, XVIII–XX вв. С. Д. Санкт-Петербург: Discus, 2004.
266. Смекалов С. Л., Ермолин А. Л., Колтухов С. Г., Ланцов С. Б., Лентовский В. В. Обследование курганных могильников на местности и по топографическим картам // Материалы Международной научной конференции «Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок». Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 2007. - Ч. 1. - С. 71-77.
267. Смекалова Т. Н. Курганы в ландшафте Северного Причерноморья. I. Предгорный Крым // БИ. - 2009. - Вып. XXI. - С. 42-119.
268. Смекалова Т. Н. Памятники эпохи бронзы и раннего железного века на полуострове Тарханкут: Каталог (Материалы к археологической карте Крыма. Вып. II). - Симферополь: Доля, 2010. – 203 с.
269. Смекалова Т. Н. Археологические разведки на полуострове Тарханкут (Материалы к археологической карте Крыма. Вып. III). - Симферополь: Доля, 2010а. - 174 с.
270. Смекалова Т. Н. Дистанционные и геофизические исследования поселений античной эпохи в северо-западном Крыму. Материалы к археологической карте Крыма. - Симферополь: Доля, 2011. - Вып. V. - 292 с.
271. Смекалова Т. Н., Столба В. Ф. Памятники эпохи бронзы и раннего железного века на полуострове Тарханкут: предварительное сообщение // Смекалова Т. П., Столба В. Ф. // Материалы к археологической карте Крыма. - Вып. 1.- Симферополь, 2009. - 66 с.
272. Смирнов К. Ф. Савроматы. – М., 1964.
273. Соколова О. Ю., Павличенко Н. А., Каспаров А. К. Новые находки на территории Нимфейского некрополя // Huperboreus. - 1999. - Vol. 5. - С. 326-339.
274. Сокольский Н. И. Фанагорийский склеп // КСИА. - 130. - 1972. - С. 115-121.
275. Соломоник Э. И. Два античных письма в Крыму // ВДИ. - 1987.- № 3. - С. 114-131.
276. Столба В. Ф. Херсонес и скифы в V-II вв. до н. э. // Автореф. дисс. канд. ист. наук. - Л., 1990. - 24 с.
277. Столба В. Ф., Смекалова Т. Н., Храпунов И. Н., Андресен Й., Мульд С. А. исследования в Западном Крыму // Археологічні дослідження в Україні 2010. - К., - Полтава. - 2011.
278. Стржелецкий С. Ф. Клеры Херсонеса Таврического // ХС. - Вып. VI.-Симферополь, 1961. - 186 с.
279. Субботин Л. В., Охотников С. Б. Скифские погребения Нижнего Поднепровья // Г. Г. Мезенцева (ред.). Древности Северо-Западного Причерноморья. - К., 1981. - С. 102-116.
280. Тереножкин А. И., Ильинская В. А., Черненко Е. В., Мозолевский Б. Н. Скифские курганы Никопольщины // Скифские древности. - К.: Наукова думка, 1973. - С. 113-186.
281. Тереножкин А. И., Мозолевский Б. Н. Мелитопольский курган. - К.: Наукова думка, 1988. - 246 с.
282. Терехова Н. Н. Технологические особенности кузнечной продукции из некрополя у хутора Рассвет // Население архаической Синдики. По материалам некрополя у хутора Рассвет. - Москва: «Гриф и К», 2010. - С. 243-242.
283. Толстиков В. П. К проблеме образования Боспорского государства // ВДИ. - 1984. - № 3.
284. Толстиков В. П., Ломтадзе Г. А. К вопросу о времени основания базилики Спартокидов на акрополе Пантикапея // Древности Боспора. – М., 2001. – № 4. – С. 427-441.
285. Толстой И. И., Кондаков Н. П. Древности скифо-сарматские / И. Толстой, Н. Кондаков // Русские древности в памятниках искусства. - Вып. 2. - СПб., 1889. - 161 с.
286. Тоцев Г. Н. Крым в эпоху бронзы. – Запорожье, 2007. - 304 с.
287. Троицкая Т. Н. Скифские курганы в Крыму / Т.Н.Троицкая // ИКОГО. - Вып. 1. - Симферополь, 1951. - с. 85-112.
288. Уженцев В. Б. Ранний Калос-Лимен (первая половина – третья четверть IV в. до н. э.) // У Понта Евксинского (памяти П. Н. Шульца). - Симферополь, 2004. - С. 174-182.
289. Уженцев В. Б. Эллыны и варвары Прекрасной Гавани (Калос Лимен в IV в. до н. э. – II в. н. э.): Материалы по археологии Крыма. – Симферополь: «Сонат», 2006. – 248 с.
290. Уженцев В. Б., Ланцов С. Б., Колтухов С. Г., Смекалов С. Л. Отчет об археолого-топографической разведке на площадке размещения ВЭС «НОВА-ЭКО» (2006-2007 г., Черноморский р-н АРК) - Научный архив ИА НАН Украины. - Ф. е. 29117. - 2007/64.
291. Уильямс Д., Огден Дж. Греческое золото и ювелирное искусство классической эпохи V – IV века до н. э. – СПб., 1995. - 271 с.

292. Фиалко Е. Е. О назначении золотых «конусов» из кургана Огуз // Древности Евразии от ранней бронзы до раннего средневековья. – М., 2005. – С. 407-414.
293. Храпунов И. Н. Очерки этнической истории Крыма в раннем железном веке. Тавры. Скифы. Сарматы. – Симферополь: Таврия, 1995. – 83 с.
294. Храпунов И. Н. Рец. Колотухин В. А. Киммерийцы и скифы степного Крыма // МАИЭТ. – Симферополь, 2001. – Вып. VIII. – С. 513-517.
295. Храпунов И. Н. Древняя история Крыма. – Симферополь, 2003. – 192 с.
296. Храпунов И. Н. Этническая история Крыма в раннем железном веке // БИ. – Вып. VI. – Симферополь – Керчь, 2004. – 239 с.
297. Храпунов И. Н., Мульд С. А. Катакомбы из могильников Фонтаны и Левадки в связи с происхождением позднескифской культуры // Проблемы истории филологии и культуры. – Магнитогорск, 2004. – № 14. – С. 239-269.
298. Цветаева Г. А. Курганный некрополь Пантикапей // Пантикапей. – МИА. – 1957. – № 56. – С. 227-250.
299. Черепанова О. М. Скифське поховання з с. Надєжда Кримскої області // Археологія. – 1985. – № 50. – С. 62-65.
300. Черненко Е. В. Погребения с оружием из некрополя Нимфея // ДВК. – К.: Наукова думка. – 1970. – с. 190-198.
301. Черненко Е. В., Симоненко А. В. Курганная группа Широкое III // Курганы Южной Херсонщины. – К., 1977. – С. 5-34.
302. Членова Н. Л. Центральная Азия и скифы. I. Дата кургана Аржан и его место в системе культур скифского мира. – М., 1997. – 97 с.
303. Шапошникова О. Г. Погребение скифского воина на р. Ингул (предварительная публикация) // СА. – 1970. – № 3. – С. 208-212.
304. Шахматов В. Ф. Казахская пастбищно-кочевая община: вопросы образования, эволюции и разложения. – Алма-Ата: Изд-во АН Каз. ССР, 1964. – 206 с.
305. Шилов В. П., Очир-Горяева М. А. Курганы скифской эпохи из могильника Аксеновский I-II // Памятники Предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. – М., 1997. – С. 127-152.
306. Шостокович В. Б. Иловые отложения Сакского озера как летопись климата // Саки-курорт. – Вып. I. – Симферополь, 1935. – С. 255-272.
307. Шульц П. Н. О работах Евпаторийской экспедиции // СА. – 1937. – № 1. – С. 252-254.
308. Шульц П. Н. Евпаторийский район: 1934-1936 гг. – М.-Л., 1941. – С. 265-277.
309. Шульц П. Н. О роли местных племен и народностей в истории Древнего Крыма. Симферополь, 1952. – 13 с.
310. Шульц П. Н. Позднескифская культура и ее варианты на Днепре и в Крыму // Проблемы скифской археологии. – М., 1971. – С. 127-143.
311. Шульц П. Н. Дневник полевых исследований 1933 г (Рукописный архив ИИМК, Ф. 2, Оп. 1, 1933, д. 130) // Материалы к археологической карте Крыма. Вып. III. Археологические разведки на полуострове Тарханкут. – Симферополь: «Доля», 2010. – С. 13-82.
312. Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху: Автореф. дисс... канд. ист. наук. – Л., 1971. – 24 с.
313. Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. – Л.: Наука. – 1978. – 158 с.
314. Щеглов А. Н. Тавры и греческие колонии в Таврике // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. – Тбилиси, 1981. – С. 204-218.
315. Щеглов А. Н., Рогов Е. Я. Погребения в подбойных могилах в Нижнем Поднестровье и Северо-Западном Крыму // Проблемы исследования Ольвии. – ТД Парутино, 1985. – С. 86-88.
316. Щепинский А. А. Пещерные святилища времени раннего железа в горном Крыму // Труды комплексной карстовой экспедиции АН УССР - К., 1963. – С. 93-102.
317. Щепинский А. А. Работы Северо-Крымской и Крымской охранно-археологической экспедиции // АО 1970 г. – М., 1971. – С. 232.
318. Щепинский А. А. Исследования в Степном Крыму // АО 1971 г. – М., 1972. – С. 325-326.
319. Щепинский А. А. Северо-Крымская экспедиция // АО 1972 г. – М., 1973. – С. 354-355.
320. Щепинский А. А., Черепанова Е. Н. Исследования в Северном Крыму // АО 1966. – М., 1967. – С. 179-183.
321. Щепинский А. А., Черепанова Е. Н. Северное Присивашье в V-I тысячелетии до нашей эры. – Симферополь: Крым, 1969. – 328 с.
322. Щепинский А. А., Черепанова Е. Н. Памятники античного периода на берегу Каркинитского залива // Археологія. – 1974. – № 13. – С. 62-69.
323. Яковенко С. Скифы Східного Криму. – К., 1973. – 148 с.
324. Яковенко Э. В. Предметы звериного стиля в раннескифских памятниках Крыма // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. – М.: Наука, 1976. – с. 128-137.

325. Яковенко Э. В., Черненко Е. В., Корпусова В. Н. Описание скифских погребений в курганах Восточного Крыма // Древности Восточного Крыма. - К.: Наукова думка, 1970. - С. 136-179.
326. Яценко И. В. Полевые исследования Крымской экспедиции // АО 1968 г. - М.: Наука, 1969. - С. 291.
327. Яценко И. В., Маслов С. П. Раскопки некрополя у дер. Заозёрное близ Евпатории // АО 1977 г. - М.: Наука, 1978. - С. 408.
328. Яценко И. В., Ольховский В. С. Раскопки курганов у с. Колоски // АО 1976 г. - М., 1977. - С. 395-396.
329. Blagovolin N. S., Sčeglov A. N. Archaeological, Palaeogeographic, and Geomorphological Researches in the Lake Sasyk (Panskoye) Region // Panskoye I-Pontos/Edited by Lise Hannestad, Vladimir F. Stolba & Alexander N. Sčeglov Aarhus University Press, 2002. - P. 285-302.
330. Hannestad L., Stolba V. F., Sčeglov A. N. Panskoye I. The Monumental Building U6. - Aarhus, 2002. - Vol. I. - 256 p.
331. Koltukhov S. G., Andruk S. I. Burials of Warriors from North-West Crimea The Third International Symposium of Funeral Archaeology. Tulcea, 1997. - С. 4-6.
332. Rau P. Die Gräber der fruher Eisenzeit im Unteren Wolgagebiet: Studien zur Chronologie der skythischen Pfeilspitze. Pokrowsk, 1929; Neue Funde aus Hockergräbern des Wolgadeutschen Gebietes // Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki, 1929. - T. 4. - S. 41-57.
333. Rotroff S. Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Materials. The Athenian Agora: Results of Excavations Conducted by the American School of Classical Studies at Athens. - Vol. XXIX. - Princeton, 1997. - 473 p.
334. Sčeglov A. N. Utilisation de la photographie aérienne dans l'étude du cadastre de Chersonesos Taurique (IVe - IIe s. av. N.E.) // DHA. - 1980. - № 13. - P.239-273.
335. Sčeglov A. N. Polis et chora: Cite et territoire dans le Pont-Euxin. - Paris, 1992. - 302 p.
336. Shcheglov H. N., Katz V. I. A Fourth-Century B. C. Royal Kurgan in the Crimea // The Metropolitan Museum of Art. Metropolitan Museum Journal. - 1991. - № 26. - P 97-122.
337. Simonenko A. V. Bewaffung und Kriegswesen der Sarmaten und späten Skythen im nordlichen Schwarzmeergebiet // EURASIA ANTIQUA. - Berlin-Mainz am Rhein, 2001. - B. 7. - S. 187-327.
338. Sparkes B. A., Talcott Z. Black and plain pottery of 6-th, 5-th, 4- th centuries B. C. // The Athenian Agora. - Princeton (N. J.), 1970. - Vol. XII. - 472 p.
339. Vinogradov Y. G. Greek Epigraphy of the North Black Sea Coast, the Caucasus and Central Asia (1985-1990) // Ancient Civilisations from Scythia to Siberia. - 1994. - Vol. I - № 1. - P. 63-74.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИК	– Археологические исследования в Крыму
АО	– Археологические открытия, г. Москва
АСГЭ	– Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БФ	– Боспорский феномен, г. Санкт-Петербург
ВДИ	– Вестник древней истории, г. Москва
ГИМ	– Государственный исторический музей, г. Москва
ЗГУ	– Запорожский государственный университет
ЗРАО	– Записки Русского археологического общества, г. Санкт-Петербург
ИА АН УССР	– Институт археологии АН УССР, г. Киев
ИАДК	– История и археология древнего Крыма
ИКОГО	– Известия Крымского отделения Географического общества СССР
ИТУАК	– Известия Таврической ученой архивной комиссии
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии АН СССР, г. Москва
КФ ИА НАНУ	– Крымский филиал Института археологии НАН Украины
МГУ	– Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР, г. Москва
ОАК	– Отчеты Императорской археологической комиссии, г. Санкт-Петербург
СА	– Советская археология, г. Москва
САИ	– Свод археологических источников, г. Москва
СЗКАЭ	– Северо-Западный Крым в античную эпоху, г. Киев
ХГУ	– Харьковский государственный университет
ХС	– Херсонесский сборник
ДНА	– Dialogues d'Histoire Ancienne
STRATUM plus.	– Культурная антропология и археология, г. Санкт-Петербург, Кишинев, Одесса, Бухарест

ИЛЛЮСТРАЦИИ

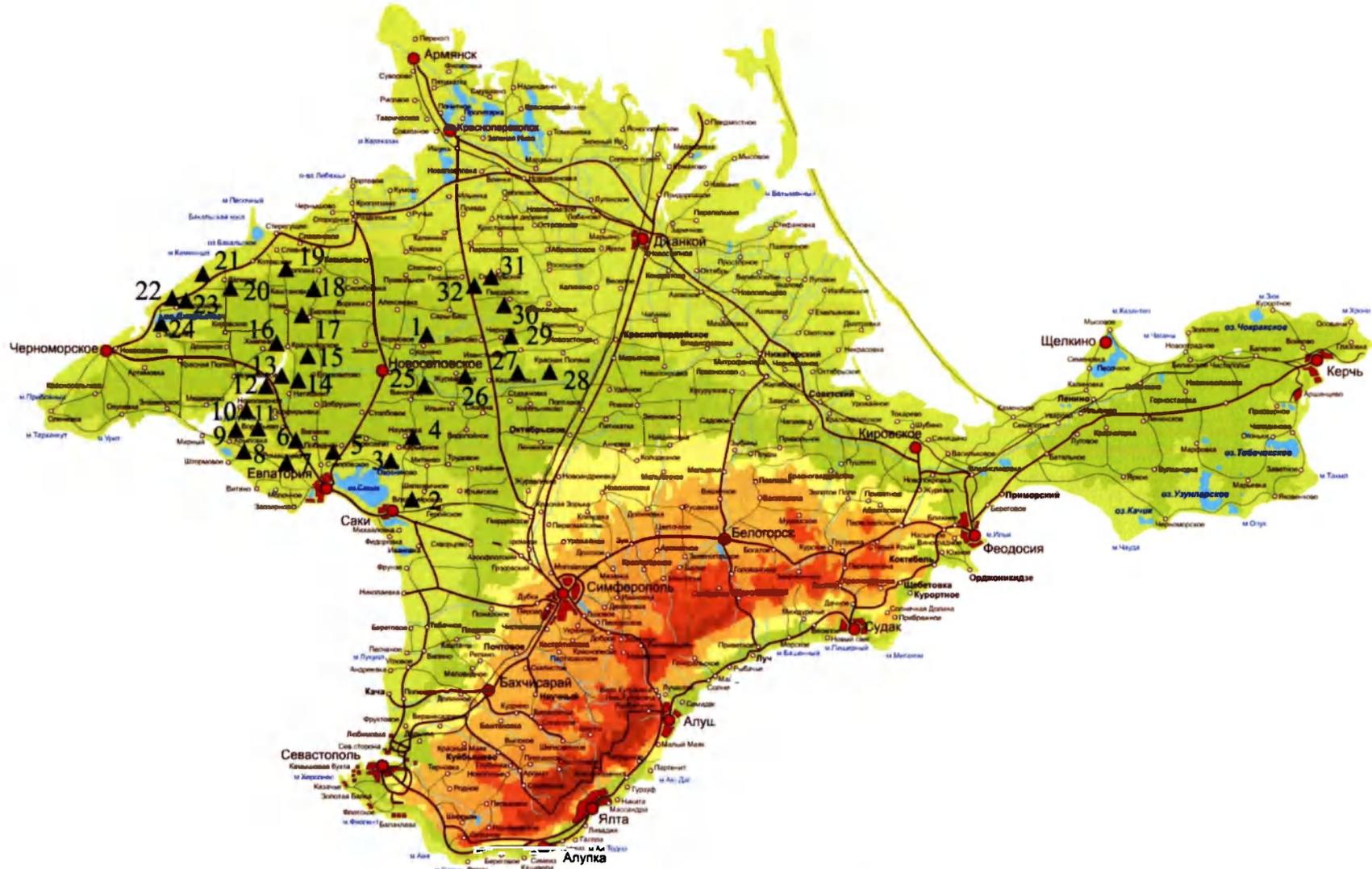

Рис. 1. Скифские погребения в курганах Северо-Западного Крыма. 1 – Сусанино. 2 – Червоное. 3 – Орлянка. 4 – Наумовка.

5 – Суворовское. 6 – Колоски – Великое. 7 – Ромашкино. 8 – Штормовое – Ойбурчик. 9 – Крыловка. 10 – Новоозерное.

11 – Приветное. 12 – Белоглинка. 13 – Снежное (Сакский район). 14 – Наташино – Чернушки, Веселовка. 15 – Солдатово – Шалашаи. 16 – Красноярское. 17 – Тавкель–Нейман.

18 – Кара–Меркет. 19 – Рылеевка. 20 – Далекое – Журавлевка. 21 – Владимировка.

22 – Межводное. 23 – Водопойное. 24 – Снежное (Черноморский район). 25 – Виноградово – Луговое. 26 – Открытое. 27 – Дальнее. 28 – Григорьевка. 29 – Черново.

30 – Брагское. 31 – Октябрьское. 32 – Гришино.

ЧЕРНОЕ МОРЕ

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:
 границы физико-географических районов
 границы административных районов АР Крым

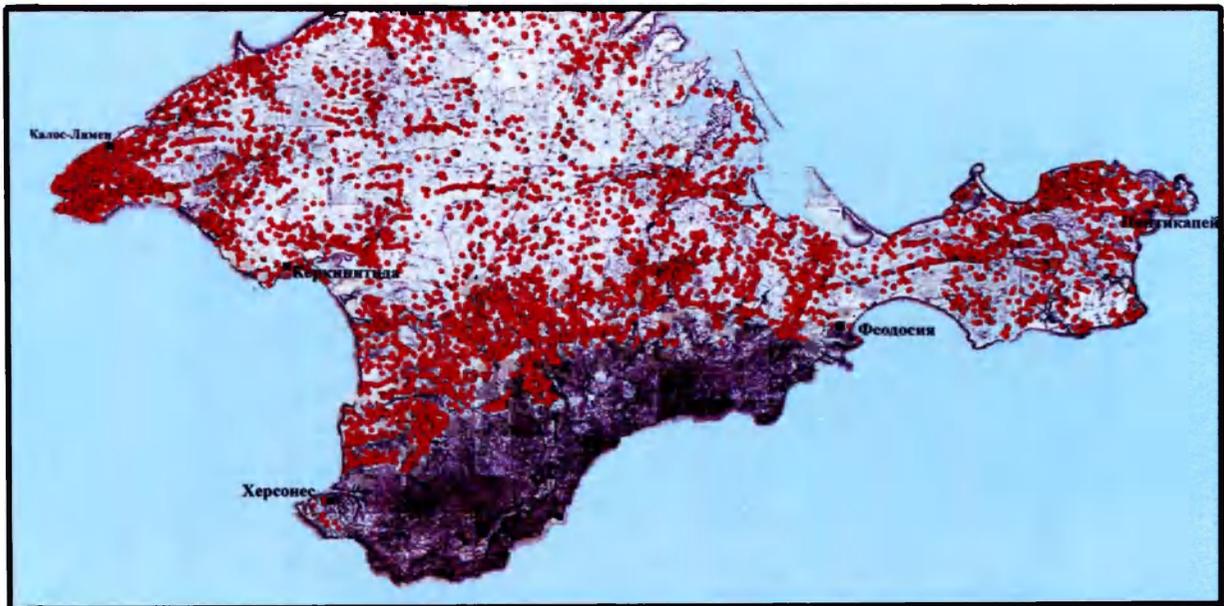
Физико-географические районы:

- 1 - Тарханкутский;
- 2 - Бакальский;
- 3 - Донузлав-Сасыкский;
- 4 - Самарчик-Чатырлыкский;
- 5 - Сасык-Альминский.

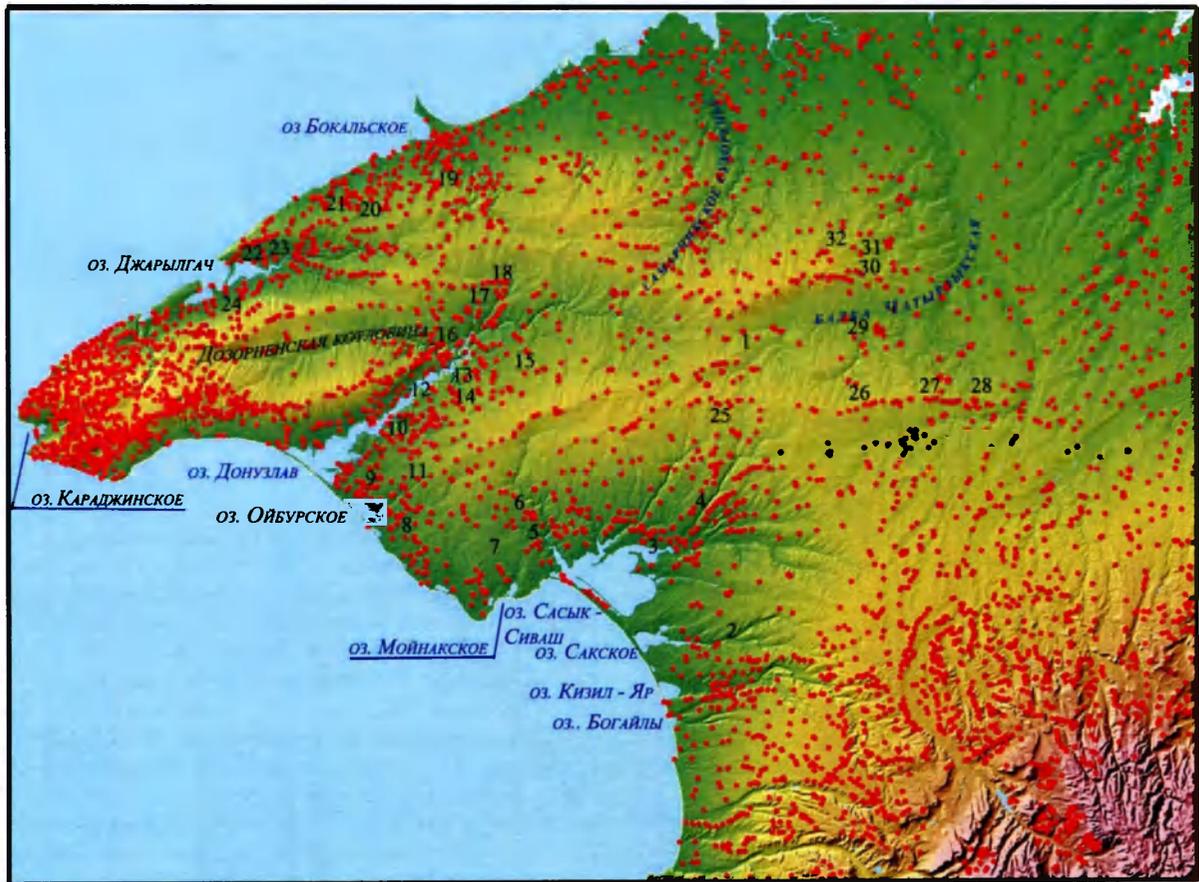
- ▲ - Курганы и курганные могильники античных городов и поселений.
- ▲ - Курганы с погребениями скифского времени.

5500 0 11000 метров

Рис. 2. Физико-географическое районирование Северо-Западного Крыма.

1

2

Рис. 3. 1 – Курганы Крымского полуострова то Т. Н. Смекаловой. 2 – Курганы в северо-западной части Крымского полуострова (на основе карты М 1:42000). 1 – Сусанино. 2 – Червоное. 3 – Орлянка. 4 – Наумовка. 5 – Суворовское. 6 – Колоски – Великое. 7 – Ромашкино. 8 – Штормовое – Ойбурчик. 9 – Крыловка. 10 – Новоозерное. 11 – Приветное. 12 – Белоглинка. 13 – Снежное (Сакский район). 14 – Наташино – Чернушки, Веселовка. 15 – Солдатово – Шалаша. 16 – Красноярское. 17 – Тавкель – Нейман. 18 – Кара-Меркет. 19 – Рылеевка. 20 – Далекое – Журавлевка. 21 – Владимировка. 22 – Межводное. 23 – Водопойное. 24 – Снежное (Черноморский район). 25 – Виноградово – Луговое. 26 – Открытое. 27 – Дальнее. 28 – Григорьевка. 29 – Черново. 30 – Братское. 31 – Октябрьское. 32 – Гришино.

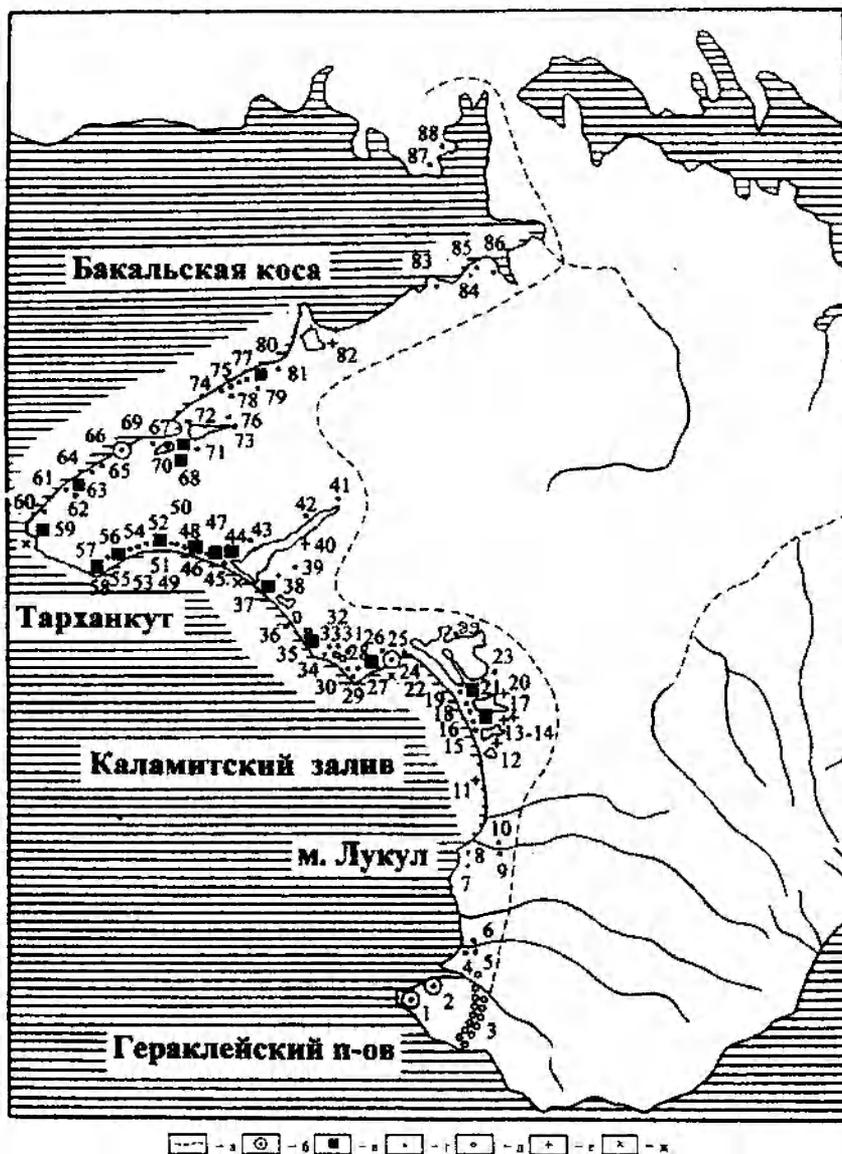

Рис. 4. Поселения Херсонесского государства по С. Б. Ланцову.

Обзорная картосхема памятников Херсонесского государства (рубеж IV-III вв. до н. э.) в Западной Украине:

а – приблизительные границы херсонесской территории; б – города; в – укрепления; г – поселения; д – зависимые от Херсонеса варварские поселения; е – пункт обнаружения подземного материала IV-III вв. до н. э.; ж – места кораблекрушений.

1 – «Херсонес Страбона» на Маячном полуострове; 2 – Херсонес; 3 – группа из 30 варварских поселений, зависимых от Херсонеса, расположенных на границах Гераклеяско-го полуострова; 4 – Усть-Бельбек; 5-6 – поселения в низовье р. Бельбек; 7 – Угловое; 8 – Усть-Альма; 9 – Билино; 10 – Алма-Тамак; 11 – Николаевка; 12 – Ивановка 1; 13-14 – Михайловна 1, 2; 15-16 – Кизил-Яр, Кизил-Яр 1; 17 – Ново-Федоровка; 18 – Сакская пересыпь; 19 – Саки 1; 20 – Беркина балка; 21 – Кара-Тобе; 22 – Кара-Тобе 1; 23 – Гаршино (Сасык-Сивашское); 24 – Соляная пристань; 25 – Керкинитиды; 26 – поселение на ул. Санаторской в Евпатории; 27 – Чайка; 28-29 – Маяк 1, II; 30 – Песчанка; 31 – Тереклы-Конрат; 32 – Мурзачек; 33 – Витино; 34 – Береговое; 35 – Айрчи; 36-Хуторок; 37 – Поповка (Южно-Донузлавское); 38 – Южно-Донузлавское 1; 39 – Крыловка; 40 – Новоозерное; 41-42 – памятники, отмеченные на карте П.Н. Шульцем в 1957 и 1971 гг. на северо-восточной оконечности оз. Донузлав, но не получившие названия; 43 – Озерное (Озеровка, Терклы-Ас); 44 – Западно-Донузлавское; 45 – Беляусский трактир; 46 – Беляусское укрепление и поселение Беляус Восточное; 47 – Громовка; 48 – Кульчук; 49 – Лазурное; 50 – Окуневка 1; 51 – Тарпанчи Восточное; 52 – укрепление Тарпанчи и поселение Тарпанчи Западное; 53 – Пристань №15; 54 – Акчи Сарай; 55 – Марьино; 56 – Джон Баба; 57 – Джан Баба 1; 58 – Ойрат; 59 – Караджа; 60 – Чоротай; 61-62 – Джангуль 1, II; 63 – Большой Кафель; 64 – Кипчак; 65 – Абузлар; 66 – Калос Лимен; 67-70 – Панское I, II, III, IV; 71 – Ярылгач; 72 – Межволное; 73 – Джарылгач; 74 – Гроты; 75-76 – Скалистое 3, 4; 77-78 – Бурун-Эли 2, 3; 79 – Северное 2; 80 – Маслины (городище и селище); 81 – Котовское 2; 82 – Бакал; 83 – Портовое; 84-85 – Борисовка 1, 2; 86 – Кумово; 87-88 – Александровка I, II; 89 – комплекс усадеб и селище у с. Рунное Сакского р-на АРК (информация А.В. Гаврилова, 12. 2005 г.). На схеме не обозначены остатки сельскохозяйственных наделов, могильники [см.: 5, 32] и большинство памятников сельских округ городов, поскольку они не образуют самостоятельных структур, а являются составными частями поселенческих комплексов.

Полуверстовая карта Тарханкута конца XIX в. с выделенными красными точками курганами, имеющимися на ней, и древними поселениями, обнаруженными в ходе работ 2009 г. и известными ранее. Чертеж: Т. Смекаловой.

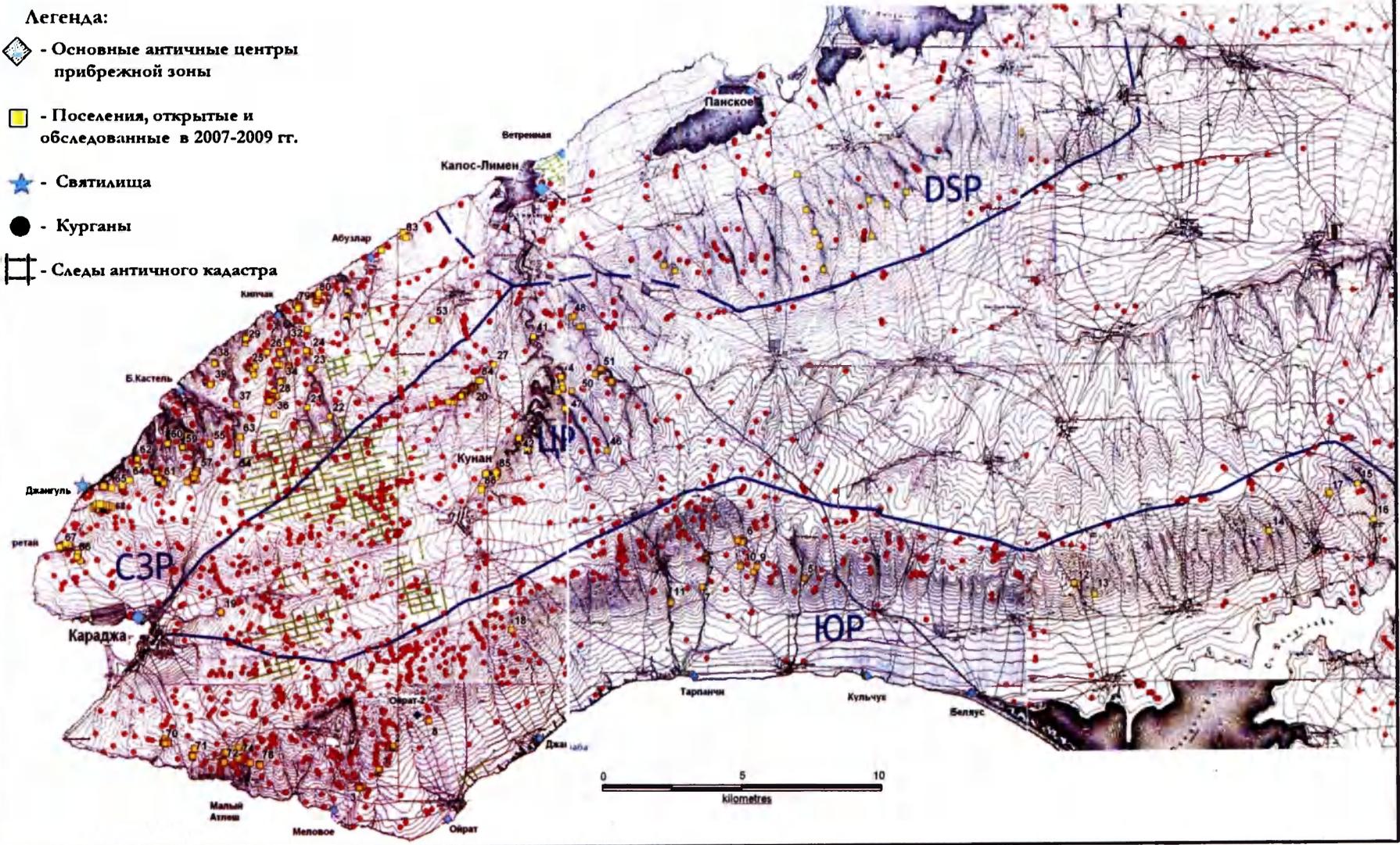

Рис. 5. Поселения и курганы Тарханкута по Т. Н. Смекаловой.

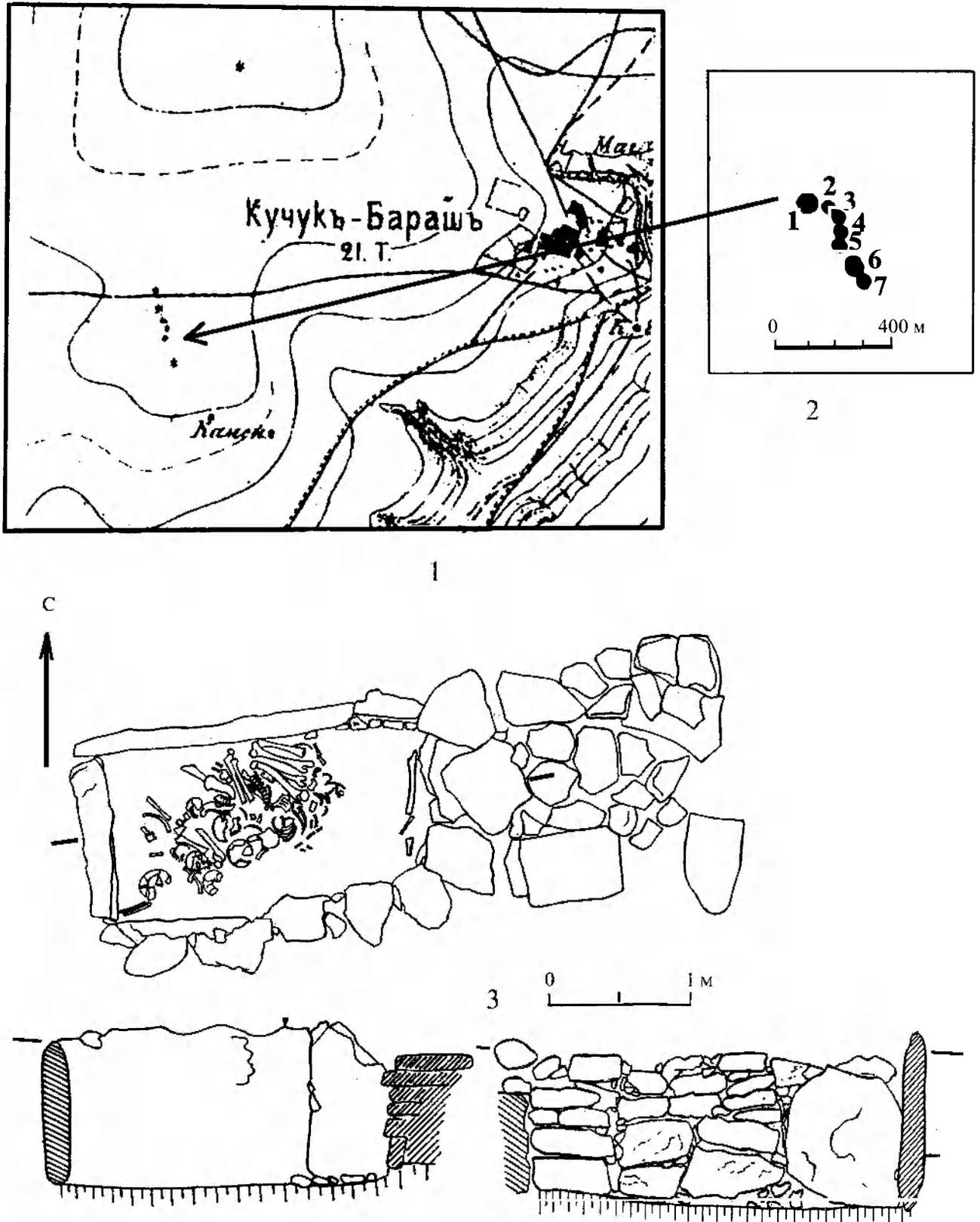

Рис. 6. 1 – Расположение курганной группы у с. Наумовка. 2 – План курганной группы. 3 – Погребение Наумовка 1/2.

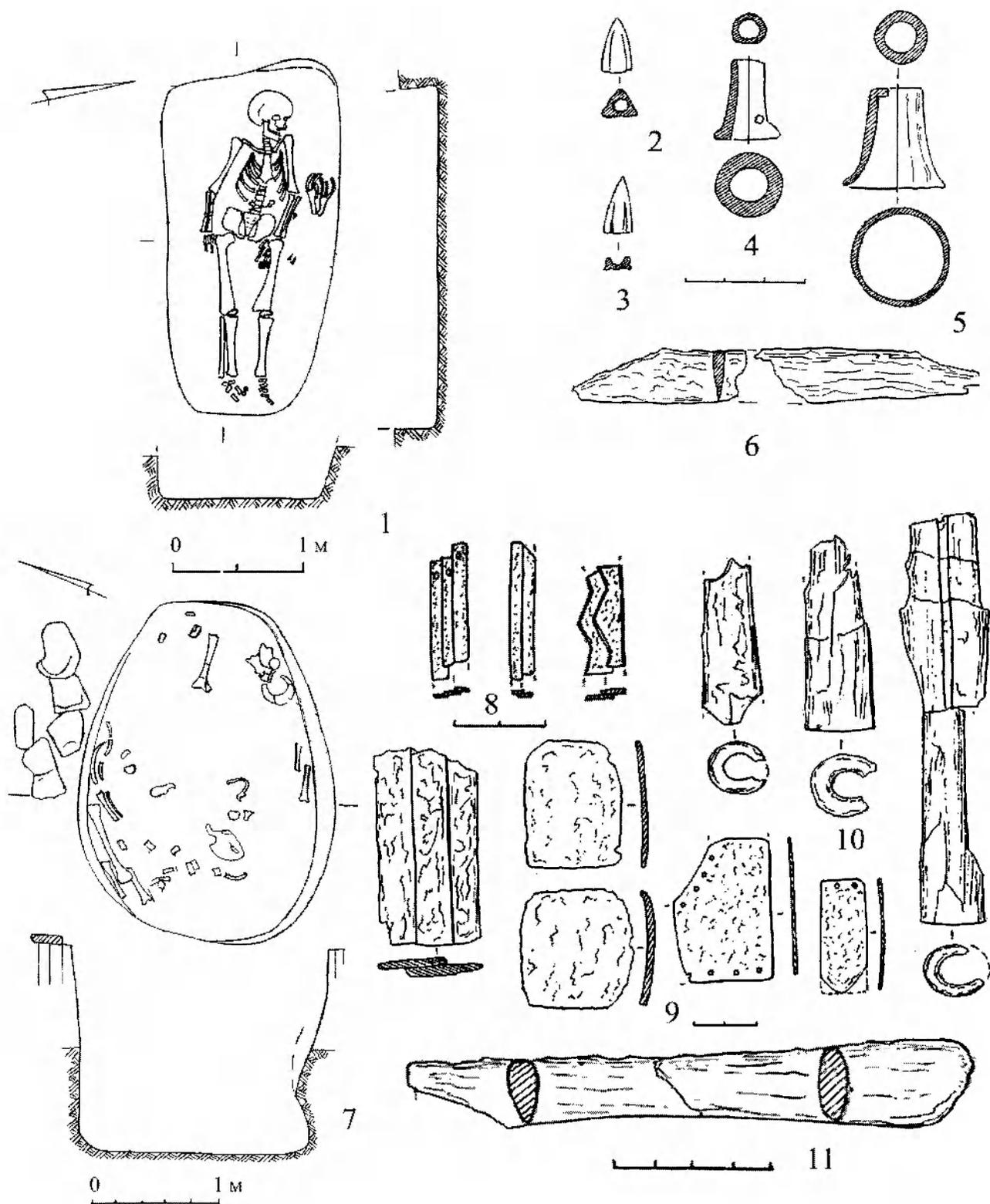

Рис. 7. 1 - 6 - Погребение Наумовка 2/3. 7 - 11 - Погребение Наумовка 6/3.

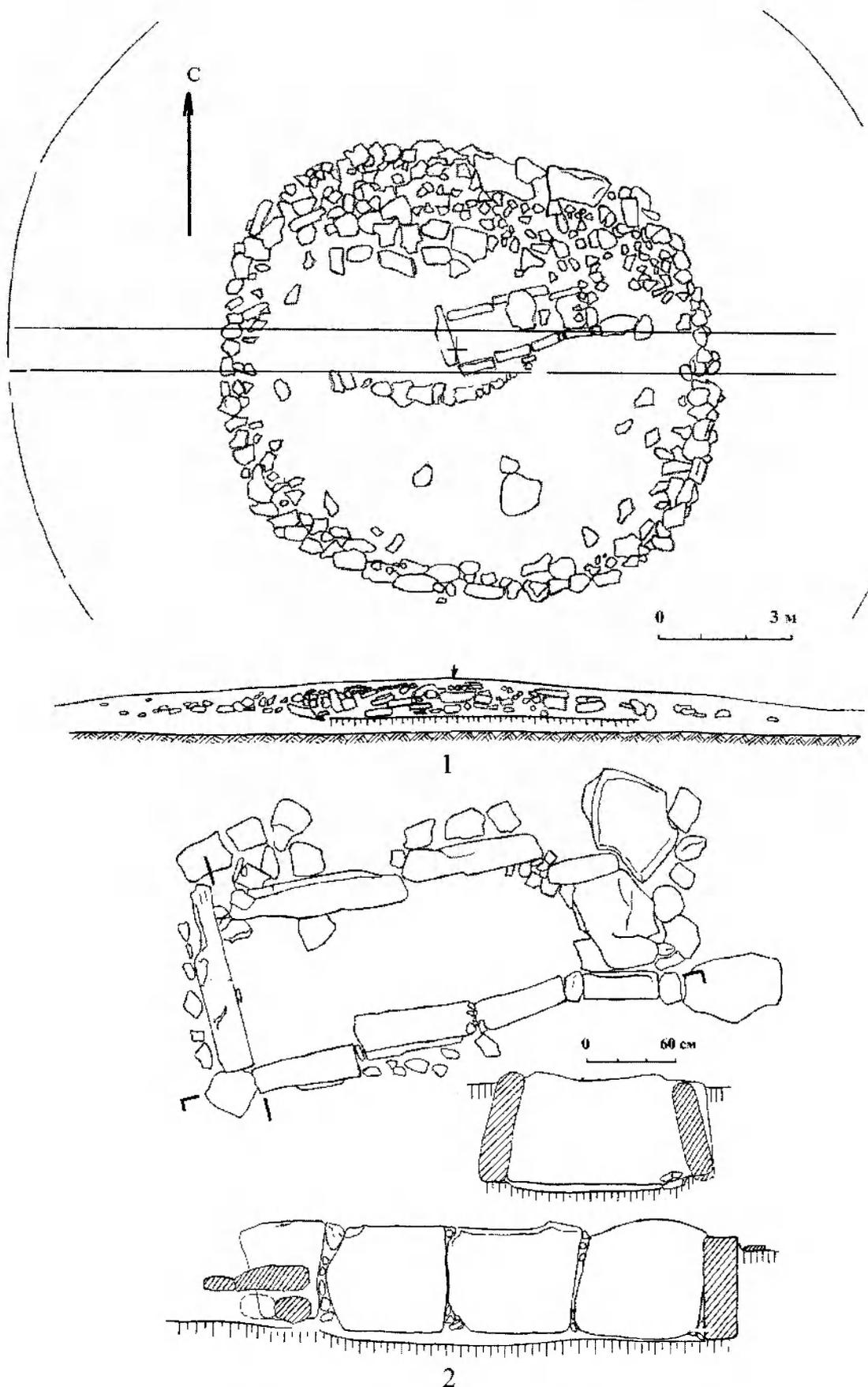

Рис. 8. 1 – Наумовка, курган 3. 2 – Погребение Наумовка 3/1.

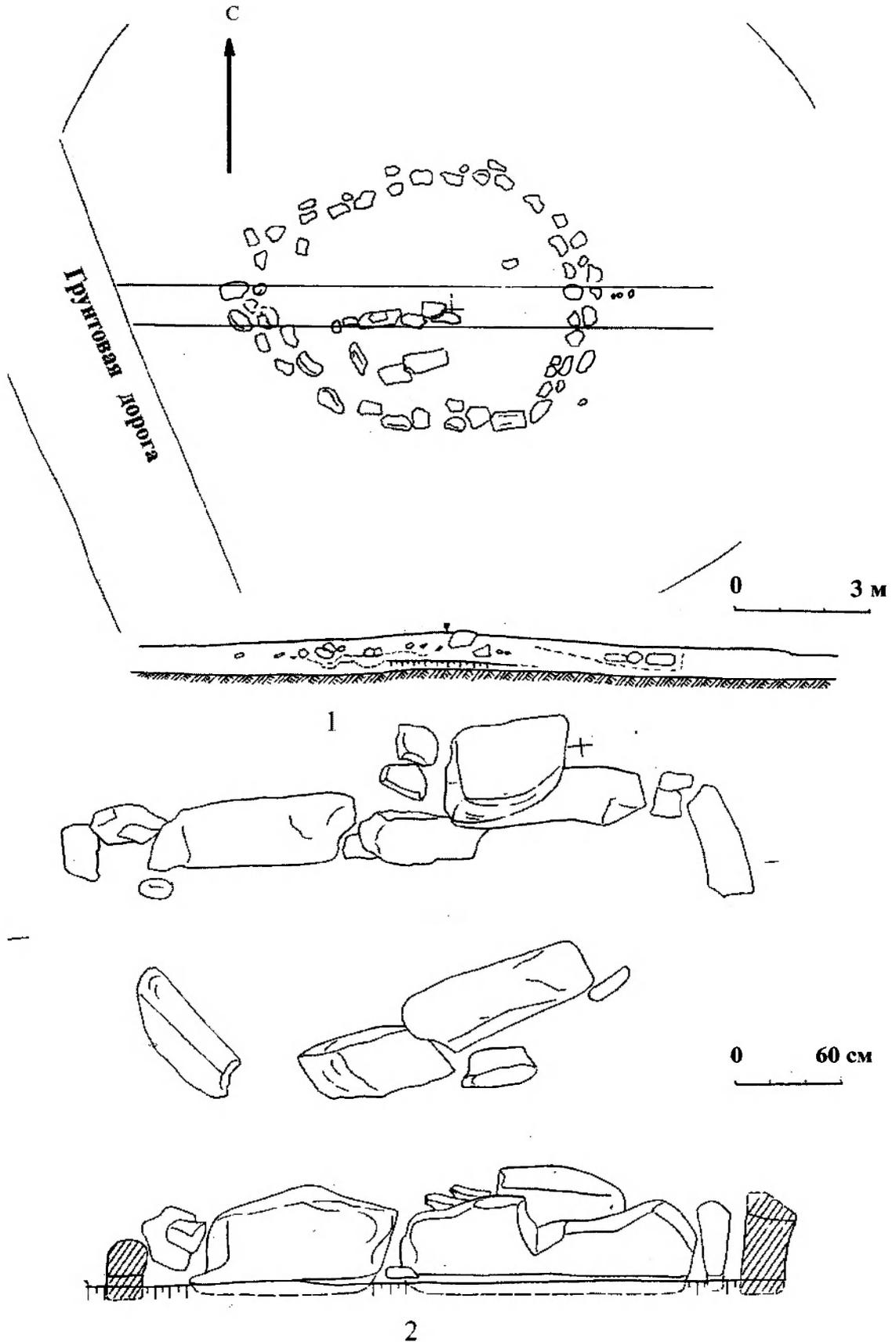

Рис. 9. 1 – Наумовка, курган 5. 2 – Погребение Наумовка 5/1.

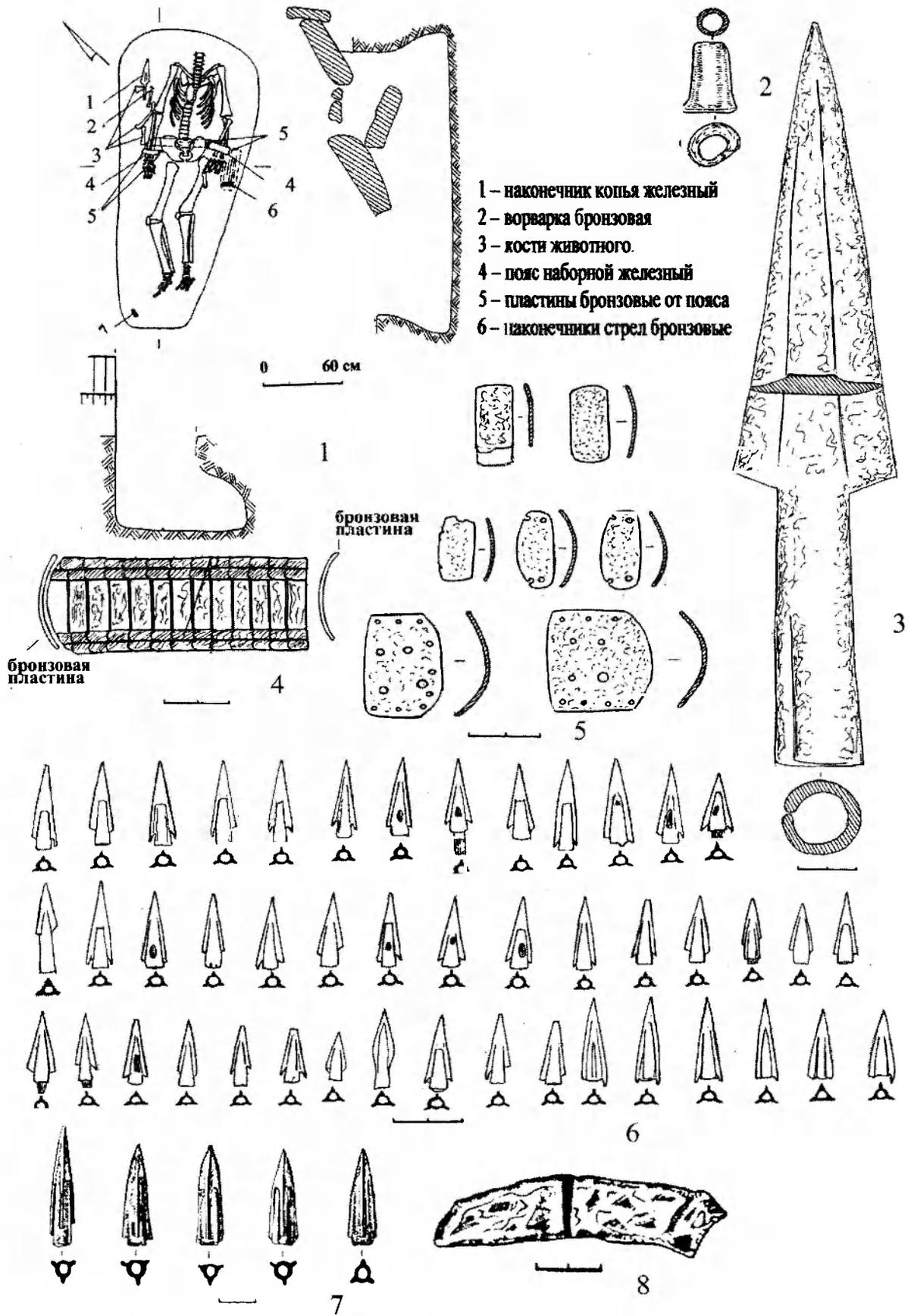
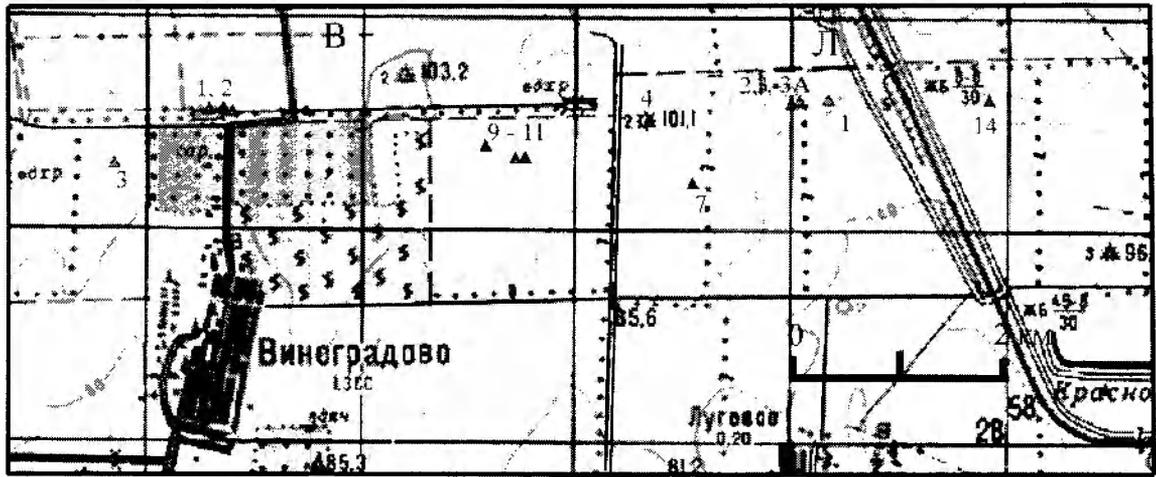
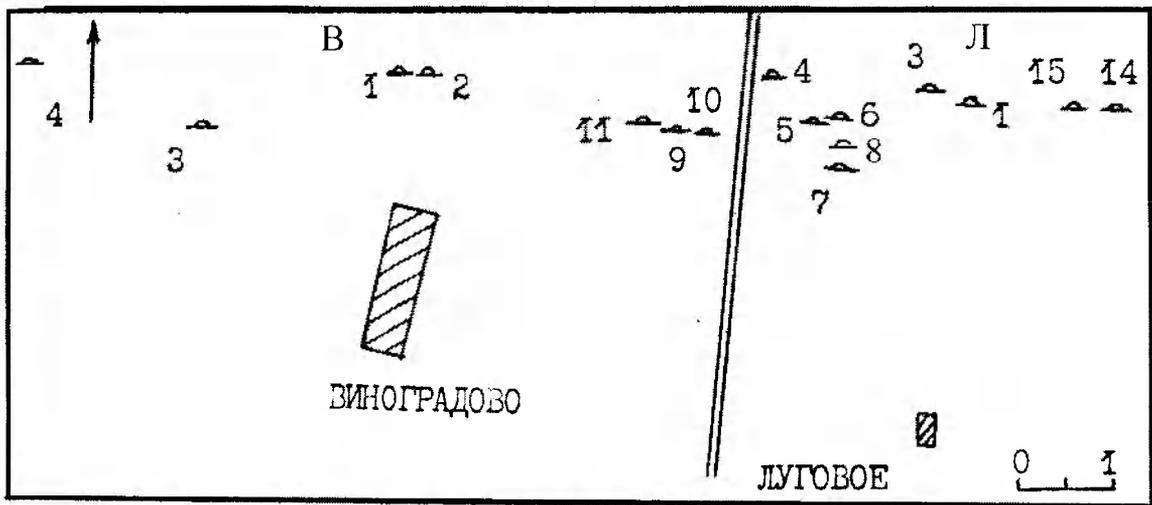

Рис. 10. 1 – 6 – Погребение Наумовка 6/2. 7 – 8 – Погребение Орлянка 5/1.

1

2

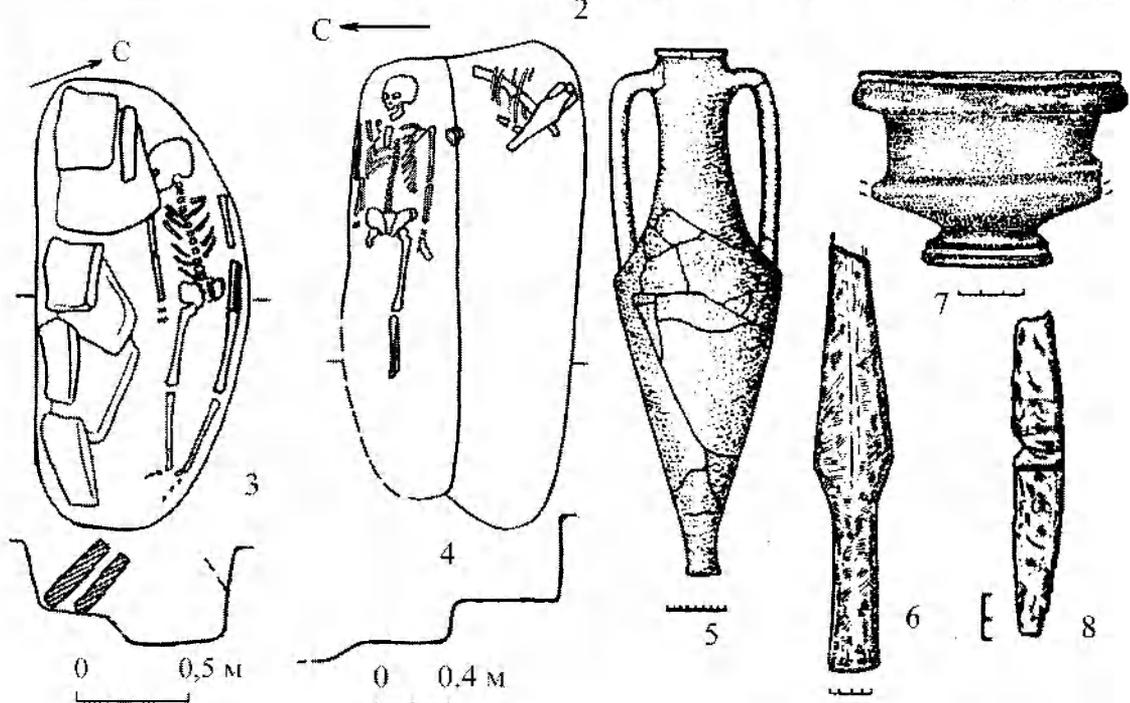

Рис. 11. 1 – План могильника Виноградово – Луговое. 2 – План могильника по В. А. Колотухину и Г. Н. Тошеву. 3 – погребение Виноградово 2В/3. 4 – 8 – Погребение 13В/2.

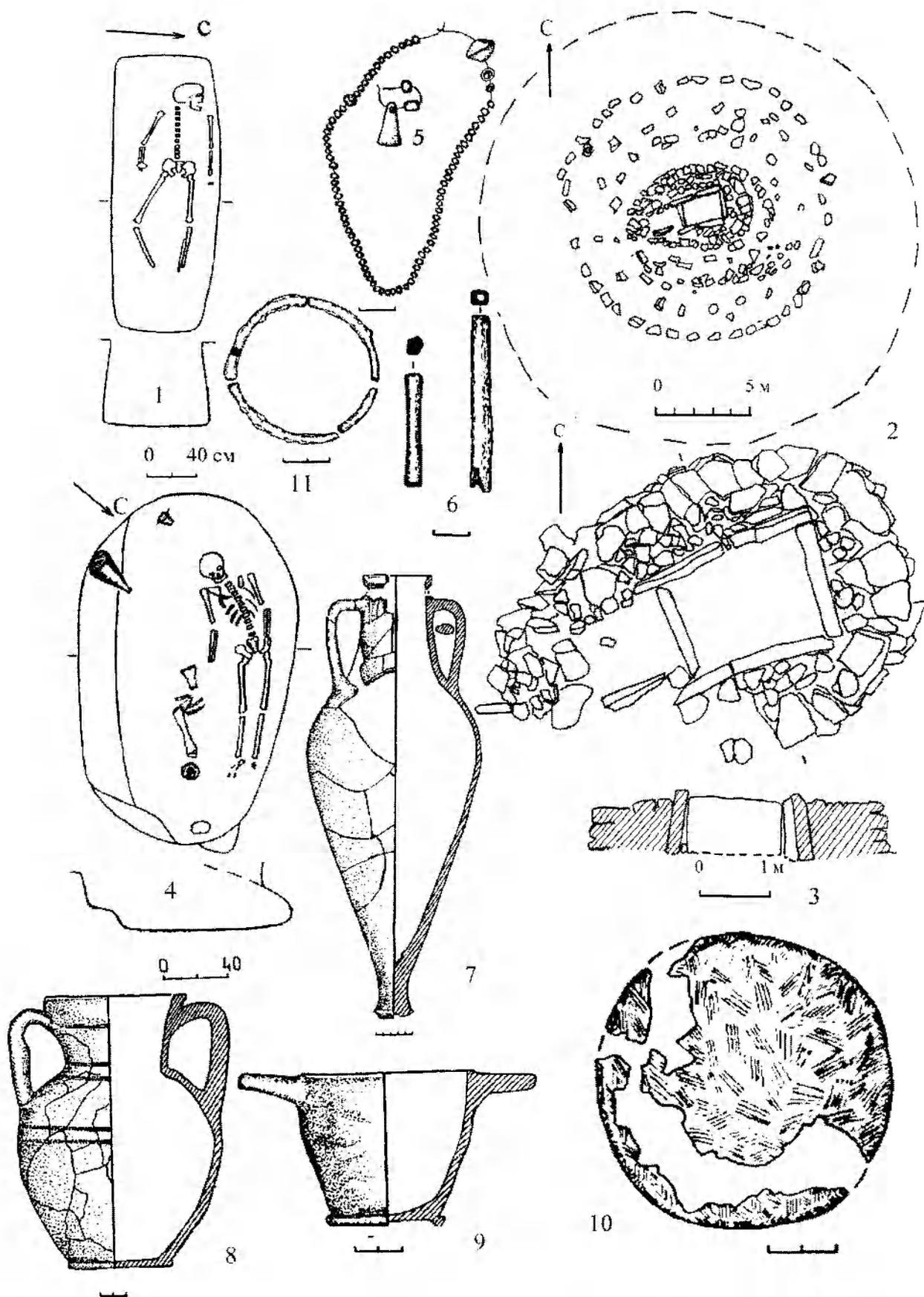

Рис. 12. 1, 11 – Погребение Виноградово 13 В/5. 2 – Виноградово, план кургана 2Л. 3 – Погребение Луговое 2Л/1. 4 – 10 – Погребение Луговое 4Л/7.

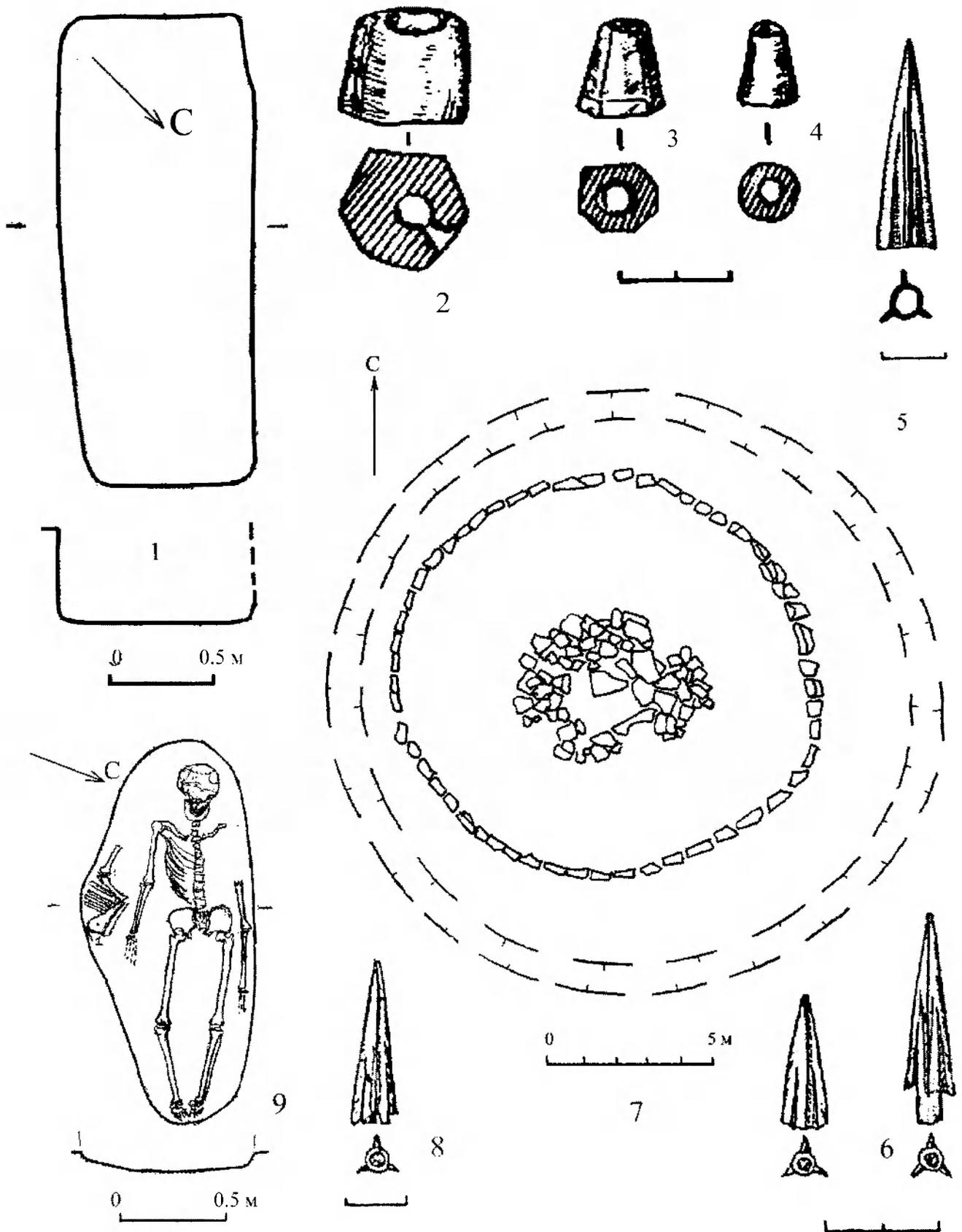

Рис. 13. 1 - 5 - Погребение 4Л/12. 6, 7 - Курган Луговое 7Л. 8 - Наконечник стрелы из кургана Луговое 8Л.
9 - Погребение Луговое 15Л/1.

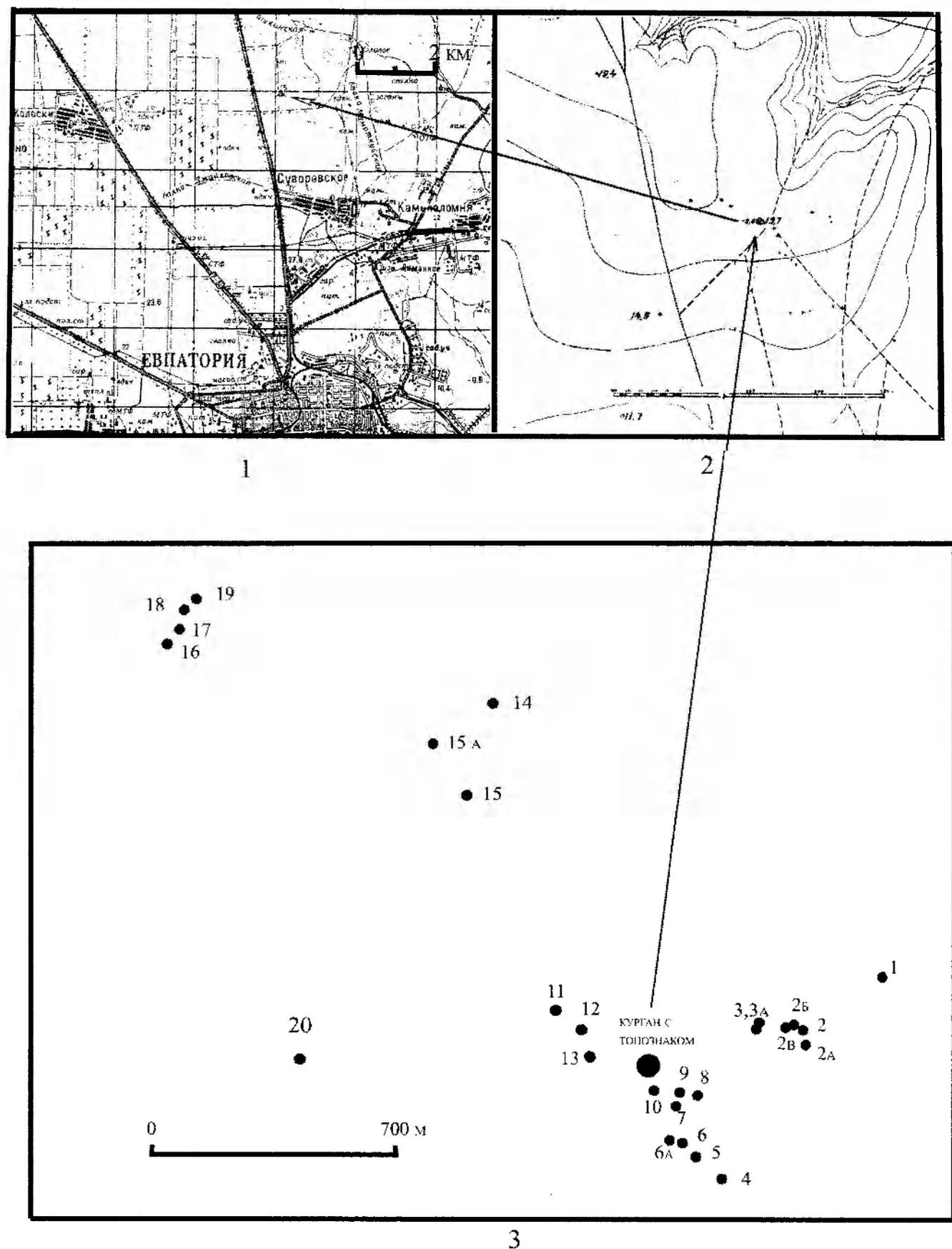

Рис. 14. 1 - Расположение курганного могильника у с. Суворовское. 2 - Могильник на карте м 1:42000. 3 - План могильника Суворовское.

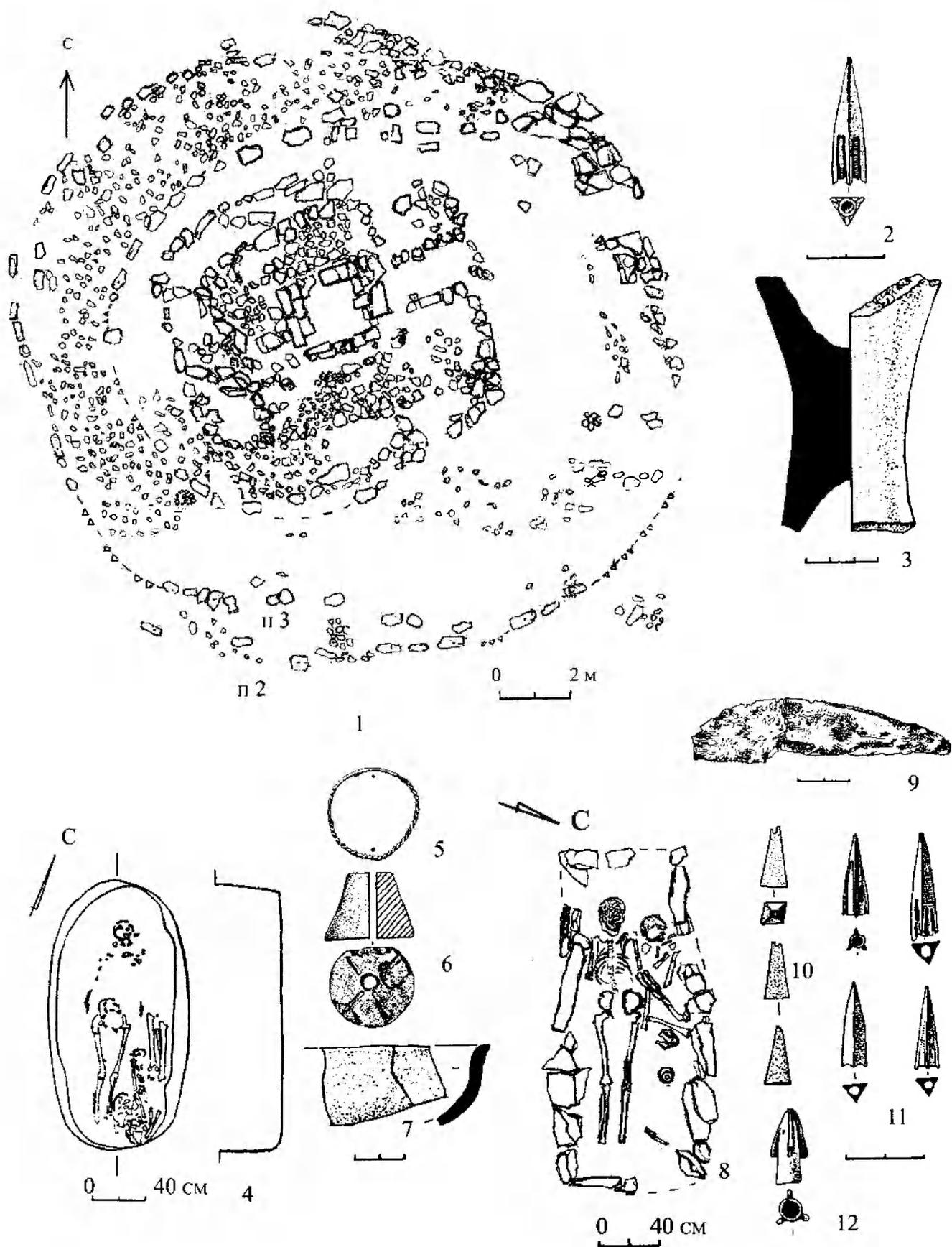

Рис. 15. 1 – План кургана Суворовское 3. 2 – 3 – Находки из погребения Суворовское 3/1. 4 – 7 – Погребение Суворовское 3/2. 8 – 12 – Погребение Суворовское 3/3.

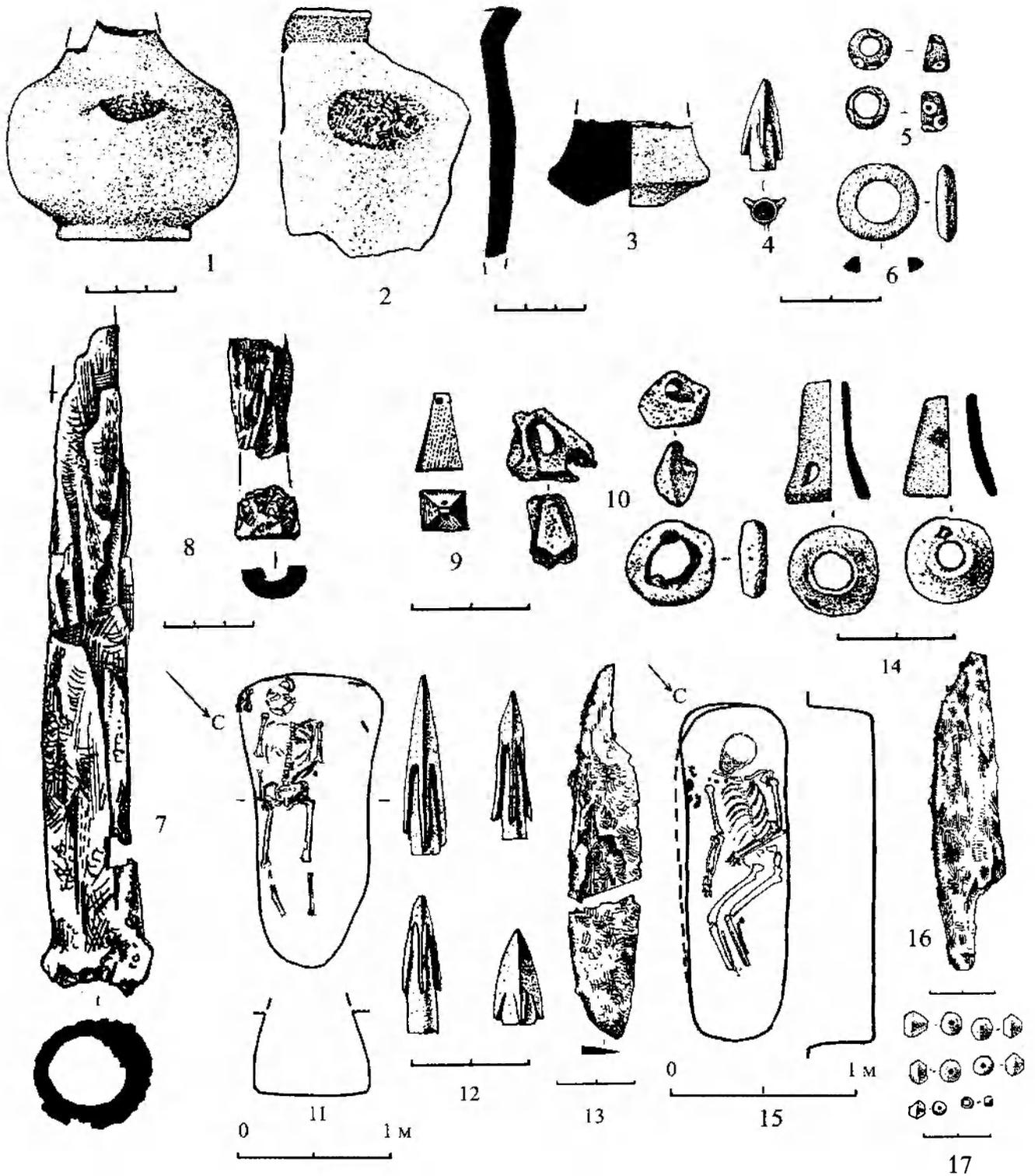

Рис. 16. 1 – Сосуд из погребения Суворовское 3/3. 2-3 – Находки из насыпи кургана Суворовское 4. 4-6 – Находки из погребения Суворовское 4/2. 9-10 – Находки из погребения Суворовское 4/3. 7-8 – Находки из погребения Суворовское 5/1. 11-14 – Погребение Суворовское 6/1. 15-17 – Погребение Суворовское 6/2.

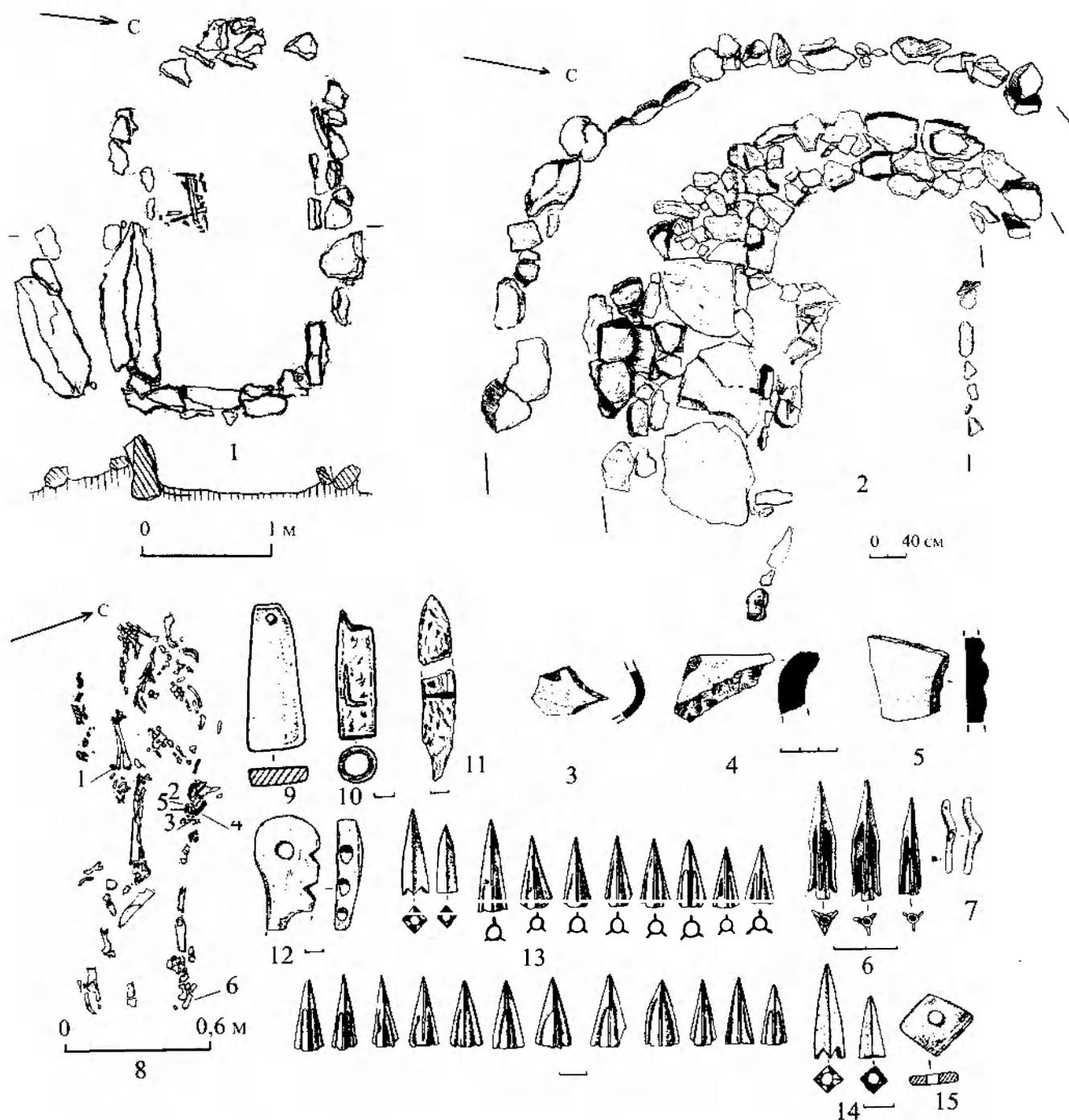

Рис. 17. 1 – Погребение Суворовское 7/1. 2 – 7 – Погребение Суворовское 8/1. 8 – План погребения Суворовское 9/1 (1 - копьё, 2 - остатки меча, 3 - наконечники стрел, 4 - оселок, 5 - фрагмент налущья, 6 - кости животного). 9 – 13 – Инвентарь погребения 9/1.

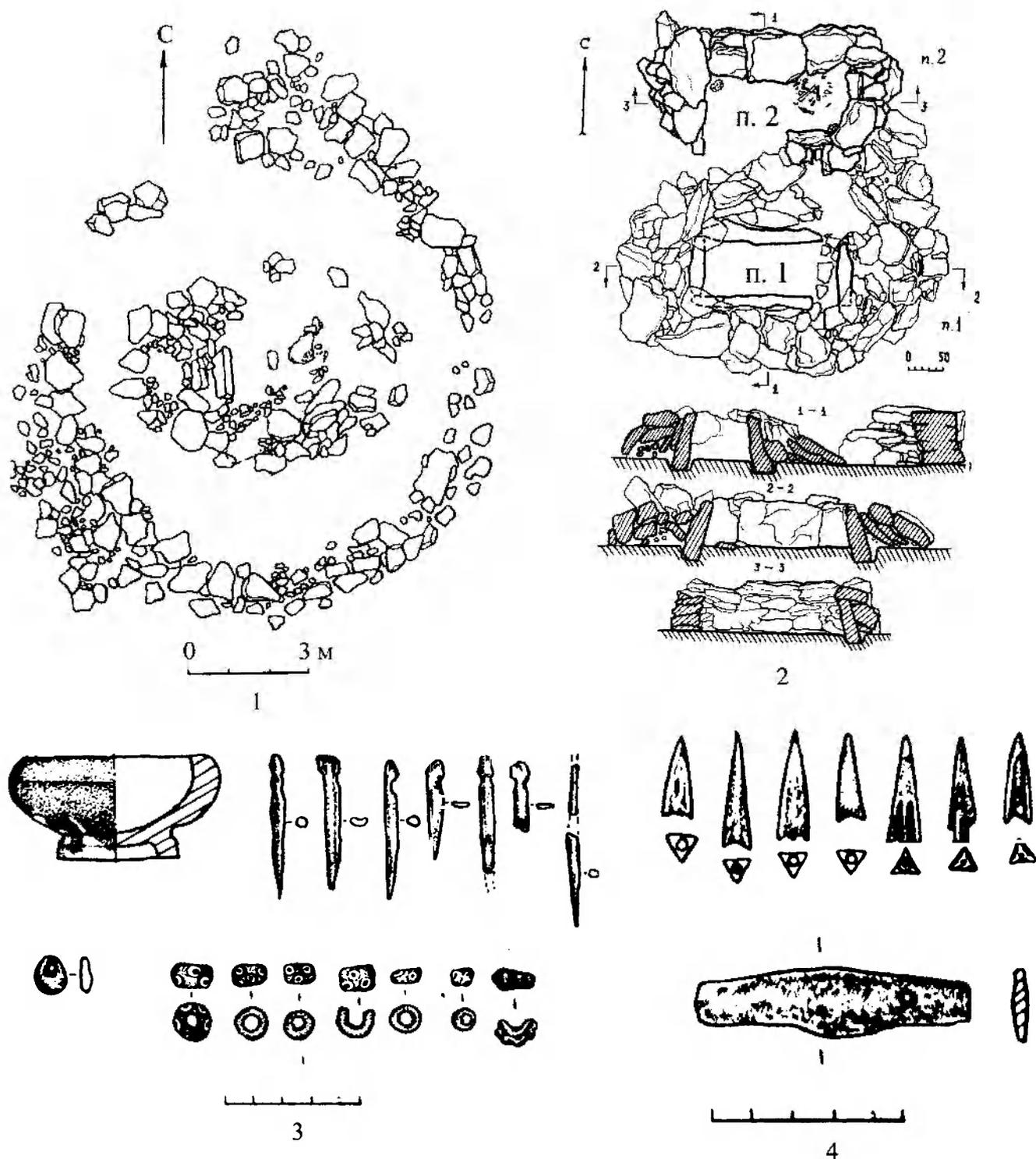

Рис. 18. 1 – Каменные сооружения кургана Суворовское 11. 2 – Каменные ящики кургана Суворовское 12. 3 – Инвентарь погребения Суворовское 12/1. 4 – Инвентарь погребения Суворовское 12/ 2.

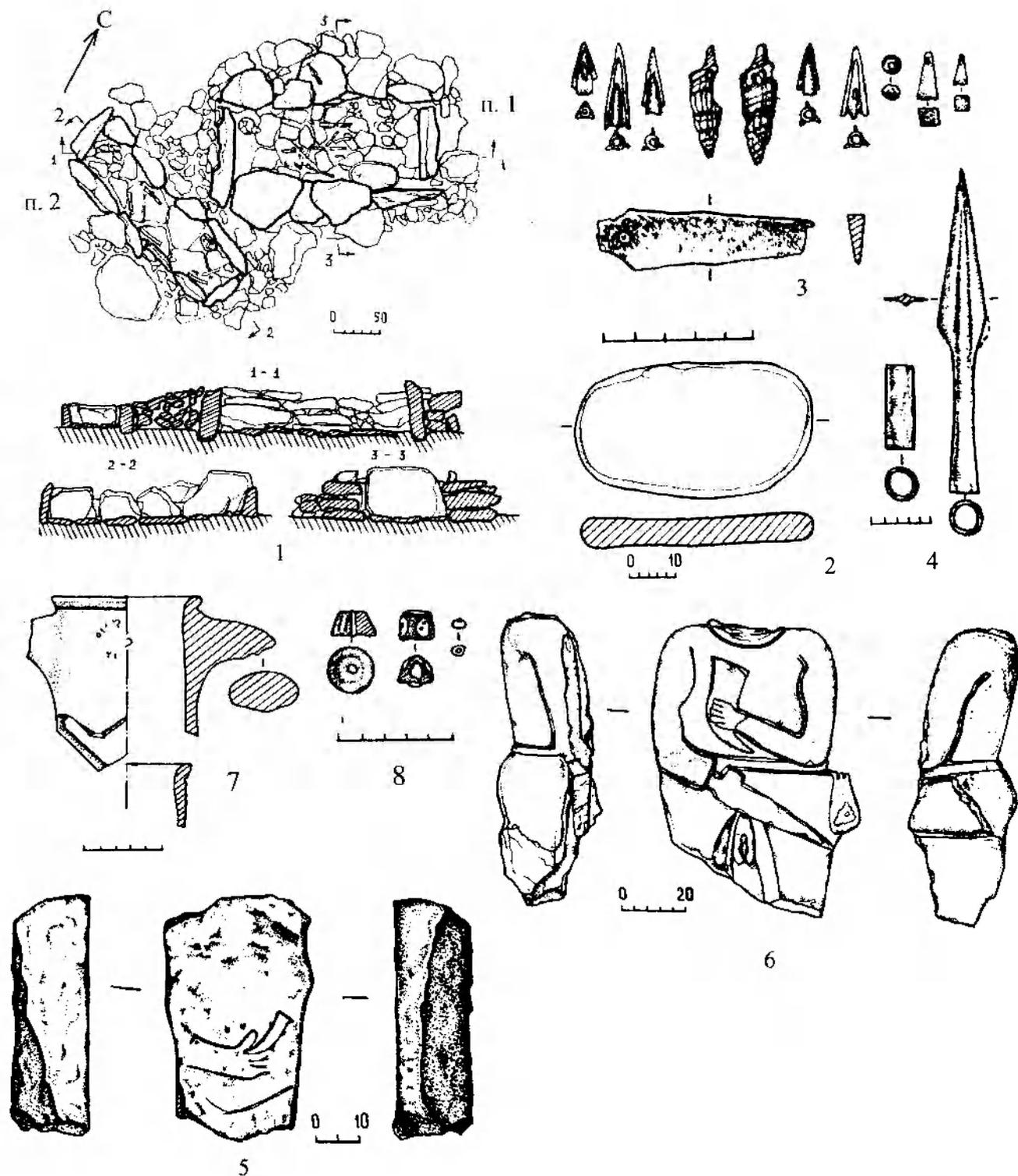

Рис. 19. 1 – Погребальные сооружения кургана 13. 2 – Каменная плита из погребения Суворовское 13/1. 3 – Находки из погребения Суворовское 13/1. 4 – Наконечник и вток копья из погребения Суворовское 13/1. 5 – Каменное изваяние из кургана Суворовское 13. 6 – Каменное изваяние из кургана Суворовское 11. 7 – 8 – Находки из погребения Суворовское 13/2.

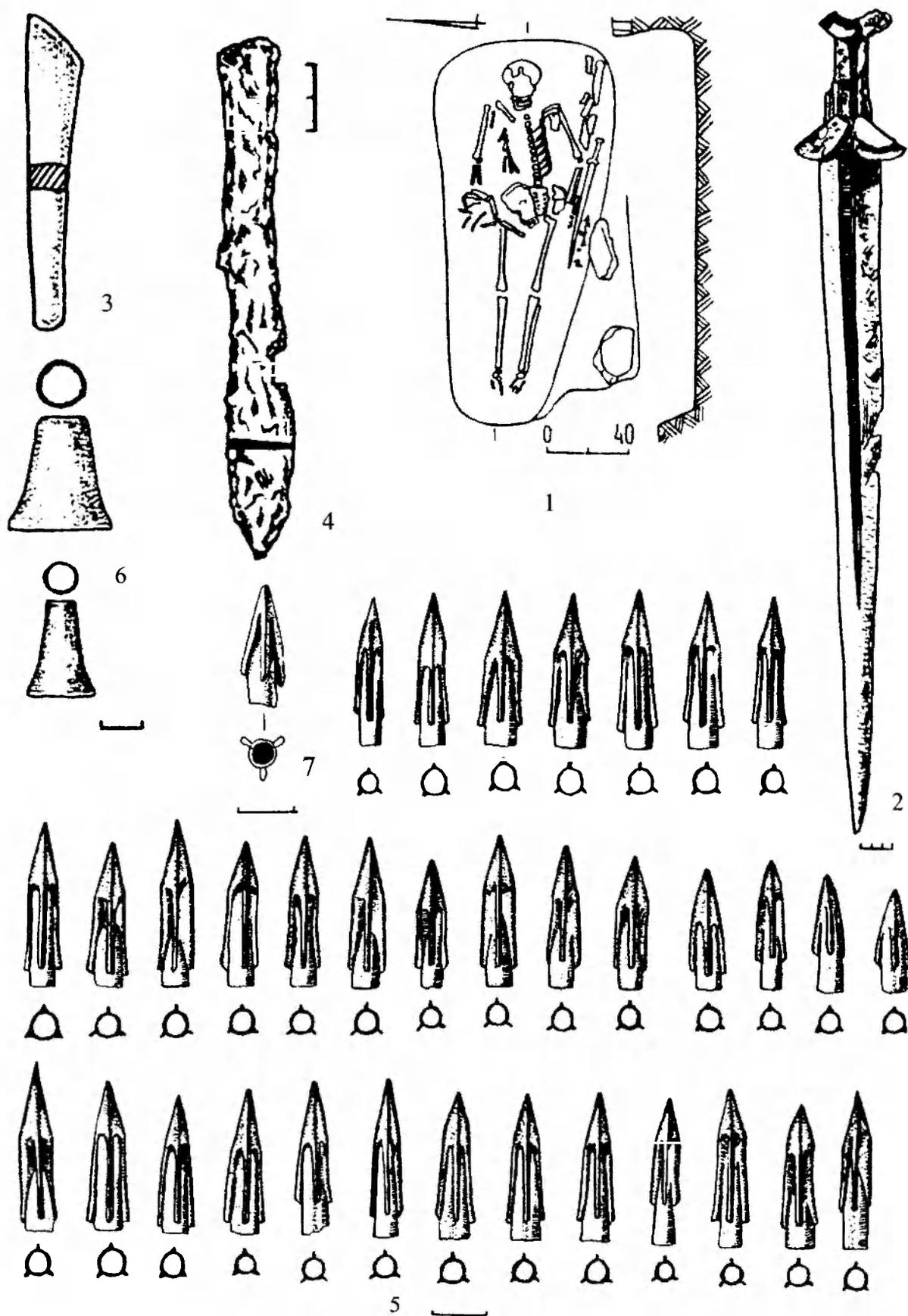

Рис. 20. 1 – 6 – Погребение Суворовское 16/9. 7 – наконечник стрелы из погребения Суворовское 20/3.

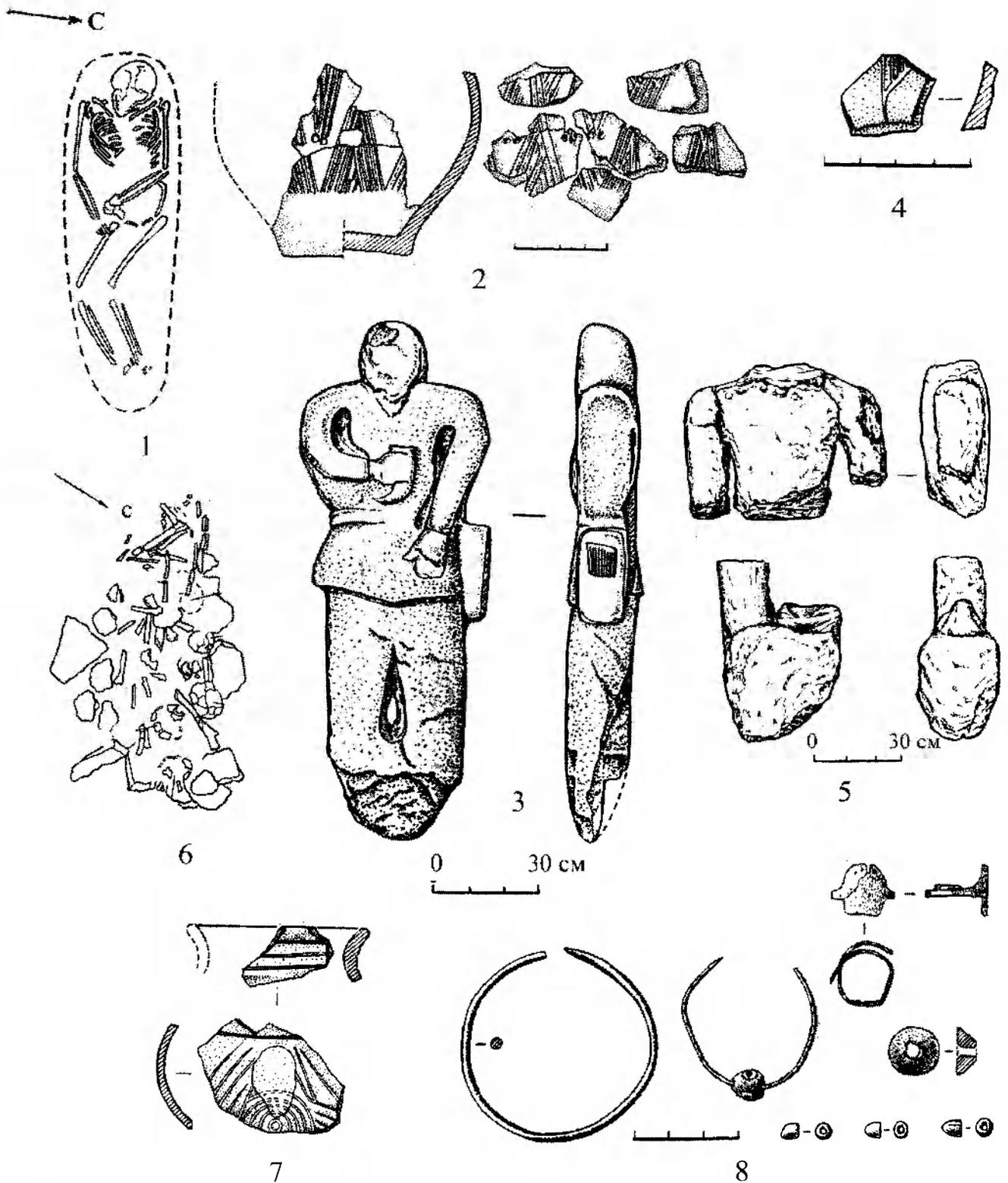

Рис. 21. 1 – 2 – Погребение Колоски 1/2. 3 – Изваяние из насыпи кургана Колоски 1. 4 – 5 - Находки из кургана Колоски 4. 6 – 8 – Погребение Колоски 5/3.

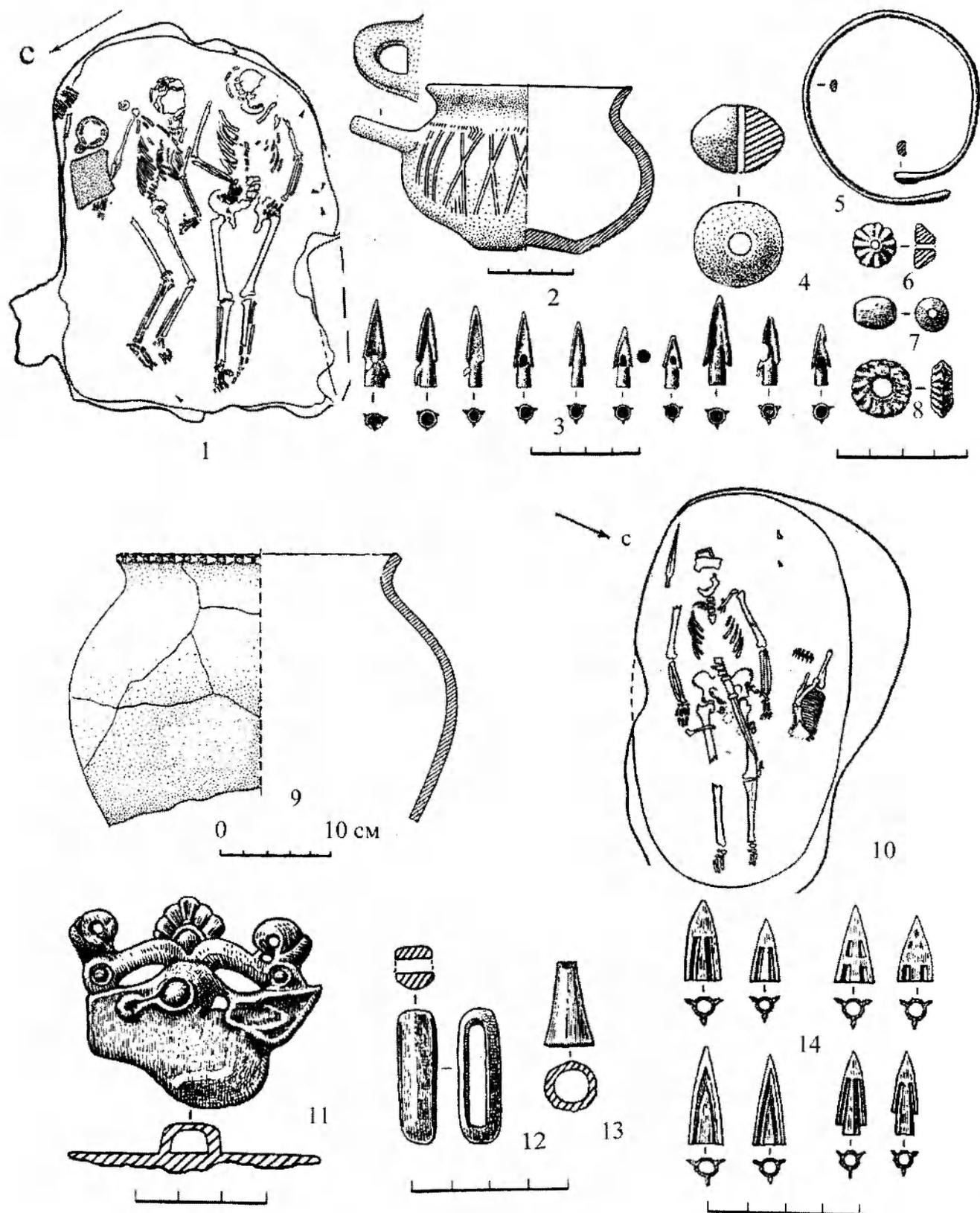
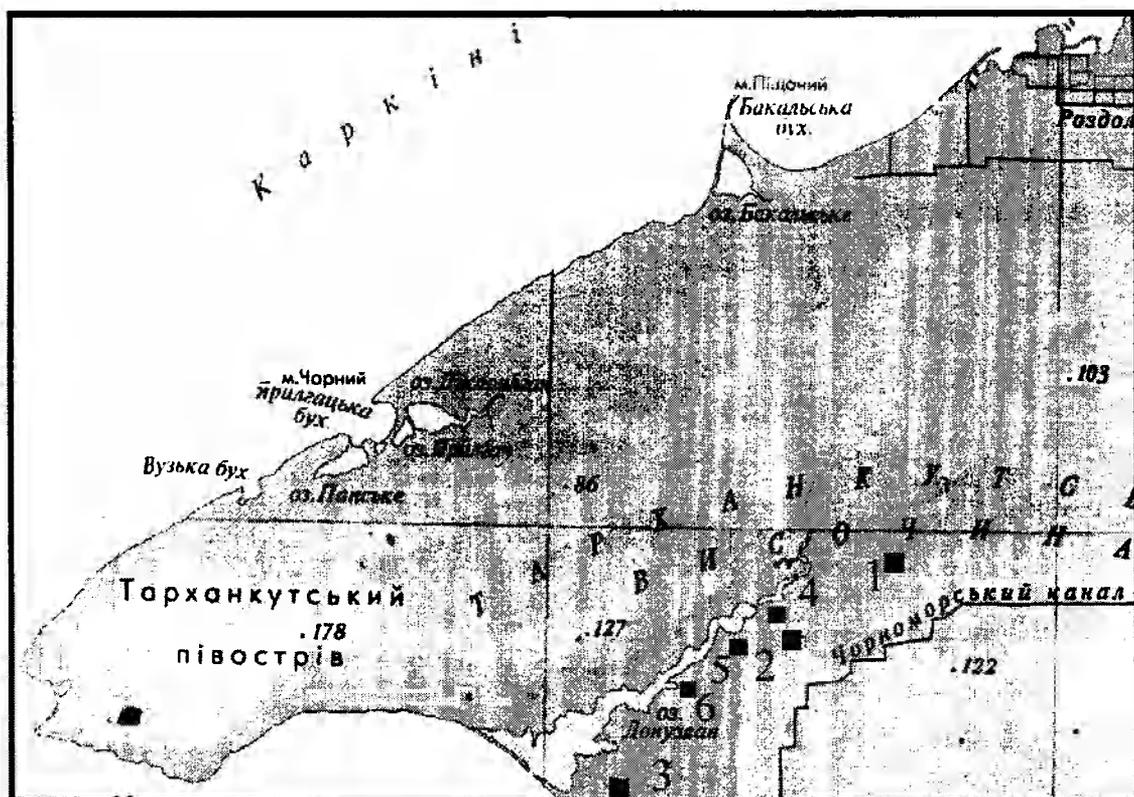

Рис. 22. 1 – 8 – Погребение Колоски 5/5. 9 – Фрагмент горшка из ровика кургана Колоски 4. 10 – 14 – Погребение в кургане Колоски 7.

1

2

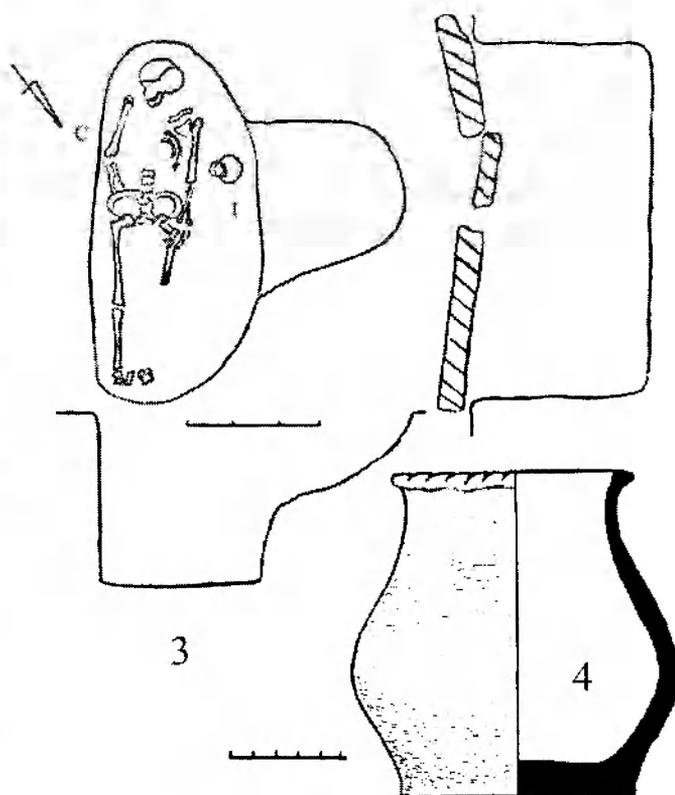
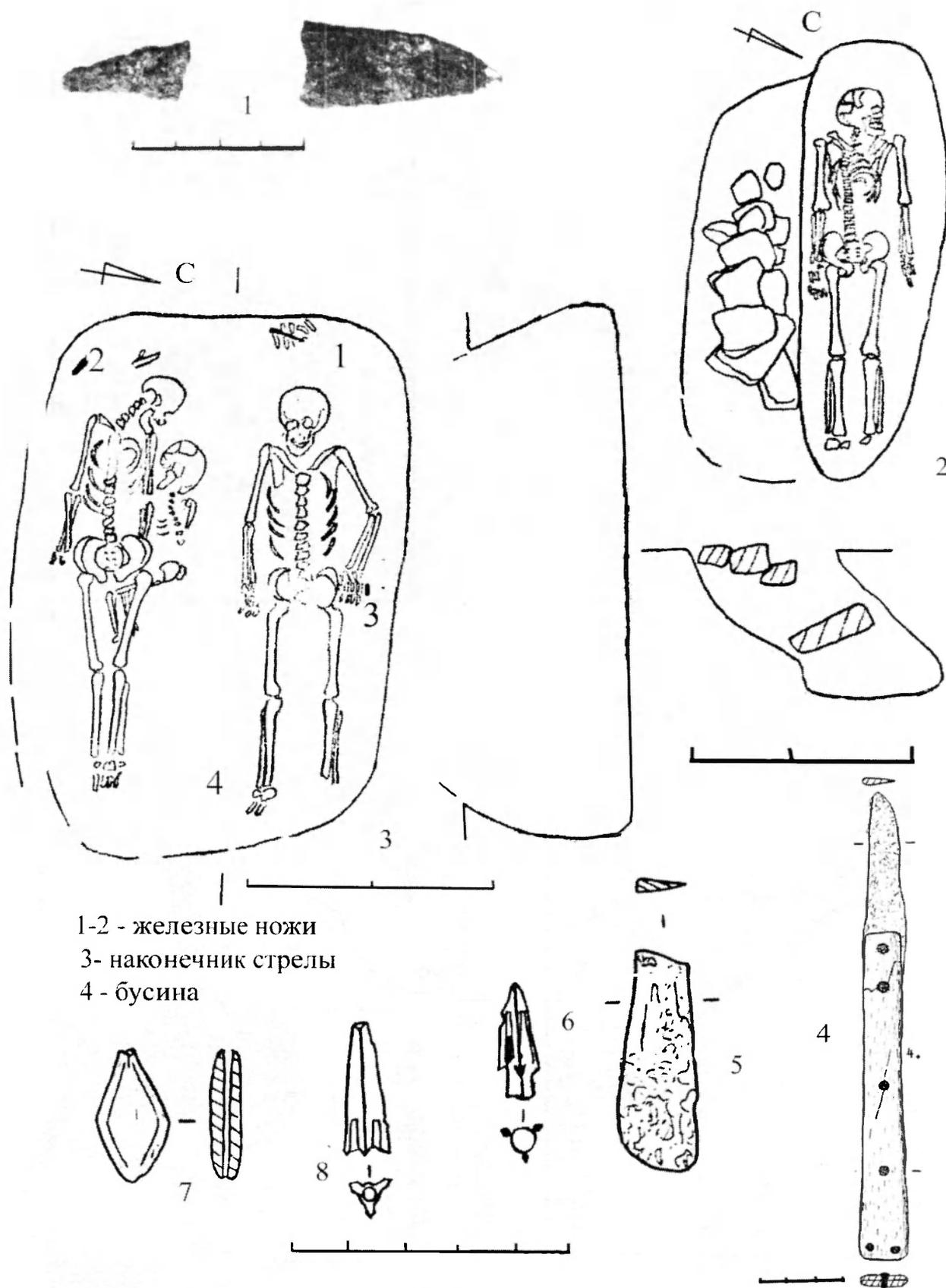

Рис. 23. 1 – Кургани к югу від оз. Доулаван (1 – Солдатово – Шалаші, 2 – Нагашино – Чернушки – Веселівка, 3 – Крыловка, 4 – Снежное Сакського р-на, 5 – Белоглинка, 6 – Новоозерне). 2 – Кургани у сел Солдатово – Шалаші, план. 3 – Погребення Солдатово 1/1.

1-2 - железные ножи
 3- наконечник стрелы
 4 - бусина

Рис. 24. 1 – Нож из погребения Солдатово – Шалаши 4/6. 2 – Погребение Солдатово – Шалаши 4/8.
 3 – 6 – Погребение Солдатово – Шалаши 6/2. 7 – Бусина из кургана Солдатово – Шалаши 7.
 8 – Наконечник стрелы из кургана Солдатово – Шалаши 9.

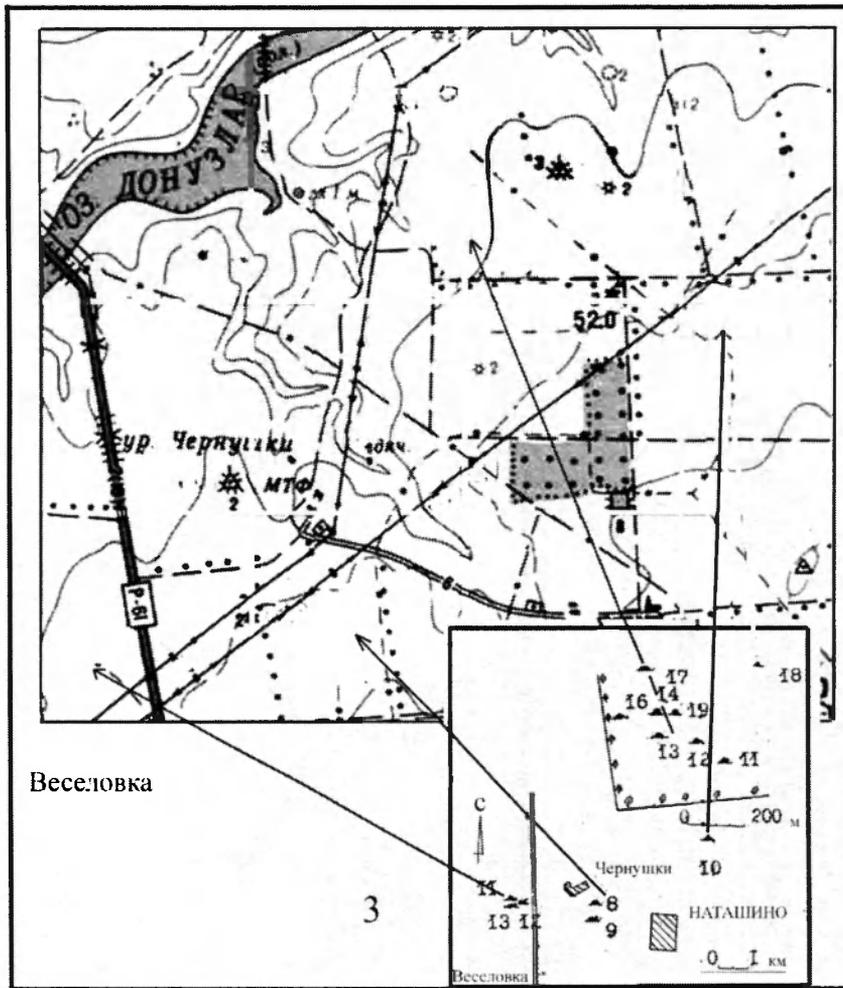
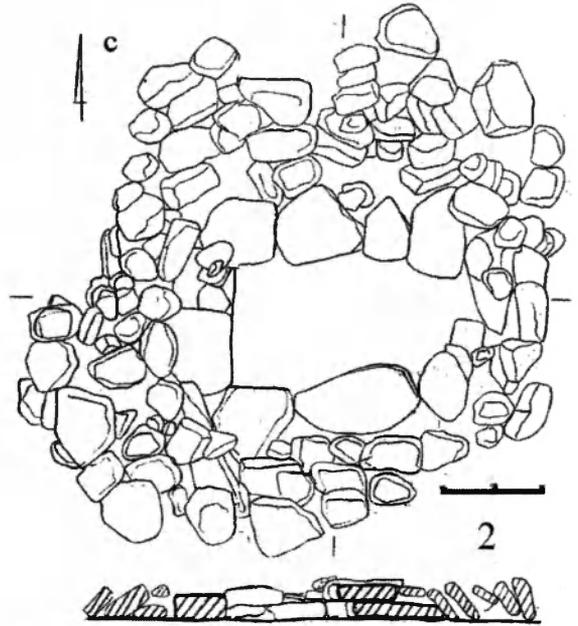
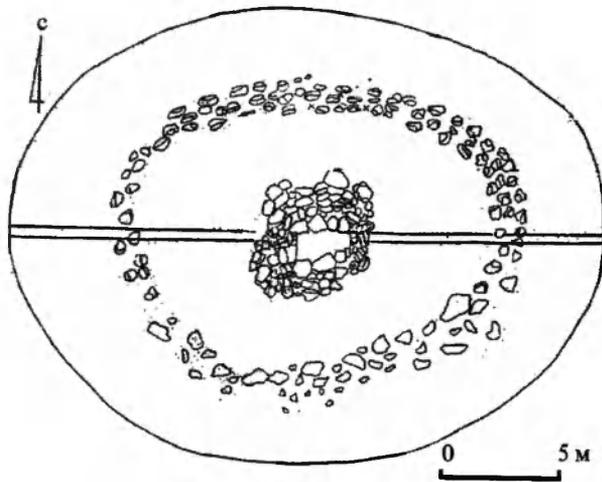

Рис. 25. 1 – План кургана Солдатово – Шалаши 7. 2 – Погребение Солдатово – Шалаши 7/1. 3 – Курганы у сел Натасино, Чернушки, Веселовка.

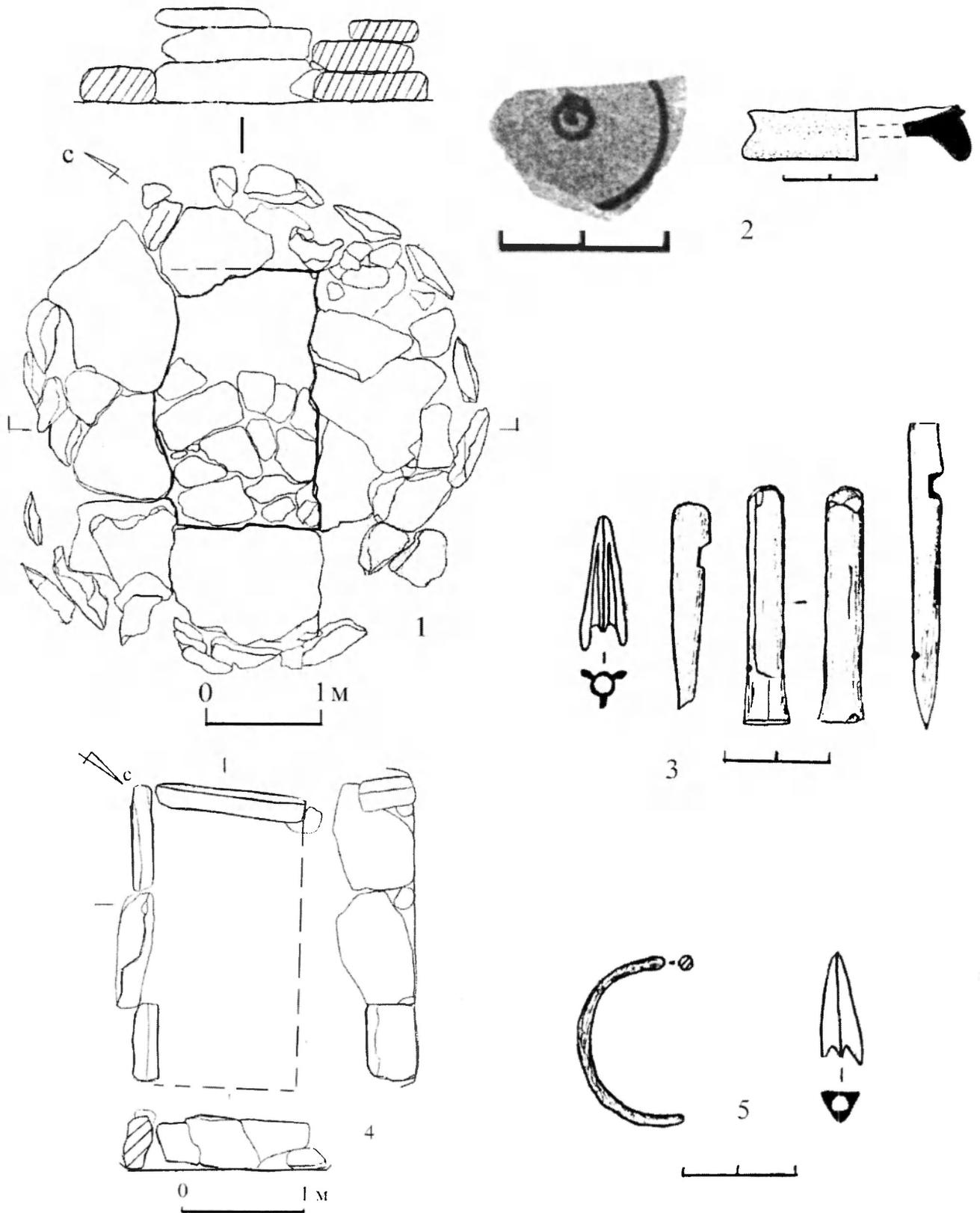
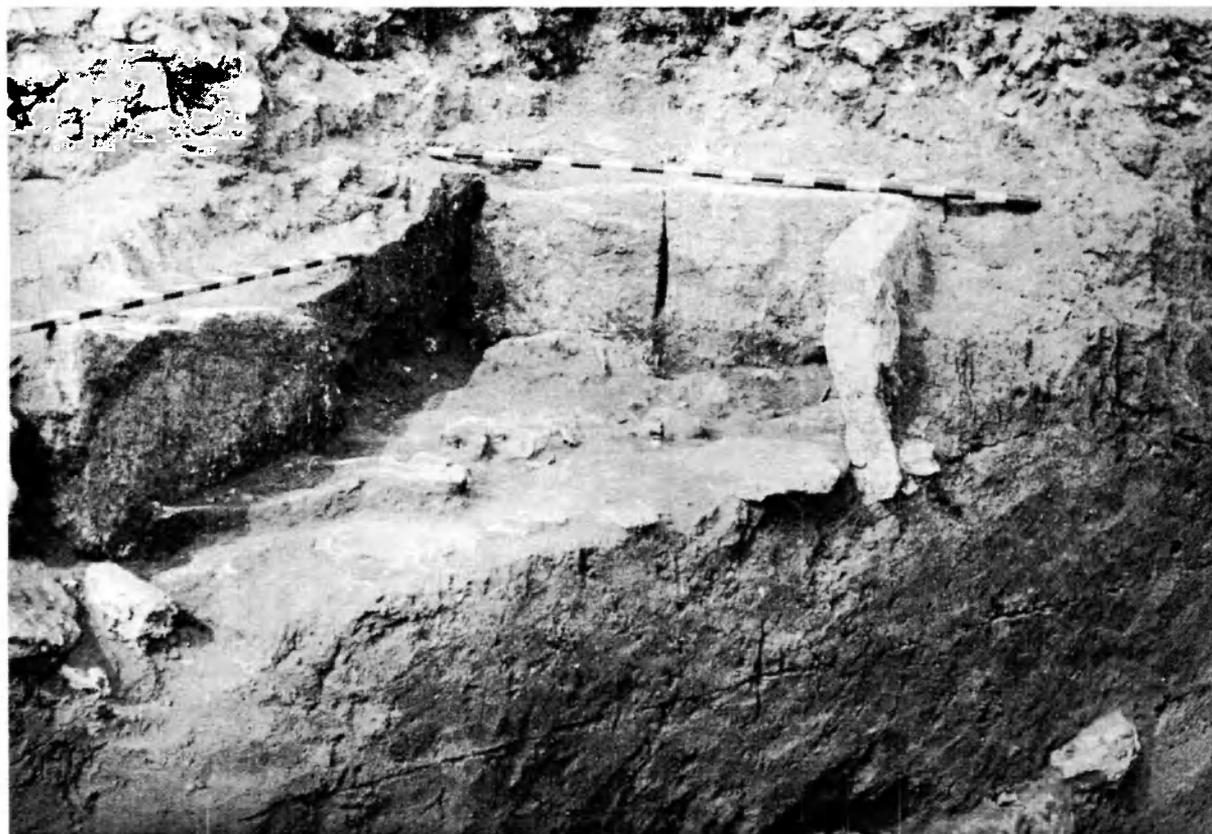
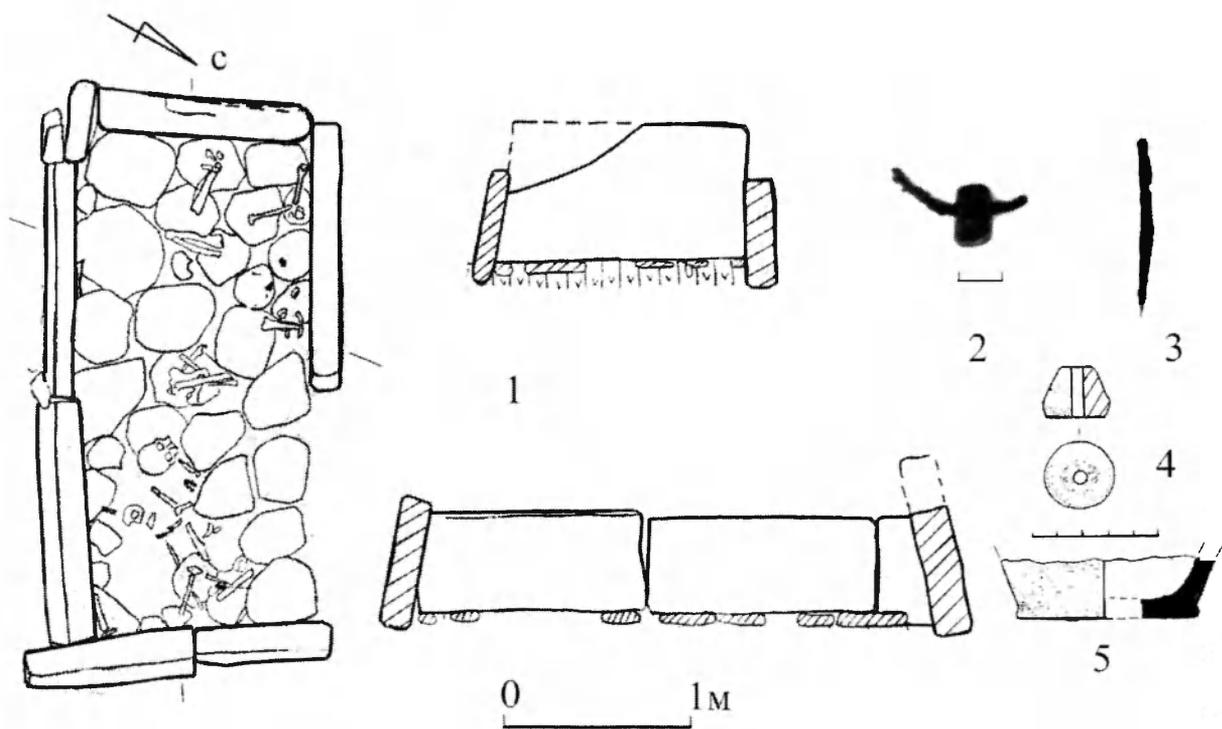

Рис. 26. 1 – 3 – Погребение Наташино – Чернушки 11/1. 4 – 5 – Погребение Наташино – Чернушки 12/1.

6

Рис. 27. 1 – 6 – Погребение в кургане Наташино – Чернушки 13.

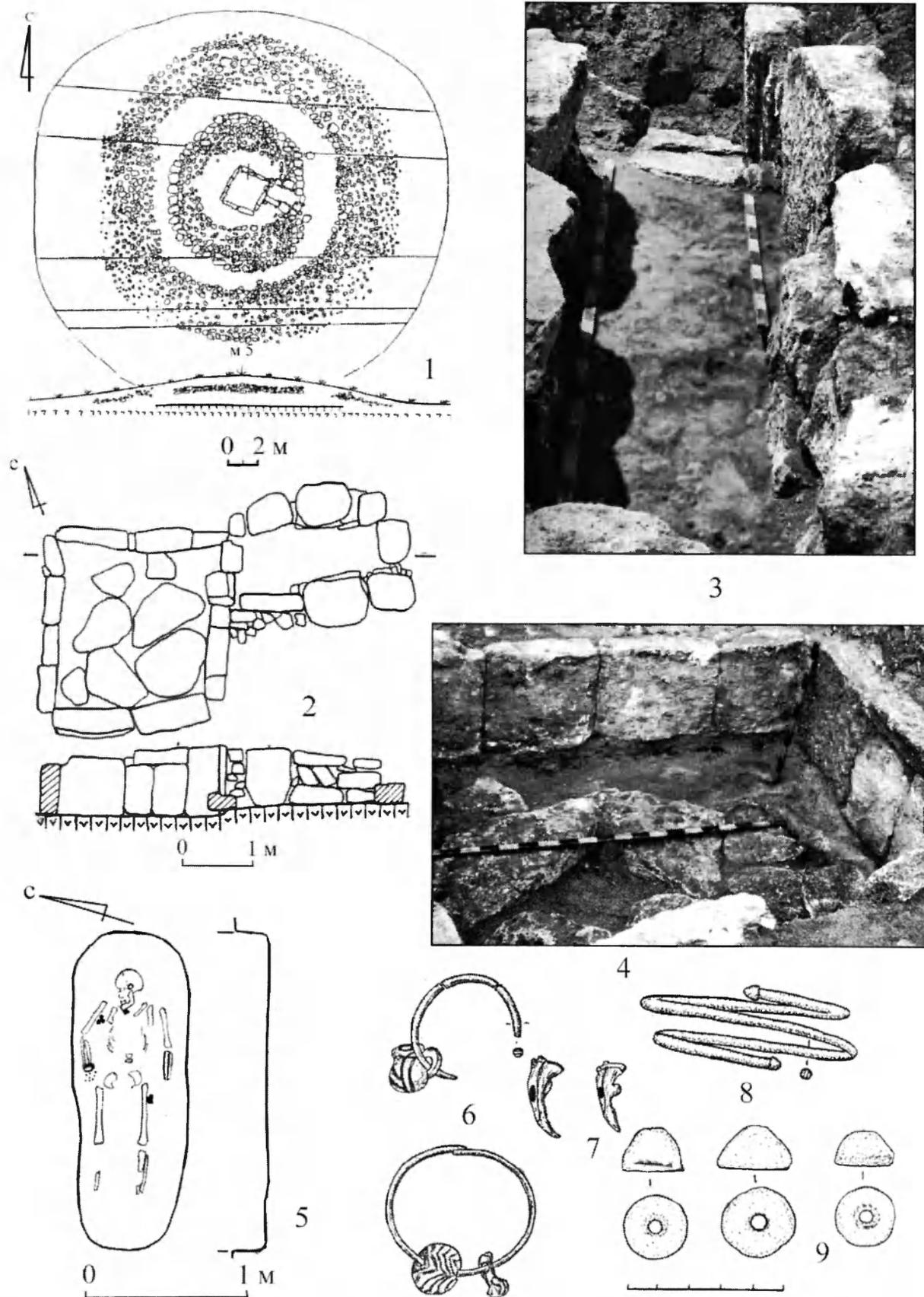

Рис. 28. 1 – Курган Наташино – Чернушки 18. 2 – 4 – Склеп в кургане 18. 5 – 9 – Погребение Наташино – Чернушки 18/5.

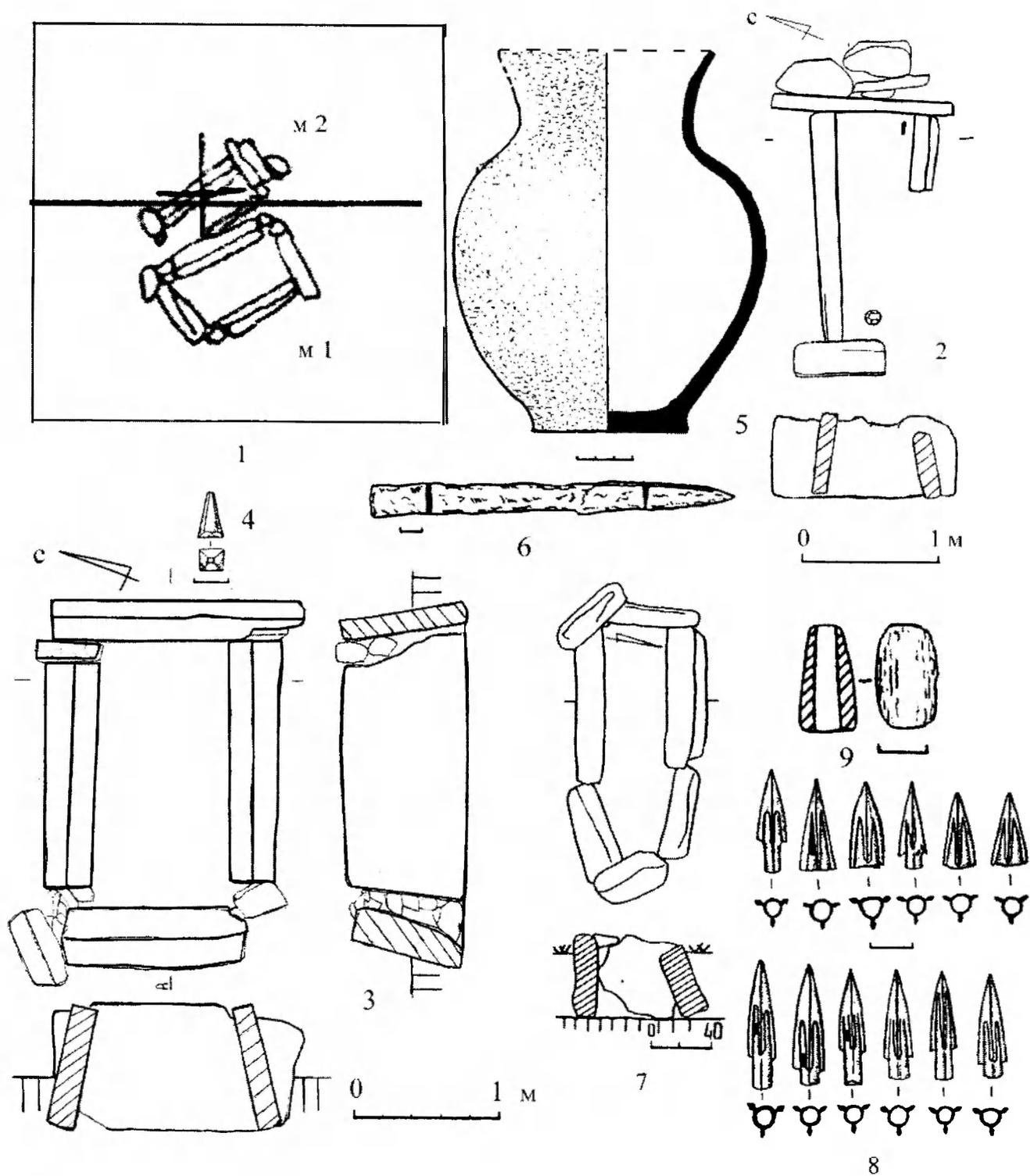

Рис. 29. 1 – Расположение каменных ящиков в кургане Наташино – Чернушки 15. 2, 5, 6 – Погребение Наташино – Чернушки 15/2. 3, 4 – Погребение Наташино – Чернушки 15/1. 7 – 9 – Погребение Снежное (Сакский район).

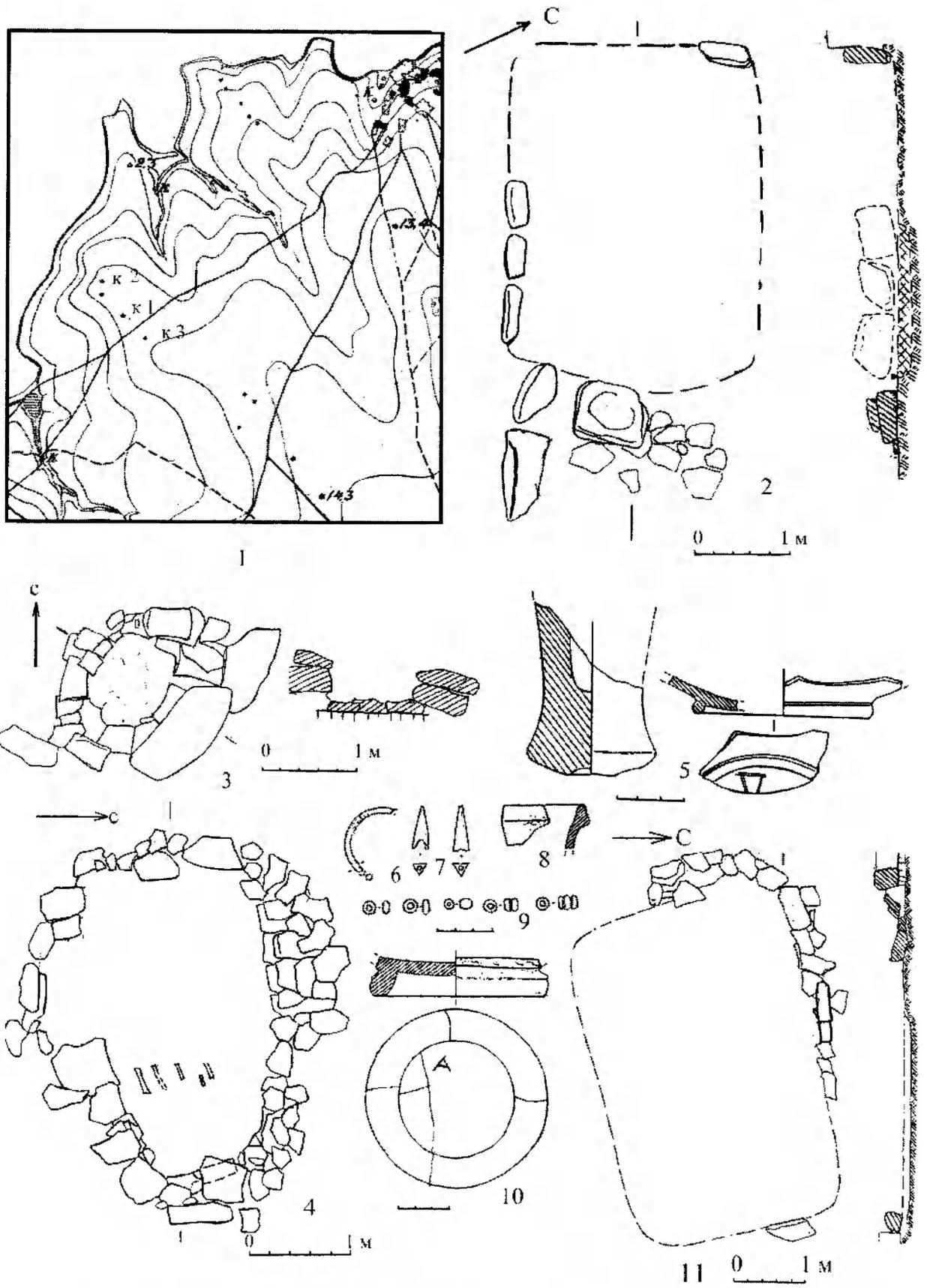

Рис. 30. 1 – Курганы у Новоозерного на основе карты М 1 : 42000. 2, 5 – Погребение Новоозерное 1/1. 3 – Погребение Новоозерное 1/2. 4 – Погребение Новоозерное 2/1. 6 – 11 – Погребение Новоозерное 3/1.

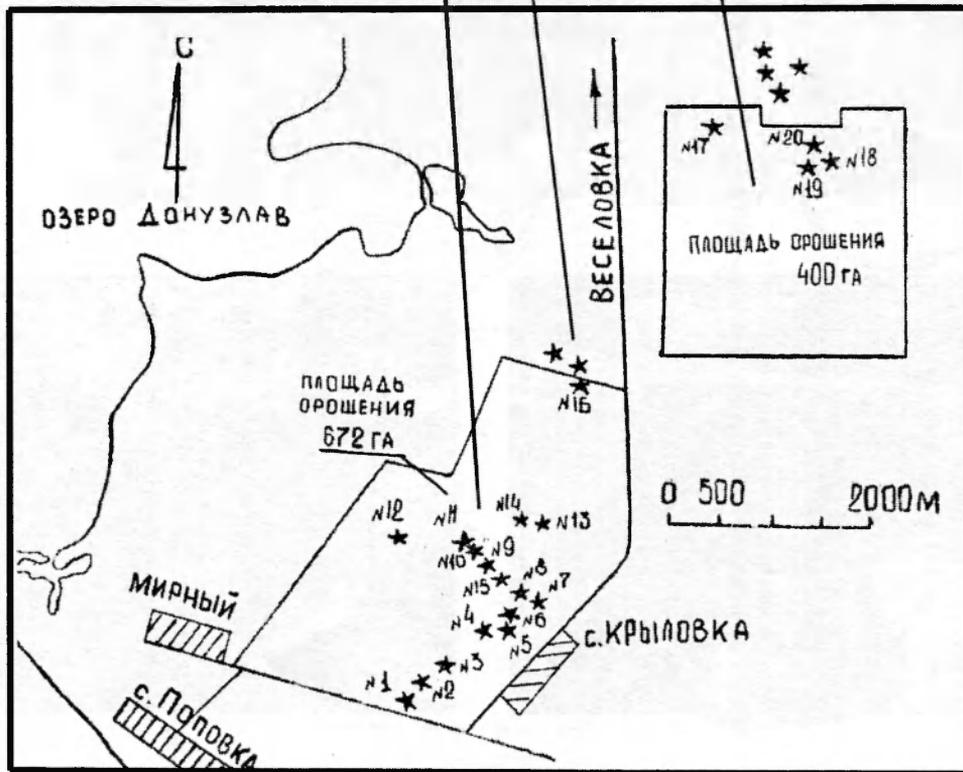
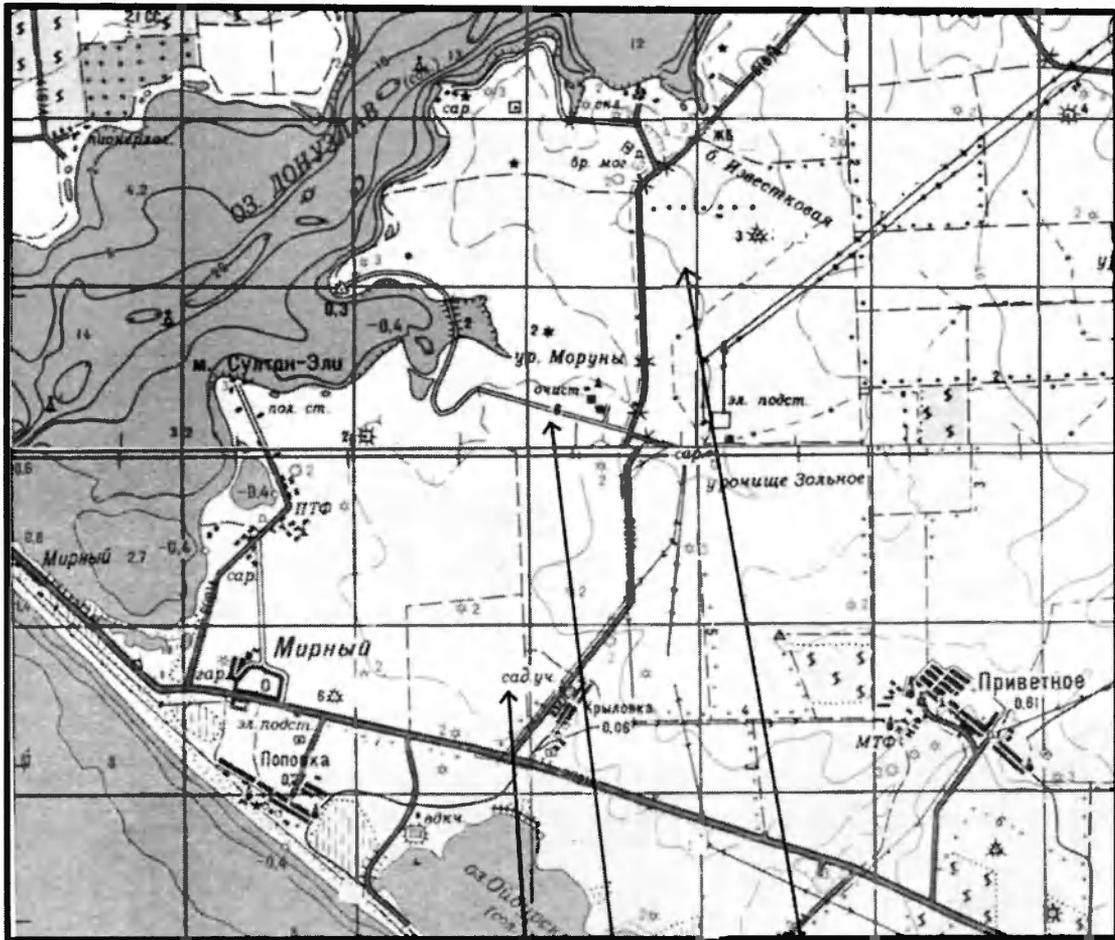
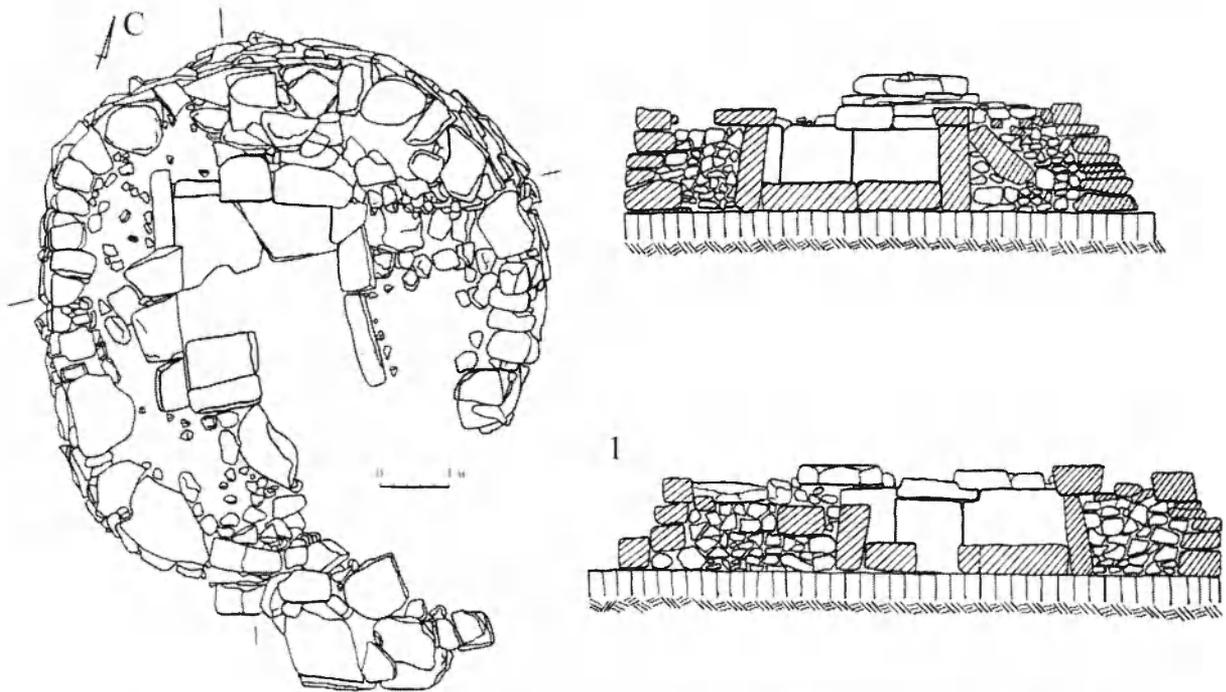

Рис. 31. Курганы у с. Крыловка.

2

3

4

Рис. 32. 1 – Каменная гробница в кургане Крыловка. 2 – Вид с юго-востока. 3 – Северный угол камеры. 4 – Западная стена камеры.

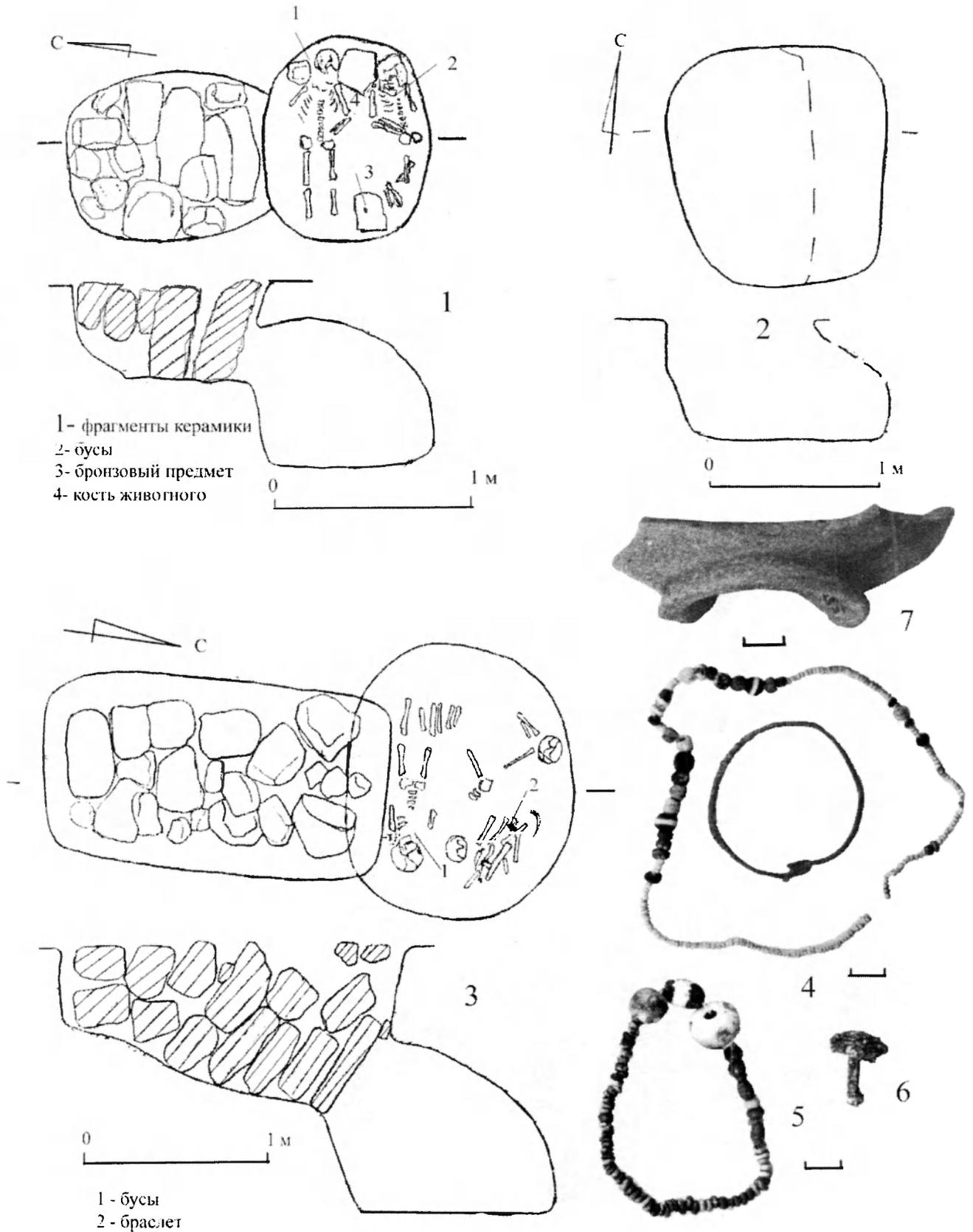

Рис.33. 1 – 5, 6 – Погребение Крыловка 1/5. 2 – Погребение Крыловка 1/3. 3, 4 – Погребение Крыловка 1/2. 7 – фрагмент чаши из основного погребения кургана Крыловка 1.

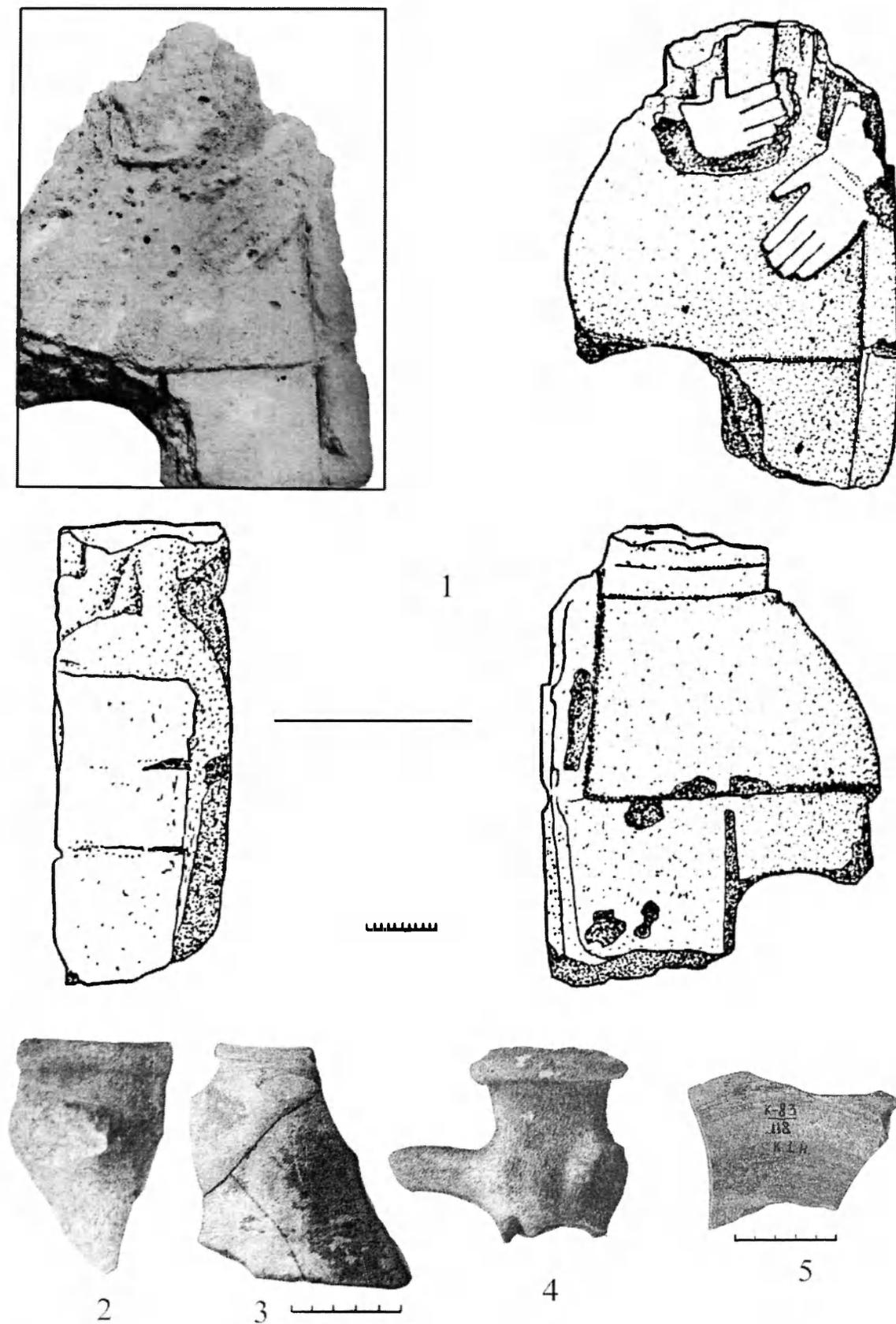

Рис. 34. 1 – Фрагмент изваяния из кургана Крыловка 1. 2 – 5 – Обломки сосудов из кургана Крыловка 1.

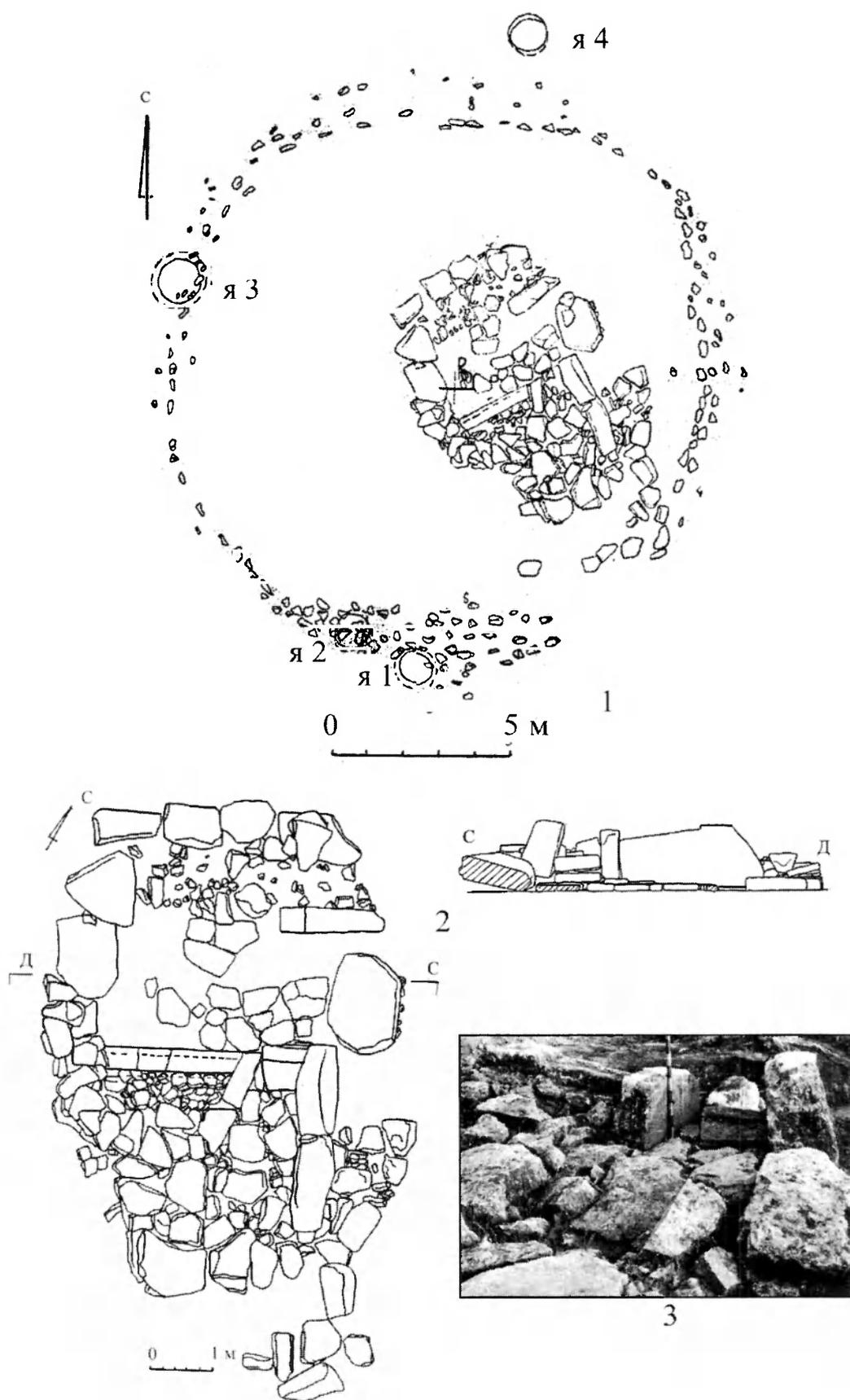

Рис. 35. 1 – Сооружения кургана Крыловка 2. 2 – Основное погребение кургана Крыловка 2. 3 – Дромос, вид с юго-востока.

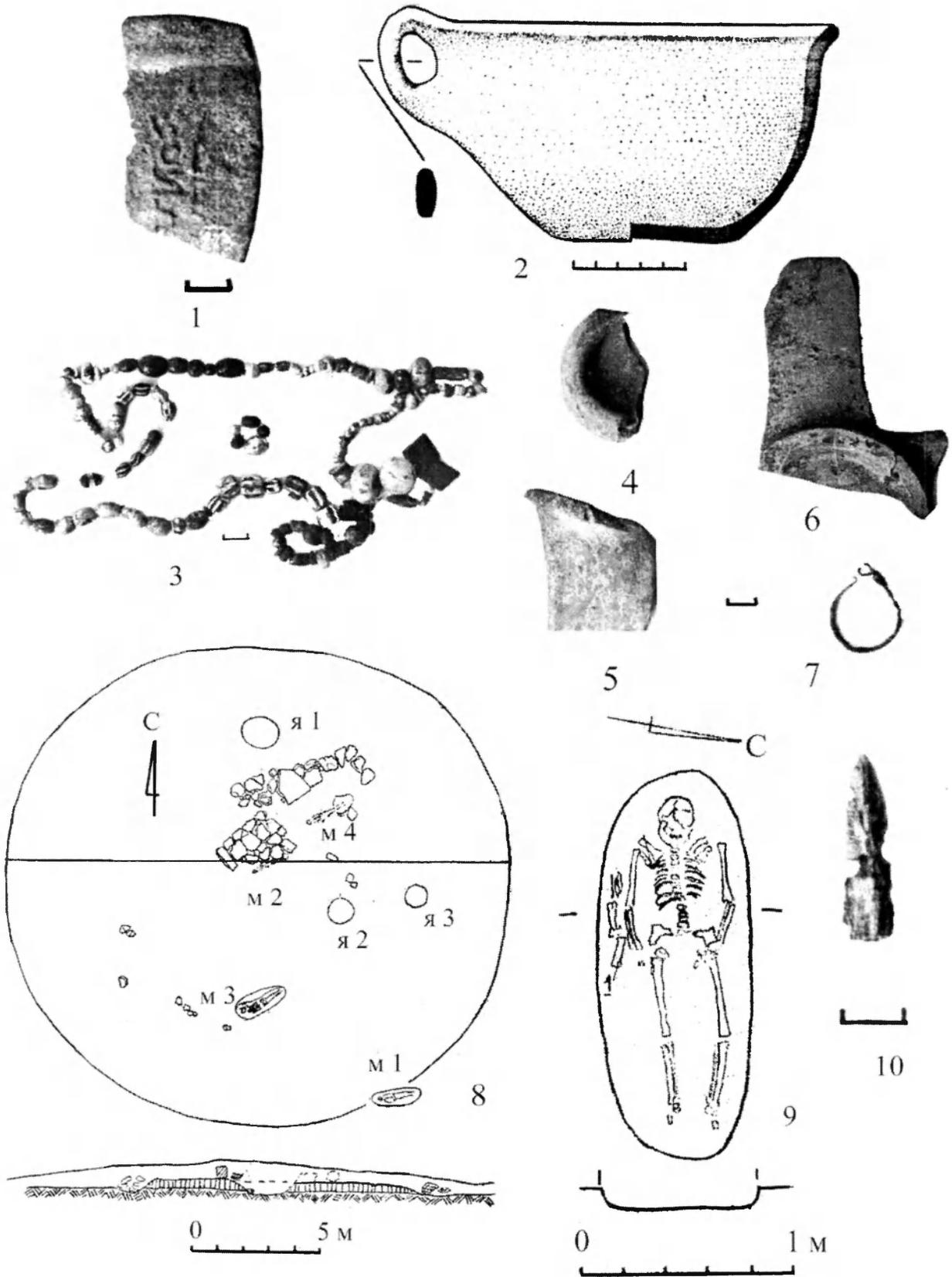

Рис. 36. 1 – 7 – Находки из каменной гробницы кургана Крыловка 2. 8 – План кургана Крыловка 3. 9, 10 – Погребение Крыловка 3/1.

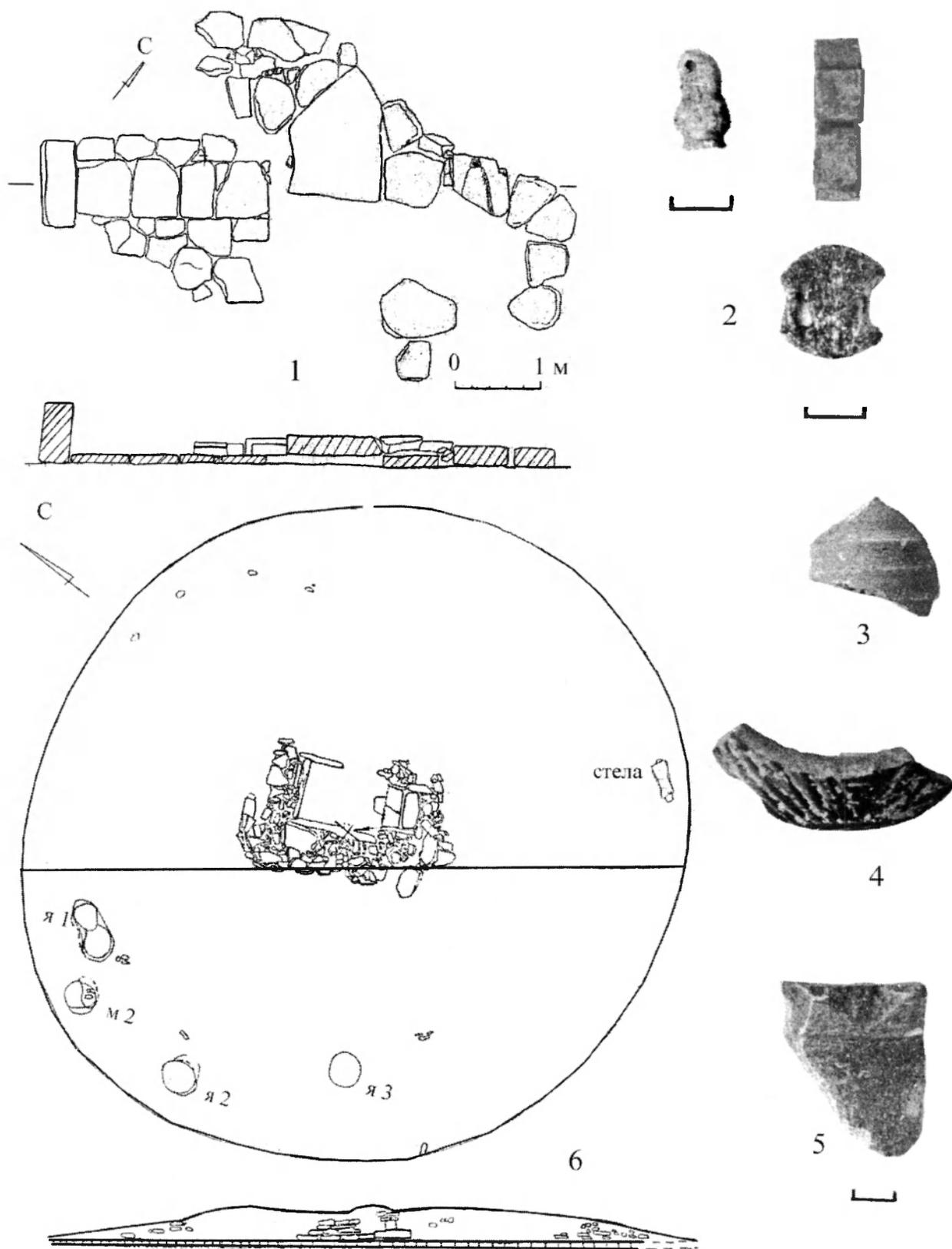

Рис. 37. 1 – Остатки каменной гробницы из кургана Крыловка 3. 2 – 5 – Находки из кургана Крыловка 3. 6 – курган Крыловка 6.

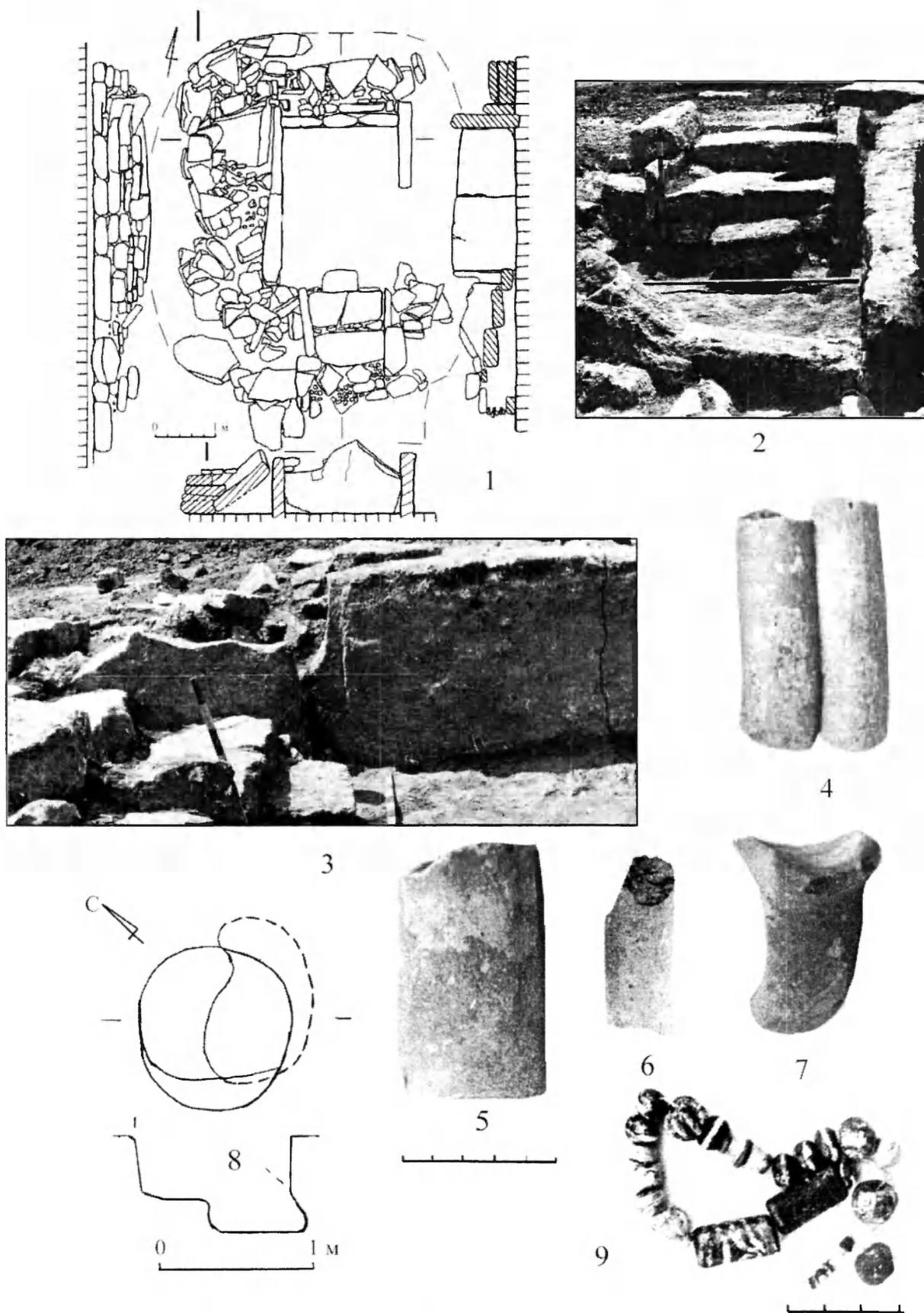

Рис. 38. 1 – 3 – Основная гробница кургана Крыловка 4. 4 – 7 – находки из склепа в кургане Крыловка 4. 8, 9 – Погребение Крыловка 4/2.

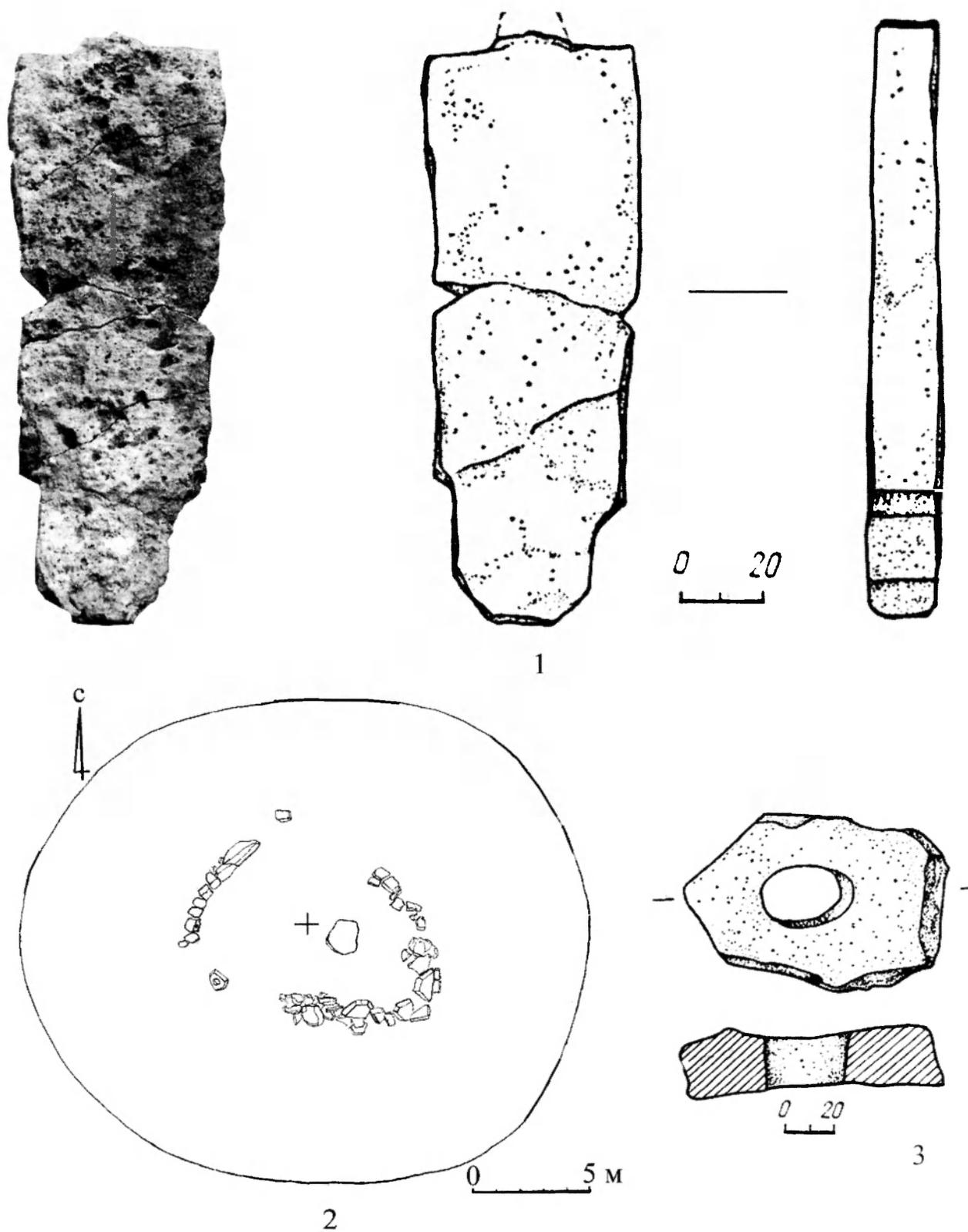

Рис. 39. 1 – Антропоморфная стела из кургана Крыловка 4. 2 – План кургана Крыловка 19.
3 – База стелы из кургана Крыловка 19.

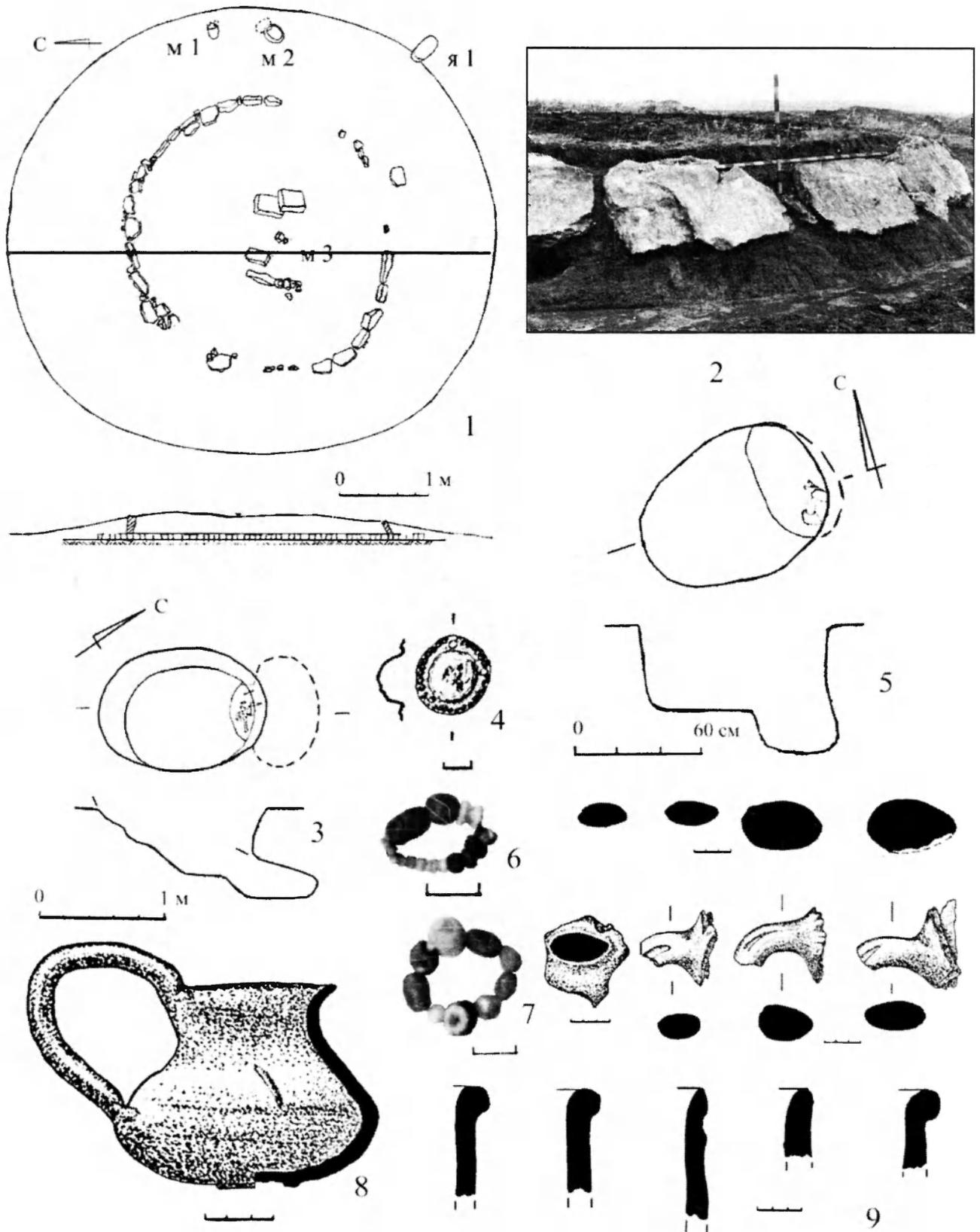

Рис. 40. 1 – Курган Крыловка 5. 2 – Крепида кургана Крыловка 5. 3, 7, 8 – Погребение Крыловка 5/3. 4 – Золотая бляшка из насыпи кургана Крыловка 5. 5 – Погребение Крыловка 5/1. 6 – Бусы из насыпи кургана Крыловка 5. 9 – Фрагменты амфор из насыпи кургана Крыловка 5.

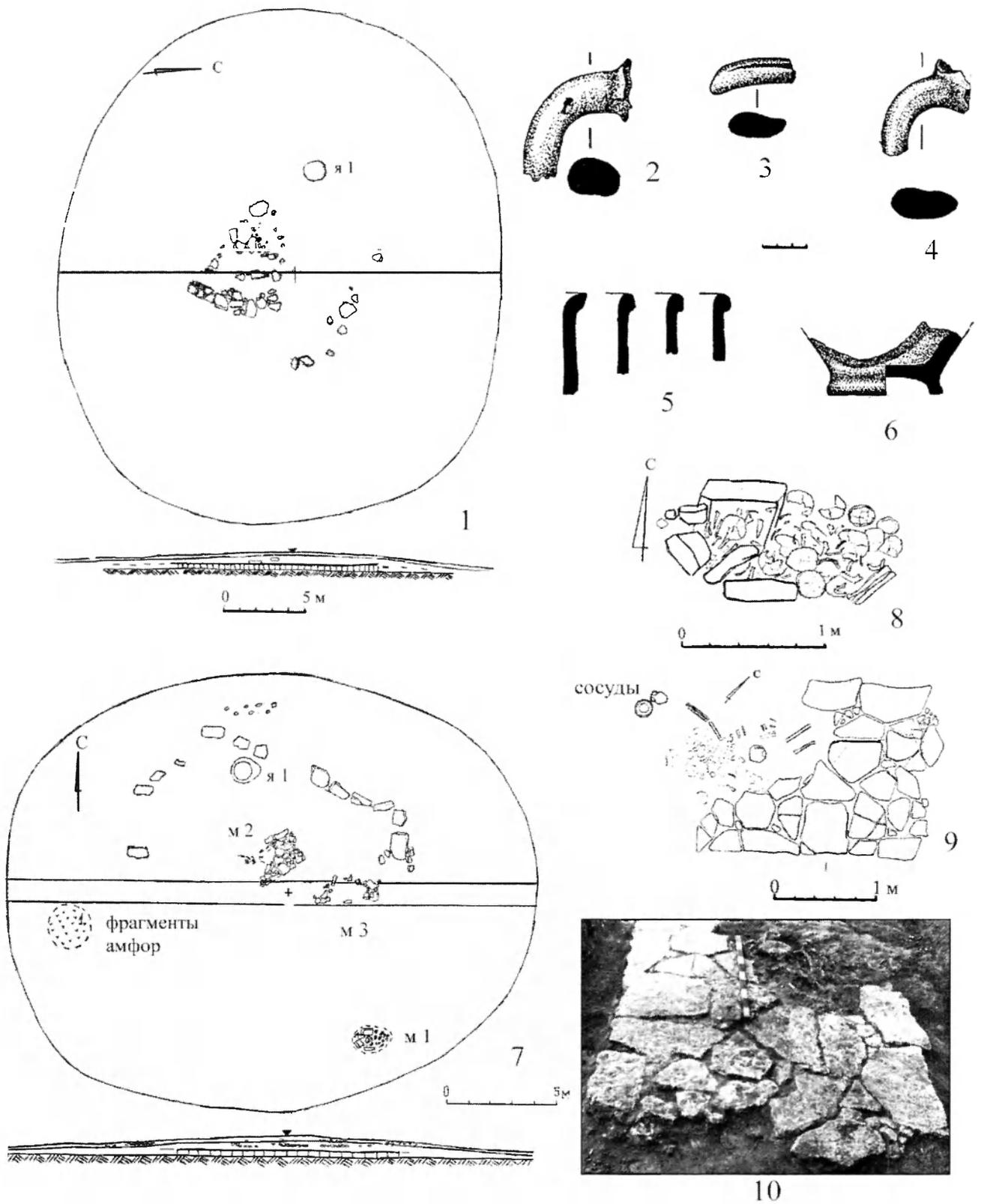

Рис. 41. 1 – План кургана Крыловка 6. 2 – 6 – Фрагменты сосудов из кургана Крыловка 6. 7 – План кургана Крыловка 7. 8 – Могила Крыловка 7/1. 9, 10 – остатки гробницы Крыловка 7/2.

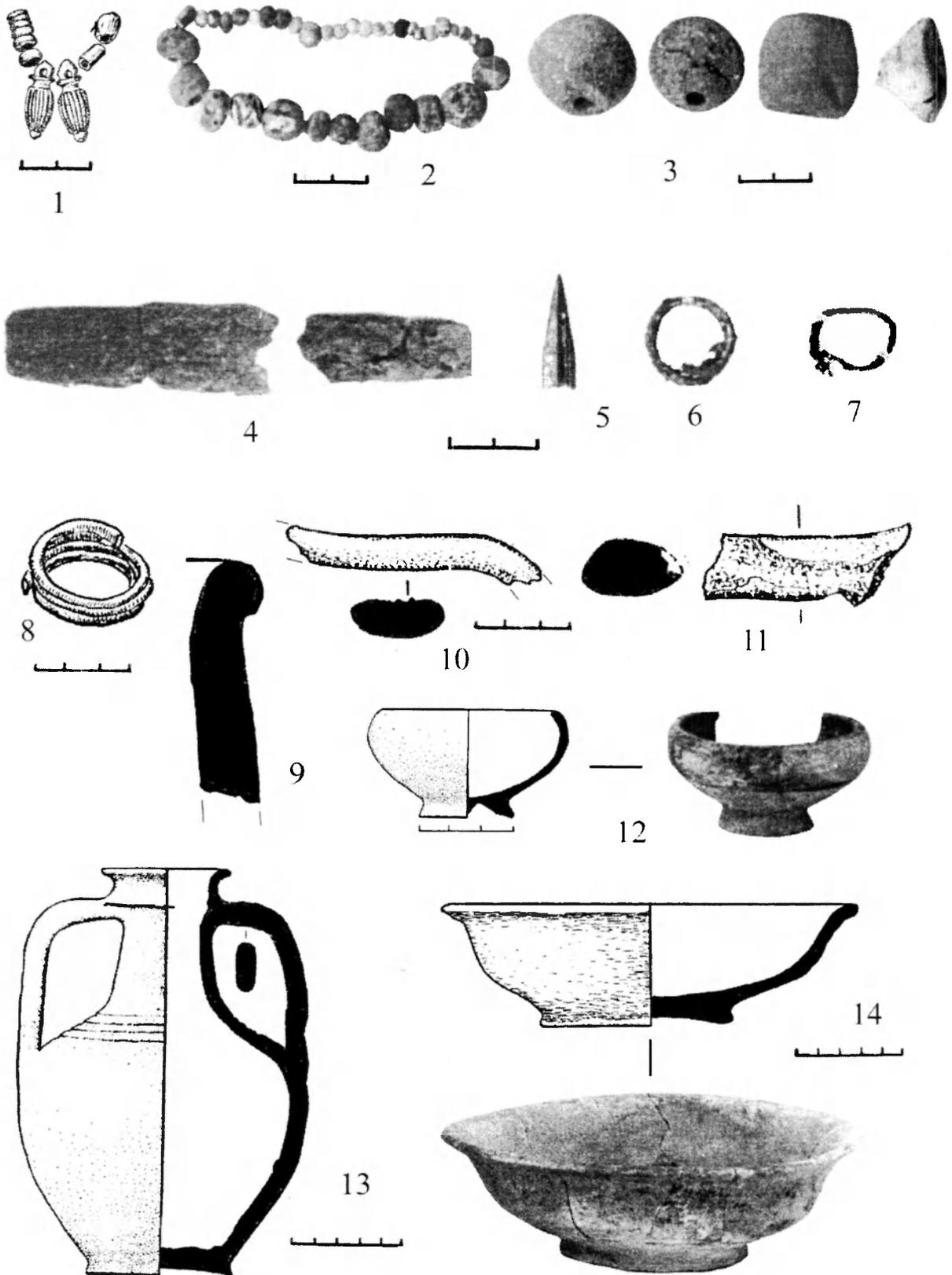

Рис. 42. 1 – Бусы и подвески из кургана Крыловка 7. 2 – 9, 11, 12 – Находки из погребения Крыловка 7/2. 10 – ручка сосуда из погребения Крыловка 7/3. 13, 14 – Сосуды из трупосожжения в кургане Крыловка 7.

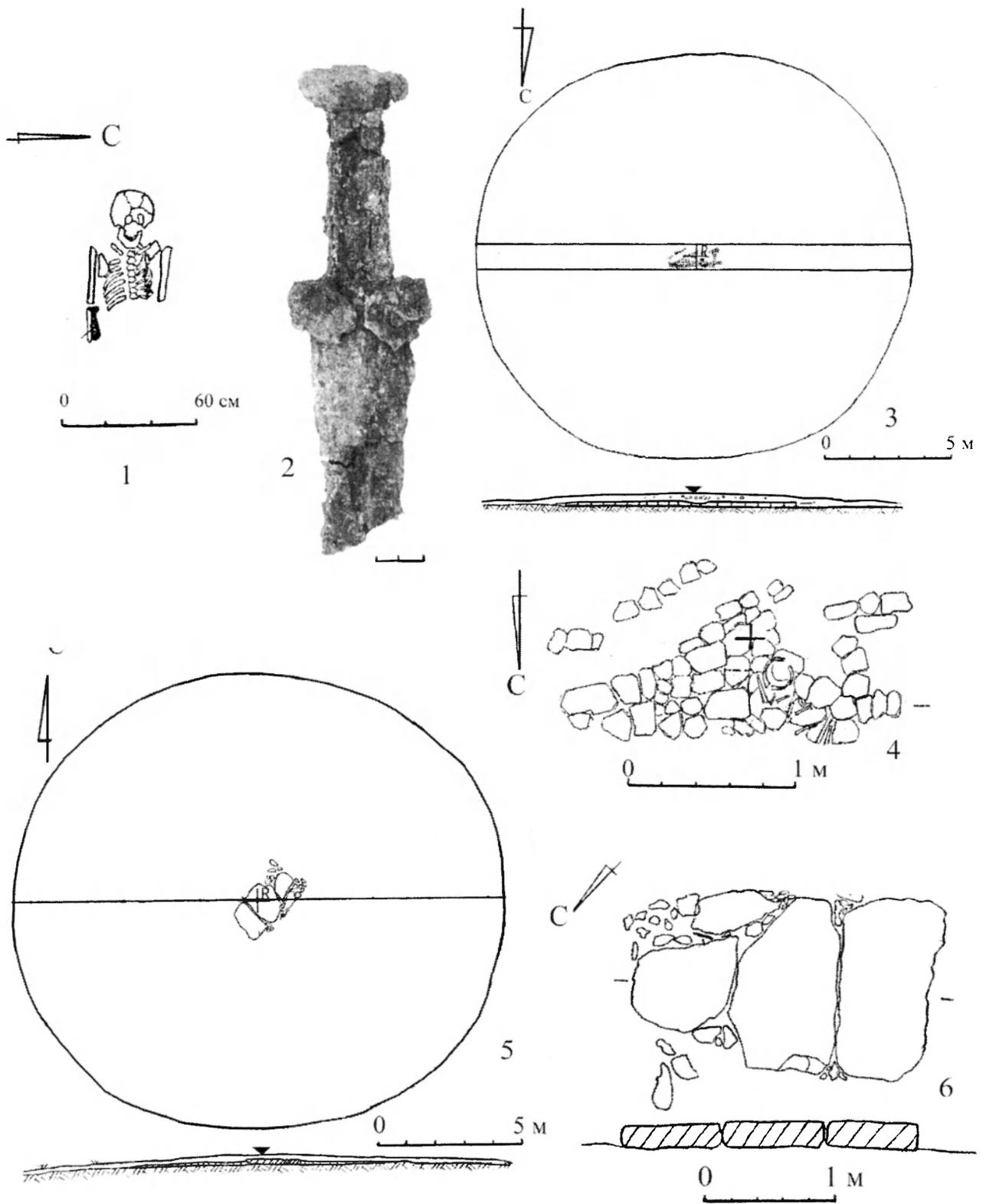

Рис. 43. 1, 2 – Погребение Крыловка 8/4. 3 – План кургана Крыловка 10. 4 – Остатки вымостки каменной гробницы в кургане Крыловка 10. 5 – План кургана Крыловка 11. 6 – Остатки пола гробницы в кургане Крыловка 11.

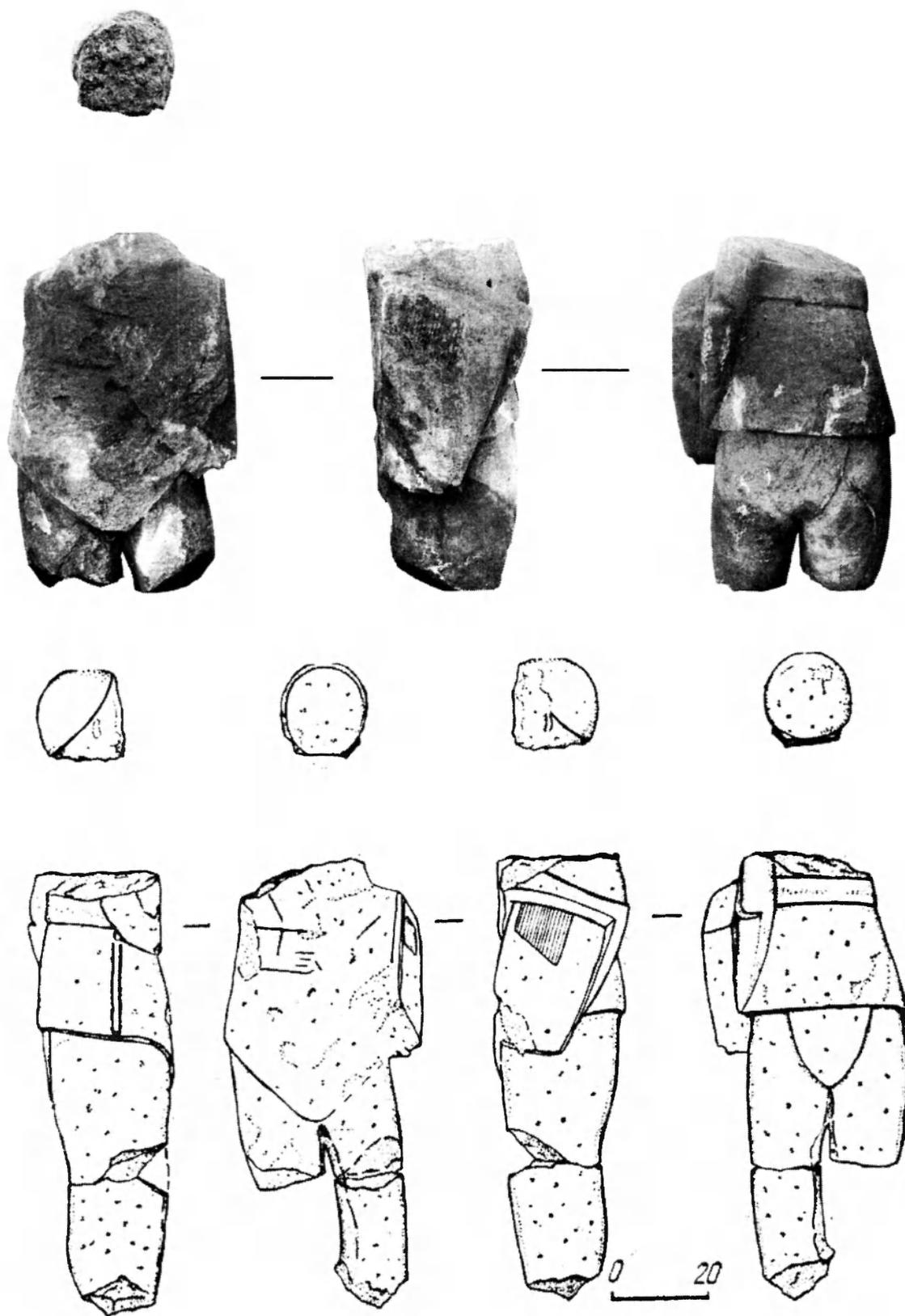

Рис. 44. Каменное изваяние из кургана Крыловка 12.

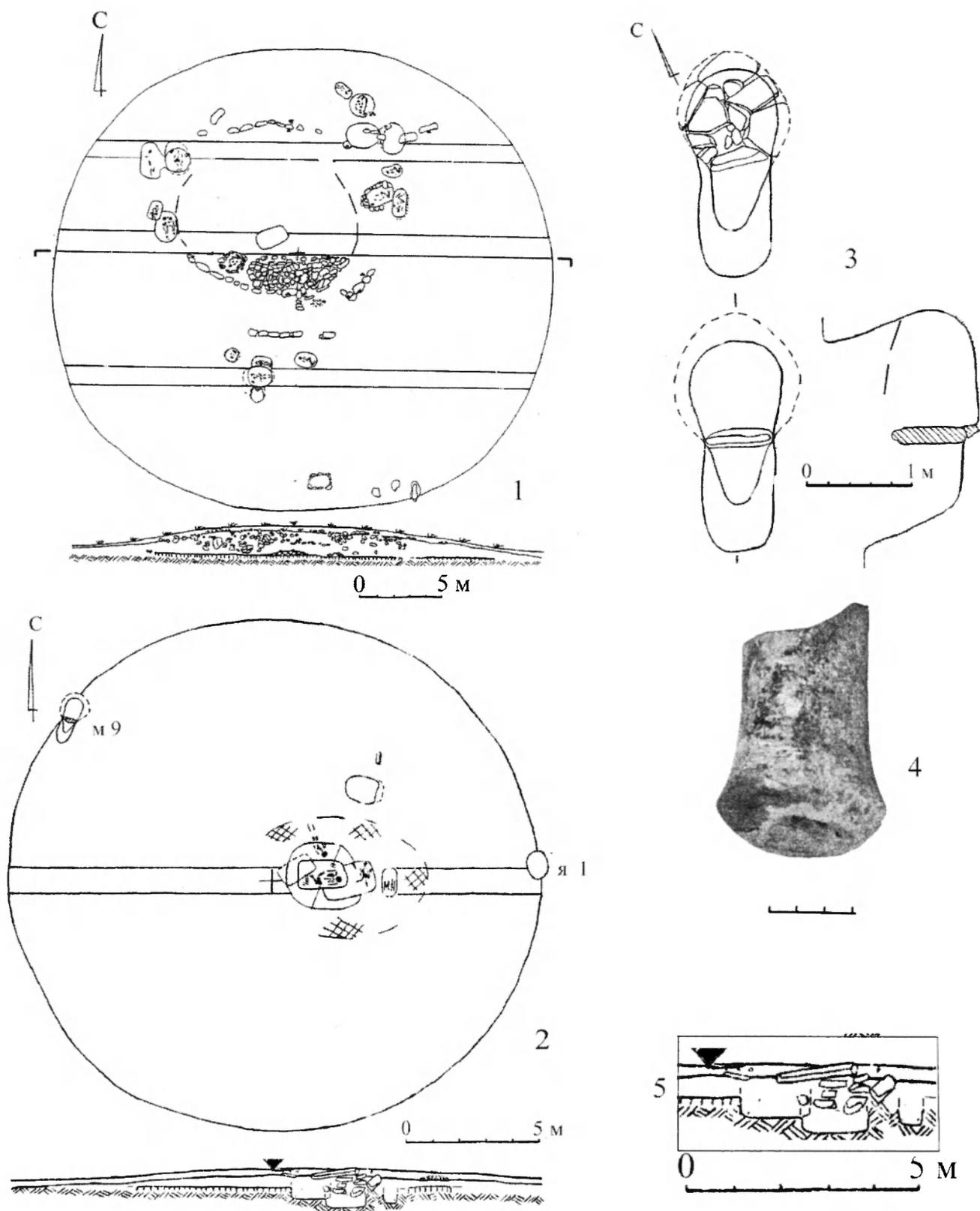

Рис. 45. 1 – Курган Крыловка 13. 2, 5 – Курган Крыловка 14. 3 – Погребение Крыловка 14/9.
4 – Ножка амфоры из кургана Крыловка 14.

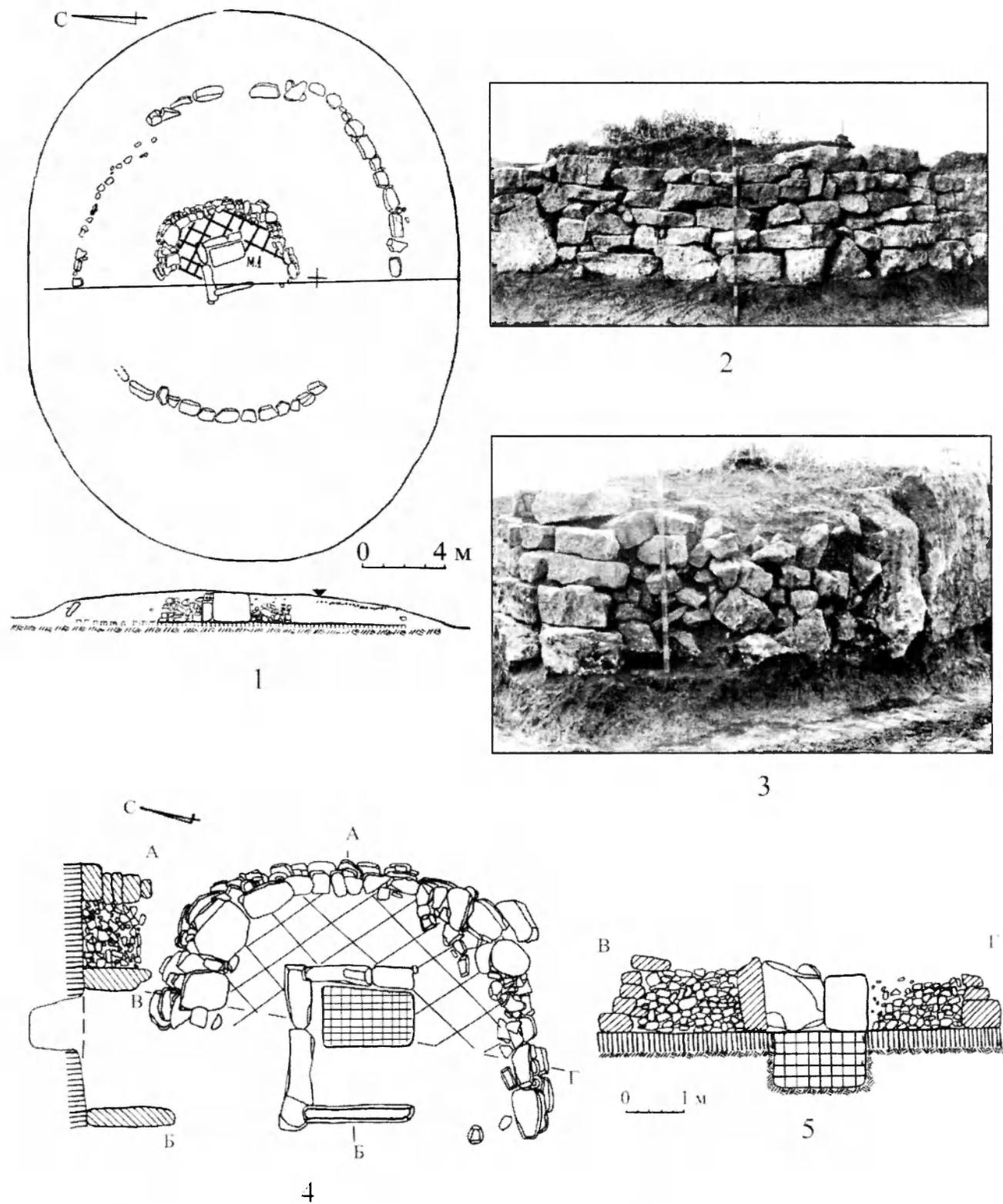

Рис. 46. 1 – Курган Крыловка 16. 2, 3 – Облицовка и забутовка каменной гробницы в кургане 16. 4, 5 – Гробница в кургане 16.

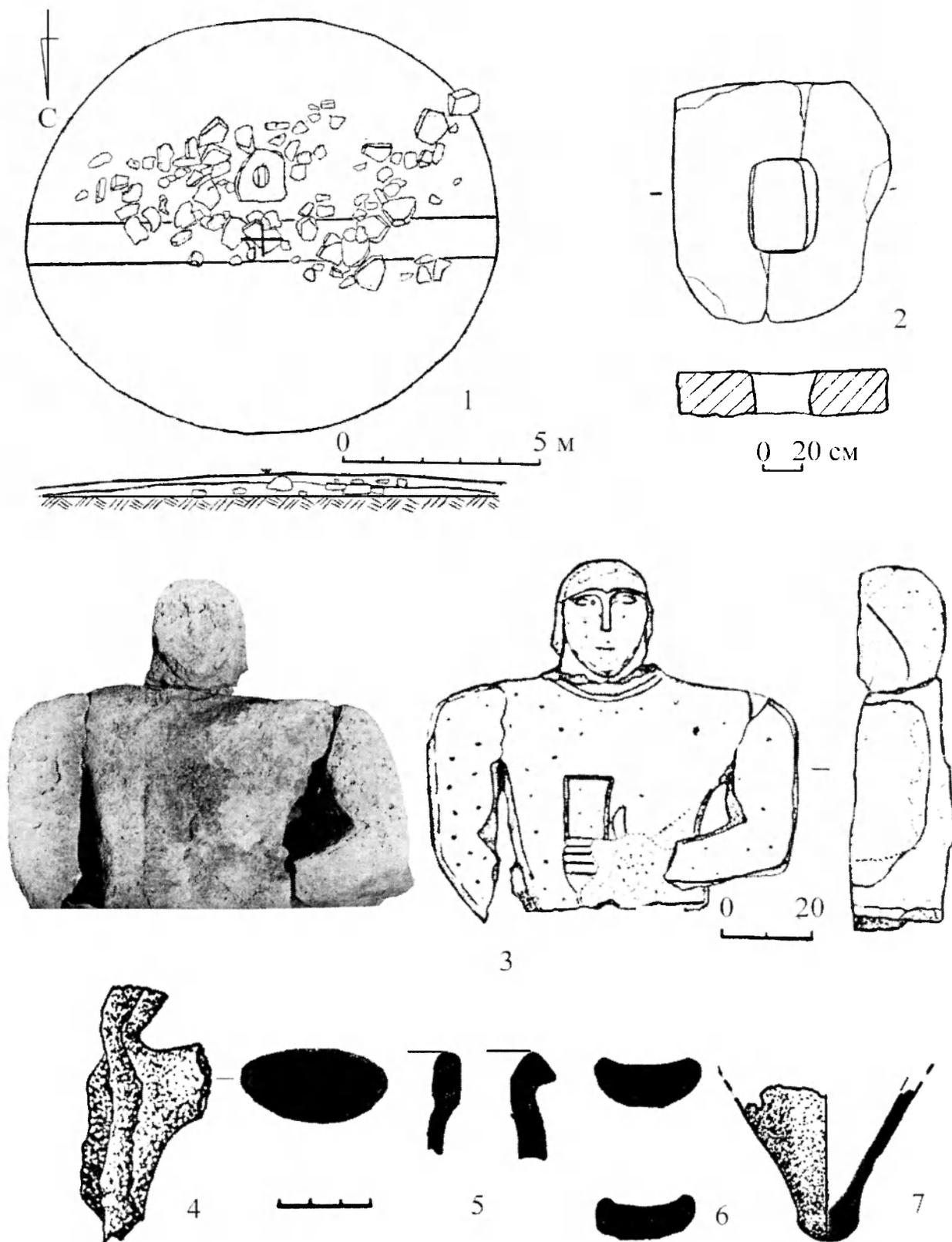
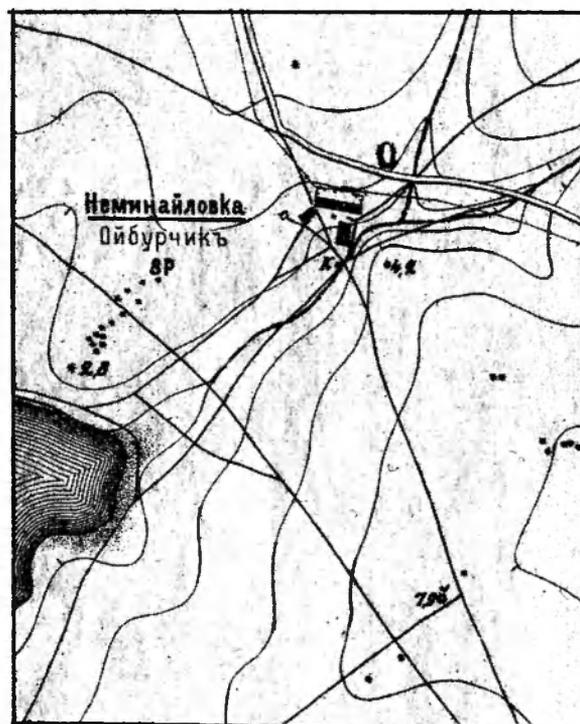

Рис. 47. 1 – Курган Крыловка 18. 2 – База изваяния из кургана Крыловка 18. 3 – Изваяние из кургана Крыловка 18. 4 – 7 – Обломки амфор и кувшинов из кургана Крыловка 18.

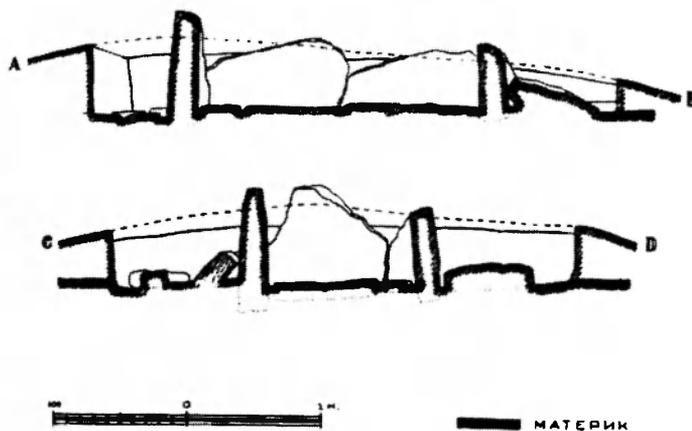
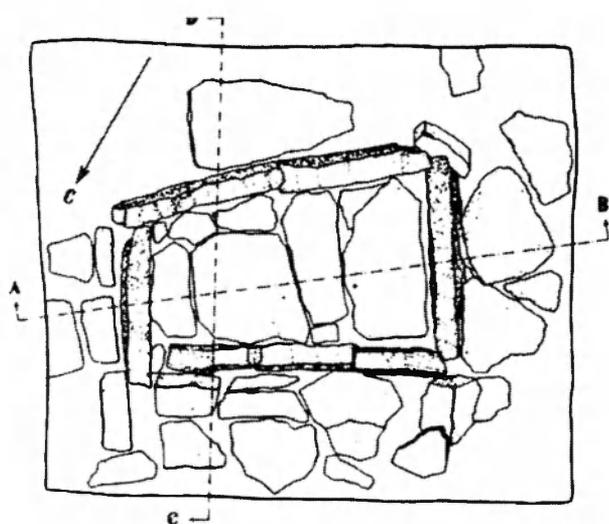

1

2

КАМЕННАЯ ГРОБНИЦА КУРГАН №1 БЛИЗ ДЕР. ОЙБУРЧУК

3

Рис. 48. 1 – Ойбурская курганная группа, современное состояние. 2 – Ойбурская группа на карте М 1:42000.
3 – Каменная гробница из кургана 1, раскопана П. Н. Шульцем, опубликована Т. Н. Смекаловой.

Рис. 49. 1 – План могильника Снежное на основе карты М 1:42000 (1 – 3 группы курганов). 2 – План могильника Снежное, буссольная съемка 1972 г., исполнитель С. М. Хренников. 3 – Курган Снежное 2. 4 – Нож из кургана Снежное 5. 5 – Курган Снежное 6. 6 – Зеркало из кургана Снежное 6.

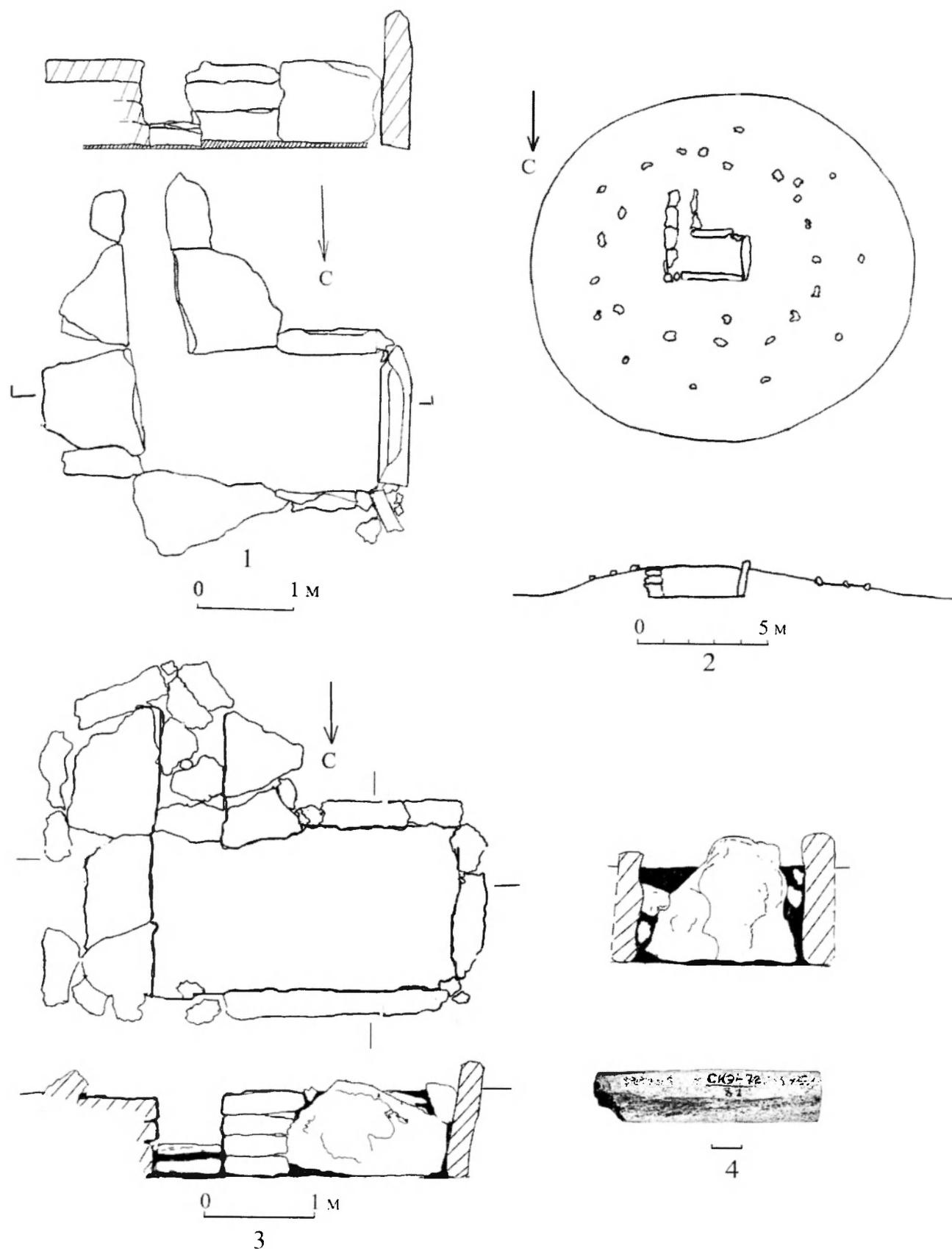

Рис. 50. 1 – Склеп в кургане Снежное 10. 2 – Курган Снежное 11. 3 – Склеп в кургане Снежное 11. 4 – Ручка ножа из кургана Снежное 11.

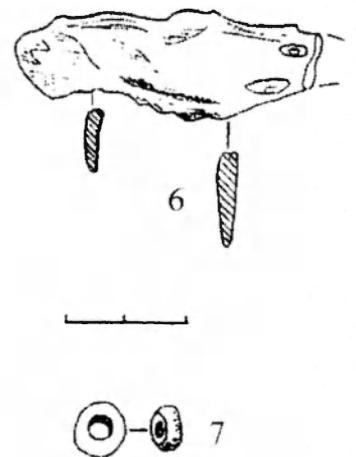
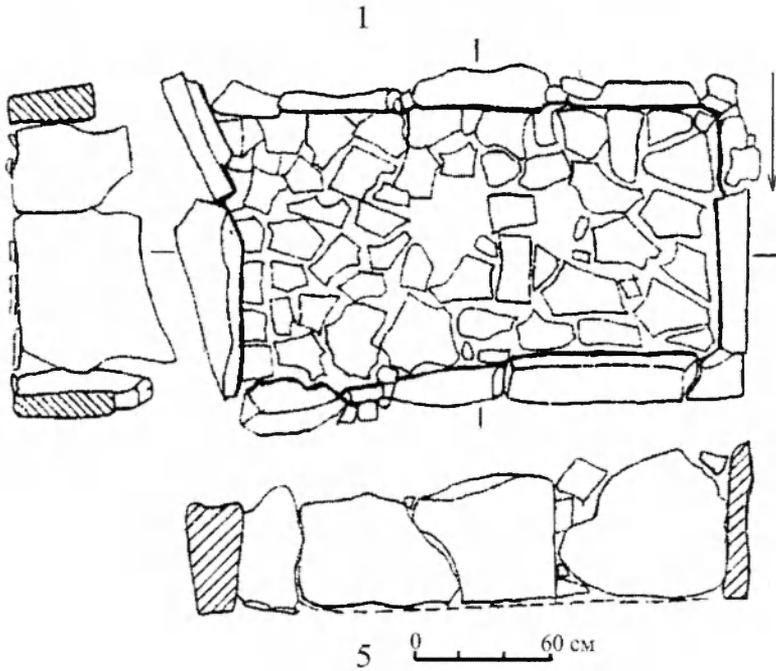
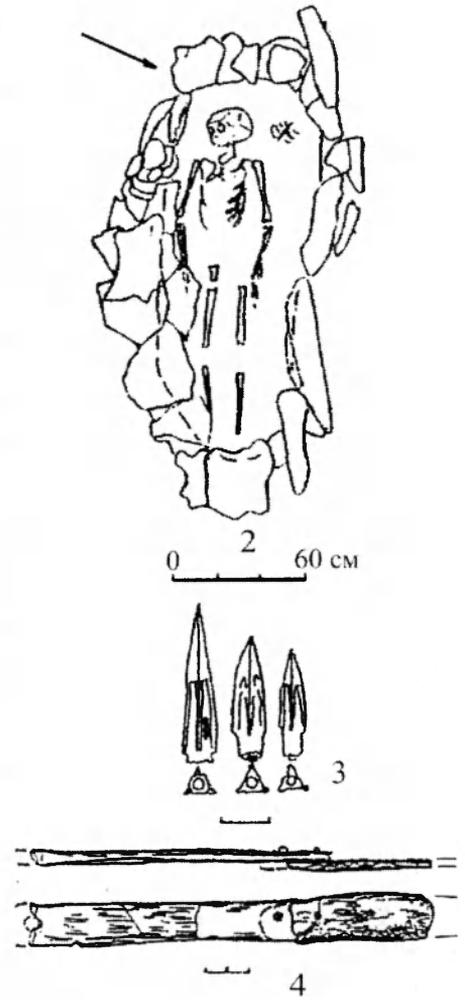
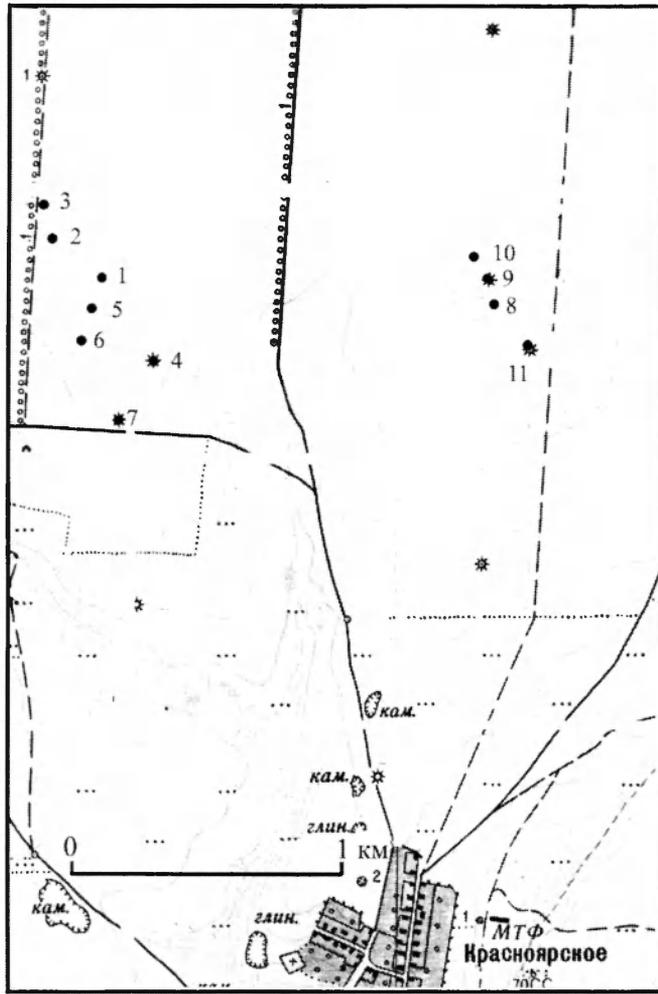

Рис. 51. 1 – План могильника Красноярское. 2 – 4 – Погребение Красноярское 2/6. 5 – 7 – Погребение Красноярское 3/2.

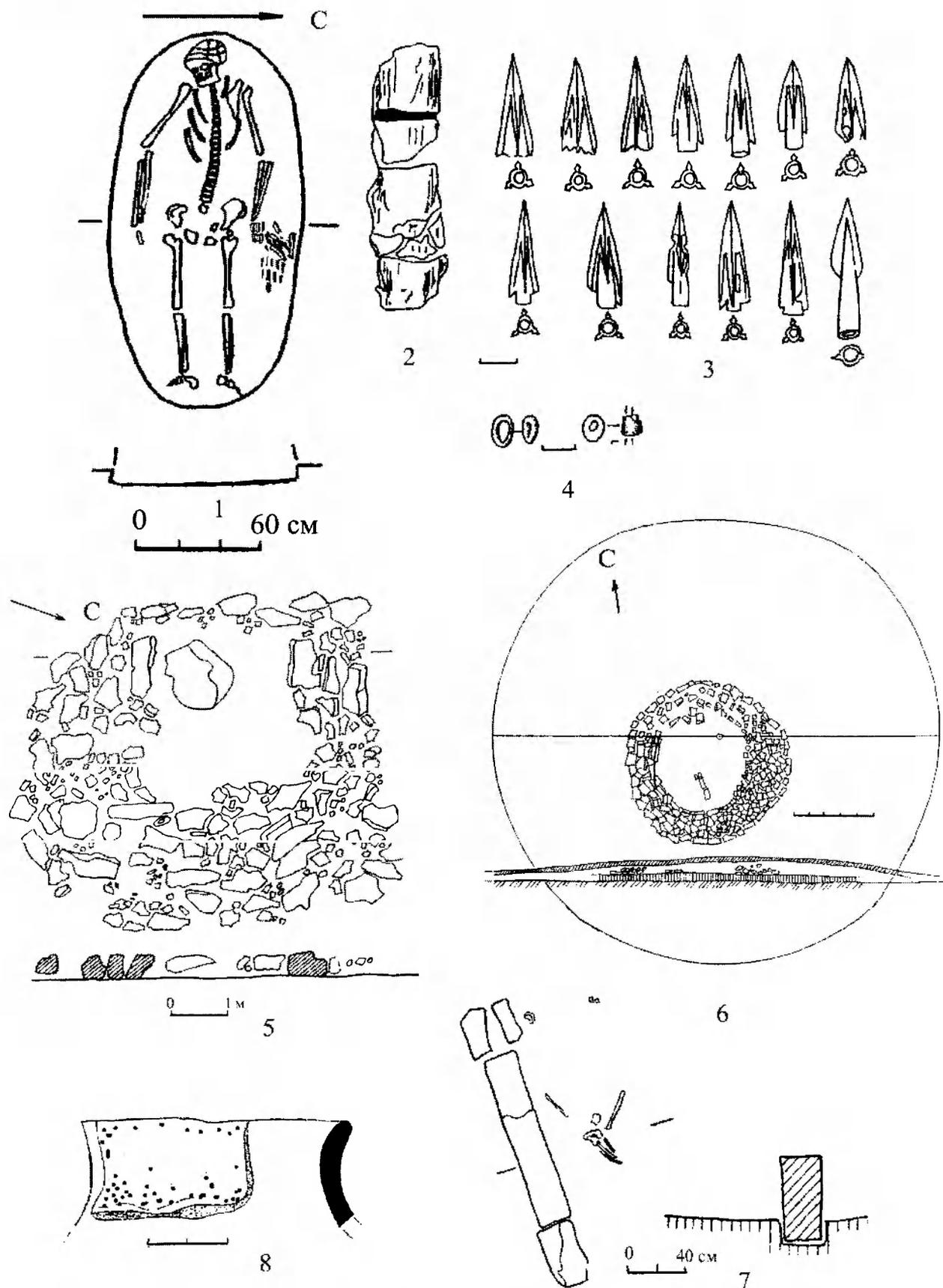

Рис. 52. 1 – 3 – Погребение Красноярское 5/3. 4 – бусы из погребения Красноярское 5/1. 5 – Остатки гробницы из кургана Красноярское 6. 6 – Курган Красноярское 7. 7 – Остатки погребальной камеры в кургане Красноярское 7. 8 – Обломок сосуда из кургана Красноярское 7.

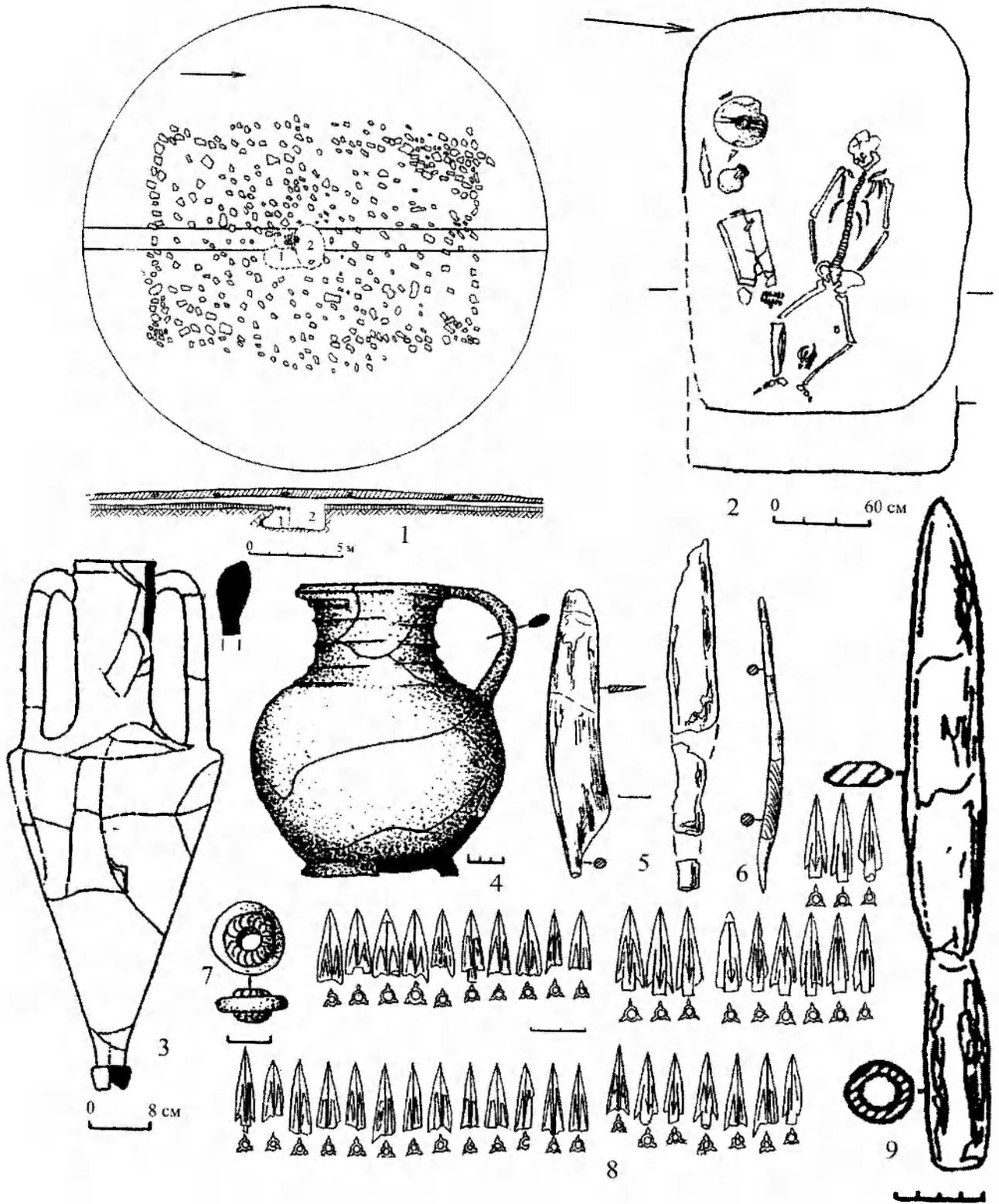

Рис. 53. 1 – Курган Красноярское 8. 2 – Погребение 2 в кургане Красноярское 8.

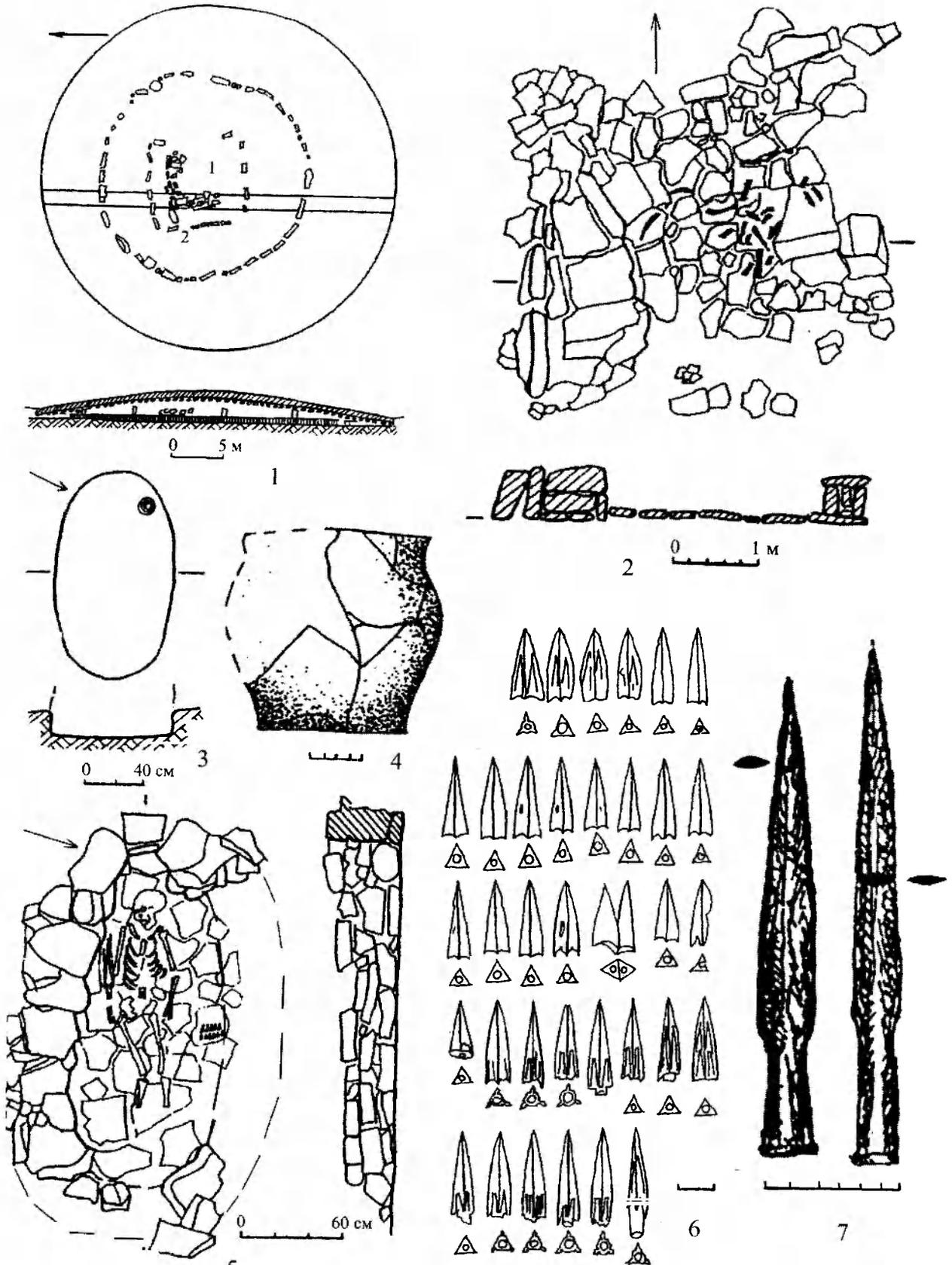
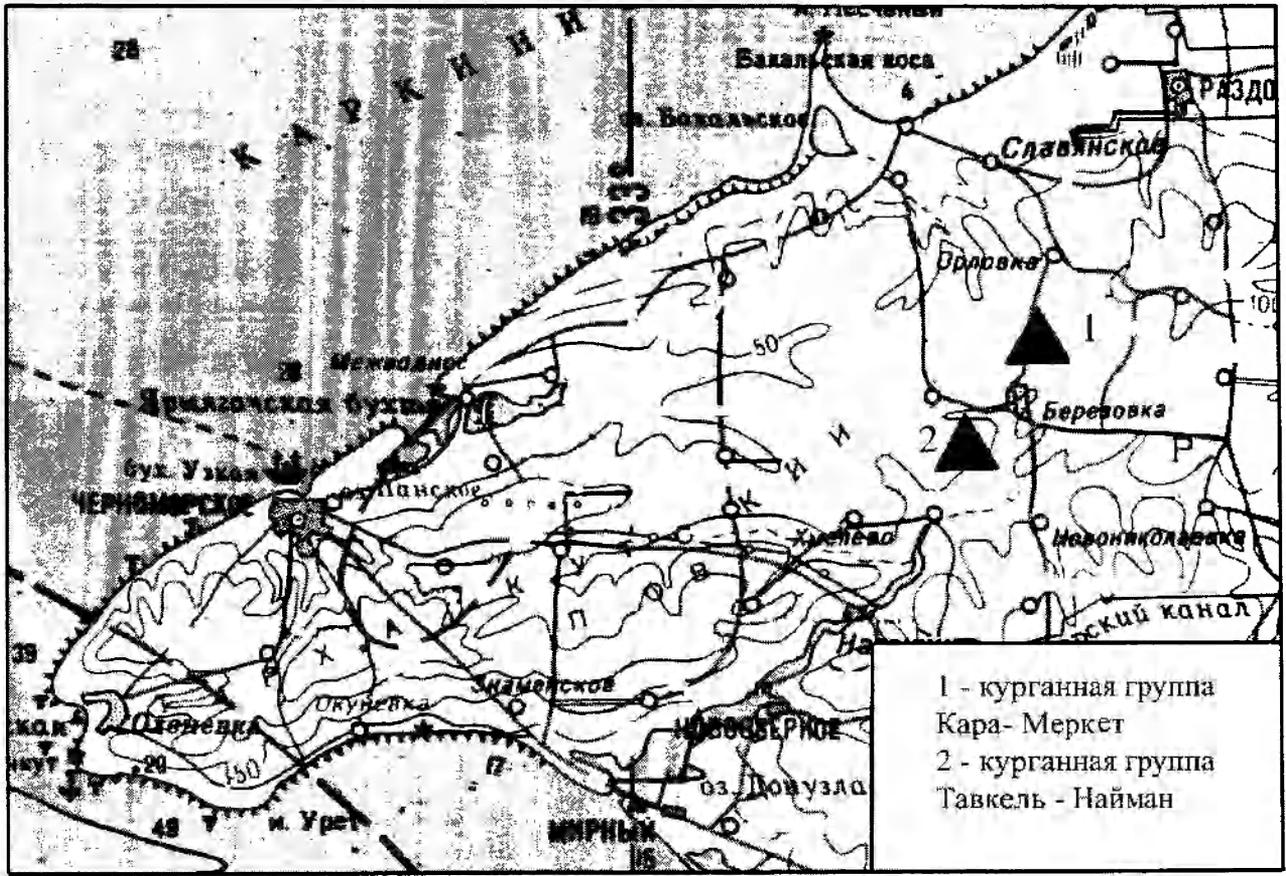
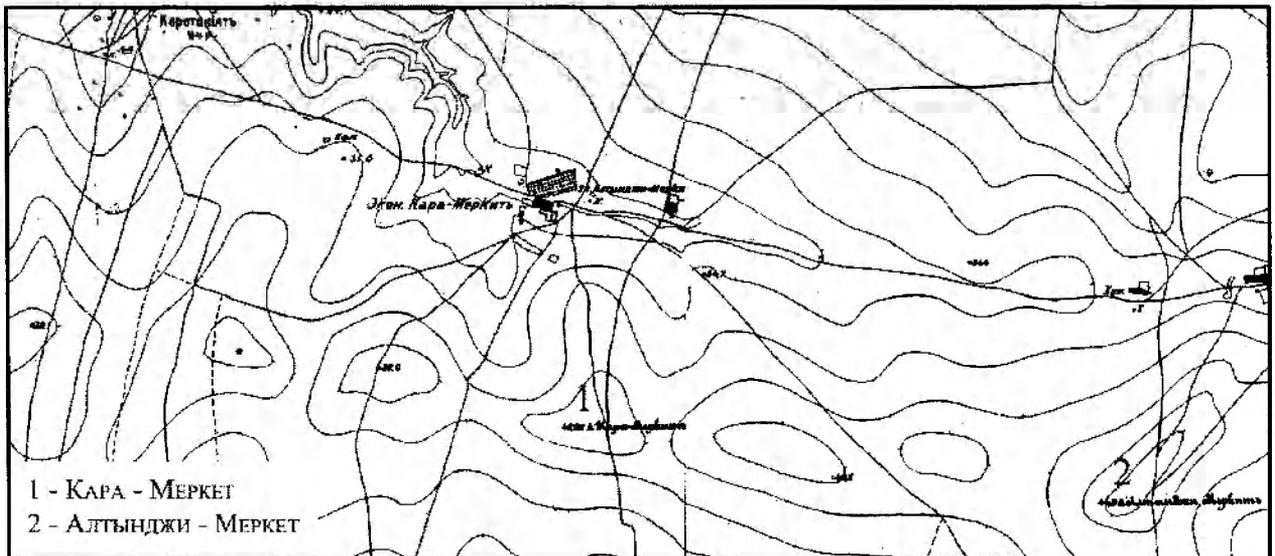

Рис. 54. 1 – Курган Красноярское 9. 2 – Остатки каменной гробницы в кургане Красноярское 9. 3 – 4 – Погребение Красноярское 9/2. 5 – 7 – Погребение Красноярское 11/9.

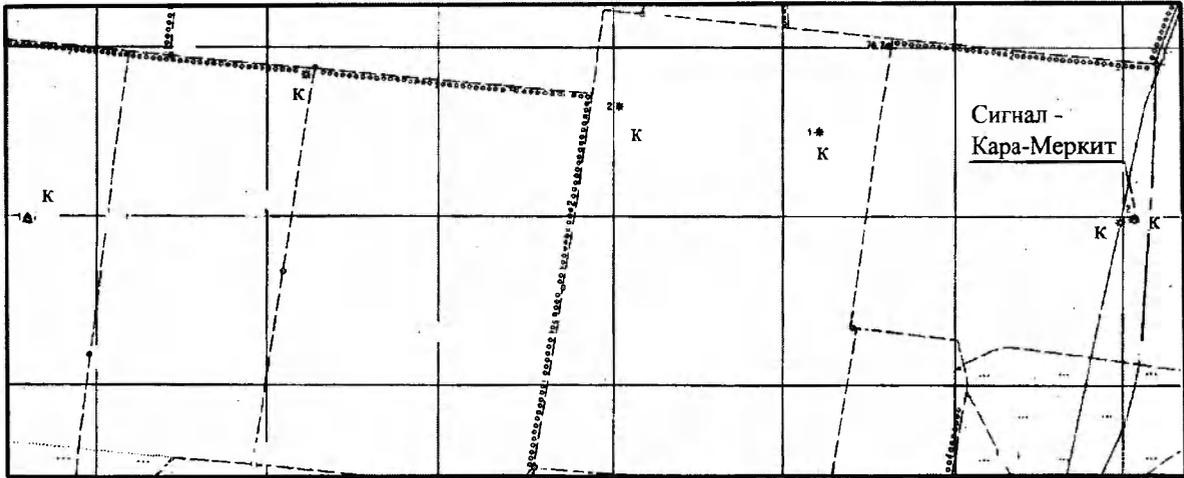

1

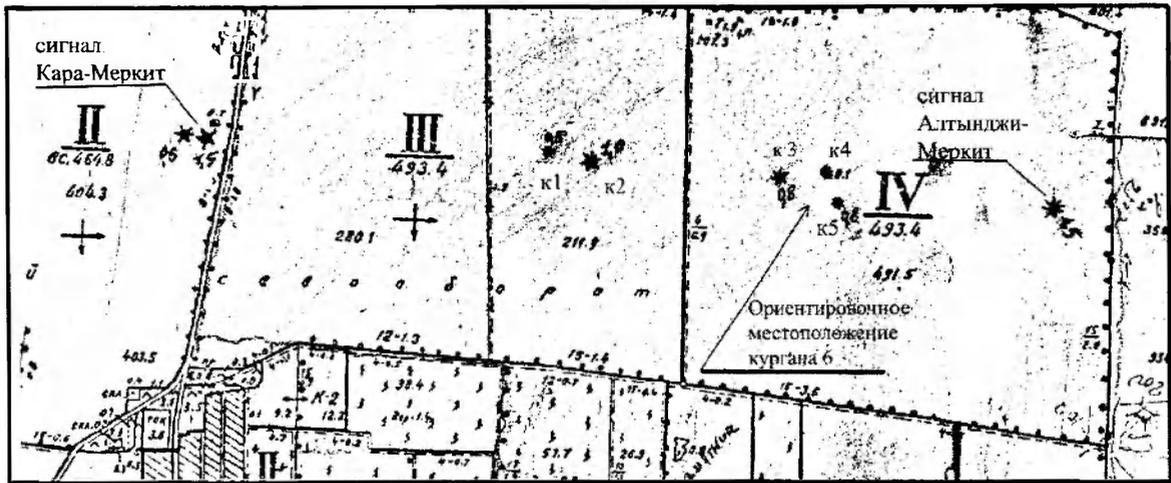

2

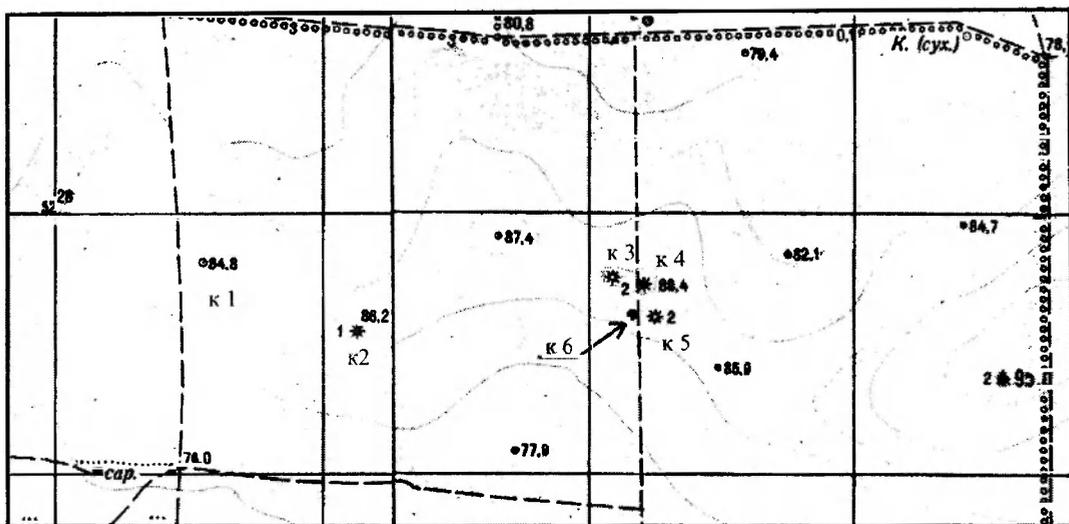
Рис. 55. 1 – Расположение курганных групп у сел Кара–Меркет и Тавкель– Найман.
 2 – Расположение сигналов Кара – Меркит и Алтынджи – Меркит на карте М 1:42000.

1

2

3

Рис. 56. 1 – Курганы в западной части Карамеркетской группы на основе карты М 1:25000.
 2 – Курганы в восточной части Кара – Меркетской группы по материалам СКЭ – 88.
 3 – Курганы восточной части Карамеркетской группы на основе карты М 1:25000.

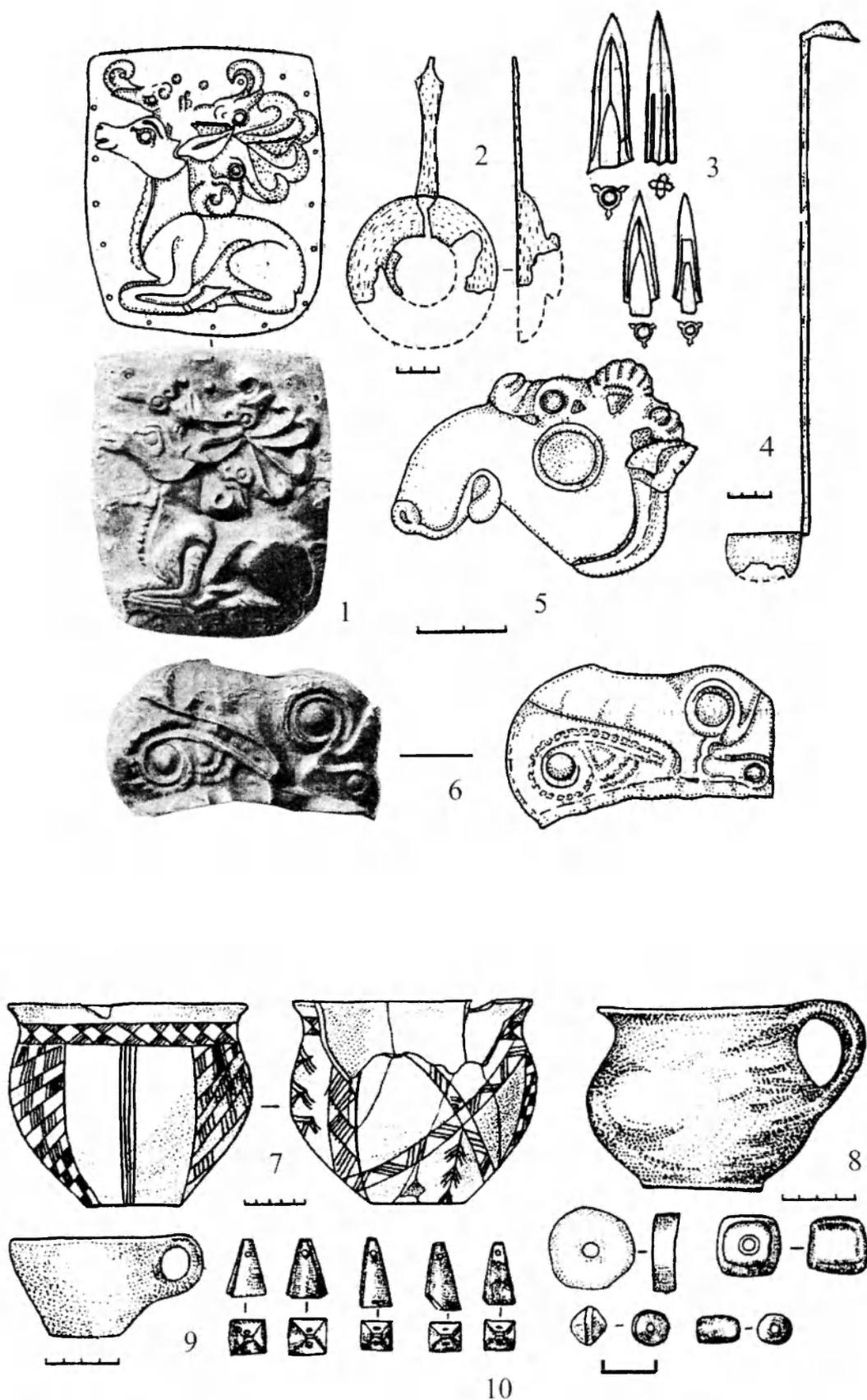
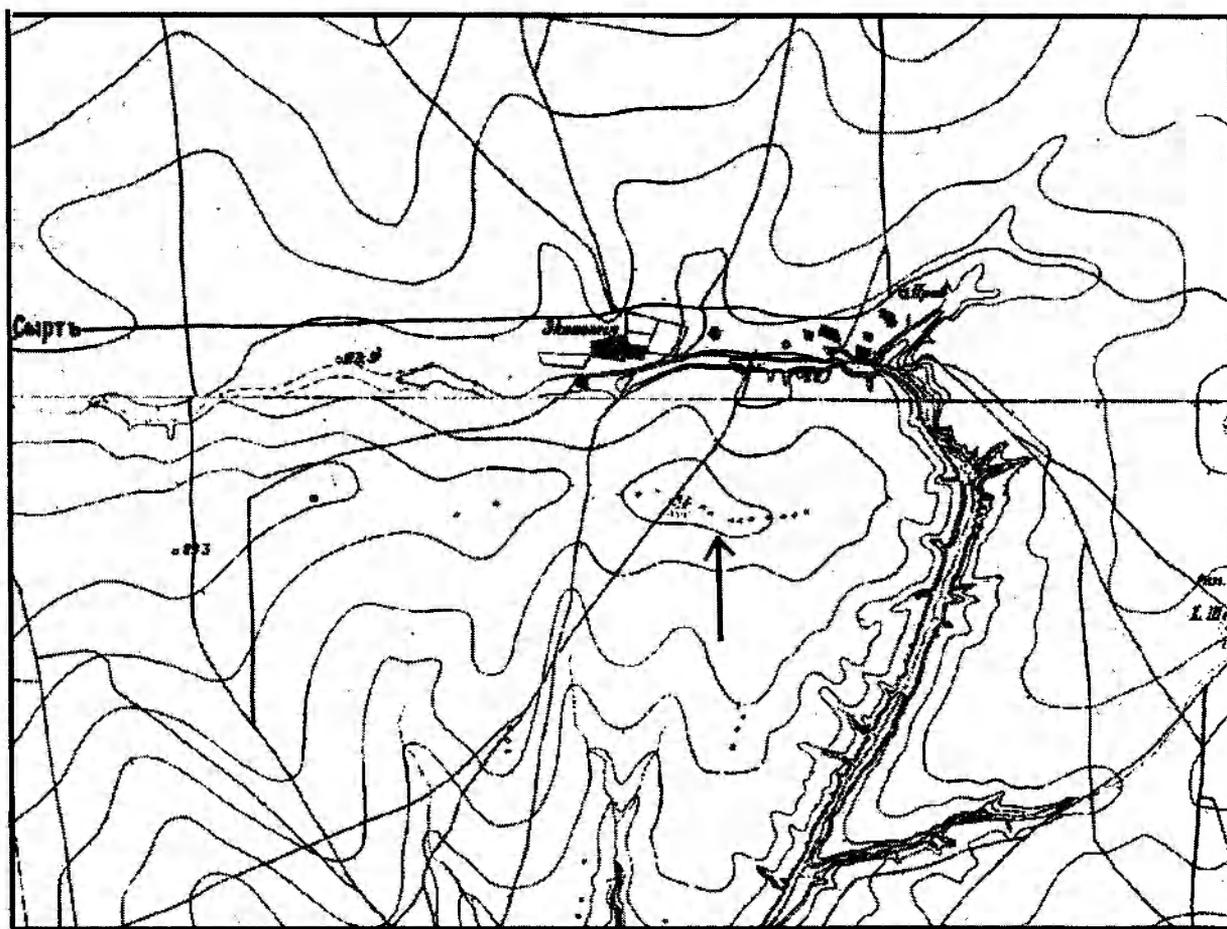
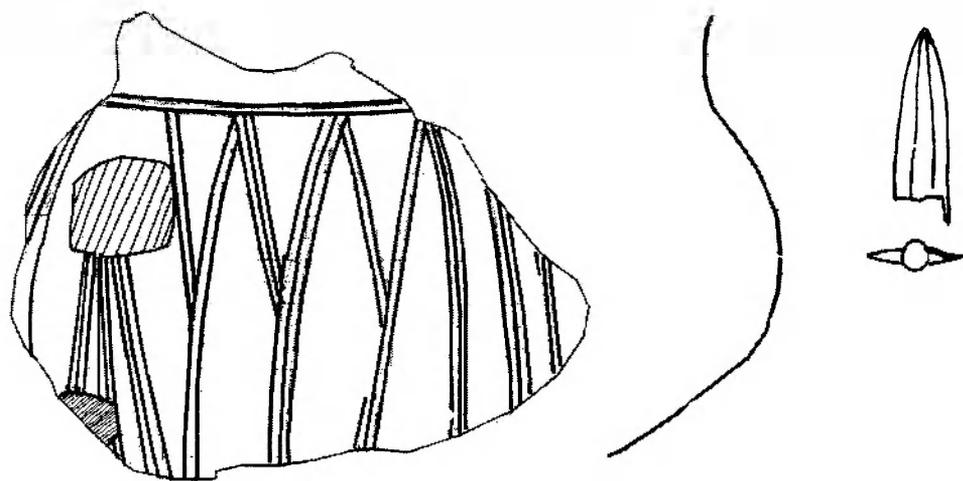

Рис. 57. 1 – 6 – Инвентарь погребения в кургане Кара–Меркет, по Н. П. Кондакову и В. С. Ольховскому.
7 – 10 – Инвентарь погребения Березовка 6/5 по В.А. Колотухину.

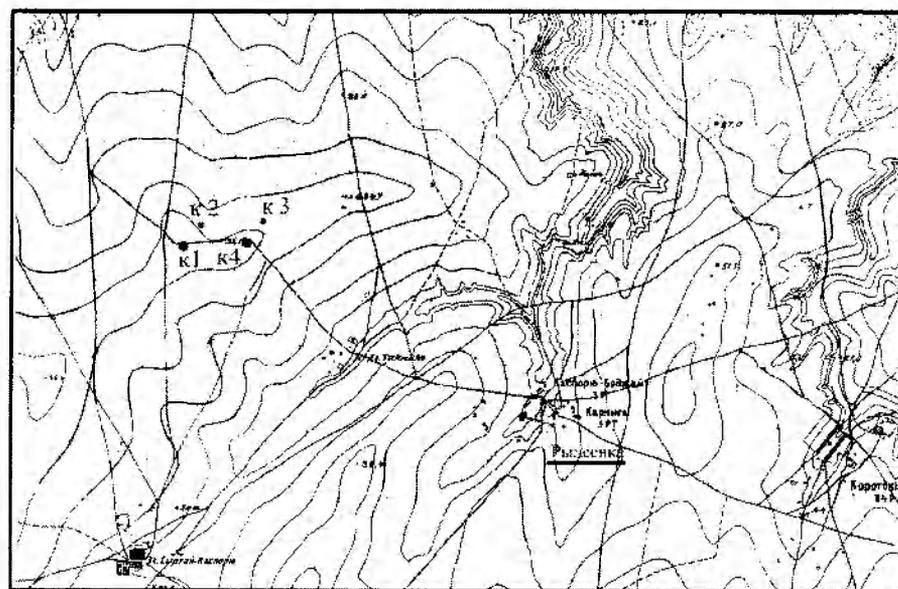

1

2

Рис. 58. 1 – Расположение могильника Тавкель – Нейман. 2 – Находки из кургана Тавкель – Нейман 1 по С. Н. Сенаторову.

1

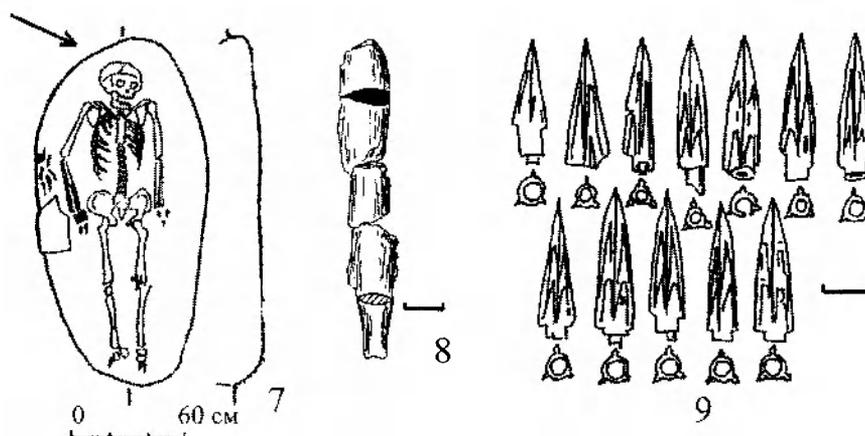
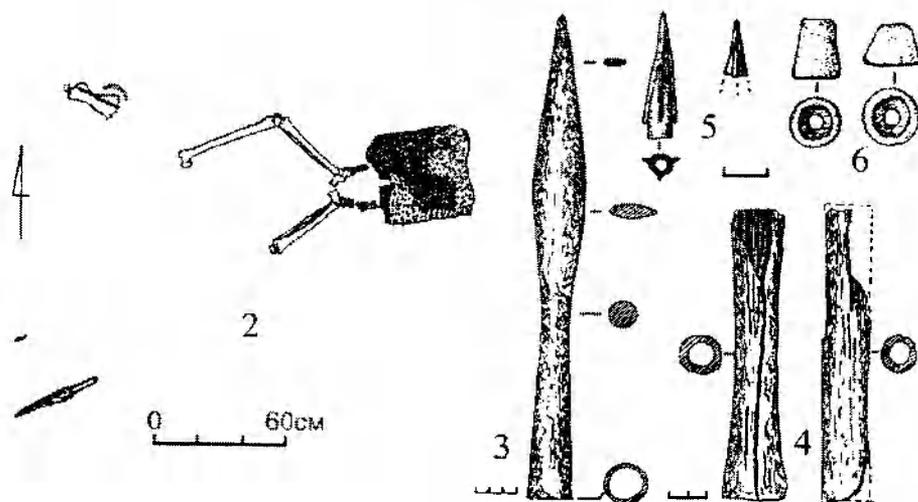

Рис. 59. 1 – Расположение курганов, раскопанных между селами Славное и Рылеевка. 2 – 6 – Погребение Рылеевка 1/1. 7 – 9 – Погребение Рылеевка 3/2.

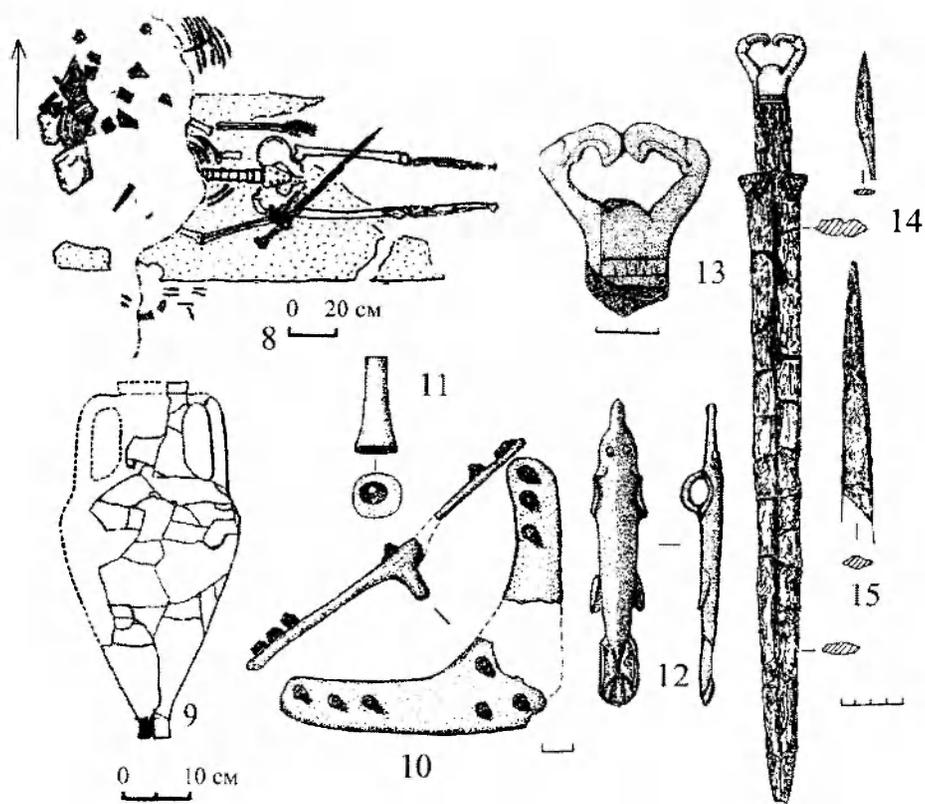
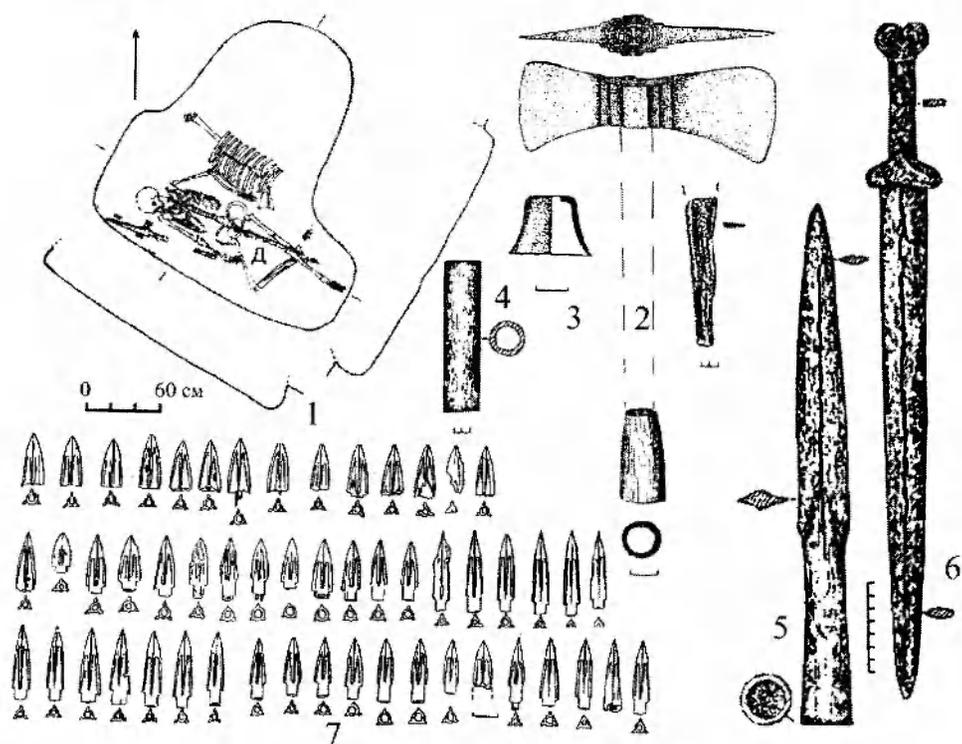
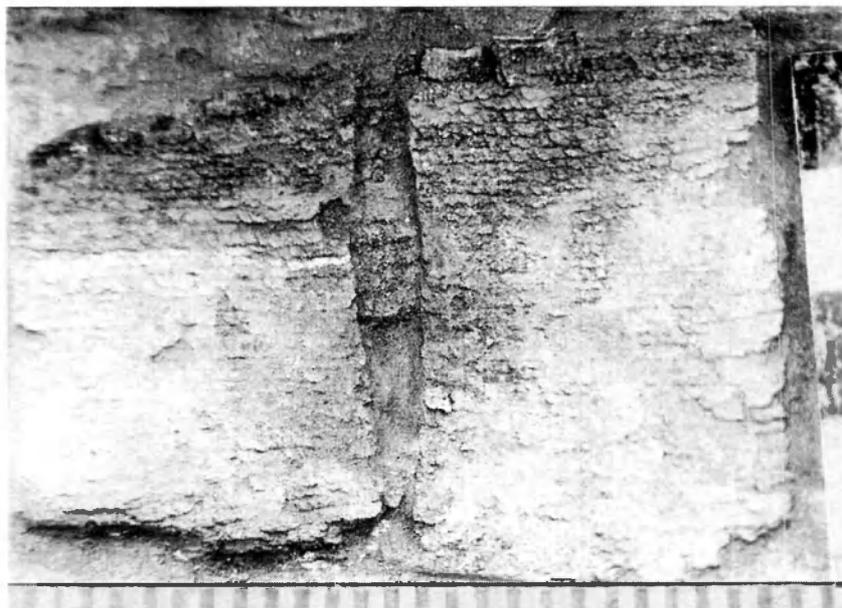

Рис. 60. 1 – 7 – Погребение Рылеевка 2/2. 8 – 15 – Погребение Рылеевка 4/2.

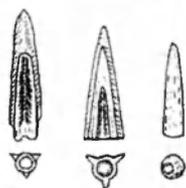
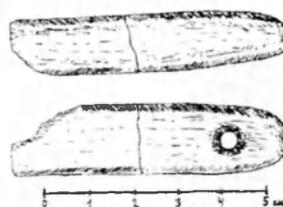
1

2

3

4

Рис. 61. 1 – Детали доспеха из погребения Рылевка 1/1. 2 – Бляхи из погребения Рылеевка 4/2. 3 – Остатки панциря в погребении Рылеевка 1/1. 4 – Находки Ю. Г. Колосова.

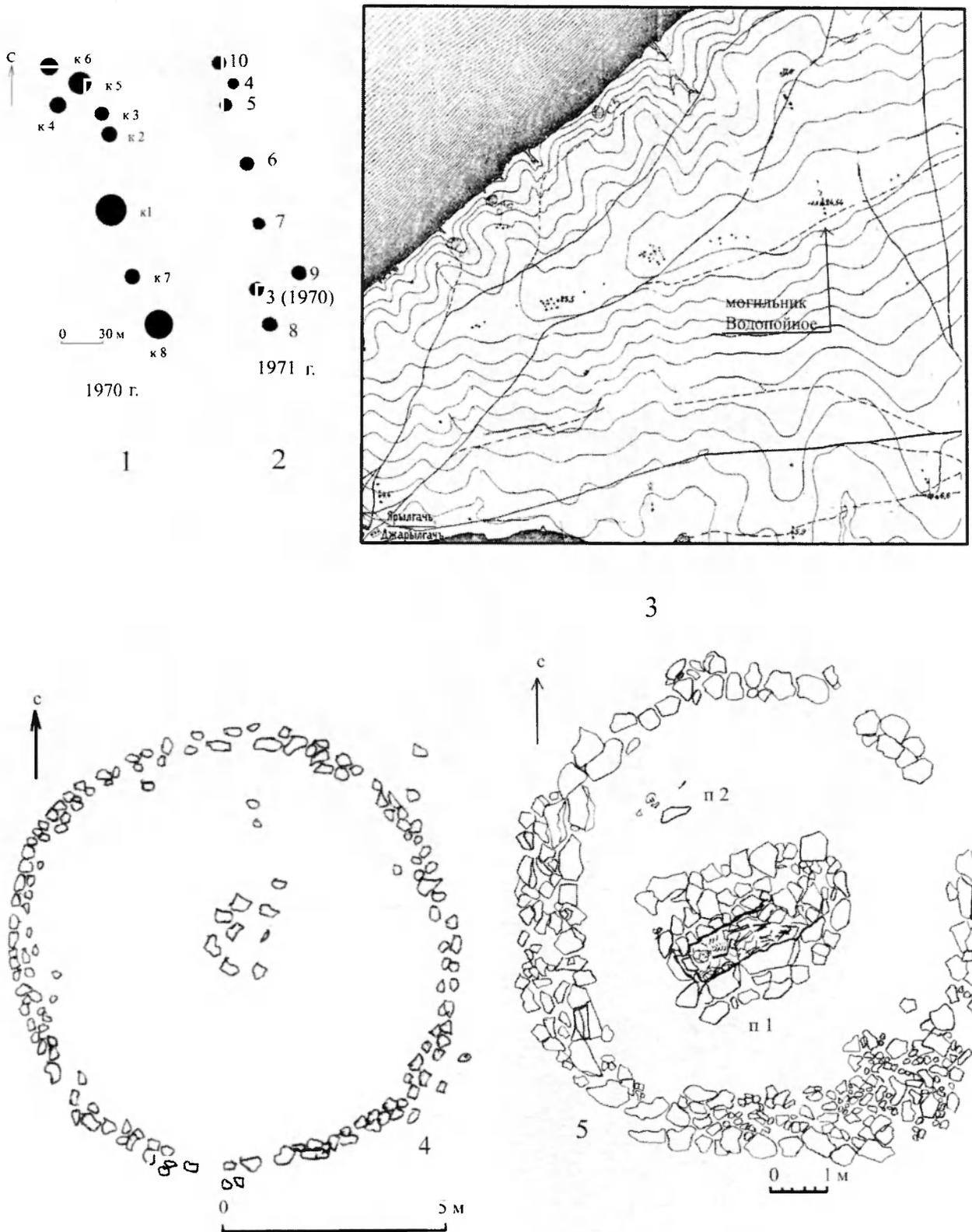

Рис. 62. 1, 2 – Планы могильника Водопойное 1970 и 1971 гг. 3 – Могильник Водопойное на карте М 1:42000. 4 – Каменные сооружения кургана Водопойное 4. 5 – каменные сооружения кургана Водопойное 5.

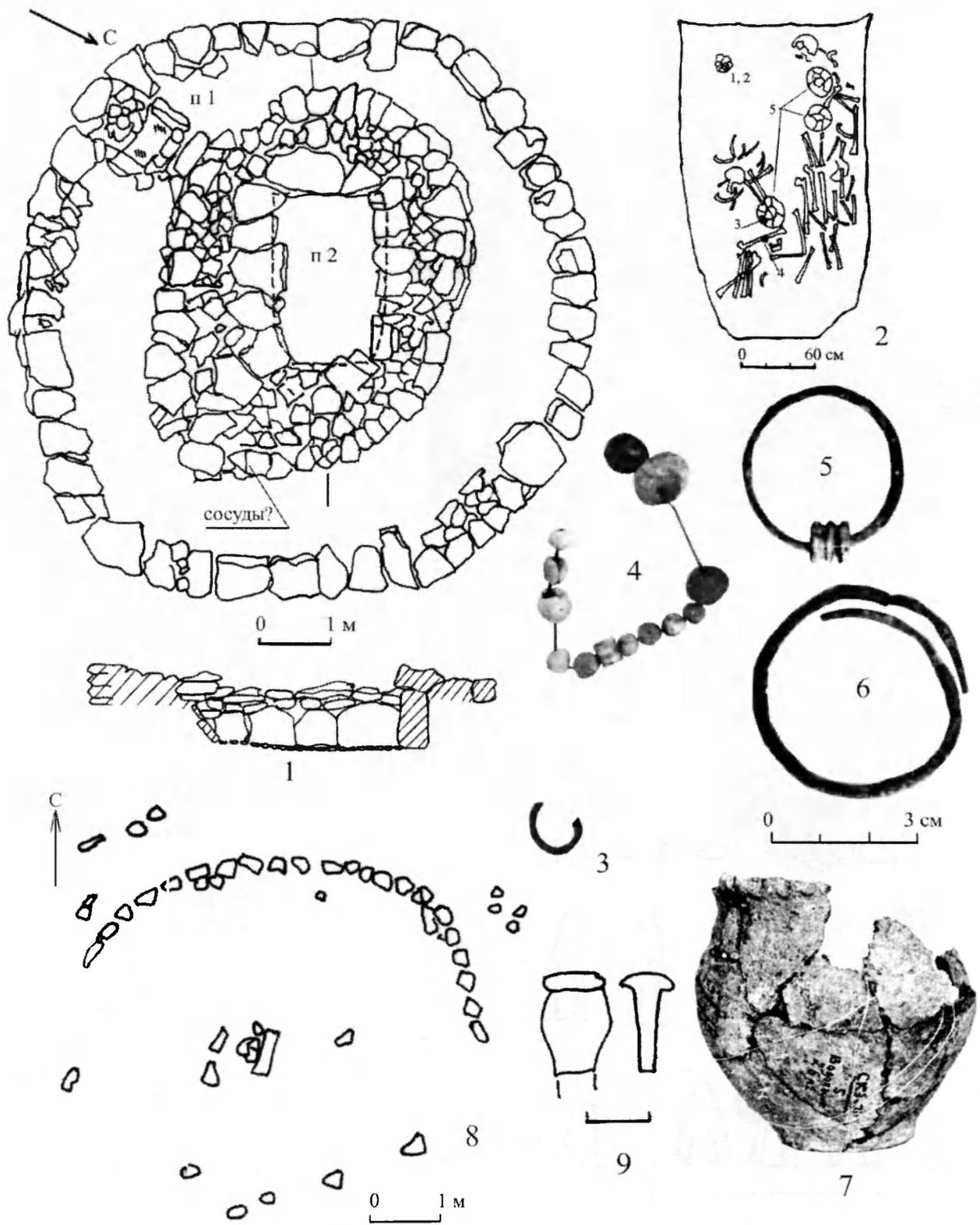

Рис 63. 1 – План каменных сооружений кургана Водопойное 6. 2 – 7 Погребение Водопойное 6/2. 8 – Каменные сооружения в кургана Водопойное 7. 9 – Фрагмент бронзового предмета (полевая зарисовка).

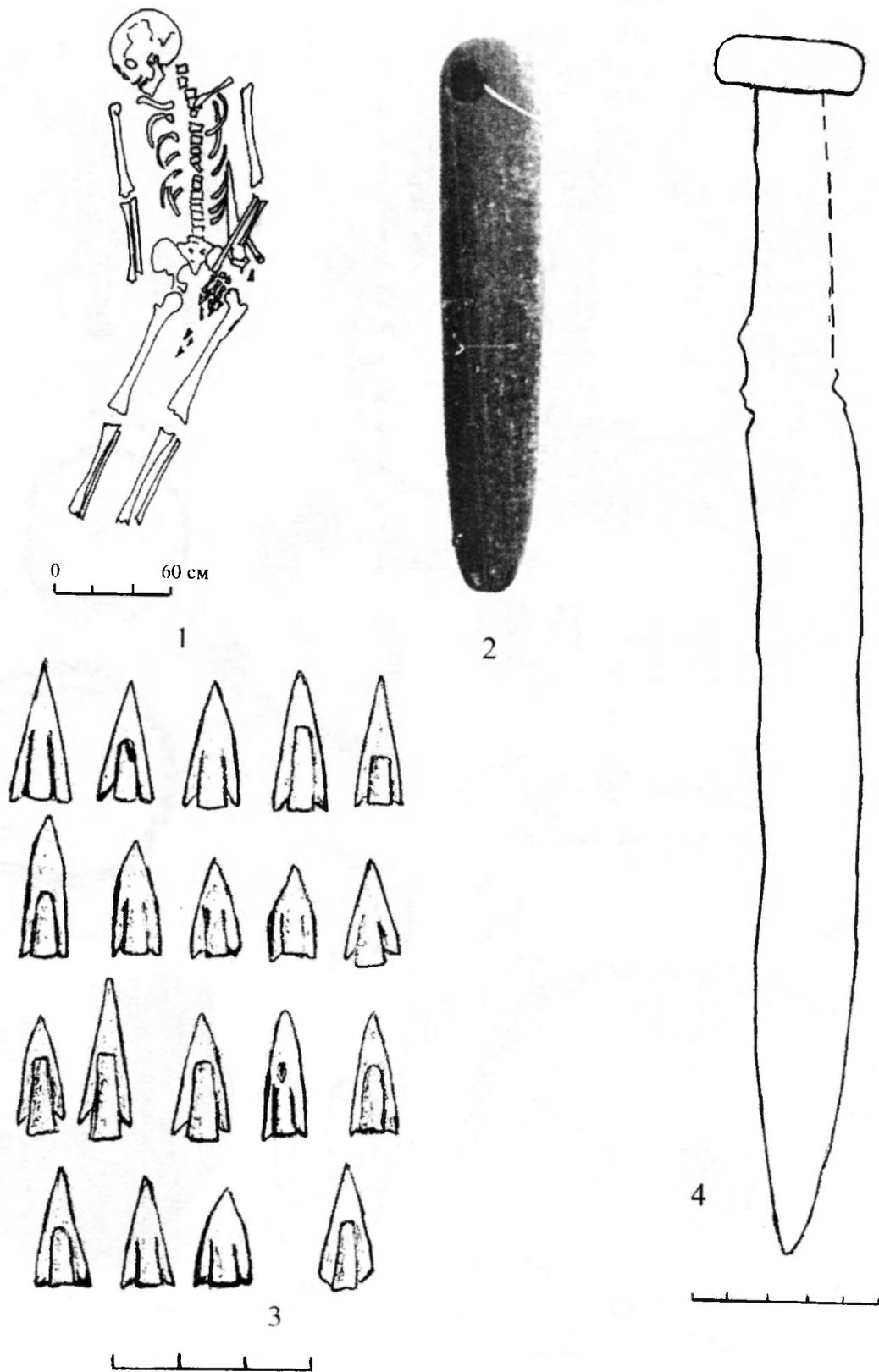

Рис. 64. Погребение Водопойное 9/1.

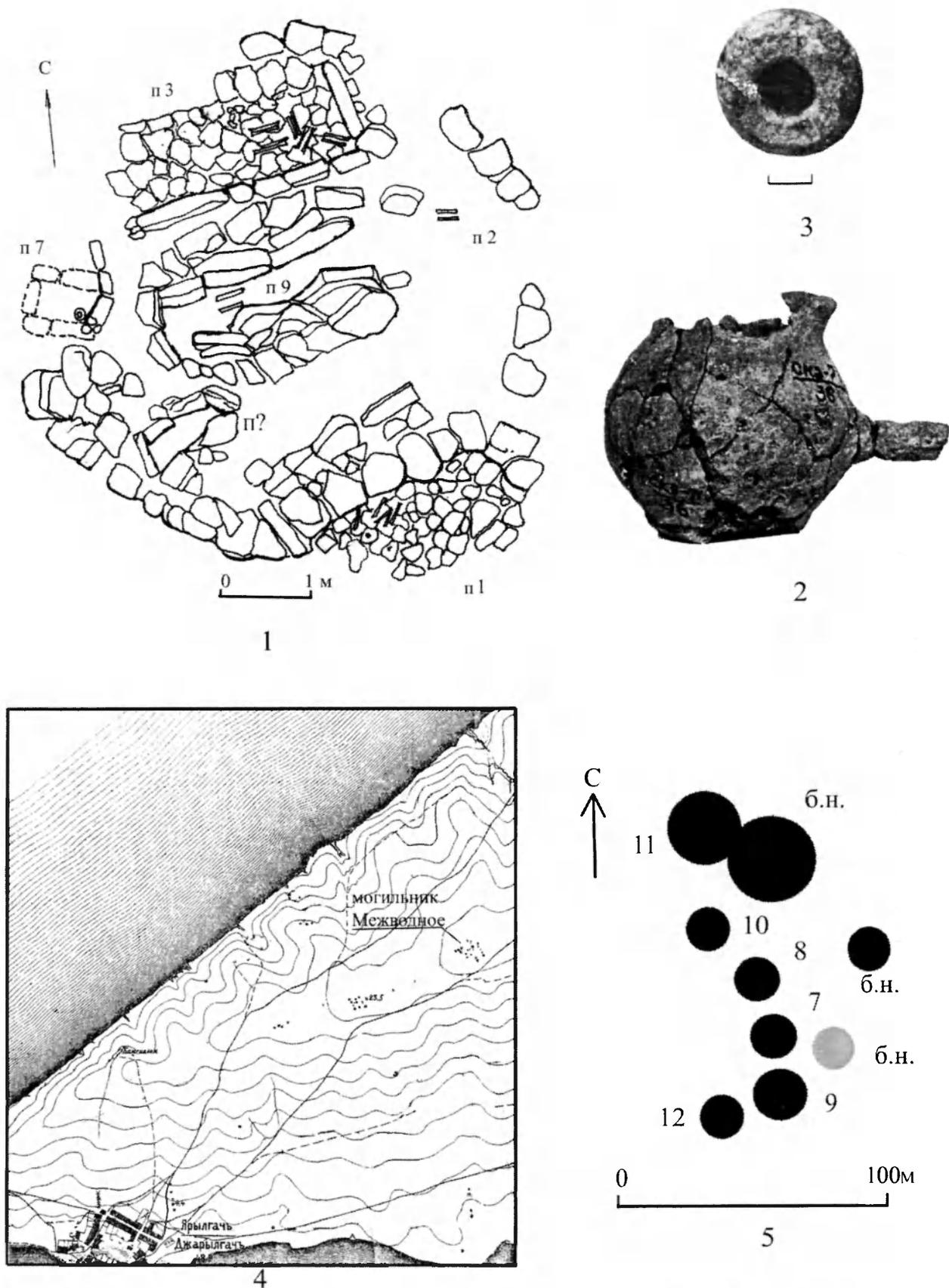

Рис. 65. 1 – Каменные сооружения кургана Водопойное 10. 2 – Гуттус из погребения Водопойное 10/1. 3 – пряслице из погребения Водопойное 10/3. 4 – Расположение могильника Межводное на карте М 1:42000. 5 – Полевой план исследованной части могильника Межводное.

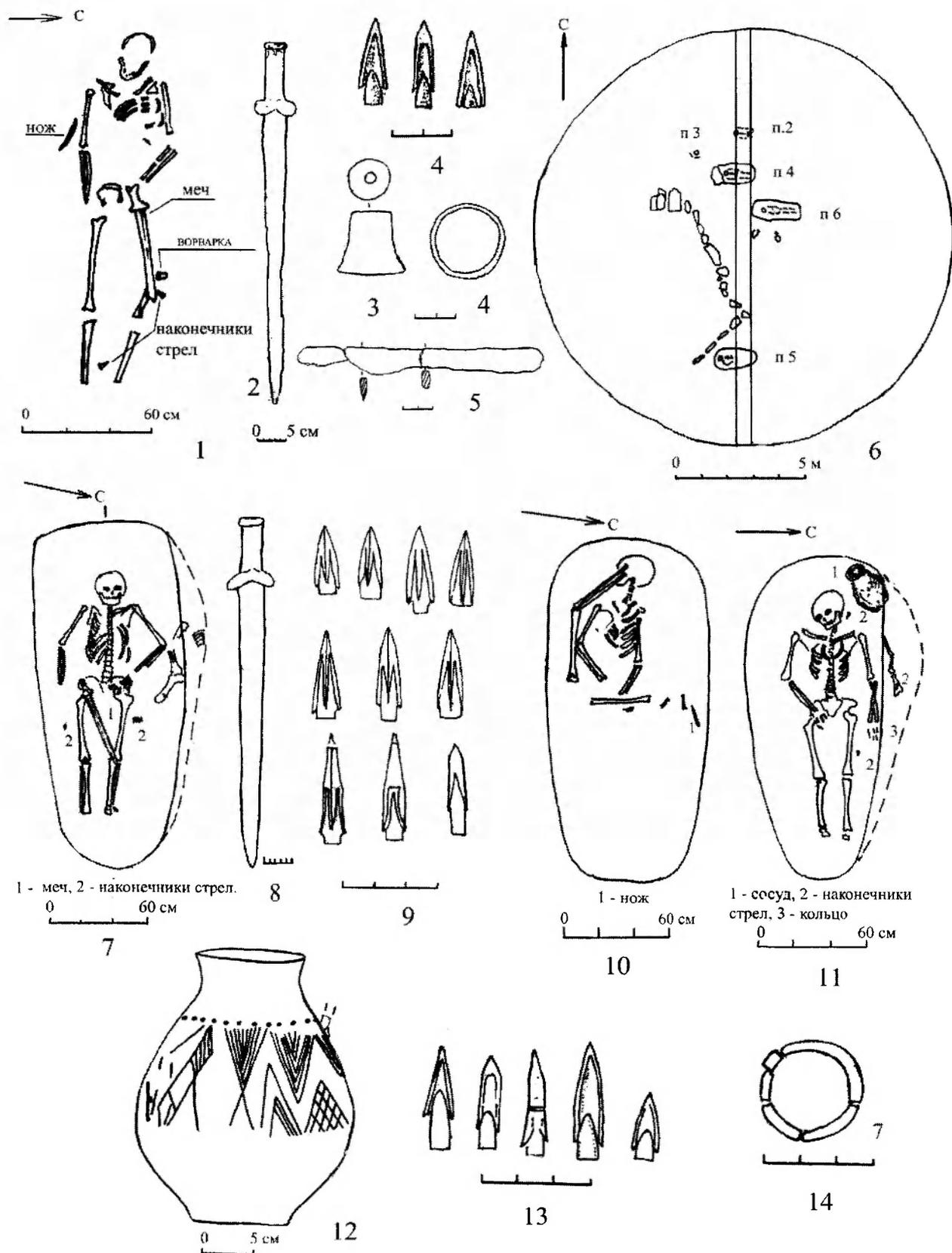

Рис. 66. 1 – 5 – Погребение Межводное 8/1. 6 – план кургана Межводное 9. 7 – 9 – Погребение Межводное 9/4. 10 – Погребение Межводное 9/5. 11 – 14 – погребение Межводное 9/6.

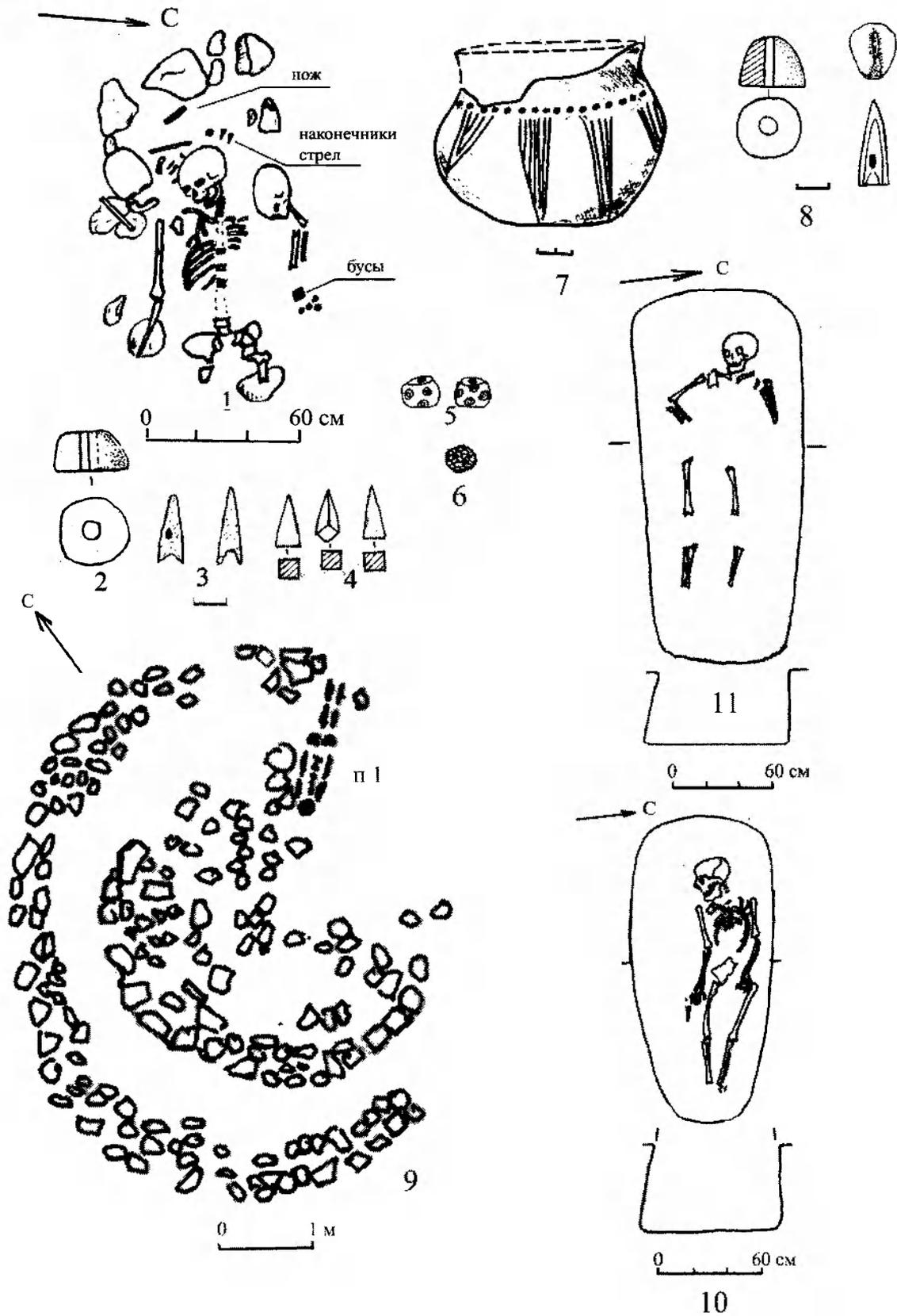

Рис. 67. 1 – 6 – Погребение Междовное 9/2. 7 – Кубок из погребения Междовное 9/3. 8 – Находки из погребения Междовное 9/1. 9 – Каменные сооружения кургана 11. 10 – Погребение Междовное 12/1. 11 – Погребение Междовное 12/2.

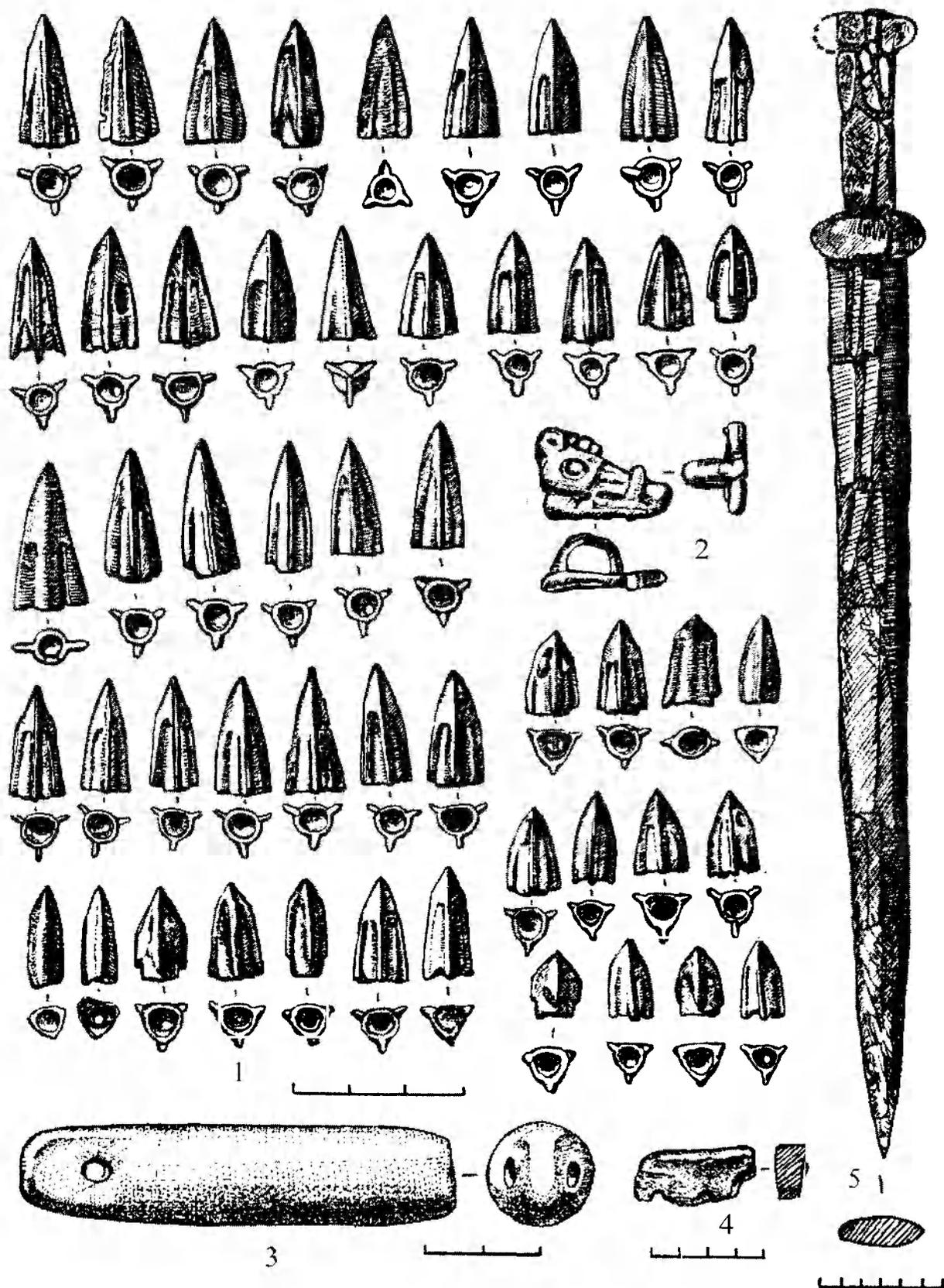

Рис. 68. Инвентарь погребения Владимировка 2/16.

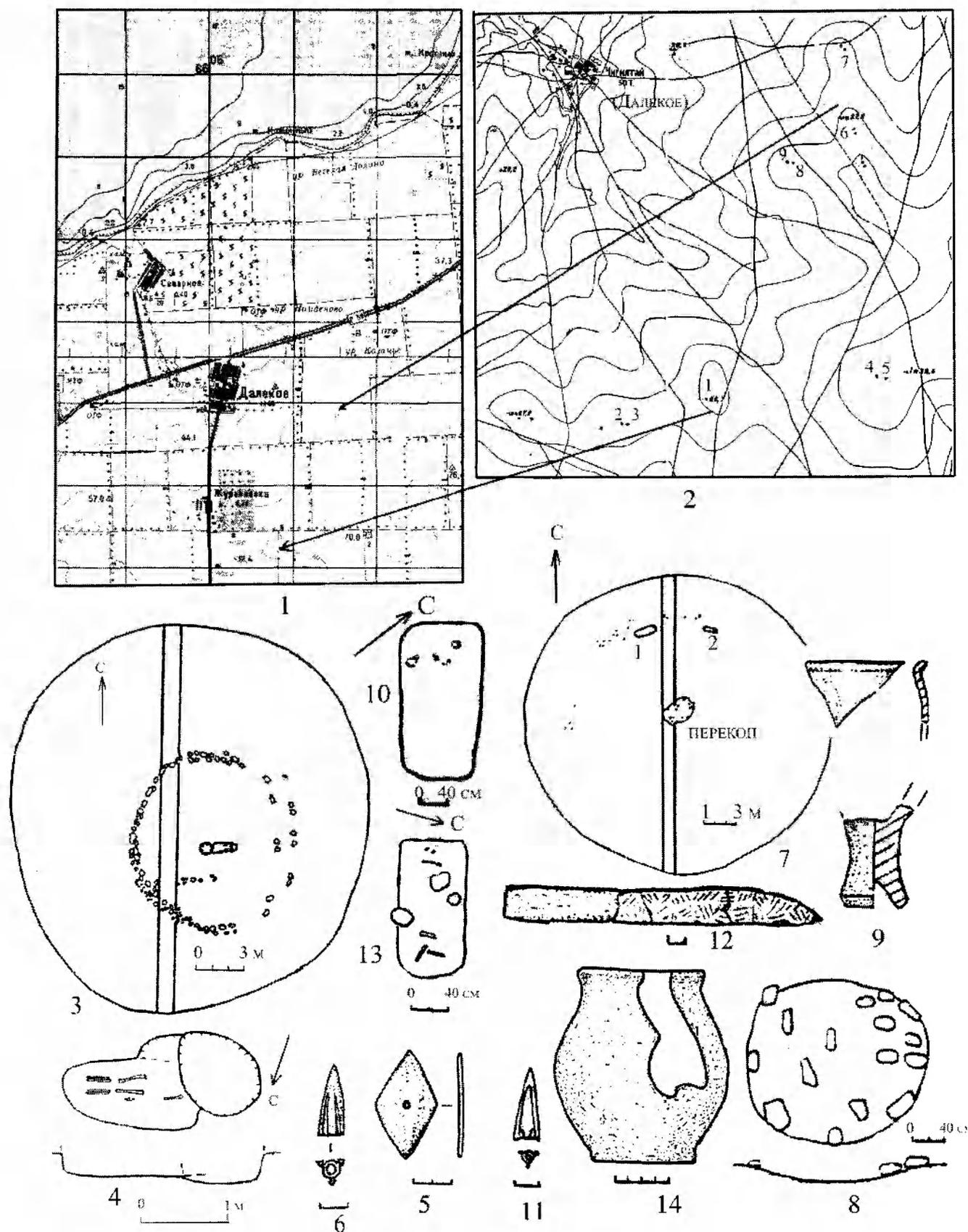
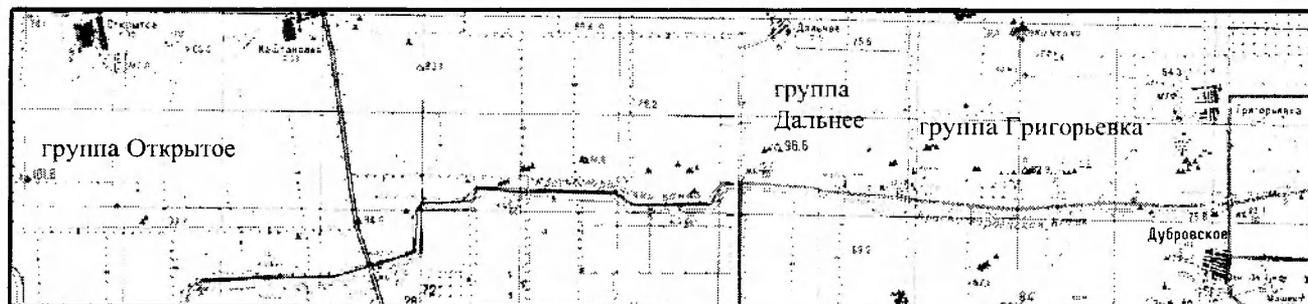
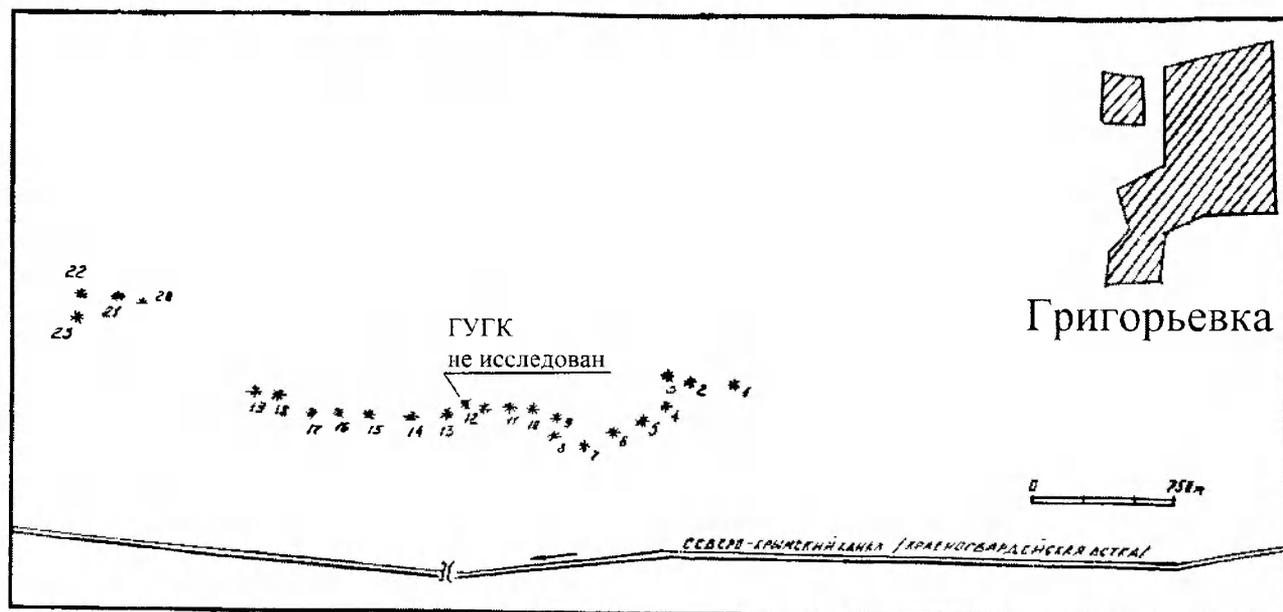

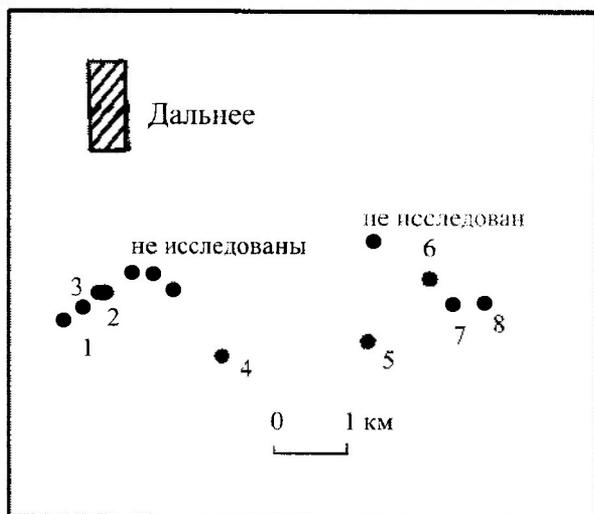
Рис. 69. 1 – 2 – Расположение курганов у сел Далекое – Журавлевка на основе карт М 1:100000 и 16 42000. 3 – План кургана Далекое – Журавлевка 3. 4 – 6 – Погребение Далекое – Журавлевка 3/1. 7 – План кургана Далекое – Журавлевка 7. 8 – Зольное пятно в насыпи кургана 7. 9 – Обломки гераклейской амфоры из насыпи кургана 7. 10 – 12 – Погребение 7/1. 13, 14 – погребение 7/2.

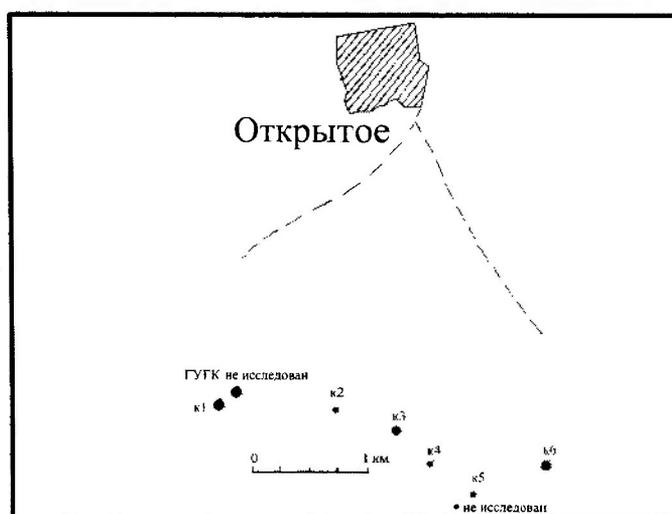
1

2

3

4

Рис. 70. 1 – Расположение курганов гряды Григорьевка. Дальнее, Открытое. 2 – План участка Григорьевка. 3 – План участка Дальнее 4 – План участка Открытое.

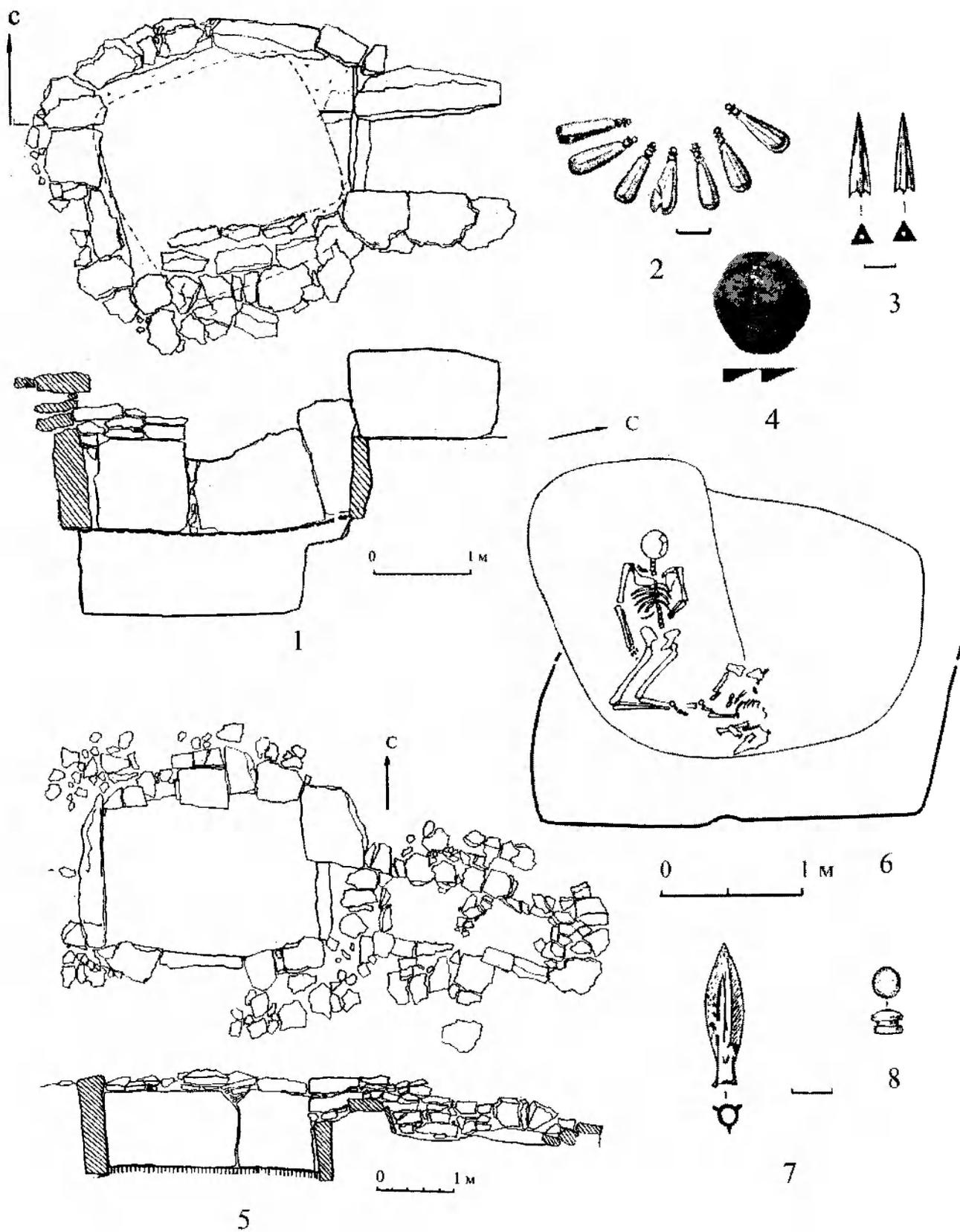

Рис. 71. 1 – 4 – Погребение Григорьевка 1/1. 5 – Склеп из кургана Григорьевка 2. 6 – 8 – Погребение Григорьевка 5/10.

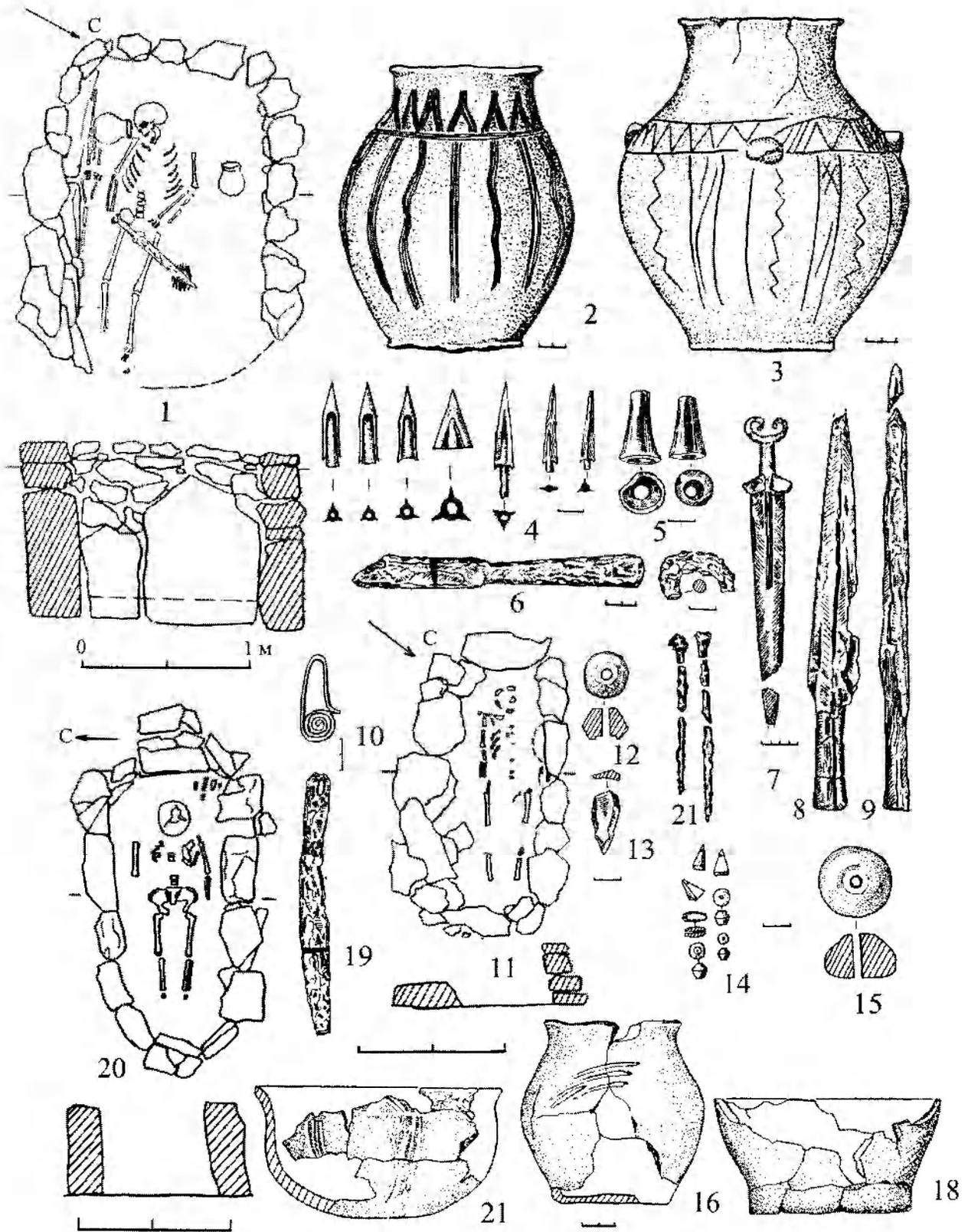

Рис. 72. 1-9 – Погребение Григорьевка 5/9. 11 – 13 – погребение Григорьевка 5/2. 14 – 16, 18, 21 – Инвентарь погребения Григорьевка 5/5. 10, 19, 20 – Погребение Григорьевка 5/12. 21 – Сосуд из погребения Григорьевка 5/7.

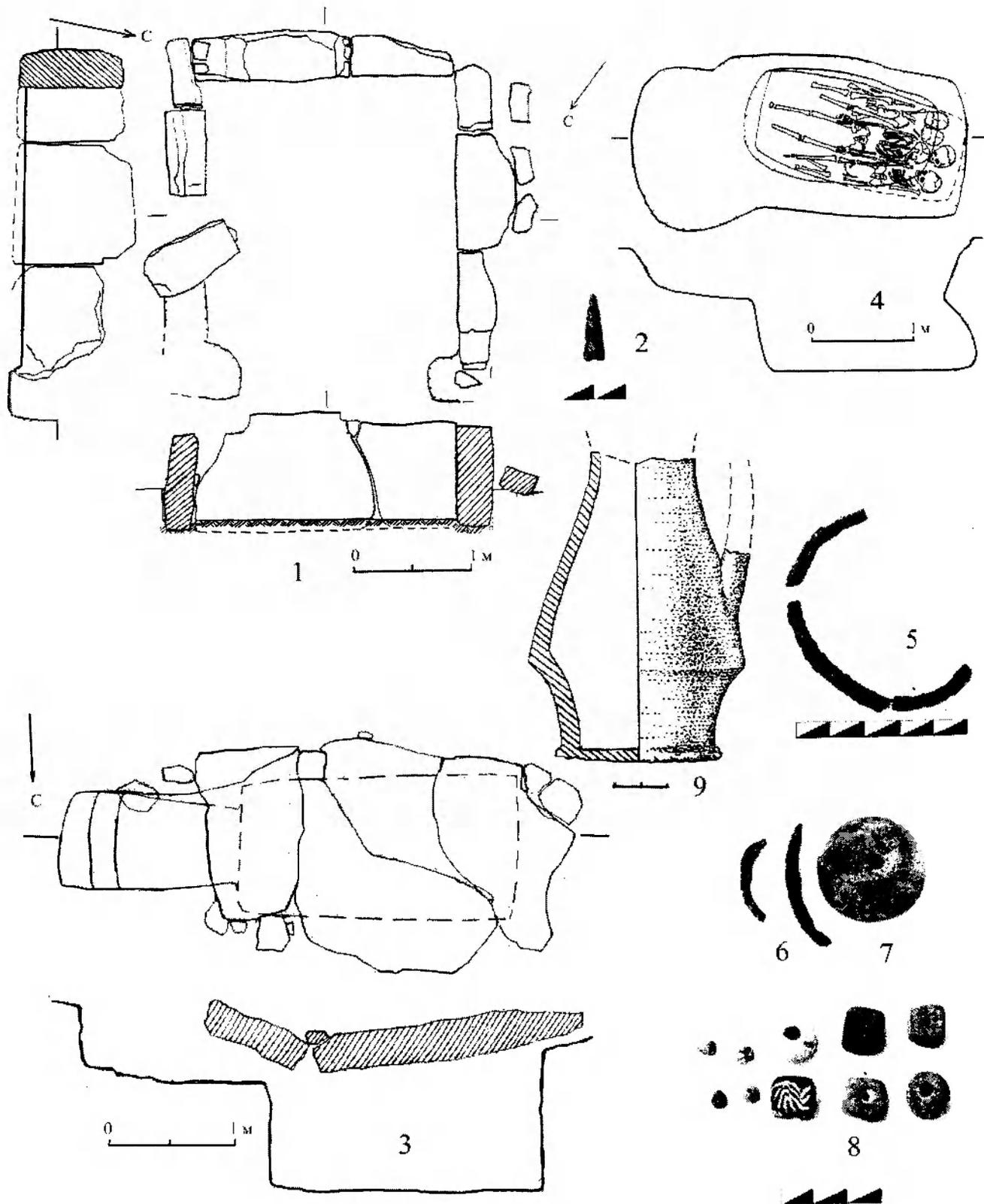

Рис. 73. 1 – Склеп из кургана Григорьевка 7. 2 – Наконечник стрелы из склепа. 3 – Погребение Григорьевка 8/1. 4 – Погребение Григорьевка 8/2. 5 – 8 – находки из склепов в кургане Григорьевка 8. 9 – Кувшин из склепа в кургане Григорьевка 6.

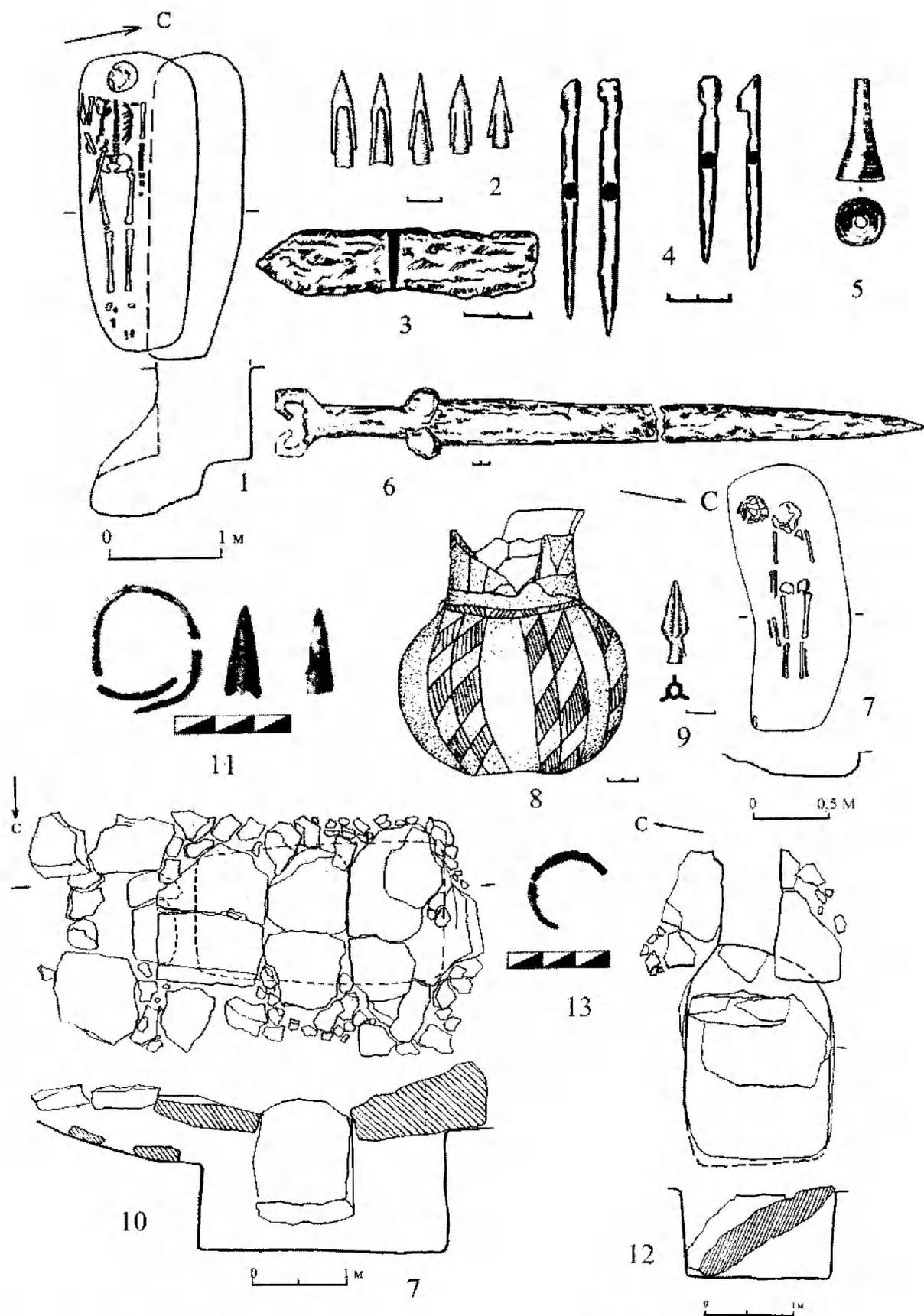

Рис. 74. 1 – 6 – Погребение Григорьевка 9/1. 7 – 9 – Погребение Григорьевка 12/2. 10, 11 – Погребение Григорьевка 13/1. 12, 13 – Погребение из кургана Григорьевка 14.

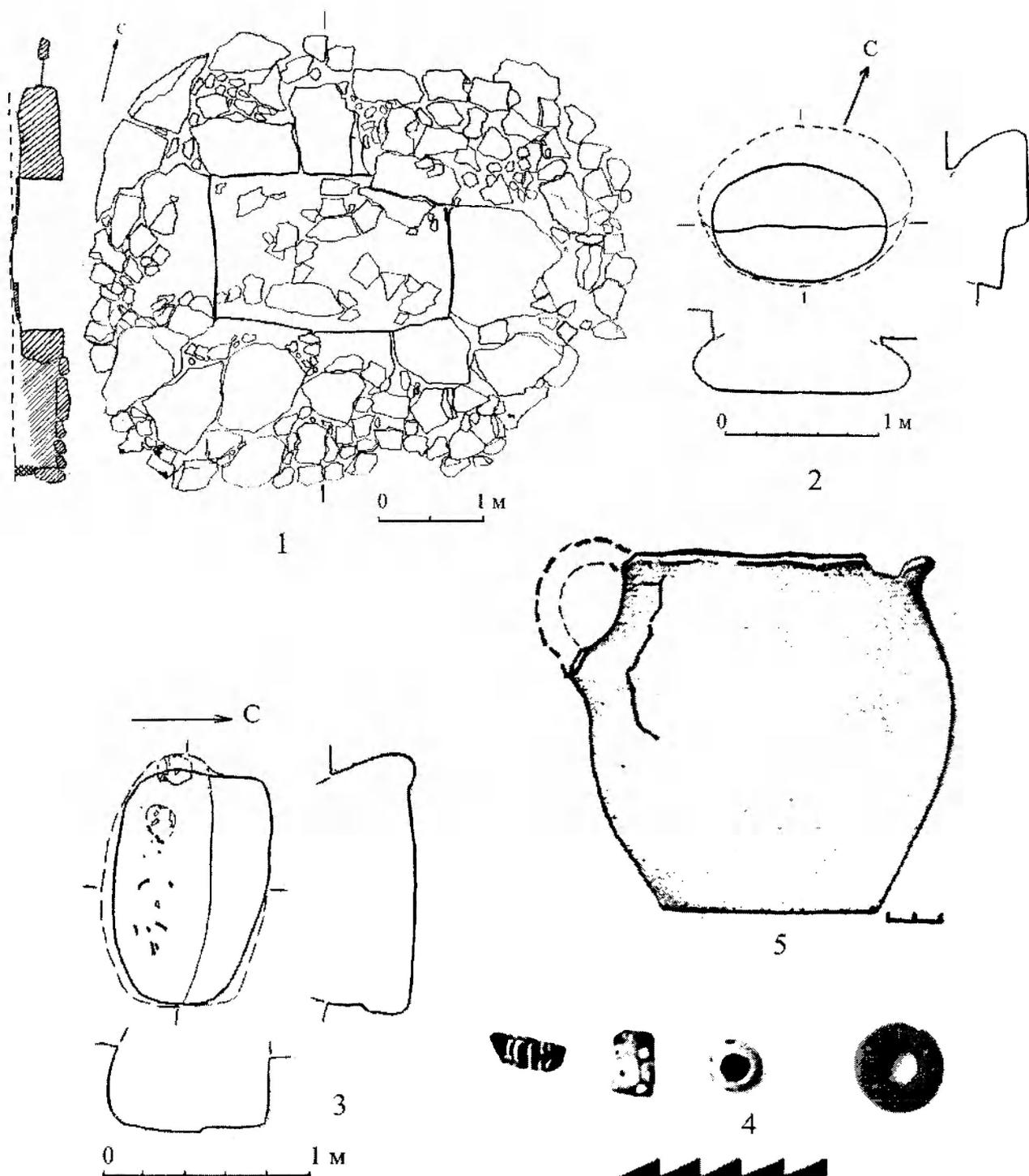

Рис. 75. Погребения из кургана Григорьевка 15. 1 – Погребение 1. 2 – Погребение 3. 3 – 5 – Погребение 2.

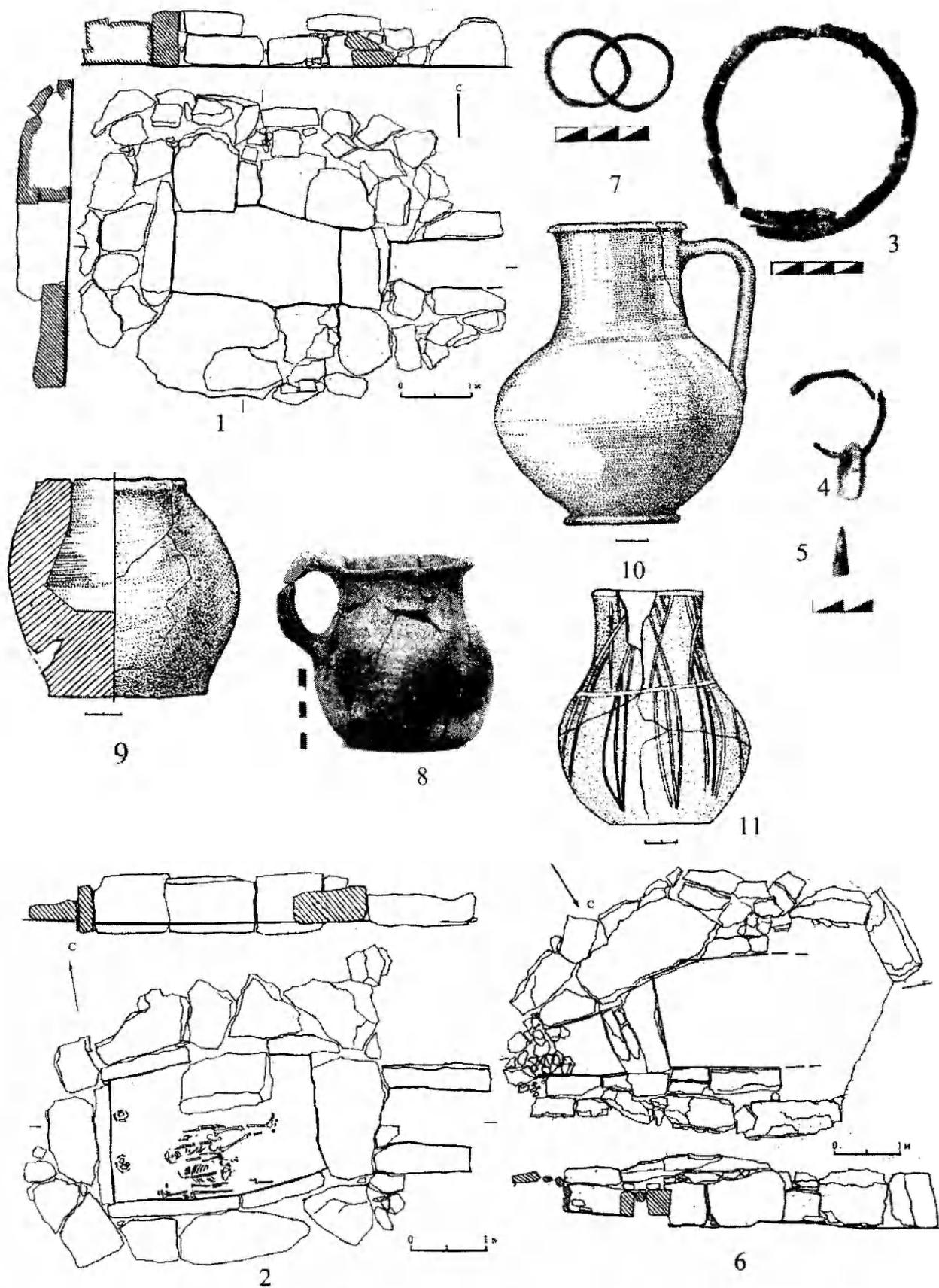

Рис. 76. 1 – Склеп из кургана Григорьевка 17. 2 – 5 – Погребение Григорьевка 18/1. 6 – Склеп из кургана Григорьевка 19. 7, 10 – Находки из погребения Григорьевка 20/1. 8 – Сосуд из погребения Григорьевка 23/1. 11 – Сосуд из кургана Григорьевка 21. 9 – Курильница из кургана Григорьевка 20.

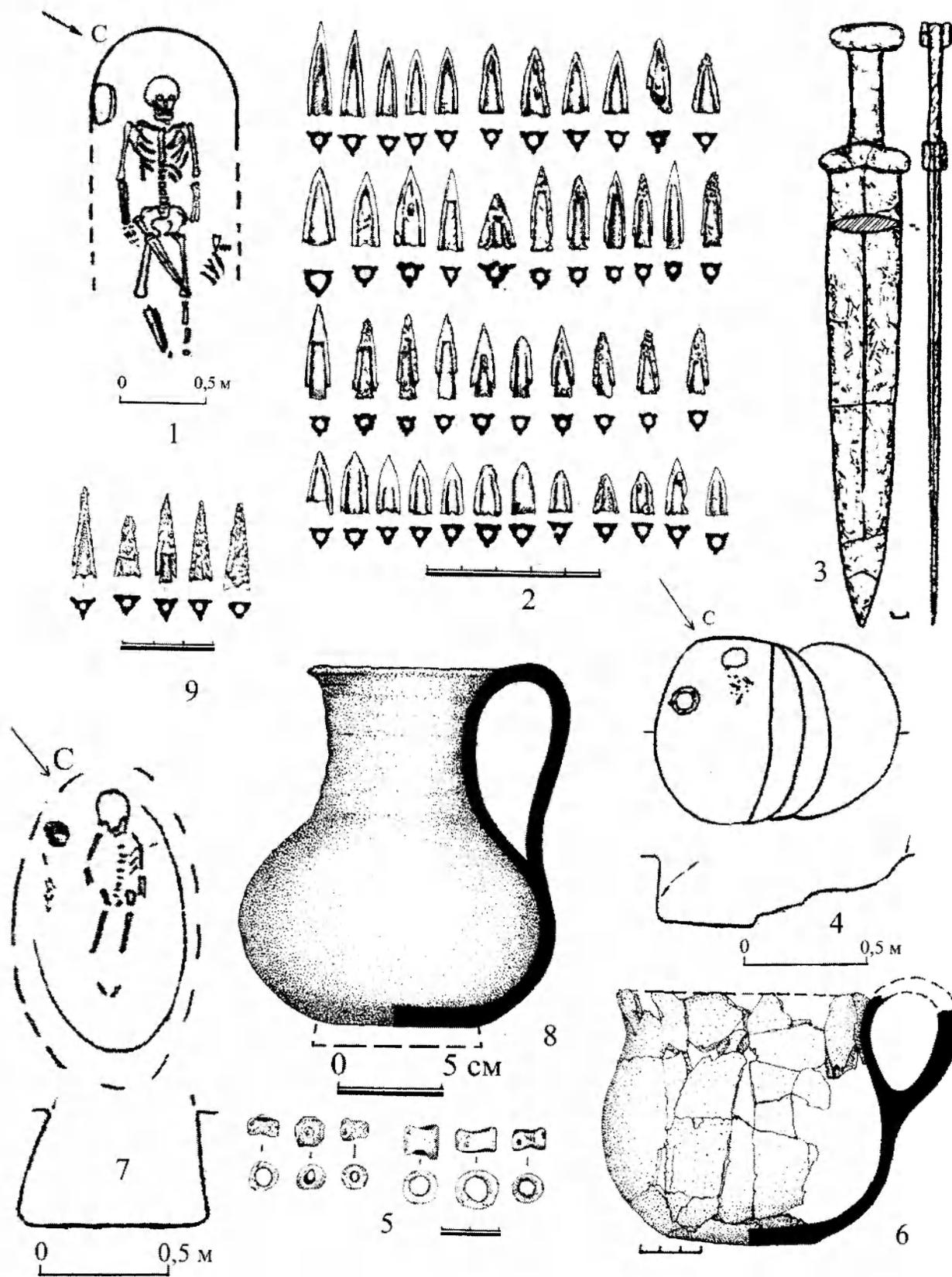

Рис. 77. 1 – 3 – Погребение Дальнее 8/1. 4 – 6 – Погребение Дальнее 7/2.
7 – 8 – Погребение Дальнее 7/3. 9 – Стрелы из погребения Дальнее 7/1.

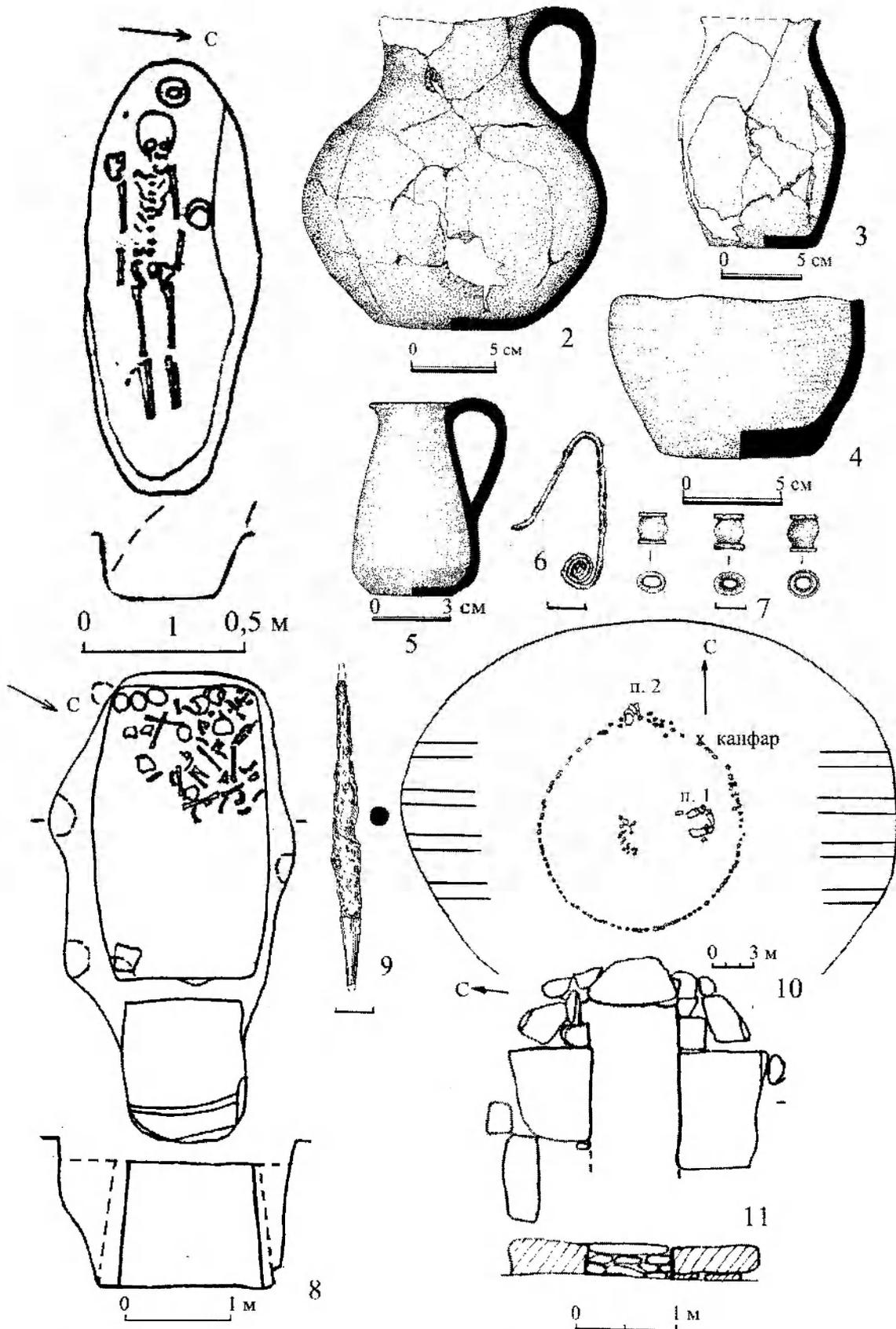

Рис. 78. 1 – 7 – Погребение Дальнее 7/4. 8 – Склеп из кургана Дальнее 6. 9 – Проколка из склепа.
10 – План кургана Дальнее 5. 11 – Гробница Дальнее 5/1.

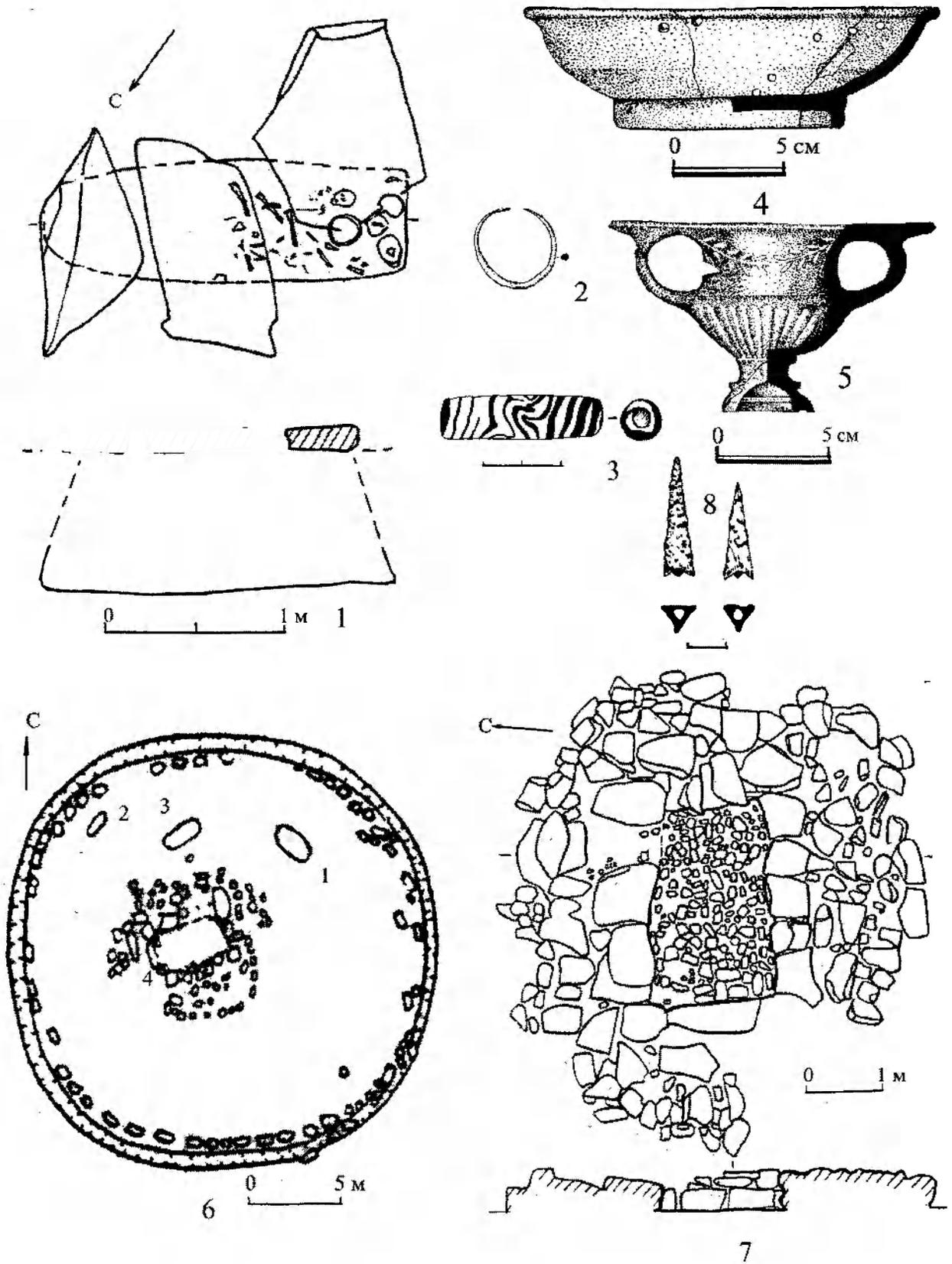

Рис. 79. 1 – 5 – Погребение Дальнее 5/2. 6 – План кургана Дальнее 4. 7, 8 – Погребение Дальнее 4/4.

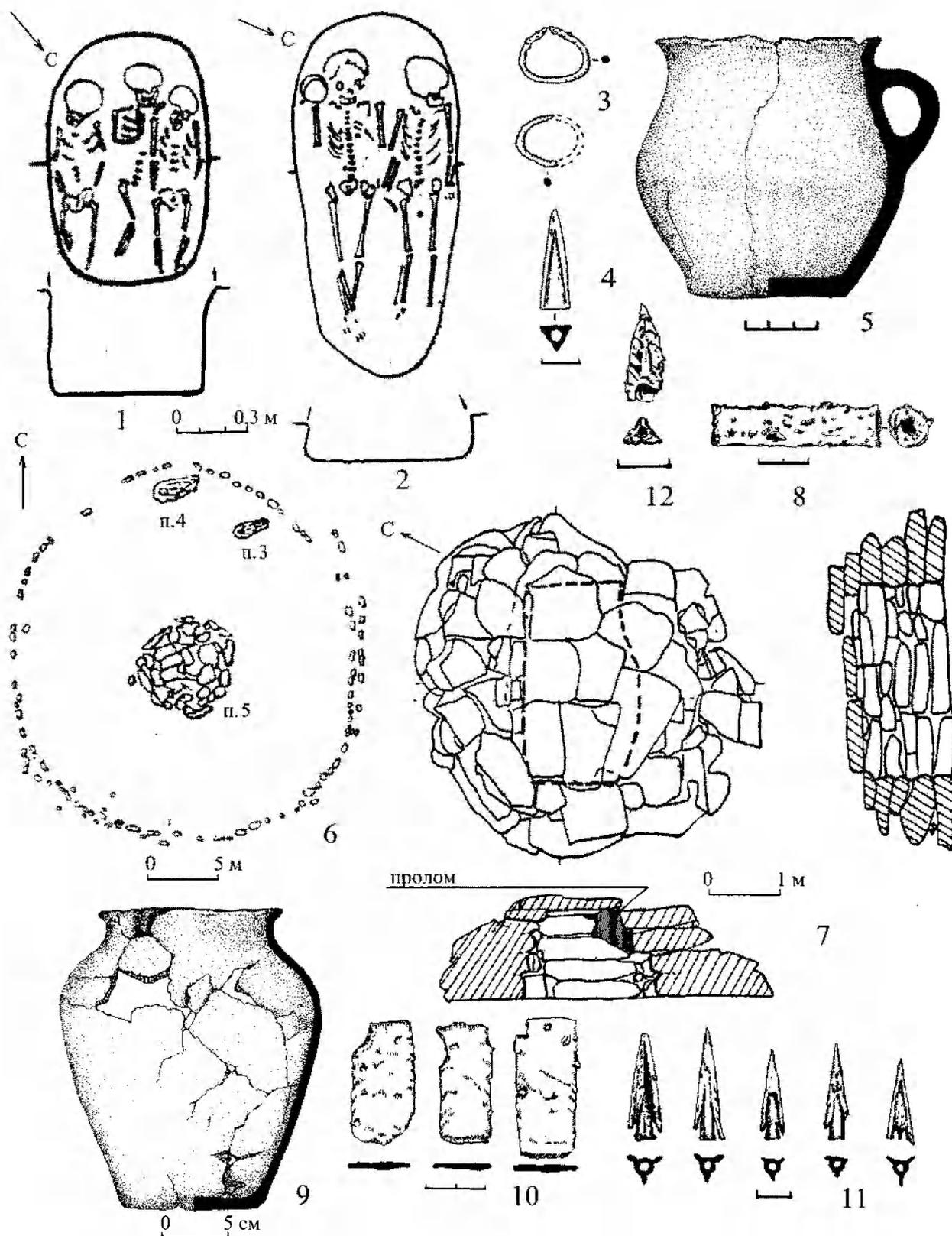

Рис. 80. 1 – Погребение Дальнее 4/2. 2 – 5 – Погребение Дальнее 4/3. 6 - Каменные сооружения и могилы кургана Дальнее 2. 7 – 11 – Погребение Дальнее 2/5. 12 – Наконечник стрелы из кургана Дальнее 3.

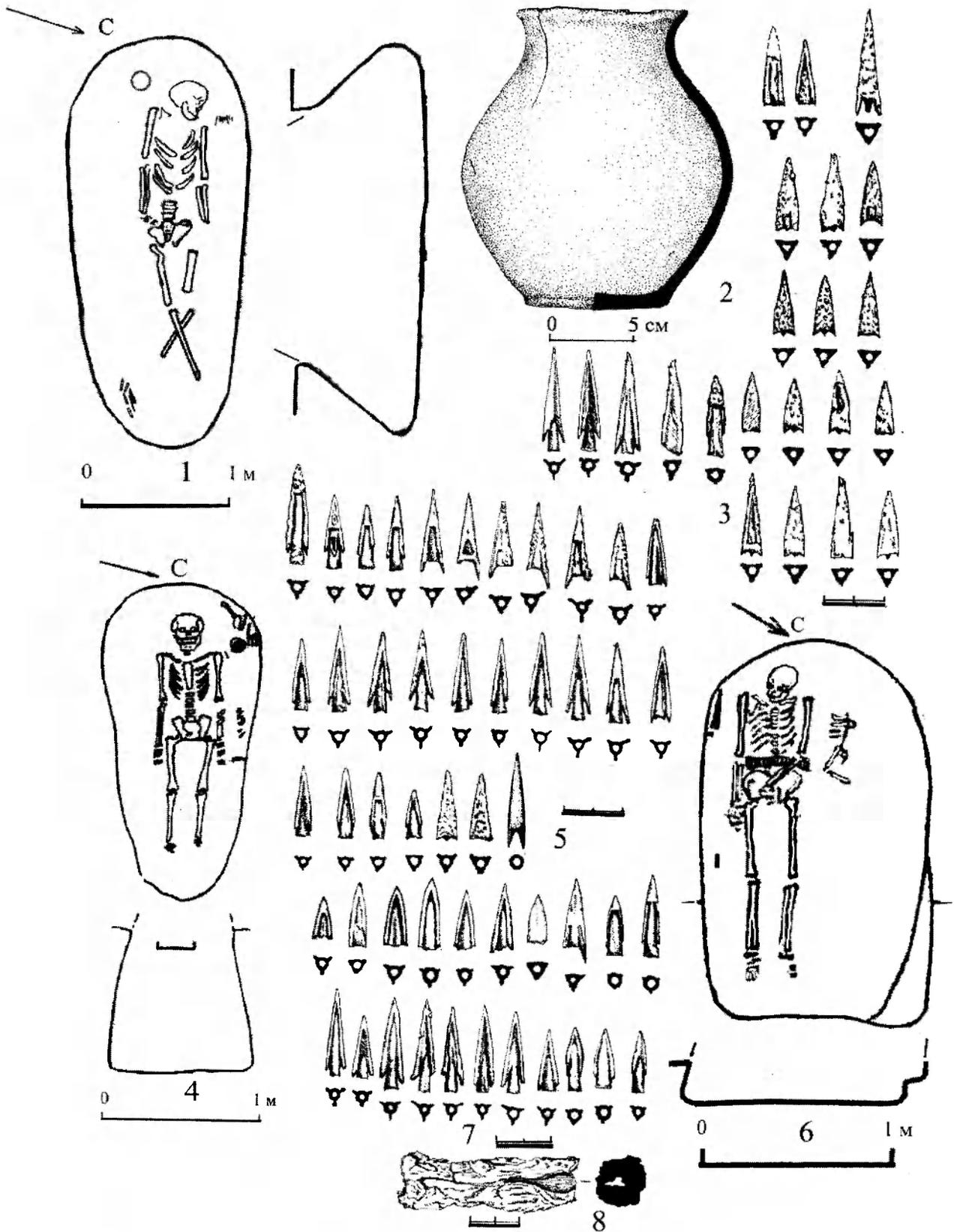

Рис. 81. 1 – 3 – Погребение Дальнее 2/3. 4, 5 – Погребение Дальнее 4. 6 – 8 – Погребение Дальнее 1/2.

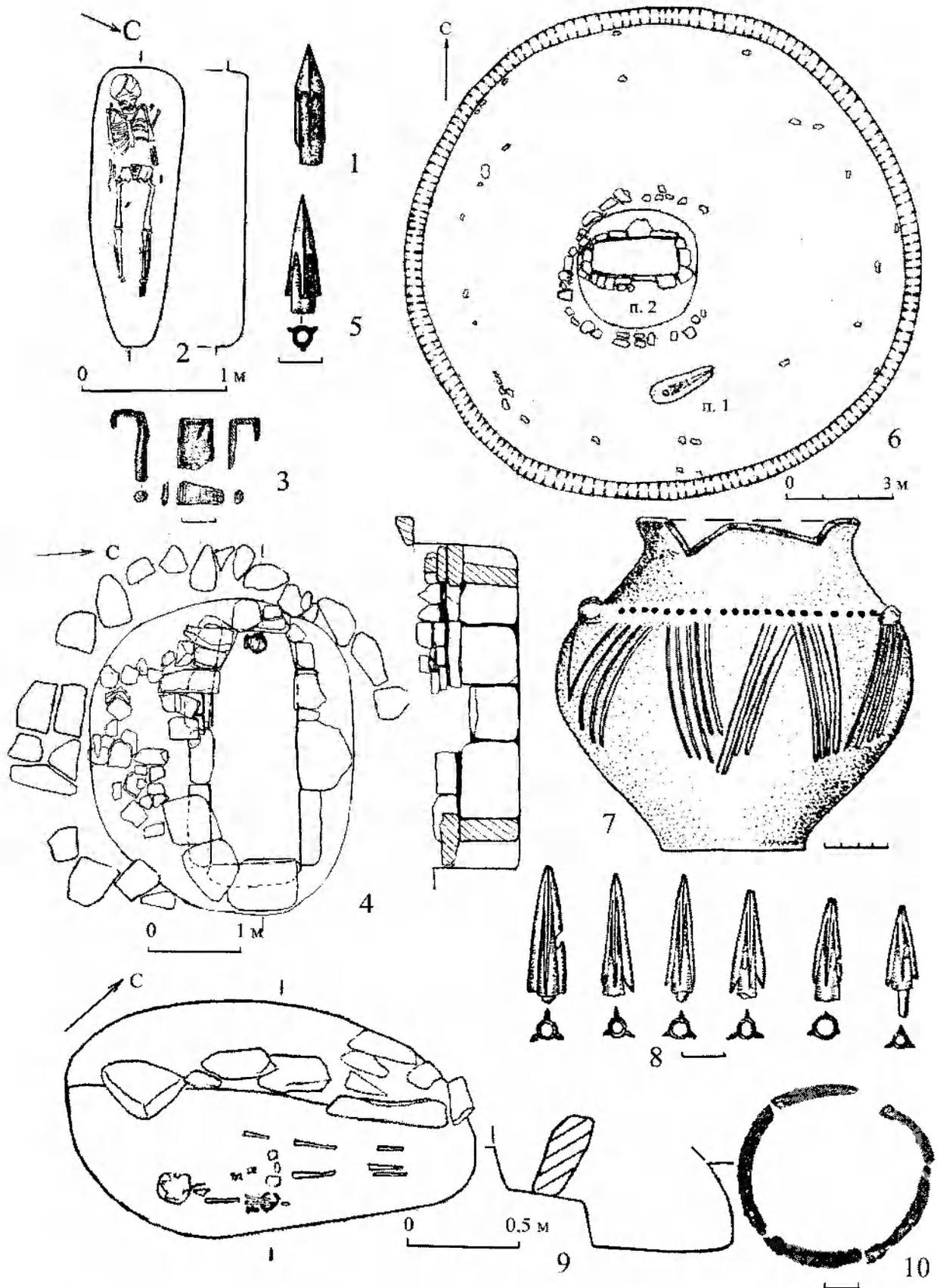

Рис. 82. 1 – Наконечник стрелы из погребения Открытое 3/6. 2, 3 – Погребение Открытое 6/1. 4, 5 – Погребение Открытое 6/2. 6 – План центральной части кургана Открытое 6. 7 – Сосуд из погребения Сусанино 2/8. 8 – Погребение Черново 2/1. 9, 10 – Погребение Черново 1/2.

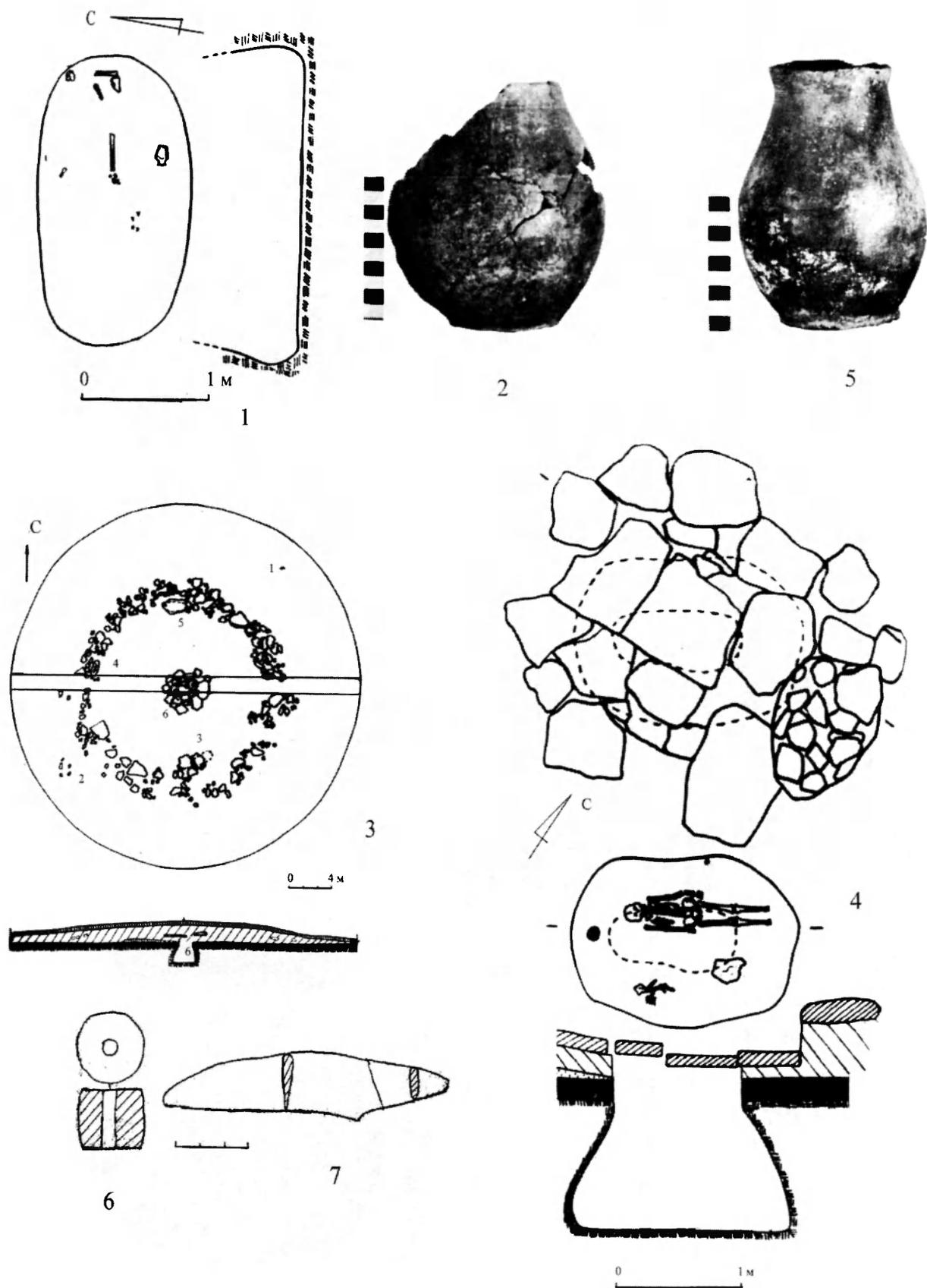

Рис. 83. 1, 2 – Погребение Братское 6/1. 3 – курган Братское 7. 4 – 7 – Погребение Братское 7/6.

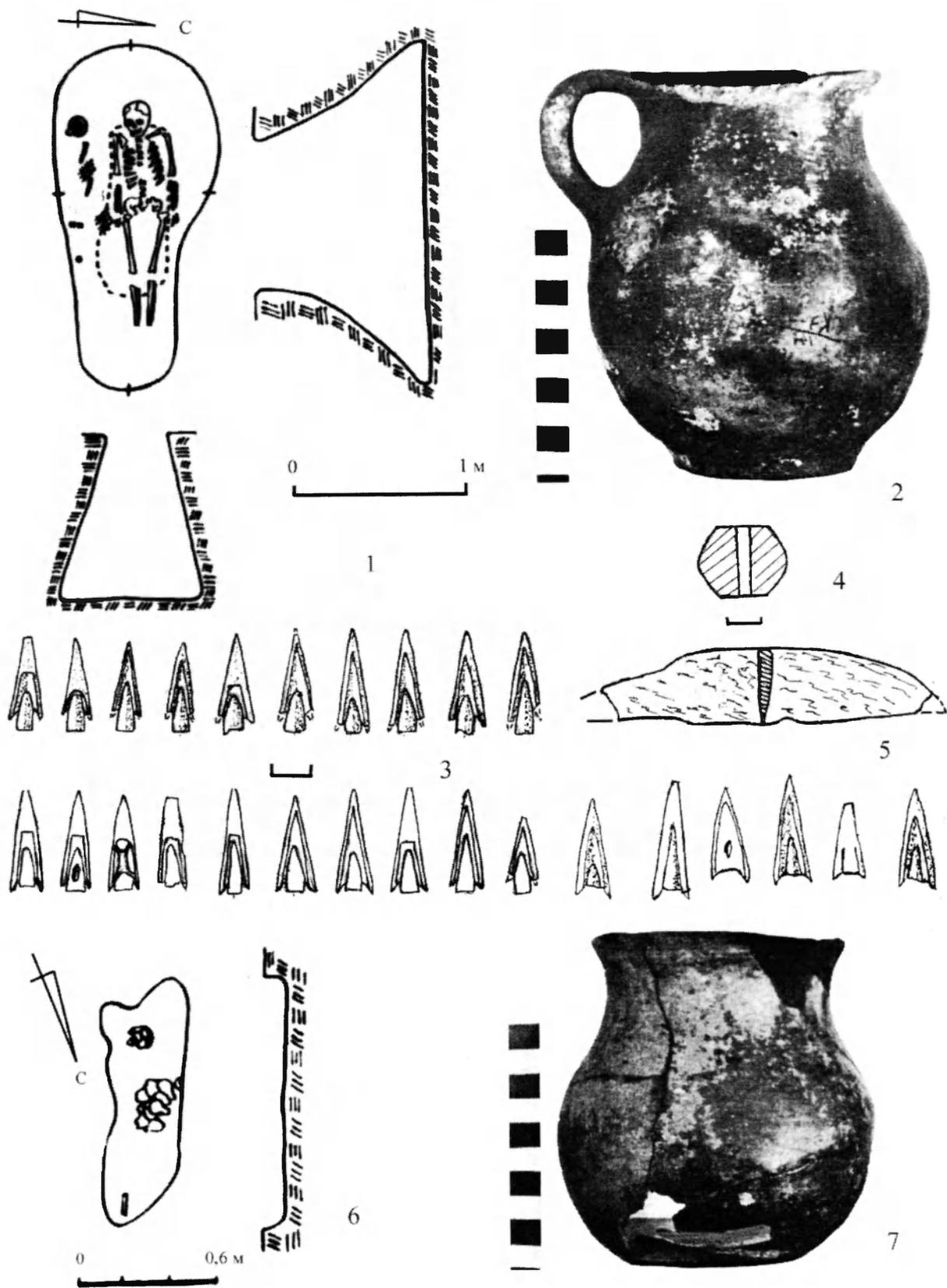

Рис. 34. 1 – 3 – Погребение Братское 7/5. 5, 7 – Погребение Братское 7/4.

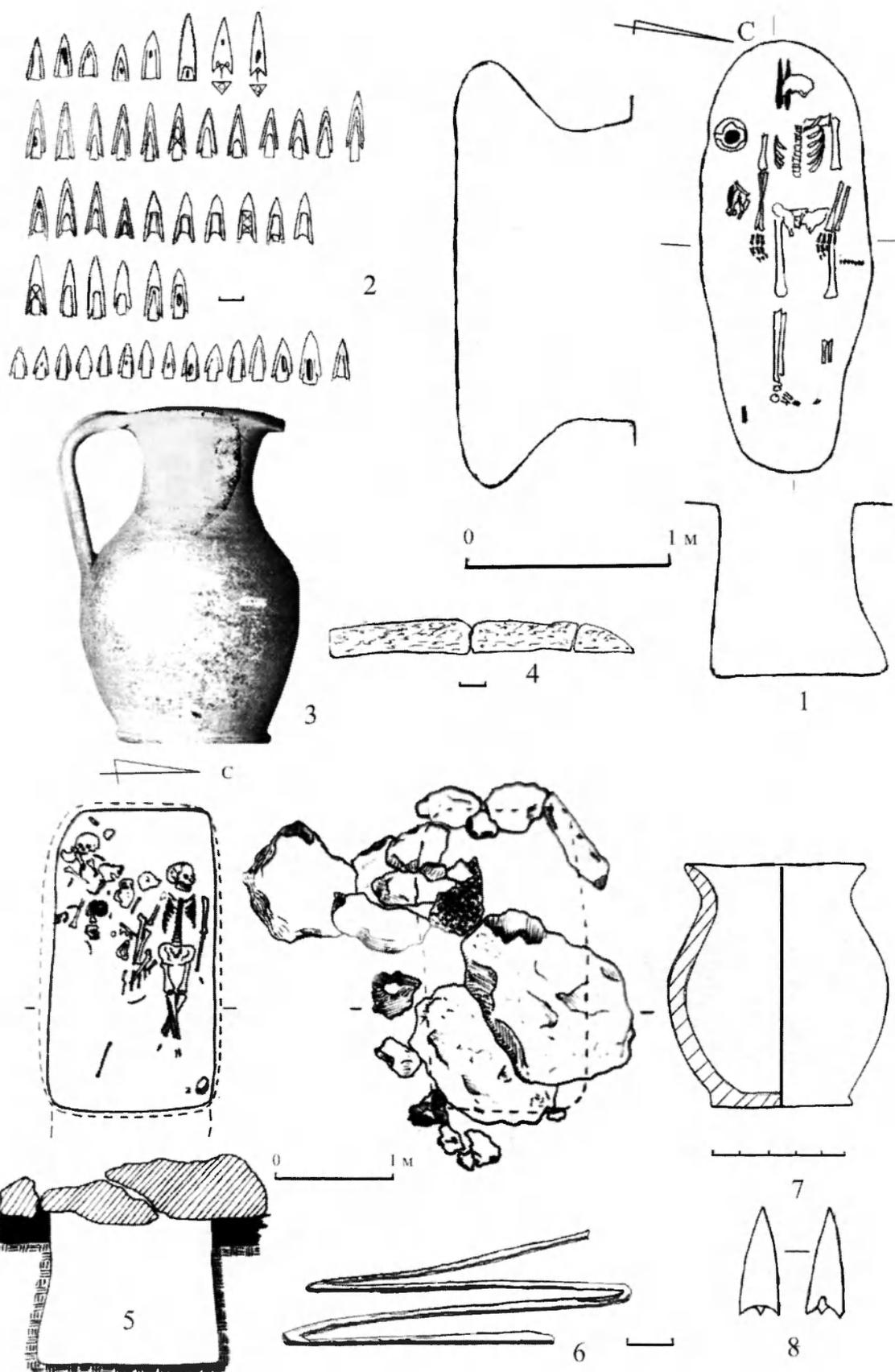

Рис. 85. 1 – 4 – Погребение Братское 7/3. 5 – 8 – Погребение Братское 8/1.

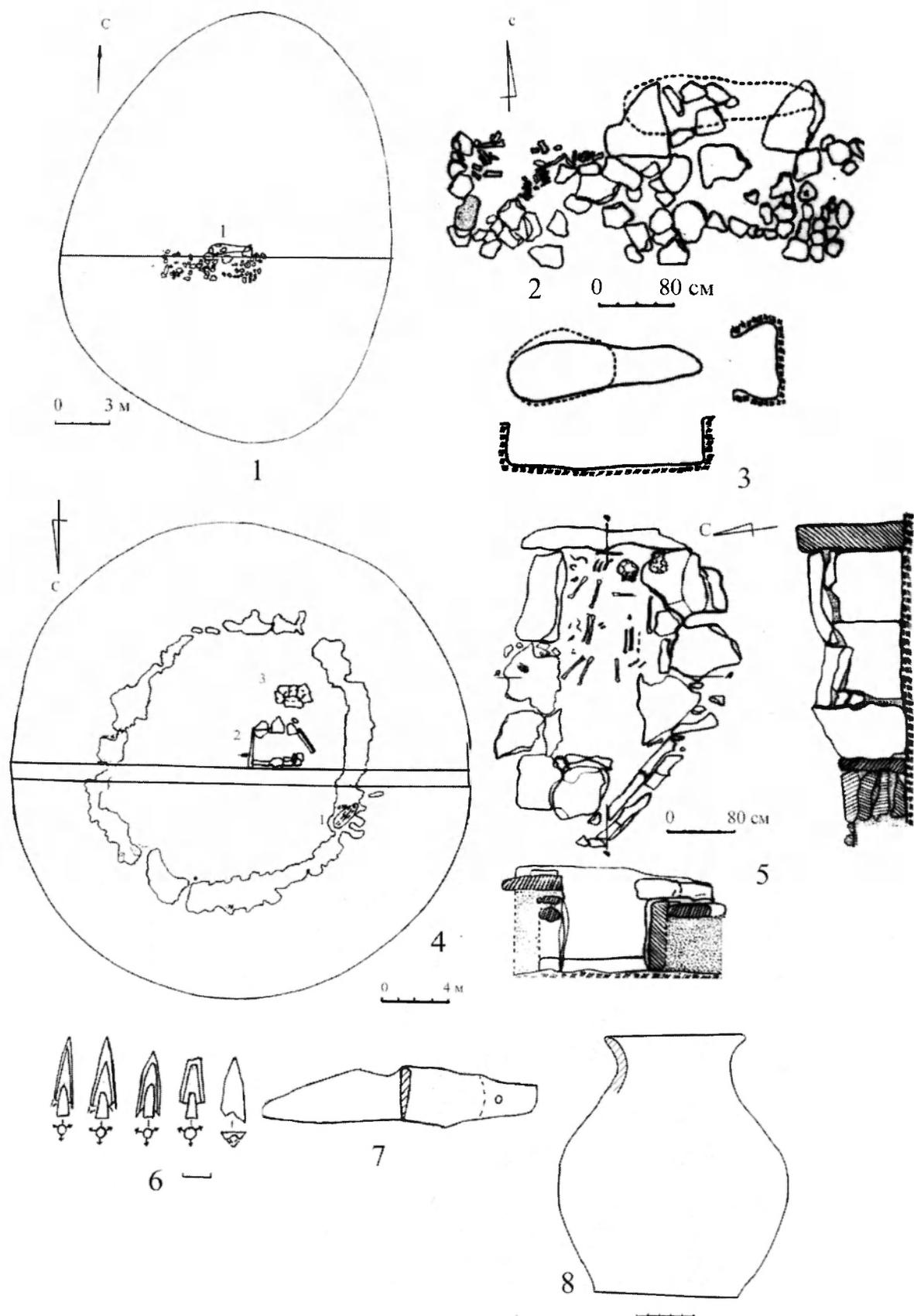

Рис. 86. 1 – План кургана Братское 9. 2, 3 – Погребение Братское 9/1. 4 – План кургана Братское 10. 5 – 8 – Погребение Братское 10/2.

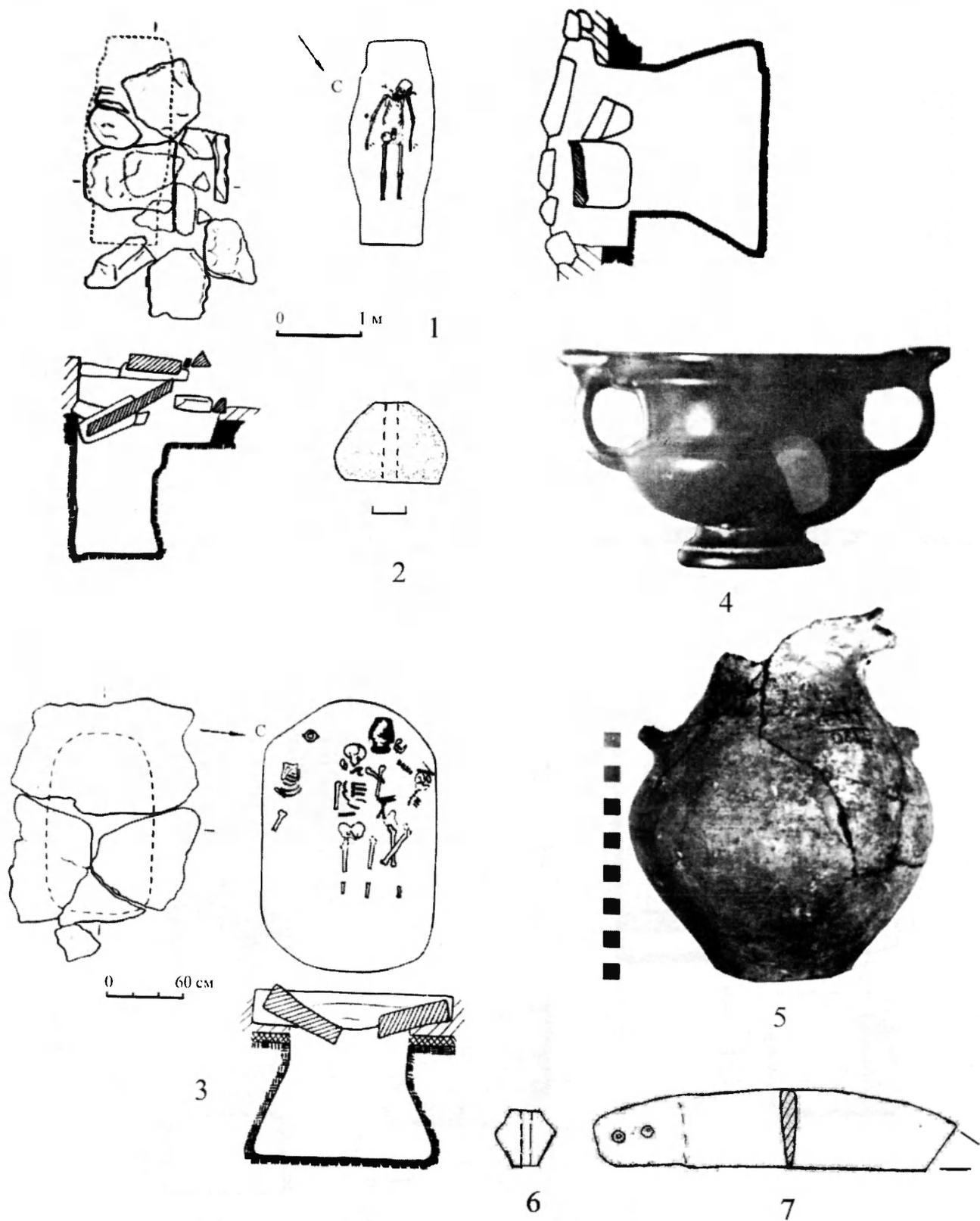

Рис. 87. 1 – 2 – Погребение Братское 10/1. 3 – 7 – Погребение 10/3.

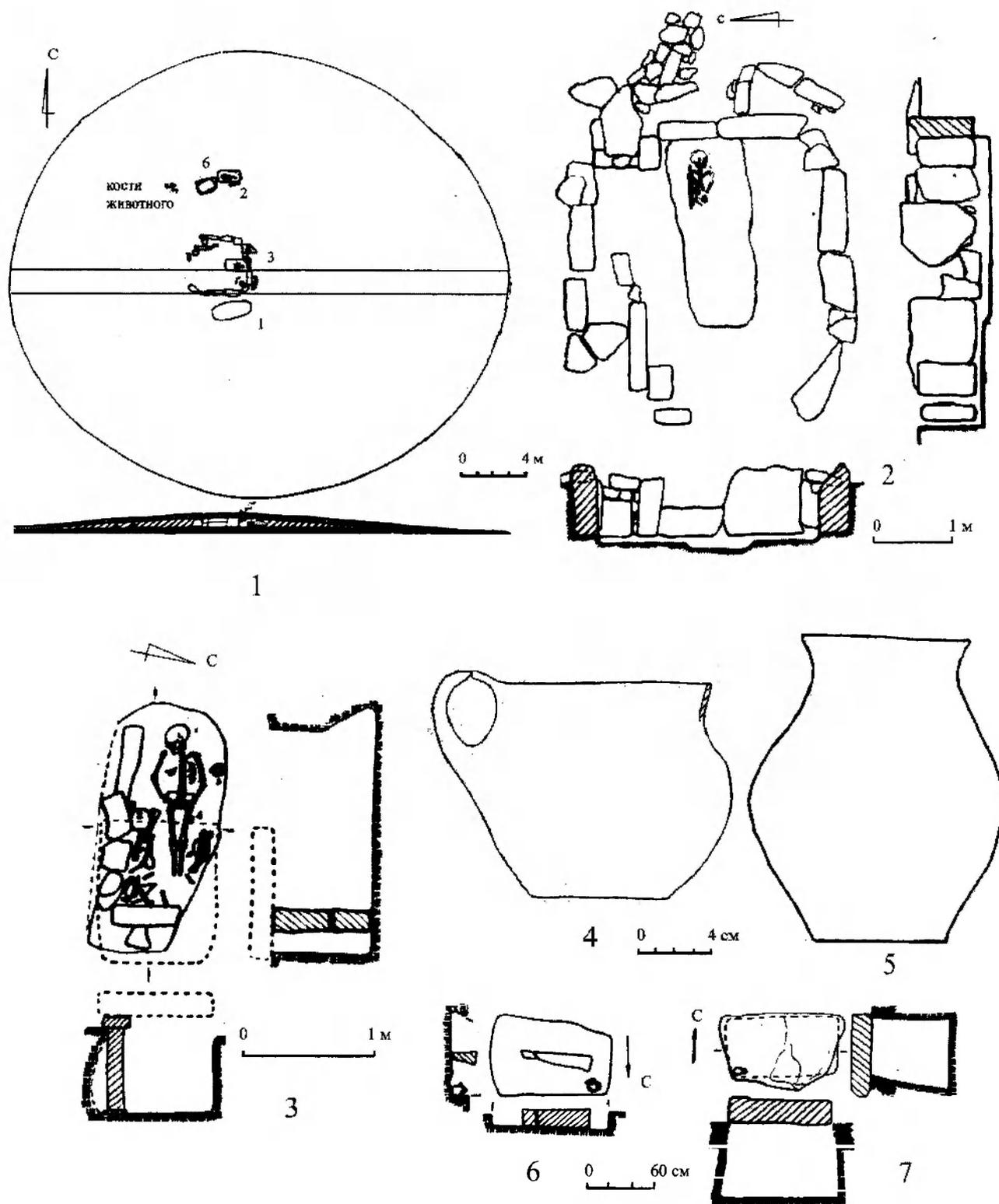

Рис. 88. 1 – Курган Братское 11. 2 – склеп из кургана Братское 11. 3, 4 – Погребение Братское 11/2. 6 – Погребение Братское 11/5. 5, 7 – Погребение Братское 11/6.

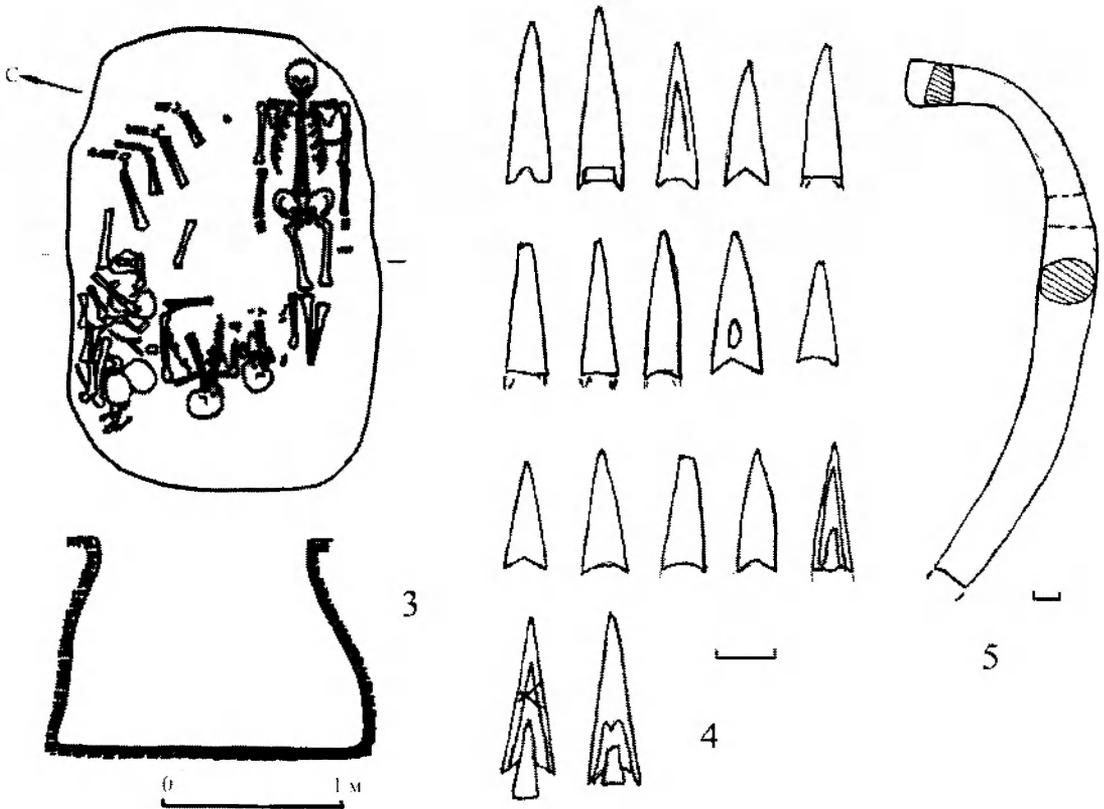
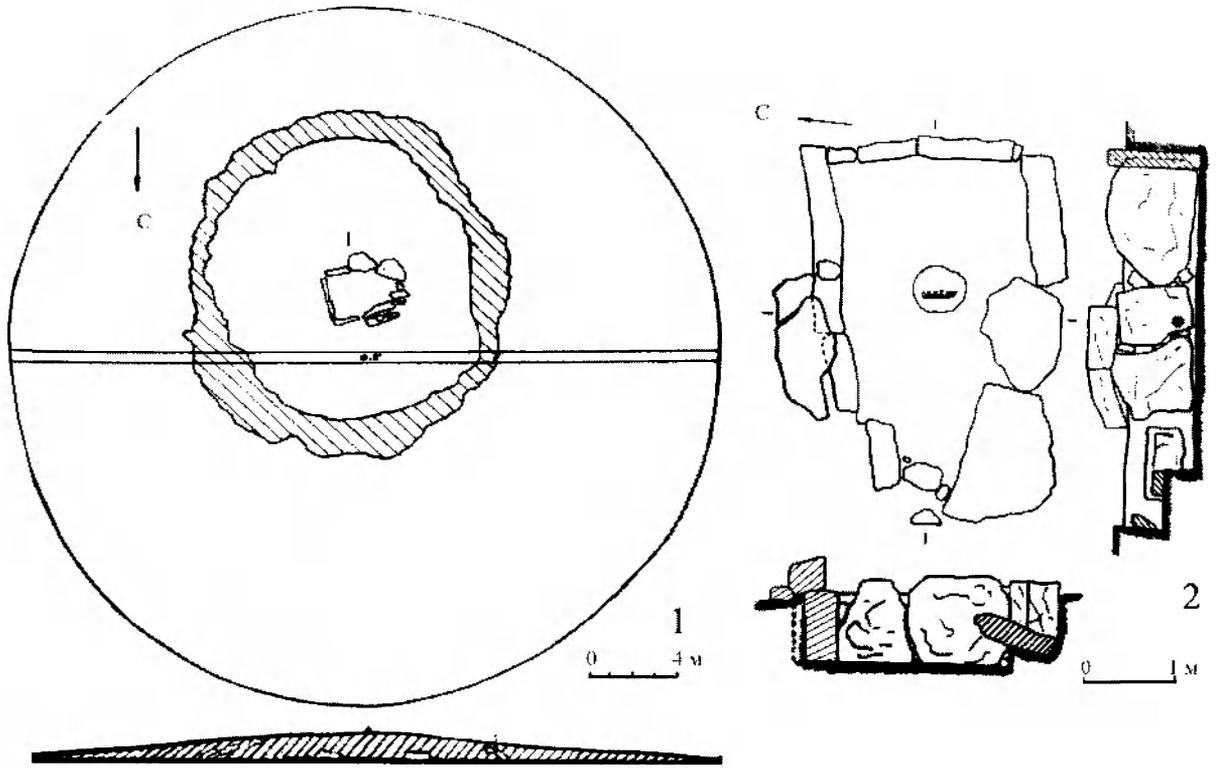

Рис. 89. 1 – Курган Братское 12. 2 – Склеп Братское 12/1. 3 – 5 – Погребение Братское 13/3.

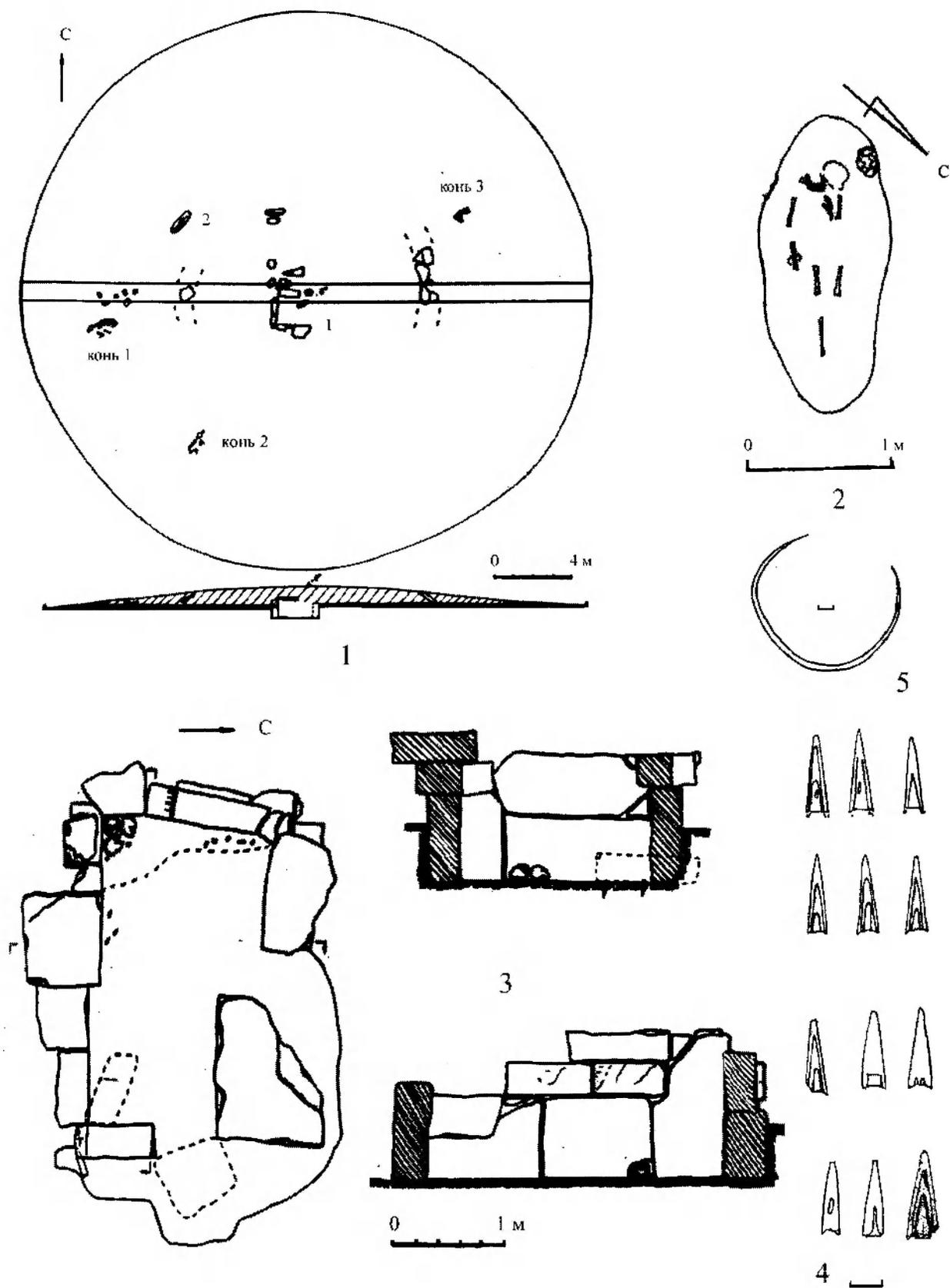

Рис. 90. 1 – Курган Братское 14. 2, 5 – Погребение Братское 14/2. 3, 4 – Погребение Братское 14/1.

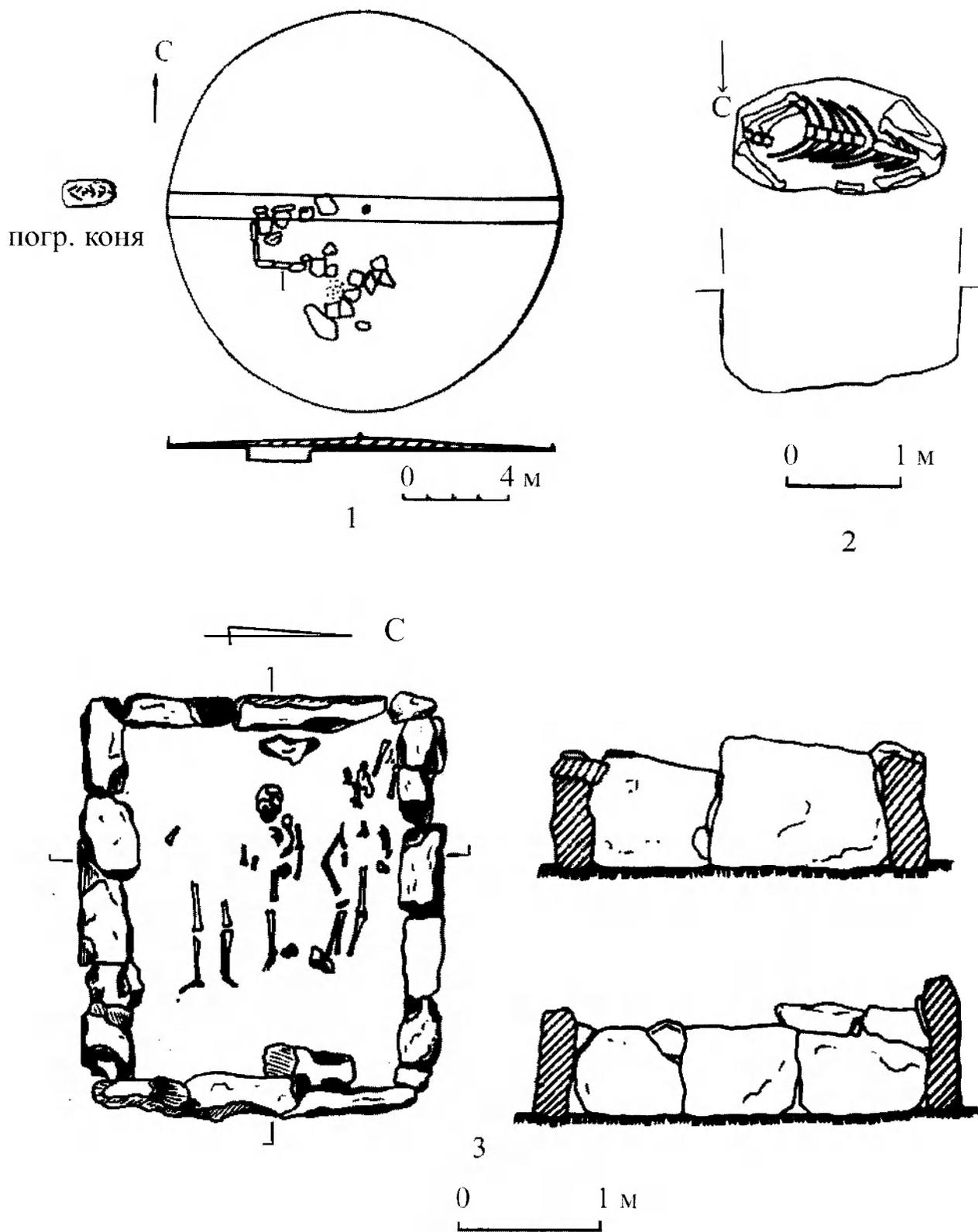

Рис. 91. 1 – Курган Братское 15. – Погребение коня в кургане Братское 15. 3 – Склеп в кургане Братское 15.

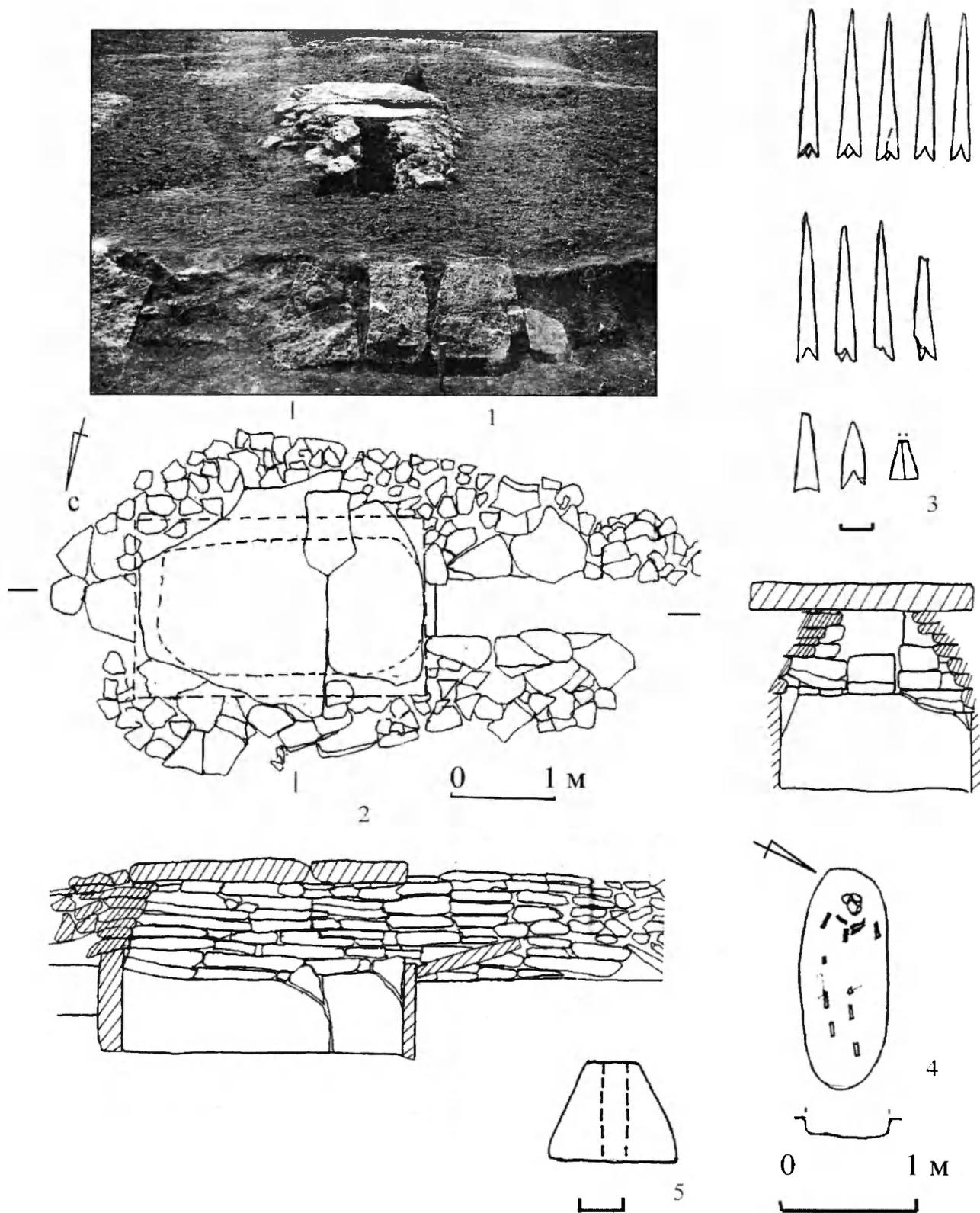

Рис. 92. 1 – 3 – Погребение Братское 16/1. 4, 5 – Погребение Братское 16/2.

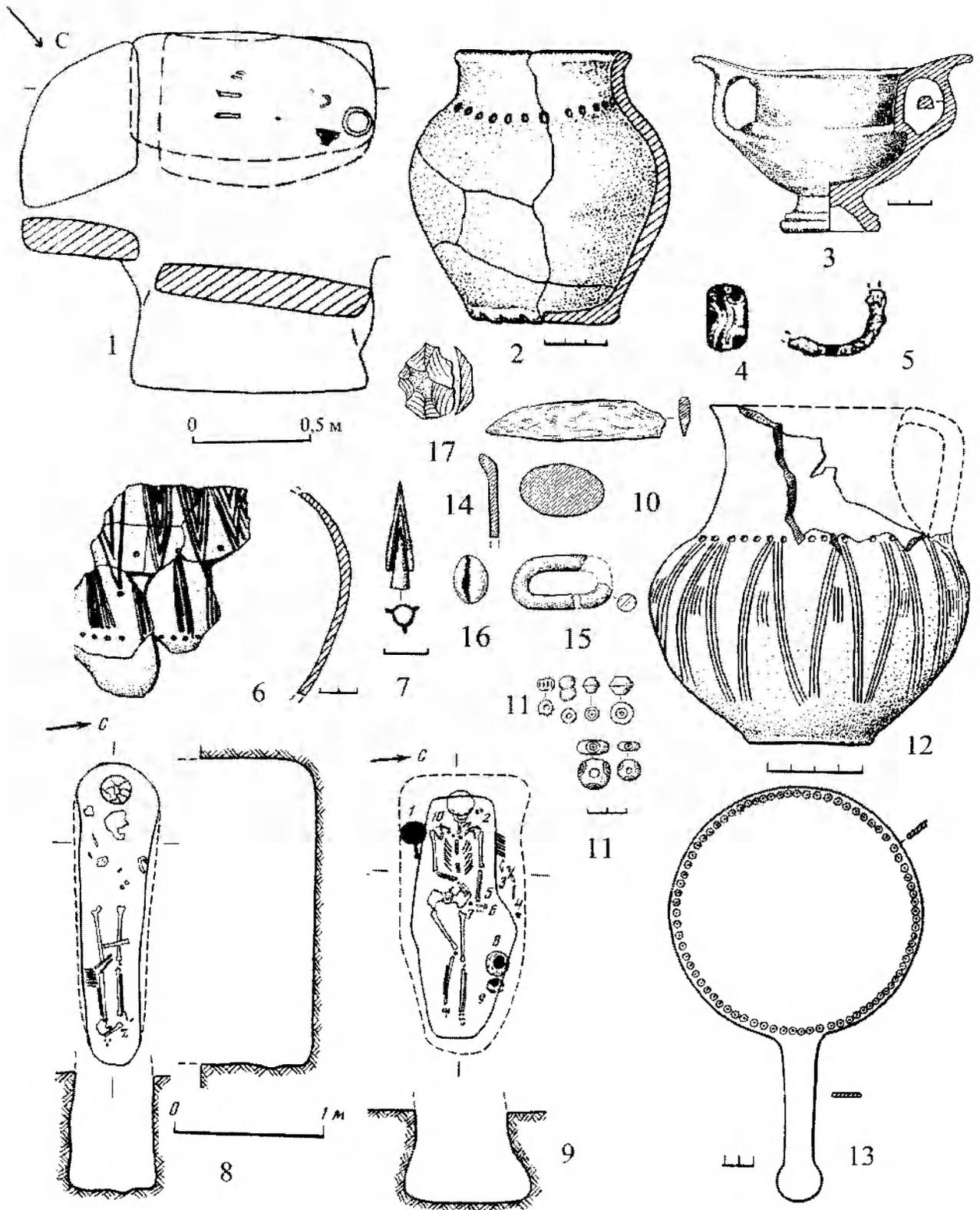

Рис. 93. 1 – 5 – Погребение Октябрьское 3/1. 6 – 7 – Погребение Открытое 4/1. 8 – Погребение Гришино 1. 9 – 13, 14 – 17 – Погребение Гришино 2. 14 – Венчик фасосской амфоры из насыпи кургана у с. Гришино.

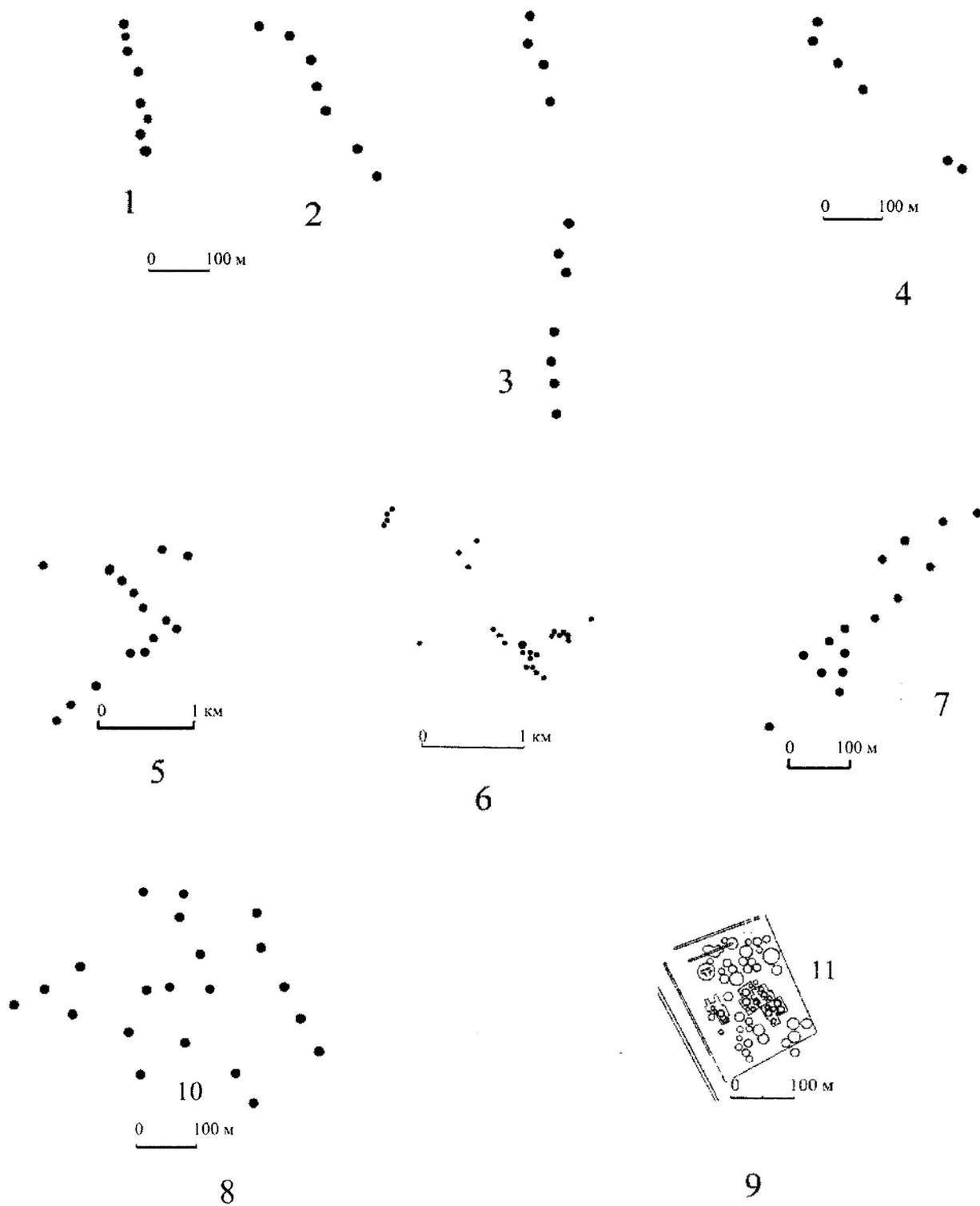

Рис. 94. 1 – План могильника Водопойное. 2 – План могильника Наумовка. 3 – План могильника Снежное. 4 – План могильника Новоозерное. 5 – План могильника Крыловка. 6 – План могильника Суворовское. 7 – План Ойбурского могильника на основе карты М 1:42000. 8 – План могильника Межводное. 9 – План могильника Панское по А.Н. Щеглову.

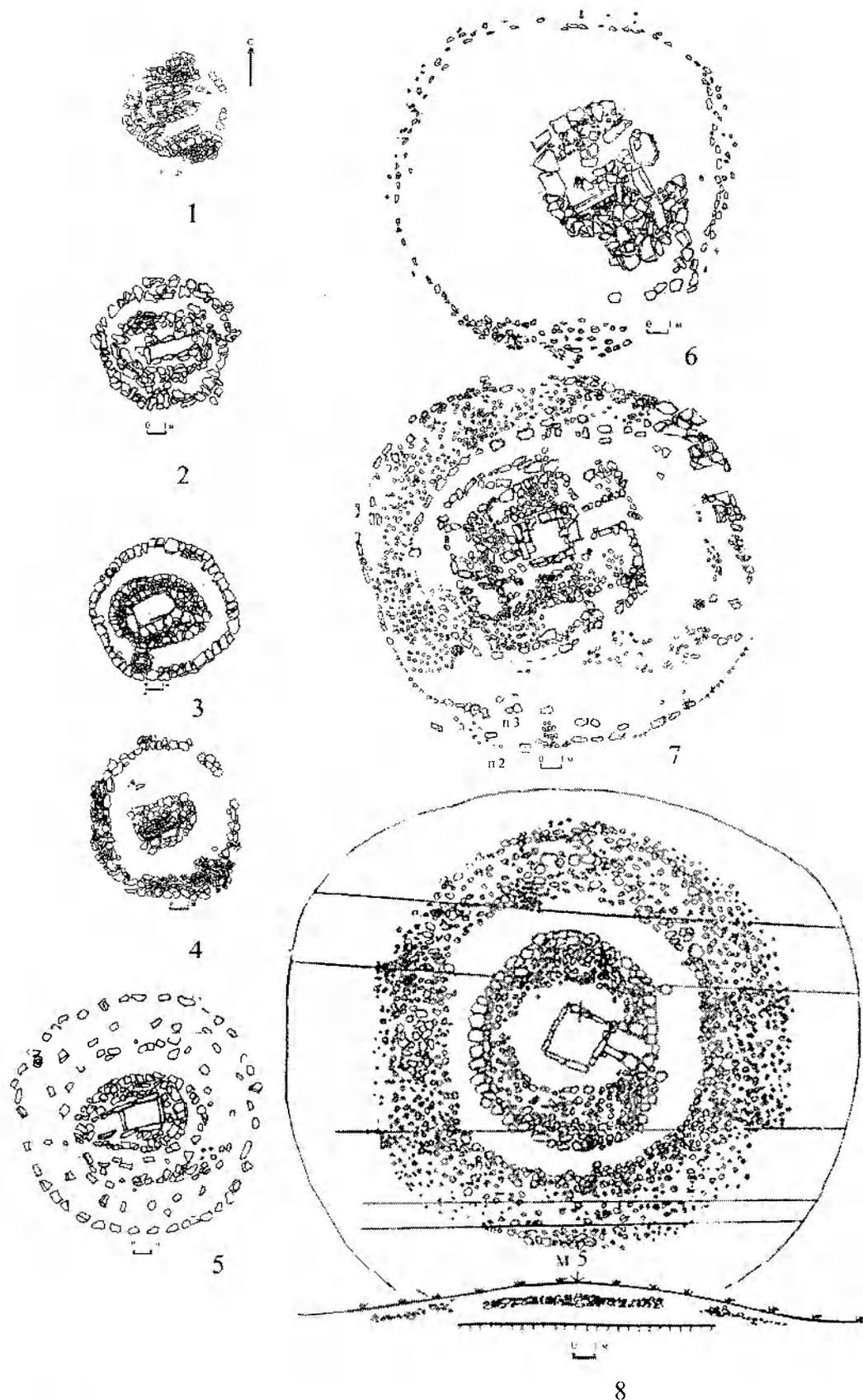

Рис. 95. Каменные крепиды и наброски. 1 – Водопойное 10. 2 – Водопойное 6. 3 – Снежное 2. 4 – Водопойное 5. 5 – Луговое 2. 6 – Крыловка 2. 7 – Суворовское 3. 8 – Наташино 18.

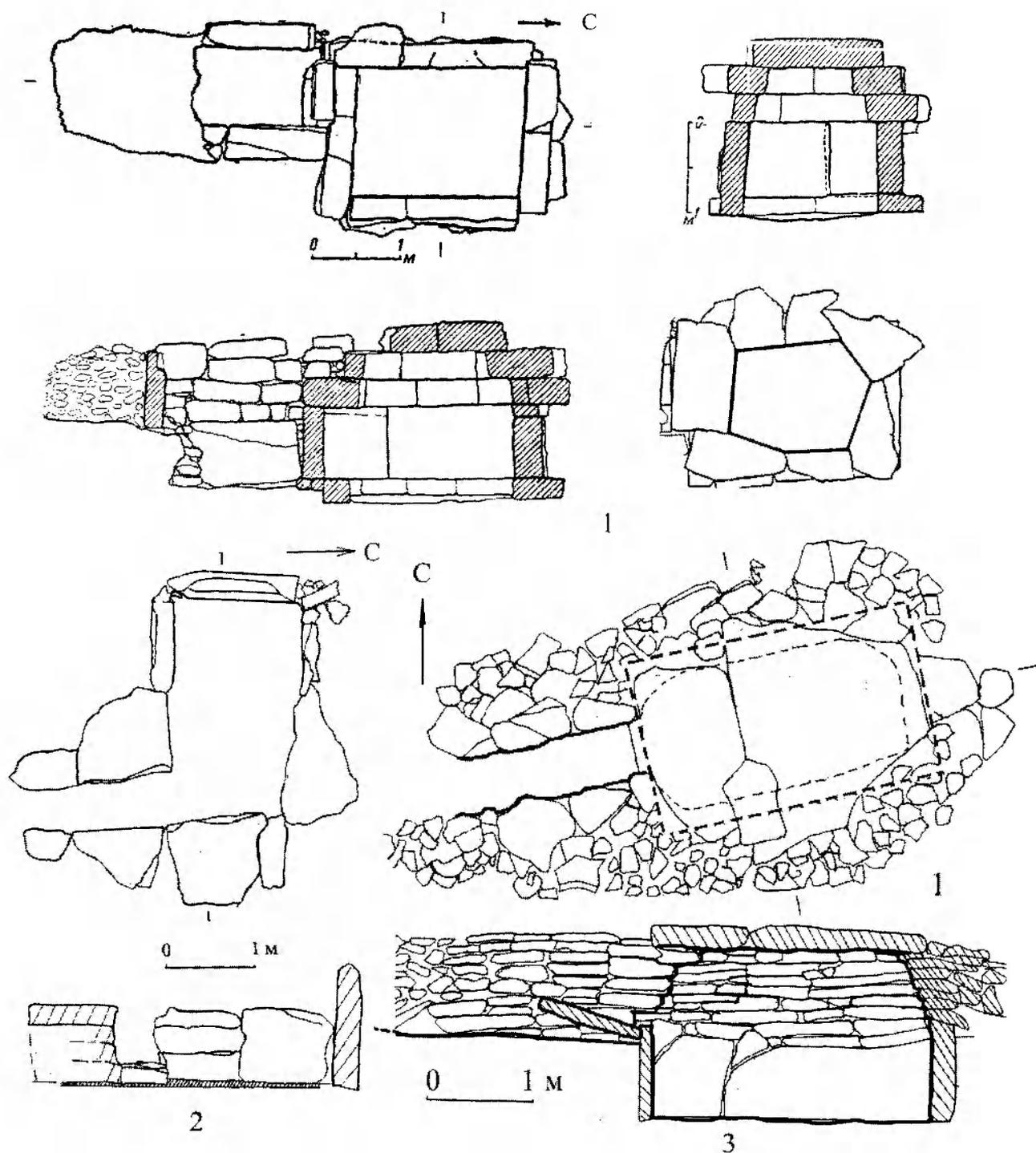

Рис. 96. Склепы. 1 – Склеп из некрополя Керкинитиды. 2 – Склеп из могильника Снежное (Черноморский р-н). 3 – Склеп из могильника Братское.

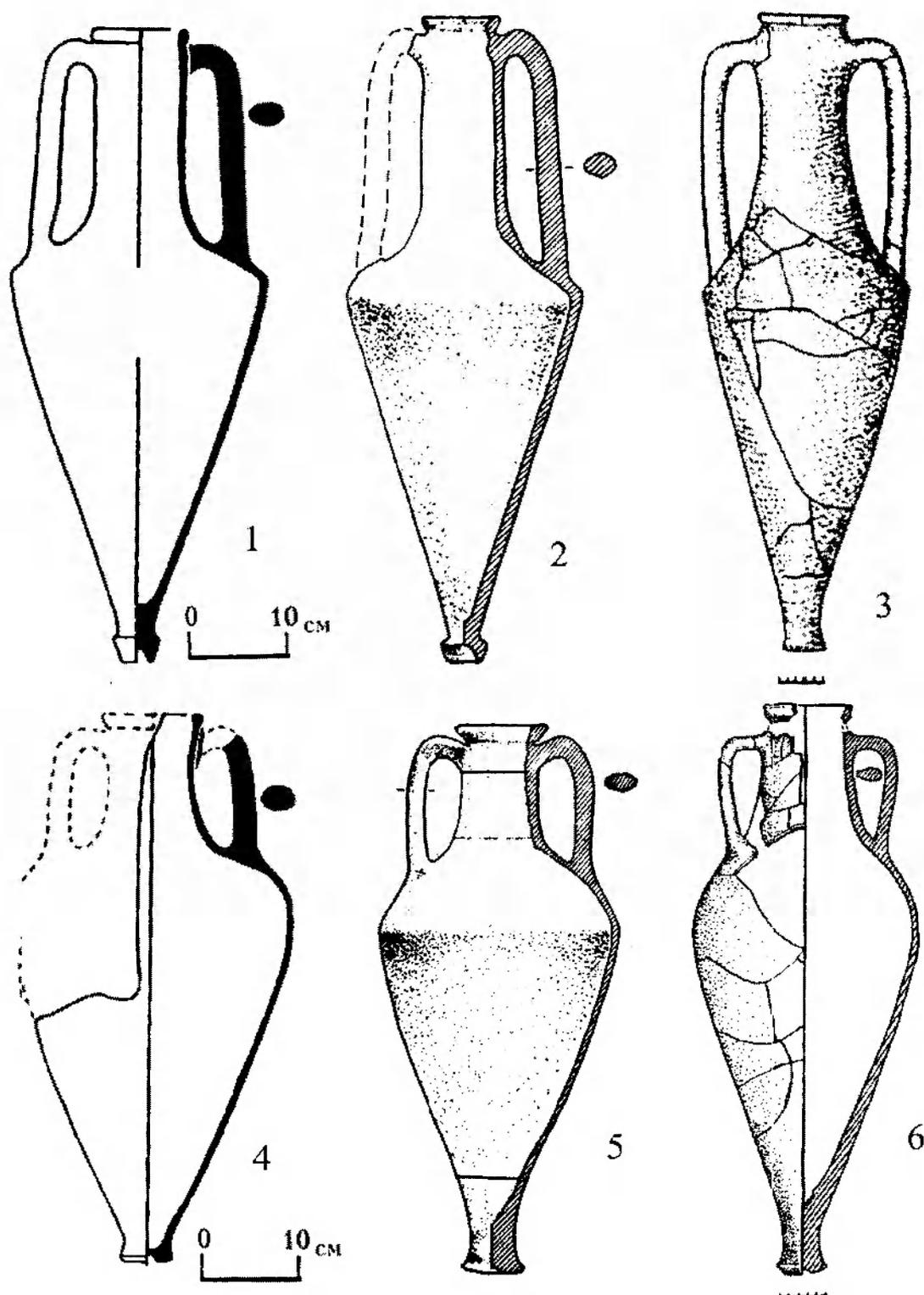

Рис. 97. Античные амфоры. 1 – Красноярское 8/2. 2 – Червоное. 3 – Виноградово 13/2. 4 – Рылеевка – Славное 4/2. 5 – Червоное. 6 – Луговое 4/12.

Рис. 98. Гончарные и чернолаковые сосуды. 1 – Луговое 4/7. 2 – Красноярское 8/2. 3 – Дальнее 7/8. 4 – Дальнее 7/4. 5 – Крыловка 5. 6 – Суворовское 3/3. 7 – Октябрьское 3/1. 8 – Дальнее 5. 9 – Братское 10/3. 10 – Виноградово 13/2. 11 – Луговое 4/7. 12 – Дальнее 5/2. 13 – Суворовское 12/1. 14 – Григорьевка 6. 15 – Григорьевка 20/1.

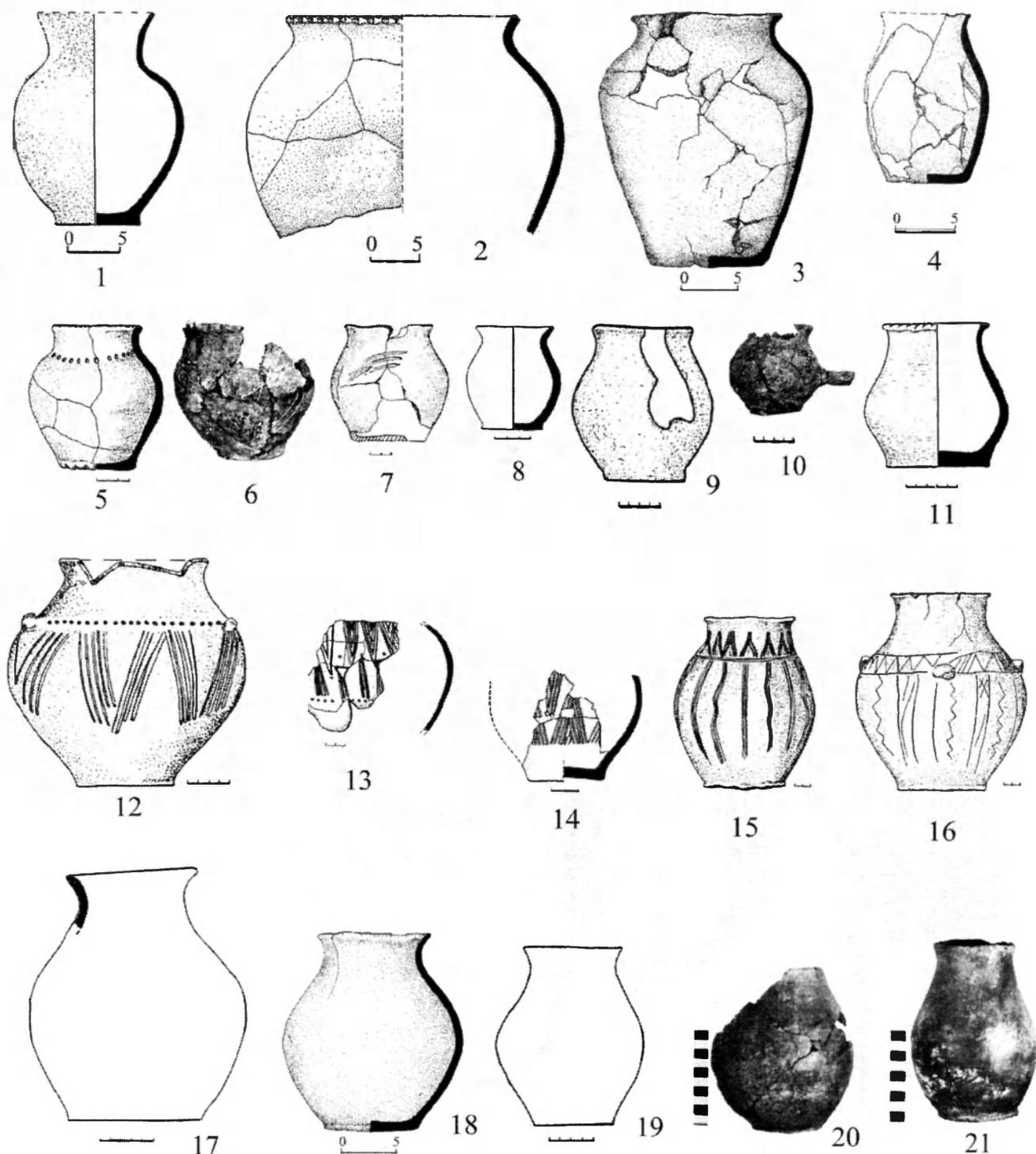

Рис. 99. Лепные сосуды. 1 – Нагашино 15/2. 2 – Колоски 4. 3 – Дальнее 2/5. 4 – Дальнее 7/4. 5 – Октябрьское 3/1. 6 – Водопойное 6/2. 7 – Григорьевка 5/5. 8 – Братское 8/2. 9 – Далекое 7/2. 10 – Водопойное 10/1. 11 – Солдатское – Шалаши 3/1. 12 – Сусанино 2/8. 13 – Октябрьское 4/1. 14 – Колоски 1/1. 15, 16 – Григорьевка 5/9. 17 – Братское 10/2. 18 – Дальнее 2/3. 19 – Братское 11/6. 20 – Братское 6/1. 21 – Братское 7/6.

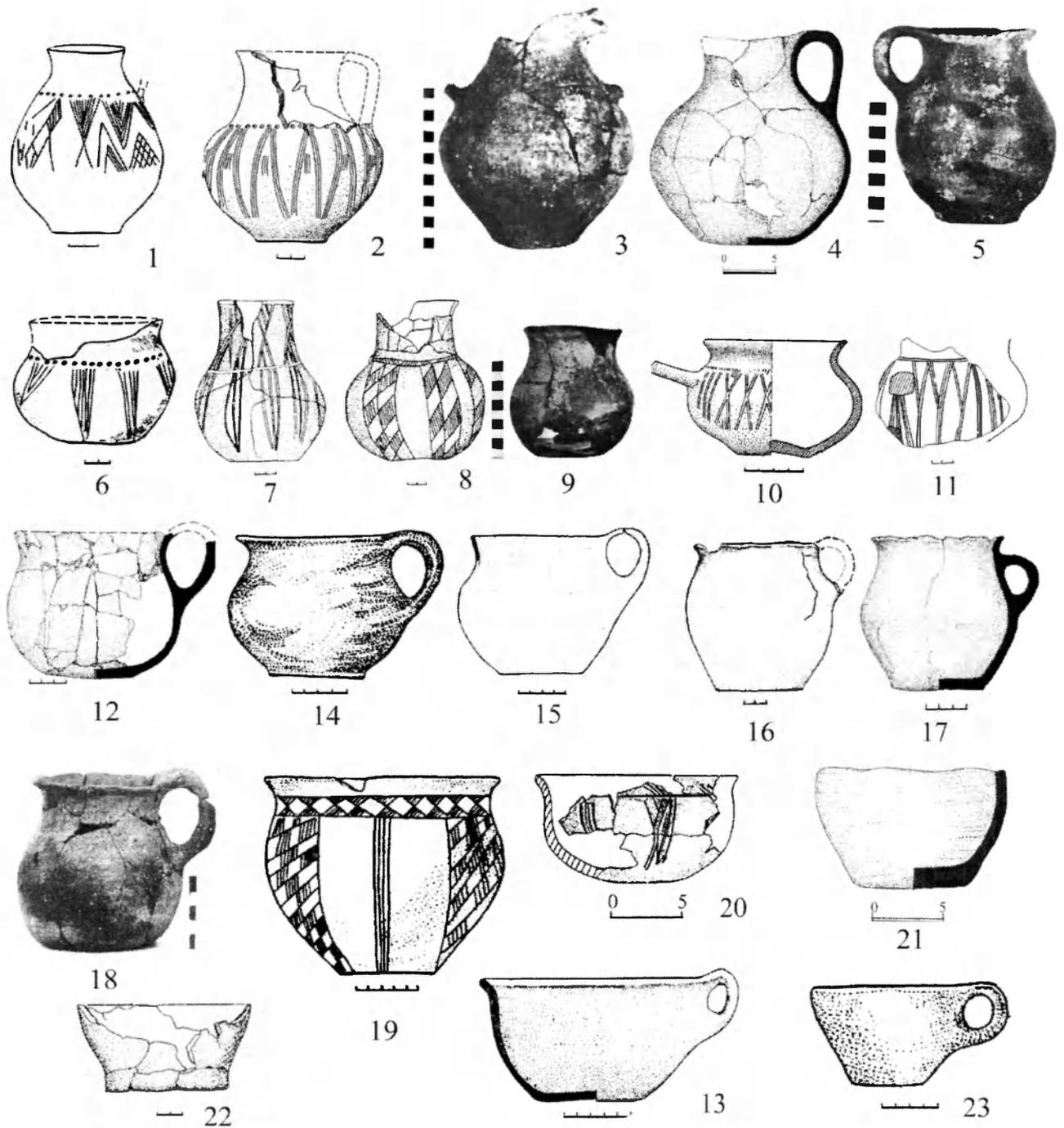

Рис. 100. Лепные сосуды. 1 – Межводное 9/6. 2 – Гришино 1/2. 3 – Братское 10/3. 4 – Дальнее 7/4. 5 – Братское 7/5. 6 – Межводное 9/3. 7 – Григорьевка 21. 8 – Григорьевка 12/2. 9 – Братское 7/4. 10 – Колоски 5/5. 11 – Тавкель – Нейман. 12 – Дальнее 7/2. 13 – Крыловка 2. 14 – Березовка 5/6. 15 – Братское 11/2. 16 – Григорьевка 15/2. 17 – Дальнее 4/3. 18 – Григорьевка 23/1. 19 – Березовка 5/6. 20 – Григорьевка 5/7. 21 – Дальнее 7/4. 22 – Григорьевка 5/5. 23 – Березовка 5/6.

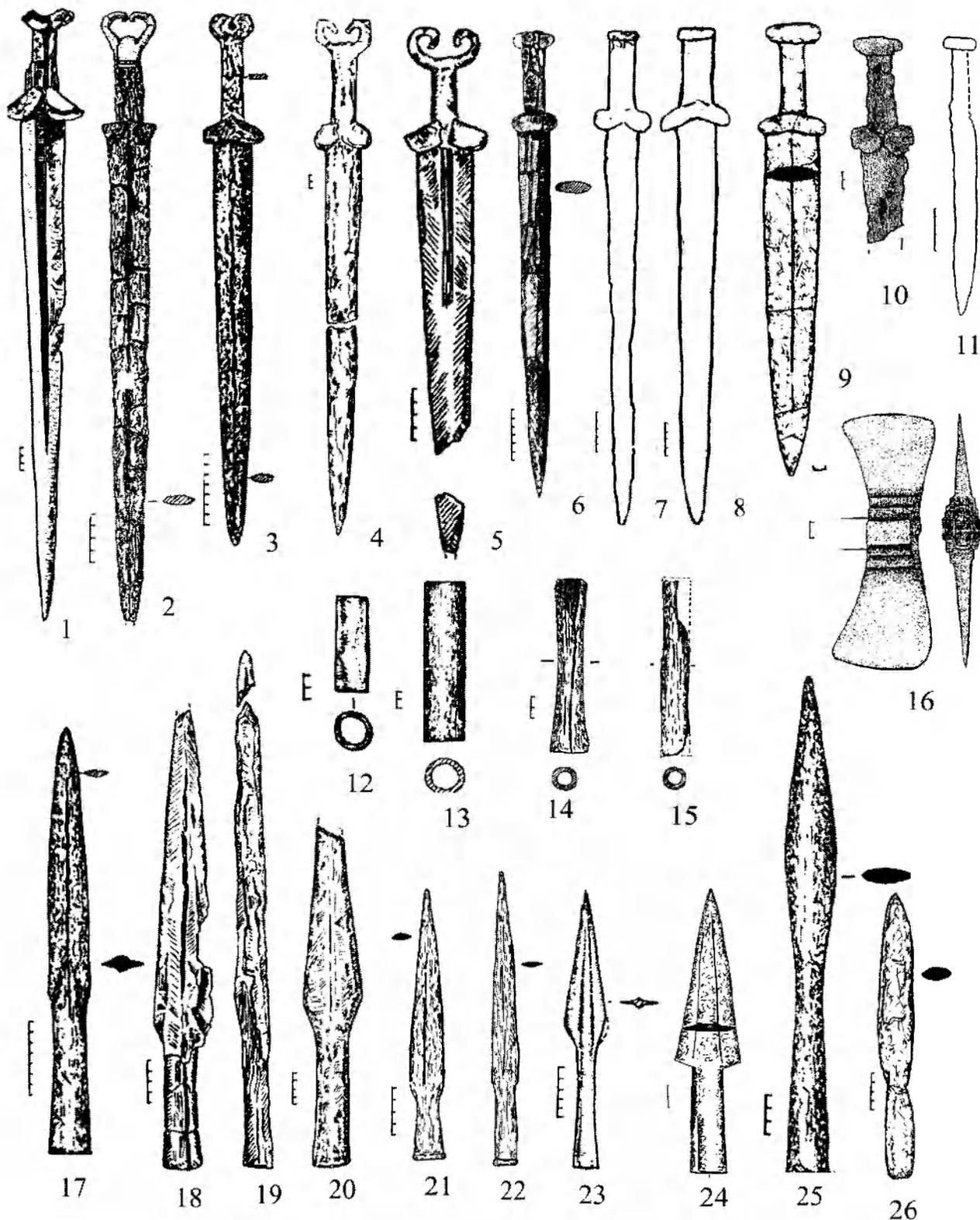

Рис. 101. Оружие. 1 – Суворовское 16/9. 2 – Рылеевка 4/2. 3 – Рылеевка 2/2. 4 – Григорьевка 9/1. 5 – Григорьевка 5/9. 6 – Владимировка. 7 – Межводное 8/1. 8 – Межводное 9/4. 9 – Дальнее 8/1. 10 – Крыловка 8/4. 11 – Водопойное 9/1. 12 – Суворовское 13/1. 13, – Рылеевка 2/2. 15 – Рылеевка 1/1. 16 – Рылеевка 2/2. 17 – Рылеевка 2/2. 18, 19 – Григорьевка 5/9. 20 – Виноградово 13В/2. 21, 22 – Красноярское 9/1. 23 – Суворовское 13/1. 24 – Наумовка 6/2. 25 – Рылеевка 1/1. 26 – Красноярское 8/2.

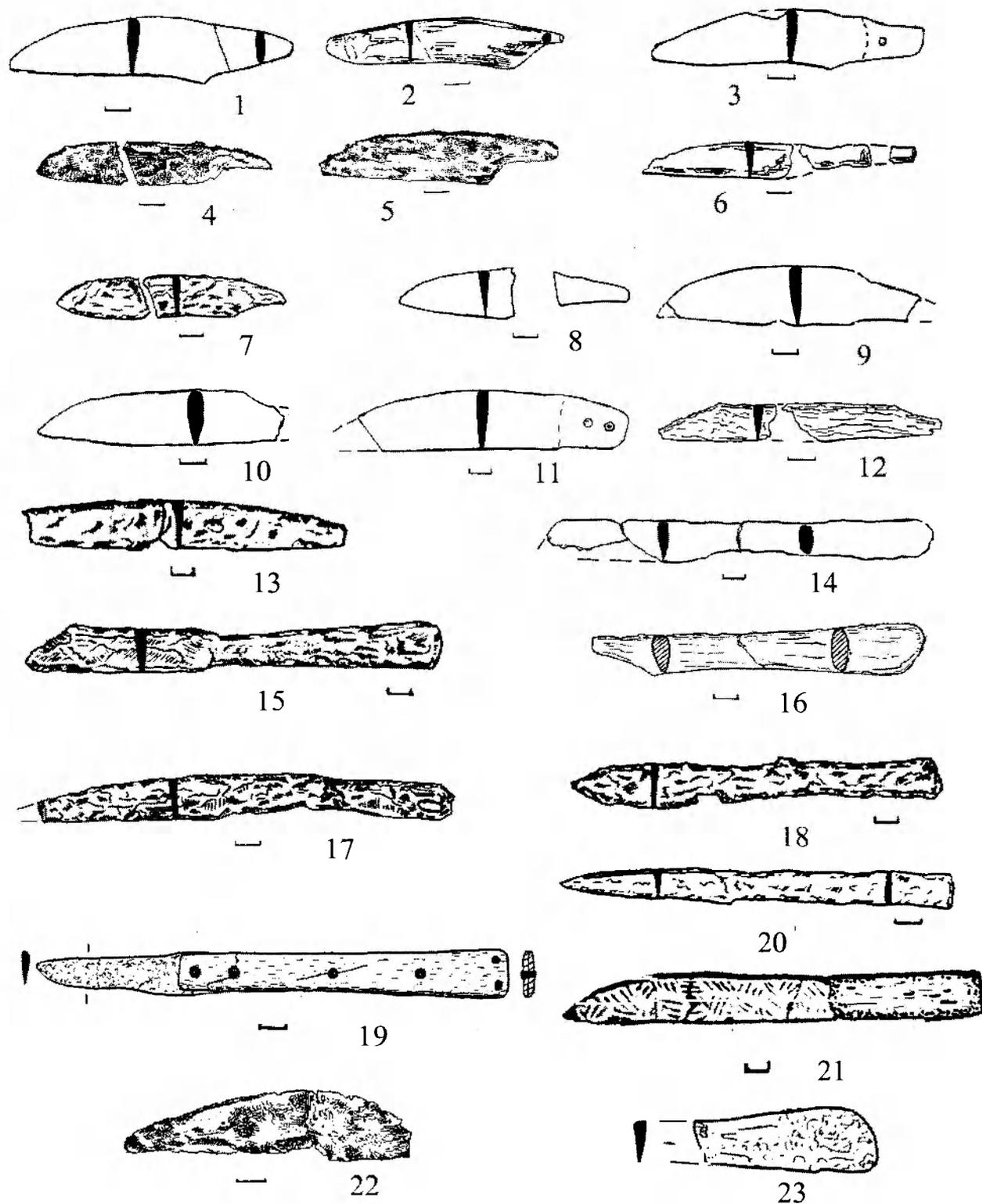

Рис. 102. Ножи. 1 – Братское 7/6. 2 – Красноярское 8/2. 3 – Братское 10/2. 4 – Суворовское 6/1. 7 – Суворовское 9/1. 8 – Солдатово – Шалаша 4/6. 9 – Братское 7/5. 10 – Гришино 2. 11 – Братское 10/3. 12 – Наумовка 2/3. 13 – Виноградово 13В/2. 14 – Межводное 8/1. 15 – Григорьевка 5/9. 16 – Наумовка 6/3. 17 – Григорьевка 5/12. 18 – Суворовское 16/9. 19 – Солдатово – Шалаша 7/2. 20 – Наташино 15/2. 21 – Далекое 7/1. 22 – Суворовское 7/3. 23 – Солдатово – Шалаша 6/2.

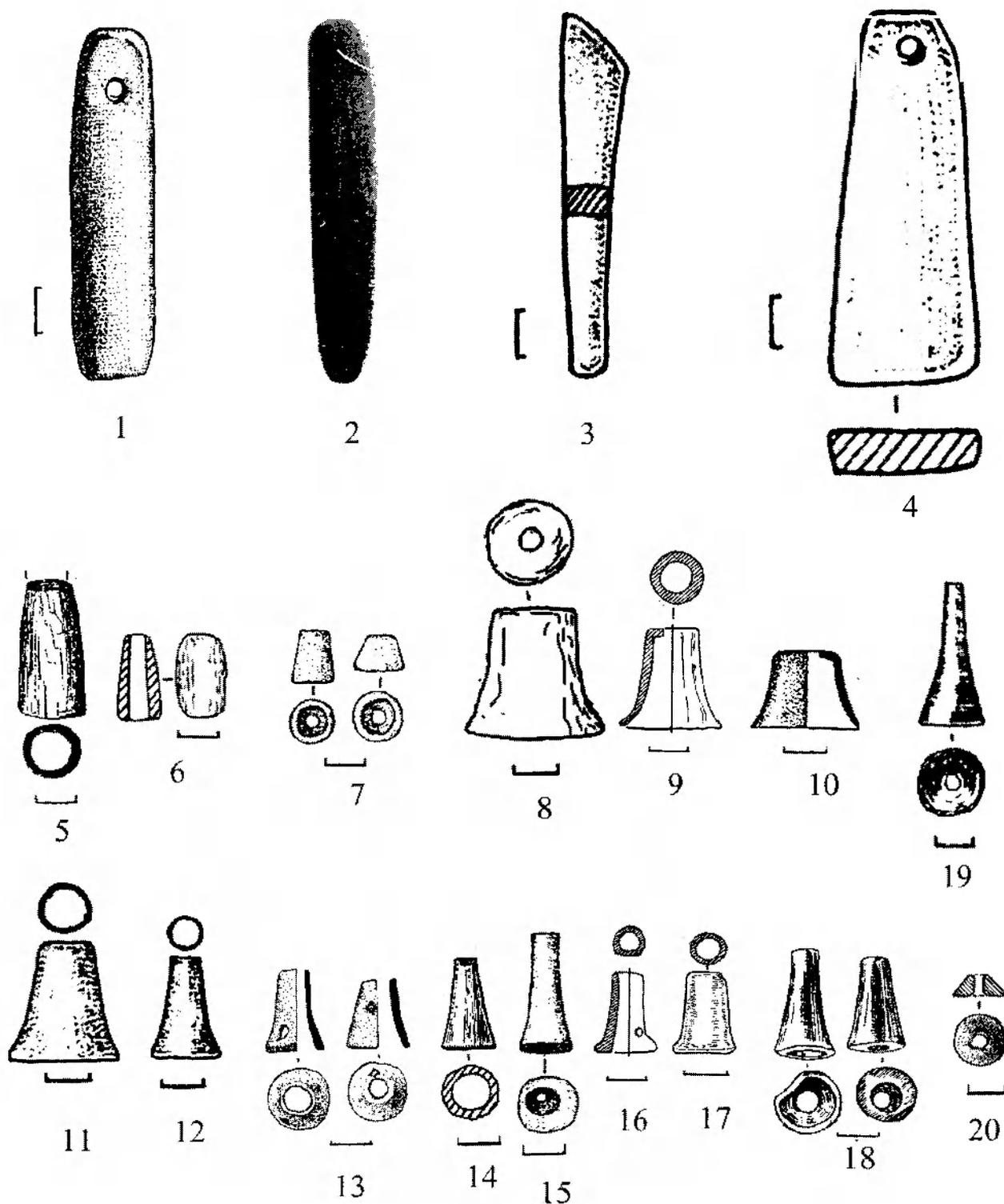

Рис. 103. Оселки. 1 – Владимировка 2/13. 2 – Водопойное 9/1. 3 – Суворовское 16/9. 4 – Суворовское 9/1. Ворворки. 5 – Рылеевка 2/2. 6 – ур. Снежное. 7 – Рылеевка 1/1. 8 – Межводное 8/1. 9 – Наумовка 2/3. 10 – Рылеевка 2/2. 11, 12 – Суворовское 16/9. 13 – Суворовское 6/1. 14 – Колоски 7/3. 15 – Рылеевка 4/2. 16 – Наумовка 2/3. 17 – Наумовка 6/2. 18 – Григорьевка 5/9. 19 – Григорьевка 9/1. 20 – Колоски 5/3.

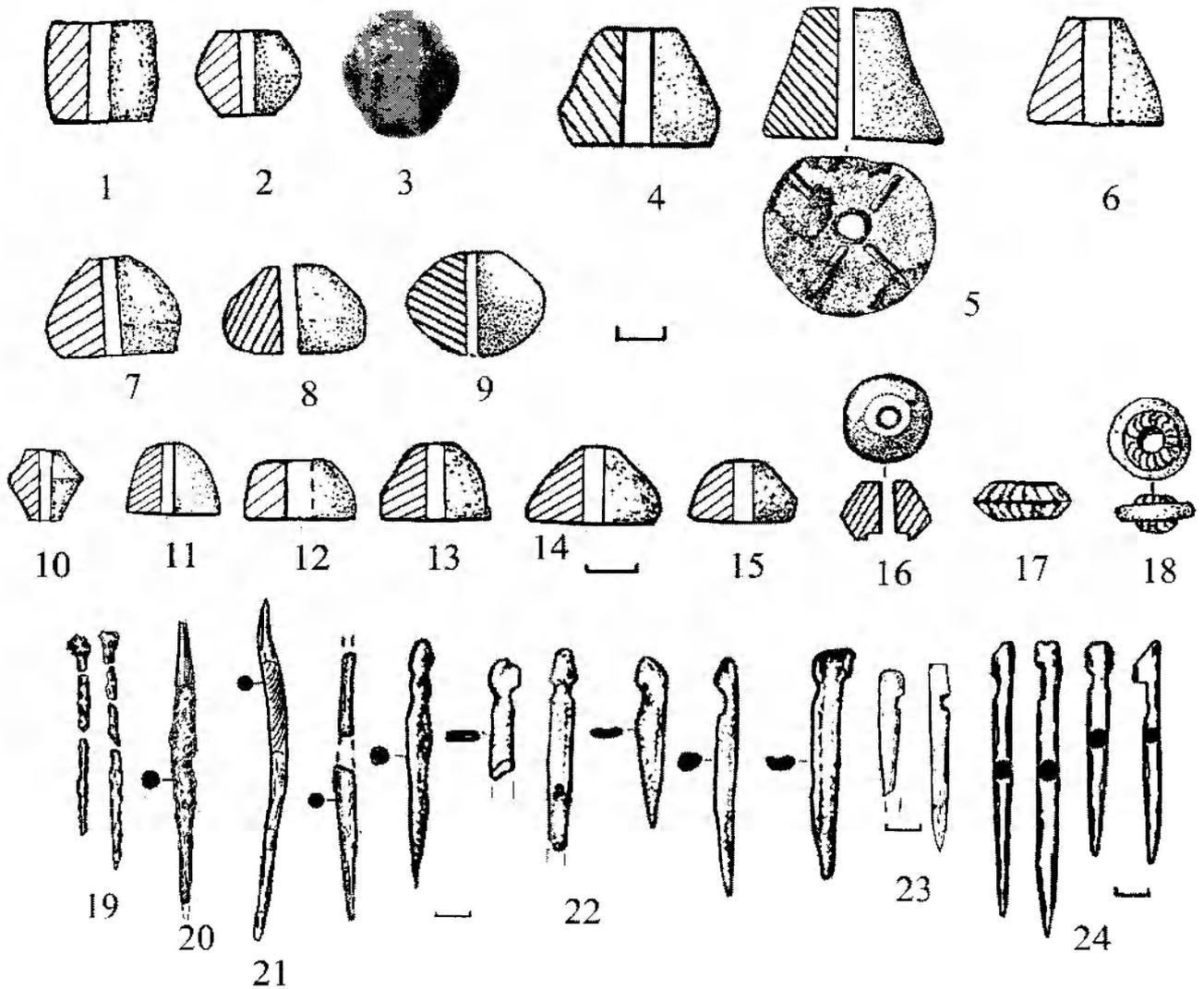

Рис. 104. Пряслица. 1 – Братское 7/6. 2 – Братское 7/5. 3 – Григорьевка 1/1. 4 – Наташино к. 13. 5 – Суворовское 3/2. 6 – Братское 16/2. 7 – Братское 10/1. 8 – Григорьевка 5/5. 9 – Колоски 5/5. 10 – Братское 10/3. 11 – Межводное 9/1. 12 – Межводное 9/2. 13 – 15 – Наташино 18/5. 16 – Григорьевка 5/2. 17 – Колоски 5/5. 18 – Красноярское 8/2. Булавки, иглы и проколки. 19 – Григорьевка 5/5. 20 – Дальнее 6/3. 21 – Красноярское 8/2. 22 – Суворовское 12/2. 23 – Наташино к. 11. 24 – Григорьевка 9/1.

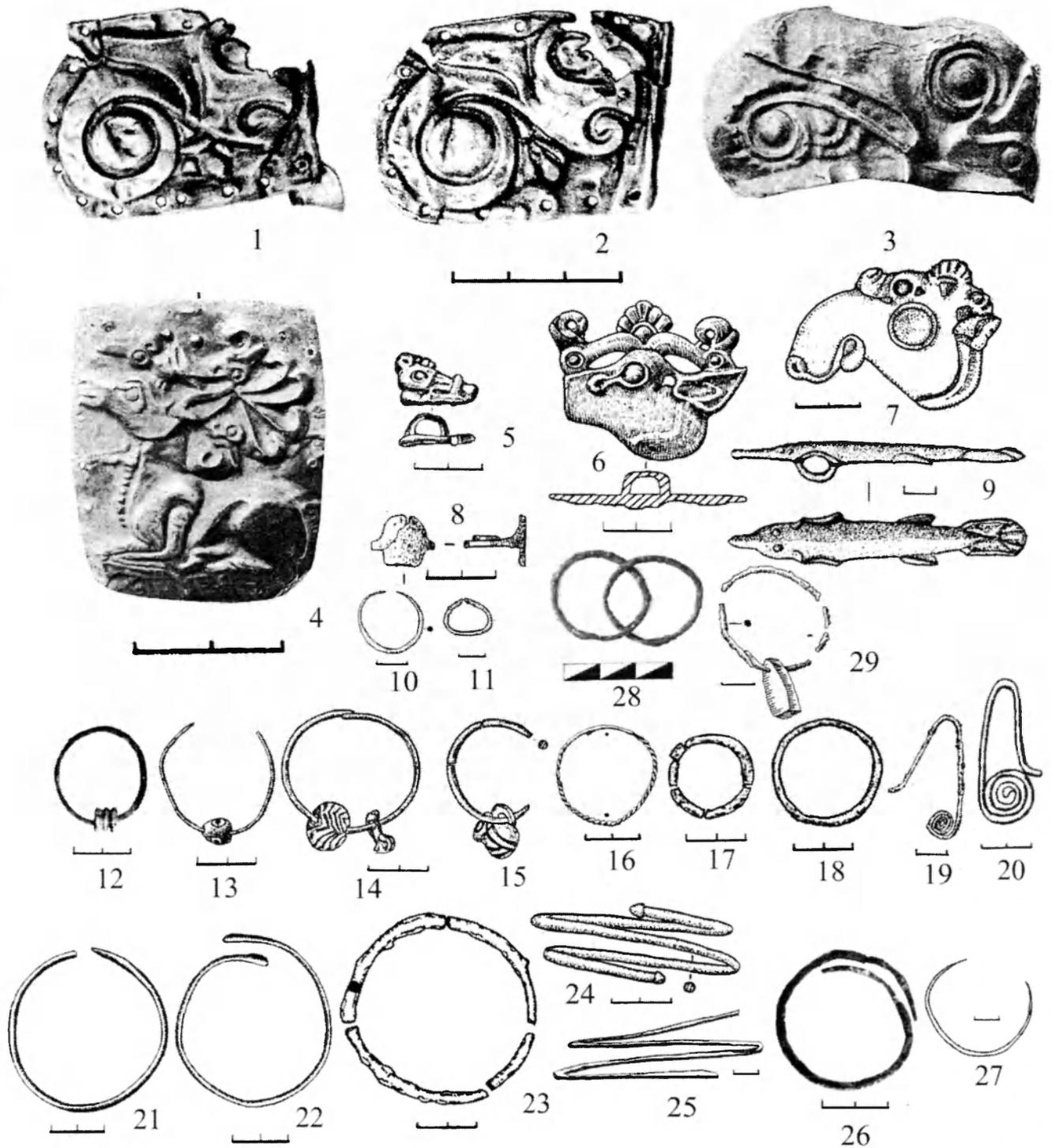

Рис. 105. Аппликации деревянных сосудов. 1, 2 – Разоренный Аиш I. 3, 4 – Карамеркетский (Акмечетского) курган. Бронзовые бляхи. 5 – Владимировка 2/13. 6 – Колоски к. 7. 7 – Карамеркетский курган. 9 – Рылеевка 4/2. Украшения. 8 – Колоски 5/3. 10 – Дальнее 5/3. 11 – Дальнее 4/3. 12 – Водопойное 6/2. 13 – Колоски 5/3. 14, 15 – Наташино 18/5. 16 – Суворовское 3/2. 17 – Межводное 9/6. 18 – Межводное 8/1. 19 – Дальнее 7/4. 20 – Григорьевка 5/12. 21 – Колоски 5/3. 22 – Колоски 5/5. 23 – Виноградово 13В/5. 24 – Наташино 18/5. 25 – Братское 8/2. 26 – Водопойное 6/2. 27 – Братское 14/2. 28 – Григорьевка 20/1. 29 – Григорьевка к. 18.

Оргізатор-макет
ТОВ «РА «Ваші імідж»

Технічний редактор:
А. Д. Арамов

Відповідальний редактор:
А. В. Колесник

Російською та англійською мовами

Археологічний альманах, № 27

(поховальні пам'ятки)

СКІФИ ПІВНІЧНО-ЗАХІДНОГО КРИМУ В VII – IV ст. до н.е.

С. Г. Колтухов

Наукове видання

Підписано до друку 14.12.2011.
Формат 60x84/8. Папір офсетний
Друк цифровий. Гарнітура Times.
Ум. друк. арк. 31,49. Обл. вид. арк. 32,47. Тираж 300 прим. Зам. № 590.
Державне підприємство «Орлена «Знак пошани» всеукраїнське державне
газетопрофільне видавництво «Донбас».
Свідчення про внесення до Державного реєстру суб'єкта видавничої справи
ДК № 728 від 19.12.2001.
Виготовлено ФОП Малихіна І. Б.,
за участю ТОВ «РА «Ваш імідж»
Свідчення про внесення до Державного реєстру видавців, виготовників
і розповсюджувачів видавничої продукції ЛП № 135 від 09.02.2008.